

Л.Р.Кызласов

ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ СРЕДИННОЙ И СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Л.Р.Кызласов
ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
СРЕДИННОЙ И СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Кызласов Леонид Романович — доктор исторических наук, профессор МГУ, академик РАН, лауреат многих научных и государственных премий, крупный археолог и историк-сибиревед, знаток древностей Центральной и Средней Азии. Его многолетними экспедициями открыты и изучены сотни памятников местных культур, перевернувшие былые представления об уровне развития востока Евразии. Особым вкладом Л.Р. Кызласова в востоковедение стало воссоздание этногенеза и средневековой истории Южной Сибири, изучение Древнехакасского государства, недавнее открытие сибирского манихейства и его храмов.

ISBN 5-02-018532-9

9 795020 185325

Л.Р.Кызласов

ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ СРЕДИННОЙ И СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Л.Р.Кызласов

ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ СРЕДИННОЙ И СЕВЕРНОЙ АЗИИ

*Исторические
и археологические
исследования*

ГУК РХ "Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова"

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2006

Редактор издательства *Л.С. Ефимова*

Кызласов Л.Р.

К97 Городская цивилизация Срединной и Северной Азии : исторические и археологические исследования / Л.Р. Кызласов. — М. : Вост. лит., 2006. — 360 с. : ил. — ISBN 5-02-018532-9

В книге анализируются известия о древних сибирских городах, содержащиеся в античных и средневековых восточных источниках, в записках западноевропейских и русских путешественников и исследователей XII–XVII вв., в исторической науке XVIII–XX вв. Рассматриваются материалы археологических исследований первогородов Сибири бронзового и раннего железного века, гуннских городов, тюрко-согдийского города Суяб — столицы Западнотюркского каганата. На этой обширной документальной основе автор создаст генеральную схему развития городской культуры Срединной и Северной Азии.

ББК 63.4

Научное издание

Кызласов Леонид Романович

Городская цивилизация Срединной и Северной Азии

Исторические и археологические исследования

Художник *Э.Л. Эрман*. Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *В.И. Мартынюк*. Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

Подписано к печати 18.12.06. Формат 70×100^{1/16}. Печать офсетная

Усл. п. л. 29,0. Усл. кр.-отт. 29,7. Уч.-изд. л. 33,6

Тираж 500 экз. Изд. № 8239. Зак. № 5103

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

www.vostlit.ru

ППП «Типография «Наука»

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018532-9

9 795020 185325

ISBN 5-02-018532-9

© Кызласов Л.Р., 2006
© Оформление. Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2006

Республика Хакасия преподнесла мне к 80-летию юбилею
неожиданный дар — средства на издание этой книги.

С благодарностью принимая его, я особо отмечаю
доброе желание и содействие, выраженные
Председателем Правительства республики
Алексеем Ивановичем Лебедем

Предисловие

Московская археологическая школа, к которой я принадлежу как в сфере университетского образования, так и в исследовательском плане, быть может, яснее прочего проявляется в изучении Азии. Крупнейшим представителем этого направления — профессором Сергеем Владимировичем Киселевым, основным моим наставником в постижении основ нашей науки (и в аудиториях и на страницах его изданий), любые виды древностей, а затем и исторические процессы глубоко исследовались от неолитической поры до конца средневековья на широчайших пространствах всего Старого Света. Тот же взгляд на прошлое был воспринят и мною, сменившим своего учителя на кафедре археологии МГУ с осеннего семестра 1952 г. Этого требовали от меня и традиционные учебные планы кафедры, поскольку широту подхода к источникам кафедра формировала не только у своих студентов, но и у преподавателей.

Воссоздание древней и средневековой истории коренных народов Южной Сибири (хакасов, алтайцев, шорцев, тувинцев и др.), столь успешно начатое в нашей стране С.В. Киселевым, потребовало не только дальнейшего расширения, но и углубления археологических и исторических изысканий, а само существо все более проясняемых исторических процессов — включения в область непосредственных наших исследований обширной зоны Средней и Центральной Азии.

Среди многих своих трудов — как полевых, так и кабинетных — наиболее значимым я считаю выявление до того почти неведомой истории двух братских сибирских народов, объединенных величественным Енисеем: хакасов и тувинцев. Вполне понятно, что изыскания в этой области привели к прояснению многих вопросов этнической судьбы и других коренных народов Южной Сибири, прежде всего тех, кто населяет Саяно-Алтайское нагорье.

Однако политическая история, столь сложная для археологического постижения, не всегда способна раскрыть те общественные пружины, которые вызвали в прошлом и вызывают поныне те или иные крупномасштабные действия. Экономические сферы прошлого традиционно для нашей археологической науки занимают в ней весьма важное место, как, впрочем, и проблемы этногенеза народов Сибири — всей Северной Азии, — тесно связанные с наиболее общими процессами, происходившими в истории Евразийского материка.

Существует и третья важнейшая область познания прошлого. Я имею в виду постижение культурного уровня былых народов, ставших нашими предками. По ряду причин мировая наука развивалась так, что именно это широкое исследовательское поле оказалось наименее возделанным в истории Срединной и Северной Азии — той огромной и плодотворной земли, которая в наибольшей мере и составляет современную Россию. Между тем историку-востоковеду, пожалуй, яснее, чем другим историкам, очевидно, что в древности и в средние века в Сибири существовала и развивалась самобытная материковая цивилизация, несколько не отстававшая от иных континентальных центров исторической активности народов. Эти важные для пытливого ума заключения особенно наглядно и, можно сказать, вполне естественно формируются в системе Верхнего и Среднего Енисея на Хакасской и Тувинской земле, где величественные монументальные памятники далекого прошлого встречаются повсеместно и являются характерной частью местного пейзажа.

Избрав профессией поиск и изучение древностей, я рано осознал, что местная сибирская история не могла миновать важнейшей вехи цивилизационного развития любой части человечества — сложения стационарных поселений и городов. Скудость письменных источников побуждала и в этом положиться на археологические свидетельства. Встретить городские руины довелось уже в студенческие годы при раскопках в 1946 г. дворца гуннского наместника Ли Лина под современным Абаканом, а также в поисковых маршрутах 1946–1947 гг., пройденных в Хакасии и Туве в составе отряда, возглавляемого С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой. Летом 1948 г. довелось работать в степях и пустынях Центрального Казахстана, где изучалась величественная архитектура позднесредневековых мавзолеев-кумбезов. Для самостоятельных же раскопок первоначально мною был избран огромный мертвый город Ак-Бешим (древний Суяб на р. Чу в Киргизии), что позволило в 1953–1954 гг. в полной мере овладеть той частью археологической науки и полевой методики, которые направлены на постижение городской тематики в истории Азии. Последующая экспедиционная деятельность привела меня к открытию городов древних уйгуров, древних хакасов и древних монголов в тех южносибирских краях, которые до того считались исконно кочевыми.

Именно городскую тематику я избрал ныне для своей юбилейной книги.

Как уже понял читатель, для такого выбора есть вполне понятные личные причины. Нет сомнения в том, что полученные мною результаты научной работы имеют и большую общественную значимость, поскольку они коренным образом меняют представления о прошлом сибирских народов, способствуют восстановлению важнейшей исторической истины. Я уверен, что осознание подлинного культурного величия предков укрепит дух коренных народов Срединной и Северной Азии, а также облагородит помыслы истинно русских потомков сибиряков-челдонов и многоплеменных новых насельников Сибири — всех тех людей, которые считают Северную Азию своей родиной и в силу этого являются подлинными современными наследниками древней местной цивилизации и ее лучших достижений.

Вместе с тем следует осознать, что страницы этой книги содержат не популярное изложение достигнутого, а представляют собой научное исследование. Аргументированно восстанавливая подлинный ход истории Срединной и Северной Азии, весьма важно изменить взгляды ученых-специалистов, работающих

в археологической и исторической науках, о ходе истории обширных периодов всего Евразийского континента. Ведь именно им предстоит продолжить и углубить поиск основ культурных достижений прошлого.

Многие годы работая университетским профессором, я отбирал в эту книгу новые хорошо изученные материалы, не только способные развивать академическое направление науки, но и пригодные стать пособием для подготовки лекционных курсов и в не меньшей мере дающие разносторонний материал для специальных семинарских занятий — прежде всего в области комплексного исторического и, конечно же, археологического источниковедения.

Очерки, составившие первый раздел нашей книги, ранее выходили отдельными статьями в периодических изданиях (в «Вестнике МГУ») и сборниках Московского университета, а в 1992 г. составили книжку «Письменные известия о древних городах Сибири». Она вышла в качестве спецкурса — учебного пособия МГУ и в свободную продажу почти не поступала. Хотя вполне понятно, что материалы такого рода при систематической и целенаправленной работе всегда могут быть чем-то дополнены, издание спецкурса (тиражом 1000 экз.) представило первый в науке, доступный на русском языке, свод письменных известий по избранной теме. В нем впервые было обращено внимание читателей и на различные данные, сохранившиеся в традиционной культуре коренных сибирских народов — как в их языках, так и в устном народном творчестве. Эта тема также еще требует внимательного изучения специалистов.

Во второй части настоящей книги излагаются исследования археологических материалов. Впервые обнародованные в виде отдельных статей или разделов разных книг, эти наши изыскания, содержащие материальные свидетельства возникновения и развития в Северной и Средней Азии монументальной архитектуры и городской жизни, ныне осознанно сведены под одним переплетом. Собранные воедино, они способны создать новое, цельное представление не об отдельных памятниках и исторических периодах, как это было в их прежнем издании, но и о явлении в целом.

Накопленных археологических разработок оказалось столь много, что даже при избранном здесь сжатом изложении они не могут вместиться в одну книгу. Поэтому лежащие перед читателем страницы составляют лишь первый том. Его вторая, археологическая, часть ограничена как ранними памятниками, не только характеризующими зачатки и становление оседло-городского сибирского быта и основного своеобразия его форм, так и конкретными древностями, обосновывающими соответствующие разделы первой части книги, посвященной данным письменных источников.

Так, глава о первогородах Сибири раскрывает глубину и широту того исторического процесса, который в наиболее позднем его виде отмечен для манси и хантов русскими средневековыми письменными свидетельствами. Разделы о городах гуннов не только дополняют ранними китайскими сообщениями сводку западных и западноазиатских письменных источников, составившую первую часть тома, но и ярко демонстрируют связь особенностей урбанизма гуннов с их целенаправленной государственной политикой. Трудно выбрать другой более показательный пример соединения в официальной архитектуре ранних государств не неких национально замкнутых традиционных строительных канонов, а всевозможных достижений архитектурной мысли той эпохи, чем удивительный

дворец наместника Ли Лина. Его храмовая значимость порождает тему особой городской духовности, которая выводит за рамки внутрименовых святилищ материал, добытый на раннесредневековом городище Ак-Бешим. Там, в Семиречье, не только были получены монументальные свидетельства одновременного существования в многоэтничном столичном центре сразу нескольких мировых религий эпохи (буддизма, христианства, манихейства и зороастризма), но и впервые разработана тема сакрально осмысленного околородского пространства в истории Средней Азии.

Археологические материалы последующих периодов средневековья, полученные мною благодаря многолетним раскопкам городских и архитектурных памятников Уйгурского каганата, Древнехакасского и Древнемонгольского государств и их исторических потомков, особенно многочисленны и разнообразны. Они должны составить особый второй том задуманной книжной серии. Когда и с чьей помощью он увидит свет — не столь важно. По моему мнению, куда как более значимо, что он обязательно должен и может быть ныне составлен. Для разрешения этой новой задачи все необходимые объекты и данные о них отысканы и добыты, добротнo научно зафиксированы и сохранены, а значит, доступны любому подготовленному уму.

Разные позиции моих ранних работ требуют ныне дополнений. Однако это происходит не потому, что устаревают использованные в них материалы или установки, а по той причине, что эти мои работы в свое время оказались своевременным и действенным стимулом для исследований в означенном направлении. Они дали импульс многим другим археологам, в результате чего за прошедшие годы были получены новые детали и краски, дополняющие некогда воссозданную картину. По этой причине, особенно значимой для меня, считаю полезным и, может быть, даже необходимым переиздание прежних своих открытий в книге, доступной большему, чем ранее, числу подготовленных читателей.

В науке, как известно, индивидуальное творчество — лишь начальная предпосылка, а для разрешения любого серьезного вопроса требуется особая среда единомышленников и сотоварищей. Востоковедение, опирающееся на археологию, не в меньшей степени, чем иные отрасли знания, — коллективная наука. Цель этой книги — вызвать новые, еще более широкие исследования означенной важной и чрезвычайно увлекательной темы ради воссоздания подлинной истории материальной и духовной культуры огромной части Евразийского материка и, следовательно, всего нашего Отечества.

Часть I

ПИСЬМЕННЫЕ
ИЗВЕСТИЯ
О ДРЕВНИХ ГОРОДАХ
СИБИРИ

Развалины разрушенных городов в дикой Татарии заслуживают, чтоб их исследовали. Лежат они вдали от людей.

Н. Витсен, 1710 г.

Введение

В этой части книги приведены сведения о тех многочисленных древних городах Срединной и Северной Азии, упоминания о которых остались в мимолетных и скудных сообщениях письменных источников, в исторических преданиях сибирских аборигенных народов или в словарном составе их языков.

Во второй части книги пойдет рассказ и о городах безымянных, никем не упомянутых, как бы совершенно вычеркнутых из прошлой истории человечества. Благодаря счастью и удаче археологов, в результате длительных, многотрудных поисков и кропотливых долголетних раскопок они теперь воскресли для науки. Ныне важной темой археологии становится, таким образом, история древних и средневековых городов Срединной и Северной Азии, проблема зарождения городской цивилизации и ее роли в истории коренного населения. Открытия последних лет показали, что даже в Сибири почти повсеместно, за исключением, может быть, узкой полосы зоны тундры, в древности или с эпохи раннего средневековья существовали самобытные городские центры.

И все же «Древние города Сибири» — в науке тема неожиданная. Еще недавно историки и археологи и не предполагали искать древнесибирские города. В исторической науке господствовали традиционные, окостенелые представления о застойной архаичности и консервативности социально-экономических отношений у аборигенных народностей Сибири.

В первооснове этих взглядов лежит старая европоцентристская теория о «неисторических» народах, о «дикой Татарии». Ее приверженцы не сомневались, что на просторах Северной Азии испокон веков обитали полудикие люди. Обосновывалось мнение о том, что к востоку от Урала издревле жили лишь бродячие лесные охотники, рыболовы-рыбоседы и оленеводы, а также степные кочевники-скотоводы, не знавшие ни оседлости, ни земледелия. Эти племена так и не перешагнули якобы непроходимого для них порога между застойным первобытно-общинным строем и цивилизацией классового общества.

Такое мнение способствовало бытованию среди европоцентристских по своему воспитанию историков и литераторов столь же несправедливого, сколь и предвзятого представления о том, что государств с цивилизацией городского типа в Сибири в сущности и быть не могло. Поразительно, насколько живучей оказалась столь ошибочная традиция, искажавшая историческое прошлое огромного региона Северной Азии.

Историю Сибири принято было начинать со времени ее завоевания и русской колонизации в XVI–XVII вв., т.е. с постепенного присоединения этой огромной страны к Российскому государству. Известно, что в XVIII в., в первой «Истории Сибири», ее автор Г.Ф. Миллер «выразил свое отношение к сибирским народам, как „неисторическим“, обреченным вечно пребывать в состоянии оцепенения. Исходя из концепции Миллера, Сибирь получала свое историческое развитие и стала объектом истории лишь со времени русского продвижения и присоединения»¹. Этот взгляд прочно утвердился в русской историографии. Спустя почти сто лет, в 30-х годах XIX в. П.А. Словцов обосновывал тот же тезис: «История Сибири для нас выходит из пелён забвения не ранее, как по падении ханской чалмы с головы Кучумовой»². В результате ученые не занимались историей дорусской Сибири и она вплоть до советского времени оставалась неисследованной.

Первым эту заповедь нарушил профессор Иркутского университета В.И. Огородников, выпустивший в 1920 г. книгу «История дорусской Сибири»³. Но не историки, а, скорее, археологи, развеяли миф о «неисторических» народах, населявших древнюю и средневековую Сибирь. Благодаря их исследованиям аборигенное население Сибири и его история воистину вышли из пелён забвения. Мы имеем в виду широко известные работы С.А. Теплоухова, С.В. Киселева, М.П. Грязнова, С.И. Руденко, Г.П. Сосновского, М.М. Герасимова, А.П. Окладникова, Л.А. Евтюховой, В.П. Левашевой, В.И. Матющенко, М.Ф. Косарева, автора этой книги и др.

Из крупных историков только С.В. Бахрушин в 1928 г. заявил: «На первом месте тут стоит, конечно, изучение истории местного населения Сибири. Впервые став в равноправное положение с русскими и получив возможность свободно развивать свою национальную самобытность, народы Сибири с законным правом стремятся узнать свое прошлое, а та роль, которая предстоит им в будущем в сибирском строительстве, оправдывает это стремление»⁴.

Но в официальной советской историографии, не без влияния того же традиционного взгляда, продолжало иметь место принижение уровня социально-экономического развития аборигенных народов Сибири и пренебрежительное отношение к пройденному ими сложному историческому пути. В период подготовки первой, выпущенной в советское время пятитомной «Истории Сибири» об исконной застойности и неразвитости общественных отношений у коренных сибиряков много писал специалист по истории феодальной России, представитель академических кругов В.И. Шунков. В разных изданиях он постоянно выдвигал тезис: «...едва ли подлежит сомнению, что до конца XVI в. у большинства народов Сибири первобытнообщинный строй был еще господствующим».

Не затрудняя себя исследованием противоречивого исторического пути, пройденного предками аборигенного населения Сибири, начиная от архантропов и неандертальцев вплоть до русского завоевания в XVI–XVII вв., В.И. Шунков

¹ Мирзюев В.Г. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963. С. 148; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.–Л., 1937 (2-е изд.: М., 1999); т. II. М.–Л., 1941 (2-е изд.: М., 2000); т. III. М., 2005.

² Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. XX.

³ Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. I: История дорусской Сибири. Иркутск, 1920.

⁴ Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири // Научные труды. Т. 3, ч. 2. М., 1955. С. 258.

высказывался и более определенно. В одном из докладов им было заявлено: «...точнее было бы определить социальный строй Сибири накануне присоединения ее к России как господство родовых отношений в стадии их разложения, а для некоторых народностей в последней стадии разложения». Причину подобного искажения истории сибирских аборигенов можно вполне понять из следующих слов В.И. Шункова: «Понимание сравнительных итогов исторического развития народов Сибири и русского народа, а также выяснение причин замедленных темпов социально-экономических процессов у народов Сибири важны для исследования ее дальнейшей истории, в частности для правильной оценки присоединения этого края к России»⁵.

Вот она, эта «правильная оценка»: «Сибирь — неотъемлемая часть территории России, вовлеченная в общий с ней ход исторического процесса и уже с XVIII в. населенная преимущественно русскими. Русь феодальная определила пути развития феодализма в Сибири; рост русского капитализма означал вовлечение сибирского края в капиталистические отношения; победа Великой Октябрьской социалистической революции в России была также победой революции в Сибири. Отнесение Сибири к великорусским районам свидетельствует не только о принадлежности этого края к России, но и о его русском характере»⁶.

При такой концепции не нужны ни коренные народы Сибири, ни их история — все затмила история России и русского народа. Эта, с позволения сказать, «научная методология» изучения многонациональной державы, со спекулятивными отсылками к «благоприятным итогам» исторического процесса, что было характерно для историков сталинского периода, отразилась в полной мере в многотомной «Истории Сибири». Одним из главных редакторов издания и редактором тома «Сибирь в составе феодальной России» являлся В.И. Шунков⁷.

Поражает степень безнравственности некоторых авторов сего «ученого» труда. В агрессии (это в XVII веке!) ими были обвинены не царские воеводы и воинские люди, завоевывавшие и грабившие коренные земли сибирских народов, а, напротив, местные «киргизские и бурятские князцы». Как раз те самые, которые в упорной борьбе защищали собственные земли от завоевателей, не поддаваясь злой воле царских сатрапов⁸.

Один из соавторов того же труда, историограф Сибири В.Г. Мирзоев, в 1970 г. писал, что русские люди, начав колонизацию «одной из величайших стран, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю...», застали в ней «тяжелый, нередко губительный климат, неизмеримые пустынные пространства, редкое первобытное население»⁹! (курсив мой. — Л.К.).

Однако, к чести авторов из числа археологов и этнографов (и редактора тома «Древняя Сибирь» А.П. Окладникова), отметим, что первый том «Истории Сибири» содержит главы, в которых излагается, хотя и не до конца последовательно,

⁵ Шунков В.И. Генезис феодальных отношений в Сибири // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 251–252; он же. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 225, 229, 252.

⁶ Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. С. 223–224.

⁷ История Сибири. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 9, 22, 25, 26 и сл.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 3.

история феодальных государств VI–XII вв. у средневековых тюркоязычных и тунгусоязычных народностей Сибири и Дальнего Востока¹⁰.

Необъективные мнения официальных историков накладывали отпечаток и на построения ученых смежных специальностей. Так, например, географ Л.А. Никольская, говоря о дорусской средневековой Сибири, не задумываясь пишет: «Сибирь в ту пору представляла собой экономическую пустыню...»¹¹.

Исследователи архитектуры, стараясь принизить значение вновь открытых в степях памятников монументального оседлого зодчества, придумали для них обезличивающий ярлык: «кочевая архитектура». Поразительно по изворотливости заключение В.Н. Ткачева: «Для кочевого феодализма, достигавшего в пульсирующем режиме своих подъемов и падений довольно развитых хозяйственных форм уже в предмонгольский период, мобильные и стационарные формы организации среды не противоречили друг другу и все вместе составляли кочевую архитектуру»¹².

К сожалению, вирус необъективности и тенденциозности в подходе к истории коренных народов Сибири поразил многих авторов, и едва ли следует продолжать здесь приводить тому примеры. Скажем только, что специалисты по истории русских городов Сибири конца XVI — XVIII в. до сих пор не стыдятся заявлять, «что в конкретно-историческом плане урбанизация Сибири в массе своей начинается с нуля, в стране, которая до прихода русских не знала таких форм поселений, как города»¹³.

Все, о чем говорилось выше, относится к разряду явных и нередко преднамеренных искажений, которые позволяли историкам упускать из сферы научных интересов многие бесспорные факты существования самобытных городов у коренного населения Сибири. По этой причине никто в отечественной науке не избирал до нас для исследования тему настоящего труда.

Но на соседних с Сибирью территориях работы такого рода производились уже давно. Еще в 1947–1957 гг. С.В. Киселевым было положено начало выявлению древних городов Центральной Азии¹⁴. В 1965 г. вышел обобщающий труд «Древнемонгольские города», созданный коллективом авторов: С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой, Л.Р. Кызласовым, Н.Я. Мерпертом и В.П. Левашевой. В 1950 г. опубликована обзорная работа А.Х. Маргулана, посвященная древним городам Казахстана, к сожалению, преимущественно лишь южных его районов¹⁵. Новые сведения о городах кимаков на Иртыше и в Восточном Казахстане собрал Б.Е. Кумекон¹⁶. Позже вышла в свет обобщающая монография

¹⁰ История Сибири. Т. I: Древняя Сибирь. Л., 1968. С. 266–352.

¹¹ Никольская Л.А. Хакасия: экономико-географический очерк. Красноярск, 1968. С. 63.

¹² Ткачев В.Н. Архитектура Китая и его северных соседей-кочевников в эпоху феодализма: проблема культурного взаимодействия // 14-я научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1983. С. 44.

¹³ Резун Д.Я. Урбанизация и история Сибири конца XVI — XVIII в. // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1989, вып. 3. С. 44.

¹⁴ Киселев С.В. Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947; он же. Древние города Монголии // СА. 1957, № 2.

¹⁵ Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. А.-А., 1950.

¹⁶ Кумекон Б.Е. Города кимаков // Вестник АН Казахской ССР. 1969, № 1; он же. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. А.-А., 1972.

В.Л. Егорова¹⁷. Этим трудом был подведен итог многолетнему выявлению полного списка монгольских городов, существовавших в XIII–XIV вв. в Причерноморье, на Северном Кавказе, в Поволжье и (лишь в небольшой части) в Сибири.

Таковыми еще недавно были основные успехи изучения древних городов в обширных областях, прилегающих к Сибири, причем в географическое понятие последней всегда входила и северная полоса Казахских степей, с которыми смыкается на юге Западно-Сибирская равнина, а на востоке — Саяно-Алтайская горная страна.

В Сибири исторические и археологические поиски городищ дорусского населения начались еще во времена Г.Ф. Миллера, но особенно интенсивно они велись с конца XIX в. Сообщения русских источников о древних и средневековых городах Сибири за период с XII до XVIII в. предварительно уже были обобщены в моих статьях¹⁸. Подробнее они изложены в соответствующем разделе этой книги.

Что касается археологических раскопок городищ, относящихся к бронзовому, раннему железному веку и средневековому периоду, то даже для простого перечисления их понадобилось бы слишком много места. Материалы этих довольно многочисленных раскопок в большинстве своем не только еще не изданы, но даже в достаточной степени не обработаны. В обобщающих трудах им уделено мало внимания¹⁹, а специальное тематическое изучение выявленных памятников и их историческая оценка — это дело будущего.

Все же нельзя не отметить опыты предварительных обобщений полученных данных. Речь идет прежде всего об исследованных остатках городов Сибирского юрта, среди которых выделялся Искер или Кашлык (1400–1582)²⁰, о разновременных городищах в долине среднего и верхнего течения Оби²¹, в Прибайкалье²², в Забайкалье и Туве²³. Однако о работе в двух последних регионах необходимо рассказать подробнее.

Дело не только в том, что на этих территориях древние и средневековые города оказались лучше всего изученными, но и в том, что именно здесь у исследователей впервые возникла мысль о разработке темы «Древние и средневековые

¹⁷ Егорова В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

¹⁸ Кыласов Л.Р. Сообщения русских источников о древних и средневековых городах Сибири // Русский город. Исследования и материалы. Вып. 8. М., 1986; он же. Загадка Грустины и Серпонова — торговых городов средневековой Сибири // ВМУ. Серия 8. История. 1995, № 1 (ср.: Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1997. Vol. 87); он же. Первогорода древней Сибири // ВМУ. Серия 8. История. 1999. № 3.

¹⁹ Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Татищев И.А. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. М., 1953; Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984; он же. Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988; Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

²⁰ Писантти В.Н. Искер // Ежегодник Тобольского музея, вып. 25. Тобольск, 1915; Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. Т. XIII. М., 1950; Зыков А.П. Раскопки городища Искер // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

²¹ Тропцкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980; Уманский А.П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ-«кокуев» // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1972 (Научные труды Новосибирского ГПИ, вып. 38).

²² Рыдылов Э.Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // СА. Т. XXII. М., 1955.

²³ Кыласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА. 1959, № 3.

города Южной Сибири», которая естественным образом должна была перерасти в тему «Древние города Сибири»²⁴.

В 1956–1962 гг. мною предприняты первые раскопки ряда городищ на территории Тувы. Были выявлены города двух хронологических этапов: крепости периода Уйгурского каганата VIII–IX вв. (17 прямоугольных и квадратных городов с глинобитными стенами, два глинобитных бастиона)²⁵ и шесть древнемонгольских городов XIII–XIV вв.²⁶. В 1957 и 1959 гг. С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой были произведены раскопки двух древнемонгольских городов в Восточном Забайкалье — городищ Хирхира и Кондуй²⁷. В 1959 и 1971 гг. мною были открыты древние и средневековые города Хакасии²⁸, исследования которых мы с И.Л. Кызласовым начали в 1972 г. и продолжали (с некоторыми перерывами) до 1989 г.²⁹. В то же время разворачивалось изучение горных каменных крепостей-убежищ Хакасии, начатое еще в 1958 г.³⁰.

В 1959, 1983, 1988, 1991 гг. нами также раскапывались Знаменское и Троицкие кольцевые городища-крепости (с глубокими рвами и стенами, сложенными из сырцовых кирпичей), расположенные на правом берегу рек Ерба и Тесь в Хакасии и относящиеся к периоду нашествия центральноазиатских гуннов (II–I вв. до н.э.)³¹. Собственно гуннские города, существовавшие также в досредневековом периоде, рассматриваются во второй части настоящей книги.

²⁴ Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы; Киселев С.В., Евтюхова Л.А., Кызласов Л.Р. и др. Древнемонгольские города. М., 1965; Кызласов Л.Р. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. А.-А., 1987; он же. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. А.-А., 1989.

²⁵ Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы; Кызласов И.Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // СА. 1979, № 3, рис. 4; Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур VIII–IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

²⁶ Киселев С.В., Евтюхова Л.А., Кызласов Л.Р. и др. Древнемонгольские города; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 56–63, 138–170; он же. Городище Оймак на Улуг-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

²⁷ Киселев С.В., Евтюхова Л.А., Кызласов Л.Р. и др. Древнемонгольские города.

²⁸ Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года // Уч. зап. ХНИИЯЛИ. 1963, вып. 9; он же. Каменные «старушки» Хакасии // АО-71. М., 1972. С. 296.

²⁹ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Исследования на территории Хакасии // АО-72. М., 1973; они же. Раскопки средневекового здания в Хакасии // АО-73. М., 1974; они же. Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов // АО-74. М., 1975; они же. Раскопки средневекового замка в Хакасии // АО-75. М., 1976; они же. Исследование замка в дельте Уйбата // АО-76. М., 1977; они же. Святилище Уйбатского города // АО-77. М., 1978; они же. Изучение древнехакасских крепостей и замков // АО-78. М., 1979; они же. Раскопки колонного зала в Уйбатском городе // АО-79. М., 1980; они же. Работы в средневековом Уйбатском городе // АО-80. М., 1981; они же. Завершение раскопок монументальных зданий Уйбатского города // АО-81. М., 1983; Кызласов Л.Р. Средневековые архитектурные сооружения Хакасии // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов. Ч. 3. Киев, 1975.

³⁰ Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года; он же. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. // Уч. зап. ХНИИЯЛИ. 1960, вып. 8; он же. Древние крепости Хакасии // АО-68. М., 1969; Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Работы в Северной Хакасии // АО-84. М., 1986.

³¹ Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года; Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новые материалы о происхождении культуры чаатас // АО-83. М., 1985; они же. Ранние свидетельства кирпичного строительства в Южной Сибири // Палеоэтнология Сибири. Тезисы докладов. Иркутск, 1990.

Любая проблема должна быть рассмотрена со всех возможных точек зрения для выявления и установления истины, хотя бы и приближенной. Поэтому параллельно с полевыми исследованиями южносибирских абортгенных городов происходили поиски, сборы и изучение письменных сообщений разноязычных авторов, сборы этнографических, фольклорных и языковых данных у коренных народов Сибири о древних и средневековых городах³². Эта часть настоящей книги, представляющая собой собрание сведений, извлеченных из письменных источников, предваряет вторую часть труда на ту же тему, которая целиком основана на археологических источниках.

Сведения о городах аборигенного населения дорусской Сибири должны быть не только возможно более полно выявлены, но и комплексно исследованы. Изучение древних городов, этапов их возникновения и развития, причин и смысла их существования, географической локализации и других важных историко-бытовых особенностей позволит приблизить время воссоздания подлинной, неискаженной истории населения Сибири с древнейших времен и до наших дней.

Настоящее исследование сложилось на основе специальных курсов, читаемых автором в течение ряда лет студентам Исторического факультета Московского университета³³.

³² Кыласов Л.Р. Сообщения русских источников о древних и средневековых городах Сибири; он же. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху средневековья (2-е изд.: Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху средневековья. А.-А., 1989); он же. Восточные источники о средневековых городах Южной Сибири // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. Баку, 1985); он же. Античная традиция о благословенном городе в центре Азии // Археология Средней Азии. Тезисы докладов. Таш., 1990; он же. О понятии «город» в древности и средневековье // ВМУ. Серия 8. История. 1991. № 4. С. 43–48 и др.

³³ Кыласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992.

О ПОНЯТИИ «ГОРОД» В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

На этих горах воссияет благодать
Божья, будет город Великий, и воз-
двигнет Бог много церквей.

Апостол Андрей
(«Повесть временных лет», XII в.)

Понятие «город» в истории человечества существовало с глубокой древности. Город — символ изоляции человека от природы и одновременно символ творческой активности человечества. Соответственно с символом существовал на разных языках и термин. Но смысл, содержание его были различными в каждую отдельную эпоху и у разных народов. Исследователи, при историческом подходе к явлениям, постоянно должны иметь в виду это условие, помогающее избежать невольной модернизации термина.

Материальное воплощение, как и социально-общественная, историко-культурная и философско-религиозная сущность понятия «город», изменялись в соответствии с конкретно-историческими условиями места и времени. Независимое зарождение городов восходит в Передней Азии, по-видимому, еще к неолитическому периоду (Иерихон, VII тыс. до н.э.), когда раннеземледельческие общины начинают окружать свои разросшиеся поселения каменными стенами с башнями. В эпоху энеолита и раннебронзового века (конец IV — начало III тыс. до н.э.) в Шумере и Египте уже существуют первые городские цивилизации и государства, возникшие в недрах рабовладельческого способа производства. В Индии и Китае окруженные стенами поселения и первые города также появляются довольно рано — в середине и второй половине III тыс. до н.э. и особенно широко распространяются в начале II тыс. до н.э., т.е. еще у земледельцев бронзового века.

Как известно, основными признаками классического раннеклассового общества на Древнем Востоке являются: наличие сложного хозяйственно-административного аппарата, несовместимого с родовым строем; зарождение письменности, возникшей из потребностей учета экономической деятельности населения; возникновение города как административно-ремесленного, религиозного и торгового центра; сооружение царских гробниц.

Г. Чайльд писал: «Термин *цивилизированный*, в соответствии с этимологией этого слова, применяется к людям, живущим в городах; и *город* должен не только обладать определенной величиной, но также служить местом сосредоточения, по крайней мере, значительного меньшинства людей, извлекающих средства к существованию не непосредственно из охоты, рыболовства или сельского хозяйства, а из ремесла, торговли и других занятий.

В археологии за критерий цивилизации удобно брать находки предметов с надписями, т.е. существование *письменности*. Варварские деревни и городки по занимаемой ими площади можно сравнивать с настоящими городами; они могли насчитывать значительное число жителей, среди которых, хотя и всегда в незначительном меньшинстве, имелись ремесленники — кузнецы, плотники и даже гончары; в их развалинах можно найти привозные материалы и изделия, которые, однако, за исключением оружия, редко служили непременным предметом обихода рядового горожанина. В решении вопроса о том, когда количественный рост населения и увеличение числа ремесленников и торговцев породили качественно новое образование — город, хорошим мерилom является письменность. (В моей книге „Человек создает себя“ я показываю, как в результате экономического развития письменность сделалась необходимой и что она, как правило, связана с заменой родовой основы общественной организации территориальной.)»¹. Впоследствии в науке утвердилось мнение, что для определения цивилизации особенно важны три основных признака — монументальная архитектура, города и письменность.

7605189
Неземледельческий характер населения таких городов очевиден. Без подвоза продуктов извне город погибал². Но устойчивый прибавочный продукт, получаемый от производящего высокоразвитого земледелия и скотоводства, при участии развитого ремесла и торговли, концентрировался и перераспределялся в городах. Порождением концентрации людей и прибавочного продукта в городе стал рынок. В городе обособлялись люди непроеизводственных профессий, шел процесс отделения умственного труда от физического, происходило ускоренное развитие знаний, культуры и идеологии. Города являлись центрами прогрессивного развития общественных институтов.

Великий арабский мыслитель Ибн Халдун (1332–1406) писал: «Знай, что науки, кои служат предметом изучения и обучения в *городах*, делятся на два вида: 1) естественные для человека, кои он приобретает умозрительным путем; 2) традиционные, кои он перенимает от того, кто положил им начало»³.

Несомненно, однако, что в многосложной и длительной культуре человечества феномен города многогранен и нередко имеет черты локального своеобразия. Например, традиционно считается, что для города обязательной особенностью является фортификация, но исторически известно, что при сильной военной мощи государства городские укрепления не сооружались. Такими, например, были города, строившиеся монголами в эпоху империи, и некоторые средневековые города Средней Азии.

У ранних городов, даже при обширной их площади, нередко не было регулярной планировки (например, в Месопотамии и др.). Многие города Средней Азии (особенно в Семиречье), имевшие цитадели (в которых размещались дворцы правителей), шахристаны — густо застроенные основные массивы жилищ (с узкими

¹ Чайльд Г. Прогресс и археология. М., 1949. С. 29–32; см. также: Город как социокультурное явление исторического процесса. Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1995.

² Гуляев В.И. Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя // СЭ. 1969, № 4; Белицкий А.М., Бенетович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

³ Ибн Халдун. Введение (фрагменты) // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1961. С. 622.

улочками, базарами, храмами, общественными сооружениями и мастерскими), рабады — городские предместья (заселенные ремесленниками, содержателями заезжих домов, где располагались храмы и кладбища), имели еще окруженные длинными стенами сельскохозяйственные округа с пашнями, садами, усадьбами и замками богатых землевладельцев. Последние содержали собственные дома и в городских центрах — шахристанах⁴. Иные ремесленники не порывали связи с земледелием. Такие же обнесенные стенами округа на Западе были, например, у городов Болгарского царства в Придунавье (Плиска, Преслав и др.), Поволжье.

Средневековые города, нередко окруженные величественными укреплениями, также не всегда и не всюду имели регулярную планировку с функциональным членением районов. Концентрация населения и капитала, многообразные здания, обязанные своим сооружением не только административным и культовым целям, но в значительной степени задачам развития ремесла и торговли, вели к увеличению площади городской застройки. Требования элементарной санитарии вызвали в городах развитие коммунального хозяйства — сооружение водопровода и канализации. Объекты монументальной архитектуры (дворцы, храмы, общественные здания, гробницы царей и знати) способствовали становлению не только архитектурного искусства, но и живописи, скульптуры и малой пластики.

Археологи при раскопках городов находят предметы собственности (печати, тамги, клады, деньги и т.п.), разнообразные вещи, относящиеся к предметам роскоши, культа (атрибуты святилищ и храмов), материальные показатели власти (стелы с надписями, скипетры, диадемы) и т.п. Встречаются и специфические остатки местных производств в виде разнообразных шлаков, бракованных и недоделанных изделий различного ремесла.

Очевидно, что город — многосложное явление в культуре человечества. Возникнув, он, в свою очередь, оказал огромное воздействие на выработку новых форм культурного развития людей, на изменение идеологии человеческих сообществ, обитавших на всех континентах нашей планеты. Какими же входили первые города в сознание древних людей?

Как известно, становление мифологического мышления древнего человека соотносится с особым периодом в истории культуры людей и в том числе в развитии искусства (архитектуры, живописи, скульптуры и т.п.). Исследователи подчеркивают, что этот период отражает более глубокое осознание человеком себя как особой части природы, отличной от других ее частей, и характеризуется антропоморфизацией сил природы в образном строе. Он формируется в условиях перехода к производящему хозяйству, когда воздействие человека на природу еще очень ограничено, но уже начинает проявляться.

Вспомним арабоязычного философа IX–X вв. ал-Фараби: «И город и дом нужно сравнить с телом человека»⁵. Идея подобной образности восходит к античности и к еще более ранним представлениям населения древнего мира. Филологи-классики отмечают, что в культуре Древней Греции «герои трагедии были некогда мифологическими воплощениями „городов“, а истории этих героев — историями разрушения и созидания городов... Участников трагедии слушают

⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

⁵ Григорьян С. Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII–XII вв. М., 1960.

города, земли, реки, воздух, светила: это указывает, что и „город“ занимал место среди стихий...»⁶.

В близком по своим исходным представлениям контексте следует, очевидно, понимать возникший в одной из древнейших книг человечества — в Библии, красочный аллегорический образ знаменитого города Вавилона в виде женщины — «великой блудницы»: «Жена же, которую ты видел, есть Великий город, царствующий над земными царями» (Откровение Иоанна Богослова, гл. 17: 18). Продолжение той же мысли мы находим в пророчестве Исайи: «И обращу руку Мою на тебя и очищу, как щелочью, твое нечистое серебро, и отделю все олово твое. И Я верну судей твоих, как прежде, и членов совета твоих, как раньше. После этого ты будешь назван городом справедливым, городом верным» (Исайя, 1: 25–26). Природа образа становится понятнее, если учесть, что в еврейском языке слово «город» женского рода и потому сравнение города с блудницей возможно⁷.

Неоднократно говорилось, что религия древних христиан впитывала в себя многое из мифологических представлений, выработанных человечеством в предшествующие эпохи. В раннем евангелии от Фомы изречено: «Иисус сказал: Город, построенный на высокой горе, укрепленный, не может пасть, и он не может быть тайным». Справедливо, что «истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах»⁸.

Восприятие города сближается с представлениями о жилище. Ученые давно уже обратили внимание, что у разных народов, в том числе и у славян, человеческое тело и жилище имеют общие названия для различных своих членов и частей: лоб, лицо, окно (око), усы, устье (уста), чело, ноги, зад. Жилище, таким образом, с древности уподобляется телу человека. Вспомним, что при трудных родах люди в старину непременно открывали дверь дома, а также ворота.

Знатоки мифологии и древних литератур поясняют: «...открыть ворота — значит родить, и ворота однозначны женскому рожающему органу. Материнская утроба при родах — открывающиеся небесные ворота, а пройти сквозь ворота, через дверь — значит спастись, родиться. Но такая семантика относится уже к земледельческому периоду. Ей предшествовала стадия, когда городские ворота (ограда, межа, камень, всякая граница) осмыслились как ворота небесные... солнце, восходя утренней зарей, рождалось заново, входило в ворота города снизу вверх, как бы на гору, покидая темную преисподнюю и вступая в небесный город, наверх на небо (отсюда образ „небесного Иерусалима“). Этот вход солнечного божества в небесный город означал спасение города, избавление его от врагов мрака, от смерти и стал предметом обряда... въезжало само солнце, которое в пышной процессии следовало по городу и направлялось в свой храм... а сам храм является при этом жилищем бога, тем местом, где он пребывает, т.е. небом... Въезд в город (в свое жилище — храм) есть метафора выхода из смерти...»¹⁰.

⁶ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 361.

⁷ Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987. С. 48.

⁸ Евангелие от Фомы, 37; Евангелие от Филиппа, 67 // Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 254 и 284.

⁹ Байбури А.К. «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 159.

¹⁰ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. С. 497, 498, 524.

Итак, в ранних представлениях человека огороженное поселение или город обретали антропоморфные формы, или принимали образы стихийных явлений природы, или же воспринимались как космические тела и символы вселенной (небесный город как обитель солнечного божества или же его антипод — город мертвых в потустороннем мире). Космос всегда противостоял хаосу. В представлении многих народов их миры оконтуривали цепи священных гор¹¹. «Городские стены, построенные по квадрату, ориентированному по сторонам света, также ассоциировались с границами мира, понимаемого как совокупность городских построек и населения»¹². Поэтому стены городов, городских округ и длинные стены оазисов, отделяющие «наш мир», символизировали собою горы. Великая стена (Да чэн) отгораживала от хаотического пространства, заполненного «варварами», организованный мир китайцев — «Срединное государство» (Чжун го) в «Поднебесной вселенной» (Тянь ся). Для мусульман такой же оградой от страшных полчищ йаджуджей и маджуджей были длинные стены, якобы сооруженные по горам где-то на севере Александром Македонским. Существовало представление, что когда рухнут эти стены, то настанет конец мира, ибо вырвавшиеся на простор потусторонние злые и бессмысленные существа уничтожат мыслящее человечество. Хаос победит космос.

В русском крестьянском быту, как известно, понятие «мир» означало общину; «наш мир» — деревню, поля которой огорожены поскотиной; «их мир» — «чужой мир» — это или соседняя деревня, или нередко огороженный укреплениями город (отсюда, например, Миргород); под выражением «мир посмотреть» понималась полная опасностей поездка в уездный городок; сказочный «чужой мир» — известный «град на острове Буяне» и т.п. Ясно, что здесь «мир» или «город» — это и есть «вся вселенная» (ср. слова русской народной песни «Всю-то я вселенную объехал...»). Несомненно, речь идет о модели вселенной в представлении народа-земледельца.

Когда в средние века русские люди говорили: «Великий город» (будь то «Великий город Киев», или «Великий Новгород», «Великий город Булгар», «Великий город» в верховьях Оби и т.д.), то они имели в виду отнюдь не размеры и не степень политического и административного могущества этого города в какой-то земле. Великим назывался в народе тот город, который, как мыслимая «модель мира», достигал с «Божьей помощью», в глазах народа тождества с Великой Вселенной. Это, было, следовательно, некое вселенское святое величие.

Ибо в предании о возникновении Киева, записанном в «Повести временных лет» (XII в.), сказано: апостол Андрей «пошел вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: „Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божья, будет город Великий, и воздвигнет Бог много церквей“»¹³. В том же источнике величие Киева подтверждено еще раз: «В лето 1037. Заложил Ярослав город Великий, у того же города Золотые ворота; заложил же и церковь святой Софии, митрополию и затем церковь на Золотых воротах — святой Богородицы Благо-

¹¹ Ср.: Кызласов И.Л. Воплощения Вселенной (Археологические памятники как объект палеоастрономии) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI. Минувшее, современность, прогнозы. XXI в. М., 1989.

¹² Там же. С. 209.

¹³ Рассказы Начальной русской летописи / Подг. изд. Т. Михельсон и Д. Лихачев. М., 1966. С. 27.

вещенья, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины»¹⁴. Андрей Первозванный по житийным сказаниям ходил и в Великий Новгород, в котором также был сооружен Софийский собор.

Нельзя не видеть в этих воззрениях древних русских людей связи со Священным Писанием. Вот пример: «И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне Великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога» (Откровение Иоанна Богослова, 21: 10). Очевидно, что Великим в глазах народа являлся тот город, который был создан самим Богом и затем дарован им людям.

Город, окруженный стенами и рвами, в первоначальном семантическом смысле воспринимался его строителями и обитателями в качестве земной проекции известного им космического мироздания. Цитадель (замок, кремль) с дворцом правителя, с зиккуратом или собором (церковью или мечетью с минаретами), возвышающаяся над городской застройкой почти всегда на естественном холме или на горке, — есть не что иное, как вертикальная ось Вселенной. В самой сердцевине ее находились дворец царя или правителя, приравнивающего себя к небожителям, и храм — несомненное жилище (Dom, Domus) небесного божества. С этой точки зрения каждая церковь, храм, мечеть с минаретом понимались как вертикальная ось Вселенной.

Известны две основные схемы городской планировки: круг (овал) и квадрат (прямоугольник). При том что есть некоторые исключения, древние и средневековые города Востока (Египет, Двуречье, Индия, Средняя Азия, Китай) — квадратные, а Запада (Древняя Греция, Западная и Восточная Европа и др.) — круглые в плане¹⁵. В тех странах, где активно взаимодействовали воззрения Запада и Востока (например, Римская империя или Средняя Азия), известны различные формы городских планов, но в разные эпохи. Таковым и был, по представлениям жителей соответствующих земель, образ организованного космоса — Вселенной.

По данным семиотики, «выявляется связь квадрата с такими отправляющимися от геометрической специфики квадрата идеями, как число четыре, абсолютное равенство, простота, прямота, единообразие, порядок, правота, истина, справедливость, мудрость, честь, земля. Квадрат или четырехугольник, как и соотносимый с ними круг, образуют горизонтальную плоскость схемы древа мирового; при этом особенно выделяются углы и середины сторон, обозначающие четыре или восемь основных направлений... Квадрат служил моделью многих храмовых сооружений (зиккурат, пирамида, пагода, церковь, чум и т.п.), которые в свою очередь рассматривались как образ мира... Квадрат в его определенной символической функции нередко определял форму поселения, в котором видели образ космоса, „малый“ мир. Так называемые „квадратные“ поселения нередко противопоставлялись „круглым“. Противопоставление квадрата кругу принадлежит к числу наиболее значимых и повсеместно распространенных, причем оно определяет структуру разных уровней — от состава космоса (ср. в старокитайском трактате „Ли цзи“ утверждение о том, что небо кругло, а земля квадратна) до основного

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ *Саваренская Т.Ф.* История градостроительного искусства. М., 1984; *Гуревич Л.Л.* К вопросу о происхождении круглых городов индоевропейцев // Тезисы докладов коллоквиума «Этруски в их связях с народами Средиземноморья». М., 1990; *Кошелев Г.А.* Градостроительная структура «идеального» полиса // ВДИ. 1975, № 1.

принципа членения человеческого коллектива (с квадратом соотносится мужское, а с кругом женское)»¹⁶.

Что касается круга, то особенно акцентируется выражение идеи «единства, бесконечности и законченности, высшего совершенства... Круг выступает как универсальная проекция шара, признаваемого идеальным телом... во многих традициях космос представляется именно, как шар... Перенесение мифологических пространственно-космических представлений на социальную среду можно усмотреть в распространенном способе изображения структуры брачных классов как круга, в структуре архаического поселения в виде круга» и т.п.¹⁷.

Недаром же в учении Платона (428–347 гг. до н.э.) идеальная форма города — это круг в плане, а согласно учению его далекого современника древнего китайского философа Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.) — это квадратный город¹⁸. Для западноевропейских архитекторов в течение всего средневековья образцом был идеализированный образ священного города Иерусалима — круглого в плане с крестовым внутренним членением, а в Китае вплоть до современности — квадратный город (*чэн*) также с крестовым внутренним членением. В столичных городах центральный двор «запретного города» символически олицетворял для китайцев центр мироздания¹⁹.

Нет сомнения, что город — многоплановое историческое явление, изучению которого будет посвящено еще много исследований в различных областях науки и культуры. Все это следует иметь в виду и нам, изучая историю древних и средневековых городов Срединной и Северной Азии.

¹⁶ Топоров В.Н. Квадрат // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 630.

¹⁷ Топоров В.Н., Мейлах М.Б. Круг // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 18, 19; Rosenau H. The Ideal City. Its Architectural Evolution in Europe. L.–N. Y., 1986.

¹⁸ Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. С. 50 и 79.

¹⁹ Там же. С. 166–168 и 208–212.

АНТИЧНЫЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Роль античной традиции в формировании представлений о благословенном городе в центре Азии

Да, здесь есть города с населением —
кто бы поверил?

*Овидий Назон. «Скорбные элегии»,
начало I в. н.э.*

Как ни покажется странным, но исследование свидетельств о неведомых древних городах Сибири следует начинать с обращения к традиции, непосредственно восходящей к античной культуре. А всякое обращение к античности, как известно, начинается с изучения великих творений Гомера и Гесиода. Именно у Гомера красочно описано сотворение Гефестом для Ахилла круглого изукрашенного щита, который являлся моделью мира, ибо на нем была изображена вся вселенная:

Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море.
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц.
Все прекрасные звезды, какими венчается небо...

(Илиада. XVIII, 481–485).

Далее рассказывается, что посреди великолепной вселенной на щите Ахилла были весьма искусно выкованы «два града»: один мирный, благоденствующий, где вершится правосудие (XVIII, 490–508), другой воюющий, осажденный врагами, где «рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть» (XVIII, 509–540). Несомненно, что противопоставленные друг другу на фоне вселенной добродетельный и страшный города являлись космическими символами. Гесиод в «Трудах и днях» также сопоставляет два города-государства: в одном царит правосудие, а с ним и процветание — нет войн, земля обильно родит, потомство многочисленно; в другом государстве, где и царь и суд неправые, — голод, чума, дети не рождаются, воины гибнут, рушатся стены города, тонут суда». Вспомним и вещие слова древнегреческого поэта Алкея: «Не стены, а люди — подлинный оплот своего города».

Филологи-классики отмечают также, что «через всю греческую трагедию проходит мотив „благочестивого города“, неизменно находящегося в состоянии

процветания. Такой город, как правило, имеет соответствующего „благочестивого царя“, в котором и воплощается»¹.

Вершиной античной традиции, заключающейся в устойчивой мечте о «благочестивом городе», являются построения великих древнегреческих философов Платона (428–347 гг. до н.э.) и Аристотеля (384–322 гг. до н.э.). В произведениях-диалогах «Государство» и «Законы» Платон воссоздал картину идеального, наилучшего, наиразумнейшего города-государства, управляемого мудрыми философами. В этом городе, план которого состоял из вписанных друг в друга правильных колец застройки, все гармонично, все разумно устроено. Население города постоянно². В словаре учеников Платона приведено общее определение: «Город — место обитания множества людей, подчиняющихся общим постановлениям; масса людей, живущих по одному и тому же закону»³.

Аристотель выдвигал более гибкую, приспособленную к жизни планировку кварталов идеального города. Он разработал его внутреннюю структуру, исходя из широкой эстетической концепции, которая сложилась в результате философского обобщения окружающей действительности и представления о месте «благочестивого города» в окружающем мире⁴.

Эта античная традиция, в особенности ее утопический аспект, оказала значительное влияние на последующее развитие представлений средневековых ученых об идеальном городе как модели мира. После походов Александра Македонского в Азию вплоть до Индии и создания эллинистического мира местоположение благочестивого утопического города перемещается на север.

Следует сказать, что утопические представления, мечты об идеальном мире, исполненном изобилия разнообразных плодов, и о справедливом равноправном их распределении возникли, по-видимому, вместе с человеком. Так позволяют думать древнейшие памятники мифологии, выросшие из устной фольклорной традиции.

Примером тому являются древнейшие сказки. Так, уже в древнеегипетской «Сказке о потерпевшем кораблекрушение», написанной между XX и XVII вв. до н.э., говорится, что спасшийся после кораблекрушения египтянин попал на остров, на котором он нашел фиги и виноград и всякие прекрасные овощи, и «нет такого яства, которого там не было». Это изобилие в чужой стране сверхъестественно — оно не создано руками человека и, после того как мореход его покинет, скроется под водою⁵.

Для населения Двуречья страна Утопии — цветущий рай, помещалась на острове Бахрейн в Персидском заливе. По-шумерски остров назывался страной Дильмун. Вот как он описывается в шумерском мифе «Энки и Нинхурсаг»:

В Дильмуне ворон не каркает.

Птица «иттиду» не кричит.

Лев не убивает.

¹ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 225–247, 361, 564.

² Платон. Сочинения в 3 томах. Т. 3, ч. 1. М., 1971. С. 89–454.

³ Платон. Диалоги. М., 1986. С. 434.

⁴ Аристотель. Политика // Сочинения в 4 томах. Т. IV. М., 1984; см.: Кошелев Г. А. Градостроительная структура «идеального» полиса (по Платону и Аристотелю) // ВДИ. 1975, № 1; ср.: Rosenau H. The Ideal City. Its Architectural Evolution in Europe. L.—N. Y., 1986.

⁵ Свенцицкая И. С. Апокрифические евангелия новозаветной традиции // Апокрифы древних христиан. Исследования, тексты, комментарии. М., 1989. С. 34; Сказки и повести Древнего Египта. Пер. И. С. Капнельсона и Ф. А. Мендельсона. М., 1956. С. 16, 17, 19.

Волк не хватает ягненка...
Вдов здесь нет...
Голубь не прячет голову.
Нет таких, которые бы говорили: «У меня болят глаза».
Нет таких, которые бы говорили: «У меня болит голова».
Нет старухи, которая бы говорила: «Я стара».
Нет старика, который бы говорил: «Я стар»...
Пересекающий реку (смерти?) не произносит...
Вокруг него не ходят с рыданиями жрецы,
Певец не возносит жалоб.
У стен города он не сетует и не плачет⁶.

Древнейшие восточные сказки были использованы античной мифологией. «По мифу, Эдип находит смерть в могильном царстве, имя которого — Курган. Эта блаженная страна, доброконная, вечно цветущая, не знает ни ветров, ни зимы; обильны цветами, зеленью и плодами ее сады, сладко поют соловьи, а воды ее рек бессонны, дожди чистые... Что это за страна — ясно: это утопический край изобилия, блаженства и красоты, каким рисуется мифологический рай»⁷.

Те же древнейшие фольклорные корни питали утопические мечты ранних христиан об идеальной для людей жизни на земле в будущем. Христианский автор Ириней в книге «Против ересей» привел рассказ проповедника Папия о царстве Божиим на земле и наступившем при нем изобилии: «На земле будут расти целые виноградные деревья по 10 тысяч лоз каждое, и на каждой лозе по 10 тысяч прутьев и на каждом прутье по 10 тысяч ягод и, когда святой захочет сорвать лозу, другая будет громко просить сорвать ее, так как она лучшая. И пшеница будет по 10 тысяч зерен в колосе, и все животные будут послушны людям. Именно это изобилие увидят люди, „которые достигнут тех времен“»⁸.

А как схожи с шумерскими представлениями вдохновенные пророчества Библии: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому, и младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Исайя, 11: 6–8). Люди «перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Исайя, 2: 4; Михей, 4: 3).

Литературоведы полагают, что «греческие мифы о стране блаженства, расположенной на дальнем севере, не меняя своей локализации, получали теперь новую окраску, превращаясь в христианский рай, расположенный за океаном»⁹.

Последующие мыслители Запада и Востока в эпоху средневековья в своих построениях опирались на один и тот же мощный первоисточник — античную философию, и прежде всего на идеи и труды древнегреческого философа Платона. Они разносились по свету не только в переводе на латинский язык, но и благодаря бурному развитию арабской культуры, которая освоила античное наследство и передала его другим народам Европы и Азии.

⁶ Гуторм В. А. Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л., 1989. С. 56, 57.

⁷ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. С. 350.

⁸ Свенцицкий И. С. Апокрифические евангелия. С. 33, 34.

⁹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т. I: XIII–XVII вв. Иркутск, 1932. С. XXVII.

Наибольшее значение имела деятельность основоположников арабоязычной философии ал-Кинди (801–866) и ал-Фараби (873–950), которые явились не только переводчиками-истолкователями Платона и Аристотеля, но и оригинальными философами, создателями законченной философской системы арабского средневековья¹⁰.

Ал-Фараби в специальном труде «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» подробно прокомментировал социальную утопию Платона и развил ее применительно к своей эпохе. «И город и дом нужно сравнить с телом человека», — писал ал-Фараби, уподобляя нормальное функционирование общества жизнедеятельности совершенного, здорового тела, но тут же он предостерегал и от буквального восприятия такой аналогии¹¹.

Анализ творений мыслителей средневекового мира показывает, что античная идея воплощалась учеными того периода в современных для них, вполне реальных географических представлениях. В средние века мир раздвинул свои границы. Эта была эпоха пробуждения интереса к загадочным, почти неведомым еще просторам Азиатского материка, и в том числе к Северной Азии, которую целиком занимает могучая Сибирь. Эта страна уже тогда дразнила воображение жителей более южных областей. Благодаря поэтапной торговле она поставляла миру бесценную пушнину, золото, серебро, драгоценные камни и минералы-самоцветы, а также бивни ископаемых мамонтов.

Полностью раскрыть затронутую здесь проблему невозможно. Для нашей темы достаточно сопоставить мысли двух современников, двух великих писателей Запада и Востока, живших в XII в. Так, знаменитый азербайджанский поэт Низами Гянджеви в поэме «Искендер-наме» описал город — «подобие рая» и благословенную «страну Хирхиз» на далеком севере, в верховьях Енисея, придав ей черты утопического государства всеобщего благоденствия, равенства, братства и счастья:

И помчавшись, лугов миновал он простор.
И сады, и ручьев прихотливый узор.
И увидел он город прекрасного края.
Изобильный, красивый, — подобие рая.
К въезду в город приблизился царь. Никаких
Не нашел он ворот, даже признака их.
Он увидел нарядные лавки; замков
Не висело на них, знать, обычай таков!
Горожане любезно, с улыбкой привета,
Чинно вышли навстречу Властителю света.
И введен был скиталец, носивший венец,
В необъятный, как небо, лазурный дворец.
Пышный стол горожане накрыли и встали
Пред столом, на котором сосуды блистали.

По Низами, в «стране Хирхиз» в Сибири существовало идеальное общество, совершенное в отношении морали, культуры и социальной организации. Оно

¹⁰ Шаймухамбетова Г.Б. Арабоязычная философия средневековья и классическая традиция. М., 1979; *Аль-Фараби. Философские трактаты.* А.-А., 1970.

¹¹ Шаймухамбетова Г.Б. Арабоязычная философия. С. 98–127; Григорьян С.Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII–XII вв. М., 1960. С. 157.

изумило «вечного скитальца» Искендера, обошедшего почти весь мир и только на склоне лет в далекой северной стране познавшего истину праведной жизни:

В мире благо живет. Ты о благе радей.
К миру благо идет лишь от этих людей...
Если правы они, ложь свою ты пойми!
Если люди они, нам ли зваться людьми?
Если б ведать я мог о народе прекрасном,
Не кружил бы по миру в стремленье напрасном...
Сей страны мудрецов я проникся бы нравом.
Я бы мирно дышал в помышлении правом¹².

Оказывается, сила жителей утопического города и Древнехакасского государства не в вере, пророком которой являлся Искандер, а в новой общественной этике, в особом социальном устройстве их жизни. У них нет ни царя, ни правителей, ни насилия, ни рабства, ни частной собственности, ни стражи, ни воров. Люди счастливой страны все равны в правах и богатстве. Их общество зиждется на коллективном труде, дающем им всеобщее благосостояние. У них общественные пашни и, очевидно, общие орудия труда. Отношения между членами этого идеального общества основаны на братской взаимопомощи, верности долгу, правдолюбию и полном отсутствии обмана и лжи¹³.

Вероятно, восхождение к общему первоисточнику делает утопию Низами такой близкой к представлениям его далекого современника, исландского ученого и поэта Снорри Стурлусона (1179–1241).

С. Стурлусон разделяет мир на три части: Африку, Европу и Азию. Автор с большим знанием реальной географии, близко к духу Низами описывает Азию: «С севера на восток и до самого юга тянется часть, называемая Азией. В этой части мира все красиво и пышно, там владения земных плодов, золото и драгоценные камни. Там находится и середина земли. И потому, что сама земля там во всем прекраснее и лучше, люди, ее населяющие, тоже выделяются всеми дарованиями: мудростью и силой, красотой и всевозможными знаниями. Вблизи середины земли был построен град, снискавший величайшую славу»¹⁴. Отнюдь не случайно средневековые карты Скандинавии, как и англо-саксонские и западноевропейские в целом, обращены верхом на восток — по представлениям географов того времени там размещался рай¹⁵.

Интерес к «середине земли» — к центру Азии — проявлялся в цивилизованном мире и в последующие времена. Известно, что в XIII–XV вв. в Центральной и Средней Азии, в Китае и Индии побывали европейские путешественники Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Марко Поло, Джованни Монтекорвино, Джованни Мариньолли, Журден де Северак, Афанасий Никитин и др.

Центр Азии как прекрасная страна совершенных людей с вечным городом мудрецов — этот утопический миф долгое время волновал умы человечества. Блаженную страну размещали то в Южной Сибири, то в Индии, то между ними. О прекраснейших людях на земле, живущих в Южной Сибири, писали в XIV в.,

¹² Низами. Искандер-нам / Пер. К. Липскерова. М., 1953. С. 670–675.

¹³ Кыласов Л. Р. Низами о Древнехакасском государстве // СА. 1968, № 4.

¹⁴ Младшая Эдда. Л., 1970. С. 10.

¹⁵ Чекин Л. С. Первые карты Скандинавского полуострова // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001. С. 57. Рис. 1, 2 и сл.

со слов мусульманских купцов, египетский географ ал-Омари («...нет... красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их — совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые») и живший в Индии ученый Бадр ад-Дин («Люди там ловкие, красивые и красавицы»)¹⁶. Д. Мариньолли, побывавший в Китае и Индии в середине XIV в., описал рай, обнаруженный им якобы на о. Цейлон¹⁷.

В XV в. утопическая мысль фиксируется и в Древней Руси. Индии посвящен литературный памятник того времени «Слово о рахманах и о весьма удивительной их жизни». В нем рассказывается о необыкновенном человеческом обществе: «...живут они совершенно без стяжания. У них нет ни храмов, ни риз, ни золота, ни серебра, ни вина, ни едания мяса, ни соли, ни царя, ни купли, ни распрей, ни драк, ни зависти, ни вельмож, ни воровства, ни разбоя, не стремятся к пресыщению»¹⁸.

В XVII в. европейски образованные ученые, побывавшие в Китае, много сделавшие для установления прямых связей Запада и Востока, продолжали особо подчеркивать роль и значение Азии. Вот что писал, например, выдающийся молдавский ученый, состоявший на русской службе и ездивший как посол России в 1675–1676 гг. в столицу Китая Пекин, известный Н.Г. Милеску Спафарий: «...и не токмо величиною Азия есть больше иных частей света, но и обилием всяким, что человеку надобно, наипаче же древностью превосходит все части, потому что в Азии рай сотворен был от бога, также и первозданные наши праотцы Адам и Ева тут же созданы были, и тамо род их пожил и до потопа. Также же и после потопа из Азии разделилися все языки и жилия во иные части света. В Азии началась вера, обычаи гражданские, грады строить, письмо и учение оттуда началось... и оттого по достоинству иных частей света благороднейшая Азия есть...»¹⁹.

Как видим, автор особо подчеркнул «азиатское начало» в строительстве городов.

Любопытно, что интерес к центру Азии не угас до сих пор. Он проявился в поисках блаженной страны — Белогорья — русскими староверами в Саяно-Алтайском нагорье, в Забайкалье и вплоть до «Пятиречья» в Дунбее; в поисках экспедиции Н.К. Рериха на просторах от Алтая до Гималаев; в мечтаниях Рериха о Шамбале — символическом городе-государстве с храмом счастья и мудрости. Наконец, в Кызыле — столице Республики Тыва — на берегу Енисея (Улуг-Хема), образующегося при слиянии рек Каа-Хем и Бий-Хем, воздвигнут знак-обелиск с надписью: «Центр Азии».

Для нашей темы наибольший интерес представляет удивительная утопия великого Низами, которая, как выясняется, опиралась на многотысячелетние мечтания человечества, четко сформулированные античными философами. Низами не только знал исходные традиции этой науки, но опирался и на прекрасное знание географии всего Востока и в том числе — ландшафтных особенностей стран Южной Сибири и Центральной Азии. Это было отмечено одним из первых исследователей творчества поэта В.В. Григорьевым в 1835 г.: «Как ни баснослов-

¹⁶ Цит. по: Кыласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 5.

¹⁷ После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М., 1968. С. 200.

¹⁸ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / Под общей ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1982. С. 175.

¹⁹ Милеску Спафарий Николай. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960; Урсул Д.Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., 1986. С. 162.

ной кажется сначала повесть Низами, из нее можно извлечь много исторического»²⁰.

Хотя в Сибири никогда «золотого века» не было, но разделы поэмы Низами, где описана «страна Хирхиз» в верховьях Енисея, наполнены такими конкретными подробностями, что для историков Сибири эта поэма по праву должна служить первоисточником²¹. Едва ли могут быть сомнения в том, что Низами знал подробности о современных ему городах Южной Сибири. Один из них, вероятно столичный город «страны Хирхиз» (Орду-балык), поэт идеализировал и провозгласил подобием рая на земле.

Так реальные знания средневековых ученых о современных им городах далекой Южной Сибири объединились с древней античной традицией, с общечеловеческой фольклорной и литературной мечтой о благочестивом мирном городе, населенном справедливыми, мудрыми и счастливыми людьми, живущими в обществе полной социальной гармонии в свободной и процветающей Азии.

Как видим, с глубокой древности культурные достижения и духовные ценности передавались не только через огромные расстояния от одних племен и народов к другим, но и от предков к потомкам. Слабые ручейки знания, сливаясь, со временем образуют поток общечеловеческой культуры. Очевидно, что историческое развитие человеческого рода и его культуры едино и неделимо.

2. Города Северной Азии в средневековой традиции восточных географов

Затем мы пришли к городам (лежавшим) в развалинах и шли по этим местам еще 20 дней. Мы спросили о причине такого состояния городов, и нас оповестили, что это города, в которые проникли йаджудж и маджудж и разрушили их.

Салтам ат-Тарджуман, 847 г.

В Южной Сибири и Центральной Азии города и городская культура существовали еще в эпоху Тюркских каганатов (VI–VIII вв.). В известных древнетюркских «рунических» памятниках на р. Орхон (эпитафии Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука) употреблены собственно тюркские термины: *балык* «город», *балыкдакы* «горожанин», *барк* «здание». В хрониках танской эпохи упоминаются построенные тюрками храмы (684 г.) и столичный город Хэйшачэн («Город Черных песков», 682 г.), который по-тюркски, вероятно, назывался Каракум-балык. О строительстве в ту эпоху городов на Енисее сведений нет, но оседлые поселения там в это время, несомненно, существовали²². Широкое внедрение го-

²⁰ [Григорьев В.В.] // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1835, С. 287.

²¹ Кызласов Л.Р. Низами о Древнехакасском государстве.

²² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950. С. 233, 266; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'uküe). Wiesbaden, 1958. С. 162, 461; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959. С. 92.

родской культуры было предпринято правителями Уйгурского каганата (VIII–IX вв.). Древние центральноазиатские уйгуры построили на Орхоне и Селенге города Орду-балык, Хатун-балык, Бай-балык и др. Начатое еще при кагане Моюн-чуре (Боян-чоре) в 750–752 гг. в бассейне Верхнего Енисея крупное строительство городов, крепостей, укреплений в виде длинных глинобитных стен продолжалось и после уйгурско-хакасской войны 758 г. Некоторые данные об уйгурских городах содержат рунические памятники древнеуйгурских каганов и вельмож. Еще в 750 г., как сказано в тексте его памятника, уйгурский каган Моюнчур в завоеванной им земле чиков, т.е. на территории современной Тувы, «распорядился устроить свой беловатый лагерь и дворец с престолом, заставил построить крепостные стены...»²³.

О средневековых городах в бассейне Енисея и в Западной Сибири сообщают также арабо- и персоязычные источники IX–XIV вв. Самое раннее сведение о «городе царя кимаков» на Иртыше, о столице и деревнях центральноазиатских уйгуров содержится в описании путешествия араба Тамима ибн Бахра ал-Муттаваи, совершенного из города Тараз на р. Талас до столичного города уйгуров Орду-балык на р. Орхон.

Путешественник ехал, вероятно, с низовьев Таласа и Чу, через Моюн-Кумы и пустыню Бетпак-Дала, в верховья рек Ишим и Иртыш. В верховьях Иртыша в VIII–IX вв. проходила западная граница Уйгурского каганата. Поездка Тамима ибн Бахра была совершена в конце VIII или в начале IX в., до 820 г. — точная ее дата не выяснена²⁴.

Важно сообщение Тамима ибн Бахра, что он где-то на Юго-Западном Алтае, близ оз. Зайсан, «видел следы древнего города (выделено мною. — Л.К.). Я не нашел среди тюрков никого, кто бы знал о том, кто построил его, кем были его жители и когда он был разрушен...». Это, видимо, древнейшее письменное сообщение о древних городах Южной Сибири, уже к началу IX в. прекративших свое существование.

Далее тот же Тамим ибн Бахр пишет, что спустя сорок дней пути после выезда из Тараза «...он прибыл в город царя. Он рассказал, что город большой, укрепленный, а вокруг него хорошо возделываемая земля и деревни. Город имеет двенадцать железных ворот огромных размеров. В городе много жителей, теснота, много базаров и товаров, в большинстве принадлежащих безбожникам (зиндикам)», т.е. не мусульманам. Еще «он сказал, что перед прибытием в город (царя), за 5 фарсахов, он видел шатер царя из золота. На крыше его дворца вмещается 100 человек».

В то же время наш автор сообщает, что «дорога ишаков от Тараза» такова, что ведет «к двум деревням, населенным и цветущим, в местности, называемой Кавакиб, расположенной в 7 фарсах от Тараза. Из этой местности до города царя кимаков (на Иртыше. — Л.К.) расстояние в 80 дней для быстро скачущего всадника, везущего с собой запас продовольствия».

²³ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 40–43.

²⁴ Minorsky V. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs // Bulletin of the School of Oriental Studies. 1948. Vol. 12. Pt. 2; Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. А.-А., 1972. С. 48–49; он же. Страна кимаков по карте ал-Идриси // Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971; он же. Сообщение ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма. А.-А., 1981.

Для характеристики культурного уровня, на котором находилось государство центральноазиатских уйгуров VIII–IX вв., ценно признание Тамима ибн Бахра, что «он отправился в страну хакана тогузгузов (т.е. кагана уйгуров. — Л.К.) на почтовых лошадях, которых хакан тогузгузов дал ему. Он проезжал за день и ночь три перехода (три смены лошадей. — Л.К.) самым быстрым ходом и ехал двадцать дней по степи, а в ней — источники и пастбища, но нет ни деревни, ни города, кроме обслуживающего персонала дорог, а они живут в палатках»²⁵.

Как видим из этих сообщений, в Уйгурском каганате VIII–IX вв. существовали государственные тракты с хорошо разработанной системой почтовых станций, регулярной гоньбой перекладных лошадей со сменными кучерами. Следовательно, задолго до монголов для населения государства существовала ямская повинность.

Здесь нельзя не сказать о сложившемся в средневековые легендарном арабском поверье, проявившемся в повествованиях о далеком севере. Оно попало в Коран и было канонизировано. Речь идет о страшных народах *йаджудж* и *маджудж* (библейских *гог* и *магог*), представление о которых возникло из знакомства арабских ученых отчасти с древнееврейской литературой, отчасти — с полуисторическими романами эллинизированного Египта об Александре Македонском²⁶.

В арабской географической литературе легенда получила определенную локализацию: свирепые *йаджудж* и *маджудж* обитали якобы на далеком севере, «в седьмом климате», между Уралом и Алтаем, вплоть до «моря Мрака» — Ледовитого океана. Они упоминаются в Коране (сура 18: 93 (94) и сура 21: 96).

«По другому преданию, известному уже из Иосифа Флавия и Псевдо-Каллисфена, слившемуся с первым и также занесенному в Коран, они сидят там как бы в заключении, за крепкой стеной с железными воротами, построенными Зу-л-Карнейном, т.е. Александром Македонским, для ограждения народов прочих стран от их страшных вторжений. Они силятся разрушить стену и выбраться на свободу, но будут находиться там до тех пор, пока Богу не будет угодно перед кончиной мира открыть им путь... у *йаджуджей* и *маджуджей* по четыре глаза, два на лбу, два на груди; их тело покрыто шерстью, у некоторых уши свисают до плеч; они не говорят, но издают своим голосом звуки, похожие одновременно на змеиное шипение и птичий свист»²⁷.

Исходя из этой традиции, последующие арабские географы отмечают на севере Западной Сибири то «великую крепость», то «башню». Например, путешественник Масалак ал-Абсара писал: «Из этой страны купцы проникают в Югру, которая находится на крайнем севере. За нею нет никаких следов жилья, кроме великой крепости, построенной Александром, за которой же нет ничего, кроме мрака». Египетский географ ал-Омари (XIV в.) указывал: «...купцы чулымские ездят до земель югорских, которые на окраине севера. Позади их (уже) нет поселений, кроме большой башни, построенной Искендером (Алек-

²⁵ Minorsky V. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs; Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв.; он же. Страна кимаков по карте ал-Идриси; он же. Сообщение ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков.

²⁶ Алексеев М.П. Сибирь в известиях. С. XXXI; ср.: Образцов А.В. К интерпретации традиционных сюжетов у Ахмеди // СТ. 1988, № 1.

²⁷ Алексеев М.П. Сибирь в известиях. С. XXXI.

сандром) на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а (находятся) только мраки»²⁸.

Древние города, «лежавшие в развалинах», видел в Западной Сибири (вероятно, в Южном Зауралье) путешествовавший по ней араб Саллам ат-Тарджуман, который в период правления халифа ал-Васика (842–847) проехал через Тифлис — Аланию — Хазарию — Западную Сибирь и, вероятно, Алтай в Туву. Оттуда, через Восточный Туркестан — Самарканд — Бухару — Термез — Нишабур — Рей, он вернулся в Ирак. Путешествие заняло 28 месяцев и несколько дней, а результаты его были настолько удивительны, что описанные подробности этой поездки не вполне разъяснены до сих пор.

Вот часть текста из книги знаменитого географа Ибн Хордадбеха (ок. 820 — 890 (912?) г.), лично записавшего рассказ Саллама-путешественника:

«Мы остановились у владыки хазар на одни сутки, чтобы он отправил с нами пять проводников. Мы шли от них 26 дней и достигли черной земли с неприятным запахом. Прежде чем вступить на эту (землю), мы запаслись уксусом и нюхали его, чтобы отбить скверный запах, и шли (так) 10 дней. Затем мы пришли к городам, (лежавшим) в развалинах, и шли по этим местам еще 20 дней. Мы спросили о причине такого состояния городов, и нас оповестили, что это города, в которые (когда-то) проникли йаджудж и маджудж и разрушили их.

Затем мы достигли крепостей, (построенных) рядом с горой, по ущельям которой проходила стена. В этих крепостях (живет) народ, говорящий по-арабски и персидски. Они спросили нас, откуда мы явились. Мы сообщили им, что являемся посланцами эмира верующих. Они подошли (к нам), были поражены (услышанным) и (пере)спросили: „Эмир верующих?“. Мы сказали: „Да“. Тогда они спросили: „Стар он или молод?“ Мы говорим: „Молод“. Они снова очень удивились и спросили: „Где он проживает?“. Мы говорим: „В Ираке, в городе, называемом Сурра манра’а“. Они сказали: „Мы об этом никогда не слышали“.

(Расстояние) между каждой из этих крепостей от одного до двух фарсахов, меньше или больше... Затем мы достигли города, называемого Ика. Он занимает площадь, равную (квадрату) со стороной 10 фарсахов. (Город) имеет железные ворота, вокруг него имеются пашни, а в городе есть мельницы. Это тот самый город, где поселился Зу-л-Карнайн со своим войском. Между (городом) и стеной расстояние в три дня пути. (На всем протяжении пути от города) до стены, которую достигаешь на третий день, расположены крепости и селения. (Эта стена наподобие) горы округлой формы. Говорят, что йаджудж и маджудж обитают здесь. Их два вида. Говорят (также), что йаджуджи ростом выше маджуджей — с разницей от одного до полутора локтей, меньше или больше этого.

Затем мы достигли высокой горы, на которой возвышались крепость и стена, построенная Зу-л-Карнайном. Там между двумя горами есть ущелье, ширина которого 200 локтей. Оно является дорогой, через которую вышли и рассеялись по земле (йаджуджи и маджуджи). Фундамент стены заложили на глубине тридцать локтей с помощью железа и меди и (возводили ее) таким образом, пока не достигли земной поверхности. Затем поставили две опоры с обеих сторон ущелья, ширина каждой опоры — двадцать пять локтей, высота — пятьдесят локтей. Вся эта постройка состоит из железных плит, покрытых медью. (Размер) одной такой плиты полтора локтя. Толщина плиты четыре пальца. Между этими двумя под-

²⁸ Там же. С. 44–45.

порками расположена железная притолока длиною сто двадцать локтей, толщиной десять локтей и шириною пять локтей; установлена на обеих опорах.

Над притолокой — здание из тех же железных плит, покрытых медью, что возвышаются до вершины горы, высота которой — насколько охватывает взгляд. Это здание возвышается над притолокой примерно на шестьдесят локтей. Над (зданием) железные террасы. По краям каждой террасы два рога, которые загibaются друг на друга. Длина каждой террасы пять локтей, а ширина четыре локтя. Над притолокой тридцать семь террас.

Железные ворота имеют две прикрепленные (к ним) створки. Ширина каждой створки пятьдесят локтей, высота семьдесят пять локтей, толщина пять локтей. Обе стойки при вращении соразмерны с притолокой. (Это сооружение так построено), что ветер не может проникнуть ни через ворота, ни со стороны гор, оно будто сотворено самой природой. На воротах запор длиною в семь локтей, а в обхвате — один ба'а. Его не смогут обхватить два человека, и он отстоит от земли на двадцать пять локтей. Пятью локтями выше запора висит задвижка — длиннее, чем сам запор. Каждая из двух (замочных) задвижек — по два локтя. Торчащий в замке ключ имеет длину в полтора локтя. (Этот ключ) имеет двенадцать зубцов, каждый из зубцов как пест ступки. Обхват ключа четыре пяди; он прикреплен к цепи, припаянной к двери. Длина цепи восемь локтей, она имеет четыре пяди в обхвате. Кольцо, прикрепляющее цепь к двери, подобно кольцу катапульты. Порог двери, не считая частей, оставшихся под двумя косяками, имеет ширину десять локтей и длину сто локтей. Выступающая часть (двери) равна пяти локтям.

Все (размеры) „зира“ исчисляются (мерой длины), называемой „зира'ас-сауда“.

Около ворот есть две крепости, каждая площадью двести квадратных локтей. У ворот этих двух крепостей растут два дерева. Между двумя крепостями есть пресный источник. В одной из крепостей (сохраняются) орудия, служившие для постройки стены, в том числе железные котлы и железные ковши. На каждом треножнике размещено четыре котла, подобных котлам для (варки) мыла. Там находятся остатки железных кирпичей, (из которых) была сооружена стена. Из-за ржавчины они прилипли один к другому. Комендант (раис) этих крепостей каждый понедельник и четверг отправляется верхом (к железным воротам). Они (раисы) эти ворота получают по наследству, подобно тому как халифы наследуют халифат.

Он верхом является (к воротам) вместе с тремя сопровождающими, на шее у каждого из них (висит) пест. К воротам (приставлена) лестница. Он взбирается на самую высокую ступень и ударяет о запор один раз на рассвете, и слышится им звук наподобие (гула) потревоженного пчелиного улья, затем (звуки) приглушаются. К полудню ударяют (по запору) еще раз. (Раис) прикладывает ухо к воротам: второй звук оказывается сильнее, чем первый. Затем звуки опять (приглушаются). Когда наступает послеполуденное время, ударяют еще раз. Появляется тот же шум. Он остается здесь до захода солнца и только после этого уходит.

Цель удара о запор в том, чтобы он (раис) услышал, есть ли кто за воротами, а (если есть), то чтобы знали, что охрана здесь. И чтоб (люди в крепости также) знали, что те не предпримут против ворот никаких действий.

Недалеко от этой местности находится большая крепость, размером 10 ф. на 10, т.е. площадь ее 100 кв. ф.

Сказал Саллам: „И я спросил одного из присутствовавших жителей крепости: 'Имеют ли эти ворота какой-либо недостаток?' Они ответили: 'Никакого, кроме этой трещины. Трещина эта проходит по ширине, словно тонкая нитка'. Я спросил: 'Вы (хоть) немного опасаетесь за ворота?' Они ответили: 'Нет! Эти ворота толщиной в пять локтей в локтях ал-Искендара', один локоть ал-Искендара равен полутора локтям ас-сауда“.

Сказал (Салам): „Я подошел к (воротам), извлек из своей обуви нож, стал скоблить место трещины и вытащил оттуда кусок размером в половину дирхема, завязал его в платок, чтобы показать Васику би-ллаху. На правой створке ворот — сверху — на древнем языке железными (буквами) написано: 'А когда придет обещание Господа моего, он сделает это порошком; обещание Господа моего бывает истиной' (это откровенно манихейское изречение. — Л.К.).

Мы осмотрели сооружение, которое большей частью состояло из полос: один ряд желтый — из латуни, другой черный — из железа. На горе вырыто специальное место для литья ворот, место для котла, в котором перемешивают медь, и место, где варят олово и медь. Эти котлы из желтой меди. Каждый котел имеет три ручки. Там есть цепи и крюки, при помощи которых медь поднимали на стену. Мы спросили тех, кто был там: 'Видели ли вы хоть одного из этих йаджуджей и маджуджей?' Они припомнили, что видели один раз некоторое их количество на горе. (Тогда) подул страшный ветер и бросил (йаджуджей и маджуджей) в их сторону. Рост их на глаз — пядь с половиной. Гора с наружной стороны не имеет ни плоскогорья, ни склона, и нет на ней ни травы, ни дерева и ничего другого. Это гора высокая, стоит (вся) гладкая и белая“²⁹.

Таково описание крепостей и необычайной по инженерной конструкции для IX в. железно-медной стены с воротами, запиравшей проход через ущелье между двух гор. Все это Саллам-переводчик, говоривший на тридцати языках³⁰, увидел, скорее всего, в Южной Сибири, по нашему мнению, на территориях современной Тувы и на юге Хакасии, по выходе Енисея из Саянских гор³¹.

Такое мнение должно быть в будущем серьезно рассмотрено в специальной работе, где критическому разбору следует подвергнуть и рассказ Саллама. Нельзя не сказать, что в фольклоре саяно-алтайских народов фигурируют железные дворцы и дома (жилища), железные или бронзовые мосты, столбы, коновязи, огромные котлы и чаши из железа, бронзы и меди, а в сказаниях шорцев упоминается о целом железном городе.

* * *

Обратимся теперь к сведениям следующих по времени арабо- и персоязычных путешественников, географов и ученых X–XVII вв. Если Ибн Хордадбех прямо указал: «...рассказал мне Саллам ат-Тарджуман эту историю в общем, затем продиктовал ее мне из послания, которое было написано для ал-Васика би-ллаха»³², то

²⁹ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 43–46, 129–133.

³⁰ Там же. С. 129.

³¹ Ср.: Кызласов Л.Р. Низами о Древнехакасском государстве; Кызласов И.Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // СА. 1979, № 3; Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981; он же. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Там же.

³² Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 133.

последующие ученые только пересказывали ее в разных вариантах. Об удивительном путешествии Саллама писали Ибн Русте, ал-Мукаддаси, ал-Идриси, ал-Гарнати, Закарийа ал-Казвини, Ибн ал-Варди, Йакут, ан-Нувайри и др.

По данным ал-Идриси (XII в.), «Опустошенная земля» (*Билад ал-хараб*) со следами разрушенных городов, о которых упоминал и Саллам, находилась к западу и северо-западу от области обитания кыпчаков, т.е. в Западной Сибири (к западу и северо-западу от верховьев Ишима и Тобола)³³. Это же повторил Ибн Халдун в XIV в.³⁴.

А до всех упомянутых выше авторов арабский путешественник Абу Дулаф (942 г.) писал, что он и его спутники «ехали землею (хирхизов) месяц, спокойно и безопасно». На Среднем Енисее они посетили большой храм для богомоления. В одновременном анонимном персидском сочинении X в. «Худуд ал-алам» говорится о границах «городов тогузгузов и хырхызов» Енисея, о том, что «в каждой области (этих стран) много городов», что в земле хырхызов «находится город, который называют Кемиджкет (т.е. „Енисейский город“. — Л.К.), там живет Хырхыз-хакан». Отмечается также, что городом Пенчул «владеют хырхызы» и что у кимаков на Иртыше есть один город.

Другой автор X в., ал-Макдиси, разделял тюркоязычные народы на кочевых и оседлых. К оседлым он относил «племя хирхиз» в Сибири, так как «у них имеются посевы и деревья» (очевидно, плодовые). Махмуд Кашгарский (XI в.) сообщал: «Я несколько лет объезжал города, зимовья и летовки тюрков, туркмен, огузов, чигилей, ягмо и киргизов...»³⁵. По данным того же автора, по-тюркски «город» звучит как *балык* или *кенд*.

Наиболее пространные сведения о городах народов Южной Сибири содержат труды испанского географа араба ал-Идриси (XII в.): «Все города страны киргизов расположены на территории, пространство которой измеряется тремя днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами и фортификационными сооружениями и обитаемые трудолюбивыми, храбрыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости короля кимаков». На карте, созданной ал-Идриси, обозначены пять городов под названиями Хакан Хирхир, Даранд Хирхир, Нашран, Хирхир (дважды). Все они расположены на двух сливающихся реках (возможно, Абакане и Енисее), впадающих в «Море Мрака». По ал-Идриси, «город, в котором живет государь киргизов, очень укреплен, окружен стенами, рвами и траншеями»³⁶.

Этот же автор сообщил о 16 хорошо укрепленных городах кимаков, центром страны которых являлось верховье Иртыша. Город «хакана кимаков» был окру-

³³ Кумекоев Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII–XIV вв. А.-А., 1987, с. 15.

³⁴ Кумекоев Б.Е. Средневековые кыпчаки по данным «Китаб ал-ибар...» Ибн Халдуна (XIV в.) // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1987, вып. 13. С. 95–96.

³⁵ Григорьев В. Об арабском путешественнике Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872. С. 34; МИКК. 1973, вып. 1. С. 37, 39, 41, 43, 44; Бейлис В.И. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 2. М., 1969. С. 306; Хасанов Х.Х. Среднеазиатский географ-филолог XI в. // Известия Узбекистанского филиала Географического общества СССР. Т. 5. Таш., 1961. С. 92.

³⁶ Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. С. 121; он же. Страна кимаков по карте ал-Идриси; он же. Сообщение ал-Идриси (XII в.); Géographie d'Edrisi, traduite de l'arabe en français par P.A. Jaubert. T. I. P., 1836.

жен стеной с железными воротами. В нем имелась храмы и базары. В горах были расположены кимакские замки-крепости, окруженные рвами с водой³⁷.

Великий поэт Низами Гянджеви (XII в.) в своей поэме «Искендер-намэ», описывая благословенную «страну Хирхиз» в верховьях Енисея, отмечал столичный «город прекрасного края. Изобильный, красивый — подобие рая»³⁸. Там же, «в дальнем Северном крае», по рассказу Низами, солидарному с повествованием Саллама, Александр Македонский построил от йаджуджей длинный «невиданный вал».

Необходимо упомянуть и о сообщениях арабоязычного автора XII в. Тахира Марвази, описавшего города и городские кварталы в земле живущих по сибирскому берегу Ледовитого океана «береговых людей». О последних сказано: «...за (страною) Йура (находятся) береговые люди, они плавают в море без нужды и без цели, а лишь для прославления самих себя...»³⁹. Йура или Югра — так называли обитающих по нижней Оби обских угров, с которыми арабо- и персоязычные купцы испокон веков вели выгодную для себя «немую» меновую торговлю.

В XIII–XIV вв., по данным Рашид ад-Дина, в областях по верхнему и среднему течению Енисея располагается «много городов и селений», а в районе впадения Ангары в Енисей стоит наиболее северный город Кикас, который «принадлежит к области киргизов»⁴⁰. Тот же автор сообщает, что в XIII в. в долине р. Селенги (в Западном Забайкалье) находились две меркитские крепости с тюркскими названиями Дайкал-Курган и Караун-Капчал, что Джучи-хан основал на Иртыше столицу Западного улуса и что в 1235 г. великий хан Угедей «отправил царевичей и эмиров в Дашт-и-Кипчак (куда входил юг Западной Сибири. — Л.К.), Мачин и в другие местности и приказал всюду построить высокие здания, какие строят в городах, и кушки»⁴¹. Рашид ад-Дин неоднократно упоминает «область Ибир-Сибирь» к западу от Енисея⁴².

Располагая большой совокупностью арабско-персидских источников, в том числе трудами Рашид ад-Дина, о средневековых городах Сибири сообщал и знаменитый историк XVII в. — хивинский хан Абул-Гази (1603–1664). Еще в раннем издании его трудов, в переводе Д. Языкова (СПб., 1825), говорится про «кергизов» Енисея, которые покорились Чингис-хану: «...у них было два города Камкамчут, которые недалеко один от другого стояли между двух больших рек, Селенги и Икран-мурана, и еще два города на границах, которые оба назывались Апручир; что они последнюю рекою отделялись от одного татарского племени и по смерти Чингизхана достались меньшему сыну его Таулау»⁴³.

В другом месте Абул-Гази сообщает, что река «Айкара-муран протекает посреди киргизских владений... При устье реки, на берегу моря стоит большой город; селений около него много, стада и табуны пасущегося скота многочислен-

³⁷ Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. С. 98–108; он же. Страна кимаков по карте ал-Идриси; он же. Сообщение ал-Идриси (XII в.); Géographie d'Edrisi.

³⁸ Низами. Искендер-намэ. С. 670.

³⁹ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967. С. 68.

⁴⁰ Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. Л.А. Хетагурова. Т. I, кн. 1. М.–Л., 1952. С. 102, 150.

⁴¹ Там же, т. I, кн. 2. С. 149; т. II. М.–Л., 1960. С. 35 и 78.

⁴² Там же, т. I, кн. 1. С. 73, 150.

⁴³ Путешествия к татарам. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. СПб., 1825. С. 287, примеч. 73.

ны... Этот город они называют Алакчин. Близ него есть серебряные рудники: у тамошних жителей котлы, чашки, блюда делаются все из серебра»⁴⁴.

Абул-Гази-хан знал также, что задолго до монголов на территории Монголии проживали древние тюркоязычные уйгуры, создавшие в Центральной Азии городскую цивилизацию. Он писал: «Среди этих гор протекает в одном месте десять рек, в другом девять: все они большие реки. На этих реках были жилища древних уйгуров; жившие на десяти реках назывались ун-уйгур; живших при девяти реках звали тукуз-уйгур. У них было много городов, деревень и пахотных земель: их всех было сто двадцать волостей»⁴⁵.

* * *

Из дальневосточных письменных источников для нашей темы имеют значение два сочинения: «Записки о путешествии на Запад праведника Чан-Чуня» (1228 г.) и «История династии Юань» («Юань ши»), предоставляющие ценный материал о городах, построенных монголами в XIII в. на Восточном Алтае (скорее, в Туве) и в Тувинской котловине. В «Записках» говорится о «Чжэньхай балгасуне» — «городе Чинхая», построенном после 1211 г. где-то на Восточном Алтае и заселенном десятью тысячами молодых китайцев обоего пола, занимавшихся ремеслом и земледелием. «Станционные сказывали, что на севере этих снежных гор стоит Балгасун Тянь Чжэньхая; Балгасун (ныне: Балгазик? — Л.К.) по-нашему значит город; в нем есть хлебные магазины; посему он называется также Цан тоу (магазин. — Л.К.). 7-й луны 25-го числа (года синь-сы) (14 августа 1221 г. — Л.К.) живущие здесь ремесленники и рабочие из китайцев толпой вышли навстречу учителю; все они были в восторге, восклицали и кланялись ему и пошли наперед его с разноцветными хоругвями, цветными зонтами и душистыми цветами». На другой день посетил учителя и сам Чинхай — управитель города и сподвижник Чингис-хана⁴⁶.

Об этом городе говорится и в «Юань ши»: Чинхаю «было приказано обрабатывать землю с помощью поселенцев в А-лу-хуань, основать (там) город Чжэньхай и охранять его»⁴⁷.

Наконец, в той же «Юань ши», в рассказе о подчиненных князьям из рода кыргызов пяти административных областях, созданных монгольскими властями на Енисее в XIII в., упоминается о городах Кянь (т.е. Енисейский) и Илань (т.е. Змеинный) — центрах префектур Кяньчжоу на Енисее (Улуг-Хеме) и Иланьчжоу на р. Элегест. Указано, что Кяньчжоу получило название по имени реки Кянь (т.е. Кем — Енисей), что живут там несколько тысяч семей монголов и уйгуров. Есть несколько ремесленных мастерских, в которых работают потомки китайцев, переселенных на Енисей еще при основании монгольской династии⁴⁸.

⁴⁴ Абуль-Гази. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова. Казань, 1906. С. 40.

⁴⁵ Там же. С. 36.

⁴⁶ «Си ю цзи», или Описание путешествия на Запад // Тр. членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 293–294.

⁴⁷ Мункуев Н.Ц. Основные китайские источники по истории Монголии (XIII–XIV вв.) // Современная историография стран зарубежного Востока. Вып. I. М., 1963. С. 159.

⁴⁸ Schott W. Über die ächten Kirgisen // Abhandlungen der Königlich Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1865. С. 437.

Когда в 1270 г. император Хубилай назначил своим правителем-наместником пяти кыргызских областей чиновника Лю Хао-ли, тот учредил свою резиденцию в городе Илань на р. Элегест. Именно в это время здесь были созданы склады и зернохранилища, устроены почтовые станции и учреждены управления. Тогда же вновь были присланы пленные ремесленники, которые якобы обучили население обеих префектур центральной части Тувинской котловины «гончарному делу, плавке металлов, изготовлению лодок» и т.п.⁴⁹ (возможно, по китайскому образцу и технологии).

Таковы известные нам сведения о древних и средневековых городах, существовавших в Сибири⁵⁰, которые сохранили для нас восточные источники.

* * *

Что касается Северной Азии, то первые и наиболее древние города лежат на речных путях. Могучие реки, стремительно несущие свои воды между непроходимыми лесами и болотами, служили судоходными дорогами уже в ранние времена. К тому же река являлась неисчерпаемым поставщиком свежей рыбы, а леса по ее берегам изобиловали всевозможной дичью и разнообразными дикими зверями — основными поставщиками ценной пушнины и мехов для аборигенных охотников и более поздних промышленников.

⁴⁹ Кычанов Е.И. Сведения в «Юань ши» о переселениях киргизов в XIII веке // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. 5, вып. 1. Фрунзе, 1963. С. 60–61.

⁵⁰ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

1. Самобытные города и крепости Сибири
в свете русских источников XII–XVII вв.

Есть же по тем рекам многие грады
каменные и великие палаты по степ-
ным местам, а все пусты, а иные от
давних лет осыпалися, а какие люди
сталися никто о сем не весть...

Хронограф. не ранее 1645 г.

Живейший интерес русских людей к соседней громадной, богатой, «неведомой» Восточной земле, к ее населению, возможностям торгового и культурного общения с ним возник очень давно, задолго до присоединения Сибири к Русскому государству и до появления в русских документах самого термина «Сибирь». Известно, что под 1096 г. в «Повести временных лет» помещен рассказ новгородца Гюряты Роговича о народе «югра», живущем в Уральских горах и нуждающемся в железе. По мнению летописца, этот народ загнан «на полуношные страны в горы высокие» еще Александром Македонским. Ярко описан «немой» обмен железа на пушнину, происходивший якобы через просеченное в горе «малое оконце»¹. Гюрята Рогович сказал: «Послах отрок свой в Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему к ним и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем и седят с Самоядью на полуношных странах» (Лаврентьевская летопись, л. 85а).

К XII в. с уральскими уграми-югрой русские люди были не просто близко знакомы, но взаимодействовали и даже смешивались. Есть прямые сведения, что возникавшая в то время Северо-Восточная Русь, или независимое Ростово-Суздальское княжество, зарождалась благодаря политике русских князей как многоэтническое государственное образование. Чтобы создать сильный центр в противовес Киеву, князья опирались на всех окружающих инородцев, в том числе и на сравнительно далеко живущих поволжских тюрков-болгар, финноязычную мордву и урало-сибирских угров.

Так, в рукописи Российской академии наук (ф. 17, оп. 17, л. 11) читаем: «Великий князь Юрий Владимирович (Долгорукий, 1125–1157. — Л.К.), пришед в Суздаль и видя лишенна себя Русские земли, заложи в отчине своея грады Юриев в поли, Переяславль у Ключина (Клешнина) озера, Володимер на Клязьме и другие многие города теми же имяны, иже в Руси суть, хотя тем утолити печаль свою, иже лишися русские власти и нача тии города населяти, созывая люд от

¹ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962; ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 224–225.

всюду, дающе ссуду многу и приходяду многи от болгар, мордвы и югров, селяхуся по градом его»².

Этот источник весьма важен. Как известно, волжские болгары и мордва в XII в., как и русские, проживали в условиях феодального строя и имели большой опыт городской жизни в собственных довольно развитых городах. Едва ли князь-созидатель приглашал к себе на жительство во вновь строящиеся города не ремесленный и мастеровой люд, а бродячих лесных охотников и рыболовов, каковыми до сих пор слывут среди некоторых ученых средневековые угры Сибири. Очевидно, что в XII в. «югры» по уровню своего социально-экономического развития и производственным навыкам были вполне подготовлены к городскому строительству и жизни, так же как болгары и мордва. Благодаря длительным связям и контактам с народами, живущими к западу от Уральского хребта, угры в XII в. являлись полнокровным элементом восточноевропейской экономической жизни.

Вступая в экономические и политические договорные взаимоотношения с русским князем, «многи югры», очевидно, по праву получали статус горожан в Ростово-Суздальской земле. Потому-то князь Юрий давал им ссуду, очевидно, не только на строительство домов и дворов, но и на обзаведение надлежащим хозяйством. Все это позволяет предположить наличие собственных городов и в Угорской земле. Действительно, источники приводят многие тому свидетельства.

С конца XII в. Новгородская феодальная республика стала активно осваивать восточные и северо-восточные земли. Новгородские воеводы, направляемые на покорение богатых югорских земель с целью обложения их данью, не раз убеждались, что Югра в XII в. имела сильное войско. Например, защищающимися печорскими и угорскими «данниками» в 1187 г. было убито 100 именитых новгородских воинов³. По тем временам это было страшное поражение. В другом из летописных рассказов сообщается, что когда новгородцы в 1193 г. совершили военный поход на Югру, то они встретили здесь организованное сопротивление: «В то же лето идоша из Новагорода в Югру ратью с воеводою Ядреєм; и придоша в Югру и възяха город, и придоша к другому граду, и затворишася в граде, и стояша под городом 5 недель...» При этом впервые упомянут «князь Югорский», который хитростью и военными вылазками («вылезыше из града, исьсекоша вся») победил войско новгородцев — «осталось их 80 муж». Только в следующем, 1194 г. летопись сообщает: «...и тогда придоша из Югре избыток живых» в Новгород⁴.

Так впервые в русских источниках упомянуты собственно сибирские города. Хотя в последующих грамотах XIII в. «Югорская волость» называлась уже в качестве одного из новгородских «владений»⁵, карательные походы в Сибирь по-прежнему продолжались. В единственном известии о походе новгородцев на Обь в 1364 г. подробности отсутствуют. Сказано лишь: «Той зимы с Югры новгородци приехаха, дети боярьские и молодьи люди, и воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх

² Цит по: Насонов А. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Т. I. Пг., 1924. С. 4, примеч. I.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 229.

⁴ Там же. С. 40–41 и 232–233.

⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949. С. 9.

Оби воеваша»⁶. Итак, почти за 300 лет Новгород не смог покорить Югорское княжество.

Новгородский цикл первоначальных известий о Сибири, содержащийся в Никоновской, Ипатьевской, Новгородской четвертой (а отчасти и в первой) летописях, завершается выдающимся литературным памятником «О человецех незнаемых на Восточной Стране и языцех розных». Знаменательно, что в этом сочинении, восходящем к XIV в., русский автор не знает еще названия «Сибирь» и называет ее Восточной страной. Тем не менее ему известны названия речных путей и урочищ; он приводит сведения о товарах и торговле с народами Западной Сибири. Исследовавший этот памятник Д.Н. Анучин справедливо назвал его «чем-то вроде краткого путеводителя»⁷.

Эти ценные сведения были получены русскими от «самоеди». В них рассказывается и о торговом пути, ведущем с севера в Южную Сибирь. Там в верховьях Оби, оказывается, располагался большой город — центр торговой фактории того времени. В нем можно было купить все, что только захочется. Несомненно, самоеды совершали тогда торговые походы на далекий юг. Вот этот древний текст: «Вверх тоя ж реки великая Оби есть люди ходят попод землёю иною рекою день да ночь, с огни. И выходят на озеро. И над тем озером свет пречюден. И град велик, а посаду нет у него. И кто поедет к граду тому и тогда слышити шюм велик в граде том, как и в прочих градах. И как приидут в него и людей в нём нет и шюму не слышити никоторого. Ни иного чего животна. Но в всяких дворех ясти и пити всего много и товару всякого. Кому что надобе. И он положив цену противу того, да возмёт что кому надобет и прочь отходят. И кто что бес цены возмет, и прочь отидет, то товар у него погыбнет и обрящется паки в своем месте. И как прочь отходят от града того и шюм паки слышити как и в прочих градах...»

Кажущаяся сказочность изложения на деле прикрывает реальные факты. По мнению Д.Н. Анучина, в этом тексте упоминаются, вероятно, Колыванское озеро и рудники Алтая, где «рудокопы ходят под землёю со светильниками». Очевидно, что этот Великий торговый город стоял на Саяно-Алтайском нагорье и являлся средоточием торговли далекого «самоедского» севера с южносибирскими степными народностями. Кому принадлежал город — можно только гадать.

В XV в. в борьбу за Югру вступило Московское княжество. В 1467 г. был взят в плен и приведен в Вятку пелымский (мансийский) великий князь Асыка. В 1483 г. московские войска впервые перешли Уральские горы и воевали «Югорских» и «кодских» князей, причем были взяты в плен великий князь югорский Молдан и «княжих Екмычевых двое сыновей». Войска проникли до Иртыша и по Иртышу на судах вошли в Обь. Следующий большой поход в 1499–1500 гг. возглавили князья Петр Ушатый и Семен Курбский. Под их командою шли более 4 тыс. ратников. Согласно их донесению, они перешли «Камень (т.е. Уральский хребет. — Л.К.) щелью, а Камени в оболках не видеть, коли ветрено, ино оболочка раздирает, а длина его от моря до моря. Убили воеводы на Камени 50 человек самоеди, а взяша 200 оленей. А от Камени неделю до первого городка Ляпина. Из Ляпина встретили додорья (обдоряне) на оленях, а рать на собаках. Ляпин взяли и по-

⁶ ПСРЛ. Т. 4. С. 64–65.

⁷ Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 14. М., 1890. С. 234–235.

имали 33 города... Да Василей же Бражник взял 50 городов...»⁸. В плен попали 58 местных князьков.

Здесь, вероятно, речь идет не только о городах, но и о «городках», как их иногда называли русские источники. Это крепости, укрепленные рвами, валами и деревянными палисадами или каменными стенами. Для их сооружения аборигенные народы Сибири выбирали труднодоступные места: речные мысы, острова или сопки. Эти хорошо укрепленные крепости являлись административными центрами местного населения и убежищами на случай военной опасности. Почти все они были очагами местного ремесла и экономической жизни.

Следующие по времени сведения о сибирских городах относятся к началу XVI в. и происходят из «русского дорожника», который использовал австрийский посол барон С. Герберштейн, включив его в свою книгу «Записки о Московии». Герберштейн был в Москве дважды, в 1517 и 1526 гг., а книга его вышла в свет в Вене в 1549 г.

Этот автор приводит русское определение понятия «город»: «...городом они называют все, что окружено стеной, снабжено укреплениями или огорожено каким-либо другим способом»⁹.

Герберштейн перевел и включил в свои «Записки» уникальный русский указатель пути из Москвы в северные поморские земли и на р. Печору, а дальше — к «самояди» за «Земной или Каменный пояс», как тогда назывались Уральские горы, и на р. Обь. Название «Сибирь» в указателе не упоминается, и поэтому оно, возможно, восходит к XIV в. Но в других разделах книги сам Герберштейн четырежды упоминает «область Сибирь», в которой «берет начало р. Яик» (т.е. р. Урал). По данным автора, кроме «области Сибирь», где правил ногайский князь Шихмамай, имелось еще «царство Тюмень, государь которого татарин и на их языке называется тюменским царем»¹⁰. Вероятно, «областью Сибирь» в начале XVI в. русские называли только Южный Урал, а не всю территорию будущего Сибирского царства.

* * *

О Сибири в современном смысле этого слова в «русском дорожнике» сказано следующее: «Восхождение на гору Камень занимает три дня; спустившись с нее, доберешься до реки Артавиша, оттуда к реке Сибут, от нее в крепости Ляпин, от Ляпина — до реки Сосьвы. Живущие по этой реке зовутся вогуличи. Оставив Сосьву справа, доберешься до реки Оби, которая берет начало из Китайского озера. Через эту реку они едва переправились за целый день, да и то при быстрой езде: она столь широка, что тянется почти на 80 верст. По ней также живут народы вогуличи и югричи. Если подниматься от Обской крепости по реке Оби к устью реки Иртыша, в которую впадает Сосьва, то это займет три месяца пути. В этих местах находятся две крепости: Ером и Тюмень, которыми владеют господа князя югорские, платящие, как говорят, дань великому князю (московско-

⁸ Цит. по: Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. С. 137–138, 434–436.

⁹ Годовикова Л.Н. Иностранные писатели XVI века о русском городе // Русский город. Вып. 8. М., 1986. С. 71.

¹⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 128, 162, 163, 179 (ср.: Замысловский Е. Герберштейн).

му). Там водится великое множество зверей и добывается огромное количество мехов.

От устья реки Иртыша до крепости Грустина два месяца пути: отсюда до Китайского озера по реке Оби, которая, как я сказал, берет свое начало из этого озера, более трех месяцев пути. От того озера в весьма большом количестве приходят черные люди, не владеющие общепонятной речью, и приносят с собой разнообразные товары, которые покупают народы грустинцы и серпоновцы. Эти последние получили имя от крепости Серпонов в Лукоморье, лежащем в горах за рекой Обью. Рассказывают, что с людьми из Лукоморья происходят удивительные и невероятные и весьма похожие на басню (вещи): именно говорят, будто каждый год и точно 27 ноября, в день, посвященный у русских святому Георгию, они умирают, а на следующую весну, (чаще всего к) 24 апреля, оживают, наподобие лягушек, снова. Народы грустинцы и серпоновцы ведут с ними необыкновенную и невиданную нигде более торговлю.

Когда наступает время, установленное для их умирания или засыпания, они складывают товары на определенном месте; грустинцы и серпоновцы уносят их, оставив меж тем свои товары по справедливому обмену. Если те, снова возвращаясь к жизни, увидят, что их товары унесены по слишком несправедливой цене, то (требуют их назад. От этого) между ними возникают частые раздоры и войны.

Спускаясь по левой стороне от реки Оби, живет народ каламы, который переселился туда из Обиовы и Погозы. В низовьях Оби до Золотой Старухи, где Обь впадает в океан, находятся реки Сосва, Березва и Надым, которые все берут начало с горы Камень Большого Пояса и примыкающих к ней скал. Все народы, обитающие от этих рек до Золотой Старухи, считаются данниками государя московского. Золотая Баба, т.е. Золотая Старуха, — это идол, стоящий при устье Оби в области Обдора, на том берегу. По берегам Оби и по соседним рекам расположено повсюду много крепостей, правители которых, как говорят, все подчинены государю московскому. Рассказывают, а выражаясь вернее, баснословят, будто идол Золотой Старухи — это статуя в виде старухи, держащей на коленях сына, и там уже снова виден еще ребенок, про которого говорят, что это ее внук. Более того, будто бы она поставила там некие инструменты, издающие постоянный звук вроде труб. Если это и так, то я полагаю, что это происходит от сильно и постоянно дующего на эти инструменты ветра.

Река Коссин вытекает из Лукоморских гор, при ее устье находится крепость Коссин, которой некогда владел князь Венца, а ныне его сыновья».

Заключая, Герберштейн писал: «Все, что я сообщил доселе, дословно переведено мной из доставленного мне русского дорожника. Хотя в нем, кажется, и есть кое-что фантастическое и едва вероятное, как, например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой Старухе, о людях чудовищного вида и рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог узнать ничего наверняка от какого-нибудь такого человека, который бы видел все это собственными глазами (впрочем, всеобщая молва утверждает, что это действительно так), все же мне не хотелось ничего опускать, предоставляя другим больше свободы в толковании сих вещей. (Поэтому я воспроизвел и те же названия местностей, какие существуют у русских.)»¹¹.

¹¹ Цит. по: Замысловский Е. Герберштейн; Герберштейн С. Записки о Московии. С. 157–160.

Данные «русского дорожника» довольно точно (если отвлечься от некоторых легендарных представлений, например проистекания р. Оби из «Китайского озера») передают картину того же меридионального торгового пути, связывающего по р. Оби самоедско-угорский север с далеким югом. Переключка здесь с предшествующим русским дорожником «О человецех незнаемых на Восточной стране...» довольно полная. Только вместо одного «Великого города», бывшего крупным посредническим центром международной торговли того времени, в Южной Сибири называются два — Грустина и Серпонов.

Итак, согласно «русскому дорожнику», на севере от Сосвы до устья Иртыша, по восточному склону Урала и на Оби расположена Югорская земля с многочисленными «городами». Среди них источник выделяет крепости и города Ляпин, Коссин, Обскую, Ером и Тюмень. Эти города обозначены на карте, приложенной к книге С. Герберштейна. Карту эту в числе других подробно исследовал академик Б.А. Рыбаков¹². В Югорской земле, как отмечается в «русском дорожнике», водится множество зверей и добывается огромное количество мехов. Севернее ее живут «каламы» и обдорцы, в земле которых «у устьев Оби» стоит загадочный идол северосибирских народностей того времени — Золотая Старуха, или Баба. Идол, в виде женской фигуры с копьем, также нарисован на карте в книге Герберштейна.

Река Обь, ширина которой, как свидетельствует источник, «тянется почти на восемьдесят верст», по тогдашним представлениям, сама была подобна морскому заливу. Такую широкую, от истоков до устьев, изображали ее на картах и иностранные географы. Поэтому «Лукоморье», по тогдашним представлениям русских людей, располагалось не по берегу Ледовитого океана, а много южнее — на правом берегу Оби. А Лукоморские горы — это широтно расположенная возвышенность, называемая ныне Сибирскими увалами. Других гор на правом берегу Оби и Обской губы просто нет. Именно с нее берет начало правый приток Оби р. Казым (Касум по-мансийски)¹³, которая у Герберштейна названа Кассима. При устье Казыма, напротив Березова, и стояла крепость Казым (Коссин) князя Венцы. Из одного места с Казымом (Касумом) проистекает в Обскую губу река Надым (Кассима), а на юг — правые притоки Оби: реки Тром-Юган и Ним.

Серпонов на карте Герберштейна отсутствует, но по описанию «крепость Серпонов (находится) в Лукоморье, лежащем на горах за рекой Обью», т.е. где-то в Сибирских увалах, а не в приокеанской тундре. Грустина же обозначена на карте в самых верховьях р. Оби, на правом ее берегу. По краю карты написано: «Область Кумбалык в Китае», а по большому озеру, откуда вытекает Обь, сделана надпись (по-латыни): «Китайское озеро»¹⁴.

Вероятно, правильно расшифровывали топоним Кумбалык как Каанбалык (столица великого каана Хубилая, построенная на месте современного Пекина)¹⁵. Карта Герберштейна ошибочно указывала, что Каанбалык расположен близко к истокам Оби, выходящим из мифического Китайского озера.

После публикации этой карты в 1549 г. упомянутые выше города изображались на многих иностранных картах до самого конца XVII в. Так, на карте

¹² Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974. С. 83.

¹³ Атлас СССР. М., 1954, л. 59–60. Ср.: Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийско-русский словарь. Л., 1958. С. 35.

¹⁴ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. С. 93.

¹⁵ Замысловский Е. Герберштейн. С. 85 и 420.

Г. Меркатора (1595 г.) обозначены города Грустин и Серпонов. Грустин показан на берегу озера в верхнем течении Оби. На карте И. Гондиуса (1606 г.) на Оби помечены города Серпонов, Грустина и, выше его, Камбалык. У Кавтелли (1683 г.) по берегам озер и рек Сибири воспроизведены многие города. На карте Г. Сансона (1688 г.) Серпонов показан на средней Оби, а Грустина обозначена близ устья Томи, у Н. Витзена (1687 г.) Грустина — на правой стороне Катунь близ устья¹⁶.

Судя по ранней картографии, большая торговая фактория Грустина (она же «Великий город» в сказании «О человецех незнаемых...») находилась или в самых верховьях Оби, при слиянии Катунь и Бии (р. Бия, как известно, вытекает из Телецкого озера), или на р. Чулыме к востоку от устьев Томи. Источники иного рода, излагаемые далее, склоняют, пожалуй, ко второму местонахождению и позволяют заключить, что Грустина располагалась все же на средней Оби, выше впадения в нее р. Чулым¹⁷, примерно на широте 57°. Что касается Серпонова, то он находился на северном склоне широтно расположенного хребта Сибирские увалы («Лукоморские горы»), вблизи впадения в Обь р. Казыма (манс. Касум), т.е. на широте около 63°. Сообщались города Грустина и Серпонов в основном речным путем по Оби.

Купцы из Грустины и Серпонова вели торговлю с темноликими чужеземцами, «не владеющими общепонятной речью», приезжавшими в верховья Оби со стороны далекого и загадочного Китайского озера. Можно вполне согласиться с предположением Б.А. Рыбакова, который пишет: «Самоцветы, жемчуг и темный цвет кожи пришельцев наводят на мысль об индийских купцах, которые могли интересоваться северной пушниной и мамонтовой костью»¹⁸. Однако, как вскоре увидим, и эти данные можно в определенной мере уточнить¹⁹.

Проникая на север, в Лукоморье, купцы из Грустины и Серпонова вели с северными самоедами торговлю, как указывает дорожник, «неизвестным в других странах способом». Это был натуральный обмен товарами, ввиду отсутствия у северян товарно-денежных отношений. Как мы уже видели по более ранним русским памятникам («О человецех незнаемых на Восточной стране» и по рассказу Гюряты Роговича), немой обмен с северянами был здесь обычным и древним явлением.

Нельзя не вспомнить в этой связи более раннее свидетельство хорезмийского ученого конца X — начала XI в. ал-Бируни о торговле волжско-булгарских куп-

¹⁶ Розен М.Ф. Алтай на чертежах и картах XVI–XIX вв. // Историческая география и топонимия Алтая. Томск, 1980.

¹⁷ Кызласов Л.Р. Грустина — торговая фактория сибирских аборигенов (кон. XV — нач. XVII в.) // Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута. Тезисы докладов. Екатеринбург, 1994.

¹⁸ Замысловский Е. Герберштейн. С. 419, примеч. 8; с. 420, 518, 519; Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. С. 79. Торговые люди — «Дели-индийцы» — ездили по Сибири еще в начале XVIII в. (Кызласов Л.Р. В Сибирю неведомую за письменами таинственными // Путешествия в древность. М., 1983. С. 46, 92–95). Некоторые индийские купцы участвовали в 1654–1657 гг. в посольстве Ф.И. Байкова в Китай (см.: Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966).

¹⁹ Излагаемому далее сюжету автором посвящена специальная статья: Загадка Грустины и Серпонова — торговых городов средневековой Сибири (по «Запискам о Московии» Сигизмунда Герберштейна) // ВМУ. Серия 8. История. 1995. № 1. См. также: Кызласов Л.Р. Загадка Грустины и Серпонова — торговых городов средневековой Сибири // JSFO. 1997, 87.

цов с теми же народностями Обского севера: «Способ торговли народа Юры заключается в том, что они оставляют свои товары на границе своей страны и удаляются от них по причине их дикости и страха перед другими людьми»²⁰.

Города Грустина и Серпонов пока остаются загадочными. Необходимо исследовать их названия, привлекая языки разных народов, и прежде всего самодийских, угорских и тюркских.

Спустя 100–150 лет западноевропейские эпигоны Герберштейна по-своему излагали наш источник. Например, Яков Рейтенфельс (1672–1673) писал: «Прибавь (читатель) к названным еще область Лукоморье, с которою граничат дружеские с русским народом грустинцы и серпоновцы, живущие близ Китайского озера, из которого вытекает Обь, и которым индийцы привозят на продажу разные товары и драгоценные камни. Лукоморцы, по образцу самоедов, спускаются зимою на жительство внутрь земли, а раннею весною снова выходят на солнечный свет...»²¹.

По догадке некоторых авторов, грустинцы — это гаустинцы (яуштинцы), которых путешествовавший по Сибири Ф.И. Страленберг нашел в 1721 г. живущими возле Томска. Он несколько раз упоминает их в своем путевом дневнике, а также в книге, изданной в Стокгольме в 1730 г.²² В переводе этой книги, сделанном по выходе ее В.Н. Татищевым, упоминаются как «гаустинцы», так и «гаушту» или «гауштинцы». О них сказано: «...остатки сих гауштинских народов обитают в нескольких кибитках возле Томска числом около 200 или 300 человек, как идолопоклонники, употребляют же такие бубны или барабаны, как лопари и остяки. Сказывали же мне, аки б они старинные сибирские жители...»²³.

Эта небольшая тюркоязычная этническая группа дожила среди «томских татар» до современности под именем йаушталар (по-русски — эуштинцев)²⁴. В связи с развитием их языка выпадение в самоназвании начального звука «г» вполне закономерно, так же как и переход «с» в «ш». Дело в том, что в настоящее время у восточных тюркоязычных народов исчезли слова, начинающиеся со звука «г».

Обсуждая сведения «Югорского дорожника», еще А.Х. Лерберг в начале XIX в., опираясь на упоминания Страленберга о «гаустинцах» и Г.Ф. Миллера о «евштинцах», одним из первых писал: «Мнение наше, что сии Еуштинцы или Гаустинцы суть Грустинцы, подтверждается тем, что мы здесь находимся в такой области, которая некогда не токмо в Сибири, но и у южных азиатцев была в великой славе, по хорошему состоянию жителей оных»²⁵. Хотя с тех пор прошло

²⁰ Цит. по: Белецкий А.М. Карта мира по Бируни // Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Л., 1949, вып. 1. С. 210.

²¹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т. I. XIII–XVII вв. Иркутск, 1932. С. 24.

²² Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil I. B., 1962. S. 83, 93, 152, 357; Strahlenberg F.I. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

²³ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. I. Северная и Восточная часть Европы и Азии. М.–Л., 1985. С. 45, 164; ср.: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII в. (первая половина). М.–Л., 1965. С. 42–43.

²⁴ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды ТГУ. Т. 112. Томск, 1950. С. 34, 116, 200; ср.: Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981. С. 183–201.

²⁵ Алексеев М.П. Сибирь в известиях. С. 109.

почти 200 лет, но мнение А.Х. Лерберга по-прежнему остается наиболее вероятным²⁶, если не сказать — наиболее точным.

Продолжая наше исследование, представляется перспективным и своевременным обратить внимание историков на название самого южного из городов восточнотуркестанских оазисов — Хотана. С древности населенный индоевропейцами, он первоначально назывался своими жителями Гостана — «Грудь земли». Население Хотана, обитавшее близко к Индии, рано восприняло буддизм и, судя по целому ряду буддийских санскритских документов, стало называть свою землю Гаустана, с тем же значением «Грудь земли»²⁷. Очевидно, именно хотанские купцы (среди которых были и индийцы) еще в VIII–X вв., в период существования позднего хотано-сакского языка, установили прямые и постоянные торговые связи с Южной Сибирью.

В то время мощное Древнехакасское государство распространяло свою власть не только на всю Южную Сибирь, включая Причулымье, — его войска в 841–842 гг., преследуя уйгуров, вторглись в Восточный Туркестан и в марте 843 г. захватили города Бешбалык и Кучу, дойдя до Кашгара²⁸.

Предполагаем, что хотанские купцы — индоевропейцы («черные люди, не владеющие общепонятной речью») и тюркоязычные правители хакасов создали крупную торговую факторию, которую разместили на важном перекрестке водных и сухопутных путей — там, где вблизи Оби сходились излучины Томи и Чулыма. Хотанские купцы в память о родине своей прозвали новую торговую крепость «Гаустана», и это имя в поздних источниках передавалось как «Гаустина» и «Грустина». Так на юге Сибири появился собственный «Хотан» — центр международной торговли и перевалочная база для диковинных южных товаров, меняемых на драгоценную пушнину, мамонтовые бивни, мускус и другие товары²⁹.

Описанная ситуация подтверждается обнаруженным томскими археологами особенно крупным скоплением древнехакасских курганных кладбищ X–XIV и более поздних веков в ближайшей излучине Чулыма. Точнее — в приустьевых пространствах левых его притоков: рек Яи, Кии и Чети³⁰, текущих из Хакасии. Такие большие и долговременные могильники складываются у крупных средневековых поселений городского типа. Непосредственно в районе современного Томска имеются и более ранние древнехакасские могилы IX–X вв. (Архиерейская заимка и др.)³¹. Нет сомнения, что на протяжении многих столетий в междуречье среднего течения Чулыма и низовьев Томи жила большая группа средне-

²⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 335, примеч. 554.

²⁷ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 41–42.

²⁸ Кыласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 74–75.

²⁹ Кыласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 119–121; он же. История Южной Сибири. С. 109–116.

³⁰ Беликова О.Б. О длительности пребывания кыргызов на Среднем Чулыме // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 13–19; она же. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск, 1996. Городища и неукрепленные поселения остаются неисследованными.

³¹ Плетнева Л.М. Взаимодействие культур в период тюркизации в Томском Приобье // Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 99; она же. Предметы северного импорта в Томском Приобье XI–XIV вв. // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 169.

ковых хакасов. Очевидно, это они — торговцы, воины и земледельцы — вели обслуживание северного отрезка международного торгового пути, его охрану и административное управление всем районом.

В китайских хрониках X–XI вв. прямо указано, что хакаские охранные отряды постоянно сопровождали торговые караваны среднеазиатских, восточнотуркестанских и тибетских купцов в их долгом пути на Енисей. При этом местом встречи караванов из Хотана для хакаских воинов являлось Семиречье — страна карлуков³². Оттуда купеческий караван сопровождался воинским отрядом, вероятно, до самой Гаустины.

Современные томские татары-гаустинцы (яуштинцы), по-видимому, представляют собою потомков бывших гаустинских подданных. Еще в начале XVII в. их «князь Тоян со всеми своими тоянцы» продолжал сохранять даннические обязательства по отношению к хакаским князьям из рода Хыргыс. Гаустинцы были «лучшие холопы» кыргызов. Об этом рассказал сам князь Тоян, приехавший в конце зимы 1603 г. в Москву, на аудиенции у царя Бориса Годунова в январе 1604 г. Тяготясь воинскою слабостью, Тоян бил царю челом «пожаловати велети ему быти под царскою высокою рукою и велели бы в вотчине его в Томи поставити город. А место де в Томи ужоже и пашенных людей устроити мочно, а ясачных де у него людей триста человек. И как де город поставят и те де все ясачные люди придут к нашему царскому величеству и ясак учнут платити»³³.

Нельзя не обратить внимание читателей на одно любопытное совпадение. В записках монгольского посла середины XIII в. отмечено, что кыргызы на Енисее для езды по снегу применяют сани, запряженные собаками³⁴. Это известие, вероятно, относится к северным районам Древнехакаского государства, где сборщикам податей (албана) или торговым людям приходилось путешествовать в зимний период по бездорожью. Но А.Ф. Миддендорф в начале XVIII в. сообщил, что «даже по большой столбовой дороге около Томска летом ездили на лошадях, а зимою на собаках»³⁵. И вот оказалось, что именно яуштинцы сохранили до современности не только развитый лыжный ход на подшитых камусом лыжах, но и зимнюю езду на сани с собачьими упряжками³⁶.

Можно было бы привести еще многое в пользу высказанного уточнения местоположения «крепости Грустины», а также подробнее раскрыть значение Гаустины как крупной торговой фактории аборигенов Сибири на Великом Пушном пути, ведущем в Среднюю Азию, Иран, Восточный Туркестан, Индию и Китай. Конечно, нужно рассказать и об археологических свидетельствах традиционного восточнотуркестанского импорта различных товаров, ввозимых в Сибирь начиная со скифского времени. Но все это темы для самостоятельных особых исследований.

³² Кюнер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII–VIII вв. н.э. // Записки ХНННЯЛИ, вып. 2. 1951. С. 11; Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. С. 109–116.

³³ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955. С. 180; см. также: Бояришинова З.Я., Голишева А.И. Первый документ о строительстве русского города на берегу Томи // Из истории Сибири. Вып. 1. Томск, 1970. С. 202–209.

³⁴ Кюнер Н.В. Китайские историки-летописцы о хакасах // Записки ХНННЯЛИ. 1954, вып. 3. С. 137; Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. С. 154.

³⁵ Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. СПб., 1869. С. 534.

³⁶ Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск, 1980. С. 53–55.

Необходимо попытаться раскрыть и название второго города, упоминаемого в Югорском дорожнике в паре с Грустиной. Это — «крепость Серпонов». В цитированном выше тексте сказано, что серпоновцы «получили имя от крепости Серпонов в Лукоморье, лежащем на горах за рекой Обью».

Некоторое несоответствие в восприятии исследователями труда С. Герберштейна самого термина «Лукоморье» проистекает из-за того, что автор «Югорского дорожника», переводя местное название, недопонял тот смысл, который в данном случае вкладывали в географию местности самодийские и угроязычные аборигены Севера. Дело в том, что ханты и манси называют море «ас (ась)». Но совершенно так же они называют и Обскую губу и саму р. Обь — Ас. В этот термин вкладывается смысл «большая река», «большая вода»³⁷. А живущие там же самодийцы (ненцы) на своем языке одинаково именуют как Ям и море, и вообще всю р. Обь. Ненцы всякую большую реку называют «ям». Например, упомянутую выше р. Надым ненцы зовут Нати-ям³⁸. Это обстоятельство позволяет осознать, насколько трудно было русскому путешественнику XII–XV вв. определить где, по мнению сибирских аборигенов, кончался берег «большой реки» и начиналось «Лукоморье». Оттого-то местонахождение самой северной фактории было указано в «Югорском дорожнике» весьма неопределенно: «крепость Серпонов в Лукоморье, лежащем на горах за рекой Обью».

Итак, пришлые торговые люди, «грустинцы и серпоновцы», перекупив в Гаустине-Грустине товары, доставленные «черными людьми» с далекого юга, ездили на дальний север в Самоедщину, где на правом берегу Оби стоял на горах Серпонов. Там-то и приобретался купцами самый важный и лучший товар — драгоценная пушнина, совершенно отсутствующая в южных странах.

Непонятное название северной торговой фактории, вероятно, может быть расшифровано с помощью самодийского же языка, на котором искони общались между собою обитатели правобережья нижней Оби. Обращение к этому языку, как кажется, удовлетворительно решает нашу проблему.

По-самодийски *серпонс* означает «белый чужеземец» (*сер* — «белый», *понс* — «чужой, приезжий, странный, иностранный») ³⁹. Следовательно, местное население назвало сооруженную приезжими укрепленную факторию «Крепостью белых чужеземцев», что и было адаптировано русскими как крепость Серпонов. «Белыми чужеземцами» как для северян, так и для южан в средневековый период, как известно, являлись жители Древнехакасского государства. Например, арабский географ начала XIV в. ал-Омари, со слов купцов-очевидцев, сообщает о людях, живущих «в землях Сибирских и Чулымских (т.е. Причулымских. — Л.К.): «Нет... красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые». До

³⁷ Паллас П.С. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Ч. I: А–Д. СПб., 1790. С. 109; Ahlqvist A. Ueber die Sprache der Nord-Ostjaken. Helsingfors. 1890. S. 66. Ср.: Кыласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. С. 168–169.

³⁸ Матвеев А.К. Гидронимический ареал на -им, -ым на правобережье Оби и некоторые вопросы древней истории народов Западной Сибири // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 104.

³⁹ Ianhunen I. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. S. 40, 127, 138.

него об особой белокожести жителей Древнехакасского государства сообщали и китайские летописцы, и персидские географы⁴⁰.

Этот же арабский географ и историк был отлично информирован о внутренней сибирской торговле своего времени. Данные ал-Омари, приведенные в его труде «Пути взоров по государствам разных стран», полностью совпадают со сведениями русского «Югорского дорожника». «Купцы наших стран, — пишет он, — не забираются дальше города Булгара; но купцы болгарские ездят до Чулымана (т.е. в Причулымье. — Л.К.), а купцы чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера»⁴¹. Здесь для нас не столько важно сообщение о наездах на Чулым караванов волжско-булгарских купцов⁴², сколько о регулярных поездках причулымских (хакасских) купцов в Югру, «на окраину Севера». Автор к этому прибавляет: «...за Чулыманом границы владений Сибири и Ибири прикасаются земель хатайских», т.е. Китая.

Несомненно, что указанные здесь «купцы чулымские» это и есть хакасские гаустинцы и серпоновцы, поддерживавшие между собою постоянное общение. Однако сведения ал-Омари относятся к началу XIV в. (он умер в Дамаске в 1348 г.)⁴³, и, следовательно, или они одновременны сведениям Югорского дорожника (как отмечалось, еще не знающего названия «Сибирь»), или же Русский дорожник подтверждает и развивает данные о давнем существовании международного торгового пути по обскому меридиану. Естественно, что после завоевания монголами в 1236 г. Волжско-Камского Булгарского государства и создания Золотой Орды булгарские купцы стали реже приезжать в Гаустину за южными товарами и значение широтного торгового пути из Западной Европы через страну хакасов в Китай, о котором также писал ал-Омари, уменьшилось⁴⁴.

Нельзя не добавить, что у средневековых хакасов были и другие подтаежные города-фактории, развивавшие торговлю с северными лесными народами — охотниками и рыболовами. Наиболее близким к Гаустине был богатый город Кикас, расположенный на Енисее, при впадении в него справа р. Ангара. О нем сообщает известный историк XIV в. Рашид ад-Дин: «Ангара находится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кэм сливаются вместе. Город тот принадлежит к области киргизов... Повсюду (там) серебро... все инструменты и посуда (у населения) из серебра»⁴⁵.

Очевидно, что и в эпоху монгольского засилья в XIII–XIV вв. сменявшие друг друга монгольские властители не препятствовали хакасским торговым людям развивать взаимовыгодные товарные операции и с северными, и с южными странами⁴⁶.

⁴⁰ Сводку данных о физическом типе населения см.: Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. С. 140.

⁴¹ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 215, 236, 238. Ср.: Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. С. 121, 152.

⁴² Булгарские товары, в том числе серебряная посуда, ныне в большом числе находятся при археологических исследованиях Нижней Оби — см., например: Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард–Санкт-Петербург, 2003.

⁴³ Тизенгаузен В. Сборник материалов. С. 236–240.

⁴⁴ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. С. 117–121.

⁴⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.–Л., 1952. С. 102.

⁴⁶ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. С. 112–123; он же. Памятник мусульманского средневековья в Туве // СА. 1963, № 2.

Перед сибирскими археологами ныне возникает задача большой важности и немалой сложности — разыскать и исследовать остатки обозначенных в этом разделе нашей книги средневековых городов-факторий Гаустины, Серпонова и Кикаса.

В XV–XVI вв. Грустина и Серпонов являлись крупными торговыми форпостами южносибирских тюркоязычных народов и играли выдающуюся роль в действующем меридиональном торговом пути, связывавшем охотников и оленеводов нижнеобского севера с далекими цивилизациями Индии, Средней Азии и Восточного Туркестана.

Неслучайно о тех же двух торговых городах, расположенных на Оби, рассказывал в 1618 г. первому русскому послу в Китай Ивану Петлину «браккой татарин Куштак»: «...есть де река Каратал, велика... А та де река Каратал впаде в ту Обь, великую... А от Каратала де по той реке стоят два города каменные, да деревни брацкие земли жылыя, а на низ пошли улусы кочевные брацкие ж. А из-за той де великие реки приезжают к нам манцы (иноязычные люди. — Л.К.) со всяким товаром, меняют де с нами и саяны на оленью кожу и на лосины и на соболи и на бобры, а нам де дают противу камки и бархаты и тафты и зендени черные, да и назад де за ту реку поедут. Да слышал де я у своих людей у брацких: бежало ж судно велико снизу, а на том де судне высоко невесть што бело (паруса? — Л.К.); да набежало де на песок, так да ево и розбило; и мы де такова судна велика и хороша на той реке не видали и не слыхали, а тово де мы не ведаем, куды то судно шло, — в Китай или в-ыную землю...»⁴⁷.

Хотя остается неясным, который из больших притоков Оби именовался в то время Караталом⁴⁸ и почему Иван Петлин назвал братскими селения тюркоязычных (в то время бурятских?) кыштымов на р. Оби, все же это сообщение свидетельствует почти о столетнем периоде существования в Южной Сибири крупных торговых городов Грустины и Серпонова. Вместе с тем оно подтверждает факт существования многовековой глубоко традиционной международной торговли северных народов с южными странами по одному и тому же обскому меридиану. Нет сомнения, что эта торговля приводила к двухстороннему культурному обмену и взаимовлиянию, обогащая жителей Северной Азии духовно, идейно и материально.

* * *

Но еще интенсивнее торговые и культурные взаимоотношения развивались у Сибири с Восточной Европой, т.е. в широтном направлении. Археологические исследования последних лет позволяют думать, что в этом Московское царство следовало давней евразийской международной традиции, установившейся от раннесредневековой Южной Сибири до еще домонгольской Руси и Волжской Булгарии⁴⁹.

⁴⁷ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. М., 1959. С. 86; Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. С. 54, 55, 62–64.

⁴⁸ В настоящее время Каратал (тюркское: Черная ива) — название двух рек: впадающей с юга в оз. Балхаш и левого притока р. Черный Иртыш.

⁴⁹ См.: Кызласов И.Л. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI–XIII вв. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Санкт-Петербург–Псков, 1997. Т. I. С. 380–386; он же. Аскизская культура Южной Сибири и ее древности в Восточной Европе // Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследования и каталог. Казань, 2001.

Первое русское сообщение об истоках р. Оби относится уже к концу XV в.: «Обь — великая река, идет из Китайские земли из озера Болванники»⁵⁰. На XV и на первую половину XVI в. приходится особенно интенсивное развитие русско-сибирской торговли. Ценна в этом отношении одна из царских грамот конца XVI в., в которой сказано следующее: «...преж сего (курсив мой. — Л.К.) приходили во все сибирские города с Руси многие торговые люди пермичи и вятчане и вымичи и пустозерцы и устюжане и усольцы и важане и каргопольцы и вологжане и овех московских городов торговые люди со всякими товары и торговали во всей Сибирской земле, езда по городком и по волостям и по юртом и по лесом с тараты и с остяки и с вогуличи и с самоедью»⁵¹.

Этот документ определенно подтверждает существование широчайших торговых путей и связей Руси с Сибирью, сложившихся задолго до завоевания последней. Поражает географический размах торговли, которая охватила не только почти все северорусские города, вплоть до московских, но и все этнические группы коренного сибирского населения, все собственно сибирские города, крепости и оседлые поселения.

В ту бурную эпоху, наполненную постоянными военными стычками, практически все этнические группы сибирского населения (за исключением, может быть, жителей восточносибирской тайги) имели укрепленные города и крепости.

Еще в «Книге Большому Чертежу», основывавшейся в основном на источниках середины XVI в., говорится, что от устья р. Оби вверх идут «Обдорские города», а выше их — «Югорские», а выше Югорских городов — «Сибирь». «И те города по Сысве и по Сосве — Югра». На «Большом Чертеже» только на северо-западе Сибири было показано более 90 городов, принадлежавших местным народам⁵². В XVI в. был основан мансийский город Чимген.

Учитывая большое число оседлых поселений и городов Западной Сибири того времени, а также предшествующую историю международной торговли ее населения начиная, как выше было показано, с XI в., можно утверждать, что в Сибири к XVI в. издавна сложились устойчивые внутренние экономические связи. Территориальные связи осуществлялись благодаря несомненной стародавней сети внутренних торговых путей, соединявших между собой заинтересованные в товарном обмене различные государственные этнические сообщества, или «княжества», как их характеризуют русские документы XII–XV вв. Устойчивость экономических связей сибирского региона использовалась пришлым торговым людом, устремлявшимся туда, чтобы пожитья драгоценной пушниной. Мы уже видели, что это было купечество Южной Сибири, Средней Азии и далекого юга, вплоть до Ирана, Индии и Арабского халифата, а также торговые люди Русского государства. Таким образом, меридиональный торговый путь перекрещивался в Западной Сибири с широтным.

Нет сомнения, что развитие внутренней и международной торговли у сибирских народов способствовало возникновению и укреплению у них товарно-денежных отношений, становлению общесибирского рынка и развитию хозяйст-

⁵⁰ Плигузов А.И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. 1987, № 5. С. 49, примеч. 51.

⁵¹ ЦГАДА. Сибирский приказ. Кн. 1, л. 103об. Ср.: Бояршинова З.Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству // Труды Томского гос. ун-та. 1957, т. 136. С. 148.

⁵² Книга Большому Чертежу. М.–Л., 1950. С. 158–168.

венной жизни коренного населения. Все это стимулировало возникновение и развитие в Сибири в XII–XVI вв. торговых и ремесленных городов, а также строительство опорных и охранных крепостей и факторий местного населения на старых торговых путях.

* * *

Русские люди не сомневались, что древние города существовали в Сибири задолго до появления татар Сибирского юрта. По их представлениям, возникшим еще в XV–XVI вв., первоначальным населением древней Сибири являлся мифический высокоразвитый народ «чудь». Эта чужь якобы погибла, унеся с собою все культурное наследие древних сибиряков, в том числе и бывшую городскую культуру. Легенда о гибели чудского народа сложилась уже к XVII в., и в ранних русских сибирских летописях утверждалось вполне определенно: «А как сибирския гради имены нарицалися, и се неведамо и ни от кого же неиспытано, понеже бо прежде живяше по всей Сибирской земле чюдь, посему и писания несть»⁵³. В тех же летописях сказано: «А о начале Сибирского царства, откуда почася и како, не вем, понеже живяху чюдь»⁵⁴.

Судя по археологическим данным, первое тюркоязычное население в Западной Сибири появилось задолго до монгольского нашествия — в Барабинской степи ранее IX–X вв., на Ишиме и Тоболе в X–XII вв.⁵⁵. Вероятно, тюркоязычные предки сибирских татар тогда же обосновались на р. Туре⁵⁶. Там они жили оседло и за это были прозваны соседями *тураты*?, по-русски туралинцами, т.е. городскими (оседлыми) жителями (тюрк. *тура* — «срубный дом, город»). Туралинцы умели строить города, и, очевидно, поэтому уже к XIII в. их реку прозвали Турой. В долине ее издревле стояли города Епанчин и Чинги-Тура⁵⁷.

История вхождения Западной Сибири в сменявшие друг друга различные феодальные владения, возникавшие на бывшей территории улуса Джучи-хана до и после смерти его сына Бату-хана, еще в достаточной степени не исследована⁵⁸. Известно, что в XIII — первой половине XIV в. Южное Зауралье и часть Западной Сибири (область Ибир-Сибир) по указу монгольских ханов входили во владения потомков Туга Тимура, сына Джучи-хана.

В конце XIV в. сложилось государство Сибирский юрт со столицей в городе Чинги-Тура (рус. Чингиден) на р. Туре. Это государство являлось владением Шейбанидов (Шибанидов) — потомков Шибана, пятого сына Джучи-хана. Его расцвет относится к XV в. Уездными городами являлись: Кызыл-Тура (при впа-

⁵³ ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи. М., 1987. С. 32, 38.

⁵⁴ Там же. С. 178.

⁵⁵ Генинг В.Ф., Овчинникова Б.Б. Пахомовский могильник // Вопросы археологии Урала. Вып. 8. Свердловск, 1969; Нестерова А.Г. Средневековые курганы у озера Синеглазово // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982; Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.

⁵⁶ Могильников В.А. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в. / Уч. зап. Пермского гос. ун-та. 1968. (Тр. Камской археологической экспедиции). С. 291.

⁵⁷ Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. I: История до-русской Сибири. Иркутск, 1920. С. 218–220; ч. II, вып. I: Завоевание русскими Сибири. Владивосток, 1924.

⁵⁸ Нестерова А.Г. Государство Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв. Археология и история. Автореф. канд. дис. М., 1988; он же. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003. С. 109–121.

дении Ишима в Иртыш) и Жанги-Тура (столица юрта Чинги-Тура была переименована позднее в город Тюмень). Русские люди называли Сибирский юрт Шейбанидов (ок. 1448 — ок. 1505) Тюменским ханством. В городах его чеканилась собственная монета.

В 1495 г. в южной части Сибирского юрта возникло государство Тайбугидов (1495 — ок. 1563) с центром в Кызыл-Туре. Это была федерация сибирских татар и угорских князей. Хан Мамет «разрушил Чингиден» и вскоре перенес столицу в бывшую угорскую крепость Сибирь (по-татарски Кашлык или Искер). Мамет захватил земли всего Тюменского ханства⁵⁹. Однако на юге в Средней Азии оставались узбекские Шейбаниды, отколовшиеся в 1446 г. от сибирских и ушедшие из Чинги-Туры в город Сыгнак на р. Сырдарье⁶⁰. Временами они вспоминали свою сибирскую родину и совершали туда набеги за данью и пушниной.

В середине XVI в. узбекские Шейбаниды захватили Сибирский юрт (1563–1582) и поставили там правителем хана Кучума (последнего сибирского хана). Шейбаниды теперь расценивали эту землю как северную окраину своих владений. Столицей юрта оставался по-прежнему г. Искер, или Кашлык (бывш. г. Сибирь), только он был перестроен по образцу среднеазиатских городов. Сибирское ханство представляло собою феодальную конфедерацию. Оно состояло из трех татарских улусов: Ишимского, Барабинского и Джалаирского, а также угорских: Кодского княжества хантов и Пелымского княжества манси. Кодское княжество к началу XVII в. развилось до феодального владения князей Алачевых. Таковым было политическое положение, сложившееся в Западной Сибири перед походом Ермака⁶¹.

Многие данные о сибирских городах и крепостях содержатся в исторических источниках и трудах, посвященных русскому завоеванию Сибири.

Рассмотрим сведения о татарских городах. В период своего молниеносного похода, начиная с 1 сентября 1582 г., Ермак встретил первое сопротивление от татар, живущих «в малых крепостях по реке Туре», а 26 октября он уже взял столицу ханства г. Искер. В настоящее время установлено, что в XIII–XIV вв., т.е. в золотоордынский период, самыми большими городами в Сибири были Чинги-Тура (Тюмень), Кызыл-Тура, Жанги-Тура, Сибирь (или Искер) и Тон-Тура на реке Оми в Барабинской степи. В двух последних при археологических раскопках выявлены мощные культурные слои (до 2 м) и разнообразные находки золотоордынского времени⁶². Города эти, значительно удаленные от современных им центров развитого градостроительства, имели фундаментальные постройки, возведенные квалифицированными архитекторами. Об этом можно судить по наблюдению академика И.П. Фалька, обследовавшего городище, находившееся на Иртыше в 20 верстах ниже устья Ишима, и видевшего здесь «развалины обрушившейся мечетной башни и большого каменного дома». Подобные остатки

⁵⁹ Бояршинова З.Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству. С. 153.

⁶⁰ Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

⁶¹ Нестеров А.Г. Государство Шейбанидов и Тайбугидов; Бояршинова З.Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству; ср.: Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Научные труды. Т. 3. М., 1955; Кызласов Л.Р. Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи // ВМУ. Серия 8. История. 2005, № 2. С. 50–69.

⁶² Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 128.

каменных строений неоднократно отмечались путешественниками на различных сибирских городищах⁶³. И.П. Фальк обнаружил «каменные строения» и на городище Тон-Тура⁶⁴.

Итак, ко времени похода Ермака, пришедшего защищать от Кучума свою сибирскую родину, татарские города в Сибири имели уже более чем 200-летнюю историю. К настоящему времени археологически исследовано свыше 20 поселений Сибирского юрта, среди которых шесть крупных городов: Искер, Тон-Тура, Кучум-Гора, городища Ананьевское, I Никольское, Голая Сопка⁶⁵. На ряде городищ расчищены не только деревянные срубные жилища, стены и башни, но и полуземлянки с глинобитными печами. Открыты также каменные и кирпичные здания с окнами из слюды. На берегу Уя, левого притока Тобола, обнаружена лестница с кирпичными ступенями к воде. На городище Искер (Кашлык) выявлен, как упоминалось, мощный двухметровый культурный слой с остатками фундаментальных построек. Археологи нашли там много земледельческих орудий: железных сошников от плугов (типа татарского сабана), серпов, кос-горбуш и ручных каменных жерновов⁶⁶. Сообщалось, что в 1598 г. Кучум переехал с Кулунды на берега Оби, «где у него хлеб сеен»⁶⁷. На Искере в цитадели на бугре, где находились дворцы ханов, были обнаружены остатки импортных предметов (в том числе китайского фарфора, стеклянных сосудов) и серебряные монеты с арабскими надписями. Было много находок, свидетельствующих о том, что «Искер не был лишь военной крепостью, что он включает и непосредственно прилегающее к нему поселение, что это был город, в котором была развита торговая жизнь»⁶⁸.

Отметим, что земледелием и скотоводством занималось не только оседлое татарское население, но и отдельные группы манси (вогулы Епанчинского юрта, табаринские вогулы на р. Тавде и др.). В конце XVI и начале XVII в. верхотурские и косьвенские манси держали лошадей и коров и имели собственные сенные покосы. Табаринские «вогуличи» разводили лошадей, на которых пахали. Да и позже, в 1628–1629 гг. в Табарах 70 человек из народа манси сидели на пашне⁶⁹. По данным сибирских летописей, Ермак в 80-х годах XVI в. собирал хлеб в счет ясака с угорского населения, живущего по р. Тавде. Пожалуй, самое северное дорусское земледелие в Сибири обнаружил в 1582 г. сподвижник Ермака атаман Брязга, наткнувшись на «татарские пашни» в 50 верстах севернее устья Тобола (т.е. на уровне 59-й параллели)⁷⁰. Все это свидетельствует против расхожего

⁶³ Там же; Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824, с. 395–396.

⁶⁴ Полное собрание ученых путешествий по России. С. 432.

⁶⁵ *Нестеров А.Г.* Государство Шейбанидов и Тайбугидов. С. 8–12; *Левашева В.П.* О городищах Сибирского юрта // СА. Т. 13. 1950; *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. 1953, № 35. С. 273; *Можильников В.А.* Культура племен лесного Прииртышья.

⁶⁶ *Левашева В.П.* О городищах Сибирского юрта; *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте; *Пишутин В.Н.* Искер // Ежегодник Тобольского музея. 1915. Вып. 25; *Соболев В.И.* Ранне-средневековые города татарского населения Западной Сибири // Города и деревни Сибири досоветского периода в их взаимосвязи. Новосибирск, 1988.

⁶⁷ *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т. 3, ч. 2. М., 1955. С. 154.

⁶⁸ *Пишутин В.Н.* Искер; *Соболев В.И.* Ранне-средневековые города.

⁶⁹ *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. 3, ч. 2. С. 88, 98, 99.

⁷⁰ *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда. С. 45, 101, 215; *Левашева В.П.* О городищах Сибирского юрта. С. 344.

представления о первобытности, бескультуре и бродячем образе жизни коренного населения Западной Сибири в дорусскую эпоху.

В городах Сибирского юрта преобладали деревянные строения, как, впрочем, и в большинстве городов стран Восточной и Северной Европы того времени (XIV–XVI вв.). Вскюду, где леса в те времена еще не были вырублены, города были в основном деревянными. Поэтому русские люди в XII–XVII вв., описывая в своих документах «сибирские города» или «городки», воспринимали их такими же, как и города на Руси.

Но из-за давнего проживания в них выходцев из Средней Азии, при господстве манихейской религии, а затем ислама, который стал распространять прибывший с юга, из Бухарского оазиса, Кучум, города Сибирского юрта приобрели некое позднее сходство с городами Востока. В них появились сводчатые каменные или кирпичные мечети, минареты и мавзолеи мусульманских святых (тюрьбы и мазары). Мавзолеи в Искере, например, при Кучуме строились также из сырцовых кирпичей. Они имели округлые своды, подобно среднеазиатским гумбезам. Особенно знаменит стал мавзолеем шейха Айкани. Миллер так же сообщал о поздних склепах, сооруженных из обожженного кирпича. В современных сибирско-татарских источниках упоминаются 39 наиболее священных мазаров. Чаше всего они сооружались из дерева и представляли собою ограду из бревен с невысокой башенкой⁷¹. Ханским кладбищем было Саусканское на правом Берегу Иртыша.

От бревенчатых срубных городских стен, башен, мостов и жилищ после многочисленных разрушений и пожаров почти ничего не осталось. Поэтому мы, вероятно, никогда не узнаем общего числа таких татарских городов, особенно небольших. Русские источники упоминают только те города Сибирского юрта, с которыми пришлось иметь дело казакам-завоевателям на берегах больших рек. Никакого полного описания городов сибирских аборигенов никто и не подумал составить. Известно, однако, что в глубинке и по окраинным пограничным местам даже скотоводы строили для себя своеобразные округлые деревянные города с жилыми стенами. В начале 1601 г. об одном из таких городов сказано: «...а поставлены де у них избы рублены в стену кругом, по смете де изб с полчетвертадесять; да у них же де, господине, обдернуто около изб телегами кочевными большими для крепости от приходов»⁷².

О подобном временном городке царевича Алея написано в грамоте царя Федора Ивановича от 1595 г.: «Алей де собрал Оялымские волости татар 150 человек и отвел их вверх по Иртышу на Черной остров, и тут деи они на Черном острову поставили городок, и в том городке зимуют»⁷³.

В документах сообщается, что хан Кучум, укрепляя свое государство, строил старые и возводил новые крепости и «городки». Известны сибирско-татарские города: Сузгун-Тура, Бицик-Тура, Явлу-Тура, Кизил-Тура, Кысым-Тура, Тунус, Чуваш, Карачин, Ташаткан, Абалак, «город Кучумова брата», Зубар-Тура, «город опасный» есаула Алышай, город мурзы Чангулы, Тархан-Калга (Тарханский город), Цытырлы, Ялым, Акцибар-Кале, старинный город Чубар-Тура на р. Нице (в 1624 г. — уже «Чубарово городище») и др. Упомянуты в документах «город-

⁷¹ Нестеров А. Г. Государство Шейбанидов и Тайбугидов. С. 10.

⁷² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.–Л., 1941. С. 167.

⁷³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.–Л., 1937. С. 367.

ки»: Аттика, Атый мурзы, «княжев городок», «заставной город на холме Ятман», Махметкулов городок, Киныр-городок в верховьях р. Туры, Ленский (Иленский?), Черноярский, Катаргулов, Малый город, «крепкий татарский городок» на р. Аримзянке, взятый с боя казаками Ермака⁷⁴, Обухов городок⁷⁵, Черный городок и др. Мощной крепостью на степном рубеже «от калмык» служил «опасной крайней кучумовский город Куллары». О нем сказано весьма определенно: «во всем верх Иртыше крепче его нет»⁷⁶. В последнем убедился сам Ермак, казаки которого пять дней безуспешно штурмовали Куллары. Понеся большие потери, Ермак был принужден отступить и уйти⁷⁷.

Нельзя не отметить, что уже к концу XVI — началу XVII в. ряд старых городов был заброшен: «Царево городище» на Тоболе, Бегишево городище, городище Тебенди, упоминавшееся выше Чубарово городище и др.

Прочие татарские города и крепости XV–XVI вв. историкам еще предстоит выявить по всем видам источников и обстоятельно изучить. Несомненно, это достойная тема специального исследования.

* * *

Как упоминалось ранее, другими членами конфедерации, составлявшей Сибирский юрт, являлись «Пелымское государство» манси и «Кодское княжество» хантов. Последнее в конце XVI в. стало феодальным владением хантыйских князей Алачевых, признавших себя вассалами великого князя Московского, который подтвердил их княжеский титул.

Выше показано, что угры уже в XII в. имели собственные города. По данным русского указателя XIV — начала XV в., опубликованного С. Герберштейном, по восточному склону Урала и на Оби располагалась Югорская земля с многочисленными городами, «которыми владеют господа князья югорские, платящие, как говорят, дань Великому князю (московскому)». Названы города Ляпин, Ером, Тюмень, крепость Коссин, а также «по берегам Оби и по соседним рекам расположено повсюду много крепостей»⁷⁸.

В первой половине 1557 г. Иван IV приказал произвести сбор дани в Югорской земле. В его грамоте указано, что югорские князья должны провожать русских сборщиков дани «от городка до городка и от людей до людей и берегчи наших данщиков во всем по ряду, как преж сего»⁷⁹. Из документа видно, что русским удавалось собирать дань здесь и прежде, и, конечно, они были знакомы с югорскими городками и их численностью.

Источники, повествующие об остяцких и вогульских княжествах XVI–XVII вв., были изучены С.В. Бахрушиным. Этот ученый пришел к выводу, что распад родового строя у хантов начался, по-видимому, еще до присоединения к России. Уже в XV в. они разбивались на небольшие племенные княжества, возглавляв-

⁷⁴ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 166. См.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1–2.

⁷⁵ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 511.

⁷⁶ *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда; *Левашева В.П.* О городищах Сибирского юрта; *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 113, 188, 198, 199, 217.

⁷⁷ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 200.

⁷⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 160.

⁷⁹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 331.

шиеся «князьями». Но «первые признаки примитивного феодального строя» Бахрушин находит у «югорских» хантов еще в XII в., когда под 1193 г. упоминается «князь югорский»⁸⁰. Уже в XV в. население и войско обских угров были разделены на территориальные воинские единицы — десятки, сотни, тысячи, возглавляемые десятскими, сотниками и тысячниками⁸¹. Высшее положение в старинном угорском обществе занимали князья, достоинство которых было наследственно и недоступно для людей из простого звания. В источниках нет указаний на деление обских угров на роды, нет и названий родов.

Не случайно в русских летописях княжества хантов и манси названы «государствами»: «Кодское государство» хантов и «Пелымское государство» манси. Верховных князей именно этих мощных объединений источники также не случайно именуют «Великими князьями», — русские авторы приравнивали их по значению и могуществу к великому князю Московскому. Во второй половине XV в. Кодой управлял великий князь Молдан, который заключил в 1485 г. мирный договор с русскими, а в середине XVI в. великим князем кодским был Певгей⁸². В Пелыме великими князьями были Асыка и его сын Юмшан (вторая половина XV в.). Иерархия княжеской власти и отмеченная военно-административная территориальная структура коренного населения Западной Сибири опровергают утверждения о его якобы родоплеменной организации. Таким образом, вполне можно говорить об установившихся феодальных отношениях у сибирских народностей во времена завоевательных походов Ермака.

Об этом свидетельствуют данные русских источников XV–XVII вв.⁸³. Выявленное этнографами членение обских угров на территориальные группы Пор и Мось отражает, очевидно, именно их военно-административное устройство. Оно подобно правому и левому крылу обычного построения населения и войска у тюрко-монгольских народов в эпоху средневековья. Военно-административная организация того же типа была характерна не только для монголо-татар XIII–XIV вв., но и для Казанского ханства и подвластных ему народов Поволжья (мари, чувашей), и для Сибирского юрта во время правления Кучума. Все это были несомненные феодальные государства.

В «Сибирском летописном своде» содержится специальная статья «О поведении в Сибири вниз Иртыша реки и Оби остяцких городков». Говорится, что Ермак «повоеваху же многие городки и улусы по Иртышу и по великой Оби рекам, и остяцкой Нарымской городок взяша со князем их и с великим богатством. И возвратишася во град Сибирь с радостию и с великою корыстью и богатством»⁸⁴. По данным документа Посольского приказа, сразу после завоевания части территории Западной Сибири, в конце 80-х годов XVI в., русский царь «ясаку положил на Сибирское царство и на Конду большую и на Конду на меньшую, и на Пелымское государство, и на Туру-реку, и на Иртыш и на Иргизское государство, и на Пегие Колмаки и на Обь Великую и на все городки на обские, на девяносто на четыре городы (курсив мой. — Л.К.) — с году на год иматъ по

⁸⁰ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества // Научные труды. Т. 3, ч. 2. С. 103, 104, 110, 112.

⁸¹ Плигузов А.И. Первые русские описания Сибирской земли. С. 47.

⁸² Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. С. 201–203.

⁸³ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 100–102.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. М., 1987. С. 362, 363.

пяти тысяч сорок соболей, по десяти тысяч черных лисиц, да и по пяти сот тысяч белки большие сибирские и летцкие»⁸⁵.

Помимо важного сообщения о 94 обских городах, в этом документе большой интерес представляет тот факт, что русские дипломаты называют остяцкие Пелымское и Иргизское княжества «государствами». Следует иметь в виду, что здесь не упомянуты те сибирские города, которые находились на землях по нижнему течению Иртыша и Оби как уже обложенные государевой данью еще до 1586 г.⁸⁶.

Рассмотрим данные о собственно хантыйских городах. По данным источников, С.В. Бахрушин называет в *Обдорском княжестве*, расположенном у впадения Оби в океан, столичный город Пулноват-ваш (Носовой), на месте которого русские поставили впоследствии свой Обдорский городок. Крупное значение как место ежегодной оживленной ярмарки имел г. Войкар (Ночной), куда «по первому зимнему пути березовская и пустозерская самоядь к ясачным осяткам приезжают» торговать⁸⁷. Это была крепость-«фактория», 90 саженой окружностью, защищенная валом пятисаженной высоты. Кроме того, упоминаются города Уркап (Белый) и Каменный.

В *Ляпинском хантыйском княжестве*, размещавшемся на реках Сыгва (Ляпина), Сосьва и на правом притоке Оби р. Куноват, в документах названы шесть городков: Куноват (Кун-аут-ваш), Илчма, Ляпин (Лопынг-уш), Мунком (Мункес), Юил (Сек-телек-уш), Сугмут-вош (Березовый город)⁸⁸.

В *Кодском хантыйском княжестве* (великий князь которого Алач в конце XVI в. пользовался большим влиянием: «той бо бе во всех городах славен»⁸⁹) насчитывалось 13 «городков» и каждый из них имел свою тамгу. У трех городов были тамги с изображением птиц, у других — оленя, стрелы и пр.⁹⁰. Названия городков следующие: Кодский, Наргакор, Низанский, Кармыш-Юган, Шоркар, Калдясан, Чемашев, Нарыкор, Вежакор, Вонжакор, Карымкар, Большой Атлым, Малый Атлым⁹¹.

К характеристике Кодского городка, который служил, наряду с Шоркаром, столичной резиденцией хантыйских князей Алачевых, необходимо добавить, что это был большой город. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в 1600 г., приняв христианство, князья построили в городе храм Живоначальной Троицы с приделом Николая Чудотворца и вторую церковь, во имя соловецких угодников. В первой из церквей не только совершались богослужения, но и хранилось княжеское оружие (40 панцирей, 4 лука бухарских и 5 панцирных стрел), а также другие ценные вещи.

То были, например, «сосуды служебные серебряные», евангелия и кресты «под окладом с жемчуги и с камнем», целая библиотека церковных служебных книг⁹². В Кодском городке находилась и княжеская сокровищница — амбар с казной Алачевых. Казна состояла не только из денег, но и из ценной пушнины,

⁸⁵ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 207, 208.

⁸⁶ Там же. С. 208.

⁸⁷ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 94 и 133.

⁸⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 344.

⁸⁹ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 115.

⁹⁰ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 171.

⁹¹ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 116, 131.

⁹² Там же. С. 95, 128.

а также серебряной посуды, пожалованной в свое время русским царем Федором и др. (800 сосудов серебряных позолоченных, две стопы, шесть чаш и т.п.)⁹³.

Такова была эта резиденция хантыйских феодалов, для которых Кода являлась «их родственной вотчиной». Став вассалами русского царя, кодские князья своими военными отрядами сослужили ему великую службу в покорении народов Сибири. Они участвовали в завоевании Пелымского, Обдорского княжеств и так называемой Пегой орды, ходили «в тунгусы», «на государевых изменников» эвенков на Енисей (1627–1630), ездили «по соль» на Ямыш-озеро, исправляли «подводную» повинность.

Важной обязанностью их было содействие и помощь русским в строительстве острогов. Они ставили Березов (1593), Сургут (1594), Томский город (1604), Маковский (1618) и Енисейский (1619) остроги и, может быть, Нарым (1598) и Кетский острог (1605). Во время енисейского похода хантыйские воины делали кочи и мелкие суда, носили за волок государеву соболиную казну и выполняли другие поручения русских воевод.

Надо ли удивляться, что московское правительство всячески привечало кодских князей и их воинов, поставив их на постоянный ежегодный оклад хлебного жалования. Когда в 1643 г. царское правительство покончило с Кодой, оно вызвало в Москву последнего князя, Дмитрия Алачева, и пожаловало его званием московского дворянина с окладом и щедро одарило его. Вместо Коды он получил вотчину на Вычегде — «волость зовомую Лену, близ Еренского городка». Позднее он исполнял почетные службы при царском дворе наравне с русскими вельможами.

Правительство и позже покровительствовало потомкам хантыйских князей, признавая их претензии на высокое положение. Так, через столетие, в 1767 г. Екатерина II потомков первого известного обдорского князя Василия (казнен в 1607 г.), Тайшиных, возвела в дворянское звание, подтвердив все «дипломы», дарованные их предкам прежними государями⁹⁴.

Не обижены были и мансийские князья. В 1624 г. потомки кондинских и пелымских князей жили в Пелымском городе и были приписаны к местным «детям боярским». Сын князя Андрея Пелымского Семен Андреевич (с 1642 г. — пелымский сын боярский) с 1654 г. был поверстан в верхотурские «дети боярские» с довольно высоким окладом. Дети князей Степана и Якова были в конце XVII в. детьми боярскими на Верхотурье, а внуки их, Иван и Василий, определены в сибирские дворяне и дослужились один до чина поручика, другой — до титулярного советника.

Даже в 1842 г., когда обрусевший праправнук кондинского князя Сатыги (начало XVIII в.), скромный учитель Туринского уездного училища Александр Иванович Сатыгин, вдруг вспомнил о звании своих мансийских предков и подал ходатайство об утверждении его в княжеском звании, правительство признало требование это вполне законным, и Сатыгин был возведен в княжеское достоинство⁹⁵!

Такого не удостаивался, кажется, ни один из потомков князей и князьцов XVI–XVII вв. из числа всех других коренных народов завоеванной русскими Сибири. Это лишний раз подтверждает полноценный феодальный статус князей и княжеств обских угров в XVI–XVII вв. и многовековое уважение их русским царским двором.

⁹³ Там же. С. 127–128.

⁹⁴ Там же. С. 130–135.

⁹⁵ Там же. С. 145, 148–151.

Вернемся, однако, к хантыйским дорусским городам. *Казымское хантыйское княжество* располагалось на правом одноименном притоке Оби, имело три города: Казым (при устье р. Казым), Кинчикор или Кельчикар (в 40 верстах от него) и Черикор. По данным Б.О. Долгих, в 1642 г. в Казымском княжестве насчитывалось всего десять городков⁹⁶.

Религиозным центром хантов нижнего течения Оби являлось *Сосьвенское хантыйское княжество* с многочисленными городами: Искар, Тапсы, Нячин, Заглей, Вороней, Хюликар или Люликар (Ели-уш). Служители культа занимали в его государственной структуре первое место.

Небольшое *Белогорское хантыйское княжество*, у слияния Иртыша с Обью, также славилось своими святилищами и оракулами; в его кумирнях веками копились сокровища, в частности панцири и оружие. «Белогорскому шайтану» был послан в дар панцирь, снятый с Ермака в августе 1585 г. Оплотом и центром княжества являлся город-крепость, который был «выкопан на высоких горах» и представлял собою сильно укрепленную и почти недоступную твердыню. Известно, что девять князьцов, под началом белогорского князя Самара, упорно сражались с казаками под его стенами. После гибели князя русские источники называли город не иначе как Самаровым городком. На развалинах хантыйской крепости вырос затем русский Самаров ям⁹⁷.

Два других *хантыйских княжества* XVI в. были расположены в долине р. Демьянки, впадающей в Иртыш ниже устья Тобола. Одним правил князь Боян, подчинившийся Ермаку (его город позже назывался «городок Демьян»). Вторым княжеством управлял «большой сборный князец» Нимньюян — по-русски тоже Демьян. Его город, по указанию летописи, был «велик и крепок», и казаки Ермака с трудом взяли его лишь после трехдневного непрерывного штурма. В том же будущем Тобольском округе находились еще два хантыйских города — Нары и Назым. Назым был первым остяцким городом на пути Ермака и крепко запомнился его казакам. Неслучайно среди общего указания на взятие западносибирских городов имя Назыма отдельно указано в Синодике Ермаковым казакам: «...воеваше по Иртышу и по великой Оби их нечестивые улусы и городки, татарские и остяцкие, до Назима воеваше, и Назим город остяцкой взяша со князком их и со многими их остяками поплениша и в плен поймаша»⁹⁸.

Несколько *хантыйских княжеств* существовало в дорусский период и на средней Оби. В конце XVI в. в районе Сургута, при впадении в Обь Трем-Югана, находился городок, князем которого был Бзрдок. Власть его распространялась и на самоедов, живущих вверх по р. Пур⁹⁹. В Сургут же платили ясак ханты Муалымского городка, находившегося при устье Иртыша в 1610 г.¹⁰⁰ Там же находился Гуланг-ваш (Восточный город)¹⁰¹.

⁹⁶ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 76. См. также: Дмитриева Т.А. Географический термин *ваш* («городок») в хантыйской топонимии Казыма // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1955. С. 62–64.

⁹⁷ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 138–140.

⁹⁸ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 162, 165.

⁹⁹ Там же. С. 140–142.

¹⁰⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 432.

¹⁰¹ Там же. С. 267.

В документах встречается упоминание еще об одном хантыйском городке-святилище на р. Раче, который был захвачен казаками¹⁰² и впоследствии назывался Рачево городище¹⁰³.

Что касается *мансийских городов*, то прежде всего необходимо сказать о *Пельмском «государстве»*, расположенном на реках Конде, Пельме и нижнем течении Сосьвы и Тавды. Оно образовалось под сильным татарским влиянием, использовало тюркоязычную титулатуру и имена князей и было известно русским с середины XV в. Пельмские князья, упоминающиеся в русских источниках как Великие князья, имели связи с кодским и югорским великокняжескими домами. Княжеской резиденцией служил г. Пельм при слиянии Пельмы и Тавды. У города находились священная листовенница, на которую вешали шкуры пожертвованных духам лошадей, а также священный городок с кумирней, содержащей идолов, с амбарами и юртами, где хранилось священное оружие (копья, стрелы) и т.п.

Пельмское «государство» включало в себя также и княжество манси по р. Конда. Конда, с резиденцией князей в городке Карта-уж, располагала хранилищем ценностей. Вокруг, в труднодоступных болотных местах, находились мансийские языческие святыни со складами многолетних приношений. Еще одной частью «государства» было княжество Табары, занимавшее земли на одноименном притоке р. Тавды, с городом при устье Табары. На Тавде же находились мансийские города князей Лабуты и Кашуки и г. Чандырь. Все они были захвачены Ермаком¹⁰⁴. Манси, обитавшие к северу по р. Лозьва, имели свой город — Нером-кар.

Пельмское «государство» было разгромлено русскими в 1594 г. В 1622 г. в документах упоминается уже «Пельмское старое городище»¹⁰⁵.

Известные нам русские источники XVI–XVII вв. зафиксировали далеко не все города местного обско-угорского населения Западной Сибири. Упомянута в связи с политическими или фискальными событиями лишь какая-то часть из них. Ведь цель подробного их описания (размеры, устройство, принципы сооружения, строительные материалы, планировка, назначение, население и т.п.) никем не преследовалась.

Из приведенных скудных данных можно заключить, что среди укрепленных населенных пунктов были как большие города, так и городки-крепости. Вероятно, они не очень отличались от привычных для русских людей восточноевропейских, деревянных в своей основе, городов и городков. По мнению С.В. Бахрушина городки обских угров, состоявшие из общественных и частных домостроений, были укреплены валами и палисадами¹⁰⁶. Располагались они на холмах и горах с естественными скатами склонов и обрывами. Нередко их окружали овраги и болота.

Иногда источник прямо утверждает: «...город их велик и крепок» и возвышается на «крепости горы». Например, в городе князя Демьяна после взятия свободно разместилась вся рать Ермака и «весновала», ожидая, пока Иртыш очи-

¹⁰² Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 169.

¹⁰³ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 109.

¹⁰⁴ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 185; ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. С. 88.

¹⁰⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 283.

¹⁰⁶ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 112; Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. С. 208, 209.

стится ото льда. Впечатляет сообщение, что в так называемом Кодском городке оказалось место и потребность в строительстве не одной, а двух христианских церквей с приделами и, соответственно, с приходами.

Запоминается и Войкарский город на Обдоре, где проводилась, как мы бы сейчас сказали, международная ежегодная ярмарка, куда «по первому зимнему пути березовская и пустозерская самаядь к ясачным осякам приезжают»¹⁰⁷. Ханты продавали ненцам сухую рыбу и рыбий жир, а также живых оленей и в обмен получали от них пушнину и, вероятно, продукты морского промысла. Туда же заглядывали и русские торговые и служилые люди, проезжая через Обдор по пути в Сибирь или обратно, и скупали там ценные меха, рыбий жир и другие товары за топоры, котлы, ткани, деньги и хлеб¹⁰⁸.

Обобщая скупые сообщения рукописных источников, можно сказать, что в жизни обских угров города выполняли следующие функции: 1) административных центров; 2) религиозных центров; 3) хранилищ государственных ценностей; 4) мест торговли и обмена; 5) военных центров и арсеналов оружия; 6) крепостей-убежищ для населения окружающих деревень; 7) центров ремесел (главным образом — изготовления оружия и защитного вооружения). В той или иной степени эти черты характерны для всех городов, известных в древней и средневековой истории человечества. К сожалению, письменные источники настолько односторонни, что не дают возможности составить сколько-нибудь удовлетворительное представление о собственно обско-угорских городах. Можно надеяться, что дальнейшие изыскания и главным образом специальные тематические археологические раскопки помогут раскрыть более полную картину их прошлой жизни¹⁰⁹.

Очевидно, что каждая последующая пришлая культура активно стирает предшествующую. Такая же участь постигла культуру сибирских аборигенов. К этому следует прибавить, что в природе вообще мало мест благоприятных для поселений человека. На особом счету всегда были открытые, обдуваемые ветром, высокие, естественным образом укрепленные места, расположенные по речным долинам. Именно их избирало издревле коренное население Сибири для сооружения своих оборонительных крепостей и городов. Но здесь же ставили свои города и пришельцы.

Так, на месте удачно расположенных старых угорских крепостей Чингиден и Сибирь в конце XII и XIII в. были сооружены татарские города Чинги-Тура и Кашлык (Искер). Затем Чинги-Тура, переименованная в Тюмень, была разрушена ханом Маметом, а в 1586 г. на ее руинах была отстроена русская Тюмень.

На месте захваченных хантыйских и мансийских городов русские люди строили свои города и остроги. На развалинах Пулноват-Ваша сооружен Обдорский городок, на месте Сугмут-воша (Березовый город) — русский Березов, на Кун-аут-ваше — русский Куноват, вместо остяцкого старого города на р. Пелым основан русский Пелым, Сургут (1593 г.) поставлен на укрепленном хантыйском поселении, Верхотурье (1598 г.) — на развалинах мансийского города Неромкара, Туринск — на Епанчине-городке и т.д. Так были стерты с лица земли многие древние города сибирских аборигенов.

¹⁰⁷ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 94.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Могильников В.А. Культура племен лесного Прииртышья.

Присоединение Западной Сибири к России в XVI–XVII вв. привело к широкому и всестороннему знакомству русских людей с новой громадной и богатой страной, с ее разноплеменным населением, с разнообразием его жилищ, городков и городов, с ее древностями в виде многочисленных городищ, курганов, древних рудников и наскальных рисунков (писаниц).

В «отписках» и «расспросных речах» царские воеводы и дети боярские, руководившие отрядами казаков и служилых людей, продвигавшимися все дальше по Сибири на восток к Тихому океану, сообщали о многих увиденных неожиданных древних и современных им архитектурных сооружениях. О них писали и первые царские посланники в Монголию и Китай, и ранние сибирские «летописцы» и картографы.

Сосчитать общее количество городов и городков-крепостей, существовавших в Сибири в XVI–XVII вв., еще никто не решился. Однако только в указателе географических названий, приложенном к первому тому «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, их перечислено 88, а ко второму тому — 25¹¹⁰. Сотни городов и городков, как мы видели, имели нижнеобские и приуральские ханты и манси; но десятки их имели и другие народы: среднеобские селькупы; барабинские, томские, чатские (верхнеобские), чулымские татары; алтайские телеуты и телёсы, енисейские кыргызы-хакасы, калмыки, буряты и др. В 1619 г. из Мангазеи был объясачен где-то на севере самоедский Орлов-городок¹¹¹.

Начав продвижение из Западной Сибири далее на восток, русские служивые люди были вполне уверены, что они встретят города и городки местного населения и в Восточной Сибири. Это видно, например, из наказа царя Бориса Федоровича от 1601 г. князю Василию Мосальскому и Савлуку Пушкину, отправлявшимся с войском из Березова через Мангазею на Енисей: «...а у мангазейской и енисейской самоеди... роспрашивати их накрепко, сколько у них в Мангазее и в Енисее городков и волостей, и сколько в котором городке коей волости людей... и велети в Мангазее и в Енисее городки и волости и по рекам мангазейскую и енисейскую самоедь переписывать, хто именем в городках и в волостях и по рекам лутчих людей и в котором городке и волости сколько людей»¹¹². Московские цари жаждали ограбить всех сибирских охотников...

Летописи сообщают, что в районе Енисейска в Марковом городище жили кеты-кузнецы¹¹³. В царской грамоте 1602 г. говорится о селькупском городке, взятом казаками: «...были де оне на нашей службе в Пегой орде, и городок взяли»¹¹⁴. В ряде документов 1604–1605 гг., связанных с основанием города Томска, рассказывается о «тех де городков кочевные волости» тюркоязычных чатов и телеутов, о городках томских татар и о том, что «Чюлымские и Киргизские, и Мелеские горотки и волости прежде сего (до основания Томска. — Л.К.) в Кунгопской острог государев ясак давали...» и что «Чюлымские горотки и волости подошли ближе... к Томскому городу» по своему месторасположению, чем к Кецкому ост-

¹¹⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1–2.

¹¹¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 25, 587.

¹¹² Там же. Т. 1. С. 396.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 36. С. 190.

¹¹⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 409.

рогу¹¹⁵. В документах, относящихся к 1616 г. — времени войны казаков в Южной Сибири, упоминаются взятые русскими городки кузнецких татар-абинцев и кыргызов-хакасов: «...кузнецких Абинской улус повоевали, городок у них взяли и князьков и лутчих людей взяли на драке живых»; томский казак Богдан Терской докладывал царю Михаилу Федоровичу: «...и я холоп твой в поход ходил, тебе государю служил, киргизских людей, и кызыльских, и бугасарских три городка высекли, жен и детей в полон поимали; и я, холоп твой, на том деле тебе государю служил, мужика убил, а другого живова взял»¹¹⁶.

Кроме трех упомянутых городков у кыргызов-хакасов был центральный Белый каменный город на р. Белый Июс. Это — резиденция «Больших киргизов», т.е. столица Хакасии XVII в.¹¹⁷. В расспросных речах еще отмечено: «а с Июсу Белова от Калникаго городка мимо Балыклыкуля...»¹¹⁸. Кроме того, известны «каменный городок ниже Сыды-реки», «на речке Еник городок» в Кизыльской земле; на Тагарском острове по Енисею; «киргизский острожек» ближе к Красноярску и крепость «Лозановы осады» по выходе Енисея из Саянских гор¹¹⁹.

В «Наказной памяти томских воевод» 1611 г. перечислено несколько городков томских татар: Тоянов на острове р. Томи, Евагин, Ашкенеев при устье Томи, городок на Оби в Кривой луке¹²⁰. Городки назывались по имени правящих князьков так же, как и у тюркоязычных чатов, заселявших земли выше по Оби. Чаты — в свое время союзники Кучума — жили все в городках, вообще не зная неукрепленных поселений. По данным Б.О. Долгих, в XVII в. у чатов было четыре городка¹²¹. Центральными городами являлись «Чацкий и Мурзин городки»¹²². Чатский городок располагался при устье р. Чик в районе современной Колывани¹²³. Это была могучая крепость, выдержавшая в 1617 г. тяжелую осаду, во время которой в течение трех недель два тайши с тысячью калмыцких воинов упорно приступали к ней, но взять не смогли¹²⁴. Крепость надежно защищала от калмыцких набегов подходы к Томску.

К началу 1624 г. относится сообщение: «И Чацкой, государь, городок зделан новой и крепок, и рвы выкопаны, и караулы у них крепкие и день и ночь»¹²⁵. Как видим, в первой половине XVII в. чатские князья продолжали восстанавливать и строить новые военные крепости. В 1630 г. их мурза Тарлав, вынужденный оставить свою резиденцию, Чатский город, перешел на р. Чингиз, где построил но-

¹¹⁵ Там же. С. 412–414; *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда. С. 78, 116.

¹¹⁶ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 325, 442–444.

¹¹⁷ Об этом Белом городе самоеды поведали и Дж. Логану, писал о нем и Д. Мильтон (см. далее раздел 2). *Кызласов Л.Р.* Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1993. С. 80, 81.

¹¹⁸ *Абдыкалыков А.* Енисейские киргизы в XVII в. Фрунзе, 1968; ср.: *Ватин В.А.* Минусинский край в XVIII веке. Минусинск, 1913. С. 17.

¹¹⁹ *Абдыкалыков А.* Енисейские киргизы в XVII в. С. 8, 9, 50, 69; *Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654.* М., 1974. С. 134, 381, 383, 384, 427.

¹²⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 92, 220; *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда. С. 34, 112.

¹²¹ *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 101.

¹²² *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда. С. 35–36, 112; *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980.

¹²³ *Синяев В.С.* Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году // *Вопросы географии Сибири.* Сборник 2. Томск, 1951. С. 146, 153.

¹²⁴ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 91, 96, 97.

¹²⁵ Там же. С. 310, 583.

вый земляной городок. На исходе зимы 1631 г. его осадил и взял штурмом томский военачальник Яков Тухачевский¹²⁶. Сообщалось также, что еще в 1621 г. «иные все тайши и черные колмаки пришли все на Обь реку... на устье Чумыша, сделали городок...»¹²⁷.

В нескольких верстах ниже Чатского города на Оби располагался Мурзин — собственный укрепленный городок двух чатских мурз Кислана (Қызлана) и Бурлака (20–30-е годы XVII в.). Весной 1630 г., во время междоусобиц чатских и телеутских князей «Мурзин городок, в котором в то время чатские татары из числа людей Кислана и Бурлака молотили хлеб, подвергся новому нападению. Татары были перебиты, хлеб сожжен»¹²⁸. Отсюда видно, что в городках хранились хлебные запасы чатских земледельцев. В отписке томских воевод 1630 г. в Москву Мурзин называется то городком, то острожком — очевидно, поверх земляных укрепленных стен и рвов он имел деревянные стены с палисадом, отчего и пишется: «острожек выжгли и хлеб пожгли»¹²⁹.

Неподалеку от Мурзина находился еще один — Нандрин-городок¹³⁰.

В русских документах XVII в. есть сведения о телеутских городках в предгорьях Алтая, о взятии городка алтайцев-телёсов (1642 г.), о городке кыргызского князья Талая на р. Улале (1634 г.), где ныне расположен г. Горно-Алтайск¹³¹. В это же время стали известны «особые убежища-городища» хакасов-качинцев на Енисее, а в 1643 г. — бурятские городки с каменными стенами¹³². Около 1665 г. сообщалось, что в земле бурят на р. Селенге есть «каменный город» Тушетухана¹³³.

К 1651 г. относится донесение о том, что даже в бассейне Колымы, на р. Алазее, находился юкагирский деревянный острог, который «поставлен велик, а в обе стороны человеку добру из луку стрелит мочно, а их... юкагиров всех двести человек... оприч подростков, а олени у них у всех собраны в том же острожке...»¹³⁴. В 1676 г. русские рудознаты докладывали с р. Аргуни: «И около тех мест от Нерчинского острога в тридцати днищах города и юрты и многие жилья и мельницы каменные и жерновы и осыпи земляные не в одном месте». Они спрашивали у местных жителей: «...какие де люди на том месте наперед сего живали и города и всякие заводы заводили», но тунгусы отвечали, «что того они не ведают и ни от кого не слыхивали»¹³⁵.

Продвигаясь на Дальний Восток, царские воеводы добывались от служивых людей и казаков новых сведений о туземных городах. В наказной памяти 1652 г. якутский воевода требовал, например, от Н. Прокопьева, отправлявшегося на

¹²⁶ Там же. С. 583.

¹²⁷ Там же. С. 272; Уманский А. П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхне-обских городищ-«кокуев» // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1972. (Научные труды Новосибирского ГПИ. Вып. 38). С. 57.

¹²⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 90–101.

¹²⁹ Там же. С. 360, 369.

¹³⁰ Там же. С. 364.

¹³¹ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. С. 228, 230; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. С. 54, 121, 292; он же. К вопросу о датировке.

¹³² Окладников А. П. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 300 и 338.

¹³³ Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 50.

¹³⁴ Архив ЛОИИ, ф. 160, д. 284, л. 7.

¹³⁵ Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2 // МАР. 1891, № 5. Приложения. Ср.: Кузин А. А. История открытий рудных месторождений в России. М., 1961. С. 98, 109, 110.

Амур: «Даурских людей расспрашивать, как мочно, всякими мерами, в Даурских землях много ли городов, и какие грады и на каких местах и реках которой град стоит»¹³⁶. Известный Василий Поярков, попав на р. Зею, сообщал о хане, «который живет ордою, а город у него рубленой, около города вал земляной, а бой у них лучной и огненной и пушек много, а имя ему Барбой...»¹³⁷. Позднее он же открыл Даурский острог¹³⁸.

По данным Б.О. Долгих, в 1651 г. Е.П. Хабаров нашел на Амуре даурские городки: Албазин, Атуев, Толгин, четыре безымянных, Кокуреев — против устья Зен, Ачанский — за устьем Сунгари. В 1665 г. на месте даурского городка Албазин был построен русский Албазинский острог¹³⁹. На Амуре русскими казаками открыты городки: Лавкаев, Досулаев, Гойгударов, Банбулаев, Чипин, Гильдеги, Дасаулов, острожек Дувы¹⁴⁰ и др.

Кроме того, от тунгусов служивые люди получили известие, что якобы на р. Селенге «стоит китайского государства порубежный город»¹⁴¹, а также были собраны сведения о городах монголов.

* * *

Разнородные данные о лежащих в руинах древних и средневековых городах Сибири (городищах), а также о существующих городах местного населения содержат разнообразные донесения сибирских канцелярий и отчеты царских полков XVII в. в Монголию и Китай.

В 1617 г. в своих «расспросных речах» в Москве наблюдательные русские послы В. Тюменец и И. Петров, ездившие в 1616 г. из Томского острога через Хакасию, Саянский хребет и Туву к западно-монгольскому Алтын-хану на оз. Убсунур, пишут о развалинах древних зданий, которые они видели в верховьях Енисея. «Горами каменными шли 10 дён, от Киргиз бывали полаты, а ныне де то место пусто. И мы про те хоромы и полаты розпрашивали Золотого царя старых людей. И они нам сказывали про те хоромы и про полаты: тогде живали... Золотого царя люди». Судя по маршруту, атаман В. Тюменец и десятник И. Петров, проезжая по долинам рек Манчурек, Ак-Суг и Хемчик, видели остатки уйгурских бастионов и крепостей VIII–IX вв.¹⁴²

Неизвестный русский автор интересных статей о Сибири середины XVII в., описывая Южную Сибирь, отмечал: «...есть же по тем рекам многие грады каменные и великие полаты по степным местам, а все пусты, а иные от давних лет осыпалися, а какие люди сталися никто о сём не весть...»¹⁴³.

В 1670 г. Сибирская канцелярия сообщила царю Алексею Михайловичу, что «не в дальнем расстоянии от р. Иртыша на сибирской стороне имеется город с великими каменными башнями и с строением каменных полат. Во оный город

¹³⁶ Лебедев Д.М. География в России XVII века. М.–Л., 1949. С. 81.

¹³⁷ Там же. С. 84, 85.

¹³⁸ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав. С. 582.

¹³⁹ Там же. С. 579, 580.

¹⁴⁰ Там же. С. 586, 587.

¹⁴¹ Лебедев Д.М. География в России XVII века. С. 89.

¹⁴² Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. С. 58; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 5, 59–63.

¹⁴³ Окладников А.П. Очерки. С. 52.

башкирцы по вся годы приезжают для отправления своих молитв... башкирец, де, именем Батайко им объявил, что от Иртыша в заливе на острове видел город, построенный из дикого камня и около того города каменный ров; а при том городе нашел он древних лет построенную плавильную печь и от выплавленной руды шлаки или сок. По примеру тот город шириною 50 сажен или больше; около того города течёт река...»¹⁴⁴. По другим расчетам, размер города составлял 213,36×106,68 м¹⁴⁵.

Уже в начале XVII в. русским властям было известно о наличии в Сибири многочисленных остатков древних городов и селищ. К 1630 г. относится государев указ об использовании их для нужд государства. В Тобольском, Томском и других сибирских уездах приказано было произвести разыскание «старых городищ и селищ», кторых «земля к селитренному делу пригодилась», и о заведении там «селитренного варенья»¹⁴⁶.

В XVII в. начинается период активного строительства в Южной Сибири калмыцких городов, ламаистских монастырей и административных центров. Сведения о них содержатся в тех же русских источниках. К 1616 г. относится известие о городе в верховьях Иртыша, названном русскими Семь палат. Главное здание в нем было каменным, со стенами из плитняка на растворе, а остальные постройки — сырцовые. Некоторые из них имели колонны, были побелены, а стены их украшены фресками¹⁴⁷. В 1620 г. калмыками был построен городок на Оби при устье ее притока Чумыша¹⁴⁸. В отписках тобольских воевод от 1638, 1644 и 1649 гг. сообщается, что у калмыков «городок сделан каменной... а в стенах да... в том городке зделаны жилые лабины (ламские. — Л.К.) избы и поварня каменные ж. А во все 4 стороны тот городок по 50 сажен, а в вышину 2 сажени».

О том же городе подробно сказано в отписке тобольского воеводы Пронского: «Тайша и ево контайшины колмацкие люди повыше Ямыша-озера в урочище Кубак-Саре городок каменный поставили. А в стенах в том городке деланы жилые избы. А во все, де, 4 стены тот городок по 50 сажен, а в вышину 2 сажени. А делали, де, ево китайские и мунгальские люди. Да и наряд, де, в том городке железные пушки есть».

В другом документе говорится, что калмыцкий хунтайджи Батур «кочует на Сарыкобяке в городе, где у него пашни». В ином месте разъясняется, что он «ныне кочует у своих городов в Кубаке. А у Конде тайши 3 города кирпичных: один белой, а четвертой де город заводит внове. А от города де до города езду по днищу. А в тех де ево городех живут его контайшины лабы (ламы. — Л.К.) и пахотные ево люди. А он де, Контайша, кучует около тех своих городов».

¹⁴⁴ Радлов В.В. Сибирские древности. С. 22; Пекарский П.П. Известие времен царя Алексея Михайловича о золотых и серебряных вещах и посуде, попадававшихся в татарских могилах в Сибири // Известия Археологического общества. Т. V. СПб., 1865. С. 38–40.

¹⁴⁵ Радлов В.В. Сибирские древности; ср.: Кузин А.А. История открытий рудных месторождений в России. С. 98.

¹⁴⁶ Оглоблин Н.Н. Сыскные дела о кладях XVII в. // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1893, кн. VII. С. 119.

¹⁴⁷ Черников С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 129.

¹⁴⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 272; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. С. 112.

Все четыре упомянутых города находились в предгорьях Юго-Западного Алтая¹⁴⁹.

Интересные сообщения доставил «Статейный список» посольства Федора Исаковича Байкова в Китай. Путешествие состоялось в 1654–1658 гг., и началось оно переходами вверх по долине р. Иртыш вплоть до его верховьев. В землях калмыцкого тайши Аблая русское посольство прибыло в урочище «Кабалгасун — калмацким языком, а по-русски — полата кирпичная, кирпич женой, пустая, дело старинное»¹⁵⁰.

Это средневековое здание на последующих картах С.У. Ремезова (1696 г.) и в Атласе Российской академии наук (1745 г.) изображено в сопровождении надписей: «Мечать, урочище, Кабан-Гасун пустой» или «Калбасунская башня». Существуют также рисунок и описание той же докалмыцкой татарской мечети, сделанные в 1734 г. экспедицией Г.Ф. Миллера¹⁵¹. К сожалению, датировка этого монументального архитектурного сооружения не определена. Для Ф.И. Байкова его создание уже было «делом старинным».

Выше по Иртышу посольство осмотрело городок калмыцкого ламы: «...2 полаты бурханные кирпичные, кирпич женой, смазывают известью, а пашни у того лабы пахут бухарцы. А родится у них пшеница и ячмень, и просо, и горох... Избы у пашенных бухарцов глиняные... А промеж пашен течет речка невелика, имя ей Карбуга... И мельницы на той речке поставлены, а мелют в них весною». После 12-дневного перехода посольство оказалось на речке Бешке, где «Аблай-тайша делает 2 полаты кирпичные, кирпич женой». Этот город впоследствии получил название Аблайкит. Он славился большим буддийским храмом¹⁵².

Спустя 14 дней караван экспедиции пришел в третий город калмыков на Иртыше, не доходя до оз. Зайсан. Здесь находилась ставка самого хунтайджи: «Городок глиняной, а в нем 2 полаты кирпичные, кирпич женой. А стоит тот городок в низком месте меж гор. А живут в том городке лабы калмыцкие, а по-русски попы»¹⁵³. Ввиду того что в литературе господствует не вполне справедливое мнение о чисто кочевом образе жизни калмыков, нельзя не привести здесь малоизвестное свидетельство очевидца о занятии части их орошаемым земледелием. Вот что сказано в статье сибирского ученого XVII в. С.У. Ремезова «О калмыках, как весьма известном в Сибири народе», написанной в 1696 г.: «...хлеб сеют при реках и речках на покатных местах и в наволоках. И за редко бывающими дождями для жаркого там климату те речки несколько запруживают и тем воду зводят; во время же сухости по пахотным местам по нарочно копаным малым и частым каналцам ту воду ис прудов пускают и тем свои пашни как полевом волгостны устроивают. Жито у них родится все больше яровое, а озимей не бывают;

¹⁴⁹ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654. М., 1974. С. 149, 150, 234, 239, 416; см. также: ЦГАДА. Ф. Сибирский приказ. Стб. 83, л. 152–153.

¹⁵⁰ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654. С. 401; Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. С. 116 и 150.

¹⁵¹ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882, л. 22; Атлас Российской академии наук. СПб., 1745. Табл. С, 15; Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3 // МАР. 1894, № 15. С. 57.

¹⁵² Черников С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654. С. 401, 402; Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. С. 116, 117, 119, 151, 152.

¹⁵³ Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. С. 120.

по большей части ячмень, проса, полба, пшеница, овес, горох и конопля. А из овощей: ретка, репа, морковь, огурцы, дыни, арбузы и бобы»¹⁵⁴.

Другой русский посланник в Китай, Н.Г. Спафарий, проезжавший через Сибирь в 1675 г. иным путем (через города Енисейск и Нерчинск), упоминает в своей книге о городищах Кошелёвском и Рачевском на Иртыше, называет «городок» остяцкого князя Самары; «городки копаные» барабинских татар; «пустой городок и шанцы Кучума» на р. Сибирке, в котором тобольские татары мечеть «подновляют»; Урлюково городище на р. Кети, Марково городище на левом берегу Енисея (в котором «живали тунгусы»). В Забайкалье, у Далай-озера Спафарий увидел «город великой, каменной, со всяким строением, и палаты в нем каменные белы, и говорят, что в том городе от мору все люди пропали и осталось имение все их там, и иноземцы в тот город иттить не смеют, а смотрят все издали, а иные говорят, что все от войны запустело». Переехав через речку Тербул, Спафарий встретил «на степи еще один городок земляной же, а в них 4 ворота проезжие» и отметил, что в степи таких пустых городков много разбросано.

Н.Г. Спафарий знал также о маршруте Ф.И. Байкова и повторял в своей книге его описания калмыцких городов и земледелия: «...и у Контайши родится всякий яровой хлеб и овощ всякий русский». Интересно его сообщение о ярмарке на Ямышевом озере: «...здесь близко есть возле реки Иртыша три озера: два — направо, а третье — налево, все соленые. А по-татарски слывет Ямышево озеро, и здесь кончается царство Сибирского рубежа, а на тех озерах ежегодно ходят из Тобольска и из Томского и из иных сибирских городов по 30 и по 40 дощаников по соль, и соль собирают в дощаники из озера самородную в пост успения богородицы. И то Ямышево-озеро от реки Иртыша — верст с 5, а есть исток из Иртыша до озера. А в то время как русские люди собирают соль из озера, учинятся ярмарок. И приходят многие тысячи людей: калмыки, и бухарцы, и татары и торгуют с русскими людьми. И они продают лошади и ясырь (пленников. — Л.К.), и иные китайские товары. И держат тот ярмарок неделя по 2 и по 3, и русские люди, взяв соль и торгуя, возвращаются к Тобольску, а калмыки и прочие — в улусы своя, и то место остается опять пусто; а можно бы в том месте острог построить при реке Иртыше или при озере»¹⁵⁵.

Как видно из этого свидетельства, к концу XVII в. бывшие южносибирские торговые города теряют свое экономическое значение, о них уже никто не сообщает, и торговый центр смещается на север к новым границам Русского государства в Сибири.

Третий русский посол в Китай (1692–1695) Избрант Идес упоминает об остатках древних крепостей с каменными стенами, осмотренных им на пути из Нерчинска до р. Аргуни, где «жили тунгусы» (т.е. эвенки). Он пишет в специальном разделе своей книги: «Множество старых, разрушенных укреплений в тунгусских долинах. Во многих местах там и сям по долинам я нашел сотни старых

¹⁵⁴ Гольденберг Л.А. Статья С.У. Ремезова «О калмыках, как весьма известном в Сибире народе» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1976. С. 231.

¹⁵⁵ Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1882. Т. X, вып. 1. С. 34, 36, 40, 45, 78, 143–145; ср.: Милеску Спафарий Н. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

и отчасти развалившихся укреплений, сделанных из сложенных вместе обломков скал. Они, как мне рассказывали тунгусы, были сооружены опытными военными много лет назад, когда монголы и южные татары соединились и напали на государство Нючжу» (т.е. чжурчжэней)¹⁵⁶.

Целый ряд древних городов и остатков монументальных сооружений помечены на чертежах Сибири, составленных в конце XVII в. известным картографом и историком Сибири тобольским сыном боярским С.У. Ремезовым. Им указаны «следы древних городов или построек: на правом берегу реки Каратала, правом притоке реки Тургая» «град пустой» (л. 22); на левом берегу Ишима между реками Тесир-гор и Тылкара — «город каменный» (там же); на реке Сары-су — «мечать без собственного имени», «мечать Булганана» и «мечать Талмасата» (там же); на Иртыше — «мечать урочища Кабал-гасун» (там же), между реками Юсами Черным и Белым — «городок каменной»; в верховьях Енисея — «город каменной старой, две стены целы, а две развалились, а которого города, того не знаем» (л. 17)¹⁵⁷.

На «Чертеже земли всей безводной и малопроездной Каменной степи» между р. Абакан и Телецким озером С.У. Ремезовым сделана надпись «Царство Алтырско» и вблизи устья «р. Чюлушман» нарисован условный знак города (л. 22). Вероятно, в этом городе в конце XVII в. находилась ставка князей Алтырского хакасского княжества.

Приступив, согласно указу 1696 г., к составлению карты Тобольского уезда, Ремезов поставил себе целью отметить на ней «древних чюдских и кучюмовских жилья, мольбища и городища, крепости и курганы»¹⁵⁸. Действительно, на его чертежах встречаются указания отдельных городищ, например Урлюкова на границе Зарынского и Кетского уездов, Орлова в Енисейском уезде, городища на перевале через Урал на месте Сускара (Рогового города) и т.д.¹⁵⁹.

Нельзя не привести здесь же заключения известного голландского ученого Николая Витсена, основанного на многих переданных ему русскими вельможами чертежах и записях. Витсен посетил Россию в 1664–1665 гг. и к 1687 г. создал карту, тогда же опубликованную в Голландии. Именно он первым указал, по данным русских информаторов, что Обь вытекает из Телецкого озера, и тем самым уничтожил легенду об огромном «Китайском озере»¹⁶⁰.

В своей книге о Сибири, которая называлась «Северная и Восточная Татария» (трижды издавалась — в 1692, 1705 и 1785 гг.), Витсен сообщает по русским источникам о развалинах городов на Иртыше (Семи палат и Аблайкита) и в других местах. В связи с этим он писал: «Говорят, что в Сибири в некоторых местах можно увидеть пришедшие в упадок старые стены и развалины бывших там, по видимому, городов и что иногда там находили разные памятники. Из последних явствует, что в более древнее время страну эту населяли народы более высокого

¹⁵⁶ *Идес И. и Брант А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 160, 307.

¹⁵⁷ Чертежная книга Сибири; *Потанин Г.* [Рец. на:] Путешествие чрез Сибирь... Николая Спафария в 1675 г.; Чертежная книга Сибири... // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Июнь, ч. 227. С. 318; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. М.–Л., 1960. С. 193, 316–319.

¹⁵⁸ Чертежная книга Сибири. С. 7.

¹⁵⁹ *Бахрушин С.В.* Историческое изучение народов Севера // Научные труды. Т. 3, ч. 2. С. 225.

¹⁶⁰ *Розен М.Ф.* Вершина реки Оби и Телецкое озеро на первых чертежах и картах Сибири // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1976.

развития, нежели ныне, потому что теперь подобных построек там вовсе не знают. Сибиряки говорят, что народы, когда-то соорудившие эти города и постройки, совсем выселились оттуда по направлению к юго-востоку». В одном из писем Н. Витсен писал: «Развалины разрушенных городов в дикой Татарии заслуживают, чтоб их исследовали. Лежат они вдали от людей»¹⁶¹.

Этим завещанием, дошедшим до нас от ученых людей XVII в., можно, в сущности, закончить рассказ о древних и средневековых городах Сибири, ставших известными русским людям постепенно в течение XII–XVII вв.

2. Сведения западноевропейских путешественников XIII–XVII вв. о Сибири и ее древних городах

Я могу указать в Сибири на остатки целых городов и построек в дебрях, где теперь нет ни людей, ни домов, а находятся только дикие звери и покинутые остатки зданий.

Н. Витсен, ок. 1710 г.

Западноевропейские путешественники и писатели мало знали о древних городах Сибири. Поэтому настоящий раздел нашей книги по необходимости будет кратким.

Посланники-европейцы к монгольскому каану в XIII в. — монахи Плано Карпини и Гильом Рубрук — сами в Сибири не были, но они передают все услышанное об этой стране. Плано Карпини например, первым сообщает о монгольском походе к самоедам: «...к Самоедам, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо, как у собаки»¹⁶².

Описывая города, разрушенные монгольскими завоевателями в Средней Азии и в других землях, Плано Карпини вместе с тем трижды пишет, что каан Угедэй «построил некий город, который назвал „Омыл“»¹⁶³. Очевидно, он стоял на р. Эмель в современной Джунгарии. Этот же каан строил и укреплял столичный город Каракорум.

Гильом Рубрук сообщает, что «из великой Булгарии и Паскатира, т.е. великой Венгрии, из Керкиса (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им (т.е. монголам. — Л.К.) повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видал в наших

¹⁶¹ См.: Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2 // МАР. 1891, № 5. Приложения. С. 58, 61, 129; Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 32.

¹⁶² Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 48.

¹⁶³ Там же. С. 38, 39, 73.

странах и в которые они одеваются зимою»¹⁶⁴. В другом месте своего сочинения Рубрук указывает: «Язык Паскатир (башкир. — Л.К.) и Венгров — один и тот же; это пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария — последняя страна, имеющая город»¹⁶⁵.

Непосредственно о Сибири Рубрук пишет следующее: «К северу также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот по имени Керкисы (т.е. кыргызы-хакасы на Енисее и Абакане. — Л.К.). Живут там также Оренгаи (т.е. лесные урянхайцы. — Л.К.), которые подвязывают себе под ноги отполированные кости (лыжи. — Л.К.) и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильной быстротою, что ловят птицу и зверей. И еще много других бедных народов живет в северной стороне, поскольку им позволяет холод; на западе соприкасаются они с землей Паскатир, а это — Великая Венгрия... Предел северного угла неизвестен в силу больших холодов. Ибо там находятся вечные льды и снега. Я осведомлялся о чудовищах или чудовищных людях... Татары говорили мне, что никогда не видали подобного, поэтому мы сильно недоумеваем, правда ли это»¹⁶⁶.

На обратном пути от города Каракорума до нового Сарая, построенного Бату на восточном берегу Волги, Рубрук ехал по северной полосе современных казахских степей: «...мы ехали до Бату два месяца и 10 дней, не видя за это время ни разу города или следа какого-нибудь здания, кроме гробниц, за исключением одной деревеньки, в которой не вкушали хлеба»¹⁶⁷.

Как видим, послы папы и короля, итальянский и французский монахи Плано Карпини и Гильом Рубрук, совершившие удивительные и опасные по тем временам путешествия из Рима и Парижа в далекий Каракорум и обратно, очень традиционно и вполне по-европейски были информированы о той северной стране, которую мы ныне называем Сибирью.

Похождения венецианских купцов Николая, Матвея и Марко Поло, побывавших и живших в Монголии и Северном Китае при каане Хубилае, описаны в известной книге Марко Поло в 1298 г. В ней, по рассказам сведущих людей, описана и Западная Сибирь, входившая в то время, по автору, в удел хана Кончи, правнука Джучи-хана. В той земле «нет ни городов, ни замков», много скота и пушных зверей. Рассказано о езде северных народов в саниах, запряженных собаками, и о том, что существует организованная ямская езда на перекладных собачьих упряжках. «Сани они покрывают медвежьей шкурою, и туда влезает гонец; возят их по шести больших собак, и собаки везут их прямо к стоянке, не сбиваясь с дороги, по льду и по грязи; и так ездят от стоянки до стоянки. А вот кто сторожит стоянку, садится так же в сани, погоняет собак и едет дорогою кратчайшею и лучшею. На другой стоянке, как приедут, — собаки и сани уже готовы, и едут дальше; а те собаки, что привезли, возвращаются назад; и так каждый день ездят на собаках.

Те, кто живут здесь в горах и в долинах, большие охотники; ловят они много дорогах животных, высокой цены, а большая им от этого прибыль и выгода;

¹⁶⁴ Там же. С. 96.

¹⁶⁵ Там же. С. 122–123.

¹⁶⁶ Там же. С. 154.

¹⁶⁷ Там же. С. 183.

ловят они горностаев, соболей, белок, черных лисиц и много других дорогих животных; из них они выделяют дорогие шубы высокой цены... от великого здешнего холода их дома под землею, а иногда живут и над землею... На север от этого царства есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно, так же как у нас в сумерки...

Соседние народы оттуда, где свет, покупают здешние меха; им носят меха туда, где свет, там и продают; а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль. Люди эти, скажу вам, рослые и статные; они белы, без всякого румянца»¹⁶⁸.

Все последующие западноевропейские путешественники XIII–XIV вв. в Монголию, Северный Китай и Индию также мало знали о Сибири. «Великой Татарией» они называли только Юаньскую империю, созданную великим кааном Хубилаем¹⁶⁹, а не Сибирь.

Особую важность среди сведений о Сибири имеет карта 1367 г., составленная итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани. На ней изображена вся территория Золотой Орды, от западных рубежей до восточных окраин, включающая Хорезм, Урал и Сибирь. Из 40 золотоордынских городов как наиболее восточный отмечен в Западной Сибири г. Себур, т.е. Сибирь (городище Искер на Иртыше близ совр. Тобольска). Южнее Себура изображен город с развевающимся над башнями флагом, очевидно Тюмень. В конце XIV в. этот город назывался Чинги-Тура. Он был административно-политическим центром обширного Сибирского улуса-юрта, и это подчеркнуто водруженным над городом флагом.

На этой же карте за р. Яик (Урал) изображен безымянный город, а к северу от него — другой. Судя по большому размеру рисунка башен и развевающемуся над ними флагу, этот безымянный город — второй крупный экономический и административный центр в Южном Зауралье, входившем в Сибирские владения¹⁷⁰.

Некоторые авторы полагают, что впервые наименование «Сибирь» (страна Sebur) отмечено уже на известной Каталонской карте 1375 г.¹⁷¹ Другие ученые считают, что первым в западноевропейской литературе название «Сибирь» — «Wissiburg» упоминает в своей «Книге путешествий» (1427 г.) немецкий солдат Иоганн Шильтбергер, который находился в плену в Золотой Орде. Около 1410 г. он стал непосредственным участником одного из наездов хана Едигея на Сибирь, куда из Поволжья им пришлось ехать два месяца. «В стране этой и при всем этом я был сам и все видел собственными глазами», — пишет Шильтбергер. Он, следовательно, был одним из первых западноевропейцев, непосредственно побывавших в Сибири, и поэтому его свидетельства особенно ценны.

«В стране этой находится гора, называемая Арбус (Урал? — Л.К.) и простирающаяся на тридцать два дня ходьбы; живущие там люди полагают, что за горой этой находится пустыня (очевидно, тундра. — Л.К.), доходящая до оконечности света: никто не может также пройти через эту пустыню или жить в ней, по причине (водящихся там) диких зверей и гадов. На вышеупомянутой горе живут дикие люди, не имеющие постоянных жилищ; тело же у них, за исключением рук

¹⁶⁸ Книга Марко Поло. М., 1956. С. 225, 226.

¹⁶⁹ После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М., 1968.

¹⁷⁰ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М., 1985. С. 130–134.

¹⁷¹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т. I: XIII–XVII вв. С. 54.

и лица, покрыто волосами; подобно другим животным, они скитаются по горе, питаюсь листьями и травой и всем, чем придется»¹⁷². И если эта часть рассказа, возможно, содержит традиционное мифологическое описание «края света», то к дальнейшему рассказу Шильтбергера мы, вероятно, должны отнестись с полным доверием, как к сообщению очевидца: «В упомянутой стране Сибирь есть также собаки, которых запрягают в повозки, зимою — в сани; они возят также по стране поклажу и так же велики, как ослы, а едят они (жители. — Л.К.) также собак. Еще следует заметить, что люди в этой стране поклоняются Иисусу Христу подобно трем святым царям, пришедшим для принесения ему даров в Вифлеем и увидевшим лежащим его в яслях; поэтому в их храмах можно видеть изображение Христа (иконы? — Л.К.), представленного в том виде, как застали его три святых царя, и этим изображениям приносят они дары и на них молятся. Приверженцы этой веры называются уйгуры (Uygiur); в Татарии встречается много людей этой веры... В этой стране сеют только просо и хлеба не едят вовсе»¹⁷³.

Как видим, Шильтбергер в начале XV в. застал в Западной Сибири высокую культуру пришлых с монголами христиан-уйгуров, и хотя он не пишет о городах прямо, но упоминает христианские храмы, которые никогда никем не строились одиноко посреди степи или в лесу.

К тому же XV в. относится сообщение другого европейца, итальянца Юлия Помпония Лэта (ок. 1480 г.), который сообщал: «Вблизи берегов Ледовитого океана живут лесные люди, называемые югры; это, несомненно, скифы, очень отдаленные от остальных людей. Они не знают ни золота, ни серебра, ни других металлов; с ближайшими народами ведут меновую торговлю, а также с жителями Заволочья. Так рассказывали мне люди, живущие у истоков Танаиса»¹⁷⁴. И далее: «За Рифейскими горами (Уралом. — Л.К.) начинается Индия (так Лэт называет Сибирь. — Л.К.). Одно следует еще заметить: в Скифии и Сарматии городов очень мало, поселений же — неисчислимое множество». Здесь же Лэт упоминает топоним «Сибарина» — возможно, это город Сибири¹⁷⁵.

Многочисленные западноевропейские авторы XVI в., описывая по-разному Уральские горы и Сибирь, мало сообщают о городах аборигенного населения. Особое значение для нашей темы представляют «Записки о Московии» австрийского посла барона С. Герберштейна, который побывал в Москве в 1517 и 1526 гг. и выпустил свою книгу в Вене в 1549 г.¹⁷⁶. Описание Сибири, как указывает сам автор, почерпнуто из переведенного им «русского дорожника». Об этих данных мы уже рассказали в разделе, посвященном русским источникам.

Здесь же можно сказать лишь, что, по данным Герберштейна, «область Сибирь» (Sibier) в начале XVI в. — это только часть Южного Зауралья, входившая во владения ногайского правителя Шихмамая: «Область Сибирь граничит с Пермией и Вяткой; не знаю достоверно, есть ли там какие-нибудь крепости и города. В ней начинается река Яик (Урал. — Л.К.), которая впадает в Каспийское

¹⁷² Там же. С. 52.

¹⁷³ Там же. С. 53. Возможно, немец принял за христиан уйгуров-манихеев, которых западные «христиане» называли христианской ересью» (Смачина Е.Б. Введение // Кефалайа («Главы»). М., 1998. С. 44).

¹⁷⁴ Алексея М.П. Сибирь в известиях. С. 68.

¹⁷⁵ Там же. С. 69.

¹⁷⁶ Там же. С. 100; Герберштейн С. Записки о Московии.

море»¹⁷⁷. Но на карте, приложенной к книге Герберштейна (1549 г.), при устье р. Сосвы показан г. Обакас (Обская крепость), южнее — города Тером (Иером) и Тумен; в самых верховьях Оби, на правом берегу, отмечен г. Грустина¹⁷⁸, также в тексте описаны Серпонов и другие города. Укажем здесь, что на картах немецких географов Антония Вида (1542 г.) и Себастьяна Мюнстера (1544 г.) Обь показана как морской залив, шириной до 120 верст, а на ее левом берегу изображен г. Сибир (Sybur). На том же месте город Сибир (Siber) показан и на карте англичанина Антонио Дженкинсона (1562 г.). На карте Ортелиуса (1570 г.) — три города: Кингола, Сибир и Крустиана¹⁷⁹. На карте Герарда Меркатора (1595 г.) в верхнем течении Оби показан г. Грустина, а в среднем ее течении — г. Серпонов, т.е. города, указанные в «русском дорожнике», опубликованном С. Герберштейном¹⁸⁰.

Западноевропейские представления о городах Сибири, может быть, отражает поручение, данное английским мореплавателям Артуру Пэту и Чарльзу Джэксмену, отправлявшимся в 1580 г. через Сибирь «для открытия Китая»: «Если вам придется перезимовать именно так, то нам хотелось бы, чтобы будущим летом вы сделали открытия по реке Оби насколько возможно дальше. Если вы найдете, что эта река, которая, говорят, очень широка, действительно судоходна и годна для далекого плавания в глубь страны, то, может быть, вы доедете до города Сибири или до другого какого-нибудь города с населением на берегу Оби или ближе нее, и тогда у вас явится желание перезимовать вторично; в этом случае поступайте по своему усмотрению»¹⁸¹. Но их путешествие не состоялось.

Другой англичанин, Антон Марш, был более удачлив. Благодаря русским мореходам, нанятым им на Печоре, он в 1584 г. доплыл до устья Оби, но вверх по реке подняться не посмел. По его просьбе русские бывалые люди написали ему памятку: «Мы должны проехать мимо пяти городков, расположенных на р. Оби. Первый называется Тазовский городок и находится в устье река Пады. Второе селение, Носовой городок, стоит на самом берегу р. Оби. Третий называется Necheiour-goskoу. Четвертый — Charedmala. Пятый — Надежная, т.е. крепость спокойствия и доверия. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю. Некогда ваши люди (т.е. англичане. — Л.К.) уже достигли устья названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, а люди ваши были убиты самоедами, которые думали, что они приехали ограбить их»¹⁸².

Но по данным английского торгового агента и дипломата Джерома Горсея (почти 20 лет, с перерывами, прожившего в России), ему в 1586 г. в Москве рассказывал пленный сибирский царевич (Маметкул? привезен в 1585 г.), что «в его стране живут несколько англичан или, по крайней мере, людей, похожих на меня, взятых с кораблем, артиллерией, порохом и другими припасами, которые за два

¹⁷⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 163, 164.

¹⁷⁸ Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография и топонимия Алтая. Томск, 1980. Рис. 3.

¹⁷⁹ Там же. С. 5–15. Рис. 2, 4, 6.

¹⁸⁰ Там же. С. 15–17. Рис. 7.

¹⁸¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю.В. Готье. Л., 1937. С. 133; Горсей Джером. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990.

¹⁸² Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников. С. 187.

только года перед тем (в 1583 г.? — Л.К.) пытались отправиться по Оби, чтобы отыскать северо-восточный путь в Китай»¹⁸³.

Ко второй половине XVI в. относится также карта неизвестного географа, на которой изображена река, вытекающая из «озера Китая». На правом ее берегу обозначен город Грустана, напротив его, близ устья левого притока реки стоит город с подписью «Тегу» (Тура?)¹⁸⁴.

Сведения С. Герберштейна о Сибири многократно воспроизводились в Европе во второй половине XVI и в XVII в. (см.: Алессандро Гваньини, 1578 г.)¹⁸⁵. Картографы использовали их почти до конца XVII в. Так, на карте И. Гондиуса (1606 г.) указаны города Серпонов, Грустина и Камбалык¹⁸⁶; на карте Д. Кантелли (Рим, 1683 г.) изображены различные города, как полагают некоторые ученые — «надуманные»¹⁸⁷; на карте Г. Сансона (Рим, 1688 г.) на Верхней и Средней Оби обозначены города Грустина, Серпонов, Сахадруг и Аржа¹⁸⁸. Даже на карте голландского ученого Н.К. Витсена (1687 г.), хорошо знавшего русские карты того времени, на правом берегу р. Бии изображен г. Катунанон (Катуньский?), а на правом берегу Катунь, вблизи устья, показан все тот же город Грустина¹⁸⁹.

Очень важно для развития исторической науки заключение Николая Витсена (1641–1717), ученого-голландца, специально собиравшего, будучи в России, разнообразие сведения о Сибири: «Говорят, что в Сибири в некоторых местах можно увидеть пришедшие в упадок старые стены и развалины бывших там, по видимому, городов и что иногда там находили разные памятники. Из последних явствует, что в более древнее время страну эту населяли народы более высокого развития, нежели ныне, потому что теперь подобных построек там вовсе не знают. Сибиряки говорят, что народы, когда-то соорудившие эти города и постройки, совсем выселились оттуда по направлению к юго-востоку»¹⁹⁰.

В феврале 1612 г. один английский купец и моряк Джосиас Логан, будучи в г. Пустозерске на Русском Севере, записал со слов русских и зырянских торговых людей многие любопытные данные о Сибири. Например, упоминает известный нам Носовой городок на Оби. Он рассказывает и о Енисее: «Местные жители утверждают, что выше по реке и южнее живут татары (т.е. тюркоязычные люди. — Л.К.), которые ездят на лошадях. Он (русский информатор. — Л.К.) утверждает также, что они находили части плугов, которые были принесены с гор во время разлива, вызванного таянием снегов»¹⁹¹. Вероятно, здесь речь идет о качинцах — земледельцах, живших в начале XVII в. на Среднем Енисее и управлявшихся князем Тюлькой, т.е. Тюльгю-пигом. В этих же записках содержатся ценные сведения относительно Белого каменного города на Енисее: «Кроме того, за Тазом имеется еще большая река, называемая Енисеем, которая, говорят,

¹⁸³ Горсей Джерам. Записки о России. С. 106–107.

¹⁸⁴ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников. С. 133. Рис. 19.

¹⁸⁵ Там же. С. 150–153.

¹⁸⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. Рис. 5.

¹⁸⁷ Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография. С. 18, 19. Рис. 9.

¹⁸⁸ Там же. С. 20, 21. Рис. 10.

¹⁸⁹ Там же. С. 29, 30. Рис. 13.

¹⁹⁰ Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 32.

¹⁹¹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников. С. 210.

больше и глубже Оби. Никто не знает, на каком протяжении она течет, хотя вверх по течению ее уже плавали по четырнадцать дней. Этого нельзя узнать у местных жителей, которые называются тунгусами и являются особым народом. Самоеды же говорят, что видели белый город, который, казалось, был построен из камня, но они не посмели подойти к нему, чтобы убедиться в этом; и они слышали также, что у них (жителей города. — Л.К.) есть животные, имеющие длинную гриву и хвост, которые не имеют рогов, и что копыта у них круглые и не раздвоены, как у оленей; по-видимому, это лошади.

Далее они рассказывают, что к ним вышли люди, все сделанные из железа; я полагаю, что это были люди, одетые в латы. Так как они говорят, что 200 таких людей могут, по их мнению, завоевать все их царство, то из этого вы можете заключить, что они находятся недалеко от Китая и Хины. Таким образом, я вам открыл самый большой секрет и то, что, насколько я знаю, ближе всего подходит к истине»¹⁹².

Очевидно, этот секрет о кратком пути в Китай дошел до английского поэта Джона Мильтона, в записках которого (1649–1652) говорится буквально следующее: «Около 1610 года некоторые из этих самоедов продолжали свой путь, пока не увидели Белого города, в котором им слышался большой звон колоколов: они рассказывали, что к ним вышли с ног до головы вооруженные железом люди»¹⁹³.

В последних рассказах речь шла, несомненно, об енисейских кыргызах (хакасах) и их Белом городе, который, как мы видели в разд. 1, был известен и по русским источникам XVII в. Он находился на р. Белый Июс. Среди западноевропейцев кыргызов упоминает в своих записках, относящихся к 1666 г., один немец, побывавший в Сибири (имя его осталось неизвестным): «Есть там также народ, называемый киргизы; это тоже природные язычники; живут на реке Оби по направлению к Китаю; имеют очень странные одежды, зимою ходят в грубых платьях из оленьей кожи, ворсом наружу (т.е. в дохах. — Л.К.). Их женщины носят на голове украшение из древесной коры, широкое и круглое, как сито, которое они обвязывают тряпками. Эти люди поедают сырыми и мясо и рыбу»¹⁹⁴.

И наконец, следует упомянуть о карте еще одного иностранца, сержанта шведской артиллерии И.Г. Рената. Как военнопленный, после Полтавской битвы 1709 г. он был поселен в Сибири, служил в известной экспедиции Бухгольца и зимой 1715–1716 гг. еще раз попал на Иртыше в плен к калмыкам. В Джунгарии он плавил железную руду, отливал пушечные стволы и бомбы. Только в 1733 г. ему удалось вернуться на родину. Ренат хорошо знал не только местность, но и калмыцкую картографию. В основу его карты положена известная ему калмыцкая. Для нас интересны две надписи на карте Рената. Одна — севернее оз. Зайсан — «Бруссы живут здесь и имеют железные заводы», другая — западнее р. Бухтарма — «Железный завод»¹⁹⁵. Очевидно, что неведомые бруссы (может

¹⁹² Там же. С. 211–213.

¹⁹³ Там же. С. 298.

¹⁹⁴ Там же. С. 336 и 357.

¹⁹⁵ Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография. С. 32–34; Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год // Записки Русского географического общества по общей географии. Т. 11. СПб., 1888.

быть, бирюсы, т.е. бирюсинцы) в начале XVIII в. производили в Верхнем Прииртышье добычу и плавку железных руд, причем, вероятно, промышленным способом. У северного обреза карты, на правом берегу Катунь надпись: «Томтура», т.е. город Томск¹⁹⁶.

Таковы известные нам сведения западноевропейских источников о древних и средневековых городах коренного населения Сибири. Можно заметить, что некоторые из них основаны на фактах, полученных иностранцами от сведущих русских людей.

¹⁹⁶ Карта Джунгарии.

ПАМЯТЬ СИБИРСКИХ АБОРИГЕНОВ И ДАННЫЕ НАУКИ XVIII–XIX вв.

1. Древние города по данным этнографии, языка и фольклора коренных народов Сибири

В здешней стране, кажется,
был город чудского народа.

Хакасская бывальщина,
1896 г.

Знали ли коренные народы Сибири о древних городах? Да, знали. И не только потому, что видоизмененные временем остатки городских укреплений, жилищ или производственных объектов нередко составляли черты родного ландшафта. В руинах среди обломков кирпичей, углей и кусков шлаков люди иногда находили черепки битых древних горшков, проржавевшие орудия труда и оружие, обломки раздробленных костей.

Существует много свидетельств тому, что русские служилые и чиновные люди, охотники и торговцы, ученые путешественники и крестьяне открывали в XVII–XX вв. в Сибири остатки древних городов («городища»), деревень («селища»), крепостей («городки») по прямому указанию аборигенных жителей. Об этом мы уже рассказывали ранее в разделе книги, посвященном сведениям русских источников. В наших поисках местонахождений бывших городов определенную помощь может оказать русская топонимика, многократно содержащая наименования «городище», «городок», «палаты» и т.д.

Исследователи — филологи и фольклористы — обнаружили почти повсеместное бытование рассказов или отдельных сообщений о самобытных сибирских или заморских городах в устных героических сказаниях, исторических преданиях, бывальщинах и сказках большинства разноразличных коренных народов Сибири. Составление свода таких сведений — настолько обширная тема, что решение ее не под силу неспециалисту, тем более что устные фольклорные произведения записываются на самобытных языках каждой из сибирских народностей. К сожалению, фольклористы специально городскую тему не выделяли и потому сводные работы по этой проблеме отсутствуют.

По представлениям русских людей XVII–XIX вв. в степной Сибири в дорусский период жил довольно большой народ чудь. Принеся эти историко-мифические представления с Приуралья, русские люди приписывали чудь все находимые культурные древности: древние курганы и остатки развалин неведомых городов. Летописи указывали: «А как сибирстии гради имены нарицалися, и се не-

ведамо и ни от кого же наиспытно, понеже бо прежде живяще по всей Сибирской земли чудь, посеуму и писания несть»¹.

По русскому сибирскому преданию, гордая чудь, якобы узнав от своих жрецов, что всю страну скоро завоюют люди Белого царя, предпочла порабощению собственную гибель. Люди соорудили глубокие землянки и вошли в них. Затем мужчины подрубили столбы, поддерживавшие засыпанные землею крыши, и погребли себя вместе с женщинами и детьми. И не стало на земле чудского народа, вместе с которым исчезла в Сибири и древняя культура. Остались лишь «чудские курганы», с могилами под их насыпями. Сказание о самопогребении чуди было зафиксировано в Западной Сибири уже во второй половине XVII в.² и впоследствии широко разнесено русскими людьми среди коренных сибиряков. От грамотных русских людей узнали о чуди и хакасы. Они называли чудь «ах харахтыг чоны», т.е. «белоглазый народ».

Известный тюрколог и этнограф, урожденный хакас, Н.Ф. Катанов, находясь в 1896 г. в научной командировке на левом берегу р. Абакан (улус Аппаков), записал текст, свидетельствующий, что, по представлениям местных хакасов, до них в долине Абакана обитал неведомый народ чудь. В этом тексте, между прочим, сказано: «В здешней стране, кажется, был город чудского народа» («Чуут чоннын коорада полган»)³. Таким образом, в хакасском народе в конце XIX в. еще была жива память о существовавшем на их земле древнем городе. Правда, его доверчиво считали «чудским».

Аналогичные упоминания о городах встречаются в фольклоре других коренных народов Сибири, имеющих в своем языке самобытные термины для обозначения понятия «город». Например, у кетоязычных соседей хакасов еще в XVIII в. зафиксированы термины «город», варьирующие по их говорам и диалектам, но одинаковые по значению (*коледа, келет, коледе*)⁴. У хайдинцев «город» — *талу*⁵, у коттов — *пачатура*, у ненцев — *мар*, у обских угров — *ваш, вач (вош, воч)*, у коми-пермяков — *кар (кор)*, у маньси «город» — *уус (уш)*, «городок» — *уусике* и т.п.⁶. У селькупов — *keotti*.

В шорском героическом эпосе описывается мир, который предстает как «черный город», огороженный железным забором с железными же воротами: «Внутри черного города, вокруг земли раскинувшегося, девяносто кузнецов куют»⁷. В фольклорной традиции существует указание, что умерших селькупов «отправляя-ли» через море мертвых, за которым где-то на далеком севере находится город мертвых — *латтырыль кэтты*⁸. Посетивший обских угров Ф. Белявский сооб-

¹ ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. М., 1987. С. 32.

² Шмидт А.В. О чуди и ее гибели // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1927, т. XI, вып. 2. С. 49–54.

³ Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Уч. зап. Казанского университета. 1854, кн. 5, 6. С. 5.

⁴ Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Уч. зап. Томского гос. ун-та. Т. 19, вып. 2. 1961. С. 163.

⁵ Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973. С. 125.

⁶ Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М., 1965; Больдт Б.П. Именное словообразование нганасанского языка. Новосибирск, 1989.

⁷ Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.–Л., 1940. С. 96, 97, 134–137.

⁸ Пркофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире // Сб. МАЭ. М.–Л., 1961, т. XX. С. 59.

шает интересный факт: по словам остяков, «места, где жили прежде их князцы и владельцы, назывались городами, и отличаются (они)... изобилием рыболовства»⁹. Те же места почитались как священные.

С.К. Патканов перечисляет названия остяцких городов, упомянутых в былинах и сказаниях хантов: Тапарвош (около Цингалинских юрт); Карыпоспатурдаш-вош — «богатырский город у Стерляжьей протоки» в нижнем течении р. Конды; Эмдар-вош — около Эмдерской в Березовском округе; Нан-хуш-вош и Сон-хуш-вош в нижнем течении Оби; Хут-вош — на Иртыше; Тун-пох-вош — на Иртыше; Руш-вош и др. Рядовое население жило в неукрепленных поселениях *пугош*, которые группировались вокруг городов знати, и в случае военного нападения врагов жители *пугош* укрывались в городской крепости¹⁰. В былинах также упоминаются «глава города» (*воч-ух* или *вочум-ворт-ига*), богатые и бедные люди, рабы и рабыни, прислуживающие богатырям.

В Горном Алтае обнаружены топонимы: Йер-Балык (Земляной город) и Ай-Балык (Лунный город). Топонимы эти, возможно, свидетельствуют, что во времена древних тюрков в Курайской степи существовали города (др.-тюрк. *балык* означает город)¹¹. Их остатки следует искать археологам.

Термин «город» сохранился в хакасском языке в двух формах: новой и древней. *Тура* (город) — общий термин для всех западносибирских тюркоязычных языков от Тобола и до Енисея. В значении «крепость» он отмечен уже в Древнетюркском словаре¹². Аба-Тура есть хакасское название г. Кузнецка, Том-Тура — г. Томска, Хызылчар-Тура — г. Красноярска и т.п.¹³. «Крепость» в хакасском — *сивее* или *све* (ср. в том же значении алт. *шибе*, тув. *шивээ*, монг. *шивээ*).

Более древний термин *саар*, обозначающий «город», бытует в хакасском фольклоре и в местной топонимике. Хакас. *саар* — полная параллель киргизскому и восточнотуркестанскому *шаар* — «город». Эта стяженная форма от персидского *шахар* (город) характерна для восточных тюркоязычных народов¹⁴. Восточный Туркестан в XIX в. назывался местными тюрками то «Алтышаар» (Шестиградье), то «Иттишар» (Семиградье). Во многих героических сказаниях хакасов встречается (обычно в экспозиции места действия) «Ах Саар» — «Белый город» (точнее, «Прекрасный город»)¹⁵:

На берегу Белой великой реки
Прекрасный город стоял.

Примечательно, что на том же берегу Абакана, где Н.Ф. Катановым более ста лет назад записано воспоминание о «городе чудского народа», сохранился топоним «Саар». Совпадение этих фактов, по-видимому, свидетельствует, что

⁹ Беляевский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 52.

¹⁰ Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. СПб., 1891, вып. 3–4. С. 100.

¹¹ Молчанова О.М. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. С. 181.

¹² Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 587. Детальные лексические тюркские соответствия, касающиеся городов, поселений, домов, крепостей и их деталей см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997. С. 485–530.

¹³ Хакасско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков и А.И. Инкижекова-Грекул. М., 1953. С. 240.

¹⁴ Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М., 1965. С. 894.

¹⁵ Добров М.К. Хан Мирген. Абакан, 1969. С. 12, 118.

город там действительно был. «Саар» в настоящее время — название горной гряды, протянувшейся между левыми притоками Абакана — реками Аскиз (хак. Асхыс) и Камышта (хак. Хамыстыг Ыбк). Посреди этих гор расположено красивое урочище Саар исты («Внутри Саара»), в котором бьют родники, текут ручьи и ныне живут скотоводы.

Как бы в продолжение хребта Саар с левого берега Камышты и до р. Уйбата тянется другой хребет, называемый хакасами Сахсаар (что, быть может, означает, «Военный город»¹⁶). Он также имеет внутри гор урочище, в котором текут ручьи родникового происхождения. На основной вершине Сахсаара расположена крепость-све, окруженная каменными стенами, сложенными из рваного камня. Но крепость — это средневековое убежище, а не город.

Остатки большого столичного города были найдены автором этой книги в 1959 г. в степи при устье того же Уйбата, впадающего слева в р. Абакан в 15 км к востоку от хребта Сахсаар. В 1974 г. начались раскопки этого города, и о нем будет рассказано ниже.

В будущем полезно было бы проделать работу по выборке из лексики языков коренных обитателей Сибири тех самобытных терминов и понятий, которые свидетельствуют о знании ими строительного дела, о знакомстве не только с соответствующими орудиями труда, но и с деталями и приемами строительства деревянных, сырцовых, глинобитных и каменных зданий. Составленные словарики докажут самостоятельность аборигенного зодчества и строительного искусства. Такой документальный материал, к сожалению, еще никем не собран.

В качестве первого опыта приведем здесь некоторые примеры из фольклора и лексики тюркоязычных народов Южной Сибири. В сказаниях алтайцев и хакасов XIX в. постоянно встречаются: золотые (белые) дворцы, красные и черные города; золотые, железные и серебряные мосты; золотая дверь, железная изгородь, железные столбы и колонны¹⁷.

Дворец, замок — *бргдб* или *уг-тура* (большой дом), ибо *тура* не только «город», но и «срубленный дом»; каменный дом — *тас тура*¹⁸; дом — *йге* (хак. *бельтир*); строение (здание) — *пүдиріг* (хак.); тюрьма — *хариб* (хак.); четырехугольная изба — *чарча* (хак.); крыша — *чабыг* (хак.), *дабу* (алт.); матица (балка) дома — *архы* (хак.), *тоормош* (алт.); колонна (опорный столб) — *теек* (хак.) (Алтын Теек — Золотая Колонна — имя в фольклоре¹⁹); окно — *көзинек* (хак.), *көзнёк* (алт.); стекло — *куган* (шор.), *сүйей* (сев.-алт.), *шили* (алт.), *сүйейке*, *сүдйе* (хак.); пол — *салтым* (шор), *такта* (алт., хак.); погреб (подполье) — *ора* (хак.); порог — *иркин* (хак.), *бозого* (алт.); кровать — *орган*, *ортых*, *онтых* (хак.), *орын* (алт.); печь — *кебеге* (шор.), *кемеге* (сев.-алт.), *кэмэгэ* (чулым.), *кимэгэ* (сиб.-татар.), камин — *соол* (хак.), *шаат* (шор.), *чоол* (алт.), *цуат* (сиб.-татар.).

¹⁶ Хакасско-русский словарь. С. 176: *сар* II.

¹⁷ Катанов Н. Ф. Опыт народной литературы тюркских племен. СПб., 1907. Ч. 9. С. 301–425; Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М., 1985; Чистяков Э. Ф. О лексических особенностях саяно-алтайского ареала // Лексикология и словообразование хакасского языка. Абакан, 1987.

¹⁸ Катанов Н. Ф. Опыт народной литературы тюркских племен; Суразаков С. С. Алтайский героический эпос.

¹⁹ Катанов Н. Ф. Алфавитный указатель собственных имен, встречавшихся во втором томе «Образцов народной литературы тюркских племен», собранных В. В. Радловым. СПб., 1888. С. 13.

Строительство — *пүдiрiг* (хак.), *тудар*, *бүдүрер*, *эдер* (алт.); строитель — *пүдiрiгчи* (хак.); штукатурка — *сыбанды* (хак.), *шыбанты* (алт.); штукатур — *сыбачан кiзi* (хак.), *шыбачы* (алт.); гвоздь — *катыг*, *позуг* (шор.), *каду* (сев.-алт.), *бозу*, *позыг* (хак.); ворота — *халха*, *iзiк* (хак.); забор — *хана*, *сиден* (хак.); колодец — *хутук* (хак.), *кутук* (алт.), *кудук* (тув.); лестница — *макыш* (шор.), *пасхыс* (хак.), *тепкиш* (алт.), *баскыш* (тув.), *паскыш* (сев.-алт.)²⁰. Вал (земляная насыпь) — *үүлдiре урган чир* (хак.), *күрее* (алт.).

Здесь уместно вспомнить алтайскую загадку: «Вокруг деревянный гроб — в середине голубое поле», которая означает окно в стене дома²¹. В фольклоре южносибирских тюрков упоминаются здания с сорока углами, а также девяносто- и стогранные дворцы, железные дворцы и изгороди и даже, как говорилось выше, железные города. В одном хакасском сказании рассказывается о сорокаугольном доме, внутри которого «сорок мужчин куют молоты, сорок человек — пилы и подпилки и сорок человек куют шипцы...»²². В шорском сказании, как говорилось, «внутри черного города, вокруг земли раскинувшегося, девяносто кузнецов куют...». Упоминаются также горны, шипцы, молоты, «медный амбар», «черный дворец» и т.п.²³.

Конечно, приведенные выборки из фольклора и лексики языков южносибирских тюркоязычных народов случайны, но они показывают возможности для углубленной разработки нашей темы фольклористами и лингвистами.

Что касается этнографов, то наиболее проницательные из них, анализируя материальную и духовную культуру коренных народов, улавливали мощное воздействие на них бывших городских цивилизаций. Так, например, С.В. Иванов, внимательно изучавший хакасские шаманские бубны и красочные рисунки на них, указывает: «Простая и ясная в своих истоках тематика, связанная с облавными охотами, восходящая к глубокой древности, обрастала сложной тканью представлений, содержание и характер которых говорят о том, что они складывались под влиянием феодальных порядков и *городской* культуры (курсив мой. — Л.К.) каких-то центрально- или восточноазиатских государств, по отношению к которым тюрко-, самоедо- и кетоязычные племена находились в свое время на положении вассалов. Значительную роль при этом играли, по-видимому, енисейские кыргызы, создавшие сильное государство еще в VI в. н.э.»²⁴.

Как видим, этот исследователь вплотную подошел на своих материалах к разгадке былого существования в средние века местных енисейских городов. С.В. Иванов заметил, что в сюжетах и семантике изображений на бубнах народов Саяно-Алтайского нагорья также запечатлены представления этих народов «о многокомнатных каменных дворцах, о ханах, тюрьмах», о дворцах с оградями, о мостах, лестницах, книгах и других аксессуарах городской культуры²⁵.

²⁰ Хакасско-русский словарь; Добров М.К. Хаи Мирген; Катанов Н.Ф. Опыт народной литературы тюркских племен; Суразаков С.С. Алтайский героический эпос; Чистяков Э.Ф. О лексических особенностях; Катанов Н.Ф. Алфавитный указатель собственных имен.

²¹ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 152.

²² Катанов Н.Ф. Опыт народной литературы тюркских племен. С. 219; Суразаков С.С. Алтайский героический эпос.

²³ Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. С. 97, 133–137.

²⁴ Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ. М.–Л., 1955, т. XVI. С. 220–222.

²⁵ Там же. С. 259–261.

Можно отметить еще интересное заключение В.П. Дьяконовой: «Известным феноменом в религиозно-культовой практике у тюркоязычных народов Саяно-Алтая является жертвоприношение небу у хакасов, о котором сообщают Н.Ф. Катанов и С.Д. Майнагашев, назвавшие его „тигир таих“». Культ неба такого характера не описан и не зафиксирован ни для какой другой этнографической группы или народа Саяно-Алтая»²⁶. Исключительность этого культа, возможно, указывает на его происхождение от той средневековой религии, которая культивировалась в храмах и святилищах древнехакасских городов. Советские этнографы не знали о былом триумфальном завоевании почти всех народов Северной Азии манихейскими миссионерами. Наши раскопки в Хакасии средневековых манихейских храмов ныне доказали, что уже с VIII в. средневековые хакасы стали исповедовать одну из мировых религий того времени, а именно манихейство, которое восприняли все народы Сибири²⁷. Хакасские жертвоприношения манихейскому богу Худаю (Кудаю) начинались с весеннего манихейского праздника Бёма, по-тюркски именуемого *tiğir tayanı* «жертвоприношение небу».

Приведенные здесь далеко не полные сведения и факты, почерпнутые из этнографии, фольклора, языка и топонимики, содержат объективные свидетельства о древнесибирских городах и о поразительной исторической памяти коренных сибиряков, сохранившей представления о давно погибшей самобытной городской цивилизации. Все эти данные явились предвестниками археологических поисков в сибирской земле остатков древних и средневековых городов.

2. Историческая наука XVIII–XIX вв. о древнесибирских городах

Да и город каменный есть близко
Иредяша озера, и оброс тот го-
род большим великим диким
лесом. И полаты каменные в том
городе многия...

*Из докладной записки
царю Петру I, начало XVIII в.*

Российская историческая наука зародилась в XVIII в. Зачинателями ее явились такие крупные ученые и просветители, как М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев и Г.Ф. Миллер. Все они оставили свой след и в изучении сибирской истории²⁸. Их предшественниками были первый сибирский историк и картограф тобольчанин С.У. Ремезов и побывавшие в начале XVIII в. в Сибири ученые-путешест-

²⁶ Дьяконова В.П. Религиозные культы тувинцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. С. 176.

²⁷ Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Серия 8. История. 1998. № 3; он же. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. 1999. № 2; он же. Сибирское манихейство // ЭО. 2001. № 5; он же. Тюркско-иранское культурное и языковое взаимодействие в его историческом освещении // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005. С. 450–463.

²⁸ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово. 1963. С. 56–80, 107–163, 212–222; он же. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970.

венники Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Страленберг²⁹, а последователями — И.И. Лепехин, И.П. Фальк, И.Г. Георги, П.С. Паллас, А.Н. Радищев и др.³⁰.

Всем этим исследователям в той или иной степени были известны сведения о древних или средневековых городах сибирского аборигенного населения, оставленных, по их мнению, древним легендарным народом чудь, татарами, калмыками или другими неизвестными народами. На карте С.У. Ремезова 1701 г. были помечены на Верхнем Иртыше два города: на р. Бешке, притоке Иртыша, изображена полукруглая стена с надписью «Булгагана» и южнее — «г. Калмак Тологай», а западнее: «кочевья Аблая»³¹.

К началу XVIII в. относится также записка, хранящаяся в «кабинетных делах Петра Великого», в которой сказано, что в горах, между вершинами рек Уфы и Урала, «в том месте изстари сибирские татаровя тою руду ломали и серебро и золото себе плавил. Да и город каменный есть близко Иредяша озера, и оброс тот город большим великим диким лесом. И полаты каменные в том городе многия. А в тот город башкирцы съезжаются по вся годы на мольбище. А у всех башкирцев твердость положена, что отнюдь про тою руду и про город никому не сказывать. И таят крепко, чтоб про тою руду и про город великие государи российские или казылбашской (персидский. — Л.К.) шах не сведал»³².

В 1718 г. в верховьях Иртыша русскими солдатами была построена крепость Семипалатная, названная так по древним сооружениям, которые были обнаружены и поименованы в народе «Семь палат» еще в начале XVII в. Вот что зафиксировано в одном из документов, относящихся к 1801 г.: «Город название свое получил от семи палат или древних иноверческих каменных строений, на сем месте бывших, которых развалины еще и поныне при самой крепости существуют. В них найдено 1654-го года на тунгусском языке много рукописных книг, которые тогда ж в Москву и были отправлены»³³.

Об остатках старинных монументальных зданий, сохранившихся от древнего города, упоминает находившийся в 1719 г. в Тобольске сотрудник посольства Л.В. Измайлова в Китай, англичанин Джон Белл, состоявший на русской службе: «Дом, называемый Семь палат, лежит по правую сторону, если спускаться вниз по реке (Иртышу). Поразительно видеть среди степи такое правильное здание. Некоторые из татар говорят, что оно построено Тамерланом, которого татары называют Темир-аксаком или Хромым Темиром, другие же приписывают его постройку Чингиз-Хану. Здание, согласно лучшим сведениям, какие я мог получить, сложено из кирпича или камня, хорошо отделано и поныне остается в целости. Оно состоит из семи комнат под одною крышей, откуда и явилось название „Семь палат“. Несколько комнат были наполнены свитками глянцевитой бумаги, прекрасно исписанными; на многих из них золотые буквы. Некоторые свитки черные, но большая часть — белые. Язык, на котором они писаны, тангутский

²⁹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). С. 31–36, 48–49.

³⁰ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). С. 34–40, 223–253.

³¹ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.

³² Старинное известие о золоте и серебре, добываемом в Уфимском уезде // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1865, т. 5. С. 256–257; Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 234.

³³ Стицин А.А. Сибирская коллекция Кунсткамеры // ЗОРСАРАО. 1906, т. 8, вып. 1. С. 316.

или калмыцкий. Когда я был в Тобольске, то встретил там на улице солдата со связкою таких бумаг в руке. Он просил меня купить их, что я и сделал, заплатив небольшую сумму. Я оставил их у себя до прибытия моего в Англию, где роздал их моим друзьям, особенно же ученому антикварию Гансу Слоуну, который оценил их очень высоко и дал им место в своем знаменитом музее. Два таких свитка послано было, по приказанию императора Петра Первого, в Королевскую академию в Париже. Академия возвратила перевод их, который я видел в Кунсткамере в Санкт-Петербурге.

Один из них содержал поручение ламе или жрецу, другой форму молитвы к Божеству. Насколько можно полагаться на этот перевод, я не берусь определить. Татары считают все их священными письменами, как это видно по заботе, прилагаемой ими к сохранению этих бумаг. Быть может, они содержат несколько любопытных отрывков, особенно по древней истории. В нескольких днях пути от Семи палат вниз по Иртышу, на западном берегу его, стоит старая башня, известная под именем Калбазинской башни»³⁴.

Калбасунская башня и Семь палат описаны в специальном исследовании Г.Ф. Миллера, который сам посетил в 1734 г. развалины Семи палат, а Калбасунскую башню тогда же по его указанию описал и зарисовал отправленный к ней «рисовальщик» Люрсениус. Рисунки всех этих зданий были опубликованы³⁵. Согласно Г.Ф. Миллеру, «так называемые „Семь палат“ лежат на восточном берегу Иртыша... Калмыки называют их Дархан-Зорджин-Кит, говоря, что здания эти построил некий жрец Дархан-Зорджи, который и пребывал в них. Когда это было, они не знают. В Тюмени, древнейшем городе Сибири, я нашел в архиве грамоту царя Михаила Федоровича от 25 октября 1616 г., в которой эти здания упомянуты под именем „каменных мечетей“. К этому времени они, может быть, и относятся. Судя по материалу, из которого они сделаны, они едва ли могут быть древнее... Разорены были эти здания, по моему мнению, около 1660–1670 годов, когда, как я узнал из сибирских архивов, страшная междоусобная война нанесла калмыцкому господству множество поражений. С тех пор часто могло случаться, что русские входили в разоренные капища и уносили с собой письмена и идолы, находившиеся там в значительном количестве... До Бухгольцовского похода (первой попытки пробраться в Бухарию в 1714 г. — Л.К.) ничего про них не было слышно и никто о найденных в Сибири неизвестных письменах не упоминал. Те, которые сибирским воеводою поднесены были Петру Великому, по общепринятому мнению, добыты оттуда. Сообщу все, что видел своими глазами, когда из Семипалатной крепости отправился к этим развалинам»³⁶.

По данным Г.Ф. Миллера и его спутника И.Г. Гмелина, описываемый городок состоял из шести зданий. Но так как одно строение включало две комнаты, прилегающие друг к другу одной стеной, то русские посетители развалин считали, что всего палат семь. Все здания были сооружены из сырцового кирпича, и лишь

³⁴ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2 // МАР. 1891, № 5. Приложения. С. 51; он же. Сибирские древности. Т. I, вып. 3 // МАР. 1894, № 15; ср.: Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск. 1968. С. 50, 51.

³⁵ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 57–60. См. также: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.–Л., 1937; т. II. М.–Л., 1941; т. III. М., 2005; Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.

³⁶ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. Приложения. С. 58.

одно, центральное, было двухэтажным, причем нижний этаж был сооружен из каменных плит.

Внутри некоторых зданий сохранилась алебастровая побелка стен и остатки живописи, которые «изображают людей, частью стоящих, частью сидящих, животных, драконов, птиц и преимущественно цветы». В трех зданиях — упавшие деревянные колонны, местами разукрашенные цветами, с деревянными скульптурами львов и драконов, которые служили капителями. Кое-где валялись обрывки рукописей. Двери зданий были обращены к реке³⁷.

Здесь же Миллер упоминает, что он видел развалины подобных зданий (т.е. другого аналогичного городка) в 20 верстах от Семи палат, на том же берегу Иртыша, в 37 верстах от Семипалатной крепости по дороге в Усть-Каменогорскую крепость. Там возле зданий сохранились оросительные каналы и остатки заброшенных пашен. Сравним это известие с более ранним, относящимся к XVII в. сообщением Н. Витзена: «...от этих зданий (т.е. от Семи палат. — Л.К.) вверх по Иртышу живет калмыцкий жрец, который построил себе два довольно большие кирпичные здания, снаружи покрытые известью. Он содержит при себе бухарцев и живет землепашеством. Там растут пшеница, ячмень, горох и другие злаки»³⁸.

В 1735 г. Семь палат посетил и описал геодезист Василий Шишков³⁹.

Таким образом, обобщая все приведенные выше факты, можно заключить, что в начале и первой половине XVII в. на Верхнем Иртыше существовали калмыцкие города, которые были в основном храмовыми. Их населяли буддийские ламы-монахи, а также среднеазиатские ремесленники и землепашцы, храмовые служки. Нередко возле монастырей находилась ставка хана или другого административного лица с чиновным аппаратом, воинами и мастерами по ремонту и изготовлению походного снаряжения и вооружения. Сюда подходили караваны проезжих купцов, здесь велась торговля и устраивались многолюдные религиозные празднества — *цамы*.

Наибольшую известность приобрели подробные описания Миллером остатков города Аблаинкита («Аблайкит у сибиряков называется городом, потому что окружен стенами»⁴⁰), которые он сам по какой-то причине лично не посетил, хотя и был 11 августа 1734 г. в Усть-Каменогорской крепости. Аблаинхийд, как его называли калмыки, расположен в 60 км к югу от Усть-Каменогорска, в Калбинских горах, в верховьях правого притока Иртыша р. Себинки (Облакетки)⁴¹.

Этот город-монастырь впервые был обследован в 1720 г. экспедицией под руководством майора И.М. Лихарева. Экспедиция была послана Петром I для «разыскания путей» в Восточный Туркестан, а также с целью укрепления границ России в Приалтайском крае.

Она начала свою работу с сооружения осенью 1719 г. Усть-Каменогорской военной крепости. При разведках 1720 г. экспедицией был обнаружен заброшенный калмыками монастырь, собраны в его храмах тибетские рукописи и составлен сохранившийся до нашего времени рукописный чертеж — «план Аблайкит-

³⁷ Там же. С. 58, 59.

³⁸ Там же. С. 60.

³⁹ Там же. С. 142.

⁴⁰ Там же. С. 61.

⁴¹ Черников С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960, вып. 1 (сведения археолога, изучавшего остатки города Аблаинкита).

ских палат». На нем изображен стоящий на горе одноэтажный храм с трехъярусной крышей, окруженный стеной⁴². В 1721 г. для Академии наук была сделана даже деревянная модель храма Аблаинкита⁴³.

Это открытие стало широко известно⁴⁴. Во всяком случае, уже Ф.И. Страленберг в своей книге, вышедшей в Стокгольме в 1730 г., писал: «В 1720-м году, когда русские с несколькими полками военного люда отправились из г. Тобольска вверх по р. Иртышу, то они нашли там не только много древностей и старых языческих капищ, но и далее от этой реки, между верховьями р. Тобола и Ишима (куда, впрочем, ходят немногие) встретили, как мне рассказывали тобольские татары и русские, очень много вытесанных из камня изображений людей и животных; в тех же степях находятся развалины различных городов»⁴⁵.

В настоящее время известно, что город Аблаинкит был основан в 1654 г. ханом западных ойратов Аблаем-тайджи, из племени хошоутов. Возле монастыря располагалась ставка хана. Здесь вели торговлю приезжие купцы, в округе было заведено хлебопашество и огородничество.

В 1654 и 1657 гг. в Аблаинките побывал первый русский посол в Китай Ф.И. Байков. В 1671 г. Аблаинкит был захвачен джунгарским владетелем Галданом-Бошохту, а разбитый Аблай с хошоутами откочевал на р. Урал. С тех пор храмовой город пришел в запустение.

В 1737 г. первое описание Аблаинкита с приложением рисунка целого еще храма, второго здания и их деталей составил на месте геодезист Василий Шишков, и чертежи его по сей день хранятся в областном архиве г. Екатеринбурга⁴⁶. Эти документы впервые были опубликованы Г.Ф. Миллером⁴⁷. В 1735 г. в Аблаинките побывал начальник уральских металлургических заводов В.И. Геннин. Он осмотрел памятник, собрал остававшиеся тибетские рукописи; ему же принадлежит и важное археологическое открытие. В.И. Геннин раскопал у стен храмового города захоронение человека, который лежал «на выбитой золотой тонкой доске, а поверху его платья наложено было золотыми тонкими листами, выбитыми толстотою против бумаги, всего золота с пуд»⁴⁸. Геннин составил чертёж необыкновенного погребения⁴⁹. Затем он посетил и старый монастырь Семь палат.

В течение всего XVIII в. собирали сведения об Аблаинките, изучали и старались перевести его тибетские рукописи, изыскивали исторические документы об эпохе его существования не только русские путешественники или состоявшие на русской службе ученые-иностранцы (И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас), но и иностранные географы и лингвисты (Н. Витзен, братья Фурмон, Т.З. Байер, монгольский лама Агванпунцог Дордже, И.Б. Мэнке, М. Лакроз и др.⁵⁰).

⁴² Княжецкая Б.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719- 1720) // Страны и народы Востока. Вып. 26, кн. 3. М., 1989. Рис. 1; Спицин А.А. Сибирская коллекция Кунсткамеры. С. 241.

⁴³ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 140; Спицин А.А. Сибирская коллекция Кунсткамеры.

⁴⁴ Спицин А.А. Сибирская коллекция Кунсткамеры. С. 241.

⁴⁵ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. Приложения. С. 24.

⁴⁶ Там же. С. 141; Черников С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков.

⁴⁷ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. Приложения. С. 61-65.

⁴⁸ Княжецкая Б.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева. С. 23, 32.

⁴⁹ Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937.

⁵⁰ Княжецкая Б.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева. С. 19-26.

Не ослабело внимание к изучению Аблаинкита и Семи палат и в XIX–XX вв. В 1900–1901 гг. здесь производил раскопки В. Никитин, в 1928 г. — А.А. Адрианов, а в 1935 и 1937 гг. — археолог С.С. Черников, который не только снял планы развалин зданий и всего города, с детальными обмерами и обследованиями, с фотофиксацией и т.п., но и произвел небольшие раскопки на его объектах⁵¹. Этот последний исследователь Аблаинкита совершенно справедливо заключал: «Можно смело сказать, что никакой другой памятник Казахстана не пользовался такой широкой известностью в научных кругах... Аблаинкит является одним из немногих памятников, на котором мы можем проследить все стадии его последовательного разрушения, отмечаемые различными исследователями в течение более чем 200 лет»⁵².

Некоторые материалы о древних городах Сибири собрал Д.Г. Мессершмидт, путешествовавший по ее просторам в 1720–1726 гг. В 1720–1721 гг. его спутником являлся Ф.И. Страленберг. Это была первая научная экспедиция по изучению Сибири. Она ставила перед собою многочисленные задачи по почти энциклопедическому описанию огромной неведомой страны, а также по сбору сведений о ее древних сооружениях или их развалинах⁵³. К сожалению, ввиду недоизученности архивных материалов Д.Г. Мессершмидта и их неопубликованности его открытия и наблюдения остаются малоизвестными.

Исследователь обнаружил развалины крепости на р. Уруленгуй, впадающей в Аргунь и по рассказам красноярских казаков узнал о наличии древних палат на берегах р. Тес-Хем в Южной Туве⁵⁴.

Собирая сведения о прошлом, к анкетированию прибег в конце 30-х годов XVIII в. В.Н. Татищев. Среди многих пунктов его программы значилось: «...103. Нет ли где в уезде каких признаков и видов, где наперед сего города или знатные строения были и нет ли известия, как именованы, когда и кем разорены»⁵⁵. Именно Татищев послал в 1735 г. в Южную Сибирь геодезиста Василия Шишкова «для описи тамошних мест и положения на ландкарту, а паче чтобы старался о древностях обстоятельно уведать, описать и, где возможно, сознаменовать». Известно, что В. Шишков «весьма ревностно описывал и курioзным местам учинил чертежи»⁵⁶.

В. Шишков, как говорилось выше, обследовал, зарисовал и вычертил точные планы древних городов Аблаинкит и Семь палат. Помимо ландкарт и архитектурных обмеров зданий он детально описал их строительные материалы и приемы, а также зарисовал акварелью буддийские изображения и реликварии⁵⁷. Всего Татищевым было послано в Сибирь восемь геодезистов.

Один из них — «геодезии поручик» Иван Шишков подробно обследовал в 1739–1743 гг. Томский и Кузнецкий уезды. Отвечая на 103-й пункт татищевской программы, он сообщал: «103. По известию от канцелярии Томского ведомства в уезде никаких известных признаков и видов, где наперед сего города или

⁵¹ Черников С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков.

⁵² Там же. С. 125.

⁵³ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). С. 15, 16.

⁵⁴ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. Приложения. С. 80–81, 84, 90.

⁵⁵ Там же. С. 142.

⁵⁶ Там же. С. 140.

⁵⁷ Ср.: Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). С. 71.

знатные строения были, не показано, а по усмотрению во время описания в Томском уезде в разных местах находятся небольшие горотки круглые и четверугольные, кругам рвы и небольшие валы и видно, внутри были ямы и признается, что подобны тому строению, как ныне иноземцы здешние имеют земляные юрты; в некоторых местах от слуху известно, что жили татары и кыргыцы; такожь находятся в называемой Кыргыской степи и в протчих местах довольно бугров или старинных могил, а какие люди жили, о том неизвестно и познать невозможно; оные бугры от русских людей и для добычь разрыты».

О древностях Кузнецкого уезда Иван Шишков сообщал: «103. В уезде том такие признаки, что напредь сего небольшие городки бывали, находятся в разных местах, однакожь видно, что оные были не знатные, ибо положением весьма малы, такожь по степям довольно находятся старинных могил, а как те места именовались и когда и кем разорены, известия не имеется»⁵⁸.

Как видим, в первой половине XVIII в. геодезисты Шишковы не только зафиксировали поздние калмыцкие города и монастыри, но сумели увидеть еще и сохранявшиеся остатки старинных городков-крепостей аборигенного населения Южной Сибири.

Чтобы оценить уровень исторической науки того времени, напомним, что сам В.Н. Татищев делил историю Сибири на три основных периода: сарматский — I тыс. до н.э. (наиболее ранним памятником этого времени для него являлись древние строения Семь палат на Иртыше, которые автор отождествлял с г. Иседоном, упоминаемым Птолемеем); татарский — с XV в. (татары построили свои города на Оби, Иртыше, Тоболе. Ученый считал, что лет за 100 до Ермака хан Магомет построил город Сибирь на Иртыше, по имени которого стали именовать всю страну). Последний период — русский, с конца XVI в.⁵⁹.

Татищев отмечал важность для исторических исследований топонимических данных, особенно оставшихся от древних «оных сарматских языков, у которых преданиями древности, где прежние их обиталищи были... хранятся не меньше же, когда звание городов, рек, озер, их языка в тех местах остались, то наипаче оное утверждается»⁶⁰. Как видим, никаких сомнений в существовании аборигенных сибирских городов в ранней древности у Татищева не было.

О том, что подразумевал под терминами «город» и «городище» этот крупнейший ученый первой половины XVIII в., дает представление составленный им в 1745 г. «Лексикон Российской...»: «Город, *славян.* град, есть место, укрепленное или без укрепления, в котором многие дома разных чинов, яко военные и гражданские служители, купечество, ремесленники и чернь или подлой народ, и все обще называются граждане, состоит под властью начальства. Но у нас токмо тот городом именуется, которой уезд подспудной имеет, а протчие или крепости, или пригороды и остроги»; «городисче называется место, где прежде бывал город и опустошен, каковых в Российской империи не токмо по степям али пустыням, но и междо селениями немало находится, и большей части имени неизвестны»⁶¹. Две отдельные статьи «Лексикона» посвящены Аблайкиту⁶².

⁵⁸ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 142–145.

⁵⁹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). С. 67–76; *он же*. Историография Сибири (домарксистский период). С. 64.

⁶⁰ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). С. 78.

⁶¹ Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 242.

⁶² Там же. С. 153, 328.

Ввиду того что Татищева среди археологических источников особенно интересовали «остатки городов и знатных строений», в его архиве собраны важные и значительные материалы о древних городах Сибири, до сих пор еще не освоенные и не оцененные исторической наукой.

М.В. Ломоносов был одним из первых ученых, который при подготовке к созданию своей «Древней Российской истории» ясно осознавал необходимость привлечения для изучения древних периодов истории Российского государства археологических и этнографических источников. Около 1760 г. им через Академическую канцелярию была разослана по различным губерниям специальная анкета. Среди ее вопросов был и следующий: «...26. Назначить, где есть старых городов развалины или городища, в каких состоят остатках и признаках и как их называют?»⁶³.

Наибольшие заслуги в истории изучения городов аборигенного населения Сибири в дорусский период и в выявлении их судеб за более чем 130-летнее пребывание Сибири в составе Российской империи, безусловно, имел Г.Ф. Миллер. Этот выдающийся ученый по праву известен науке как отец сибирской истории, ибо он первым создал научную «Историю Сибири», основанную на добросовестном изучении русских рукописных документов, непосредственно собранных автором во многих сибирских губернских, уездных и городских архивах в период почти десятилетнего путешествия по Сибири в 1733–1743 гг. Деятельность Г.Ф. Миллера получила должную оценку в историографии Сибири⁶⁴.

Любопытно отметить, что Академия наук, отправляя в Сибирь «Беринговую» 2-ю Камчатскую экспедицию в 1733 г. (в которую были включены Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин), выдала ее участникам подробную инструкцию относительно их обязанностей. В § 9 этой инструкции сказано: «...все и всякого рода камни или разваленныя здания или палаты, старые гробы или кладбищи, статуи, сосуды... идолы или болваны... и протчая иныя нарисовать прилежно должен...»⁶⁵. Нечего говорить, что Миллер добросовестно выполнял требования академической инструкции, поскольку они полностью совпадали с его собственными научными интересами.

Это очевидно при рассмотрении другого документа — инструкции самого Миллера, очень подробной, составленной им для адъюнкта Фишера, собиравшего позднее в особое путешествие по Сибири. В ней 10 начальных пунктов посвящены городам и городкам-крепостям в степях, в долинах Оби, Иртыша, Аргунни, татарских кучумовских, остяцких и вогульских, особо «Семи Палат и Аблайкита». В пункте 9 он указывает, что «в верховьях Оби, на башкирской границе (? — Л.К.), находится старинное полуразвалившееся здание, которое я не знаю, к какому отнести времени»; а в пункте 12 указано: «В Нерчинской степи виден земляной вал, который, говорят, тянется по прямой линии из Монголии чрез Аргунь до Амура»⁶⁶.

⁶³ Гурвич Д.М. М.В. Ломоносов и археология // КСИИМК. 1951, вып. 41. С. 119; ср.: Белявский М.Т. Все испытал и все проник. М., 1986. С.75.

⁶⁴ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.); он же. Историография Сибири (домарксистский период); Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. Приложения; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 2: XVIII век (первая половина). М.—Л., 1965; Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера.

⁶⁵ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. Приложения. С. 55.

⁶⁶ Там же. С. 107, 108.

Наблюдательный Миллер отмечает увиденные им на Иртыше татарские могильные сооружения, «которые внутри были выложены сырцевыми кирпичами в виде свода, а из распросов я узнал, что встречались также подобные подземные могильные своды из обожженных кирпичей...»⁶⁷. Возможно, о последних сооружениях говорится в другом сообщении исследователя: «На Саусканском мысу восточного берега реки Иртыша, в нескольких верстах ниже города Сибири, из давних времен находится татарское кладбище, на котором, как сказывают, и прежние ханы мертвые тела своих фамилий погребали»⁶⁸.

Г.Ф. Миллер пытался также собрать многие сведения путем анкетирования, рассылая свои вопросники по всем городам. Вот какие данные он запрашивал, например, из города Пелыма: «Как зачался город Пелым, в котором году и кем построен и до строения города Пелыма какой был прежний город на Лозве реке, и на каком месте или урочище. И оной Лозвинской город в котором году построен и с которого году и чего ради тот оставлен; и ныне на том Лозвинском городище есть ли какая остатки или признаки, что в прежние времени там город был, о чем можно допросить пелымских жителей, русских и иноверцев. И нет ли где в иных местах такая ж признаки, по которым рассуждать надлежит, что в давние времена там было русское или зырянское поселение или остроги, или какие крепости.

И где и в каких местах и на которых урочищах находятся старинные вогульские и остяцкие городки и села, на высоких местах, на горах или на холмах. И не находятся ль холмы такие при видимом насыпные; и при оных городках видны ли валы и рвы или острожные остатки, или одна вершина места их бывлой крепости?»⁶⁹.

Как видим, владея письменными источниками, Г.Ф. Миллер знал и не сомневался, что до русских города и городки в Зауралье строили и зыряне, и вогулы, и остяки, что городская местная культура являлась некогда привычным и закономерным достоянием народов Сибири.

Выше говорилось, что уже в XVI–XVII вв. старая культура аборигенных городов, крепостей, храмов и капищ стиралась новой западной православной культурой — большинство первых русских городов и острогов были сооружены прямо на месте средневековых городов местного туземного населения. На первых порах завоеватели Сибири многократно проявляли нетерпимость к чуждой для христианской Московской Руси мусульманской религии, насаждаемой и в Сибирском юрте, и к «языческой» шаманистской идеологии других народов Сибири. Последняя клеймилась как «зловерыя», «идолобесие», «богомерзкое кумиролужение» (Г. Новицкий, 1715 г.). Однако значительную веротерпимость российские власти проявили к близкой манихейской религии сибирских аборигенов — религии креста⁷⁰.

В 30-х годах XVIII в. в нетерпимости завоевателей к аборигенной культуре пришлось убедиться Г.Ф. Миллеру. Он пытался тогда разыскать аборигенные города и храмы дорусской Сибири. Но даже те из них, которые еще были неза-

⁶⁷ Там же. С. 110.

⁶⁸ Там же. Примеч. 1.

⁶⁹ Цит. по: *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера. С. 66.

⁷⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1; *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком. 1715. Новосибирск, 1941; *Кызласов Л.Р.* Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи // ВМУ. Серия 8. История. 2005, № 2. С. 50–69.

строены, лежали в развалинах, т.е. их уже превратили в объекты археологии. Археологии как науки в то время, к сожалению, еще не существовало и, следовательно, не было профессиональных методов для научной реконструкции первоначального вида обследуемых памятников и для их оценки. Чаше всего месторасположение их указывалось русскими сибиряками или же «инородцами». Опыт работ привел ученого к необходимости фиксации исследуемых памятников. Миллер производил тщательную регистрацию, описание и иногда раскопки древних объектов. Зарисовывались находки, составлялись планы древних укреплений, городищ и их построек⁷¹. Однако у ученого не было ни сил, ни времени для исследования хотя бы наиболее значительных развалин.

Весьма интересны выводы, сделанные Миллером на основании проведенных им разысканий. Так, Миллер осмотрел «Кучумово городище», на котором «следов от каменных зданий нельзя было увидеть. Кучумовцы, должно быть, жили в деревянных хижинах»⁷². Предположение не вполне верное, так как ученый не сопоставляет этот вывод со своими же наблюдениями на татарских кладбищах, где склепы сооружались из сырцовых или обожженных кирпичей. Впрочем, он и об Искере пишет, что жилища могли быть построены «по бухарскому обычаю из необожженных кирпичей, так как от них не осталось никаких следов»⁷³.

Обследование среди остатков кучумовской столицы — городища Искер — одной лишь цитадели не позволило ему представить расположение и масштабы всего бывшего города, и он сделал осторожное заключение: «...там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время могло быть значительно больше»⁷⁴. На примере осмотренного им бывшего городка князя Самара на Иртыше Миллер смог судить и об остояцких крепостях; наблюдение за остатками одного из татарских городков на Иртыше привело его к остроумной догадке о причинах наименования города в русских документах острогом и т.п. Исторический подход к исследуемым явлениям помогал Миллеру в его разысканиях: «Миллер учитывал, что время может стереть следы прошлого с лица земли, оставив их в легендах и летописях. Миллер не нашел на местности Туртасское городище, упоминаемое на вклеенных местах „Истории Ремезова“, и, несмотря на это, не подверг сомнению его существование»⁷⁵. Он задавался вопросом: «Сколько не видно следов на разных местах по степям городков?»⁷⁶. Ученый правильно предполагает: «Дворы по обыкновению сибирских татар построены были либо деревянные, либо по бухарскому обыкновению из нежженных кирпичей, потому что с того времени вовсе пропали».

Миллер пытался установить местоположение старых городов, ставших известными ему по письменным документам: «При слободе, называемой Орлово городище, стоящей у реки Ишима, весьма ясные следы и остатки старинного города видны»; «Тюмень. Остатки прежней татарской столицы там и теперь видны,

⁷¹ *Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.).* С. 138.

⁷² Там же. С. 116; *Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3.* С. 56 и 117; *Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I.* С. 232–237.

⁷³ *Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I.* С. 233.

⁷⁴ Там же. С. 232–233; *Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3.* С. 117.

⁷⁵ *Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.).* С. 142; *Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3.* С. 117; *Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I.* С. 241, 246, 295.

⁷⁶ *Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3.* С. 115, 117.

а оные состоят в небольшом укреплении между двумя буераками речки Тюменки, текущей сквозь город в реку Туру... У тамошних татар... уведомился, что они старинную татарскую крепость... называют Чимги или Цимги-Тура»; «...на Панином бугре (против Тобольска) никаких следов бывшего города (Бичик-Тура) более не видно»; «Тарханский городок или острог (по-татарски Тархан-Кала), недалеко вверх по устью реки Туры при реке Тоболе»; «Карачинский городок... на правом берегу Тобола, верстах в 16-ти от впадения его в Иртыш»; «Абалак, или по-татарскому произношению Ебалак, бывший татарский городок на восточном высоком берегу Иртыша, в 5 верстах выше ханского столичного города Сибири...; Явлу-Тура, татарский городок, бывший при р. Тоболе, где в последующие годы Ялуторовский острог построен»⁷⁷.

Указываются в его дневниках и другие татарские города бывшего Сибирского юрта: два города с одинаковым названием Кысым-Тура (рус. Девичий город). Первый — «около устья реки Вагая, где р. Иртыш течет к востоку...», второй — «на восточном высоком берегу реки Иртыша, в двух верстах выше старого города Сибири»⁷⁸; Черный город (рус. Черное городище) «в восточную сторону на высоком берегу р. Иртыша есть место в 40 верстах ниже Чернолуцкой слободы»; «Позади Бегишевского озера (на восточном берегу Иртыша) на горе... был татарский городок, которого остатки еще и поныне видны»; «Куллара (бывшая татарская крепостца) на западном берегу Иртыша, при озере Аусаклу, где ныне находится татарская зимняя деревня Куллар-аул»⁷⁹; «Зубар-Тура али Чубарово городище, татарская крепостца на южном берегу Ницы, в 68 верстах от впадения ее в Тобол»⁸⁰; «Слышал я о старинной татарской крепости, находящейся в 6 верстах от Исетского острога, вверх по Исети, при р. Юрум. Я отправился туда 2-го октября (1741 г.), но не нашел там ничего такого... местность отчасти уже от природы была укреплена, отчасти же с той стороны, с которой к ней был свободный доступ, была обведена валом и рвом»⁸¹.

Г.Ф. Миллер разыскивал и города остяков, о которых писал: «На Оби и Иртыше, при разных впадающих в них реках, у остяков и вогулов, на значительных возвышенностях, также много старинных укреплений, которые... служили этим народам убежищем во время неприятельских набегов татар и самоедов». В другом месте его записей говорится: «Внизу р. Иртыша и у Оби находятся многие старинные (остяцкие) городки»; «Обдорский городок, древнее остяцкое местечко, что ныне русский острог в Березовском уезде недалеко от устья реки Оби»; «Табаринский городок, при устье речки Иксы»; «Чандырской городок. А ныне под сим именем находится последняя Кошуцкой волости деревня»; «прежней Демьянский городок. Остяки называют сие место Чукас... Остяцкое местечко Рачево городище, где стоял славный идол Рача, по которому оно и прозвано». Там же упоминаются: Цынгальское городище, Колпухов городок, «все Кодские городки и волости по Оби реке», Казымский городок (рус. Казымское городище), Назымский город или Янг-ваш (рус. Клин-городок), Лабутинский городок, Гуланг-ваш (рус. Восточный городок); «Вой-карра (стоит на левом берегу реки Оби

⁷⁷ Там же. С. 116.

⁷⁸ Там же. С. 118.

⁷⁹ Там же. С. 119.

⁸⁰ Там же. С. 120.

⁸¹ Там же. С. 101.

в 18 верстах ниже Ас-пугля)»; Муалымский остяцкий городок при устье Иртыша; Киньрский при р. Туре и др.⁸².

Перечислены в записях также городки томских татар и верхнеобских чатов (Тоянов, Евачин, Ишкенеv, Безымянный, Чацкий и Мурзин). На Кети указано «Урнуково или Урлюково или Орликово городище», а также «городище на восточном берегу Енисея, в 26 верстах вверх от Енисейска. Может быть, Марково городище?»⁸³.

Исследователь подробно указал месторасположение бывших вогульских городов и крепостей: Кун-Аут-ваш (рус. Куновацкое старое городище), Лопынг-уш (рус. Ляпин), Юильские городки (их было два — вогульский на р. Сигве и остяцкий при р. Казиме), Ели-уш — на Сосьве; Березовый городок (рус. Березов) или по-вогульски Халь-уш, а по-остяцки Сугмут-ваш (и то и другое означает по-русски Березовый)⁸⁴.

Г.Ф. Миллер хорошо различал устройство лесостепных городов и крепостей и степных, о которых писал: «Местами, особенно в степях, встречаются старинные укрепления, окруженные земляным валом. Из них одни четырехугольны, другие круглы, некоторые выведены в виде дуги по направлению к защищенной природою возвышенности».

Кроме Семи палат, Аблаинкита и еще двух заброшенных калмыцких монастырей Миллер собрал от красноярских казаков сведения о нескольких разрушенных зданиях с рукописями, обнаруженных ими в 1711 г. на р. Тес-Хем, на границе современных Тувы и Монголии. Казаки эти три здания называли Лозановыми палатами и рассказывали, что сооружены они были «из сырого кирпича» (одно было двухэтажным). На их балках, покрытых лаком, имелись писанные красками изображения, а на досках были «будто подобно человека персоне» — видимо, изображения будд. Монголы этот город называли Лоозанкит, по имени одного из Алтын-ханов, правившего в Туве и Северо-Западной Монголии с 1660 до 1680 г.⁸⁵.

Древние города и крепости Миллер и Гмелин обнаружили, описали и увековечили чертежами и в Восточном Забайкалье на р. Аргуни. Там были четыре города, окруженные по четырехугольнику валами с бастionsами, рвами и с цитаделями посредине⁸⁶.

Интересное «старинное укрепление» на горе «Уньюк», на восточном берегу Енисея, путешественники осмотрели 29 сентября 1739 г.: «...в 10 верстах от Абаканска, с востока впадает в Енисей р. Сыда. Старинное укрепление на ней состоит из двойного рва и земляного вала; внутренний вал берет начало близ Енисея, на верху горы со стороны Абаканска, и полукругом опять примыкает к Енисею с той стороны, где гора отлога, по направлению к Сыде, у подножия горы; наружный вал идет сажень на 50 к востоку от первого, с вершины горы по прямой линии вниз до подошвы ее. Внутренний вал вышиною в человеческий рост, наружный ниже. Рвы идут около валов с наружной или сухопутной стороны, и зем-

⁸² Там же. С. 107, 116–119.

⁸³ Там же. С. 120.

⁸⁴ Там же. С. 119.

⁸⁵ Там же. С. 75–81; *Элрт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера. С. 48.

⁸⁶ *Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 81–84, 90–91; *Мирзоян В.Г.* Историография Сибири (XVIII в.). С. 117. План см.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I, рис. 28.

ля из них выброшена на валы. На верху горы хорошая степная почва, так что, по всей вероятности, казаки этого укрепления в военное время уходили туда со своим скотом»⁸⁷.

Спутник Миллера, И.Г. Гмелин, иногда совершал на маршруте самостоятельные поездки и вел отдельный дневник. Им описаны два особых укрепления. Одно — «четыреугольное, окруженное рвом возвышение, шагов 70 в квадрате, в настоящее время совершенно заросшее» на р. Хаштате — «в углу, который образуют западная и северная стороны возвышения, видны остатки плавильной печи, т.е. кирпичи и шлаки. Кое-где встречались углубления, где, кажется, стояли некогда строения». Второе — на р. Уйен (возле Абаканского зимовья на Оби): «Остатки старинного укрепления... Эти остатки представляют продолговатый четырехугольник... С южной стороны крутой спуск, а с трех остальных сторон, обращенных к реке, проведен ров... глубиною около 1 арш. Восточная и западная стороны, кроме того, обведены другим рвом в 1/2 аршина глубины, который несколько шире внутреннего рва... Посередине пространства, обнимаемого внутренним рвом, находятся остатки 8 строений...»⁸⁸.

Г.Ф. Миллер собирал сведения и про «прочие Даурские города и остроги»⁸⁹. Наибольшее количество письменных известий о древних и средневековых городах Сибири, как уже говорилось, собрано Г.Ф. Миллером в его трудах и в особенности в «Истории Сибири»⁹⁰. Последователь Г.Ф. Миллера и его спутник по экспедиции, студент С.П. Крашенинников, отмечает в своем описании Камчатки, что коренные ее жители (ительмены) продолжают жить в «острожках», т.е. в укрепленных поселениях.

Оценивая труды Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина и их учеников, С.В. Бахрушин писал: «Результаты работ Академической экспедиции были очень значительны... Была выяснена с большой тщательностью топография хантыйских и мансийских городков в момент прихода русских и даже описаны важнейшие хантыйские и мансийские городища: Самарово, Куноватское, Гуланг-ваш близ Обдорска, Бардаково и др., эвенкийское Урлюково, или Орликово, городище и т.д.»⁹¹. Что касается результатов поездки по Сибири в 1739–1747 гг. последователя Миллера, адъюнкта Академии наук И.Э. Фишера, то известно лишь, что он упоминает в своем отчете древний город у Белого озера (очевидно, оз. Белё) в Хакасско-Минусинской котловине⁹². Будучи убежденным европоцентристом, ненаблюдательный и чванливый адъюнкт пришел к необоснованному выводу: «...кочующие народы никогда не старались о создании городов и крепких мест»⁹³.

Некоторые краткие сведения о городах собраны учеными, путешествовавшими по Сибири позднее — в 1771–1772 гг. Так, академик И.И. Лепехин в своих записках отметил, что почти обрусевшие уже манси все еще продолжали жить «в так называемом Вогульском городке, 25-ти верст не доезжая до Тарабанской

⁸⁷ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 98. Примеч. 4.

⁸⁸ Там же. С. 105. На с. 106 опубликован план, составленный И.Г. Гмелиным.

⁸⁹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). С. 120.

⁹⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I.

⁹¹ Бахрушин С.В. Историческое изучение народов Севера // Научные труды. Т. 3, ч. 2. М., 1955. С. 226–227.

⁹² Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). С. 163–178.

⁹³ Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири. СПб., 1774. С. 54, 55.

слободы, где вогуличей от русских крестьян как образом жития, так и во всех крестьянских приборах распознать не можно»⁹⁴. Отдельные археологические памятники были осмотрены доктором И.П. Фальком. Им было обследовано городище, находившееся на Иртыше, в 20 верстах ниже устья Ишима, на котором он обнаружил «развалины обрушившейся мечетной башни и большого каменного дома»⁹⁵, т.е. фундаментальные постройки, возведенные квалифицированными архитекторами.

Внимательно изучал остатки древних городов и академик П.С. Паллас, описавший три старинных укрепления, осмотренных им в Хакасско-Минусинской котловине. Одно находилось в 7 верстах от деревни Каптыревой на реке «Малой Шунер, которой пред втечением в Енисей из двух речек составляется. На мысу, промеж стечения речек выдавшемся, лежит поперег заросший вал и ров с проездом». Второе — «с полверсты» от д. Шуша (ныне с. Шушенское): «...видно четверугольное на ровном месте и уже заросшее городище, округом шагов на тысячу и только с северозападного углу проезд имеющее. Оно кажет, что из двух больших валов глубокими рвами разделенных состояло».

Третьей по счету Паллас осмотрел знаменитую пограничную стену — укрепление на р. Жиксе (т.е. Голубой), когда поехал «до городища мужиками, не знаю по какой причине Логиновою осадю прозванного, от Жуксы с версту, а татары называют его как и самыя тутошние горы и Саянской острог, Омай-Тура (крепость Омая. — *Л.К.*). Она лежит совсем в углу в том месте, где горы кончаются к Енисею утесом и проезд за нею по нем совсем пресекают. Тут на горе листовишными деревьями кое-где покрытой, от утесу до завалившейся Енисея протоки, по которой только в высокую воду вода протекает, проведен земляной с камнями большой вал без рву, прямо поперег горы длиною на несколько сот сажен, и как по следам видно с воротами»⁹⁶.

Достижения Сибирских экспедиций XVIII в. широко использовали в своих трудах немногочисленные в то время ученые России и Европы. В 1791–1796 гг. в самой Сибири этими материалами воспользовался сосланный в Илимск А.И. Радищев. Он написал исторический трактат «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», в котором история Сибири впервые предстает перед читателем как повествование о прошлом ее народов, как история дорусской Сибири.

В этом заключается великая заслуга А.Н. Радищева перед общерусской и сибирской историографией. Он прозорливо подразделил историю автохтонных народов на ряд последовательных периодов. Древнейшей эпохой жизни человека в Сибири Радищев считал время употребления «острых и твердых камней», «служивших вместо топоров и ножей», т.е. именно ту эпоху, которую мы теперь называем каменным веком. Следующая эпоха, по Радищеву, отмечена остатками материальной культуры, обнаруженными близ Усть-Каменогорской и Семипалатинской крепостей, где были исследованы развалины зданий. К ней же отнесены «могильные холмы и камни, при вершине Енисея и других ближних рек». Они принадлежали народам, «коиим делание

⁹⁴ *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (XVIII в.). С. 35.

⁹⁵ Там же. С. 38; Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824. С. 394–396.

⁹⁶ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Половина первая, 1772 и 1773 годов. СПб., 1788. С. 541–546; *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (домарксистский период). С. 51–52.

меди и серебра было известно». Таким образом, речь идет уже об эпохе медного века. Итак, Радищев первым подчеркнул значение первобытного этапа в развитии истории человека в Сибири, чем далеко опередил современную ему историческую науку⁹⁷.

Нельзя не упомянуть также об относящихся к XVIII в. документах из архива златоустовских горных заводов: «1775 г. № 82. Нижне-Увельской слободы по реке Синарке... находится остаток старинного чудского каменного городка в бору». И еще: «1775 г. № 83. Между Увельской и Санарской казачьей крепостью по речке Каменной, впадающей в реку Санару, от устья вверх в 2-х верстах подле чудского городка старинных копей»⁹⁸.

Заключая раздел о древних городах Сибири, ставших известными науке в XVIII в., приходим к выводу, что все исследователи в ту пору имели дело уже не с городами аборигенного населения, а с городищами, т.е. с мертвыми археологическими остатками бывших полнокровных городов и крепостей, многие из которых еще в XVI–XVII вв. были обитаемы. Таким образом, городская цивилизация автохтонного сибирского населения, по археологическим данным зародившаяся еще в бронзовом веке (во всяком случае, в середине II тыс. до н.э. — см. часть II, гл. I настоящей книги), просуществовала до русского завоевания, и ее последний заключительный этап отражают свидетельства XVII в.

К началу XVIII в. собственно сибирских автохтонных городов не существовало. Такова цена, которую сполна уплатили коренные сибиряки за насильственное приобщение их к пришедшей с Запада европейской культуре, насаждавшейся имперским самодержавием «Белого царя».

* * *

Остается предложить читателям краткий обзор дальнейшего развития нашей темы по немногочисленным данным, относящимся к XIX в. Это время еще не исследовано.

Выше мы уже цитировали документ 1801 г., разъясняющий причину появления названия города Семипалатинска. В нем сказано, что развалины Семи палат «еще и поныне при самой крепости существуют». Таким образом, этот древний городок посещался и в начале XIX в. Нечего и говорить, что Семь палат и Аблаинкит долго еще занимали умы ученых России. Их изучали и о них писали Г.И. Спасский (1811 г.), опубликовавший рисунок развалин, сделанный с натуры; К.Ф. Ледебур (1826 г.), П.А. Чихачёв (1843 г.), Влангали (1851 г.), В.В. Радлов (1865 г.) и др.

Г.И. Спасский установил, что «сохранившиеся до нашего времени памятники древности доказывают, что прежние обитатели Сибири стояли на гораздо высшей ступени образования, сравнительно с нынешними племенами». Среди «главных памятников» он указал на «городища и развалины некоторого рода по-

⁹⁷ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). С. 232; он же. Историография Сибири (до-марксистский период). С. 117.

⁹⁸ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953 (МИА. № 35). С. 291, 292.

строек»⁹⁹. Спасский описал (по Миллеру) Калбазинскую башню (по-калмыцки Джалин-обо), а также древние здания Центрального Казахстана¹⁰⁰. Он одним из первых сообщил о памятниках Восточного Забайкалья, о длинном многокилометровом вале, протянувшемся от оз. Далай вниз по течению р. Аргуни и даже «переходя ее». Там же им отмечены три четырехугольные крепости и руины двух древних городов на речках Кыркыре и Кондуге, где «открыты следы прежде бывших некоторых зданий»: кирпичи, черепица, каменные базы и скульптуры драконов. Особо сказано о каменной стеле «при развалинах Кыркиринских» с древнейшей монгольской надписью с упоминанием Чингис-кагана¹⁰¹. Ныне стела хранится в Гос. Эрмитаже.

Из памятников Хакаско-Минусинской котловины Спасский упоминает крепость Омайтуру, «от которой приметен донныне один только длинный вал, проведенный поперек горы»¹⁰².

В 1873 г. появилась статья Н.И. Попова, специально посвященная «чудским городкам» и копиям Минусинского края. К сожалению, работа компилятивна. По чужим публикациям автор описал некоторые из городищ («более известные»): Змеиное («Качинский городок») на правом берегу Енисея, против г. Красноярска; «Укрепление Сыдинское» на горе Унюк; «Городок» на левом берегу р. Тубы; Шушенскую крепость и «древнее укрепление за речкой Голубой» (по П.С. Палласу); «древнюю татарскую нагорную крепость у Белого озера» (по И.Э. Фишеру).

Статья Н.И. Попова является одной из первых региональных сводок о древнесибирских городищах. Очевидно, к 70-м годам XIX в. созрели потребности для появления в научной литературе сводных работ подобного рода.

Однако автор статьи откровенно тенденциозен и недостаточно учен. Он писал: «Всё, однакожь, показывает, что народы, здесь обитавшие, принадлежали к кочевымномадам, которые довольствовались в этом приятном климате войлочною юртою и не имели, по образу жизни, надобности в прочных постройках для жилья или цели религиозной, хотя и несомненно, что они оставались на одном месте более или менее продолжительное время».

Ни один памятник не свидетельствует о постоянном их жилище; никаких замечательных развалин, подобных древнеболгарским, иссык-кульским, семипалатинским, аблайкидским, кондугевским: одни немногие насыпи и рвы — слабые свидетельства зачинавшегося общежития. Они-то и известны здесь под общим именем чудских городков или городищ, усвоенным впоследствии некоторым селениям»¹⁰³.

Что касается взглядов Н.И. Попова, высказанных им попутно на историю «кочевых номадов», то к чести русской науки далеко не все исследователи исповедо-

⁹⁹ Спасский Г. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими // Записки ИРГО. 1857, кн. 12. С. 114.

¹⁰⁰ Спасский Г. О древних развалинах в Сибири // Сибирский вестник. 1818 г. СПб., 1818, ч. 3.

¹⁰¹ Спасский Г. Памятники древности в Сибири северной и восточной // Сибирский вестник. 1818 г. СПб., 1819, ч. 4. С. 114–123.

¹⁰² Спасский Г. Примечания, служащие к пояснению // Сибирский вестник. 1819 г. СПб., 1819, ч. 6. С. 135. Выше сказано, что вал этот за 46 лет до Г.И. Спасского видел и отметил П.С. Паллас.

¹⁰³ Попов Н.И. О чудских городках и чудских копиях в Минусинском крае // Известия Сибирского отдела РГО. Иркутск, 1873, т. 4, № 1. С. 43, 44.

вали европоцентристскую теорию. Так, известный патриот Сибири Г.Н. Потанин справедливо писал: «Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих „варваров“ и на историю духовно-культурных заимствований мешают наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива...»¹⁰⁴.

И.Я. Словцов в рукописи «Археологические памятники Тобольской губернии» (1887 г.) описал почти 90 городищ в низовьях Оби и ее притоков. Составлением подобных сводок стали в XIX в. заниматься и другие авторы-краеведы¹⁰⁵. С.К. Патканов в Тобольском округе насчитывал 60 угорских городков, а Н.А. Абрамов в Березовском округе — более 40¹⁰⁶. В «Хронике Тобольского музея за 1898 год» записано, что в 40 верстах от г. Тары «при р. Уй находятся руины старинной крепости. Бывший здесь город, по преданию, разрушен Ермаком. Местные жители утверждают, что на этом месте находят много старинных вещей... на высоком берегу реки находится городище с кирпичными ступеньками к воде»¹⁰⁷.

Сведения о старинных городах в южной полосе сибирских степей, переходящих в казахстанские, содержатся в трудах русского офицера, казаха по национальности, Ч.Ч. Валиханова (1835–1865): «В Киргизской степи (в Казахстане. — Л.К.) очень много развалин: остатки городов, мечетей, так называемых бастионов, разбросанных по рекам южной и западной части степи, и приписываются преданиям первые, т.е. города, ногаям... в восточной (части)... несколько ламайских хитов»¹⁰⁸.

Своеобразный итог научным знаниям XIX в. по нашей теме подвел в своей книге «История до-русской Сибири» Вл.И. Огородников. Автор признает бесспорным наличие городов у древних уйгуров, монголов, кипчаков, хакасов; городов и городков — у остяков в дорусское время, «настоящие города» — у татар Сибирского юрта и народов Амура, городки и острожки — у камчатских туземцев. Говоря о «турецко-татарских племенах» Сибири, Огородников подчеркивает: «Одни из них (туралинцы и тобольско-иртышские татары) обладали довольно развитой земледельческо-городской культурой»¹⁰⁹.

Как видим, традицией лучших представителей русской исторической мысли XIX в. являлось полное признание, согласно с имевшимися в то время источниками, факта существования древних и средневековых городов и крепостей у автохтонных народов Сибири, сохранявшихся вплоть до завоевания этой страны русским самодержавием.

¹⁰⁴ Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 856.

¹⁰⁵ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте; Спицин А.А. Зауральские древние городища // ЗОРСАРО. 1906, т. 8, вып. 1.

¹⁰⁶ История Сибири. Т. I. Л., 1968. С. 365; Талицкая И.А. Материалы к археологической карте; Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри. С. 97; Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки РГО по отд. этнографии. СПб., 1857, кн. 12. С. 388–397.

¹⁰⁷ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте. С. 273.

¹⁰⁸ Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 260.

¹⁰⁹ Огородников Вл.И. Очерк истории Сибири до начала XIX стол. Ч. I: Введение. История до-русской Сибири. Иркутск. 1920; он же. Очерк истории Сибири до начала XIX стол. Ч. II, вып. 1: Завоевание русскими Сибири. Владивосток, 1924. С. 138, 140, 167, 192–199, 218–229, 264–265, 280–282.

Наши далекие предшественники и предки никак не могли знать, что их привольная, изобилующая природными богатствами и прежде всего драгоценной пушминой, повсеместно обитаемая, цветущая сибирская Родина прослывет впоследствии не только «глухим медвежьим углом», но и краем губительной ссылки множества поколений бунтарей, отвергнутых обществом за свободомыслие или за уголовные преступления. Не знали они, что благословенная древним человеком Сибирь станет страной каторжных централов и концентрационных лагерей.

Процесс исторического развития коренного населения Сибири издревле шел нормальным прогрессивным путем. Никакого отставания от уровня развития племен Европы и Азии в длительную эпоху первобытно-общинного строя здесь не наблюдается¹. Иначе как смогли бы первые группы древних этнических сибиряков около 20 тысяч лет тому назад перейти по существовавшему тогда берингоморскому перешейку на пустовавший континент Нового Света? А главное, как смогли бы они положить начало прогрессивному развитию истории человеческих культур, охвативших со временем не только просторы Северной, но и Южной Америки²?

Их далекие потомки, расселившись, создали в огромной области Мезоамерики и Южной Америки процветающие древние культуры и самобытные города. Доказано также, что древнейшие сибиряки породили не только коренное население Нового Света, но и первых поселенцев многих соседних с Сибирью островов Тихого океана, и в первую очередь обитателей Японских, Курильских и Алеутских островов.

Коренное население Сибири, как показывают исследования археологов, в экономическом, социальном и технологическом отношении развивалось в эпоху бронзы и раннего железного века столь же прогрессивно и динамично, как и население других регионов Старого Света, уступая только передовым странам так называемого Древнего Востока. Никакого отставания или тем более регресса не обнаружено и в эти периоды истории даже в столь неблагоприятных для развития человеческого общества географических зонах, каковыми принято считать пространства «глухой» восточносибирской тайги или бескрайней тундры, окаймляющей студеные берега Ледовитого океана³.

Конечно, существовала известная неравномерность исторического развития отдельных регионов Северной Азии, но никогда не было тупиковых географических ниш, где бы царила общественная застойность и полная хозяйственная стагнация при бурном прогрессе соседних этнических групп. Все общественные коллективы были охвачены регулярными взаимосвязями, способствовавшими распространению стимулов для постоянного движения вперед.

¹ История Сибири. Т. I: Древняя Сибирь. Л., 1968.

² Там же. С. 93, 151.

³ Археологические открытия 1984 года. М., 1986. С. 12, 13, 32, 196, 208 и др.

В следующей части книги речь пойдет о недавнем открытии древнейших сибирских городов и крепостей бронзового века, относящихся к расцвету петровско-синташтинской культуры. Они были построены и обитаемы в далеких XVII–XVI вв. до н.э. В неотделимой от Сибири северной полосе казахстанских степей обнаружены так называемые протогорода, относящиеся к поздней поре бронзового века. Площадь этих поселений охватывала от пяти до десяти и пятнадцати гектаров (например, Кентское). Вокруг них располагались «сельские» мелкие поселки. По данным археологов, «уже в конце бронзового века на крупных западносибирских реках таежной зоны — Оби, Иртыше, Томи и др. — повсеместно возникают мощные земляные укрепления со рвом, валом и деревянным частоколом — так называемые „городища“»⁴.

Широкое распространение укрепленные города-крепости получили по всей Сибири в раннем железном веке и позже в средневековый период: «Вся Западная Сибирь покрывается городками-крепостями, являвшимися центрами социально-политических единств, убежищами в дни опасности, местами хранения накопленных богатств»⁵.

Многовековая непрерывность развития самобытной крепостной фортификации и городской монументальной архитектуры создавала базис для развития цивилизаций сибирских народностей в средние века. Несомненно, этот процесс был исторически обусловлен постоянным воздействием социально-экономического прогресса. Многократно усилились издревле существовавшие торговые и культурные связи со старыми цивилизациями Средней Азии, Ирана, Индии и Китая.

Аборигенные города Сибири имеют, следовательно, свою историю, которая должна стать предметом специального изучения, с выявлением динамики и специфики особенностей их развития как во времени, так и в пространстве, в соответствии с разнообразием географических зон этой огромной страны.

Итак, вы прочли страницы, на которых сделана попытка собрать разновременные и разноязычные письменные источники, в значительной степени освещающие исследуемую проблему. Анализируя приведенные данные, историк Сибири, надо надеяться, обратит внимание на несколько важных открытий. Прежде всего, материалы полностью доказали, что в течение всего средневековья и в более раннее время многие народности и этнические группы Сибири обладали собственными городами, закономерно возникшими в местной среде в результате зрелости общественных взаимоотношений и экономических потребностей.

Весьма показательно, что разноязычные авторы — очевидцы и свидетели, путешественники и торговцы, собиратели знаний, приезжавшие в Северную Азию из разных стран Востока (арабы, персы, уйгуры, индийцы, китайцы и др.), из Западной (австрийцы, немцы, голландцы, англичане, французы, итальянцы, шведы и др.) и Восточной Европы (русские, молдаване, коми-зыряне и др.), — все они, наряду с сообщениями о селениях и крепостях, на своих языках называют термином «город» крупные населенные пункты аборигенов Сибири.

⁴ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 154.

⁵ Там же.

Каждый из разновременных авторов, не задумываясь и не сомневаясь, соотносил, следовательно, города сибирских народов с городами своей страны. Слово «город», самобытно звучащее на языках разных лингвистических систем, в те эпохи свободно устанавливалось в единый понятийный ряд. Это важнейшее обстоятельство свидетельствует об адекватности понятия «город» в языках средневековых людей Старого Света и о том, что города автохтонов Сибири в те времена полностью соответствовали разнообразию представлений народов Европы и Азии о смысле и содержании этого термина. Такой факт подчеркивает историчность термина. Очевидно также, что современное понятие «город» не следует без временной коррекции применять к средневековым и тем более к древним городам.

Открытием для историков станет и та совокупность собственных терминов «город» и «крепость», которые содержатся в лексическом фонде и фольклоре тюркоязычных, угорских, самодийских и других сибирских коренных народов. Несомненно, что возникновение собственного термина с необходимостью происходит лишь в результате продолжительного и устойчивого знакомства людей-носителей языка с каким-либо явлением или предметом.

Значительным переменам во взглядах на историю Сибири как на извечно отсталую в социально-экономическом и культурном отношении страну будут, безусловно, способствовать показания некоторых раннесредневековых иноземных путешественников о том, что они лично видели в Сибири заброшенные развалины городов. Такие города, следовательно, были обитаемы еще ранее, на древнем этапе истории этой страны.

Выше сообщалось, что арабский путешественник Тамим ибн Бахр ал-Муттаваи в начале IX в. (до 820 г.) увидел в юго-западных предгорьях Алтая «следы древнего города». Другой араб (в 40-х годах IX в.) обнаружил на юге Западной Сибири несколько городов, лежащих в развалинах; мимо них он (Саллам ат-Тарджуман) шел целых 20 дней. Последующие арабские географы (например, ал-Идриси, XII в.) даже триста лет спустя называли эту область разрушенных городов, расположенную в Южном Зауралье, «Билад ал-хараб» — «Опустошенной землей».

Не исключено, что в последнем случае арабские путешественники обнаружили развалины древнейших сибирских городов бронзового века, относящихся к петровско-синташтинской культуре (XVII–XVI вв. до н.э.). Именно они были обнесены знакомыми для арабов глинобитными (пахсовыми) и сырцово-кирпичными стенами. Руины этих городов выявлены ныне как раз в междуречье Тобола (на левом его притоке, р. Синташта) и Урала (на левом притоке р. Б. Караганка)⁶. Аналогичных по материалу развалин других городов там нет.

Что касается русских источников, то в них на протяжении всего XVII в. встречаются, как говорилось выше, сообщения об открытии в разных областях развалин древних зданий или городов. Из них наиболее ранними, как мы полагаем, уйгурскими крепостями, относящимися к VIII–IX вв., являются опустевшие «хоромы и полаты», которые обнаружили в южных предгорьях Западного Саяна царские послы В. Тюменец и И. Петров в 1616 г.⁷

⁶ *Зданович Г.Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.* А.-А., 1989.

⁷ *Кыласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969. С. 5.

В первой части нашей книги приведены значительные по объему фактические данные о древних городах с монументальными зданиями и фортификационными сооружениями, построенных опытными архитекторами и строителями. Остатки именно таких городов описываются русскими источниками, но, к сожалению, подчас слишком лаконично, как «многие грады каменные и великие палаты».

Взятая с боем казаками Ермака 26 октября 1582 г. столица хана Кучума город Кашлык (Сибирь), хотя и запустела от прежних своих обитателей, однако ее капитальные строения никто не разрушал. Они ветшали от времени и потому, что Иртыш подмывал высокий обрыв, на мысу которого возвышалась цитадель ханского города. Почти сто лет спустя, в 1675 г., как свидетельствует Н.Г. Спафарий, в опустевшей столице на р. Сибирке тобольские татары все еще «мечеть подновляли», т.е. занимались ремонтом и укреплением поздних священных зданий. И только спустя 150 лет после падения города, естественные оползни берега реки и добыча старого камня для строительства зданий русского Тобольска неузнаваемо изменили и значительно сократили площадь руин древнего города. Его «посад», т.е. собственно город, совсем исчез.

Осмотревший «Кучумово городище» в 1735 г. Г.Ф. Миллер записал: «...следов от каменных зданий нельзя было увидеть. Кучумовцы, должно быть, жили в деревянных хижинах». Так как площадь ханской цитадели города по различным причинам за 150 лет уже значительно уменьшилась, почтенный ученый, не будучи археологом, не сумел представить себе объемы зданий, а также бывшие размеры и величие древнего города. И он, естественно, пришел к ошибочному выводу: «...там могли жить только немногие знатные татары»⁸. Ныне же, 425 лет спустя после Ермакова завоевания, от территории бывшего городища Искер (Кашлык) осталась лишь небольшая площадка с перерытым культурным слоем⁹.

История показывает, что периоды высочайшего подъема даже иного высоко развитого общества нередко сменяются периодом упадка и регресса, в особенности если в это развитие вмешиваются междоусобные распри, войны или опустошительные вторжения иноземных завоевателей.

После эпохи расцвета сибирских городов, приходящейся на VIII–XVI вв., начался распад самобытной аборигенной цивилизации. К началу XVIII в. ее уже не существовало. На смену ей пришла новая городская культура колонистов Российской империи.

В царских указах, направлявшихся в Сибирь воеводам, а также и в наказах воевод казакам давались весьма жесткие установки: «...если всякие ясачные люди не похотят быти под государевою царьскою высокою рукою», то, «прося у Бога милости... битца с ними сколько милосердный Бог помощи подаст, чтоб они впредь были под государевою царьскою рукою послушны и стоятельны и в вечном холопстве неотступны». Отказывавшимся от вступления в подданство и уплаты ясака царь угрожал «вострою саблей» и приказывал казакам «с собою взять пушку» и «погромить непослушных иноземцев»¹⁰.

⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.–Л., 1937. С. 232, 233, 476.

⁹ Зыков А.П. Раскопки городища Искер // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар. 1989. С. 145, 146.

¹⁰ Лебедев Д.М. География в России XVII века. М.–Л., 1949. С. 79, 80.

Завоевание Сибири прервало процесс самобытного исторического развития коренных сибирских народов и этнических групп. Оно привело к сложной трансформации социальной и экономической структуры местного населения, к видоизменению этнической карты страны, к возникновению новых общественных и этнических взаимоотношений. Вся жизнь и особенно экономика народов Сибири были регламентированы в интересах Русского феодального государства. Царизм превратил прекрасный привольный край в «страну суровую и угрюмую». Он сделал из цветущей, почти девственной Сибири страшную для всего цивилизованного человечества страну ссылки и каторги, страну вселенского ужаса.

Ссылать в Сибирь бунтарей, разбойников и воров царское правительство стало, вероятно, еще до гибели в 1600 г. хана Кучума. Первоначально выслались провинившиеся воинские чины и военнопленные европейцы. Их посылали на погибель в зону военных действий. Позднее, при царе Алексее Михайловиче, в Соборное уложение 1649 г. уже было вписано указание: карать за злоупотребления «жестоким наказанием» — кнутом и ссылкой в Сибирь, на Лену¹¹. На Енисей начали ссылать с 1653 г., когда было велено отправлять в Сибирь воров и разбойников, с отсечением у них одного пальца на левой руке. Прямой указ о ссылке издал в 1679 г. «добрый» царь Федор Алексеевич: «Которые вору объявятся... тех воров ссылать в Сибирь на вечное житье на пашню, а казни им не чинить, рук и ног и двух перстов не сечь...»¹².

С тех пор так и повелось — Европейская Россия при всех режимах ссылает в Сибирь отбросы своего общества. И, как известно, совсем не пашенными крестьянами становились там уголовники и «гулящие» люди. Именно их русские сибиряки называли варнаками. Постоянно пополняемый контингент озлобленных, разложившихся уголовников и ссыльнопереселенцев из Европы стал почти на 400 лет постоянной болью и кровоточащей язвой коренных народов Сибири, а также прижившихся местных русских сибиряков-чалдонов. Насилие и принуждение вызывало отпор, постоянную настороженность и страх.

Новоселами из Европы были принесены неведомые до того болезни, нередко приобретавшие характер безудержных эпидемий, опустошавших целые волости и селения ясачного населения. В Сибирь были завезены небывалые прежде птицы, животные (например, воробьи, серые вороны, крысы и т.п.), а также паразитические насекомые.

Началось спаивание аборигенов русской водкой, распространилось повсеместно курение табака. Все это сопровождалось драматической и весьма болезненной ломкой старых связей и зависимостей, утратой бытовой культуры, стиранием прежних форм общественного сознания и нравственности, мировоззрения и вековых религиозных верований.

Несмотря на широкое, уже с раннего средневековья, распространение в Сибири манихейства¹³, во многом близкого христианству, особенно переживало

¹¹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения в 9 томах. Т. 3. М., 1988. С. 136.

¹² Андреев А. И. Этнографические труды С. Ремезова о Сибири // Советский Север. 1938, № 1. С. 61.

¹³ Кызласов Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Серия 8. История. 1998. № 3; он же. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. 1999. № 2; он же. Сибирское манихейство // ЭО. 2001.

коренное население насильственное его крещение¹⁴. Завезенное из Европы новое вероучение не было абсолютно чуждым психике сибирских автохтонов, но оно не собиралось учитывать (как это делало манихейство) натуралистическое мировоззрение аборигенов, не отделявших себя от таинств родной природы. Шаманизм в сибирских условиях оказался настолько органичным, что услугами шаманов нередко пользовались даже русские христиане. Есть сообщения, что шаманам верили не только служивые люди в XVII в., но даже и воеводы, которых не обвинишь в вероотступничестве, а в XIX в. — многие крестьяне¹⁵.

С конца XVI в. началось невиданное и неслыханное для коренных жителей хищническое разграбление природных богатств страны. Как говорится в «Историческом описании завоевания Сибири»: «С сего времени последовало точное завоевание Сибири и в последующия годы более частными людьми из жадничества к богатству»¹⁶. Особенно быстро была опустошена извечная кормилица сибиряков — тайга. Прибывшие из России частные промышленники настолько интенсивно, энергично и массово истребляли пушного зверя (соболя, бобра, выдру, белку, куницу, росомуху, лисицу, рысь, волка, медведя и др.), что за первые 50 лет тайга была почти полностью опустошена¹⁷. Уже в середине XVII в. царское правительство принуждено было запретить в большинстве уездов Западной Сибири русский соболиный промысел¹⁸. Даже в Якутии в 40-х годах XVII в. соболий ясак из-за полного истребления соболей указом был заменен на лисий¹⁹. Сургутские ясачные ханты были вынуждены ходить с Оби «на зверовые промыслы в дальние места на Енисей и на Таз»²⁰. Промышленники нередко самовольно вторгались в охотничьи угодья ясачного населения, нанося ему большой ущерб²¹. Участились случаи разграбления лабазов коренных жителей. Это приводило к кровавым военным столкновениям²². Одиноким промышленникам «захватывали в полон» или принуждали к сожительству местных женщин и нередко даже продавали их друг другу²³. Несть числа жертвам, притеснениям и обидам...

№ 5; он же. Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи // ВМУ. Серия 8. История. 2005, № 2; Кыласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001; он же. «Добро сотворив, посеять человечность». Манихейские миссионеры у вершин Алтая // Средневековые древности евразийских степей (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15). Воронеж, 2001; он же. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. М., 2003; он же. Средневековая Евразия в свете новых открытий // КСИА. 2003, вып. 215.

¹⁴ Новицкий Григорий. Краткое описание о народе остяцком. 1715. Новосибирск, 1941. С. 62–99.

¹⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 40; Ядринцев Н.М. Русская народность на Востоке // Дело. 1874, № 11. С. 326.

¹⁶ Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.

¹⁷ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 105, 114, 135, 139, 346.

¹⁸ Там же. С. 139.

¹⁹ Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 10.

²⁰ Там же. С. 30.

²¹ Там же. С. 35.

²² Там же. С. 35, 39, 40.

²³ Там же. С. 94, 95.

Очевидно, что в исследовании важной для изучения истории народов России темы «Городская цивилизация коренных народов Сибири» мы находимся еще в начале пути. Для полного освоения источников следует проработать материалы многих архивов, среди которых важнейшими являются фонды Сибирского и Посольского приказов, хранящиеся в ЦГАДА. Однако на основании фактов, собранных в настоящей работе, мы уже пришли к определенным выводам.

Аборигенная Сибирская земля, от берегов Ледовитого океана на севере до предгорий Саяно-Алтая на юге, на протяжении XII–XVII вв. представляла перед иноземными воинскими и торговыми людьми как страна административных и торговых городов, как континент городков-крепостей и святилищ, деревень и поселков оседлого местного населения. Важно, что города и «городки» в средние века имели как северные самоеды-оленоводы и охотники, выезжавшие на рать на собаках; угорские народности Оби и Урала — охотники и рыболовы, занимавшиеся скотоводством и отчасти земледелием, так и сибирские татары — скотоводы и земледельцы; тюркоязычные группы рудокопов-металлургов и торговцев Южной Сибири, а также кочевники-калмыки, тюркоязычные, монголо- и тунгусоязычные народности Восточной Сибири и Приамурья.

Находясь на разных этапах социально-экономического развития, все они в то же время были втянуты в тесные обменные и торговые отношения с цивилизованными странами далекого юга. Мощными посредниками на этом меридиональном торговом пути являлись сибирские города-фактории, игравшие также роль перевалочных пунктов.

Без учета цивилизаторской роли городов, которые являлись центрами исторической активности народов, невозможно установить степень социально-экономического развития местных народностей или этнических групп Сибири в те или иные исторические периоды.

В нашей литературе до последнего времени уровень самостоятельного развития аборигенов Сибири несправедливо занижался. Мнение о том, что к востоку от Урала издревле обитали лишь бродячие лесные охотники, рыболовы и оленеводы, а также степные кочевники-скотоводы, не знавшие ни оседлости, ни городской культуры, теперь должно быть оставлено и забыто.

Особое внимание следует обратить на изучение сведений о развалинах и остатках древних и средневековых городов Сибири, которые можно соотнести с данными письменных западных и восточных источников, а также с археологическими открытиями неизвестных цивилизаций городского типа, сделанными за последние 25 лет в Южной и Западной Сибири. К сожалению, материалы эти в большинстве своем остаются неопубликованными.

Совокупность комплексных источников о древних и средневековых городах прольет новый свет на историю народов Сибири и будет способствовать подлинной характеристике этапов пройденного ими сложного исторического пути.

Часть II

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПЕРВОГОРОДА ДРЕВНЕЙ СИБИРИ. БРОНЗОВЫЙ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕКА

На земле не так много, как может показаться на первый взгляд, мест пригодных и удобных для долговременного проживания человека. Поэтому повторные использования новыми поколениями или мигрантами остатков старых стойбищ и поселений обычны и хозяйственно целесообразны. Лучше всех известно это археологам, дотошно изучающим культурный слой, нараставший и остающийся на месте бывших древних селений или городов. Исследуя сложную стратиграфию разновременных строительных конструкций, ученые фиксируют повременное переиспользование бывших стен старых жилищ, оставшихся от них ям или котлованов¹.

Расселяясь первоначально по девственным просторам Сибири, древний человек выбирал для своих поселений высокие, хорошо обдуваемые ветром береговые террасы озер и крупных рек, свободные от неизбежного гнуса, слепней и комаров. Предпочтение отдавалось труднодоступным урочищам, окруженным глубокими оврагами, мысам при впадении ручьев, реже — островам. Особенно ценились те возвышенные части суши, которые, хотя бы частично, омывались водами рек или озер, но не особенно подтапливались при разливах. Человек старался обезопасить свое жилище не только от диких животных, но и от внезапного проникновения возможных врагов и даже от своих докучливых соседей и сородичей².

Непреренно следует учитывать, что в эпоху позднего неолита, когда начался переход от присваивающего хозяйства к производящему, люди обрели выраженное мифологическое мировоззрение. Человек осознал себя особой частью природы, отличной от других ее частей. Этот период характеризуется антропоморфизацией сил природы в образном строе³. В то время, как уже отмечалось в научной литературе, «всякая территория, занятая с целью проживания на ней или использования ее в качестве „жизненного пространства“, предварительно превращается из „хаоса“ в „космос“»⁴.

Следовательно, любая избранная для обитания местность организуется человеком в соответствии с первоначальными природными ориентирами и существующими поверьями, «космосизируется», а далее — обустроивается для спокойной жизни. Осознавалось, что «доброе» пространство («наш мир») должно быть

¹ См.: *Блатский В.Д.* Античная полевая археология. М., 1967; *Кыласов Л.Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭ. 1959, т. 2; *он же.* Древнейшие города Сибири // Преподавание истории в школе. 2002, № 4.

² Не терявшие нудных поучений, свободолюбивые вилейские якуты — охотники и рыболовы — говорят: «Хорошо жить там, где вода близко, а родня далеко!»

³ См.: *Кыласов Л.Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986. С. 191.

⁴ *Eliade M.* Le mythe de l'éternel retour. P., 1949; *Eliade M.* Космос и гармония. М., 1987. С. 36.

замкнутым и потому безопасным для человека, а открытое — остается чуждым или даже враждебным. «Дома и стены помогают» — это очень старая поговорка.

Можно сказать, что возникновение городов всюду подчинялось одной формуле: обособление — городьба (стены) — город. Обособленное для жизни сакральное пространство отображало на земле, по представлениям древних людей, организованный космос. «Дорога к храму», т.е. к жилищу божества, в языческие времена и позднее могла вести только внутрь сакрального пространства.

В эпоху перехода от каменного века к бронзовому мысовые поселения Западной Сибири с долговременными теплыми полуземляночными жилищами начинают дополнительно укрепляться их обитателями — огораживаться. Сначала путем подрезки склонов оврагов и береговых круч, но вскоре с помощью прокапывания поперек мысов глубоких рвов, а также сооружения вдоль них стен из пластов дерна. Со временем стены, оплывая, принимали вид земляных валов⁵.

Позже такие крепостцы обстраивались деревянными палисадами, окружались предмостными укреплениями и дозорными вышками. Остатки подобных острожков в русском народном языке назывались «городищами», т.е. заброшенными, сглаженными руинами древних крепостей и городков⁶.

1. Эпоха неолита

Среди специалистов, исследующих историю постоянных поселений и первгородов⁷ Западной Сибири, получил известность екатеринбуржец В.А. Бортунов. Опираясь на работы Е.М. Берс 50–60-х годов, ему удалось установить «новый, самый северный на земном шаре ареал распространения укрепленных жилищ, который охватывал лесные районы Зауралья и Западной Сибири между 56° и 64° с.ш. и 60° и 76° в.д. Вероятно, этот ареал был шире и включал Томско-Нарымское Приобье с прилегающими к нему таежными территориями. Составляющие его памятники (более 70) датируются в пределах последних пяти с половиной тысяч лет и представлены двумя вариантами. Первый — одиночное жилище (землянка, полуземлянка, наземный дом), окруженное бревенчатыми стенами или частоколом. Второй — мощное бревенчатое одно- или двухэтажное жилое сооружение, площадью от 60 до 600 (в среднем около 270) кв. м, окруженное рвом. От больших неукрепленных одиночных домов, распространенных в тайге с неолита и энеолита, их отличает наличие рва и привязка к естественно укрепленным местам — мысам и краям коренных террас»⁸.

⁵ Фольклор и этнография. Л., 1984. С. 178; Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989. С. 20–52; Кернер В.Ф. Раскопки поселения Исетское правобережное // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989; см. так же: Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I: Поселения и жилища. Кн. 1 и 2. Томск, 1994.

⁶ См.: Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979. С. 242; Грязнов М.П. Городища // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. С. 724.

⁷ Под первгородом мы понимаем археологические памятники — исторические зародыши, зачатки города, в том его смысле, который сохранен этимологией самого славянского слова (Кызыласов Л.Р. Первгород да древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // ВМУ. Серия 8. История. 1999. № 3. С. 96–129).

⁸ Бортунов В.А. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 224–236; он же. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002, № 3. С. 79–97 и сл.

Среди памятников этого типа В.А. Борзунов выделил городище Амня I (обнаруженное на левом притоке р. Казым, в свою очередь впадающей в Обь справа). Городище Амня I, пишет он, — образец «древнейшего памятника первого варианта, являющегося самым северным неолитическим городищем мира». Кроме того, автор утверждает, что такой специфический тип поселения в урало-сибирском районе и вообще в Сибири зародился совершенно независимо от внешнего мира (что у меня лично вызывает сомнения) и что «впервые в мировой практике создателями оборонительных сооружений стали общества с присваивающими отраслями экономики». В другой своей работе В.А. Борзунов верно характеризует обитателей особо укрепленных жилищ как «оседлых лесных охотников». Следовательно, можно сделать вывод, что аборигенное население даже таежной Сибири еще в неолитическую эпоху прогрессировало несравненно быстрее, чем население Восточной Европы.

Как известно, главным богатством населения Сибири и уникальным всеобщим эквивалентом при любом товарообмене уже с неолитического периода стала здесь драгоценная пушнина. Много драматических и трагических событий вызвала в истории ничем не утолимая жажда чужеземцев овладеть «мягким золотом». Сибиряки первыми еще в неолите осознали, что в тайге уже началась охота не столько на зверя, сколько на самих охотников, на недавних хозяев прекрасного зеленого царства — их Родины.

Потому-то и стали строить в тайге крепости и замки.

Очень рано в дополнение к мысовым городищам-крепостцам внутренняя площадь тайги застраивается своеобразными укрепленными домами-фортами. Как указывает В.А. Борзунов, «укрепленные жилища являлись местами обитания и жизнедеятельности небольшой (от 15 до 60 человек) общины, состоящей из одной или нескольких больших семей, стационарным базовым поселком, а также укрепленным социальным и производственным центром общинной территории»¹⁰. Может быть, и так. Но мне эти раннесибирские «бурги» больше напоминают те каменные башни, которые еще недавно воздвигали горцы Северного Кавказа, чтобы уберечь свои семьи, скот и имущество от врагов.

Одни горы, как видно, не спасали прирожденных джигитов и богатырей от набегов грабителей — их хранили высокие дедовские башни из камня. Так же каркасно-столбовые, двухбрусчатые, с засыпными клетями и стенами, двухэтажные башни, обнесенные рвами, частоколами, засеками, каменными стенами, сооруженные в далекой таежной глуши, не всегда могли спасти пушные запасы охотничьего богатырского семейства от воинских дружин, пробиравшихся «за полюдьем» в таежные дебри. Сюда шли отряды недобрых лесостепных соседей или даже ватаги далеких степняков. Полюдь, кыштымство и открытый грабеж существовали задолго до государственности, еще в эпоху первобытно-общинного строя. Только при государственности они приобрели некоторую организованную форму типа пиратства в пользу европейских королей или набегов викингов на богатые земли. Впрочем, открытый грабеж и сегодня повсеместно бытует, в том числе в той же сибирской тайге.

⁹ Борзунов В.А. К вопросу. С. 229, 230; Борзунов В.А., Липский В.И. Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984 (БАУ. Вып. 17). С. 103.

¹⁰ Борзунов В.А. К вопросу. С. 232.

2. «Жилые стены» эпохи бронзы

В настоящее время благодаря открытиям екатеринбургского археолога В.Т. Ковалевой (Юровской) установлено, что древние аборигены Западной Сибири на рубеже III–II тысячелетий до н.э. применяли при сооружении своих первокрепостей и другой, более рациональный вид архитектурно-строительного и планировочного решения. Оказалось, что ранние первогорода Сибири представляли собой округлые укрепления, огороженные наземными деревянными «жилыми стенами».

Это обнаружено раскопками В.Т. Ковалевой на поселении Ташково II на р. Исети, левом притоке Тобола, в 1984–1986 гг. Памятник относится к самому началу бронзового века. Дата его существования, полученная методом радиоуглеродного анализа, — 1830 г. до н.э. Выявилось, что в долине Тобола располагалась целая ташковская культура с аналогичными деревянными крепостями, имевшими концентрическую планировку¹¹. Три из них расположены на левом берегу и одна на правом берегу Тобола¹².

Первогород, или, точнее, зародыш города, Ташково II состоял из одиннадцати бревенчатых жилых домов подквадратной формы, площадью от 28 до 47,5 кв. м каждый. Все срубы были опущены в котлованы глубиной до 0,4–0,5 м. Крыши домов были, скорее всего, двускатными. Все жилища стояли, приткнувшись друг к другу, образуя овал, вытянувшийся с юга на север (рис. 1). Простенки между постройками, как указывает автор раскопок, дополнительно укреплялись завалом из коротких бревен. «Тогда поселение превращалось в своеобразную деревянную крепость с жилыми стенами, что технически было вполне возможно, хотя для сооружения такого поселения и требовались усилия большого коллектива», — справедливо заключает В.Т. Ковалева¹³.

Существенно, что в замкнутом «зародыше города» Ташково II внутри крепостцы, близко от входа, находилось еще одно, двенадцатое (по авторскому счету № 4) деревянное «жилище» (рис. 1). С нашей точки зрения (основанной на изложенных выше представлениях ученых относительно верований и мировоззрения человека в период перехода от присваивающего к производящему хозяйству), единственная постройка, расположенная внутри сакрального пространства, должна быть храмом. Вход в первогород расположен с северо-западной стороны потому, что здесь проходила самая прямая и короткая дорога к храму.

Культовое здание отличалось от остальных жилищ внутренним устройством. Если в каждом из одиннадцати жилищ находился один очаг, то в святилище их обнаружено сразу три. Малый (южный) очаг, очевидно бытовой, предназначался для обслуживающего храм жреца, а два больших являлись жертвенными кострищами: восточное — для встречи восходящего солнца и западное (с запасом древесного угля вдоль стены) — для встречи восходящей луны. От восточного очага в юго-восточный угол отходит большая, глубокая жертвенная яма (2,4×1,3×0,8 м).

¹¹ См.: Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Сибири. Свердловск, 1988. С. 29–47. Рис. 3–5.

¹² См.: Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по данным археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург, 1997. Рис. 1–5; Рыжкова О.В., Приходченко И.А. Поселение Андреевское озеро XIII — новый памятник ташковской культуры // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 123–125 (17 жилищ по кругу и «храм» внутри — кострище 5×2×0,19 м и столбы).

¹³ Ковалева В.Т. Ташковская культура. С. 34.

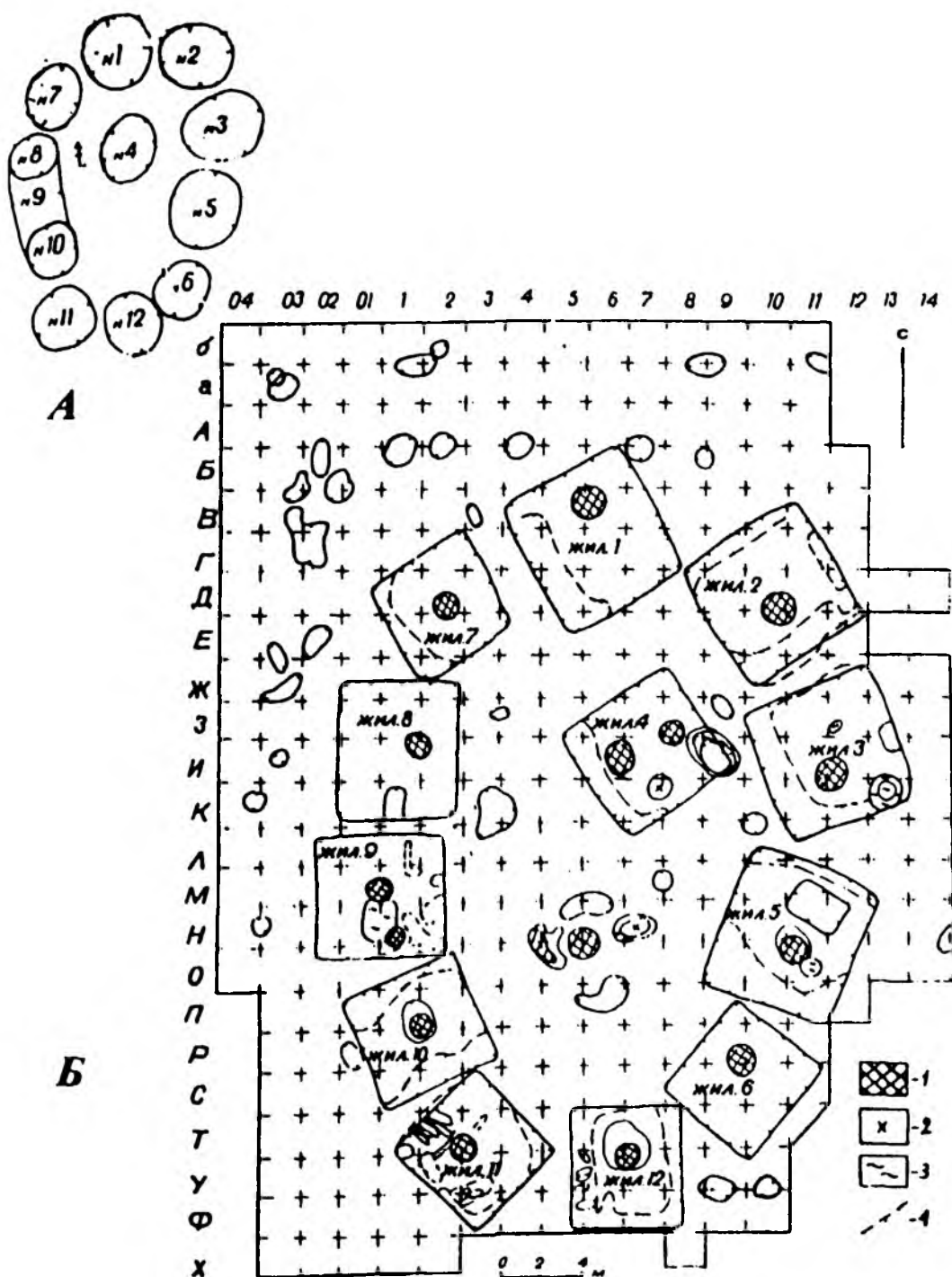

Рис. 1
План поселения Ташково II. По В.Т. Ковалевой

В яме обнаружены обломки сосудов для жертвенной пищи и возлияний, принесенные в дар богам кусочки кремневых и глиняных орудий охоты, рыболовства, а также осколки медеплавильного тигля¹⁴.

Очевидно, что ранние сибирские первогорода с планировкой, подобной классическому поселку Ташково II, имели собственные храмы Огня, олицетворявшего Солнечное и Лунное божества. Остается присоединиться к предположению В.Т. Ковалевой, что «поселение Ташково II было построено по заранее сделанному проекту», что в числе жителей поселения имелись жрецы, что обитатели центрального дома, вероятно, «были хранителями священного огня» и что «ташковские комплексы значительно древнее синташтинских»¹⁵.

Следует также принять во внимание, что в предшествующее, энеолитическое время в долине Тобола уже существовали святилища округлой формы, замкнутые кольцевыми рвами, по дну и борту которых располагались деревянные столбы-колонны и кострища. Исследователи считают, что это святилища, связанные с астральными культами¹⁶.

Анализируя эти факты, полученные при раскопках древних памятников, археологи сознают, что сами вещественные источники не говорят, поэтому некорректно заключать, что бревенчатые поселки ташковской культуры, существовавшие четыре тысячи лет тому назад, оставлены «пришлым степным (ираноязычным) населением»¹⁷. Между тем полученные данные не оставляют сомнений в нормальном прогрессивном развитии коренного населения Сибири в древности, в наличии периодического идеологического и материального воздействия развитых южных центров на северные земли. Есть основания думать, что и сибирские племена и народности, в свою очередь, пускались в далекие переселения в южные страны.

В последние годы новые открытия археологов все более убеждают многих исследователей во мнении, что Южное Зауралье и Западную Сибирь можно отнести к числу вероятных центров, где на самом пороге бронзового века занялась заря такой крупной религиозной системы Древнего мира, как зороастризм.

Это возвращает сибирскую археологию и ее историю к проблеме происхождения ариев и их древней культуры¹⁸.

Следует вспомнить, что о «городищах с жилыми стенами» первым заговорил более чем полвека назад С.П. Толстов, ссылаясь на Авесту и имея в виду руины больших городов Хорезма, относившихся, по его мнению, к ахеменидскому

¹⁴ Ср.: *Кыласов Л.Р.* Древнейшая Хакасия. С. 172, 173; *он же.* Святилища каменного века // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 2. Омск, 1992.

¹⁵ *Ковалева В.Т.* Взаимодействие культур и этносов. С. 48–75.

¹⁶ *Потемкина Т.М.* Об истоках ряда ритуалов в культовых обрядах обских угров // Методика комплексных исследований культур народов Западной Сибири. Томск, 1995; *Потемкина Т.М., Гусак М.Г.* Религиозные представления населения эпохи энеолита Зауралья // Конференция «Религиозные представления в первобытном обществе». М., 1987.

¹⁷ *Ковалева В.Т.* Взаимодействие культур и этносов. С. 70.

¹⁸ *Стеблин-Каменский И.М.* Арийско-уральские связи мифа об Йиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск, 1995. С. 166–168; *Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Там же. С. 100–106; *Ковалева В.Т.* Проблема этнической идентификации населения ташковской культуры // Там же. С. 69–72.

периоду. Правда, последующие раскопки хорезмийских городищ не подтвердили первоначальных предположений этого ученого¹⁹.

Однако если деревянные «городища с жилыми стенами» действительно связаны с древними ариями, то средой их обитания вполне могли быть как раз зауральские, сибирские земли в междуречье Урала, текущего на юг, и Тобола, устремленного на север²⁰. Факты показывают, что деревянные города с наземными жилыми стенами вообще характерны для Сибири с ее необозримыми лесными и таежными пространствами. И едва ли этот тип крепостной архитектуры может быть строго связан с каким-либо конкретным временем, этносом или языком аборигенного населения.

Приведем лишь один пример: подобные фортификационные сооружения с успехом использовались сибирскими татарами, состоявшими в XVI в. в войске хана Кучума. Об этом сообщают русские документы того времени. Так, о крепости кучумовского царевича Алея сказано в грамоте царя Федора Ивановича от 1595 г.: «Алей де собрал Оялымские волости татар 150 человек и отвел их вверх по Иртышу на Черной остров, и тут де и они на Черном острове поставили городок и в том городке зимуют». Один из таких городов описан в документе начала 1601 г.: «А поставлены де у них избы рублены в стену кругом, по смете де изб с полчетверта-десять; да у них же де, господине, обдернуто около изб телегами кочевными большими для крепости от приходов» врагов²¹. «Полчетверта-десять» в записи XVI–XVII вв. по современному счету есть цифра 35. Итак, круглая жилая стена татарской крепости была составлена из тридцати пяти вплотную срубленных из бревен жилых изб. В каждой из них обитало по 4–5 воинов.

Таким образом, становится очевидным, что в Сибири на протяжении свыше 3600 лет, соединяя собой эпохи бронзового, раннего и позднего железного веков, сосуществовали параллельно три основных вида фортификационных сооружений, которые иногда перерастали в города. Это мысовые крепости с дополнительными сооружениями из валов, рвов и деревянных палисадов, во-первых; сильно укрепленные семейные форты охотников, во-вторых; и деревянные, округлые первогорода с жилыми стенами, в-третьих. Последние из-за почти полного исчезновения со временем деревянных конструкций нелегко обнаруживаются археологами, но их существования в прошлом нельзя недооценивать, как нельзя и забывать эту категорию памятников. Их следует разыскивать и изучать.

3. Глинобитные протогорода

К раннему этапу бронзового века, по-видимому, относятся начальный слой Логиновского городища на р. Ишиме и окруженный рвом поселок Черноозерье VI на среднем Иртыше²². Ровик окружал постройки и загоны для

¹⁹ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 77–82; ср.: Вишневская О. А., Раппопорт Ю. А. Городище Кюзели-гыр: К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. 1997, № 2. См. также: Малинина Т. С. «Протогорода» эпохи бронзы Южного Урала и древний Хорезм // КСИА. 2004, вып. 217. С. 71–79.

²⁰ См.: Кызласов Л. Р. Сибирь: на границе прошлого с грядущим // Кызласов Л. Р. Земля Сибирская. Абакан–Москва, 1994. С. 7.

²¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М.–Л., 1937. С. 367; т. II. М.–Л., 1941. С. 167; Ср.: Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. С. 50.

²² См.: Генинг В. Ф. и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

скота и на поселении Инберень Х²³. Нельзя при этом обойти вниманием такое замечание исследователей поселения Ботай на р. Ишиме (начало III тыс. до н.э.): «Южный (среднеазиатский) компонент в энеолитическое время проявляется в использовании глинобитной технологии при строительстве жилищ»²⁴. Учитывая уже упоминавшиеся энеолитические святилища (типа Савин) на р. Тоболе, не следует упускать из виду столь раннее воздействие среднеазиатских и более южных развитых центров человеческой культуры на Урал и Западную Сибирь. Ведь уже давно, без особых объяснений, археологи фиксировали умение местного населения изготавливать и применять сырцовые и глиняные кирпичи (иногда овально-приплюснутых форм: 40–50×60–80 мм) при сооружении печей и ямных очагов в жилищах поселений эпохи начальной бронзы²⁵.

Еще «научный дед» современных уральских археологов, К.В. Сальников, обнаружил в жилищах андроновского Кипельского селища «небольшие печи с полусферическим сводом, сделанные из отлично обожженных кирпичиков... Можно уверенно говорить о том, что изобретателями этих древнейших кирпичей были женщины — на поверхности кирпичей хорошо видны углубления, сделанные пальцами небольших размеров»²⁶. В других случаях форма ранних кирпичиков невыработанная — преимущественно четырехгранная, но встречаются трех- и пятигранные кирпичи.

Вероятно, такие строительные детали, как кирпичи, были изобретены андроновцами не только для сооружения печей и очагов, хотя сами по себе теплообогревательные приборы и приспособления чрезвычайно важны в сибирском климате. Городская цивилизация с ее прогрессивным влиянием на окружающие племена сельской округи в эпоху сибирско-уральского бронзового века должна была находиться в непосредственной близости.

И действительно, она была обнаружена в 1970–1980 гг. в междуречье рек Урала и Тобола, текущих в разные стороны, к югу и северу вдоль сибирского фаса Уральского хребта.

Речь идет о ярких и неожиданных памятниках так называемой петровско-синташтинской культуры (XVII–XVI вв. до н.э.), исследуемых с конца 60-х годов прошлого века в междуречье Тобола и Ишима. С этой культурой связано появление настоящих городов, обнесенных замкнутой линией укреплений из глиняных валов, с деревянными палисадами и рвами, проходящими между внешним и внутренним валами. Глубина рвов от 1,5 до 2,5 м при ширине до 3,5 м. Чаще всего система валов и рвов образует прямоугольную крепость, внутри которой расположена основная жилая площадка. Второй вид — укрепленные поселения на естественно защищенных речных мысах. Но и такие городки прикрывались прямыми или слегка изогнутыми в плане отрезками валов и рвов. Их жилая площадь составляла от 10 до 30 тыс. кв. м.

²³ Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 54, 55.

²⁴ Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследований энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 15.

²⁵ Косинская Л.Я. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984; Стефанова В.И., Корочкова О.Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 47, 80.

²⁶ Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 247, 248.

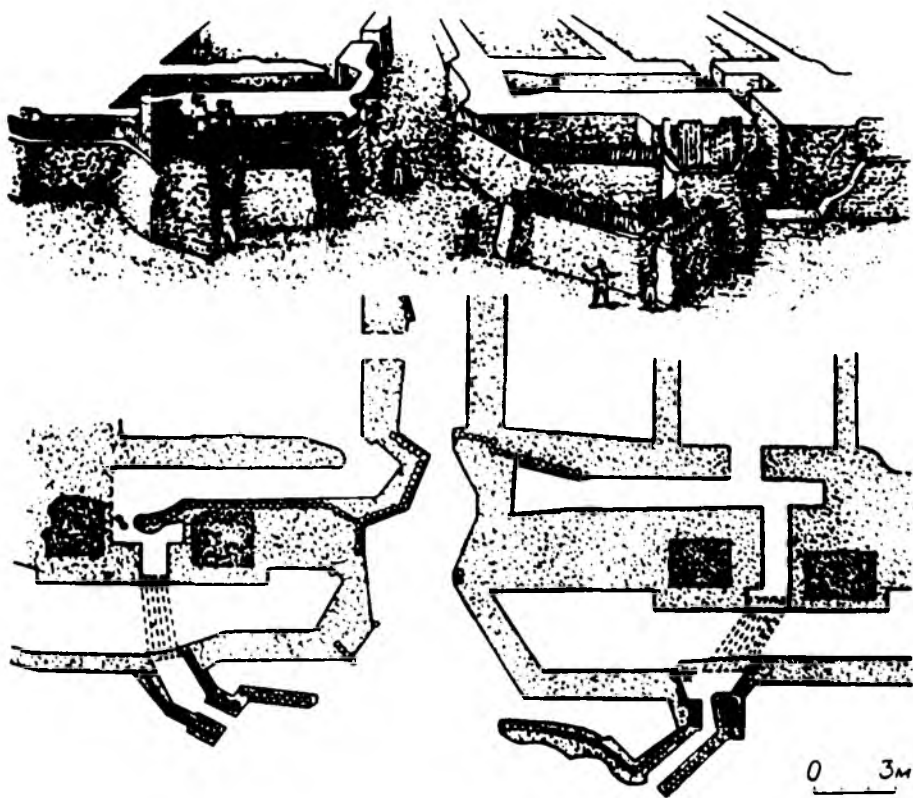

Рис. 2
Синташта.

План и реконструкция южного входа в город. По В.Ф. Генингу

Оборонительным сооружениям придавалось большое значение — сохранились следы неоднократного подновления их рвов. Добротные наземные жилища (площадью по 130–150 кв. м) со стенами из бревен, обожженных глиняных блоков и сырцовых кирпичей нередко имели вторые этажи. Такие здания образовывали плотно застроенные кварталы. Центральные улицы осушались при помощи сточных канав, сооружались ведущие к воде хорошие спуски-пандусы²⁷. Из деталей планов «городков» отмечаются: наличие контрфорсов, округлых выступов — «башен», ответвлений рвов близ проходов (рис. 2), глиняная обмазка дна рвов, очагов или их имитаций. Обнаружены жертвенные комплексы с уложенными в них останками домашних животных (целыми тушами или по частям), а также сосуды с пищей.

Необычным оказалось полуразмытое рекой округлое глинобитно-деревянное концентрическое укрепление Синташта²⁸. Оно было опоясано рвом шириной 4,5–

²⁷ См.: Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск, 1983; Кызласов Л.Р. Проблемы археологии Сибири эпохи металла // *Материалы конференции «Археология и социальный прогресс»*. М., 1991. Вып. 2.

²⁸ Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. 1. Челябинск, 1992.

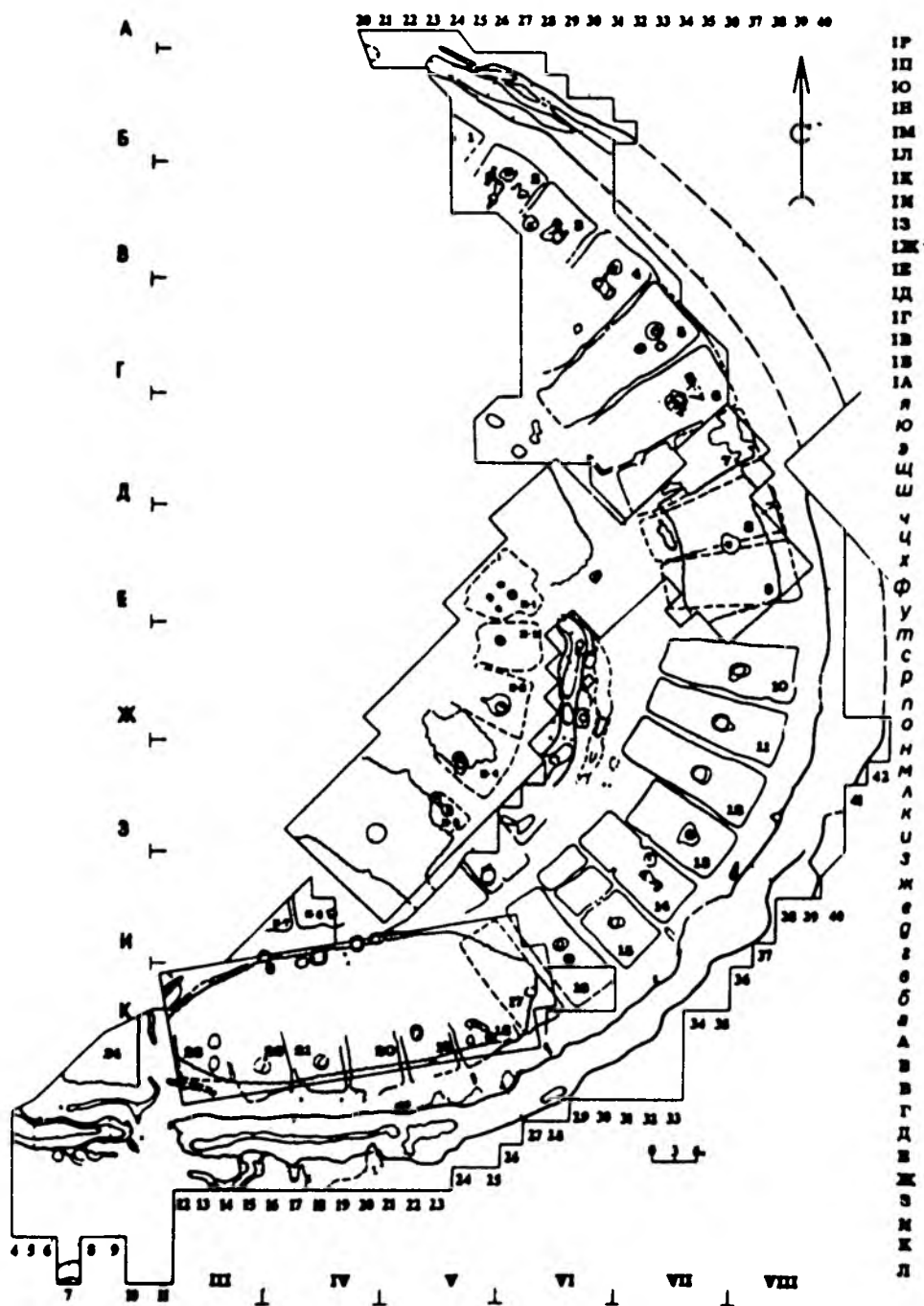

Рис. 3

Синташта.

План сохранившейся восточной части города. По В.Ф. Генningу

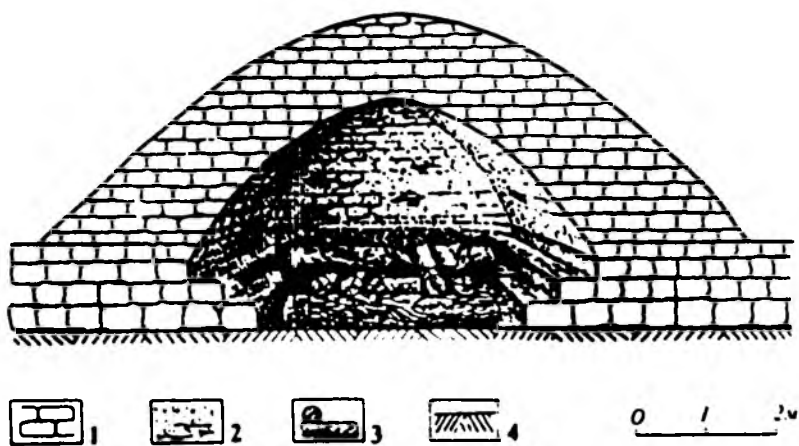

Рис. 4

Синташта. Реконструкция толоса. По В.Ф. Генингу

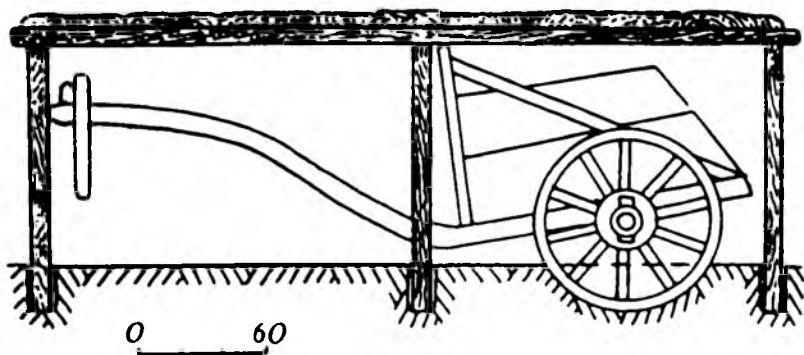
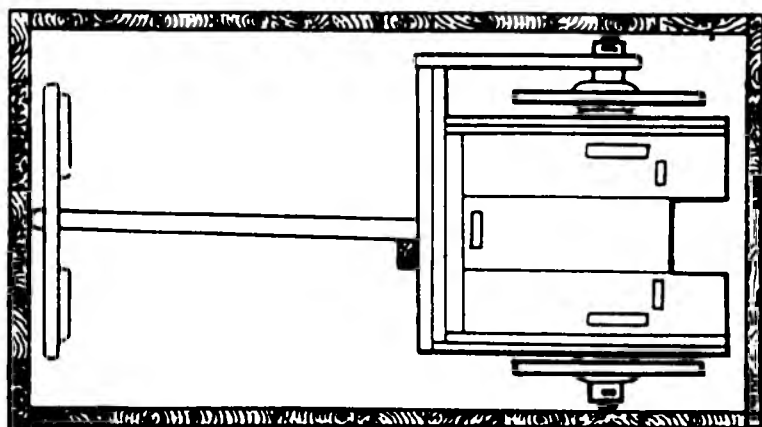

Рис. 5

Реконструкция боевой колесницы в погребальной камере 19. По В.Ф. Генингу

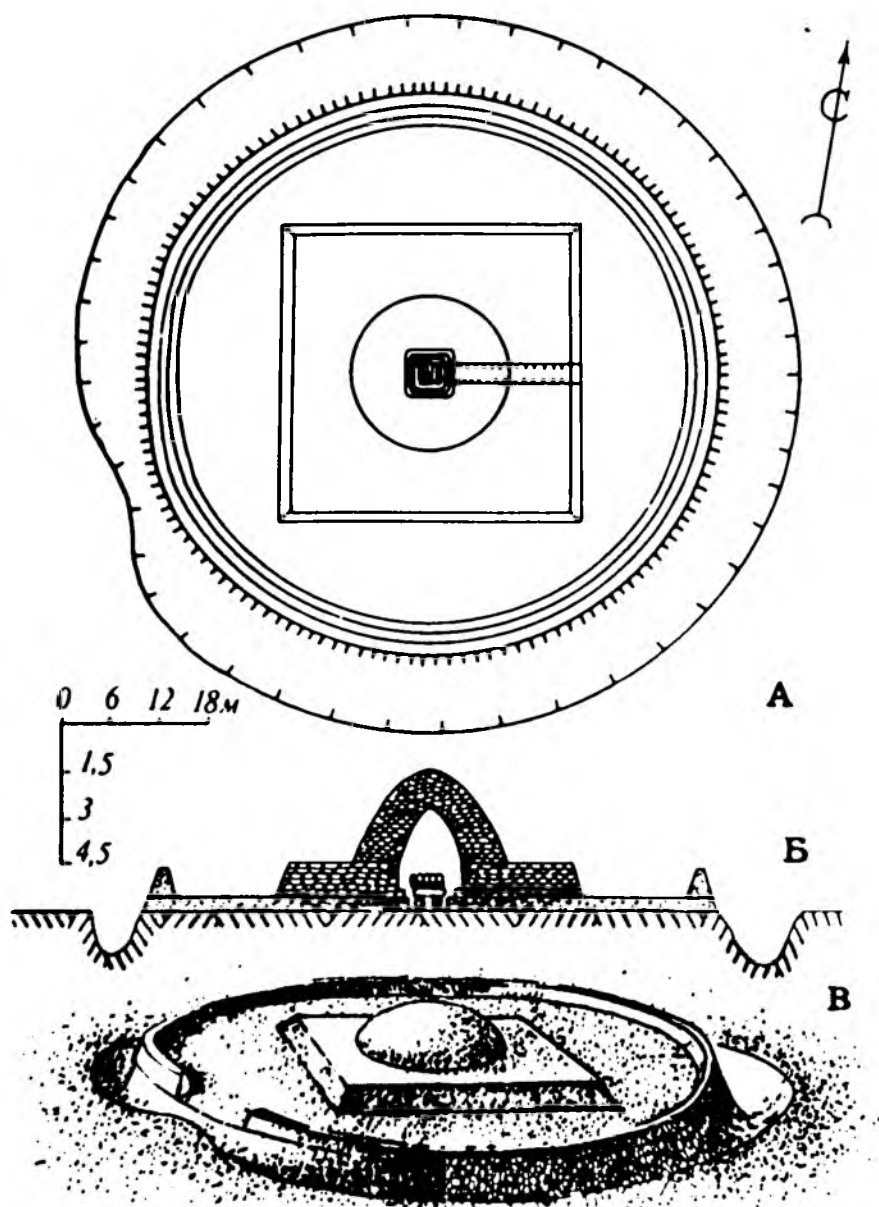

Рис. 6
Синташта. Толос (план, разрез, реконструкция). По В.Ф. Генингу

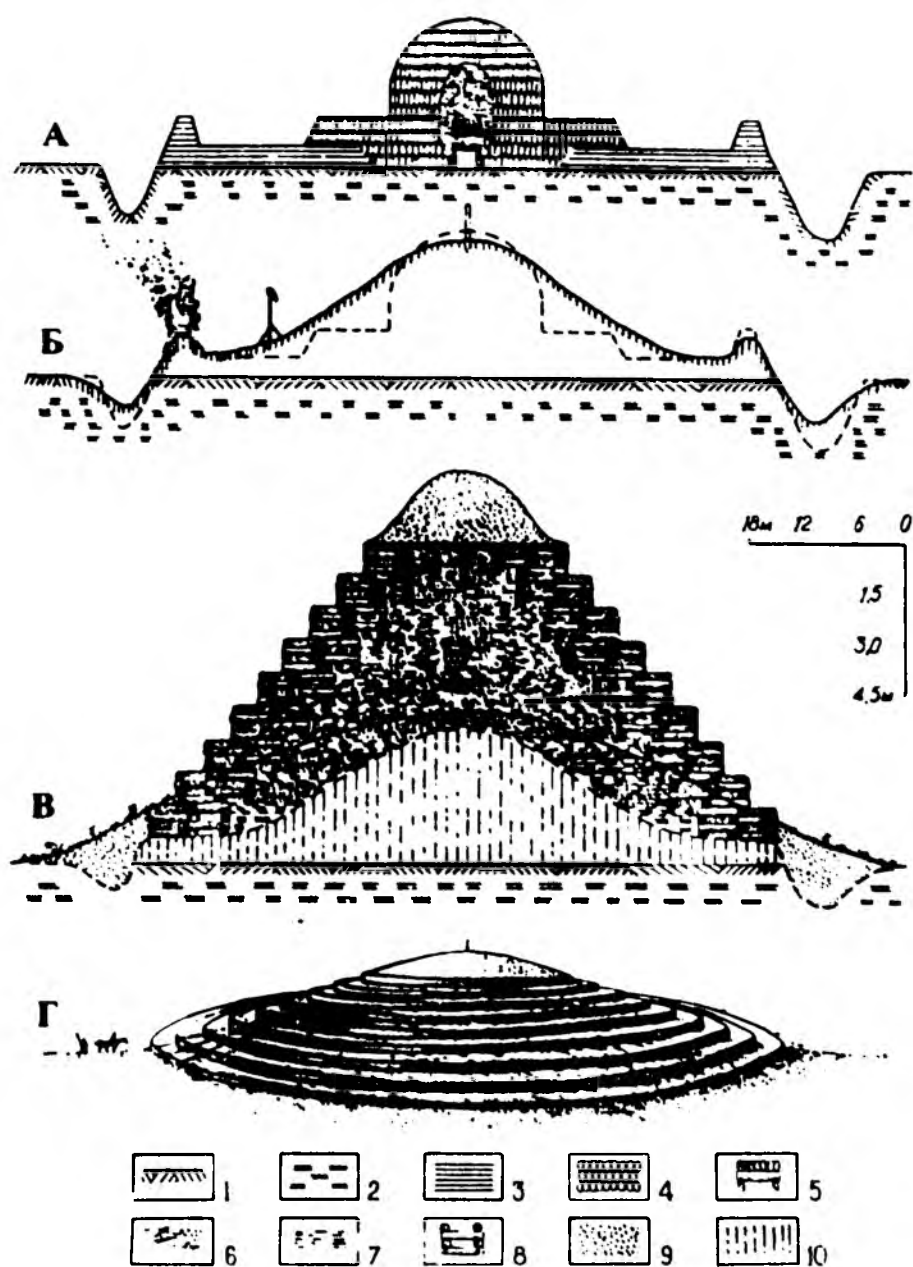

Рис. 7
Синташта. «Храм». По В.Ф. Генингу

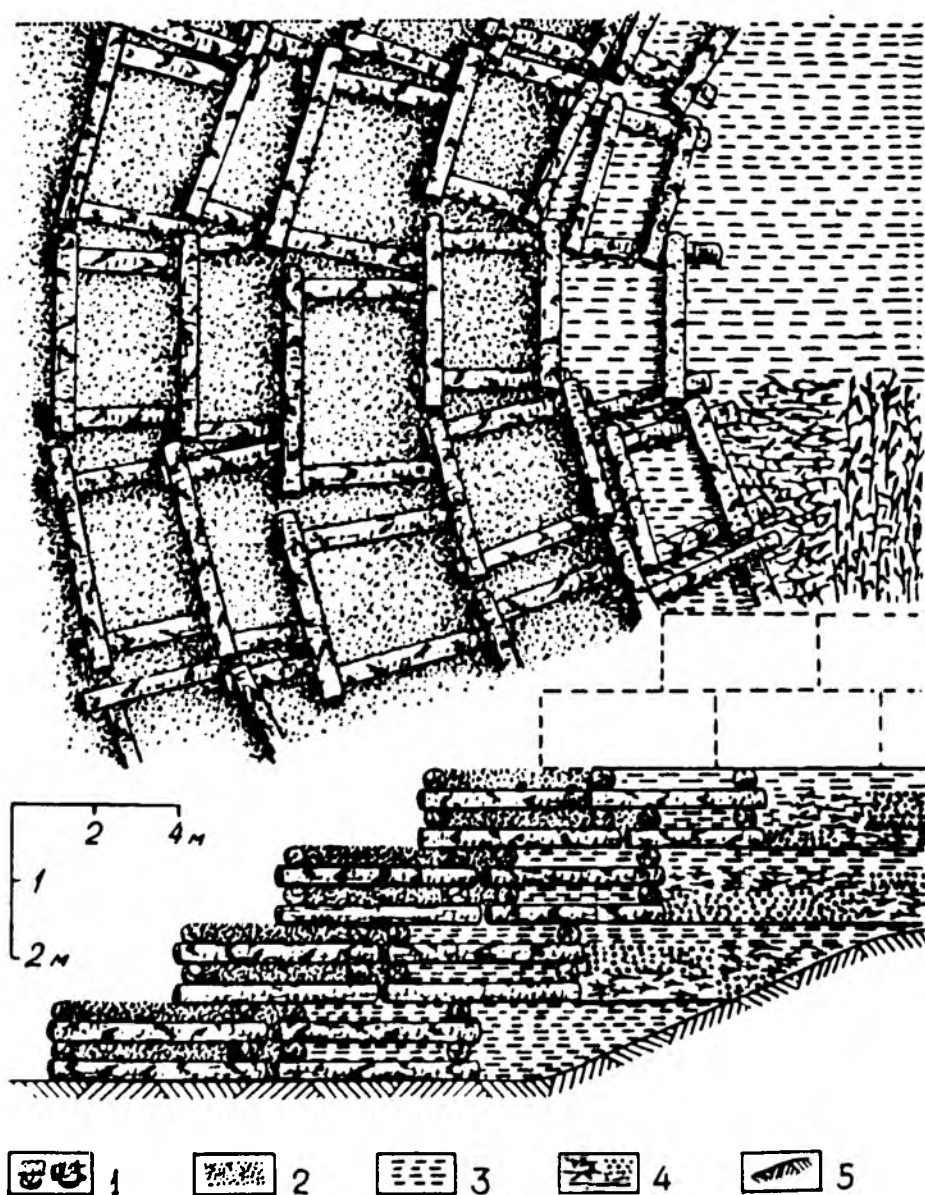

Рис. 8

Синташта. Келі в плане и разрезе (1 — бревна, 2 — засыпка, 3 — камышовый настил, 4 — камыш, 5 — материк). По В.Ф. Генингу

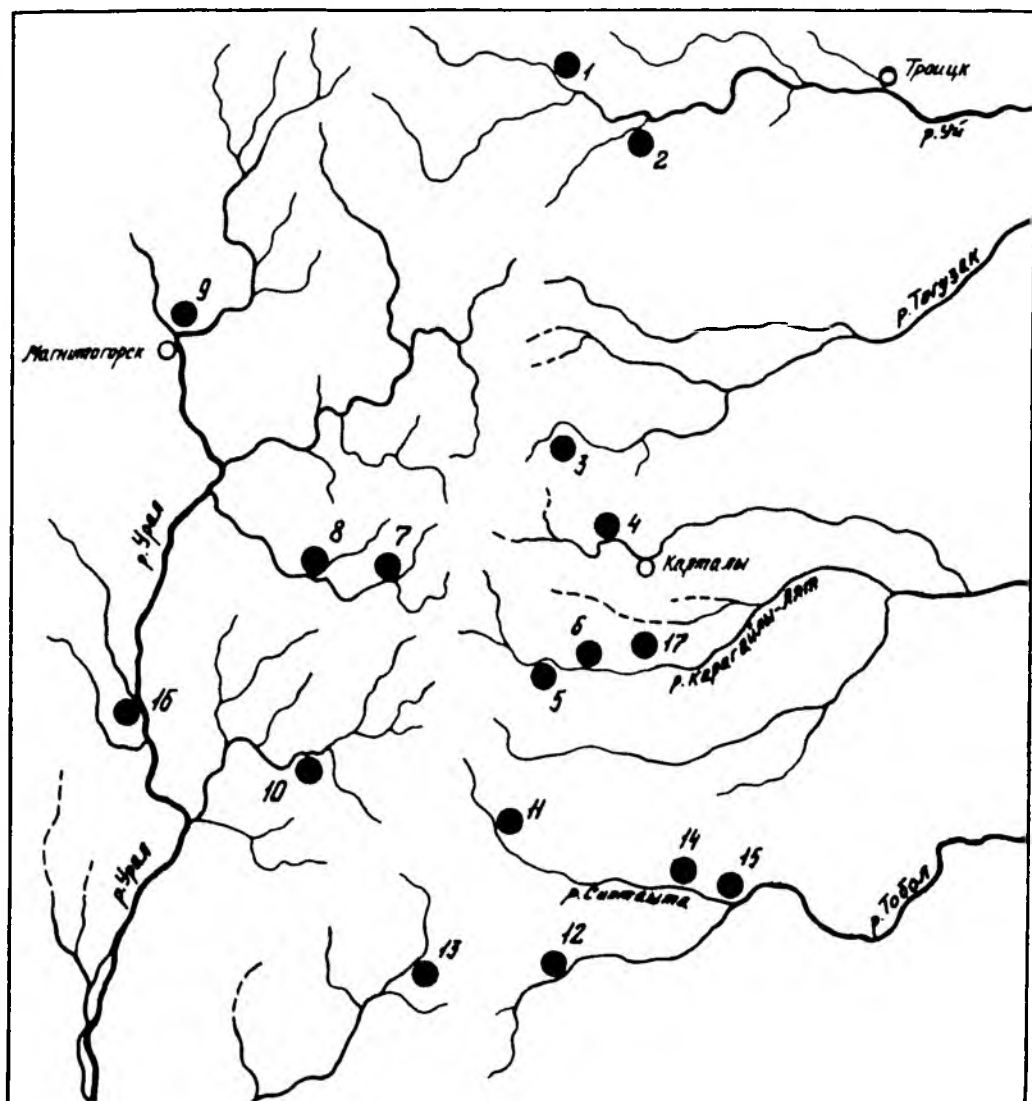

Рис. 9

Карта «Страны городов» (8 — Куйсак, 10 — Аркаим, 11 — Синташта). По Г.Б. Здановичу

5,5 м. С внутренней стороны рва — остатки глинобитной стены шириной до 4 м. Стена составлена из соединенных вместе бревенчатых срубов-клетей 3×4 м, забитых глиной. Верх стены укреплен бревенчатым частоколом. Внешнее кольцо оборонительных сооружений окружало территорию поселка площадью до 15 тыс. кв. м. Дальнейшие раскопки выявили, что в Синташте жилые помещения заключены в круговое кольцо шириной 16–18 м, образованное двумя глинобитными стенами, сложенными с использованием дерева и обожженных глиняных блоков. Аналогичные, но идущие в радиальном направлении стены разбивали кольцо на стандартные отсеки-жилища (рис. 3). Большинство жилищ имело два этажа или легкие постройки на кровле.

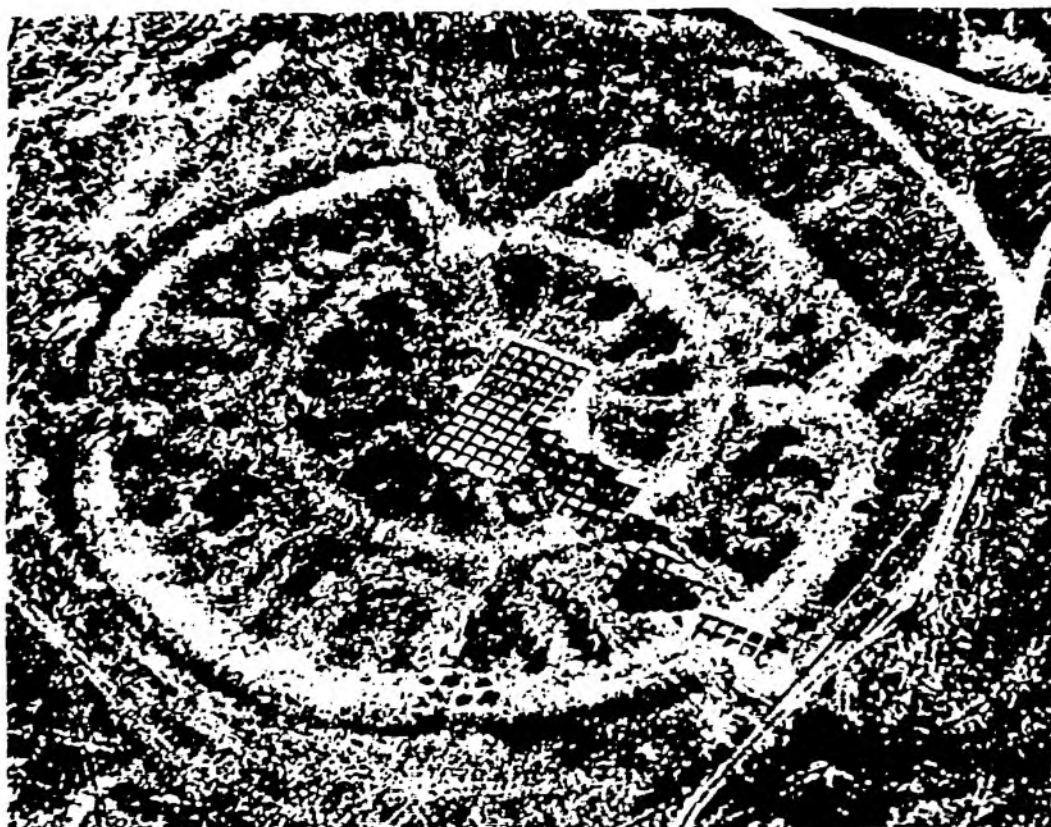

Рис. 10

Аркаим. Фото с воздуха в начале раскопок. По Г. Б. Здановичу

Кварталы крепостей петровско-синташтинской культуры составляли наземные прямоугольные жилища со входным тамбуром посередине торцевой стены. Их бревенчатые стены обмазывались глиной, как и полы. Печи и камины, по-видимому, были сложены из камня и глины — расчищено много обломков прокаленной обмазки.

На соседних с городищами кладбищах обнаружены подземные глинобитно-сырцовые склепы, дополнительно облицованные досками. Иногда внутри сырцовой облицовки усыпальницы размещались низкие срубы из бревен. Перекрытие, очевидно, имело вид уступчатого свода, образованного постепенным напуском блоков пахсы или сырца вдоль верхних краев стен погребальной камеры. Полы склепов обмазаны глиной с песком, а между гробницами, на горизонте, размещались глинобитные площадки (рис. 4).

Выделяются захоронения жрецов и мужчин-воинов. В их могилы устанавливались боевые двухколесные колесницы (рис. 5), а по бортам могильных ям укладывались по две убитые упряжные лошади. Погребенных сопровождают богатые наборы медных и бронзовых орудий труда, оружия, конского снаряжения и украшений²⁹.

²⁹ Зданович Г. Б. Основные характеристики петровских комплексов. С. 54–57, рис. 2, 15.

Над склепами наиболее знатных людей сооружались толосы куполообразной формы, выложенные из овальных уплощенных вальков, типа известных среднеазиатских «гуваляков» (рис. 6). В таких гробницах умерших не хоронили в земле, а укладывали на почвенном слое, так же как зороастрийских жрецов. На Синташтинском кладбище обнаружены остатки величественного сооружения типа храма огня, представлявшего собой девятиярусную ступенчатую пирамиду, первоначально составленную из бревенчатых срубов-клетей в 23 венца (рис. 7).

В синташтинско-аркаимских первогородах в основе сложных строительных конструкций всюду просматривается устойчивая система составленных вместе бревенчатых клетей (заполняемых «глинобетоном» или балластом), неразрушаемых крепостных стен, восходящих к действительным «жилым стенам» овальных ташковских крепостей (рис. 8). В хронологической перспективе от них же происходят бревенчатые системы радиально сужающихся к центру клетей круглого сакского каменного кургана Аржан (VII в. до н.э.)³⁰. Ведь Аржан — это «город мертвых», крепость, созданная для охраны вечного покоя умершего владыки и его спутников в загробном мире (сопоставимы и размеры: диаметр Аркаима — 145 м, а Аржана — 126 м).

Во всем этом нельзя не видеть воплощение единого архитектурно-пространственного решения защитных конструкций древних сибирских городов, которое найдет себе применение и в последующие века. Но станет ли архитектура всех этих сооружений определенным указателем языковой и этнической принадлежности самих строителей?

Важнейшим открытием последних лет являются, таким образом, округлые и подквадратные первогорода, окруженные мощными стенами и глубокими рвами. Они находятся все в том же междуречье Урала и Тобола (рис. 9). Первоначально с помощью аэрофотосъемки выявили 21 город: 5–6 овальных, 6 круглых и около 10 квадратных. Затем к югу от р. Уя, левого притока Тобола, почти на 350 кв. км в степях Казахстана аэрофотосъемкой было открыто еще около 30 укрепленных поселений XVIII–XVI вв. до н.э. Самые ранние из них — овальные в плане. На аэрофотоснимках они нередко перекрываются круглыми, которые, как видно с воздуха, сосуществуют с квадратными или более поздними прямоугольными городищами (рис. 10).

Пока что археологи раскапывали лишь первогорода Синташту, Куйсак и Аркаим. Синташта, как уже сказано, был наполовину смыт весенними водами, а Аркаим сохранился до нашего времени и был обнаружен в 1987 г. на речке Большой Караганке, левом притоке Урала, в 50 км к западу от Синташты. Так как Аркаим еще полностью не раскопан (рис. 10), то полученные данные носят лишь предварительный характер.

Все же можно заключить, что синташтинско-аркаимским первогородам «припису» все характерные элементы формирующегося города. Их отличает развитая система фортификации, наличие монументальных построек. Создавались поселения по заранее продуманному плану при наличии какого-то макета. Ярko выражена система коммуникаций — улицы и переходы обеспечивали связь между отдельными блоками, ограниченными оборонительными стенами, между

³⁰ Грязнов М.П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980. Рис. 3, 4, 19; Кыласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. 1977, № 2.

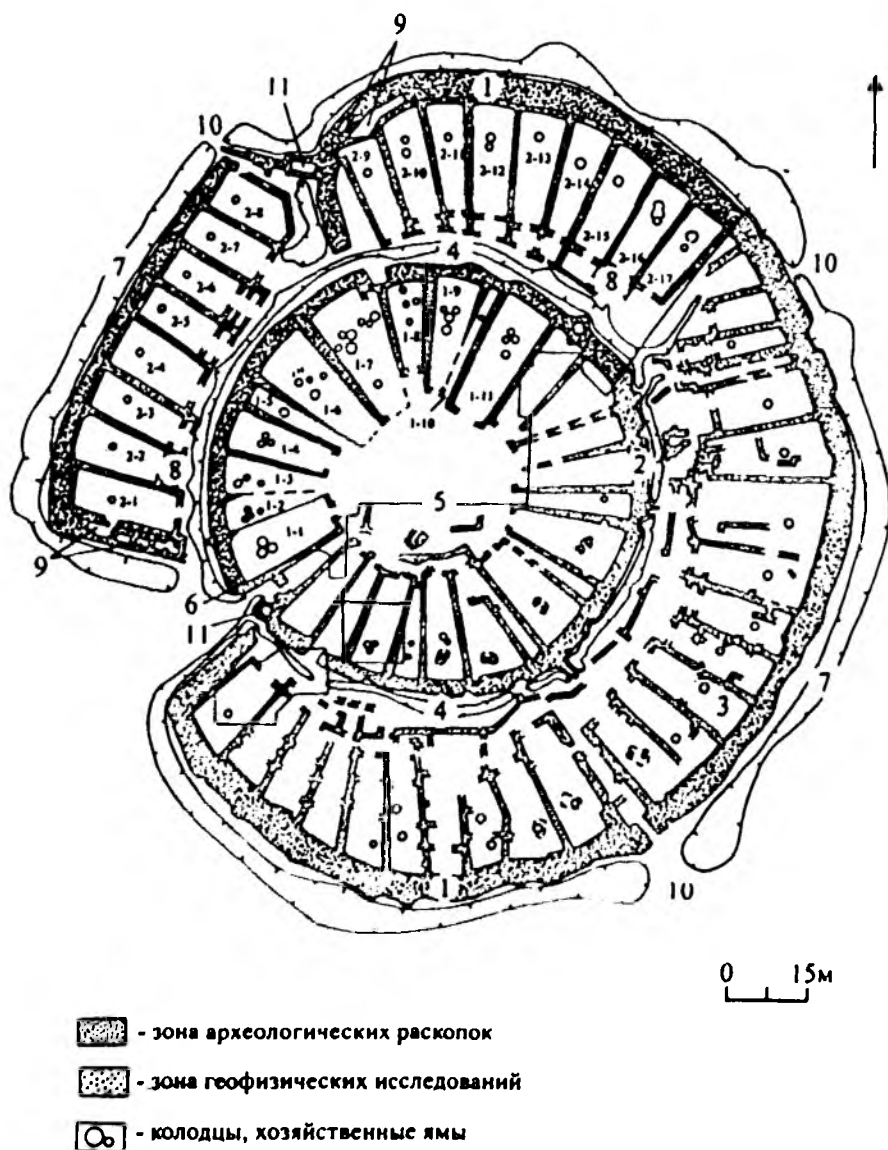

Рис. 11
План Аркаима. По Г.Б. Здановичу

центральной площадью и четырьмя входами. Поселение, несомненно, имело сельскохозяйственную (скотоводческо-земледельческую) округу. Сама планировка памятника свидетельствует о его выдающейся идеологической и культурной роли»³¹.

Основу плана Аркаима (общая площадь 20 тыс. кв. м) составляли два кольца оборонительных сооружений, вписанных друг в друга, два круга жилищ — внеш-

³¹ Зданович Г.Б. Протогородская культура бронзового века Зауралья как составная часть «степной цивилизации» Евразии // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 149.

ний и внутренний — и подпрямоугольная центральная площадь (около 30×40 м) (рис. 11). Обводная стена имела диаметр 160 м и ширину по основанию около 4 м, стена была сложена из плотного, специально приготовленного грунта с примесью извести, забитого в деревянные клетки 3×4 м. С наружной стороны она была облицована сырцовыми блоками, которые укладывались, начиная со дна рва, на всю высоту стены (глубина рва 1,5–2 м, высота земляной стены, по предварительным расчетам, 2,5–3 м).

Верх стены был усилен двумя параллельными частоколами бревен, промежуток между которыми заполнялся дерновыми пластами. С внутренней стороны к оборонительной стене вплотную примыкали торцы жилищ, составляя с ней одно целое, т.е. настоящие «жилые стены».

Длинные стороны жилищ располагались строго радиально по отношению к дуге оборонительных укреплений. Выходы жилищ были обращены к единственной круговой улице, которая пролежала через все поселение параллельно внутреннему рву и стене цитадели.

Облицованный деревом ров, залегавший по центру вдоль главной круговой улицы, оказался продуманной системой водостока и канализации с отстойниками и очистными сооружениями.

Стена цитадели той же конструкции, что и стена, окружающая город, но менее массивная. Со стеной цитадели сливаются торцы жилищ второго, внутреннего жилого кольца. Жилища все трапециевидные, расположены радиально, с выходом на центральную площадь, отличавшуюся сильным прокалом почвы.

К центру — к площади цитадели обращены также все осевые линии зданий, улицы и направление главных ворот.

Главный вход в город расположен на юго-западе. От него к площади вела улица. В городе было четверо ворот, и от каждого из них шла радиальная улица. В домах имелось от восьми до двенадцати комнат и большое помещение с колодцем и ямными кладовыми для хранения продуктов. К последним подведены воздуховоды от прохладного колодца (рис. 11).

Трапециевидные жилища опирались на каркасные столбовые устои. Их глинобитные стены высотой до 3 м были облицованы досками. Вдоль стен ставились сосуды. Наружная торцовая стена той же высоты была выложена глинобитными блоками желтого цвета. Крыша жилищ была тонкая, обмазанная глиной. Водостоки из деревянных желобов размещались по кровлям, и сами кровли были обитаемы.

Колодцы, находившиеся в жилищах, имели глинобитные ложные своды и служили своеобразными холодильниками. Дно колодцев укреплялось колышками, которые оплетались плетнем. Возле колодцев располагались металлургические печи с дымоходами. Усиленная тяга воздуха для плавления металла исходила из колодца. У печей обнаружены обожженные черепа лошадей — следы жертвоприношений. В глинобитных полах жилищ встречены детские погребения.

Хотя дома не сообщались друг с другом, все жилища были покинуты организовано, а город был сожжен уходившими жителями. Археологам достались лишь случайно забытые вещи. Во всех рвах обнаружено множество полусгоревших деревянных конструкций, а в жилищах — обгоревшие столбы.

Вдоль внутреннего рва располагались металлургические и гончарные печи со следами производственной деятельности. Радиальные стены помещений

служили улицами, и бывали случаи, когда нижняя улица «подныривала» под верхнюю.

В радиусе 5–6 км от Аркаима расположены три небольших поселения, относящихся к сельскохозяйственной округе города. Можно полагать, что здесь применялось лиманное орошение с помощью небольших плотин или водоподъемников.

В качестве строительных материалов использовалось 4–5 типов сырцовых кирпичей, блоков, вальков-гуваляков различного состава. К глине и илу примешивался то навоз, то известь, то употреблялись дерновые пласты с болотным илом. Находок немного: литейная форма серпа-струга, булавы, каменные молоты и кайла, кремневые наконечники стрел, каменный топор с проушиной, глиняные «лепешки» со злаками. Случайно обнаружена каменная скульптура: голова человека, обломок головы верблюда из гранита³².

В одном из могильников Аркаима обнаружена единственная нефритовая бузина — несомненно, неместная, привезенная сюда из Прибайкалья по Великому нефритовому пути³³. Получено 30 датировок по С¹⁴, указывающих на XXI–XVII вв. до н.э. Один из основных исследователей Аркаима, Г.Б. Зданович, думается, справедливо предполагает прямую связь открытого им в Южном Зауралье очага высокой культуры с древней историей индоиранских племен перед их уходом с территории сибирской прародины в далекие южные страны — Иран и Индию.

«Время существования петровско-синташтинских комплексов определяется по характерному набору металлических изделий и костяным псалмам XVII–XVI вв. до н.э. Оно соответствует Трое VI северо-западной части Малой Азии, концу среднеэлладского-раннемикенского периода материковой Греции, последним этапам средней бронзы Фракии, ранним горизонтам культур типа Дашлы и Сапалли Северного Афганистана и Южного Туркменистана»³⁴.

Вероятно, эти древнейшие города, крепости, ритуальные и погребальные сооружения, пашни и пастбища оставлены на юге Западной Сибири передовым массивом тех индоевропейских племен, которые, очевидно, были еще тесно связаны с далекой переднеазиатской прапрародиной³⁵. Ведь именно в Сирии, Анатолии и на Балканах обнаруживаются более ранние аналоги: круглые города с радиально расположенными к центру трапезиевидными жилищами, примыкающими к круговой оборонительной стене торцами³⁶ (рис. 12). Контакты и реалии петровско-синташтинской культуры прямо указывают на меридиональные связи Западной Сибири с ранними земледельческими цивилизациями далекого Юга, свидетельствуя о высоком общественном и техническом уровне развития Сибири в бронзовом веке.

³² Зданович Г.Б. Архитектура поселения Аркаим // Маргулановские чтения. 1990. М., 1992. Ч. 1. С. 79–84; Гутков А.И., Русанов И.А. Теплотехнические сооружения поселения Аркаим // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.

³³ См.: Кыласов Л.Р. Проблемы археологии Сибири эпохи металла. С. 66–69.

³⁴ Зданович Г.Б. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. А.-А., 1989.

³⁵ См.: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тб., 1984.

³⁶ См.: Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. Рис. 2; Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших круглоплановых укрепленных поселениях Евразии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. С. 116–119.

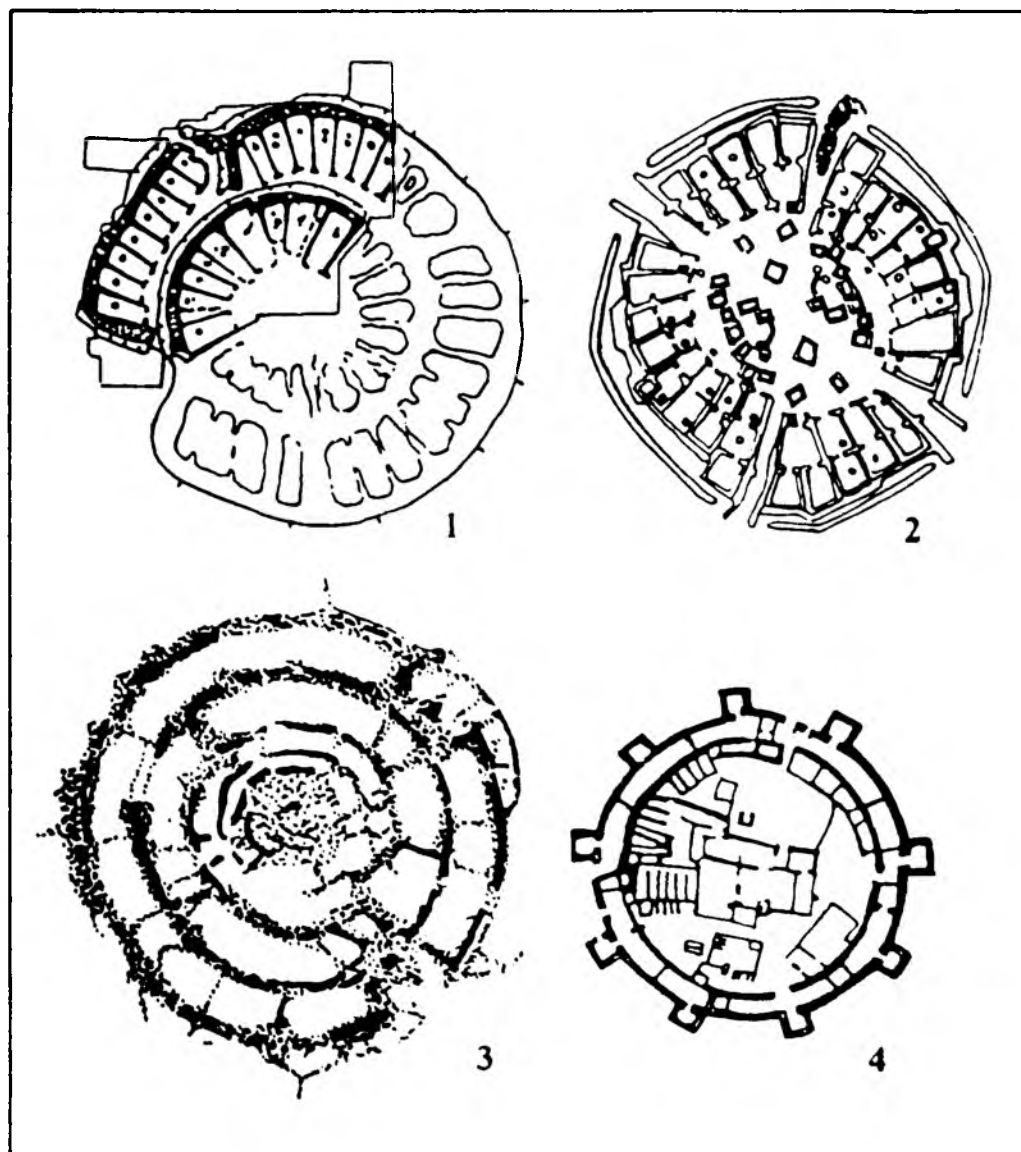

Рис. 12

Планы городов, аналогичных Аркаиму:
 1 — Аркаим, 2 — Демирчиуйюк (Анатолия, Турция),
 3 — Роджем Хири (Сирия), 4 — Дашлы-3.
 По В.И. Сарианиди

Известно, что в древних мифологических и эпических повествованиях народов Индии и Ирана содержатся сведения о далеких северных странах, позволяющие высказывать предположения о том, что прародина предков иранцев и индийцев, так называемых ариев, находилась если не за Полярным кругом, то, во всяком случае, в северной части Сибири, прилегающей к Ураль-

ским горам³⁷. Об этом писал еще в начале XI в. выдающийся ученый-энциклопедист, уроженец Хорезма, А. Бируни³⁸. Священные гимны ариев сохранились в их древнейших письменных памятниках — ведах индийцев и в Авесте иранцев.

О северных странах знали и античные авторы — Аристей (VII в. до н.э.) и Геродот (V в. до н.э.). Они описали земли ираноязычных скифов и савроматов, а также соседствующих с ними северных племен: аримаспов, «грифов» и гипербореев, обитавших у «Северного моря» возле высоких Рифейских (Уральских) гор. По Геродоту, «земли и воздух там полны перьев... постоянные снегопады, летом, конечно, меньше, чем зимой... из-за столь суровой зимы северные области этой части света необитаемы». По Геродоту, на севере есть люди, «которые спят по шесть месяцев», и т.д.³⁹

В «Махабхарате» сообщается, что между горами Меру и Северным океаном располагалась «страна блаженных, счастливых людей» («гипербореев» античных авторов). По Авесте, священные горы севера назывались Хара Березайти (Высокая Хара). На Харе якобы творец Вселенной Ахурамазда воздвиг дворец для великого бога Митры, а для бога Сраоша был сооружен тысячеколонный дом. Вокруг этой обители священных божеств арийские первогерои и земные цари совершали свои жертвоприношения. Это и есть «центр земли»⁴⁰.

Эпические повествования древних индоиранцев и греков о горах Меру, Хара или Рипы подразумевают, на наш взгляд, единственно северный Уральский хребет. Можно предположить, вслед за рядом ученых, что «счастливая страна» — родина древних ариев — действительно находилась некогда на сибирских склонах Уральских гор в долинах рек Урала и Тобола, т.е. в области существования целого куста древнейших первогородов Сибири в середине II тыс. до н.э. Там, очевидно, возникли зачатки зороастрийской религии.

4. Первогорода Северного и Центрального Казахстана

Еще в 1970 г. В.Ф. Генингом было установлено, что укрепленные поселения-городища со рвами и валами (Черноозерье I, Инберень IV и Инберень VI) на среднем Иртыше появились «в эпоху бронзы, не позднее середины II тыс. до н.э.»⁴¹. Сюда входят и первые из известных укреплений андроновской (федоровской) культуры⁴². К этапу поздней бронзы относятся также ранние городища, обнаруженные в районе Сургута на средней Оби⁴³, и хорошо укреп-

³⁷ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии: Загадки истории древних ариев. М., 1974; Стеблин-Каменский И.М. Арийско-уральские связи мифа об Йиме.

³⁸ Бируни. Индия. Т. 2. Таш., 1963.

³⁹ Геродот. История в 9 книгах. Л., 1972. С 189, 194.

⁴⁰ См.: Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии.

⁴¹ Генинг В.Ф. Исследования Уральской археологической экспедиции в 1970 г. // Из истории Сибири. Вып. 15: Материалы по археологии Западной Сибири. Томск, 1974. С. 4, 9.

⁴² Викторов В.П., Борзунов В.А. Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Там же.

⁴³ Елькина М.В., Федорова Н.В., Чемякин Ю.Л. Работы Сургутского отряда // АО-74. М., 1975.

ленные городища ирменской культуры на верхней Оби⁴⁴. Существует гипотеза, требующая проверки, что на Енисее в период окуневской культуры (XXI–XVII вв. до н.э.) появились первые небольшие нагорные крепости — святилища со стенами, сложенными из каменных плит⁴⁵. К концу эпохи бронзы и началу железного века (IX–VIII вв. до н.э.) относится открытое в Барабинской степи «поселение городского типа (8 га)» с укрепленной цитаделью⁴⁶.

В неотделимой от Сибири северной полосе степей Казахстана археологи также обнаружили большие поселения эпохи бронзы, названные ими, не вполне удачно, протогородами и «поселениями, претендующими на статус городов». Это неогороженные поселения, занимающие необычно большие площади, — от пяти до десяти-пятнадцати и тридцати гектаров: Кент — 30 га, Бугулы I — 11 га, Мыржик — 3 га. Вокруг поселения Кент в радиусе пяти километров, на площади 5 тыс. кв. м, располагались «деревни»: Байшура, Аким-бек, Домалактас, Найза, Нарбас, Кзылтас и др.

Кент, очевидно, не только хранил, перерабатывал и распределял сельскохозяйственную продукцию, но был и религиозным центром. Обнаружено каменное святилище 84×46 м («Большая ограда»).

«Поселение Кент являлось, видимо, политико-экономическим центром, вокруг которого возникли более мелкие поселки. Подобная система расположения находит прямые аналогии в культуре серой расписной керамики Индостана, где формирующиеся предгорода окружались небольшими поселками. Кентское поселение имело особое значение как центр межкультурных связей»⁴⁷.

В то же время в Центральном Казахстане существовали другие крупные поселения: Атасу I, Мыржик, Шортанды-Булак. Эти протогорода являлись крупными специализированными центрами металлургического и гончарного производства. Например, в центре поселения Атасу I, окруженном овалом близко поставленных жилищ, обнаружено шесть медеплавильных комплексов и гончарные печи. Крупные прямоугольные жилища столбовой конструкции имели сложные и многоцелевые по своему хозяйственному назначению системы типа огневой камеры с длинными подпольными дымоходами. Дымоходы в виде канавок с каменно-глиняным покрытием сверху отходили от огневой камеры, располагаясь вдоль стен помещений.

На поселении Мыржик в прямоугольной постройке «длинные стены жилища подкреплены вертикально вкопанными каменными плитами. Внутри помещения, по периметру, прослежена канавка — подпольная отопительная система, перекрытая каменными плитами... С юго-восточной стороны к жилищу примыкает площадка с металлургической печью»⁴⁸.

⁴⁴ См.: *Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И.* Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980.

⁴⁵ См.: *Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 28.

⁴⁶ *Молодин В.И. и др.* Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Первые результаты исследования. Новосибирск, 2001.

⁴⁷ *Варфоломеев В.В., Рудковский И.В.* Поселения Кзылкентского ущелья // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 1; *Варфоломеев В.В.* Сарыарка в конце бронзово-железного века. Автореф. канд. дис. А.-А., 1991; он же. Кент как поселение городского типа // Маргулановские чтения. 1992. Петропавловск, 1992.

⁴⁸ *Кадырбаев М.К.* Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Материалы первогородов показывают, что здесь концентрировались объекты металлургической промышленности и, следовательно, *выделение ремесла из сельскохозяйственного производства произошло в сибирско-казахстанских степях еще в бронзовом веке*. Наличие специальных теплотехнических сооружений — печей для выжигания древесного угля, обжига сырой руды, плавки обожженной руды, выплавки черновой меди, последующего рафинирования в тиглях; печей для обжига глиняной посуды и т.д. — предполагает прочную производственную связь мастеров с этими недвижимыми средствами производства.

Следует отметить еще одну важную особенность первогородов Центрального Казахстана — их обитатели *изобрели и первыми применили систему подпольного отопления с помощью каналов-дымоходов и высоких вытяжных труб*. В эпоху бронзового века подпольные отопительные каналы были подсказаны практикой и опытом металлургов и литейщиков, соорудивших ямные рудоплавильные печи с каналами для поддувания воздуха, а также для выпуска жидкого металла и газов. В ту пору такое отопление возникло и в странах Западной Азии, о чем речь пойдет ниже, во втором разделе главы 3.

5. Ранний железный век

В последующую эпоху раннего железного века темпы исторического развития Сибири потребовали увеличения числа монументальных оборонительных сооружений, а также значительного расширения географии их распространения. Не только в степной и лесостепной зонах, но и в тайге строились крепости с бастионно-башенной оборонной архитектурой. Один из исследователей западносибирских археологических памятников, М.Ф. Косарев, констатирует: «Уже в конце бронзового века на крупных западносибирских реках таежной зоны — Оби, Иртыше, Томи и др. — повсеместно возникают мощные земляные укрепления со рвом, валом и деревянным частоколом — так называемые городища. Вся Западная Сибирь покрывается городками-крепостями, являвшимися центрами социально-политических единств, убежищами в дни опасности, местами хранения накопленных богатств»⁴⁹.

Города строились там, где их стратегическая необходимость сочеталась с экономическими выгодами. Они возникали на торговых путях, возле древних святилищ, резиденций правителей, укрепленных убежищ, а также возле переправ.

К сожалению, еще не проделана работа по сплошному выявлению, датировке, первичной классификации и начальному обобщению данных о многочисленных городах всей Сибири. Но уже появились региональные исследовательские работы по изучению так называемых городищ, относящихся к периодам раннего железного века и средневековья.

По данным В.Е. Стоянова, составившего первую классификацию зауральских городищ от конца бронзового века до XIII–XIV вв. н.э., все они подразделяются

⁴⁹ Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 154; См. также: Борзунов В.А. Поселения с бастионно-башенной оборонной архитектурой Зауралья и Западной Сибири начала эпохи железа // Система жизнеобеспечения традиционных обществ древности и современности. Томск, 1998.

на городища и поселения с городищами, состоящие из двух частей, — укрепленной (городище) и неукрепленной (селище).

Городища различаются по форме площадок. К отделу I классификации отнесены укрепления, расположенные на мысах, ограниченные с одной стороны валами и рвами, пролегающими поперек мыса. Они распределяются на одноплощадочные (1), двухплощадочные (2) и трехплощадочные (3). Все они, кроме трехплощадочных, делятся на три типа: А — один вал и ров; Б — один вал с башнеобразными выступами и ров; В — два вала и ров. Отдел II составляют городища, расположенные на сплошных участках террас и ограниченные замкнутыми (в форме прямоугольника, круга или овала) линиями валов и рвов. Подотделы: 1 — одноплощадочные, 2 — двухплощадочные, когда площадки вписаны одна в другую, 3 — двухплощадочные, площадки которых примыкают или касаются друг друга внешними сторонами, 4 — трехплощадочные. Типы: А — один вал и ров; Б — один вал с башнеобразными выступами и ров; В — два вала и ров; Г — два вала с башнеобразными выступами и ров. Городища подотделов 2–4 отличаются друг друга большими размерами (превосходят площадь памятников I отдела в 2–4 раза)⁵⁰.

Городища отдела I целиком относятся к раннему железному веку. Из них типы 11Б, 12Б и 13А (с башневидными выступами одно-, двух- и трехплощадочные) в окончательных своих вариантах существовали в позднем периоде раннего железного века.

Отдел II классификации В.Е. Стоянова охватывает памятники от начала железного века до XIII–XIV вв. Их площадки продолжали использоваться под жилье и в позднем железном веке. Истоков планировки городищ с усложненной фортификацией автор в Зауралье не находит и предполагает обнаружить их на юге в Приаралье. Очевидно, приток населения с юга продолжался.

Классификация В.Е. Стоянова послужила основой для других обобщающих работ по ранней городской тематике Зауралья и Западной Сибири⁵¹.

В наиболее ранних городах железного века в Зауралье, относящихся к VII–V вв. до н.э., исследованы остатки производственных сооружений, свидетельствующих об интенсивно развивающемся ремесле и базовом металлургическом производстве. Например, на городищах Иртяш и Большая Нанюга обнаружены сыродутные горны — памятники древней металлургии железа⁵². Лучше изучены городища, раскопанные на оз. Иткуль. К востоку-северо-востоку от наземных жилищ на Иткульском I городище вскрыты остатки металлургического комплекса-«фабрики», состоявшей из 22 плавильных и кузнечных горнов с обвалившимися глинобитными стенами и сводами, значительным числом разбитых сопел, тиглей, кусков медной (малахит) и железной (бурый железняк) руды, шлаков,

⁵⁰ Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. 1969, вып. 119. Рис. 25.

⁵¹ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Поселения и жилища. Кн. 1 и 2. Томск, 1994; Бортунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002, № 3.

⁵² См.: Бельтикова Г.В. Иткульское I городище — место древнего металлургического производства // Проблемы Урало-Сибирской археологии: Свердловск, 1986 (ВАУ. № 18). С. 63–79; Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. С. 105, 124, 126.

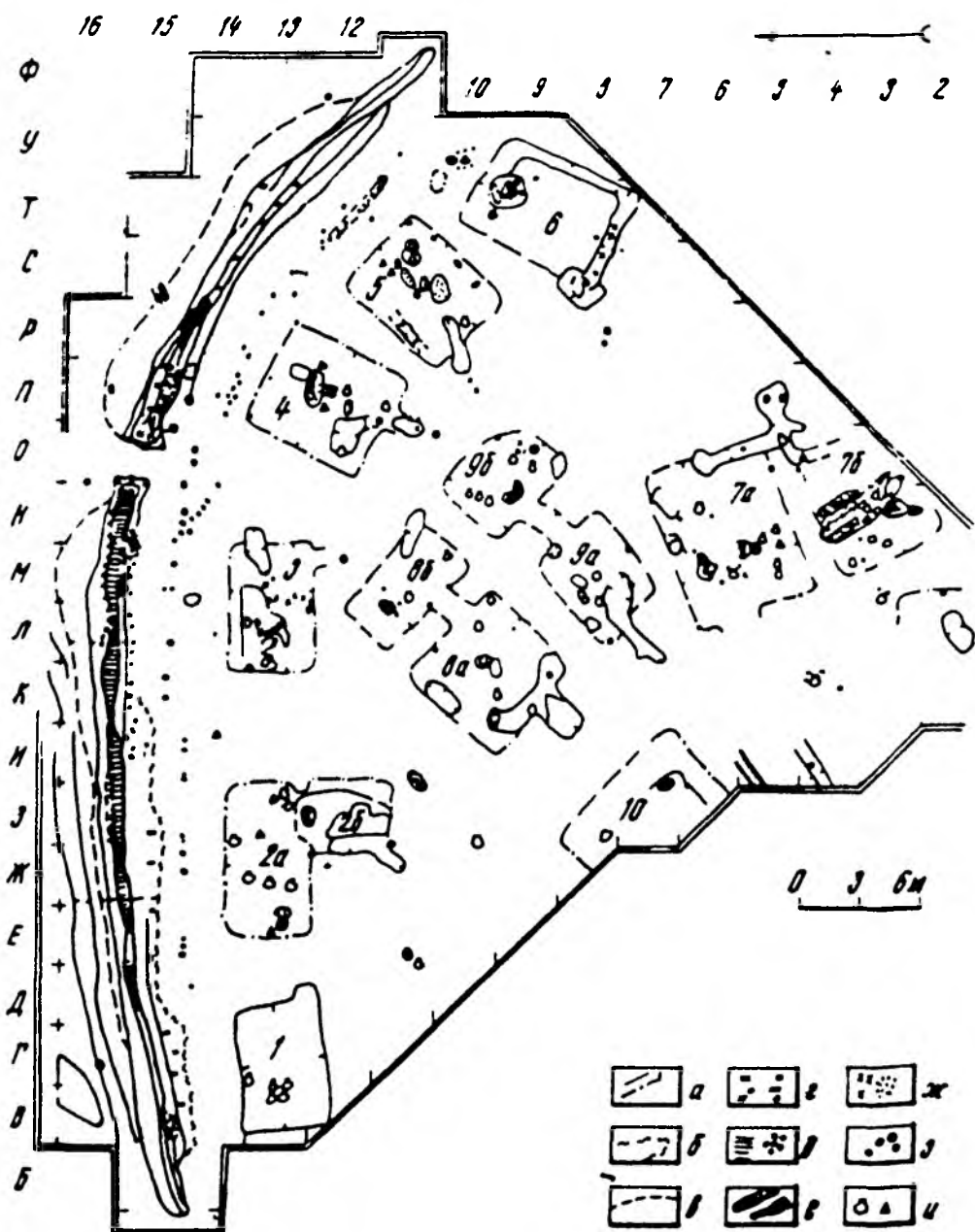

Рис. 13
План городища Ак-Тау на р. Ишиме. По М.К. Хабдулиной

обломков каменных молотов, кирок, пестов, литейных форм, брака и т.п.⁵³. На городище Красный Камень также обнаружен древний заводик с глинобитной печью-домницей⁵⁴. Центром металлургического производства являлось и городище Думная Гора, где раскопано 7 медеплавильных печей⁵⁵.

Разработана классификация городищ гамаюнской, иткульской, воробьевской и гороховской культур Зауралья, относящихся к раннему железному веку⁵⁶. Отмечено укрепление внешнего склона некоторых городов бревнами, камнями и плитами, эскарпирование склонов речных террас, устройство башен или башнеобразных выступов, входы в виде крытых башен или коридоров из бревенчатых стен. Большинство городов такого типа являлось не только очагами развитого специализированного ремесла, но и племенными культовыми центрами, хранилищами накопленных богатств, средоточием административной и наследственной княжеской власти, убежищами для податного сельского населения на случай военной опасности и т.п.⁵⁷.

Сходные по типам, но более мощные, хорошо спланированные глинобитно-бревенчатые городища богатой саргатской культуры обнаружены на реках Тоболе, Ишиме и среднем Иртыше (рис. 13). Их конструкции хранят опыт строительства округлых петровско-синташтинских городов и демонстрируют знакомство со среднеазиатскими оборонительными сооружениями. Из исследованных памятников особенно впечатляет город-замок Ак-Тау, расположенный на среднем Ишиме⁵⁸ (рис. 14). Зафиксированы разнообразные городища и в Сургутском Приобье⁵⁹.

В Нижнем Приобье в раннем железном веке городища составляют 50% всех известных ныне поселений⁶⁰. Раскапывались городища того же времени в Тюменской области⁶¹. В Верхнем Приобье, по рекам Бия, Катунь, Чарыш, Ануй, Обь

⁵³ Бельтикова Г.В. О зауральской металлургии VII–III вв. до н.э. // ВАУ. 1981, № 15; она же. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII–III вв. до н.э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993.

⁵⁴ Борзунов В.А. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень // ВАУ. 1981, № 15. С. 112–115. Рис. 16.

⁵⁵ Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е. Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства // Древние поселения Урала и Западной Сибири // ВАУ. 1984, № 17.

⁵⁶ Борзунов В.А., Стоянов В.Е. Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала // ВАУ. 1981, № 15.

⁵⁷ Борзунов В.А., Новиченков В.В. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988 (ВАУ. № 19).

⁵⁸ См.: Корякова Л.Н. Поселения саргатской культуры // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984 (ВАУ. № 17); Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993.

⁵⁹ Морозов В.М., Пархимович С.Г. О культурной и этнической принадлежности поселений бассейна р. Тром-Аган // ВАУ. 1984, № 17; Елькина М.В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977 (ВАУ. № 14); Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. Раскопки городищ Барсов городок 1/3 и 1/20 // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

⁶⁰ Морозов В.М. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 106 (ВАУ. № 18).

⁶¹ Романова М.В., Сухина Л.В. Городища № 5 и № 7 раннего железного века на Андреевском озере // Из истории Сибири. Вып. 14. Томск, 1974; Стоянов В.Е. Носиловское II поселение // ВАУ. 1975, № 13.

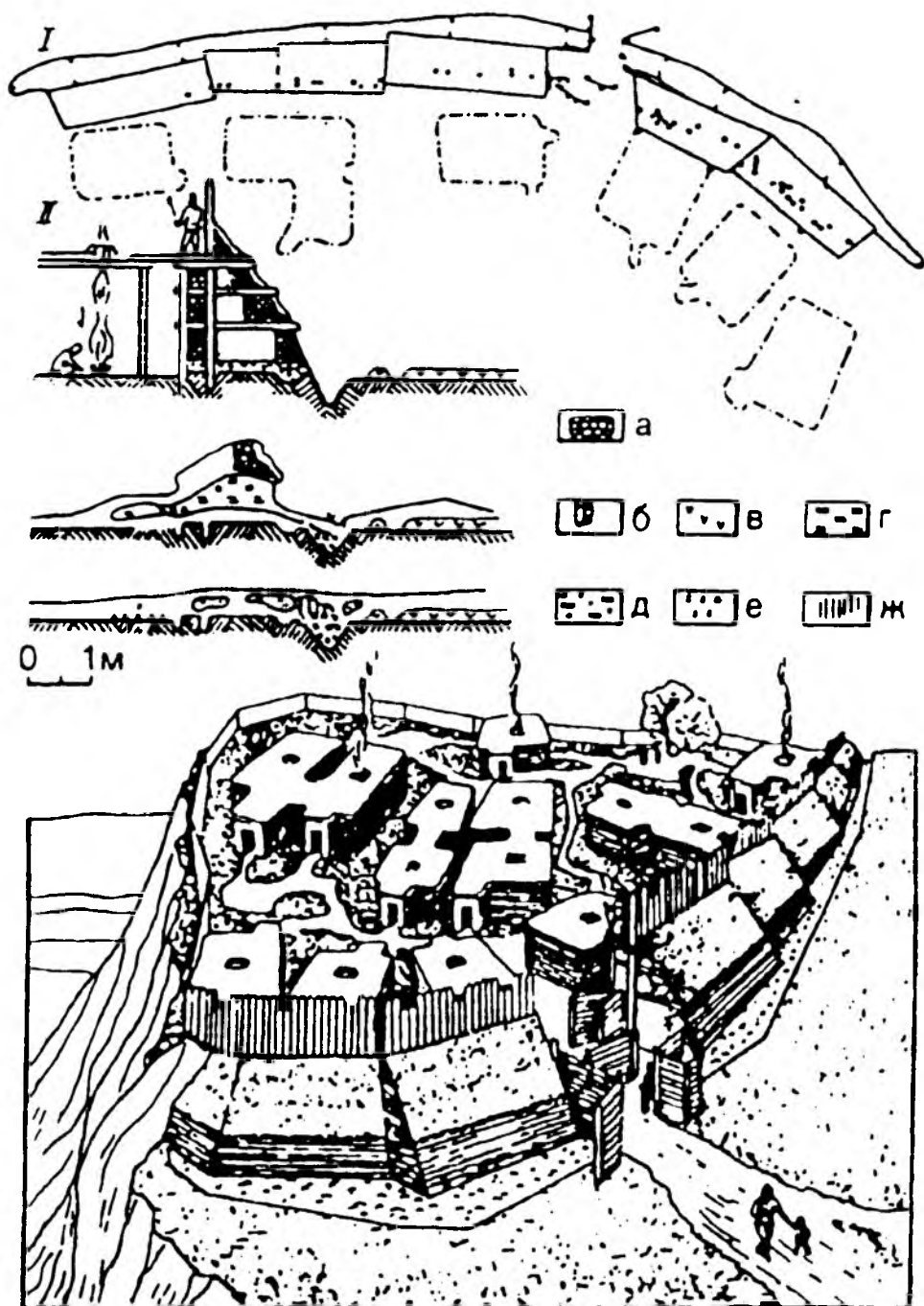

Рис. 14
Ак-Тай. Реконструкция крепости. По М.К. Хабдулиной

обнаружены городища большереченской культуры (VII–III вв. до н.э.), пришлой рёлкинской (III в. до н.э. — II в. н.э.) и местной — одинцовской⁶².

Как уже было сказано, городища с замкнутыми линиями валов и рвов обнаружены в Зауралье. Иногда внутри них расположены цитадели. Второй ареал городов выявлен на средней Оби и связан с населением кулайской культуры⁶³. В конце II тыс. до н.э. — I тыс. н.э. и на средней Оби появились новые типы городищ с башнеобразными выступами, предвратными сооружениями и другими новыми элементами обороны⁶⁴.

Нельзя не отметить, что зародившееся в эпоху бронзы в Центральном Казахстане подпольное отопление жилищ, по-видимому, привилось. Оно нашло себе применение в таежном Приобье. Во всяком случае, средневековые жилища с подогревом пола, относящиеся к VI–IX вв., найдены на берегах средней Оби⁶⁵.

В долинах Верхнего и Среднего Енисея, где в VII–III вв. до н.э. существовали крупные культурные общности, называемые археологами уюкской и тагарской культурами, несомненно, существовали раннеклассовые самобытные государства⁶⁶. Эти сильные в военном отношении центры, развившиеся в степных котловинах, защищенных со всех сторон высокими горными хребтами, в ту эпоху, по-видимому, не особенно нуждались в огораживании своих городов и в создании мощных фортификационных опорных пунктов. Неогороженные города и храмовые центры известны здесь со II в. до н.э. и позже⁶⁷.

Что касается зимних жилищ того времени, то обитатели Саяно-Алтайского нагорья строили преимущественно деревянные рубленые дома. Они хоронили своих умерших также в бревенчатых срубах, устанавливаемых в ямы. Нельзя не отметить, что между бревнами погребальных камер пазы и стыки всегда промазывались глиной. Так делали обитатели пазырыкской культуры Горного Алтая, тагарцы и уюкцы, обитавшие в бассейне Енисея. Очевидно, в жилых избах такая промазка защищала жилище от зимних холодов и пронизывающих ветров.

Материалы ранней поры железного века при сравнении их с предшествующими данными века бронзового показывают, что градостроительная культура аборигенного населения Сибири продолжала развиваться. Городские центры, возникавшие на речных путях и караванных дорогах, впервые распространились по всей тасжной зоне вплоть до северной тундры.

⁶² Мокшильников В. А. Особенности социально-экономического развития и демографические процессы в Западной Сибири в железном веке // Некоторые проблемы сибирской археологии. М., 1988; Троицкая Т. Н., Молокин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области.

⁶³ Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. См. также: Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1 и 2. Томск, 1994.

⁶⁴ См.: Росляков С. Г. Типология и хронология городищ Новосибирского Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 106.

⁶⁵ См.: Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в V в. до н.э. — IX в. н.э. Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1985. С. 24.

⁶⁶ Кыласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 7–9.

⁶⁷ Кыласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. С. 45–61, 83–88, 97–107, 127–133, 163–177, 207–221; ср.: Мартынов А. И., Абсалямов М. Б. Тагарские поселения. Красноярск, 1988.

К сожалению, археологическая изученность некоторых областей необъятной Сибири явно недостаточна. Городища многих районов еще не выявлены. Белые пятна на археологических картах не позволяют восстановить подлинную картину древней городской жизни Северной Азии в эту интереснейшую для историков эпоху.

6. «Страна городов» и письменные источники

При изучении памятников монументальной архитектуры бронзового и раннего железного веков древней Сибири нельзя не обратить внимание на последовательно расположенные первогорода ташковской и петровско-синташтинской культур XVIII–XVI вв. до н.э. Условно названная исследователями «Страной городов»⁶⁸, территория, протянувшаяся вдоль сибирского восточного склона Уральского хребта на 400 км с севера на юг и на 150 км с запада на восток, в основном занимает междуречье рек Урала и Тобола с Иртышом, текущих в разные стороны, — к югу и к северу. Если довериться всем имеющимся на сегодняшний день археологическим данным, то можно предположить, что именно здесь родился, жил и действовал создатель и пророк одной из древнейших мировых религий — Зороастр (Заратуштра).

Исследователи зороастризма считают установленным, «что в действительности он жил в азиатских степях к востоку от Волги», среди «протоиранцев Северного Казахстана» и «был священнослужителем»⁶⁹. Очевидно, истоки зороастризма, так же как и верования индоариев, восходят к началу II тыс. до н.э., т.е. ко времени существования сибирских первогородов.

Сами же эти приуральские первогорода оставили по себе длительную историческую память. Об этом нельзя не сказать здесь хотя бы вкратце.

В период правления халифа ал-Васика (842–847) разрушенные древние города видел в Западной Сибири (вероятно, в Южном Зауралье) путешествовавший по ней араб Саллам ат-Тарджуман. Он сообщает, что шел на север от столицы хазар (очевидно, от г. Итиля в дельте Волги) 26 дней. «Затем, — пишет он, — мы пришли к городам, лежавшим в развалинах, и шли по этим местам (с караваном. — Л.К.) еще 20 дней. Мы спросили о причине такого состояния городов, и нас оповестили, что это города, в которые когда-то проникли *йаджудж* и *маджудж* и разрушили их»⁷⁰.

Территорию с остатками монументальных сооружений глинобитных городов (других по маршруту Саллама не было), названную современными археологами «Страной городов», дотошные арабские купцы и лазутчики, ездившие по следам Тарджумана по Сибири в IX–XIV вв., узнали хорошо и называли ее «Билад ал-Хараб» — «Опустошенная земля». Эту самую землю с далеко видными остатками возвышавшихся над ровной степью древних городов описали в своих книгах не только знаменитый географ Ибн Хордадбех, но и Ибн Русте, ал-Мукаддаси,

⁶⁸ *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995. С. 54.

⁶⁹ *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., 1994. С. 5–13.

⁷⁰ *Кызыласов Л.Р.* Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. С. 26.

ал-Гарнати, Закарийа ал-Казвини, Ибн ал-Варди, Йакут, ал-Нувайри и др. По данным ал-Идриси (XII в.), «Билад ал-Хараб» со следами разрушенных городов находилась в его время к западу от области кыпчаков (т.е. от Ишима и Тобола). То же повторил и Ибн Халдун в XIV в. В русских летописях XVI в. встречено: «Земля Балд — леса на ней нет»⁷¹.

Таким образом, исследуемая современными археологами древняя «Страна городов» была открыта и описана арабскими путешественниками уже одиннадцать веков назад, но подробности о ней мы узнаем только теперь благодаря труду большого коллектива ученых России⁷².

⁷¹ Там же. С. 30; ср.: *Ибн Хордадбеж*. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 130; *Титов А.* Сибирь в XVII веке // Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 5 (араб. *баллад* — «город, область»).

⁷² *Кыласов Л. Р.* Первогорода древней Сибири. С. 96–129.

ГОРОДА ГУННОВ

«Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих „варваров“ и на историю духовно-культурных заимствований мешают наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива...» Эти слова написаны Г.Н. Потаниным в конце XIX в.¹ За прошедшее столетие качественного изменения в подходах исследователей к этому предмету, увы, так и не последовало. И сегодня укоренившиеся представления нередко мешают правильно оценить совокупность имеющихся фактов, а иногда и вовсе не позволяют заметить само существование данных, не отвечающих традиционному восприятию. По-прежнему исследователи оказываются психологически неподготовленными ни к разысканию, ни к анализу тех явлений, которые остались невостребованными предшествующим развитием науки. «Наше арийское высокомерие» распространилось на среду ученых-сибиряков едва ли не в более извращенной форме, чем во времена Г.Н. Потанина².

Между тем фактов, противоречащих господствующей доктрине об извечности так называемой «кочевой стихии», якобы присущей природе аборигенного населения древней и средневековой Сибири и Центральной Азии, становится известно все больше. Новые переводы разноязычных письменных источников и раскопки разновременных археологических памятников приносят неоспоримые свидетельства значительности развития оседлой экономики, становления самобытной городской культуры. Ниже мы приводим данные о городах гуннов, народа, культура которого во все времена приводилась в пример как культура чистых кочевников.

1. Города центральноазиатских гуннов

Одно из наиболее ранних известных письменных свидетельств, касающихся населения территории Южной Сибири и северо-западной части Центральной Азии, относится к концу III в. до н.э. В «Исторических записках» китайского историографа Сыма Цяня рассказывается о том, что вступивший в 209 г. до н.э. на престол державы центральноазиатских гуннов (сюнну) шаньюй Маодунь с успехом вел завоевательные походы, расширяя границы своего государства. На востоке оно вскоре уже граничило с Кореей, а на западе — достигло современного Синьцзяна. В источнике сказано: «При Маодуне сюнну не бывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали

¹ Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

² См., например: Худяков Ю.С. К вопросу о древних городах Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Археология и этнография. № 3. Новосибирск, 1994.

государство, равное по силе Срединному государству» (т.е. Китаю). Около 201 г. н.э. Маодунь «покорил на севере владения хуньюев, цюйшэ, динлинов, гэгуней и синьли, все знатные люди и сановники сюнну подчинились ему и стали считать шаньюя Маодуня мудрым»³.

К этому времени Маодунь завершил очередной поход на западных юэчжей и его войска, возвращаясь в родные пределы, продвигались по северной полосе Центральной Азии с запада на восток. Так как, по археологическим данным, гунны завоевали в это время чуждые для степняков горные районы Саяно-Алтайского нагорья, Северной Монголии и Западного Забайкалья, то перечисленные в «Исторических записках» захваченные владения можно отождествить с пятью большими историко-археологическими общностями, занимавшими в это время указанные области и выявленными археологами под условными названиями различных культур.

В этом случае под именем хуньюев, возможно, скрываются создатели пазырыкской культуры Горного Алтая (как ныне выяснилось — древние самодийцы), под именем динлинов — племена тагарской культуры, обитавшие от Кузнецкого Алатау на западе и до оз. Байкал на востоке. Под именем цюйшэ — создатели уюкской культуры, расселявшиеся в бассейнах Верхнего Енисея (Тува) и в котловине Больших озер (и, вполне вероятно, возглавлявшиеся сакской аристократией). Под именем гэгунь (кыргызы), быть может, скрываются тогдашние обитатели юго-восточной части Северо-Западной Монголии (южнее оз. Хирхис-Нур). Война шла и против синьли — народа, оставившего после себя культуру плиточных могил, занимавшую огромную область Восточной Монголии и Забайкалья.

Шаньюй Маодунь был воистину мудрым и, очевидно, поэтому таким удачливым. Его армии в кратчайший срок завоевали и подчинили себе огромную территорию, недра которой хранили неисчислимые богатства в виде разнообразных полезных ископаемых. И это в то время, когда исконные земли гуннов в равнинах Ордоса, в пустыне Гоби и полупустынных плоскогорьях Центральной Азии, где они обитали до завоеваний, лишены рудных залежей, что практически лишало их страну возможностей экономического развития⁴.

Во всех завоеванных северных странах обнаружены археологами не только отчетливые следы влияния культуры гуннов на местные народности, но и непосредственные остатки собственно гуннской материальной культуры. Последние свидетельствуют, что сразу же после захвата новых земель гуннские мастера приступили к разработке богатейших рудоносных горизонтов. Для обеспечения своих рудокопов привычной для них глиняной посудой гунны соорудили на Горном Алтае высокопроизводительные гончарные печи. Обломки этих сосудов найдены и возле их первых на чужой земле могил. Гуннские черепки обнаружены также в карьерах древних рудников по р. Каа-Хему в Туве⁵.

Как показали раскопки, Иволгинское городище и городок Дурёны на реках Селенге и Чикое являлись поселениями гуннских металлургов, литейщиков, кузне-

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л., 1950. С. 48, 50; Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. I. М., 1968. С. 39, 41.

⁴ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 10, 11.

⁵ Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986; Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979. С. 79-84.

цов и других мастеров, снабжавших свое государство необходимыми предметами вооружения, конского снаряжения, орудиями труда и быта⁶. Все эти открытия проясняют и те экономические причины, которые заставили гуннов совершить многотрудные военные операции по присоединению к своему государству богатейших регионов Саяно-Алтайского нагорья, Северной Монголии и Южного Забайкалья, населенных многоопытными аборигенными горноработчиками, металлургами и кузнецами. Мудрость шаньюя Маодуня и его советников состояла, очевидно, в том, что для борьбы с ханьским Китаем и другими внешними врагами гуннам нужны были не только спокойные северные тылы, но, прежде всего, постоянная горнорудная, металлургическая и ремесленная база для снабжения своих войск предметами вооружения и походного снаряжения.

Именно тогда в Центральной Азии было создано большинство гуннских ремесленно-хлебопашеских поселений, крепостей и городов⁷. В настоящее время известно свыше десяти квадратных гуннских городов, укрепленных глинобитными стенами, валами, рвами, палисадами, и свыше двадцати неукрепленных ремесленно-земледельческих поселений⁸. Гуннские городища найдены археологами и к югу от Гоби на территории Ордоса⁹. В поле зрения ученых появляется все больше материальных и письменных свидетельств о том, что гунны вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, развивая при этом горное дело, металлургию и другие ремесла.

Еще недавно, полагаясь на сознательно искажающий действительность штамп ранней китайской историографии о том, что варвары-гунны «в поисках воды и травы переходят с места на место, и хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства, и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли»¹⁰, многие ученые считали гуннов (сюнну) образцом «чистых» кочевников. Например, в обобщающей книге А.Н. Бернштама по истории гуннов ни слова не сказано о гуннских городах¹¹.

Однако новые археологические материалы и внимательное исследование тех же ханьских письменных источников показали, что не только гунны, но уже их предки строили укрепленные города. Есть, например, такое сообщение: «Ицзюйские жуны стали строить для защиты города, укрепленные внутренними и внешними стенами, но (царство) Цинь постепенно захватывало их. При Хуй-ване было взято двадцать пять ицзюйских городов»¹².

Письменные источники неоднократно сообщают о земледелии у гуннов. Это было известно еще по старым переводам ханьских хроник, опубликованным

⁶ Давыдова А.В. Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. М., 1956, т. XXV; она же. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // КСИА. 1978, вып. 154; она же. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.

⁷ Кыласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. С. 9–15.

⁸ Пэрлэз Х. К истории древних городов и поселений в Монголии // СА. 1957. № 3; Майдар Д. Три карты городов и поселений Монголии. Улан-Батор, 1970; Давыдова А.В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну.

⁹ Васильев К. Археологические исследования во Внутренней Монголии // ВДИ. 1959, № 3.

¹⁰ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 34.

¹¹ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

¹² Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 37.

Н.Я. Бичуриным в середине XIX в.¹³. В.С. Таскин, взявший на себя огромный труд нового перевода источников по истории гуннов, пришел к выводу, что «по свидетельству источников, наличие земледелия у сюнну бесспорно»¹⁴. По археологическим данным, гунны для пахоты применяли плуги с чугунными лемехами¹⁵.

Очевидно, что одна часть гуннского населения жила оседло, занимаясь строительством, горным делом, ремеслом, земледелием, пастушеским и придомным скотоводством молочного направления. Разводили главным образом крупный рогатый скот и свиней. В скотоводческом хозяйстве другой части гуннов преобладало табунное скотоводство, но уже интенсивного типа — с выведением не только ослов и верблюдов, но даже лошаков, мулов и пони¹⁶.

В 82 г. до н.э. советник молодого шаньюя Хуяньти, князь динлинов Вэй Люй, посоветовал шаньюю: «Выкопайте колодцы, постройте окруженные стенами города, воздвигните для хранения зерна башни и обороняйте города совместно с циньцами... было выкопано несколько сот колодцев и срублено несколько тысяч деревьев...»¹⁷.

Древней летней столицей гуннов был город Лунчэн («Город императора», т.е. шаньюя), а зимней — Дайлин. В «Исторических записках» сообщается: «В 5-й луне съезжаются на большое собрание в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество лошадей и домашнего скота»¹⁸. Из этого текста видно, что Лунчэн являлся не только имперской ставкой гуннов, но и их храмовым, религиозным центром, в то время как Дайлин исполнял экономическую функцию в гуннском государстве. Еще говорится о построенном гуннами государственном хранилище — городе Чжаосиньчэн у горы Тяньяньшань (южная оконечность Хангайского хребта). В этом укрепленном стенами городе-крепости находились центральные склады, в которых хранились общегуннские запасы зерна и, вероятно, другие ценности и товары.

В источниках сообщается не только о столичном городе Лунчэне, но и о том, что гуннские государи-шаньюи строили и в других местах храмы, молельни и даже дворцы-резиденции (рис. 15). В своих землях гунны выкапывали глубокие рвы — препятствия, сотни колодцев и жилые землянки для пограничных караулов¹⁹. Последнее сведение может быть истолковано так, что гунны на целом ряде ответственных рубежей поддерживали постоянную охрану государственных границ.

Известно также, что мятежный шаньюй Чжичжи соорудил большой дворец в квадратной крепости, которую он построил для себя в Семиречье. Описание этого города позволяет представить характер гуннского фортификационного искусства. Шаньюй «посылал народ на возведение городской стены, каждый день работало по 500 человек, которые закончили постройку в два года». И далее сказано:

¹³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений. Т. I. С. 76, 83, 106.

¹⁴ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 31; вып. 2. М., 1973.

¹⁵ Давыдова А.В., Шилов В.П. К вопросу о земледелии у гуннов // ВДИ. 1953, № 2.

¹⁶ Таскин В.С. Тюркские названия домашних животных в языке сюнну // КСИНА АН СССР, 1964, вып. 85; он же. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 4, 34.

¹⁷ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 23, 24.

¹⁸ Там же. Вып. 1. С. 40, 79, 81, 91, 165.

¹⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений. Т. I. С. 76, 78; Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 91, 165; вып. 2. С. 22, 23, 70, 73, 83, 112, 137.

Рис. 15

Глиняный налп у двери гуинского дома, изображающий духа-хранителя здания.
Маска европеоида. Монголия. По фото М. Габори

«Перед земляной стеной имелся двойной деревянный частокол...» В другом месте добавлено, что этот город был защищен «пятью рядами укреплений»²⁰ и «что на стенах города шаньюя вывешены пятицветные знамена и там находится несколько сот человек, одетых в латы. Кроме того, из города выехало более 100 всадников, которые скакали взад и вперед вдоль стены, и вышло более 100 пехотинцев, которые построились, подобно рыбьей чешуе у ворот, и упражнялись в применении оружия»²¹.

Когда в 36 г. до н.э. мощная китайская армия в 40 тысяч воинов, под руководством опытного полководца Чэнь Тана, окружила и начала осаду квадратной крепости, то понадобилось более суток для того, чтобы в непрерывном бою наконец-то сломить сопротивление осажденных. При этом было убито 1518 человек, включая самого шаньюя, членов его семьи и приближенных князей. «С оружием в руках было захвачено 145 человек и свыше 1000 сдались сами»²².

Таким образом, ставку шаньюя, его дворец и весь город защищало хорошо вооруженное армейское подразделение численностью около 3000 воинов, среди которых были как кавалеристы, так и пехотинцы. Причем пехотинцы были необычные — они умели строиться «подобно рыбьей чешуе», т.е., очевидно, в каре,

²⁰ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 126, 129, 131, 164.

²¹ Там же. С. 128.

²² Там же. С. 126–129.

оградившись щитами по сторонам и сверху. Такое пехотное построение латников перед битвой в то время применяло только одно войско — римские легионы²³.

Возможно ли, чтобы какой-то из римских легионов смог оказаться в I в. до н.э. столь далеко на востоке? В сущности, в самых глубинах Азии на р. Дулай (Талас) в центре Семиречья? Возможно ли было римлянам сражаться с армией еще более далекого от них Китая на стороне гуннской орды Чжичжи-шаньюя, которого в то время поддерживала, казалось бы, только армия местного государства Канг (Канцзюй китайских хроник)? Какие надежды мог возлагать могучий в то время Рим на разрозненных разбегавшихся центральноазиатских гуннов?

Некоторые ученые, анализирувавшие это краткое и единичное сообщение, тем не менее полагают, что текст позволяет установить единственный в истории случай прямого столкновения военных сил двух могущественных империй древности — ханьского Китая и Римского государства²⁴. Свели эти силы представители того необыкновенного народа, который прославился в раннем средневековье своими неудержимыми и стремительными завоеваниями огромных территорий, известными во всемирной истории как Великое переселение народов. Это были племена, которых в центре Азии называли сюнну (или хунну) и гуннами — в центре Европы. Это были предки тех знаменитых европейских гуннов, которые возглавили разрушение старой Римской империи и приняли на себя страшный удар объединенных народов Европы в битве на Каталаунских полях в 451 г.²⁵.

Загадочность гуннов-сюнну усугубляется тем, что они являлись последним остатком некогда крупного этнического массива, язык которого после гибели гуннов так и остался неизвестным для современной науки²⁶.

Из некоторых сообщений хроник можно заключить, что упомянутая выше гуннская столица город Лунчэн находилась на юге их земель, по-видимому в Ордосе, ограниченном излучиной Хуанхэ. Такой вывод можно сделать, например, из заявления южного шаньюя Туньхуэ в 88 г. н.э.: «Я уже приказал всем кочевьям готовить воинов и лошадей, чтобы в девятой луне во время жертвоприношений в Лунчэне все собрались на берегу Хуанхэ»²⁷. О том же говорит факт отступления на юг из Гоби китайского полководца Ли Лина «по старой дороге в Лунчэн»²⁸.

Но существовала еще одна столица — административный и политический центр северных гуннов, город Бэйтин. О нем упоминается в «Истории Поздней Ханьской династии»: «Указом разрешается южному шаньюю поселиться в Юньчжуне, отстоящем от Бэйтина на расстоянии 3000 ли». Или: «В 1-й год „Чжан-хэ“ сяньби вторглись в Цзоди (по-видимому, левобережные земли. — Л.К.), напали на северных сюнну и наголову их разгромили. В Бэйтине наступил хаос»²⁹. По

²³ Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами и Китаем во второй половине I века до нашей эры // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, экономики, философии, права. Вып. 2. А.-А., 1957.

²⁴ Дебс Гомер Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // ВДИ. 1946, № 2.

²⁵ Maenchen-Helfen O.J. The World of the Huns. Berkeley-Los Angeles-London, 1973.

²⁶ Dierfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1973, vol. XVII, № 1.

²⁷ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 83.

²⁸ Там же. С. 112.

²⁹ Кыласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. С. 13.

данным китайского историка Лян Юань-дуна, название «Бэйтин» (Северная ставка) образовалось от слияния слов «Бэй сюнну» (северные сюнну) и «Шань-юйтин» (ставка-дворец шаньюя). Из «Сюнну чжуань» видно, что название Шаньюйтин иногда заменялось на Лунтин (Ставка императора)³⁰. В эпоху расцвета гуннского государства шаньюя по положению приравнивали к императору Китая.

Память о гуннских городах и об их месторасположениях долго сохранялась среди населения Центральной Азии. Названия городов, в которых в древности обитали сюнну, позднее часто упоминались, например, в киданьских источниках династии Ляо. Когда император Тайцзу совершил первый поход на реку Орхон, то сообщалось, что им были взяты «уйгурский город (т.е. Ордубалык. — Л.К.) и город Шаньюйчэн»³¹. По «Таншу», там же в конце 40-х годов VII в. было учреждено «Шаньюево наместническое правление»³². В «Истории Ляо» есть такая фраза: «В первый год „Кай-тай“ (1012 г. — Л.К.) военачальник племени шиле Алиди убил своего цзедуши и бежал на запад в город Волудо, который в древности носил название „Лунтин шаньюйчэн“. Вскоре выразило непокорность племя цзубу. Они окружили Ту-юя в Кэдуньчэне. Натиск был очень сильный. Ту-юй приказал всему войску стрелять и отогнал их. Расквартировался — в Волудо». Судя по этой записи, Волудо в XI в. находился на месте столицы северных гуннов — «Шаньюева города Лунтина» (он же Бэйтин), вблизи киданьского города Хэдуньчэна. В «Истории Ляо» говорится: «Хэдуньчэн — собственно уйгурский город Хотунь (т.е. Хатунбалык — резиденция супруги уйгурского кагана. — Л.К.), ошибочно названный Хэдуном»³³. Хатунбалык располагался в 15 км к югу от столицы, ставки уйгурских каганов — города Ордубалыка в верховьях р. Орхон, при впадении в него левого притока речки Балыклык (букв.: Рыбная). На месте его кидани позже построили Хэдуньчэн, а керейты и затем монголы — Каракорум (кит. Хэлиньчэн).

Исходя из этих данных, город Бэйтин (иначе Лунтин или Шаньюйчэн) также находился в долине Орхона. Следовательно, гунны были первыми хозяевами Центральной Азии, избравшими для ставки своего государя и для своей столицы долину реки, ставшей затем широко известной в истории народов Центральной Азии. Ханьские источники отмечают к северу от Гоби такие принадлежащие гуннам города, как Фаньфужень и «Укрепление Теу-Сяня»³⁴. Историк Фан Сюанлин, описавший период правления династии Цзинь (265–420) и вторжение войск сюнну в Китай, когда они в 316 г. взяли столичный город Чанъань, сообщал, что в ту пору сюнну «построили дворцы вместо своих войлочных шалашей». В.С. Таскин отмечает, что «сюнну стали строить, украшать и укреплять города, создавать столицы»³⁵.

Кроме того, в «Цзиньшу» («Хронике династии Цзинь») описан укрепленный город Гайцзян (Гуцзян) с указанием, что «город построен народом сюнну». В «Старой хронике династии Тан» («Цзю Таншу») прямо сказано: «Подлинное название

³⁰ Лян Юань-дун. Си Ляоши. Пекин, 1955. С. 20 (на кит. яз.).

³¹ Малайкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 85.

³² Бичурин Н.Я. Собрание сведений. Т. I. С. 264.

³³ Лян Юань-дун. Си Ляоши. С. 20.

³⁴ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 21, 136.

³⁵ Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. I. Сюнну. М., 1989. С. 26–27.

по-суннуски — город Гайцзян»³⁶. Следовательно, сам топоним, искаженный впоследствии китайцами в Гуцзян, имеет гуннское происхождение. Известно, что и поздние гунны не оставили свою традицию и строили во Внутренней Монголии города. Так, в конце IV в. гуннский вождь Хэлянь Бобо построил к северу от р. Шофан город Тунвань, который впоследствии получил название Сячжоу³⁷.

В средневековой китайской историографии никто из историков-хронистов не сомневался в том, что гунны были строителями. Даже в легенде о происхождении предков уйгуров, записанной в «Вэйшу» (VI в.), рассказано, что однажды гуннский шаньюй «на север от столицы (гуннов. — Л.К.) в необитаемом месте построил высокий терем», в котором поселил двух своих дочерей³⁸.

Приведенные выше данные убеждают в том, что именно гунны стали насаждать в Центральной Азии и в Южной Сибири городскую культуру.

2. Гуннские города и поселения в Западном Забайкалье

Города и населенные пункты гуннов, находившиеся в Сибири, безымянны. Археологи обычно присваивают им условные названия. В пределах сибирских областей бывшего мощного гуннского государства города и поселения лучше всего изучены в Западном Забайкалье. Возле городов расположены и гуннские кладбища. Завоевав новые земли в 201 г. до н.э., гунны поселились в богатых долинах р. Селенги и ее притоков, таких, как реки Джиды, Чикой, Хилок, Темник, Уда.

По данным А.П. Окладникова, какая-то часть бывшего здесь местного населения, относящегося к так называемой культуре плиточных могил, оказалась вытесненной гуннами в Прибайкалье и, вероятно, в более северные пределы³⁹. Оставшиеся аборигены являлись постоянной угрозой для завоевателей. Поэтому первые города гуннов хорошо укреплены. Это известное Иволгинское городище, а также руины Дэреустуйского замка (Баян Ундэр) на левом берегу р. Джиды, осмотренные нами в 1983 г.⁴⁰. Тогда же нами были осмотрены еще два неукрепленных гуннских поселения: найденное бурятскими археологами селище у деревни Енхор на высоком правом берегу р. Джиды и известное поселение у с. Дурёны, расположенное по левому берегу р. Чикой⁴¹ (рис. 17).

Иволгинское городище находится на левом берегу Селенги, ниже впадения в нее р. Иволга. Оно исследовалось в 1928–1929 г. Г.П. Сосновским, в 1949–1950 гг.

³⁶ *Малаякин А.Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 35, 138, примеч. 159.

³⁷ Там же. С. 67.

³⁸ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений. Т. I. С. 214.

³⁹ *Окладников А.П.* Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. Т. I. М.–Л., 1955. С. 193–196.

⁴⁰ *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новые материалы о происхождении культуры чаатас // АО-83. М., 1985. С. 220.

⁴¹ *Сосновский Г.П.* О поселении гуннской эпохи в долине Чикоя (Забайкалье) // КСИИМК. 1947, вып. 14; *Давыдова А.В., Миняев С.С.* Комплекс археологических памятников у села Дурёны. СПб., 2003.

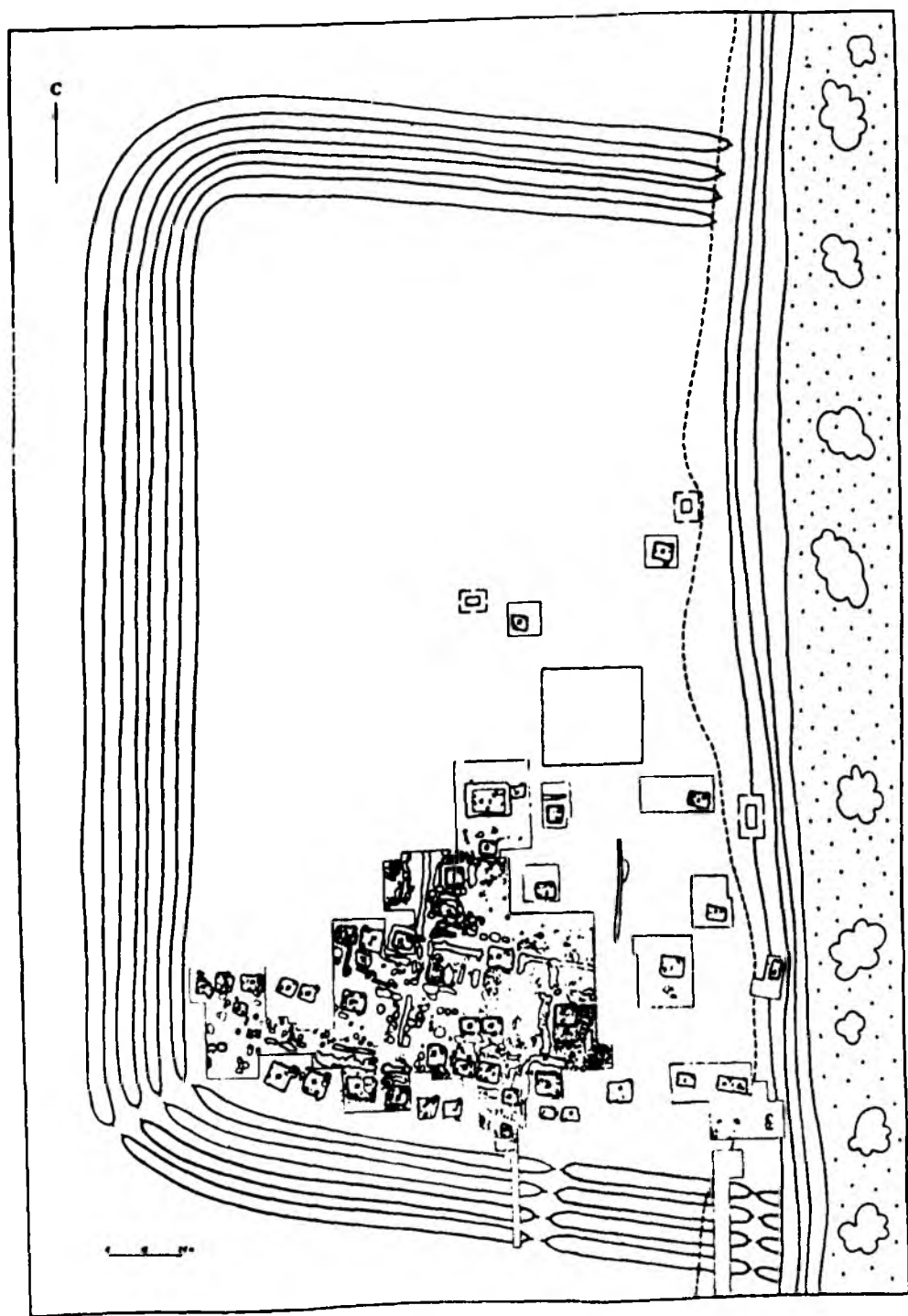

Рис. 16
Схема Иволгинского городища. По А. В. Давыдовой

В.П. Шиловым, а в 1955–1974 гг. А.В. Давыдовой⁴². Иволгинский гуннский город первоначально, очевидно, представлял собой подквадратную мощную крепость размером 340×340 м. Стены ее были ориентированы по сторонам света, и общая площадь города составляла около 11,5 га. Впоследствии своенравная Селенга, подмывая левую надпойменную террасу, уничтожила третью часть крепости и через какое-то время отступила, оставив после себя русло высохшей старицы⁴³. Исследователи городища описывают его остатки как укрепленный с трех сторон валами и рвами неправильный прямоугольник (размерами 348 м с севера на юг и 194–216 м с запада на восток), примыкающий с восточной стороны к старице реки (рис. 16). Однако это только сохранившаяся часть (около 7 га) бывшей площади городища. В наше время известно, что подквадратными были все хорошо сохранившиеся гуннские города, обнаруженные в соседней Монголии⁴⁴.

Стены квадратной крепости на р. Селенге состояли из четырех укрепленных линий, от которых сохранились валы и рвы. На опубликованном плане⁴⁵ (рис. 16) видно, что город имел двое въездных ворот, расположенных посредине южной стороны укрепления, а остатки валов с юго-востока определяют, что восточная часть крепости в древности была смыта рекой. С северной стороны линия размыва прошла посредине бывших здесь северных ворот прежней крепости. На плане обозначен еще один псевдоразрыв валов: прямо по сечению юго-западного угла квадрата. Но на местности мы увидели здесь остатки тележной дороги, которая уже в наше время размыла угол вала оборонительного сооружения. Поэтому этот разрыв случаен и не должен приниматься во внимание при обсуждении архитектуры укреплений гуннского города.

Данные археологических раскопок свидетельствуют о сложном построении оборонительных стен города. Каждая из них состояла из пяти линий препятствий для внешних врагов. Учитывая технику и строительные приемы, примененные гуннами при сооружении городов и усадеб в других местах Центральной Азии и в бассейне Енисея, укрепления Иволгинского города реконструируются следующим образом.

Первоначально были выкопаны по всему периметру подквадратной крепости три рва, отдаленных друг от друга на 3–4 м. Глубина рвов от 1,13 до 2,1 м, а ширина от 3,5 до 5,5 м. Затем перед рвами, с напольной стороны, были сооружены «галькобетонные» стенки. Они воздвигались путем заливки в деревянные опалубки слоев тонкоотмученной строительной глины с добавлением в ее тесто речной гальки и некоторой доли отмытого водою песка. Слой (с подсушкой) заливался на слой, и получалось сцементированное тело стены высотой 1,5–2 м. При этом, по наблюдению А.В. Давыдовой, «на вершинах валов» стояли деревянные заборы (высотой 1,6–1,8 м), а сами вершины «валов» были укреплены большими камнями⁴⁶.

⁴² Сосновский Г.П. Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. 1934, № 7–8; Давыдова А.В. Иволгинское городище; она же. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.

⁴³ Давыдова А.В. Иволгинское городище, рис. I.

⁴⁴ Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии; Шаякунов Э.В. Обследование гуннских городищ в Монголии // АО-72. М., 1973; ср.: Волков В.В., Ножгорова Э.А. Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция // ВИ. 1976, № 12.

⁴⁵ Давыдова А.В. Иволгинское городище, рис. I; она же. Иволгинский комплекс (городище и могильник), рис. II.

⁴⁶ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник). С. 12, 13.

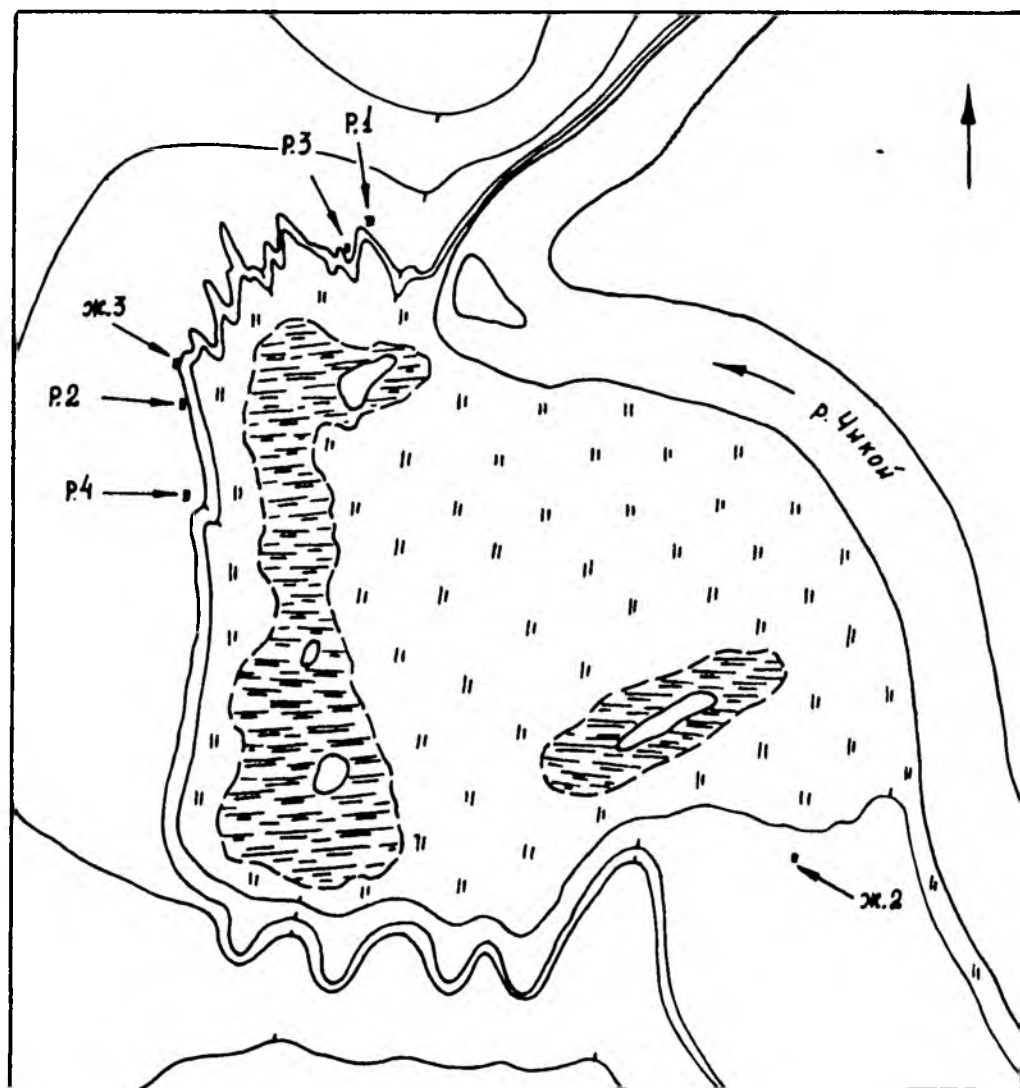

Рис. 17
Схема поселения Дурёны. По А.В. Давыдовой

Очевидно, что в «галькобетонные» стенки сверху были утоплены сплошные деревянные заборы, укрепленные по основанию рядами камней⁴⁷. Глубина рвов, расположенных между стен, достигала 4,5–5 м. Наконец, с внутренней стороны четвертой линии обнаружены остатки пятой, деревянной стены с опорой на врытые в ямы большие столбы (диаметром 25–26 см). Вероятно, описанная система

⁴⁷ Давыдова А. В. Иволгинское городище. С. 296, 297.

укрепления изнутри была прикрыта сплошным деревянным заплотом из толстых досок, концы которых были запущены в пазы массивных столбовых опор.

Такова сложная система оборонительных стен Иволгинской крепости, которая дополнялась, очевидно, мощными, запирающими въезды воротами из бревен. Все это типично для архитектуры собственно гуннских городов. Во всяком случае, близкую картину изображают древнекитайские хроники, когда описывают строительство гуннским шаньюем Чжичжи в конце I в. до н.э. четырехстенного города-крепости на территории завоеванного им Семиречья. Как говорилось, шаньюй «посылал народ на возведение городской стены, каждый день работало по 500 человек, которые закончили постройку в два года»⁴⁸. И далее: «Перед земляной стеной имелся двойной деревянный частокол...» В другом месте сказано, что этот город был защищен «пятью рядами укреплений», т.е. совершенно так же, как и Иволгинский город⁴⁹.

Следовательно, Иволгинский город — образец типовой архитектуры для оборонительных крепостей, строившихся во враждебной среде на завоеванных гуннами землях. По его устройству можно наглядно представить себе, какой была крепость Чжичжи-шаньюя, сооруженная в Семиречье две тысячи лет тому назад собственно гуннскими архитекторами.

Хотя в Иволгинском городе раскопана небольшая площадка лишь в юго-западном углу крепости вместе с частью привратного пространства вдоль южной стены⁵⁰ (рис. 16), все же была выявлена крестовая планировка жилых и производственных кварталов. Первоначально они были разбиты на квадраты, образованные сточными дренажными канавами, осушавшими улицы. С течением времени улицы кое-где были застроены новыми жилищами и в результате образовались тупики.

В целом же крестовая планировка внутренней части застройки города четко соотносится с направлениями внешних стен подквадратной крепости, что, в свою очередь, подчиняется общему архитектурному канону построения небольших квадратных средне- и центральноазиатских городов более поздней средневековой эпохи. Очевидно, что гуннские подквадратные города являются их предшественниками.

Пятирядность оборонительных стен, сооруженных с использованием особых «галькобетонных» и деревянных конструкций, отражает специфическую самобытность гуннской городской архитектуры, не имевшей себе в ту пору аналогов ни в евразийских степях, ни в ханьском Китае, за исключением квадратного плана, с крестовидной застройкой.

Обсуждая план Иволгинского города, отметим, что вопреки, казалось бы, очевидной линейности расположения жилых домов в направлении с востока на запад они на деле составляли жилые кварталы. Внутри кварталов просматриваются усадьбы из двух-трех жилых домов, которые, возможно, перестраивались с течением времени. Зафиксирована гибель некоторых из них от периодических пожаров.

На усадьбах обнаружены многочисленные хозяйственные сооружения: погреб, навесы, свинарники, места керамических и металлургических производств, зернохранилища, колодцы и т.п. Никаких обширных загонов для скота в черте города не обнаружено.

⁴⁸ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 126–129.

⁴⁹ Там же. С. 126–129, 131.

⁵⁰ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник), рис. II, III.

Основные жилые дома были подквадратными. Под них сначала закладывались квадратные котлованы от 3×3 до 7×7 м, глубиной от 0,6 до 1 м. Стенки и пол обмазывались глиняным раствором. Вокруг на бортах котлованов (очевидно, в опалубке) слой за слоем наращивались заливкой глинобитные стены, в которые были утоплены опорные столбы, несущие на стропилах всю каркасную конструкцию дома с двускатной крышей. Вход в жилище находился с южной стороны, близ юго-восточного угла, и представлял собой пристроенный снаружи коридор-дромос с покатым спуском⁵¹.

Два здания были наземными с сохранившимися глинобитными стенами (толщиной до 1,3–1,4 м), которые оплыли, образовав холмообразные возвышения.

Внутреннее устройство зимних, утепленных жилищ стандартно: против входа, в северо-восточном углу, располагалась печь из каменных плит, от которой вдоль северной и затем западной стенок над полом проходил канал-дымоход из плитняка, обогревающий дом зимой. В юго-западном углу подымалась вытяжная труба (диаметром 35 см), которую, вероятно, сооружали из расколотого вдоль и выдолбленного изнутри ствола селенгинского белого тополя. Выкапывались ямки-погребки и хранилища из врытых в пол сосудов. В двух случаях под полом в глиняных сосудах обнаружены захоронения грудных детей.

Кровля была многослойной, обмазанной глиной с прокладками из жердей, прутьев, бересты, соломы и золы. Лежанки-нары сооружались из досок на опорных столбах над вышеописанным обогревательным каналом. На поверхности обмазанного глиной пола встречаются обожженные пятна от жаровен, которые, по-видимому, дополнительно обогревали дома во время лютых морозов.

В центре города исследован холм, под которым обнаружен сыродутный горн для выплавки железа⁵². Здесь была мастерская металлурга с глинобитными стенами.

Особенностью Иволгинского гуннского города является то, что в 100 м к югу от него, на краю той же речной террасы, находятся остатки Малого городища, более чем наполовину смытого рекой в древности⁵³. Это первоначально также квадратное укрепление (145×145 м), площадью 2 га, обнесенное глинобитной стеной со рвом внутри. Последняя черта отличается той же особенностью, что и оборонительные линии Иволгинского города.

Малое городище свидетельствует о глубокой приверженности гуннских строителей к особому традиционному архитектурному канону в устройстве присущих для них монументальных сооружений⁵⁴. Ни культурного слоя, ни остатков каких-либо построек на Малом городище нет. Впрочем, деревянные постройки и их заборы могли исчезнуть со временем бесследно.

Судя по обнаружению в исследовательских шурфах нескольких костей домашних животных, здесь мог быть разделенный бревенчатыми перегородками охра-

⁵¹ Там же, рис. III. Реконструкции А.В. Давыдовой гуннских полуземлянок как примитивных построек, лишенных стен над котлованами (Иволгинское городище, табл. 52, 86), распространились в литературе (см., например: Историко-культурный атлас Бурятии. М., 2001. С. 116; *Дашибалов Б.Б.* На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ, 2005. Рис. 8), хотя они в корне неверны: уложенные прямо на борта котлованов стропила не позволяли бы пользоваться теплыми лежанками-канами.

⁵² *Давыдова А.В.* Иволгинское городище, рис. 7.

⁵³ Там же, рис. 1.

⁵⁴ *Проскурякова Т.С.* Пути формирования городов домонгольской Сибири // Архитектурное наследие. Т. 37. М., 1990. С. 44, 45.

няемый укрепленный загон для общего стада крупного и мелкого рогатого скота или лошадей.

В 440 м к северо-востоку от города находилось кладбище его жителей — так называемый Иволгинский могильник. На нем вскрыто 216 могил с остатками скелетов 244 человек⁵⁵.

Дэрестуйский замок (Баян Ундэр) находится примерно 20 км выше по реке от железнодорожной станции Джиды к юго-западу, в крутой излучине р. Джиды, в которой расположено и его кладбище, известное как Дэрестуйский могильник⁵⁶. В 30 км ниже излучины (называемой Дэрестуйским култуком) Джиды слева впадает в Селенгу. В 1,5 км к северу от замка расположен невысокий хребет, поперечный течению реки, за которым ниже, по левому берегу Джиды вытянут с юга на север Дэрестуйский могильник.

Так же как и Иволгинский город, Дэрестуйский замок имел правильный план и ориентирован сторонами по странам света. Крепость подквадратная (120×119 м), имеет внутри квадратную же цитадель (40×40 м). Ворота располагались с юга, т.е. со стороны реки. Внешние стены были глинобитными, от них сохранились оплывшие валы шириной около 6 м. Верх стен первоначально был укреплен сплошным каменным гребнем из острых обломков скалы — камни располагаются по основным осям всех валов. Очевидно, и здесь были первоначально деревянные заборы, укрепленные большими камнями. Южные ворота крепости имели ширину около 18 м. С юго-восточного угла в восточной стене находилась калитка. В 10 м к югу от ворот на городище стоит бугор (высотой до 1 м и размерами 10,5×10,5 м). Стены внутренней цитадели были обнесены рвом и отстояли от восточной стены на 26,5 м, от северной стены — на 24,5 м, от западной — на 22,5 м. В северо-восточном углу цитадели возвышается усеченно-пирамидальный подквадратный холм размером 15×15 м и высотой 1,5 м.

В 1983 г. разведывательной группой Хакасской экспедиции, при содействии Н.В. Именохова, на руинах Дэрестуйского замка собран подъемный материал: обломки прямоугольного красного обожженного кирпича (размером 12,5×7 см) и типично гуннских серых, круговых сосудов: вазообразных «бочек», боковин, украшенных наклепными валиками, и т.п. Находки были переданы в Отдел археологии Бурятского института общественных наук СО АН СССР, сотрудники которого ныне исследуют остатки Дэрестуйской крепости.

В 1988–1989 гг. раскопки на памятнике произвел бурятский археолог С.В. Данилов, который по имени урочища назвал памятник городищем Баян Ундэр⁵⁷. Были разрезаны поперечными траншеями восточный вал цитадели и восточный внеш-

⁵⁵ *Датыкжа А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб., 1996.

⁵⁶ *Сосновский Г.П.* Дэрестуйский могильник // ПИДО. 1935, № 7–8.

⁵⁷ *Данилов С.В.* Городище Баян Ундэр — новый памятник хунну в Забайкалье // Проблемы истории Бурятии. Улан-Удэ, 1993; *он же.* Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998; *Данилов С.В., Жаворонкина Т.В.* Городище Баян-Ундэр — новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. Сохраняю прежнее наименование памятника, поскольку оно отражает его связь с Дэрестуйским могильником (*Кыласга Л.Р.* Города гуннов // Татарская археология. Казань, 1998, № 2 (3). С. 47–64; *он же.* Города гуннов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 195–205).

ний вал городища. Раскопки подтвердили сделанные до этого наблюдения. Выяснилось, что первоначально на месте валов находились плотные стены из обычного для гуннов «глинобетона», полученные в результате послойной заливки тонкоотмученной глины с примесью дресвы и щебня в дощатой опалубке. По гребню стены первоначально были утоплены в глину рваные обломки скалы, которые в результате почти двухтысячелетнего разрушения и размыва стен атмосферными осадками осели и находились в переотложенном состоянии. Ров, окружавший внутреннюю цитадель, первоначально был шириной около 3,3 м и глубиной 1,6 м от основания стены. Ров под стеной имел почти отвесную стенку и, следовательно, значительно увеличивал общую высоту стен цитадели.

С.В. Даниловым было обнаружено, что изнутри к стене цитадели примыкала жилая «площадка» — пол в виде глинобитной платформы, на ровной поверхности которой лежали обломки каменных плиток, очевидно, оставшихся от обогревательных каналов. Основание одной из стен жилища было облицовано плитой, укрепленной на ребре, длиной 1,6×0,5 м. Собраны мелкие обломки гуннских сосудов.

Поселение Енхор находится на правом берегу Джиды, противоположном Дэрестуйскому замку, в 10 км к юго-западу от Дэрестуйского култука. Поселение расположено на высокой надпойменной террасе, возвышающейся на 35–40 м над поймой, в которой стоит деревня Енхор. В 350 м от деревни террасу прорезала дорога, ведущая в поселок Цаган-Усун.

Поселение было открыто в 1981 г. А.Д. Цыбиктаровым⁵⁸. Мощность его культурного слоя колеблется от 20–40 до 80 см. Вдоль края террасы поселение вытянуто на 350 м. В 1983 г., когда поселение посетили сотрудники Хакасской экспедиции, останец горы с селищем на вершине был обрезан бульдозерами. Посреди не площадки располагалась глубокая впадина, очевидно место жилища, углубленного в землю. На осыпях обрывов нами были подобраны многочисленные обломки черных гуннских сосудов с типичным редким вертикальным лощением; обломки каменной зернотерки, кусок железного сошника, часть плоского кольца из белого камня, обломки перламутра. Были встречены и каменные плитки, обычно используемые гуннами при сооружении в жилищах обогревательных лежанок с отопительными каналами.

В 500 м к востоку от селища, на возвышенности, бурятскими археологами обнаружен развеванный могильник с неглубокими древними захоронениями — может быть, кладбище бывших гуннских поселян. При нас в 1983 г. в одном месте замечены оголенные кости ног скелета молодого человека, лежавшего на спине, головой к северо-востоку.

Поселение у с. Дурёны расположено в 35 км к востоку от г. Кяхта, в излучине старицы по левому берегу Чикоя. Чикой, правый приток Селенги, близ этого места пересекает границу с Монголией и устремляется на север⁵⁹.

«Поселение находится на краю надпойменной террасы, образующей в плане как бы подкову, расположенную в излучине р. Чикой... Общая протяженность поселения составляет около 5 км. Во всех его частях зафиксированы значительные участки ненарушенного культурного слоя мощностью до 90 см (втрое боль-

⁵⁸ Цыбиктаров А.Д. Новые материалы по хунну Южного Забайкалья // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. Итоги и перспективы. Иркутск, 1986.

⁵⁹ Сосновский Г.П. О поселении гуннской эпохи.

ше, чем на Иволгинском городище)»⁶⁰ (рис. 17). Следует полагать, что основная часть площади этого поселения была смыта водами Чикоя за время образования его излучины. Не исключено, что в гуннское время в излучине размытого ныне левого берега этой реки располагался укрепленный город, остатки ремесленного посада которого принимаются ныне нами за особое поселение, странным образом вытянутое на 5 км по излучине современной старицы.

В разных местах поселения удалось раскопать много хозяйственных ям и около десятка жилищ, которые оказались точно такими же, как и описанные выше, заглубленные в землю дома иволгинских гуннов, с аналогичными Г-образными отопительными каналами-дымоходами. Обнаружены: кучки невостребованной руды, масса шлаков и другие отходы, связанные с производством железа, железных и бронзовых поделок. Если в Иволгинском городе найдено только два железных сошника, то в Дурёнах их собрано 21. Несмотря на относительно малую площадь, исследованную раскопками, материалы показывают, что Дурёны — это город, в котором основным населением были ремесленники, занимавшиеся отчасти земледелием. Экономический потенциал этого обширного по размерам ремесленного центра был, несомненно, очень высоким.

Поселение Дурёны II обнаружено А.В. Давыдовой и С.С. Миняевым в 1983 г. в с. Дурёны к северу от первого поселения, в следующей излучине левого берега Чикоя. Памятник отличается многослойностью (от эпохи бронзы до средневековья). Слои 5–7 по керамике относятся к гуннскому времени. Интересна впервые отмеченная в этих же горизонтах негуннская посуда⁶¹.

Таким образом, в Западном Забайкалье известно уже пять пунктов, в которых исследуются города и оседлые поселения гуннов. Полученные материалы, бесспорно, свидетельствуют о том, что часть собственно гуннского населения проживала в укрепленных городах или поселках, занимаясь преимущественно земледелием, но также и квалифицированным ремеслом. Укрепленные города были не только военными форпостами, но, вероятно, центрами духовной и религиозной жизни гуннского народа, хранилищами ценностей, продуктов ремесла и земледелия и, конечно, местами торжищ. На последние, очевидно, собирались лесные охотники, кочевники-скотоводы и иноземные купцы.

Для того чтобы раскрыть более полно страницы истории, связанные с пребыванием загадочного народа — гуннов (сюнну) на земле Забайкалья, следует не только детально исследовать известные памятники их оседлой культуры, но и разыскать новые, еще неизвестные.

3. О хронологии гуннских памятников

Надобно сохранять благодарную память об А.В. Давыдовой за многолетний труд по исследованию памятников оседлых гуннов в Забайкалье. К сожалению, растянувшееся на годы выяснение даты изучавшегося ею Иволгинского комплекса (городища и могильника) не способствовало развитию науки. Поэтому в 1953–1960 гг. автор этих строк, по известным в то время данным, сам установил, что Иволгинский комплекс и часть могил других могильников относятся

⁶⁰ Давыдова А.В. К вопросу о роли оседлых поселений.

⁶¹ Давыдова А.В., Миняев С.С. Комплекс археологических памятников у села Дурёны.

ко II–I вв. до н.э., а другая часть — к периоду I в. до н.э. — I в. н.э.⁶². Позднее, в сжатом виде, мною была опубликована периодизация памятников гуннской культуры, переживших два этапа. Датировка этапов осталась прежней⁶³.

Дату Иволгинского комплекса, предлагавшуюся мною еще в 1953 г. (II–I вв. до н.э.) и неоднократно обсуждавшуюся с А.В. Давыдовой при личных встречах еще в 1950-е годы, исследовательница полностью приняла лишь в 1985 г., подтвердив большинство аналогий гуннским предметам массовыми находками сходных изделий в памятниках выделенного мною в том же, 1953 г. на Енисее тагарско-таштыкского переходного этапа (II–I вв. до н.э.)⁶⁴, который М.П. Грязнов позже, по новым материалам, назвал тесинским.

Вместе с тем А.В. Давыдова посчитала, что предложенная мною давняя «классификация не отвечает ходу развития общества хунну», поскольку «все известные курганные могильники оказались на более позднем этапе» (по мнению исследовательницы, они были оставлены кочевниками), а памятники «оседлой части общества» — на раннем. Здесь же утверждалось, что «однотипный набор вещей характерен для всех без исключения памятников хунну» и посему общей их датой является период II–I вв. до н.э.⁶⁵.

Чтобы доказать столь далекое от истины утверждение, А.В. Давыдова публикует неполную цитату из печатного текста автора этих строк, исключив из раннего дзрестуйского этапа важнейший помещенный мною там памятник, а именно — Дзрестуйский могильник⁶⁶. Подобным образом выхолощенный текст и был подвергнут критике. Все это по меньшей мере странно... Странно также узнать, что специалисты по гуннской археологии не ведают, к примеру, что в кургане № 6 могильника Ноин-Ула найдена китайская лаковая чашечка, на дне которой написана дата ее изготовления — 2 г. до н.э. Следовательно, сам курган был сооружен не ранее I в. н.э.⁶⁷. Кроме того, сложно понять оппонентов (А.В. Давыдову и С.С. Миняева), а priori не допускающих возможного захоронения в одном могильнике погребений разновременных этапов. Не проделав типологической классификации инвентарей погребений, коллеги не заметили отличия типов погребальных сооружений и различия деталей совершенного в них погребального обряда. В результате, по мнению оппонентов, культура центральноазиатских гуннов за 300 лет прогрессировала столь незаметно, что результаты ее развития оказались неуловимыми даже для специалистов.

Между тем в бассейне Среднего Енисея, все памятники в той или иной степени связанные с гуннами, четко разделились на два этапа: ранний тагарско-таштыкский (тесинский), II–I вв. до н.э., и более поздний, изыхский этап таштыкской эпохи (I в. до н.э. — I в. н.э.). Именно эти же даты теперь подтверждены и для этапов развития культуры гуннов Забайкалья⁶⁸.

⁶² Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960. С. 85, 86, 126, 163 и 164.

⁶³ Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. К 70-летию А.П. Смирнова. М., 1969 (МИА, № 169). С. 118.

⁶⁴ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник). С. 46, 48, 49, 66, 67; она же. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. С. 25.

⁶⁵ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник). С. 36, 37.

⁶⁶ Ср.: Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов. С. 118, и Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник). С. 36.

⁶⁷ См.: Trever K. Excavations in Northern Mongolia. L., 1932. P. 48. Pl. 29, 2 и 30, 1.

⁶⁸ Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 224–246 и табл. 105–108; с. 254–260 и табл. 94–100.

Так закончилось утверждение нашей классификации, которая нами же была расширена еще в 1979 г.⁶⁹. При всем том бесспорно, что приток новых материалов поможет в будущем улучшить или уточнить любую классификацию.

Приведенный выше обзор письменных источников не оставляет сомнений в том, что археологи обнаружат и исследуют не только ранние, но и поздние гуннские города. В настоящее время, возможно, таковым окажется Дэрестуйский замок (Баян Ундэр), раскопки которого только начались.

Сопоставление известных ныне письменных и археологических источников убеждает нас в том, что геополитическое положение гуннского государства в Центральной Азии, между культурными центрами западного (Средняя Азия) и восточного (Китай) миров, сформировало как духовную, так и материальную культуру гуннов.

Академик Н.И. Конрад был совершенно прав, различая, наряду с китайским «историческим кругом земель», центральноазиатский очаг исторической активности народов, зародившийся в эпоху сложения гуннской державы. «Этому новому центру, — писал он, — предстояло сыграть роль звена, связующего восточноазиатский центр мировой истории со среднеазиатским»⁷⁰. К этому следует добавить, что, хотя гуннская материальная культура впитала в себя многие характерные элементы соседних с нею культур западного ареала (лук и стрелы, конская сбруя, бронзовые котлы, звериный стиль и т.п.), основа ее все же была заложена в дальневосточном культурном кругу. Это особенно наглядно отражено в архитектуре городов (*чэнов*), в жилых постройках с напольной системой отопления типа канов, в преобладании вазообразных сосудов, в формах сельскохозяйственного инвентаря (лемехи плугов, серпы, оковки лопат и пр.), бытовых предметов (нефрит, зонты, лак, палочки для еды, монеты, зеркала) и т.д. Кроме того, гунны (сюнну) пользовались иероглифической письменностью, которая являлась международной для всего дальневосточного круга культур. Именно гунны впервые унесли с собой эту письменность далеко на запад (подробнее речь об этом пойдет далее в разделе 2 главы 3).

⁶⁹ Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979. С. 82.

⁷⁰ Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 459–463.

ГОРОД И ДВОРЕЦ ГУННСКОГО НАМЕСТНИКА САЯНО-АЛТАЙСКОГО НАГОРЬЯ

В первой половине I в. до н.э. на р. Ташебе в Хакасии существовал городок, возникший, судя по всему, вокруг резиденции наместника гуннского шаньюя всего Саяно-Алтайского нагорья¹. Остатки дворца четыре полевых сезона (1940, 1941, 1945 и 1946 гг.) раскапывались тремя археологами-сибироведами: В.П. Левашевой, Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым. Раскопаны были два холма² (рис. 18). Результаты и их анализ изданы в 2001 г.³. В 1987 г. нами проведены дополнительные работы, доказавшие существование окружавшего усадьбу деревянного городка и его глинобитных крепостных стен (рис. 19).

Картина, установленная археологами на р. Ташебе, в целом вполне определена. Но сегодня постижение отдельных ее черт может быть углублено в результате продолжающейся сравнительной работы в области древней истории архитектуры и градостроительства. Эти исследования особенно интересны не только потому, что наука не знает и поныне иных гуннских дворцовых зданий. Ташебинский дворец оказался уникальной постройкой, воплотившей в строительной технике и в архитектурном облике гармоничное сочетание разнородных культурных традиций, сложившихся в зодчестве Восточной, Средней и Передней Азии⁴. По этой причине наши изыскания не могут ограничиваться лишь явлениями гуннской или китайской культуры, а по необходимости охватывают и материалы западноазиатских цивилизаций.

¹ В соседнем Китае в I тыс. до н.э. города формировались именно как опорные пункты политической власти. См.: *Крюков В.М., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 168 и сл.

² Третий холм был раскопан в 1946 г. и оказался раннетагарским погребением.

³ *Кызласов Л.Р.* Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001. См. также как краткие, так и обстоятельные публикации исследователей памятника: *Левашева В.П.* Связь древней Хакасии с Китаем // Советская Хакасия. Абакан, 12.12.1940; *Евтюхова Л.А., Левашева В.П.* Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. 1946, вып. 12. С. 72–84; *они же.* Ответ А.Н. Бернштаму // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. 3, № 6. С. 573, 574; *Евтюхова Л.А.* Древнекитайское здание на Енисее // ВДИ. 1946. № 1. С. 107–111; *она же.* Развалины дворца в «Земле Хягяс» // КСИИМК. 1947, вып. 21. С. 79–85; *она же.* Южная Сибирь в древности // По следам древних культур. От Волги до Тихого Океана. М., 1954. С. 202–206; *Киселев С.В.* Окончание раскопок древнего дворца у колхоза «Сила» // «Советская Хакасия. Абакан, 08.09.1946; *он же.* Из истории китайской черепицы // СА. 1959, № 3. С. 162, 163; *он же.* Древняя история Южной Сибири (МИА, № 9). М.–Л., 1949. С. 268–272; *он же.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 479–484.

⁴ *Кызласов Л.Р.* Гуннский дворец.

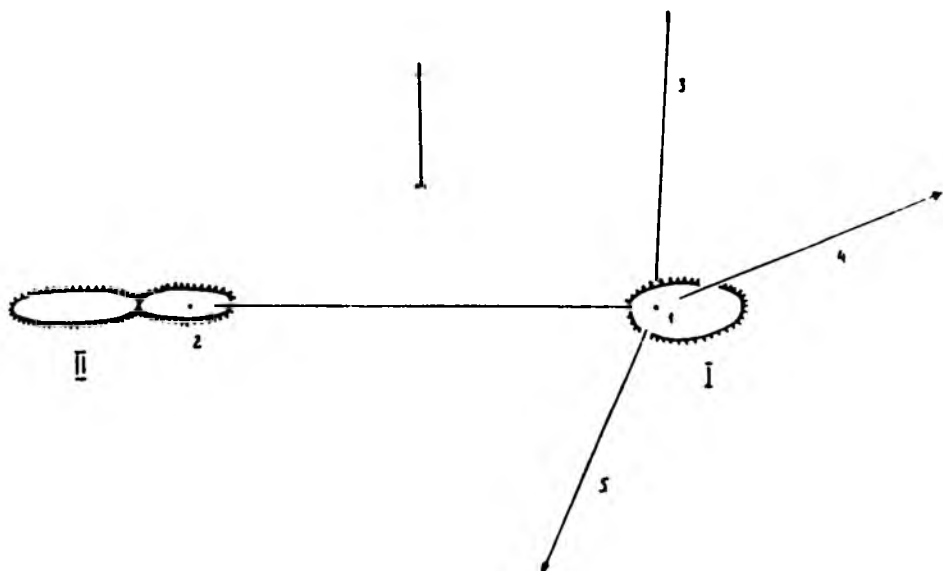

Рис. 18

Ташеба. Взаимное расположение руин здания (I — объект 1) и стен (II — объект 2) (по кроку 1946 г.): 1 — репер К 19, 2 — репер К5 (между 1 и 2 — 391,5 м, A° около 271°), 3–5 — направления на вершины гор (3 — Куня, 4 — Самохвал, 5 — Изых). Без масштаба

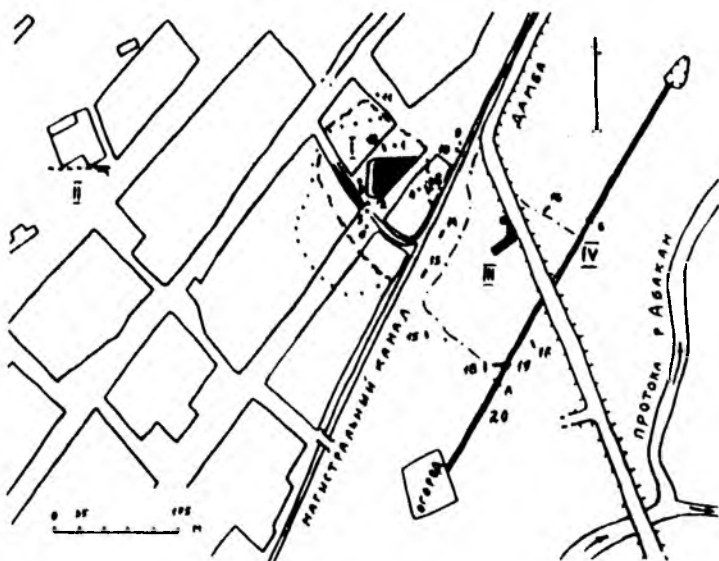

Рис. 19

Раскопанные участки Ташебинского города и его укреплений.

I — дворец (объект 1, 1940–1946 гг.), II — пахсовые стены (объект 2, 1946 г.), III — наземные жилища (раскоп III, 1987 г.), IV — пахсовая стена (1987 г.). 1–8 — шурфы 1940 г., 9–20 — шурфы и раскопы 1987 г., А, Б — разрезы стены 1987 г. (номенклатуру см.: Кызласов Л.Р. Гуниский дворец. Рис. 57). Предполагаемые границы: строительных остатков — по данным аэро съемки (точки), по опросным данным (волной); поселения — по аэро съемке и шурфовке (штрихпунктир). Застройка пос. Чапаево показана на 1987 г.

Первоначально на ровной площадке, расположенной посреди озерков, стариц и проток рек Абакана и Ташебы, было сооружено необыкновенное здание дворцового типа (объект 1) и с двух сторон начато сооружение глинобитных стен: на юго-востоке — внешней окружной (рис. 19, *IV*), несколько позже, очевидно, дополненной забором из вертикально установленных заостренных бревен, а с западной стороны — двух внутренних, возможно, разделявших городские кварталы (объект 2, рис. 18, *II*, 19, *II*, 20, *I*). Деревянные избы города были расположены внутри стен вокруг центральной усадьбы.

Руины дворца, вошедшие в северную часть современного поселка Чапаево, ныне уничтожены местной администрацией — участок, где они находились, и прилегающее пространство превращены в личную усадьбу. И до сего дня местные власти и значительная часть смешанного приезжего населения видят в древностях Хакасии лишь досадную помеху своему бытованию: в 90-х годах, несмотря на существование охранной документации, была застроена площадь примыкавшего к дворцу с востока и юго-востока тагарско-таштыкского и сменившего его раннеташтыкского поселения. Так нашими современниками было стерто с лица земли место, на котором стояла столица Хакасии в гуннский период ее древней истории.

1. Ташебинский городок

В 1940 г. В.П. Левашевой вокруг основного бугра, скрывавшего руины дворца (объект 1), было заложено восемь шурфов размерами 2×2 м, размещенных по осям, направленным по странам света (рис. 19, *I–8*). Шурфы 1, 3, 6 и 8 культурного слоя не выявили. Лишь к югу и востоку от дворцового здания распространялись связанные с ним остатки: встречены обломки черепицы и в ряде мест (шурфы 2, 5 и 7) — кости животных. К югу культурный слой был прослежен на протяжении 40 м (шурфы 2, 5 и 6), к востоку — на 30 м от раскапываемых участков.

Объект № 2 был расположен в 390 м западнее дворца и представлял собой узкий невысокий холм (рис. 18, *II*, 19, *II*)⁵. Шурфовка, проведенная близ него в 1941 г., выявила культурный слой с обломками черепицы. Раскопки холма проведены на площади 280 кв. м в июле 1946 г. мною, тогда студентом-практикантом Московского университета⁶ (рис. 20, *I*). Здесь выявлены две параллельные стены с разбросанными вокруг обломками широких желобов черепицы, такой же, как и у дворцового здания. Первоначально она, вероятно, составляла покрытие верха стен и калитки. На существование последних указывают найденные здесь куски облицовочных терракотовых плит с елочным узором, поскольку такие плиты принадлежали к архитектурному украшению фасадов. Важно, что на объекте 2 они также аналогичны декоративным элементам главного здания. Раскопанные стены имели продольную слоистость, т.е. они, как и здание дворца,

⁵ Изданный ранее белой чертой 1946 г. (*Кыласов Л.Р.* Гуннский дворец, рис. 2), на котором объект 2 показан к северу от объекта 1, как оказалось, ошибочен, он противоречит как тексту публикации (*Евтюхова Л.А.* Развалины дворца. С. 82), так и составленному в поле кроку (Архив ИА, ф. 12, д. 20) (рис. 18).

⁶ См.: *Евтюхова Л.А.* Развалины дворца. С. 79, примеч. 2.

были выложены из пахсы. Отметим и редкие куски гладкой посуды трех типов, по облику и тесту характерной для переходного тагарско-таштыкского этапа (II—I вв. до н.э.). Эти находки, безусловно, указывают на прямую связь и синхронность объектов 1 и 2.

На горизонте были также обнаружены: малая фаланга лошади с нарезанными знаками, несколько округлых речных галек с небрежными затесами (быть может, игрушки), обломки дробленых костей животных (в том числе обожженные кости барана), древесные угли и зола от небольшого костра (пятно диаметром 15 см). У южного конца стен найдены челюсти барана и коровы, зубы и обломок таза лошади, а также часть челюсти собаки и птичьи кости. Наконец, нами был поднят кусок бедра быка с эпифизной головкой.

Северная полуразрушенная стена объекта 2 (раскопанная на протяжении 26 м — рис. 20, 1) имела толщину 2 м и обрывалась через 75 м на западном конце в современном огороде. Ее восточный конец образовывал более высокую башнеобразную площадку, также, очевидно, не достроенную ввысь. К моменту раскопок высота ее от горизонта составляла около 1,5–1,8 м. Южная, параллельная, стена была тоньше (1,2–1,3 м) и короче (около 16,5 м). На восточном конце она сворачивала под прямым углом к югу. Расстояние между двумя стенами, идущими с востока на запад, было 2,7 м.

Вероятно, с калиткой, закрывавшей проход между оград, связаны подпрямоугольные выступы и выемы, прослеженные друг против друга близ угла в обеих стенах, направленных широтно. Подобный выем, сохранившийся и в южной стене, возможно, указывает на существование там второй подобной калитки. Внешнее оформление уличных ворот, судя по находкам на объекте 2, может быть, восходит к традициям ханьской архитектуры. Вместе с тем следует отметить, что ворота огражденных городских кварталов в Китае того времени не располагались у перекрестков.

Раскопки объекта 2 выявили, возможно, остатки юго-западной части перекрестка городских улиц, разделявших обнесенные глинобитными стенами западные жилые кварталы⁷. Суждение подтверждается рядом обстоятельств. Различная толщина северной и южной стен на объекте 2 допускает их принадлежность к разным постройкам. Вне квартальной застройки трудно представить себе стены такой длины, направленные снаружи к дворцовому зданию. Внешняя сторона северной стены объекта 2 фактически совпадает с линией заднего фасада дворца (выступая не более чем на один метр, а башенного выступа — на 2 м к северу), что, скорее, указывает на единство общей планировки городка, чем на размещение въезда. Следовательно, объект 2 в целом не может быть обводной стеною дворцового двора. При учете широтной рядности жилой застройки юго-западной части Ташебинского городка, выявленной в 1987 г. (раскоп III) и рассматриваемой далее (рис. 22), просвет между двойными стенами объекта 2 вполне может рассматриваться как часть подобно направленной огражденной улицы.

⁷ Первоначально предполагалось, что раскопаны остатки въездных ворот ограды самого дворца, защищаемых башней и двойной стеной входа (*Евдокимов Л.А.* Развалины дворца. С. 87; *Кызласов Л.Р.* Гуннский дворец. С. 117). В этом случае размеры получаемого дворового пространства были бы очень велики и вполне сопоставимы с самым грандиозным дворцом парфянской Хатры (I–III вв.), ограда которого (320–311×456–442 м) «могла вместить целый город» (*Воронина В.Л.* Архитектура Парфии // *Всеобщая история архитектуры* в 12 томах. Т. I. Л.–М., 1971. С. 320, рис. 27, 31).

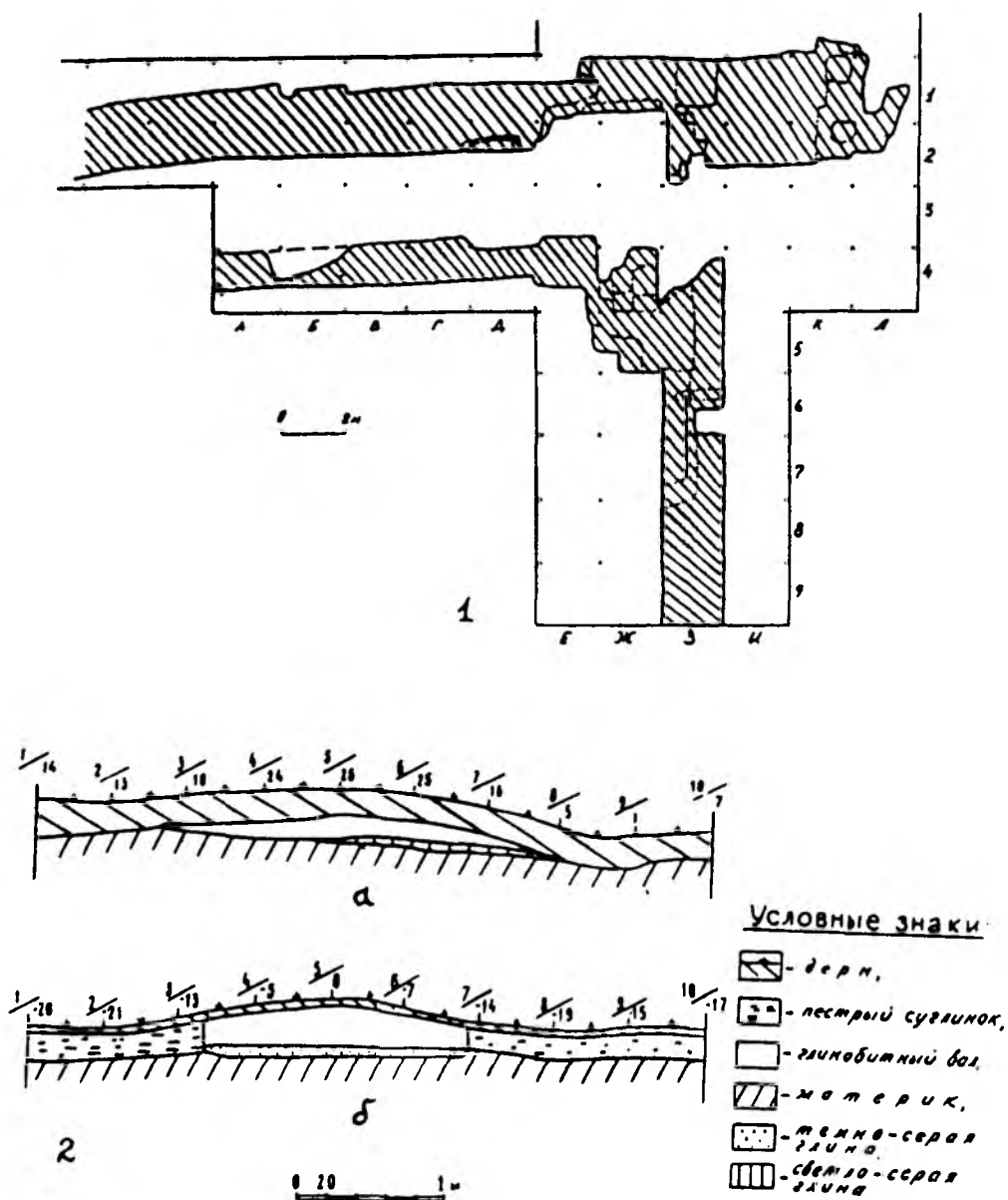

Рис. 20

Укрепления Ташебинского городка: 1 — план прохода между пахсовых стен (объект 2, 1946 г.); 2 — разрезы основания юго-восточной пахсовой оборонительной стены города (объект IV, 1987 г.) (юго-западная (а) и северо-восточная (б) части вала)

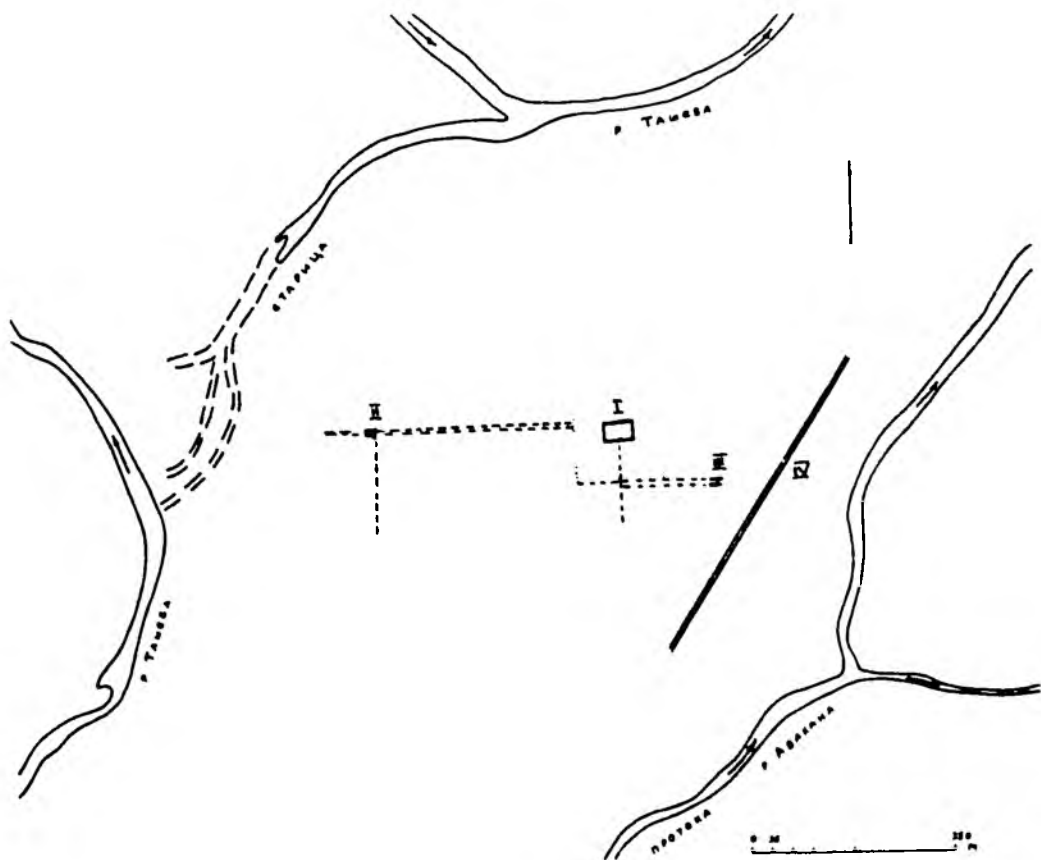

Рис. 21

Ташеба. Градообразующие элементы, установленные археологически

С учетом сказанного отходящий к югу отрезок стены объекта 2 указывает на существование правильно спланированных перпендикулярных улиц. Особенно важно, что он совпадает с южным направлением входа во дворец. Этим отмечается существование правильно ориентированных основных планировочных осей Ташебинского города, улицы которого тянулись с запада на восток и с юга на север (рис. 21).

Судя по расположению строительных остатков вокруг дворца, выявленному шурфовкой (рис. 19), главное здание располагалось внутри незастроенного двора. Широкий разброс фрагментов черепицы в этом случае можно объяснить не только развалом кровли самого дворца, но и разрушением крытых черепицей стен, ограждавших усадьбу. В соответствии с этим главное здание могло быть в центре двора, отступавшего от фасадов к северу и югу не более чем на 70 м, а с боков — метров по 50. Границы строительных остатков, полученные по аэро-съемке (рис. 19), допускают и смещение дворца от центра двора на треть к северу. Поскольку размеры самого здания с юга на север составляют 35, а с запада на

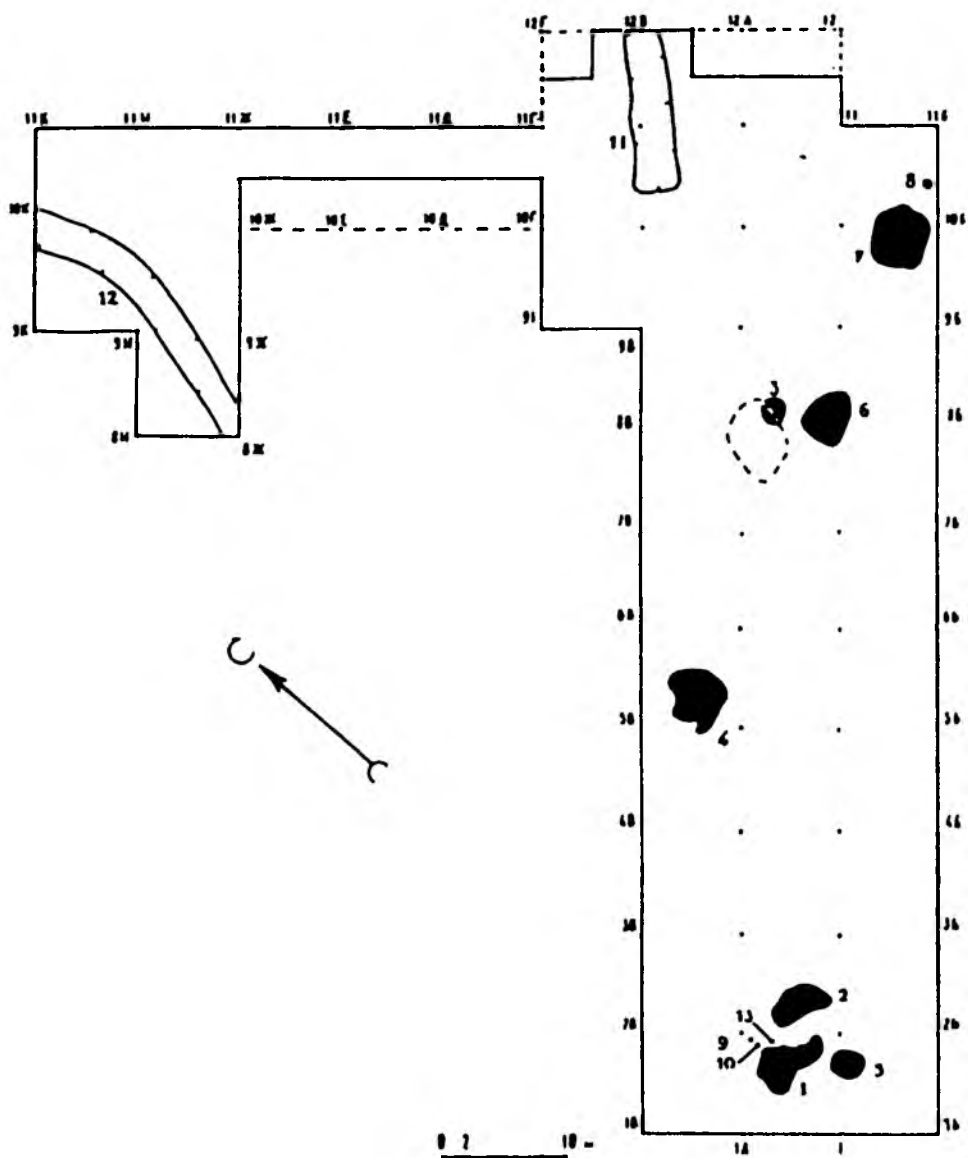

Рис. 22

План ямных подполий, оставшихся от деревянных домостроений улицы, параллельной Ташебинскому дворцу (1987 г.)

восток — 45 м, очевидно, что предполагаемая площадь дворцового комплекса не превышала 175×145 м, т.е. была не более 25 375 кв. м — около 2,5 га.

Центральная ось торжественного ансамбля соответствовала направлению входа во дворец, т.е. проходила с юга на север. В этом она сравнима с дворцовыми и монументальными погребальными ансамблями древнего Китая. Подобное

построение отличало уже комплекс Эфангун (212–207 гг. до н.э.) в Сяньяне — столице империи Цинь. Однако в ханьское время такое направление главной оси еще не было обязательным, ему не следовали, например, два главных дворцовых ансамбля Чанъани⁸. Остается лишь догадываться, связан ли с существованием такой городской планировочной оси Ташебинский дворец. Однако направление его входа само по себе указывает на то, что площадь дворцового двора могла иметь собственную ограду с главными воротами на юге. На севере, за глухой задней стеною здания, и ограда могла быть сплошной или иметь лишь небольшую калитку. Остается также неизвестным, подходила ли к въездным воротам дворца широкая магистраль. Если бы гунны следовали древним градостроительным нормам Дальнего Востока⁹, она должна была быть шире поперечных улиц (ср. на объекте 2 башнеобразный выступ северной стены, отходящий на восток, и не вошедшую полностью в раскоп более широкую улицу, устремленную к югу, — рис. 20, 1).

Невозможно уверенно судить, занимал ли дворцовый комплекс геометрический центр столицы гуннского наместничества. Против этого, пожалуй, свидетельствуют два обстоятельства. Направленность парных стен объекта 2 указывает на застроенность участка в полукилометре от дворца и не дает оснований даже там проводить западную внешнюю границу поселения (рис. 21). Будь дворец центром квадратного плана (в целом присущего городам гуннов, см. выше главу 2), отодвинутая на такую же величину восточная граница городка по этой оси вплотную подошла бы к протоке Абакана. Значительно ближе ее ко дворцу проходит и выявленная в 1987 г. юго-восточная внешняя глинобитная стена города. Таким образом, вполне вероятно, что дворец располагался в восточной части столичного центра.

Отметим, что в рассматриваемое время правильная планировка городской площади была известна городам Китая, но даже в них она еще не отличалась последовательным симметризмом¹⁰. В ханьской Чанъани императорские дворцы располагались в разных частях города, в окружных и уездных городах административные здания чаще находились вплотную к одной из городских стен, южные и северные ворота могли сооружаться не на одной оси и, следовательно, не соединялись прямой магистралью. Хотя направление центральной улицы с юга на север отмечается уже для г. Ханьдан, столицы царства Чжао (V–III вв.

⁸ Глухарева О.Н. Архитектура стран Дальнего Востока // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. I. М., 1970. С. 424, 434, 435.

⁹ Ср. особенности планировки столичных городов Китая III–XVI вв.: Дубовский Е.С. Архитектура Китая XIII — сер. XVII вв. // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 9, рис. 52.

¹⁰ Прямоугольная форма городов, ориентированная сторонами по странам света, сложилась в Китае к началу VIII в. до н.э. (Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998. С. 89). Согласно источнику III в. до н.э., столица Восточного Чжоу (770–256 гг. до н.э.) — город Лои был квадратным (со стороной в 9 ли — около 2,25 км), с тремя воротами в каждой стене, 9 широтными и 9 меридиональными улицами (шириною в 9 осей колесниц — 23 м). В центре города стоял дворец правителя (Глухарева О.Н. Архитектура стран Дальнего Востока. С. 422, 435). В эпоху предшествующую и одновременную Ташебинскому дворцу правильный прямоугольный «Гипподамов план» квартальной застройки был (как у греков) присущ эллинистическим городам Западной Азии (Ворохина В.Л. Архитектура Парфин. С. 315, 318. Рис. 29; она же. Архитектура Афганистана // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. I. М., 1971. С. 366; Пугаченкова Г.А. Архитектура Средней Азии // Там же. С. 352, 353).

1

2

Рис. 23

Изображения стационарных наземных жилищ на Малой (1) и Большой (2) Боярских писаницах (детали композиций). II—I вв. до н.э. Хакасия.

По М.П. Грязнову и М.А. Дзвлет

до н.э.)¹¹, китаисты связывают введение центральной меридиональной оси городской планировки с размещением в ее середине дворца со строительством города Е — столицы царства Вэй (IV в.). Еще долго в общем плане китайского города господствовала улица, идущая через его середину с запада на восток и определявшая размещение лицевой стены запретной части¹².

Вероятно, не случайно южная сторона гуннского городка была обращена к р. Абакану. Интересно сравнить ориентацию и Ташебинского поселения, и его

¹¹ Глухарева О.Н. Архитектура стран Дальнего Востока. С. 423.

¹² Глухарева О.Н. Архитектура Китая III–VI вв. // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 9. М., 1971, рис. 1; Дубовский Е.С. Архитектура Китая XIII — сер. XVII вв. // Там же, рис. 52, 1, 2; Крюков В.М., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы. С. 168–170; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 116–120, рис. 2, 14, 15.

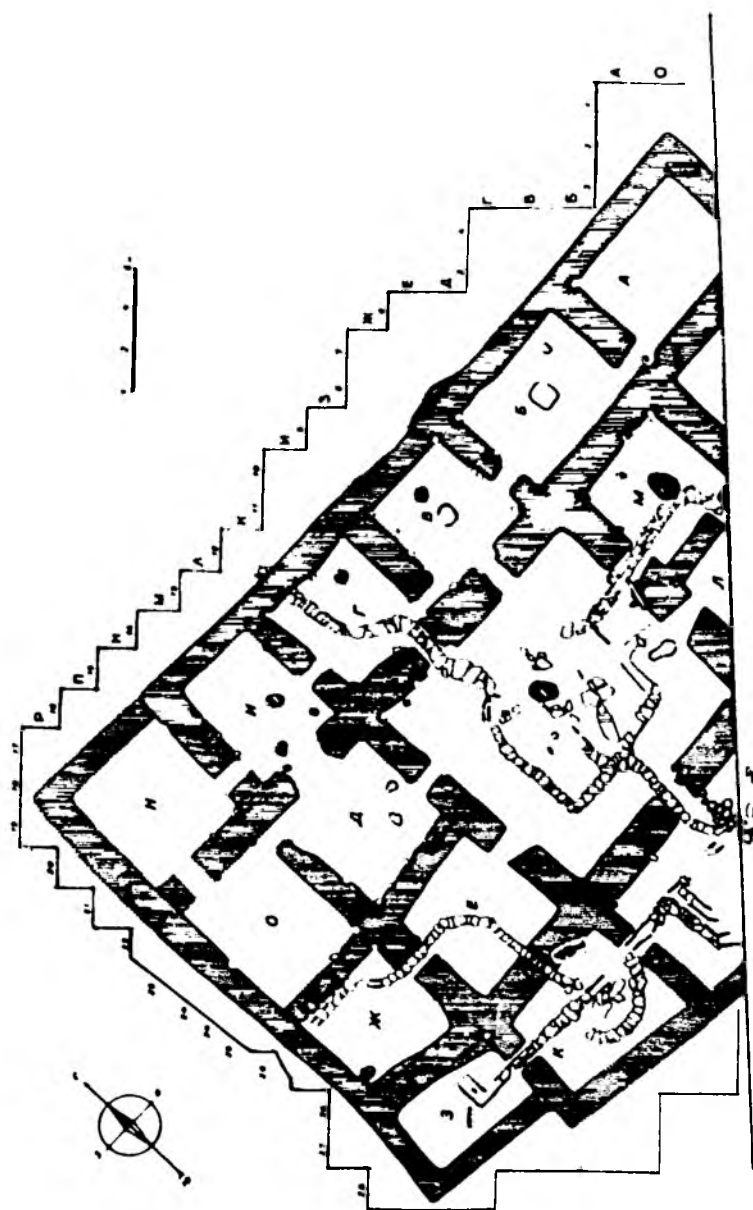

Рис. 24
Общий план Ташбинского двора. По Л.А. Евтюховой, 1946 г.

дворца с возобладавшей уже в ханьское время системой *фэн-шуй* («ветер-вода»), согласно которой впереди дома, города или погребения должна быть река, а позади — гора. Однако гор в этой хакасской долине нет, а городок поставлен между двумя реками Абакан и Ташеба (рис. 21). Что же касается также требуемого каноном учета направления ветров, то о первоначальном невнимании к этому, очевидно, свидетельствует последующий перенос вытяжной трубы отопительной системы дворца с западного его торца на северную сторону (рис. 24). На примере Ташебинского города можно, пожалуй, заключить, что в гуннском обществе китайские принципы *фэн-шуй* не получили распространения. Об этом же, вероятно, свидетельствует и размещение гуннского Иволгинского городища в Забайкалье к западу, а не к северу от Селенги¹³.

Правильно разбитую по сторонам света уличную сеть Ташебинского города подтвердили раскопки 1987 г., на раскопе III обнаружившие остатки широтно направленной улицы (рис. 22). Исследуя общую планировку города I в. до н.э., важно учесть, что тянувшиеся с запада на восток улицы были характерны и для застройки Иволгинского городища II—I вв. до н.э. Жилища этой крепости входами оказались обращены на юг, с юга же осуществлялся и основной въезд в нее, где было не менее двух ворот, в то время как на севере — одни (рис. 16). Весьма значима для нас и правильная квартальная застройка гуннского Иволгинского городища. Вдоль улиц усадебные участки отделялись здесь канавами, позволяющими поныне проследить планировку раскопанной части памятника. Судя по раскопанному участку, усадебная или квартальная планировка была здесь квадратной (со стороной 34–36 м), что отличало ее от прямоугольных китайских городских кварталов (*ли*) того времени, вытянутых с юга на север¹⁴. Судя по опубликованному плану городища Уцзичжэнь, размер ханьского квартала небольшого города был близок к 20×9 м¹⁵. В современном Китае размеры прямоугольных усадеб, составляющих городской квартал, бывают 23–25×25–27, 15×50–60 м, в южных районах достигая глубины в 60–80 м. Улицы жилых кварталов, направленные широтно, располагались через 50–60 м, а ширина их не превышала 4 м¹⁶.

Приведенная аналогия, пожалуй, убеждает нас в том, что ко времени создания Ташебинского городка правильная планировка квадратных, разделенных на квар-

¹³ Ср., впрочем, размещение столиц империй Цинь к северу, а Западной Хань к югу от Вэйхэ (Глухарева О. Н. Архитектура стран Дальнего Востока. С. 425, 430, рис. 4).

¹⁴ Подобная квартальная планировка, вероятно, удерживалась долго. Она характерна и для плана жилой части Лояна V в. (Глухарева О. Н. Архитектура Китая III–VI вв., рис. 1). В поздние периоды кварталы вытянуты широтно (Дубовский Е. С. Архитектура Китая XIII — сер. XVII в.; Лазарев Г. З. Архитектура Китая сер. XVII — сер. XIX вв. // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 9. Рис. 64; 102, 2). Классическая античность и эллинизм дают другие примеры (которые интересно сравнить с полученными для гуннской застройки размерами). В Милете, спланированном Гипподамом в V в. до н.э., пропорции кварталов были 7 : 6 и 7 : 4, в Приене (IV в. до н.э.) — 3 : 4 (35, 4×47, 2 м); в восточных эллинистических городах — уже 1 : 2 (Дура-Европос — 35,2×70,5 м; Антиохия, Бероя, Дамаск) (Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. М., 1984. С. 67, 82, 86. Рис. 69, 70, 87, 92).

¹⁵ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронюк М. В. Китайский этнос. Рис. 2. В столице Хань — Чанъани — кварталы-ли были во много раз крупнее. Квадратные кварталы примерно таких размеров сохранились в Чанъани VI–VII вв. (Глухарева О. Н. Архитектура Китая VI–X вв. // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 9. С. 349, 350. Рис. 13). Пенджикент в VII–VIII вв. знал домовладения по 740–2100 м² (Распопова В. И. Жилища Пенджикента. Л., 1990. С. 171).

¹⁶ Лазарев Г. З. Архитектура Китая сер. XVII — сер. XIX в. С. 426, 429. Рис. 92, 95.

талы городов стала внутренней особенностью градостроительной культуры гуннов. Если названные архитектурные черты и восходят здесь к китайской традиции возведения городов, то воздействие произошло задолго до появления на берегах Абакана пленного китайского полководца Ли Лина, с которым мы склонны связывать Ташебинский дворец и город.

Иволгинские материалы подкрепляют предлагаемую ныне трактовку объекта 2 не только общими планировочными, но и вполне конкретными данными. Парные канавки, ограничившие по бокам улицы этой гуннской крепости, позволяют установить их ширину. Промеренная в трех местах (рис. 16) — в западной части южной улицы и в конце улицы, отходящей от нее на север, — эта величина составляет по взаимонаправленным бортам канав всего 2–2,3 м, а по продольным осям — 3–3,8 м¹⁷. В ханьском городище близ Уцзичжэнь (пров. Хэбэй) ширина улиц, перпендикулярных главной, составляла 2,5 м¹⁸. Как видим, эти величины точно соответствуют ширине прохода между глинобитными стенами объекта 2 на р. Ташебе (рис. 20, 1).

Внешняя глинобитная стена города обнаружена Хакасской экспедицией МГУ и ИА АН СССР в 1987 г. Изученный отрезок вытянут по прямой с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Он сильно размыт, обвалован и сохранился на 584,56 м в длину (рис. 19, IV). Высота основания пахсовой стены над современным уровнем почвы составила всего 0,31 м — по-видимому, оборонительные рубежи не были достроены. Ширина стены — 3 м. С обеих ее сторон тянутся оплывшие узкие рвы. Ширина северного рва 1–1,2 м, южного — 0,8–1,2 м. Вся полоса препятствий, таким образом, занимала 3,7–4,4 м (рис. 20, 2).

Эта стена отделяла юго-восточную сторону города от разливов проток р. Абакана и имела в свое время оборонительный характер, которому мог способствовать шедший, как представляется, по ее верху деревянный палисад. Надо вспомнить, что город-крепость, построенный шаньюем Чжичжи за два года (38–36 гг. до н.э.) на р. Таласе, имел «двойной деревянный частокол» перед «земляной стеной»¹⁹. Как проходили другие линии обороны Ташебинского города, а следовательно, и его форму и размеры ныне уже установить невозможно из-за современных дамб и деревенских строений.

Застройка Ташебинского города. Жилища окружавшего дворец поселения не сохранились, поскольку в отличие от гуннских полуземлянок с лежанками-каннами, они были местными — наземными и деревянными. На раскопе III, заложенном в 1987 г., от каждого сруба осталась большая яма подполья (рис. 22). Между погребями залегал общий культурный слой с обломками глиняных сосудов, костей съеденных домашних животных — по преимуществу свиней и овец, и, меньше всего, коров и лошадей. Кости последних в основном представляют собою поделки и фаланги, использовавшиеся для игры.

¹⁷ *Данилова А. В.* Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. Рис. III (вкладка).

¹⁸ *Крюков М. В., Малинин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос. Рис. 2. Ширина улиц раннесредневекового Яр-Хото (Восточный Туркестан) составляла «5 6 аршин, а иногда и уже» (*Литвинский Б. А.* Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 2000. С. 141), т.е. не превышала 3,5–4,3 м. Приведем ширину второстепенных улиц античных городов «Гипподамова плана»: Милет — около 3,5 м, Приена — 3–4,4 м, Дура-Европос — до 8,45 м, Пергам — около 10 м; по римским трактатам II в. — 4 м, в Помпеях — 3–4 м (*Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. С. 68, 82, 86, 88, 98, 122).

¹⁹ *Токкин В. С.* Материалы по истории сюнну. Вып. 2. М., 1973. С. 129.

Характер заполнения ям, анализ керамики и ее орнаментов выявил, что культурная толща поселения двухслойна. Ранний порядок срубных жилищ оказался синхронным Ташебинскому дворцу. Относящаяся к нему глиняная посуда по всем признакам принадлежит к концу тагарско-таштыкского переходного этапа. То же подтверждают формы найденных нами предметов, прежде всего — костяные наконечники стрел.

Как показали раскопки и шурфовка, юго-восточные кварталы города занимали площадь около 3 га (210×140 м) (рис. 19). Возможно, постройки в них принадлежали к тому типу, что изображен на писаницах хребта Бояры, на левом берегу Енисея (рис. 23). Как Малая, так и Большая Боярская писаницы относятся к тому же тагарско-таштыкскому переходному периоду (II—I вв. до н.э.)²⁰, к которому принадлежит и рассматриваемое поселение.

Наиболее значимым представляется вновь установленный факт — деревянный город был выстроен по общему плану с резиденцией наместника края. Порядок жилых построек оказался вытянут по линии запад–восток и был параллелен передней (южной) стене дворца. Ясно, что так спланировать деревянный город на местности могли строители, которые или ориентировались на уже сооруженное в 100 м к северу дворцовое здание, или, что скорее всего, изначально выполняли единый проектный замысел, учитывающий совместное размещение резиденции наместника и жилого квартала. Так или иначе, но, заложив деревянный город, строители сознательно оставили перед дворцом свободную городскую площадь. Исходя из правильной планировки части, выявленной раскопом, можно предположить, что город состоял из прямоугольных кварталов, разделенных параллельными улицами и перпендикулярными к ним переулками.

В раскопе 1987 г. могут быть прослежены оси расположения двух рядов жилищ (рис. 22). Их разделяет 20 м. Следует отметить, что в уже привлекавшемся для сравнения Иволгинском городище (рис. 16) разделенные улицей жилища (объекты № 21, 22–19, 20; 41–42; 30–34 и др.) также отстоят друг от друга на 12 или 18 м, а размеры двух вошедших в раскоп квадратных усадеб, ограниченных уличными канавами, близки к 34–36×34–36 м (объекты № 76–205, 149–175, 256; 16–364, 76–398)²¹. Селенгинский и ташебинский памятники, вероятно, не дают основания выявить общегуннские градостроительные стандарты, но, проявляя в этом значительное сходство (напомним о совпадении ширины их улиц), позволяют предположить размеры разделенных улицами квартальных усадеб — около 40 м. Получив подобный предположительный модуль застройки, даже без точных подсчетов несложно заметить, что угол двойных стен объекта 2 (гипотетический перекресток огороженных городских кварталов) расположен в 10 таких единицах от дворца.

Вполне понятно, что на высказанной догадке о размерах кварталов-усадеб не приходится настаивать, однако она может быть рабочим ориентиром при будущих исследованиях городской планировки Ташебинского центра или иных подобных археологических памятников.

²⁰ Джалет М.А. Большая Боярская писаница. М., 1976. С. 9; Кызласов Л.Р. О городе гуннского наместника на р. Ташебе // Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. С. 19. Рис. 13; Кызласов И.Л. Пратюрские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. Москва–Самара, 2005. С. 25, 26, 42–47.

²¹ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс — памятник хунну. Рис. III (вкладка).

Так или иначе, но при определении общих размеров городской застройки на Ташебе только археологически выявленные элементы рассредоточены с запада (объект 2) на восток (раскоп III) на протяжении 665 м. Противлежащий объекту 2 участок стены IV удален на 882 м. Южный конец той же внешней стены и северный фасад дворца отделяет около 400 м (от входа — 350 м), а проекция этой стены на меридиональную городскую ось получит протяженность в 500 м и заступит за северную стену дворца на 105 м. То есть если первоначальная форма города гуннского наместника была квадратом или правильным прямоугольником (к чему склоняют обнаруженная регулярная планировка (рис. 21) и аналогичная конфигурация известных гуннских и китайских городов того времени), то стороны этой фигуры не были короче 600 или более 800 м.

Не приходится думать, что вся эта теоретически полученная площадь Ташебинского городка была заселена в действительности. Мы видели, что ни одна из обнаруженных стен не была достроена. Зная, что заранее спланированные города древнего Китая росли с периферии обнесенного стенами пространства внутрь²², допустимо думать, что сходным образом обживался и изучаемый гуннский городок. Вполне вероятно, что за отведенный ему историей срок он так и не успел застроиться полностью.

К тому же произведенные расчеты гладки только на бумаге. Особенности местного ландшафта не позволяют разместить вокруг дворцового здания квадрат города таких размеров — его юго-восточный угол переступил бы за протоку р. Абакана. Противоречит умозрительному проекту и направление юго-восточной внешней стены поселения. Эти затруднения побудили бы отказаться от предлагаемой реконструкции городской планировки, однако и им обнаруживается, быть может, не случайная аналогия в одновременных ханьских памятниках. Так, общий план Чанъани, бывшей столицей династии с 202 г. до н.э. по 8 г. н.э., в целом весьма схож с отмечаемым построением Ташебинского городка, включая и скос городской стены Чанъани на юго-востоке²³. Быть может, не случайно особенности рельефа и ландшафта избранного места, как и предполагаемая общая планировка наместничьей гуннской ставки, сопоставимы с особенностями императорской китайской столицы, хорошо знакомой бывшему ханьскому вельможе Ли Лину, для которого и был сооружен Ташебинский дворец и сам городок.

Так или иначе, следует полагать, что Ташебинский город имел правильную планировку своих частей, но не был в целом квадратным, а дворец в нем не занимал центрального места. Точно ориентированную по странам света застройку археология выявила только к юго-востоку от дворца и, предположительно, к западу от него. Усадьбы современного пос. Чапаево, расположенные вокруг бывшего дворца, скрыли под собой основную часть древнего города. В огородах жителям постоянно встречаются обломки старых горшков, шлаки, кости животных и угли. Ныне уже невозможно получить полного представления о планировке и заселенности города гуннской эпохи.

Необходимо оговорить и учитывать еще одну особенность городской застройки, установленную раскопками 1987 г. На вскрытой нами здесь небольшой площади совершенно отсутствовали как следы характерных для гуннов жилищ, так и

²² Ащепков Е.А. Архитектура Китая. Очерки. М., 1959. С. 72.

²³ Полагают, что стены сооружены в 195–188 гг. до н.э. (Глухарева О.Н. Архитектура стран Дальнего Востока. С. 430. Рис. 4).

остатки материальной культуры самих центральноазиатских гуннов. Несомненно, что юго-восточную часть городка в середине I в. до н.э. занимало местное южносибирское население, оставленные древности которого полностью соответствуют археологической характеристике тагарско-таштыкского переходного этапа.

Эта часть памятника имела и более поздний слой²⁴. Он остался от раннеташтыкского поселения, также состоявшего из деревянных срубных жилищ. Особенно важно, что, судя по раскопанной части, застройка продолжала сохранять уличную планировку, заложенную в гуннскую эпоху. Поселок, очевидно, сформировался после разрушения дворца, уже во второй половине I в. до н.э. Это видно по тому, что вокруг остатков домов в верхнем слое обнаружены обломки дворцовой черепицы (в том числе куски кругов с остатками иероглифических надписей). Черепицу люди таштыкской культуры, вероятно, приносили от уже заброшенных дворцовых руин. Этот факт, как и стратиграфия Ташебинского поселения, является важным подтверждением того, что дворец был обитаем только в предташтыкский период.

Очевидно, в таштыкскую эпоху деревянный городок заселяло уже освободившееся от гуннов население, продолжавшее местную домостроительную и поселенческую традицию. Оно, как показывают одновременные поселению впускные захоронения в дворцовом бугре²⁵, еще воспринимало его как памятное место. Административный же центр страны в это время, вероятно, переместился. Так, в 5–6 км ниже Ташебинского города, на левом берегу Абакана обнаружены следы другого раннеташтыкского поселения, ныне вошедшие в черту г. Абакана и оказавшиеся на современной Канской улице — остатки сожженных рубленых домов с необычно богатым рельефным декором внутренних помещений. Возможно, это и было новое столичное поселение²⁶.

2. Дворцовое здание

Среди фондовых материалов археологической науки России исключительную редкость составляют памятники монументальной архитектуры, относящиеся к древнему миру. Особенную значимость среди них имеют руины дворцовых зданий, открытые не в районах бывших приморских цивилизаций, а в континентальной азиатской части страны. В июне 1940 г., во время сооружения шоссе Абакан–Аскиз был срезан юго-восточный угол земляного холма. Из насыпи были извлечены обломки глиняных кровельных черепиц невиданного облика и прекрасной выделки. Так обнаружили руины дворца гуннской эпохи. Раскопки его начала тогда еще археолог Минусинского музея В.П. Левашева. Уже по результатам первых кратких работ она сумела верно определить время создания необычного здания, связать его с историей местных, центральноазиатских и дальне-

²⁴ Кызласовы И.Л. и Л.Р. Отчет о работах ХАЭ МГУ и Саяно-Алтайской экспедиции ИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 12 652, 12 653. В предварительном сообщении (Кызласов И.Л. Дворцовый комплекс на Ташебе // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Тезисы докладов. Красноярск, 1989) стратиграфия поселения не нашла еще должного отражения и установлена после камеральной обработки находок.

²⁵ Кызласов Л.Р. Гуннский дворец. С. 19–32.

²⁶ Там же. С. 154–158.

Рис. 25
Слоистость пахсовых стен дворца. Вид с северо-северо-запада

Рис. 26
Вид комнаты Б (с ямой), за проходом — комната В (с каменной плитой на полу).
Вид с востоко-юго-востока

восточных культур, а также соотнести с известными политическими событиями I в. до н.э. Все последующие изыскания в той или иной мере были связаны с конкретизацией, расширением и углублением положений, высказанных в ее краткой газетной публикации, полевом отчете и объяснительной записке к нему.

Здание имело прямоугольную, ориентированную по странам света форму (рис. 24). Возводилось оно опытными архитекторами и строителями, несомненно, по заранее созданному проекту или архитектурному макету. Основным материалом для строительства послужила глина: она использовалась не только для изготовления кровельной черепицы и декоративных фасадных плиток — глинобитными были стены и пол здания. Дерево пошло на опорные столбы, кровельные стропила и матицы, потолки, притолоки и двери ворот и комнат. Камень применялся для опор внутренних столбов и отопительных каналов здания, а также, как предполагалось, открытых очагов в комнатах Б и В, имевших вид крупных плит.

Стены были воздвигнуты на разровненной площадке, до того не имевшей культурных отложений. При сооружении стен, по-видимому, применены два строительных приема. При зачистке боковых поверхностей и на разрезах внутренних и внешних стен здания обнаружилось, что образующая их глина накладывалась равномерными горизонтальными слоями толщиной по 4–6 см. Каждый слой отличался цветом и консистенцией (рис. 25, 26). Изготавливались они близ стен и затем укладывались так, что толщина стен формировалась сразу единым пластом (пахса) (рис. 25, 26). Строгая вертикальность боковых поверхностей побуждает думать, что слои глины накладывались друг на друга по отвесу²⁷. Стены внутреннего квадрата центрального зала были отлиты из серого глинистого раствора с добавлением дресвы и камня (из своего рода глинобетона) без всяких прослоек. Очевидно, это было сделано в деревянной опалубке за один прием. Только после этого, вероятно, развернулось строительство остальных помещений здания. Стены здания вышли очень крепкими, при раскопках они едва поддавались разборке с помощью кайлы и лома.

Высота и толщина стен различна. Наиболее высокие (до 1,5 м) и толстые (до 2 м) образуют центральную часть здания (площадью 132 кв. м). В восточной части сооружения стены оказались срезанными до уровня 0,4 м. С севера стены достигали 1,05 м высоты и толщины до 1,5–1,7 м. Хуже всего сохранились западная стена и примыкающая к ней часть южной. Практически не уцелел и северо-западный внешний угол здания, его удалось проследить только по остаткам глины на грунте. Обычная толщина внутренних стен здания составила 1,4 м. Оконных проемов не обнаружено. Предположительно они располагались по фасадам на высоте, превышающей сохранившиеся участки стен. В пользу этого свидетельствуют встреченные за внешней северной стеной многочисленные объедки мясной пищи — вероятно, их выбрасывали на задний двор из окон северной анфилады комнат.

Материалы и техника строительства Ташебинского дворца важны для его точного культурно-исторического определения. С момента раскопок в литерату-

²⁷ Техника работы с пахсою описана историками архитектуры Средней Азии: *Воронина В.Л.* Архитектурные памятники древнего Пянджикента // Таджикская археологическая экспедиция. М.–Л., 1953 (МИА, № 37). С. 118; *она же.* Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии // КСИИМК. Вып. 28. 1949. С. 103–109.

ре господствует мнение о китайском происхождении архитектурных и строительных особенностей этого дома. Считалось даже, что он сооружен руками ханьских мастеров. Однако известно, что с эпохи бронзы (иньское время) строения в Китае возводились на стилобате: «...приподнятая глинобитная платформа становится обязательной деталью жилой постройки». Сами стены сооружались ханьцами не из глинобита, а из утрамбованной земли²⁸. Оба этих принципиально важных признака отличают Ташебинское здание от китайской архитектуры. Значит, стены дворца строили западные строители, ибо стоят они прямо на грунте, как это издревле практиковалось в Средней Азии, а сооружены, как и там, из пахсы. По наблюдениям над памятниками древнего Хорезма явствует, что применение глинобитной рядовой кладки не характерно для раннего железного века, пахса как раз распространяется в последние века до и в первые века нашей эры²⁹.

Если в европейском здании крыша традиционно лежит на стенах и опорах, то в Китае перекрытие обычно держит каркасно-столбовая конструкция с деревянным карнизом — *доу гун*. Крыша Ташебинского дворца лишена такого карниза, т.е. не могла быть «летучей» (как называют перекрытие с приподнятыми краями), поскольку стропила и матицы крыши опирались в основном на пахсовые стены. Эта особенность, не привлекавшая внимания исследователей³⁰, также конструктивно не имеет ничего общего со столбовой системой ханьских построек. Следовательно, и по этой конструктивной особенности можно понять, что здание строили не носители дальневосточной традиции.

Опорные деревянные стойки кое-где стояли вдоль стен или в углах комнат (рис. 27, 32). Они были предназначены держать переводины деревянных потолков да служить дверными косяками. Для предохранения от просадки нижние концы столбиков (обмотанные берестой от гниения) опускались в вырытые в материке ямки (глубиной 0,2–0,8 м), на дно которых укладывались каменные плитки (размерами от 16×14 до 40×30 см). Диаметры столбов 25–62 см. Укладывание плиток под столбы расценивалось исследователями как древняя китайская традиция, однако такой прием известен и как местная южносибирская строительная особенность, обычная для позднетагарских жилищ³¹, больших курганов переходного этапа, а затем и для центральных столбов таштыкских склепов³².

Как видим, и размещение, и технология возведения стен, и принцип крепления крыши — все эти инженерно-строительные особенности указывают, что здание на Ташебе строили не китайцы и не гунны, а некие пришедшие из Средней Азии мастера (вероятно, привлекавшие к делу и местных домостроителей). Не исключено, что эти строители были из числа людей, плененных гуннами в их западных походах на юэчжей-кушан в 211–168 гг. до н.э. и позднее.

²⁸ Ащепков Е.А. Архитектура Китая. Очерки. М., 1959; Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978. С. 259, 260.

²⁹ Воронина В.Л. Строительная техника древнего Хорезма // Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1952. С. 89, 92.

³⁰ Еятухова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 74.

³¹ Абсалимов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. Вып. 9. Кемерово, 1977. С. 39.

³² Кызылсая Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. С. 11, 12 (примеч. 1), 20, 22, 23, 26. Ср.: Ащепков Е.А. Архитектура Китая. С. 34.

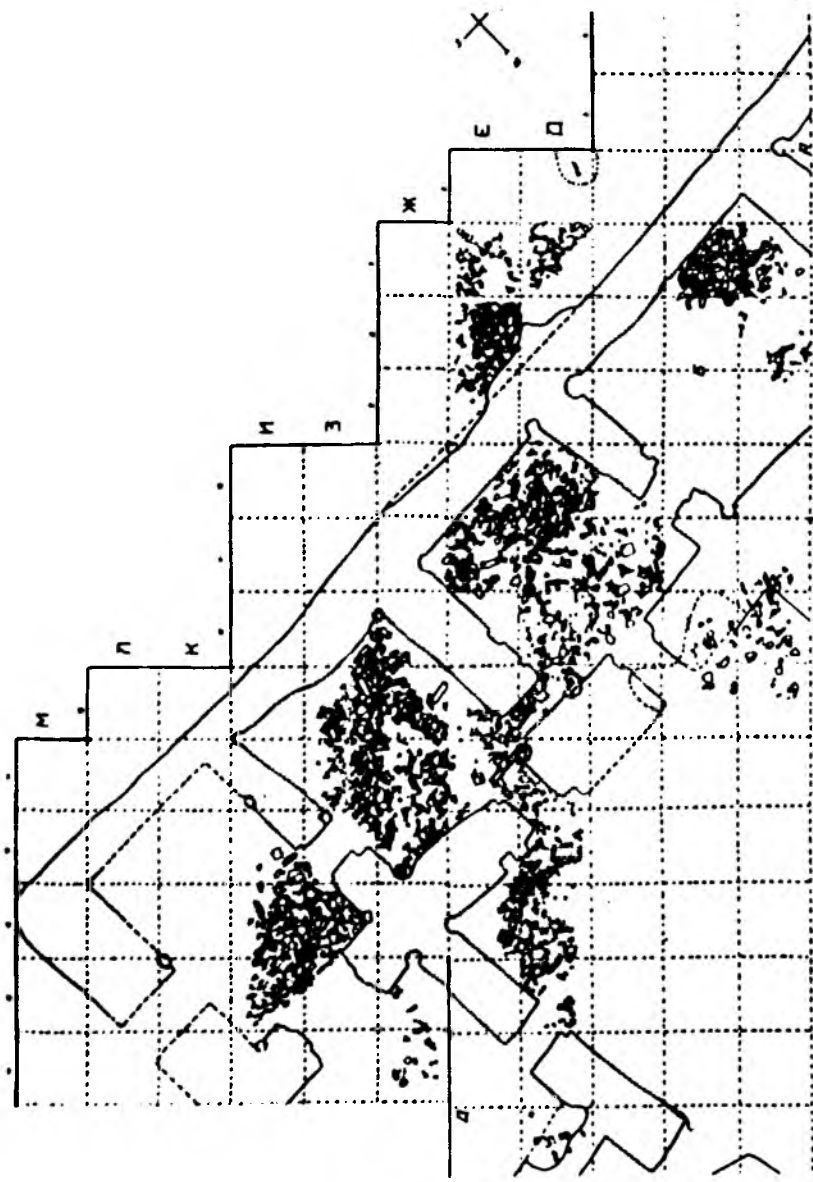

Рис. 27

Слой черепицы на полах комнат северной анфилады, в углах зала и снаружи здания

Кровля дворца была тяжелой, черепичной, в целом с древности характерной для всей Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Бирма, а также Китай, Корея, Приморье, Япония). Расположение обломков черепицы на раскопах двумя зонами (вокруг центрального зала и за внешними стенами здания — рис. 27) привело археологов к мысли о четырехскатной кровле и ее двухъярусном расположении. Подтверждения были найдены в изображениях древнекитайской архитектуры ханьского периода. Находки позволили определить и расположение черепицы на крыше. Однако ныне, проявляя сплетение в архитектурных особенностях Ташебинского дворца нескольких строительных и конструктивных традиций Восточной и Западной Азии, следует отметить, что расположение крыши в два яруса отличало не только ханьское, но и, гораздо ранее его, передневносточное зодчество. Такую систему выявляет, например, архитектурный макет из шумерского города-государства Мари, просуществовавшего до XVIII в. до н.э.³¹. Очевидно, что у жилых домов в Шумере сооружались две крыши: широкая, вокруг первого этажа, и вторая (малая) только над центральным залом, покрывавшая узкий верхний этаж.

Первоначально стропила Ташебинского здания были скреплены с помощью настильных брусьев, которые имели достаточную обрешетку. На нее снизу вверх рядами укладывались и крепились железными костылями (в оставленные до обжига круглые отверстия) широкие черепичные желоба выпуклостями вниз, с напуском верхнего ряда на нижний. Прослежены два размера желобов (58×40 и 57×42 см). Это обстоятельство свидетельствует, что в процессе их изготовления участвовали две бригады мастеров. Встречены также нецелые желоба величиною 60×40×2 см (рис. 28). Иного формата были длинные (62×18 см) полуцилиндрические черепицы, накрывавшие горбом вверх боковые стыки широких желобов (рис. 28). Каждый полуцилиндр имел с одного конца утонченную шейку, на которую накладывался конец следующей черепицы. Так формировалось сплошное водосточное покрытие крыши. Для накрывания гребня крыши при схождении скатов, вероятно, употреблялись более широкие полуцилиндры (62×25×1 см).

На краю крыши каждый ряд полуцилиндров заканчивался керамическим диском (диаметром 19,3 см). Он прикрывал нижнее отверстие ряда и торец деревянного бруса кровли (рис. 28). Такие диски по фасаду здания (по подсчетам, их было более 400) чередовались через 60 см и придавали черепичному скату законченность и ритмичность, подчеркивая переход к вертикальным плоскостям глинобитных, хорошо оштукатуренных стен. На всех глиняных дисках при формовке были оттиснуты иероглифические надписи (рис. 28). Деревянных штампов было несколько: надписи стандартны, но некоторые иероглифы вырезаны неодинаково — встречаются два эпиграфических типа. Различаются и размеры знаков. Значит, их писали и вырезали разные люди, грамотные по-китайски. Возможно, в этом принимал участие и сам заказчик — хозяин будущей резиденции.

Иероглифов десять. Акад. В.М. Алексеев еще в 1940 г. (и в начале 1941 г. повторно) прочел надпись следующим образом: *Тянь цзы вень суй чон // Цянь цу лэ вей ян* — «Сыну Неба (т.е. императору) 10 000 лет мира, а той, которой мы желаем

³¹ Parrot A. Mission archéologique de Mari. Vol. 1: Le Temple d'Ishtar. P., 1956. P. 296. Fig. VIII; Кыласов Л.Р. Гуниский дворец на Енисее. Рис. 31 36.

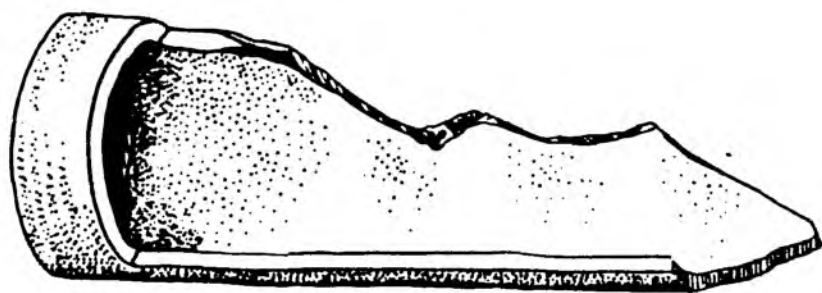

Рис. 28

Треть полуцилиндра, перекрывавшего продольные стыки желобов и керамический диск, завершающий его. Поле заполняют иероглифы

(т.е. императрице) 1000 осеней радости без горя»³⁴. По написанию иероглифов почтенный синолог отнес надпись к началу ханьской эпохи: II–I вв. до н.э.³⁵. Позднее М.В. Крюков дал иное прочтение надписи: «Сыну Неба тысячу осеней и десять тысяч лет вечной радости без горя». По его мнению, она «могла быть из-

³⁴ Каралькин П.И. Исследование китайского памятника // Советская Хакасия. Абакан, 06.05.1941; Евтюхова Л.А. Древнекитайское здание. С. 109. Рис. 3; она же. Развалины дворца. С. 83; Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 77; они же. Ответ А.Н. Бернштаму. С. 573; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 479.

³⁵ Алексеев В.М. Китайская классическая проза. М., 1958. С. 21, 22; ср.: Архив ИА РАН, ф. 12, д. 16, л. 5.

готовлена не раньше 9 г. и не позже 23 г.»³⁶. Но о несоответствии этой вновь предлагаемой даты исторической реальности нами будет сказано ниже.

Производство черепицы для многотонной крыши, очевидно, осуществлялось длительное время и, без всякого сомнения, на месте. Вся черепица сделана из хорошо отмученной серой глины, видимо, с примесью железистых илов. Вогнутые широкие желоба, можно думать, формировались на специальных бревенчатых матрицах. Узкие округлые выделялись на гончарном кругу (бывшем в обиходе у гуннов) ленточной техникой в виде труб. Они разрезались вдоль, после чего подвергались печному обжигу. Выпуклой стороне черепицы еще до обжига при помощи штампов и протирки придавалась шероховатость, чтобы избежать скольжения желобов друг по другу. Кроме того, на их внутренней стороне довольно часто выдавливались и процарапывались своеобразные узоры.

При всем китайском облике кровельной черепицы ее формовали не пришлые, а местные мастера. Свидетельством тому служат 27 меток, оставленных изготовителями на внутренней поверхности черепиц. Они прочерчены еще по сырой глине (рис. 29). С.В. Киселев, опубликовавший прорисовки четырех таких знаков, писал: «Большой интерес представляют знаки на черепицах, предвосхищающие орхонские»³⁷. Об этом же писали и другие исследователи Ташебинского дворца, отмечая, что знаки на черепице «вероятно, счетные... очень напоминают буквы орхонского алфавита... Наличие аналогичных знаков на черепице является новым веским аргументом в пользу участия в сложении орхонского алфавита знаков, бывших в употреблении на Енисее в более древнее время — около начала нашей эры»³⁸, «возможно, что эти знаки частично легли впоследствии в основу орхоно-енисейского алфавита»³⁹. С нашей точки зрения, изыскатели заблуждались, соотнося эти местные знаки с руническим алфавитом, позднее бытовавшим в Центральной Азии. Однако местная природа нанесенных на черепицу знаков сомнения не вызывает. Так, один из них (в виде плавно загнутого крючка) трижды повторен, вероятно, как элемент орнамента, на обломке сосуда, обнаруженного в поминальной яме кладбища тагарско-таштыкского переходного этапа близ дер. Калы⁴⁰. Больше всего черепичные метки похожи на таштыкские знаки, обнаруженные на бараньих лопатках и астрагалах, найденных в склепах⁴¹. Положение и назначение таких знаков остается загадочным. Нахождение их на черепице дворца, относящегося к первой половине I в. до н.э., и на предметах II–III вв. свидетельствует, что на Среднем Енисее длительное время существовала одна устойчивая система знаков. При всем том следует, очевидно, согласиться с мнением эпиграфиста-рунолога, что «не имеют отношения к письму и насечки на игральных

³⁶ Вайнштейн С.И., Крюков М.В. «Дворец Ли Лина» или конец одной легенды // СЭ. 1976, № 3. С. 145–146.

³⁷ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.–Л., 1949. С. 270. Табл. XLV, 1, 2, 4, 5 (2-е изд.: М., 1951. С. 480, табл. XLV, 1, 2, 4, 5).

³⁸ Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 76, 77.

³⁹ Евтюхова Л.А. Древнекитайское здание. С. 109.

⁴⁰ Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1988. Рис. 17, 12.

⁴¹ Евтюхова Л.А. Развалины дворца. С. 109, примеч. 1; Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха. Рис. 53, 4, 7, 9; он же. Руническая загадка из Хакасии // Studia Philologica. 90 лет Н.А. Баскакову. М., 1996. Рис. 2.

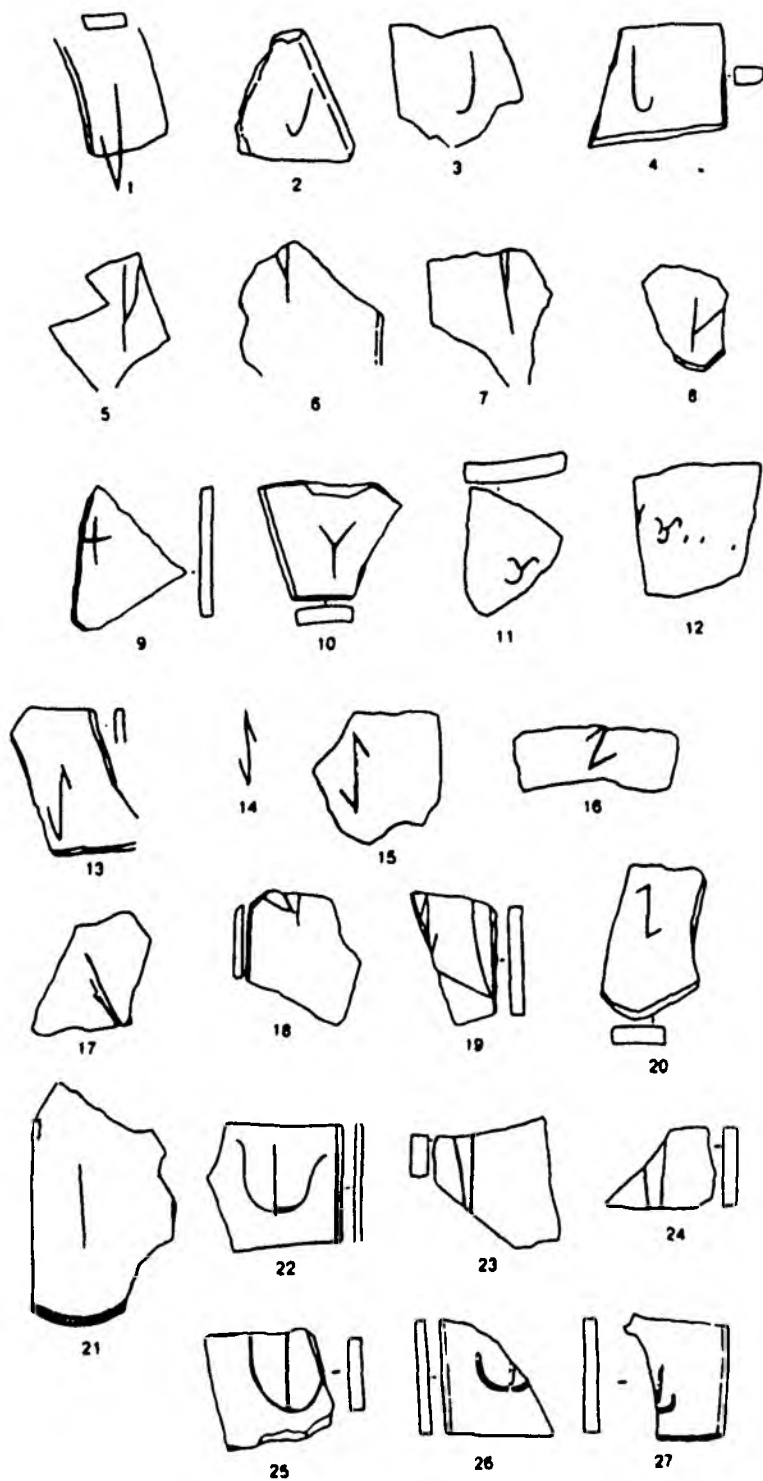

Рис. 29

Знаки мастеров, нанесенные на внутреннюю сторону черепицы

костях-альчиках таштыкской культуры I в. до н.э. — V в. н.э. или знаки, прочерченные по еще сырой гуннской черепице начала I в. до н.э.»⁴².

Сказанное не отменяет необходимости изучения этой знаковой системы. Ранее, в тагарское время, на предметах материальной культуры на Среднем Енисее тоже существовали свои системы знаков-меток мастеров-изготовителей. На бронзовых орудиях они отличались от изображенных на ташебинской черепице. Некоторые исследователи, прежде всего Ю.С. Гришин, изучавший технологию производства бронзовых тагарских орудий, полагают, что знаки на них на деле имеют орнаментальный характер⁴³. Есть сообщение о находке тагарского сосуда с четырьмя процарапанными знаками в придонной части⁴⁴. Очевидно, что не динлины (тагарцы) формовали черепицу дворца.

В пределах раннего железного века знаки на черепице имеют наибольшее сходство, до полного совпадения отдельных воспроизведений, с аналогичной системой знаков пазырыкской культуры Горного Алтая⁴⁵. В более раннее время — на сосудах эпохи энеолита и бронзового века — сходные знаки широко распространены в разных странах Старого Света. В Китае они известны на ранней керамике начиная с неолита. Но и там они «не являются иероглифическими знаками и никоим образом с ними не связаны. Наиболее древними являются не указательные, а изобразительные иероглифы»⁴⁶.

Из других строительных деталей отметим терракотовые декоративные плиты, которые, вероятно, судя по местам обнаружения, окаймляли дверные и оконные проемы, а также фриз здания (рис. 30). Этому оформлению были найдены убедительные соответствия в ханьской домово́й архитектуре⁴⁷. Облицовочные плиты дворца, покрытые одинаковым глубоким елочным узором, были прямоугольными и квадратными (24×24×2 см) и оттискивались двумя матрицами (по 24×12 см каждая). Примечательно, что плиты были использованы для украшения не только внешнего, но и внутреннего убранства дворца⁴⁸.

Черепичная кровля, форма черепицы и иероглифических знаков на фасадных дисках, ханьские аналогии декоративным терракотовым плиткам — все это привело исследователей к мысли о китайской принадлежности раскопанного ими здания, время сооружения которого, с привлечением прочих находок, было определено как эпоха «династии Хань, т.е. таштыкский период»⁴⁹. Ныне оба эти вывода должны быть уточнены.

⁴² Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998, № 1. С. 73.

⁴³ Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // МИА. 1960, № 90. С. 178, 179. Карта, прилож. III.

⁴⁴ Боксенко Н.А., Кузьмин Н.Ю., Курочкин Г.Н., Пажов П.Г., Савинов Д.Г. Работы Среднеенисейской экспедиции // АО-86. М., 1988. С. 221.

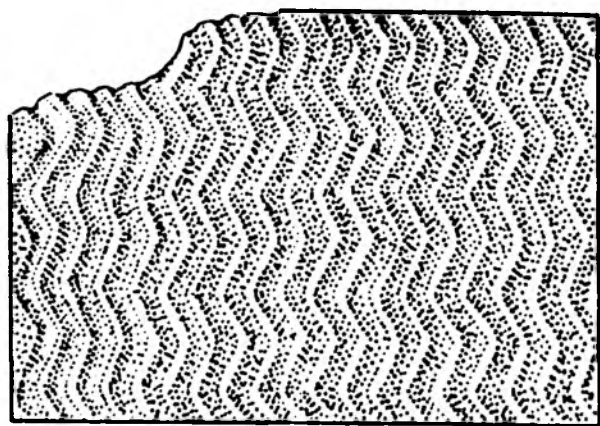
⁴⁵ Полторацкая В.Н. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // АСГЭ. 1962, № 5; она же. Граффити на некоторых вещах из алтайских курганов // СГЭ. 1962, т. XXII.

⁴⁶ Гао Мин. О насечках на керамике и об истоках китайской иероглифической письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. М., 1989. С. 299–333.

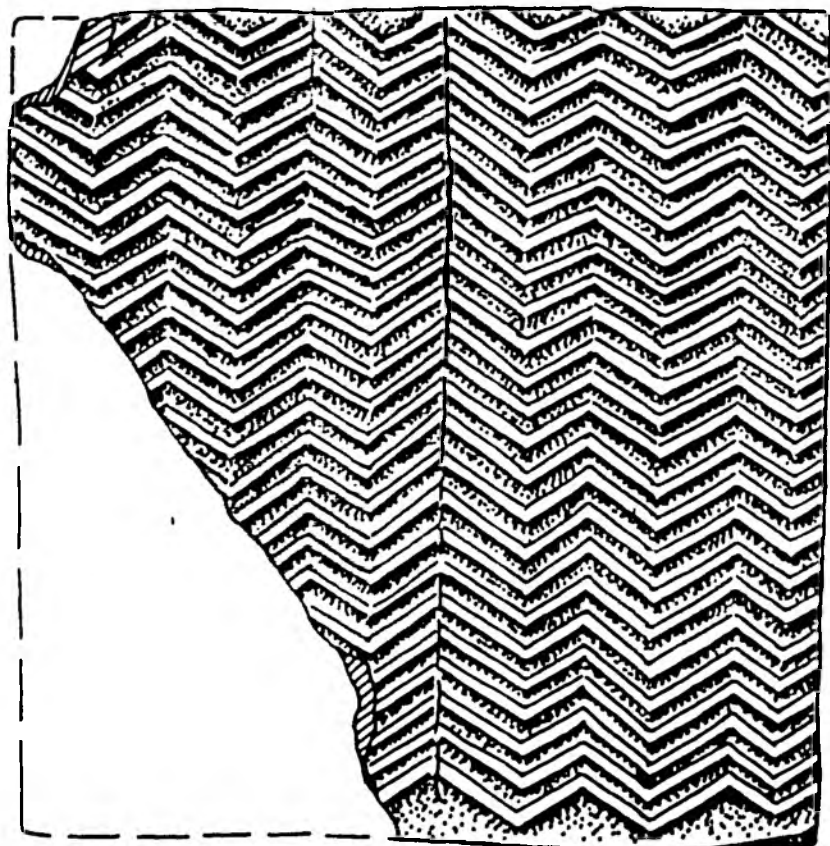
⁴⁷ Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 80; Евтюхова Л.А. Развалины дворца. С. 83; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.–Л., 1949. С. 270. Табл. XLV, 9, 12, XLVI, 4, 6 (2-е изд.: М., 1951. С. 480. Табл. XLV, 9, 12, XLVI, 4, 6).

⁴⁸ Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 80.

⁴⁹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 270 (1951. С. 482).

1

2

Рис. 30

Образцы декоративных терракотовых плит — окантовки внутренних дверей дворца:

1 — без масштаба, 2 — подготовлена для разделения на две плашки.

Хранится в Красноярском музее

Мы видели, что с выделением в истории Хакасско-Минусинской котловины тагарско-таштыкского переходного этапа⁵⁰ время и культурная принадлежность местных изделий должны быть отнесены к более раннему, доташтыкскому времени, на что указывает и стратиграфия объекта. Установлено также, что техника возведения Ташебинского дворца не может быть определена как китайская. Для ханьской архитектуры, насколько известно, было свойственно использовать фигурную плитку только для украшения фасада, а не интерьера зданий, как это сделано в центральном зале. Не упуская из внимания все эти специфические черты здания, обратимся к иным архитектурным особенностям этого уникального археологического объекта.

Система отопления Ташебинского дворца оказалась самым неожиданным открытием. Хорошо прослеженная, но лишь кратко описанная раскопщиками, она представлена на чертежах и общем плане дворца. Между тем эта важная, высокоэффективная, неизвестно откуда взявшаяся в условиях Сибири особенность здания заслуживает самого пристального внимания. Начиная с полевых работ 1941 г. и в экспедиционных документах, и в последующих публикациях исследователи называли ее *кан* и считали сугубо китайской. Однако вопреки этому мнению, такого рода отопления не знал ни древний Китай, ни центральноазиатские гунны⁵¹. Дальневосточные *каны* были напольной, а не подпольной, как здесь, системой отопления.

Под полом здания, на глубине от 30–35 до 60 см были прорыты каналы-дымоходы, по большей части прямоугольные в сечении (шириною 50–60 см) и плотно закрытые — обложенные по сторонам и сверху хорошо подогнанными каменными плитками (рис. 31). Боковые плитки подбирались и устанавливались так, чтобы их верхние ребра не имели выступов. В южной части здания стенки каналов расширялись наружу. В этих случаях высота жаровых продухов близка к 30–35 см. Глинобитный пол толщиной 20–25 см был уложен поверх этих каналов, однако местами плиты перекрытия располагались вровень с поверхностью. В дневнике 1941 г. отмечено, что в провалившихся частях каналов нередко обнаруживались обломки кровельной черепицы (всего 30 штук), падавшие туда при разрушении здания⁵².

Отопительная система, очевидно, создавалась уже после возведения стен здания⁵³. Не случайно каналы всюду проходят в дверные проемы. Следуя этой закономерности, они способны ныне указывать на расположение не обнаруженных при раскопках проходов (из комнаты К в комнату Е, рис. 24, 32) или на существование дверных проемов там, где стены здания вовсе не были прослежены (в раскопе I). Так, к югу от современного шоссе раскрыт жаровой канал, в плане составивший равнобедренный треугольник со сторонами в 3,6 м и основанием в 3 м, обращенным на запад-юго-запад (рис. 32, I). Вероятно, это была печь восточной ветви отопления. Хорошо сохранившийся прямой отвод идет от нее на север на протяжении 4–5 м. Учитывая ориентировку здания, можно полагать, что здесь

⁵⁰ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха (I в. до н.э. — V в. н.э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины. Автореф. канд. дис. М., 1953; *он же*. Таштыкская эпоха.

⁵¹ Кызласов Л.Р. Очерки по истории Южной Сибири и Центральной Азии. С. 47–49.

⁵² Архив ИА РАН, ф. 12, д. 16, л. 50.

⁵³ Евтюхова Л.А. Развалины дворца. С. 81.

Рис. 31
Расчищенный жаровой подпольный канал, накрытый каменными плитками (1945 г.).
По Л.А. Евтюховой

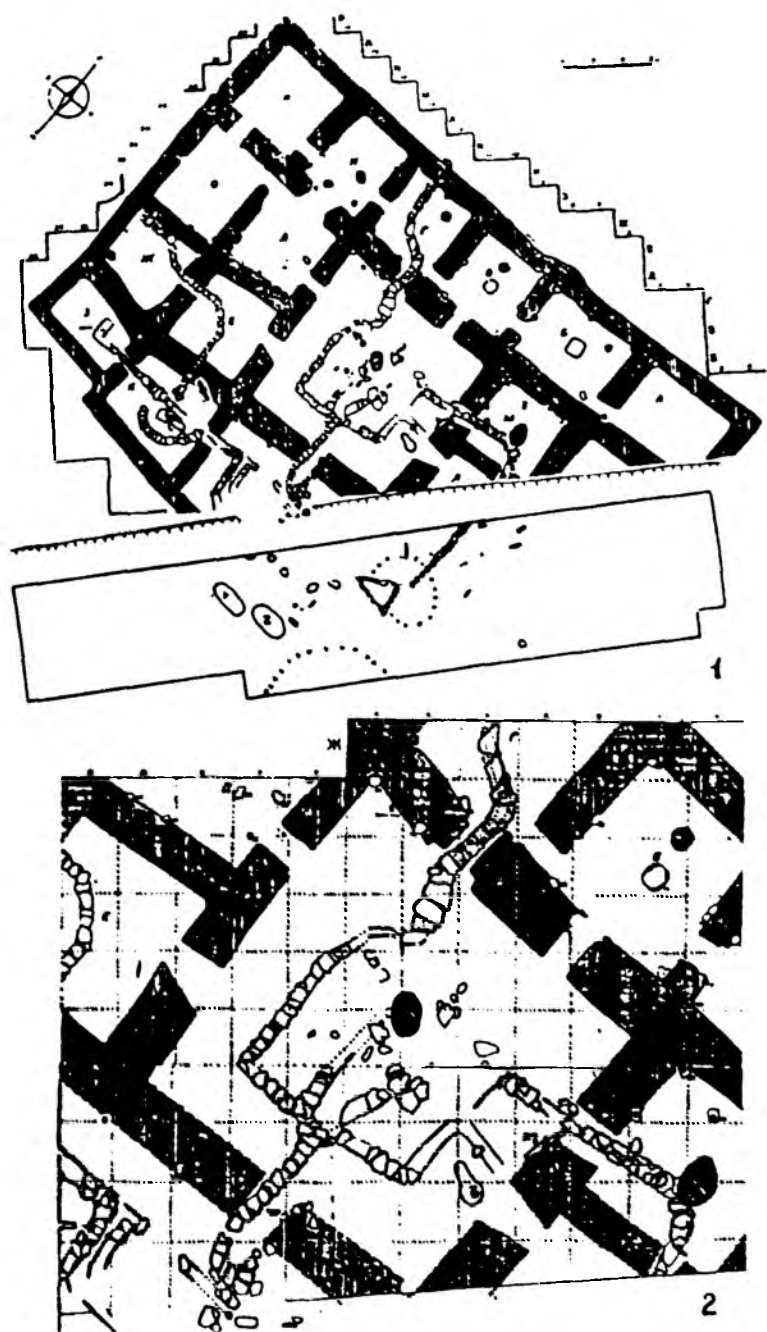

Рис. 32

1 — Сводный план раскопок дворца 1940-1946 гг.; 2 — план центрального зала дворца и следы перестройки его отопительной системы (по чертежам В.П. Левашевой и Л.А. Евтюховой)

находилась дверь, соединяющая южную реконструируемую комнату С с помещением Л (рис. 32, 1). Оба предположения поддерживают друг друга: ситуация с усиленным отоплением повторяется в двух симметрично расположенных помещениях южной анфилады дворца (комнаты С и К). Другой отвод канала, сохранившийся значительно хуже, уходил от треугольной фигуры в сторону вестибюля. Для выявления последовательности сооружения стен и отопительных ходов показательна также форма жаровой канавки в западной комнате Ж, где она следует внутренней линии стены (рис. 24).

Отопительная система перестраивалась дважды. Первоначально была сооружена короткая южная ветвь, которая под полами проходила из вестибюля, где, вероятно, находилась печь, в западную, хорошо обогреваемую кольцом отопления комнату К (рис. 24). Затем канал уходил на север в комнату Е и (под дверным проемом) в западную комнату Ж, где эта ветвь проникала под наружную западную стену. Таким образом, первоначально вытяжная труба стояла снаружи дома у западной стены. В этом была ошибка строителей, так как при преобладающих в этой местности западных ветрах дым из трубы, сколь бы она ни была высока, направлялся в торец дома и обтекал его, что не позволяло получать надлежащую тягу — горячий воздух и дым застревали в жаровых каналах. Каким-то образом на этом этапе подпольно отапливался и центральный зал — остатки каналов, пересекавших его в меридиональном направлении и, вероятно, связанных с вестибюлем и помещением Л, зафиксированы при раскопках (рис. 24, 32). Перестройка отопления в главном помещении дворца подтверждается нарушением участка канала, некогда следовавшего к северу от центра (участок 15–В), ямой для опорной плиты нового столба. Возможно, следом перестройки или ремонта отопительной системы служит сквозное квадратное отверстие (62×62 см), некогда пробитое над самым полом в северной стене вестибюля (на участке 19–Х) и вновь заполненное глиной.

Очевидно, неудачное размещение трубы и неполный обогрев здания при сибирских зимах заставили строителей переделать первоначальную систему отопления Ташебинского дворца. Вместо локальной южной ветви была сооружена мощная, центральная, более сложная система. Поперек юго-западной комнаты 3 в яме, ниже уровня пола, была сооружена прямоугольная печь. Боковые стенки выстроены из вертикально врытых в землю плит песчаника (средние размеры 50×70, 50×60 см — рис. 33). Посредине, в южной половине печи, врыта дополнительная плита для поддержания покрытия. С северной стороны печь стенки не имела. Отсюда к топке вел наклонный спуск, начинающийся от пола комнаты и доходящий до уровня пода печи. Внутренние ее стенки сохранили следы воздействия сильного жара от регулярной интенсивной топки. Поскольку размеры печи небольшие (2,8×1,6 м), то уже при раскопках было «совершенно очевидно, что как бы жарко ни топилась эта печь, ее тепла было бы недостаточно для отопления такого громадного здания... Вполне вероятно, что таких печей в доме было несколько, и находились они, по-видимому, в южной части дома»⁵⁴. И действительно, мы видим, что обогревательные каналы идут от южных помещений. Работы 1940 г., как было показано, позволяют это подтвердить для юго-восточной части здания.

⁵⁴ Архив ИА РАН, ф. 12, д. 16, л. 170об.

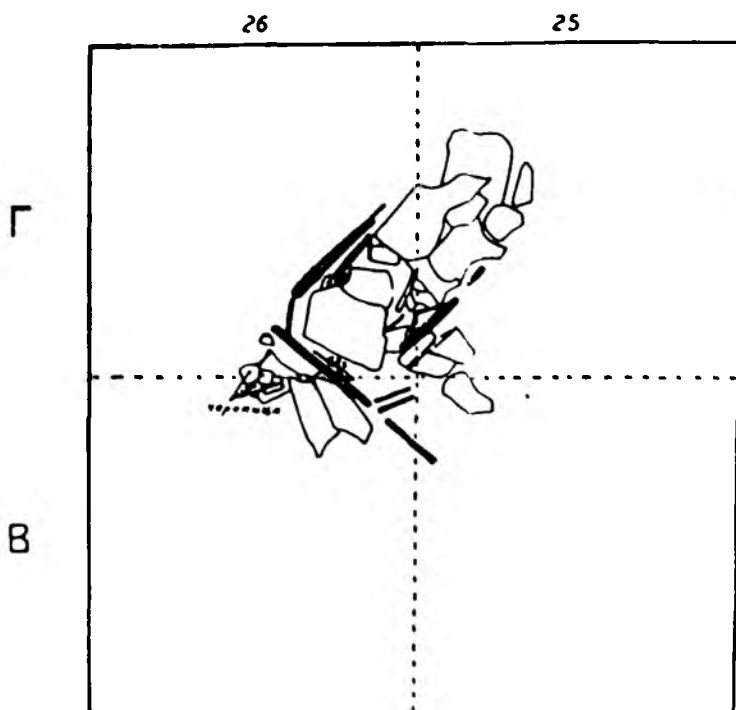
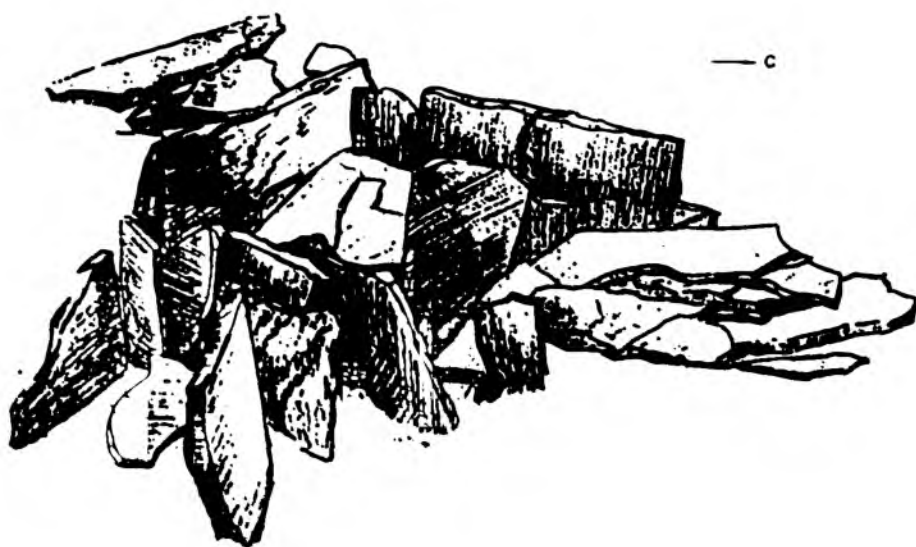

Рис. 33

Печь из каменных плит для подпольного отопления. Комната 3
(вид с северо-востока) и план. Рисунок Л.А. Евтюховой

От юго-восточного угла описанной печи в комнате 3 отходил на восток в вестибюль жаровой канал, по прямой проходящий под дверями помещения 3 и соседней комнаты К через остатки прежней отопительной линии (рис. 24). Он служил для подачи горячего воздуха в переднюю, южную часть здания. Продуманное отопление вестибюля (где новый отопительный канал вновь соседствует с частями старого), как и соседних с ним комнат, свидетельствует о том, что он был обитаем. Вероятно, эта часть здания использовалась для пребывания охраны.

Дугой обогнув центр вестибюля, канал разделялся на два. Один шел в центральный зал, а второй отходил в восточную комнату С (разрушенную шоссе) и, возможно, не достигая крайнего юго-восточного помещения Т (также не сохранившегося до начала исследований), направлялся на север и через комнаты Л и М проходил в центральный зал, посередине которого каналы составляли незамкнутый квадрат. Более вероятно, пожалуй, иная трактовка разветвления каналов, наблюдаемая по уцелевшим частям в помещении вестибюля. Очевидно, печь, размещенная в вестибюле на первом этапе, действовала и после реконструкции. Она и подавала, можно думать, жар последовательно в комнаты С, Л, М и зал здания. Такое предположение объясняет сооружение печи и в комнате 3 — этим увеличивали подачу тепла, нужное количество которого не могла обеспечить прежде единственная печь вестибюля. От северо-западного угла зала окончательный отрезок отопительной системы уходил в северную комнату Г и, пройдя под внешней стеной, выходил наружу всего на 50 см. Здесь канал, очевидно, заканчивался высокой (не менее 10 м) вытяжной трубой. Скорее всего, она была сооружена из дерева. В таких случаях ствол разрезался вдоль, половинки выдалбливались с пожомом и соединялись в единую трубу железными скобами⁵⁵.

Нельзя сказать уверенно, к какому из этапов принадлежал тот участок отопительного устройства, который прослежен В.П. Левашевой в 1940 г. в юго-восточной части здания, срезанной строительством. Дело осложнено тем, что через комнату Л проходили каналы обеих систем. В южной анфиладе здания могла существовать правильная планировка: особо отапливаемая изгибом каналов комната К так же примыкает к левой стороне вестибюля, как к его правой стороне прилегает снабженная подобным изгибом реконструируемая комната С. Если эта система не принадлежала к единому плану, то придется признать, что утепленные помещения у вестибюля преемственно сменяли друг друга на разных этапах существования дворца — комната С использовалась позднее помещения К, но для тех же целей.

Итак, вестибюль, одна из примыкавших к нему комнат и центральный зал оказались наиболее обогреваемыми помещениями дворца. Несмотря на перепланировку жаровых каналов и их неоднократные ремонты (так, в вестибюле, в квадрате X-21, перекрытие канала починено кусками черепицы), почти четверть комнат не имела следов подпольного обогрева (А, Б, В, Д, И, Н, О и, вероятно, два-три помещения к югу от комнаты А — рис. 32, 1). Это не означает, что ими не пользовались в холодное время. В четырех комнатах в центре северной анфилады (Б, В, Г, И) обнаружены овальные следы прокаливания пола передвижными жаровнями, наполненными раскаленными углями. Такие же следы обнаружены

⁵⁵ Так, еще век назад хакасы использовали деревья сибирского белого тополя (*Populus alba*), изготавливая лодки-долбленки, колоды для водопоя скота и погребения умерших (см.: *Кызыласов Л.Р.* Очерки по истории Южной Сибири и Центральной Азии. С. 90–97).

в середине центрального зала и в соседней с востока комнате М⁵⁶. Возможно, в большинстве других комнат жаровни ставились на подставки типа таганов, от которых на глиняном полу не осталось следов.

Высоту культуры домостроения западного происхождения, которую мы уже отметили для единственного известного в Сибири дворца гуннского периода, особенно подчеркивает явно не гуннская и не китайская (вообще не дальневосточная) подпольная отопительная система. Самые ранние образцы такого отопления встречаем в храме Иштар и дворце шумерского государства Мари, существовавшего до XVIII в. до н.э. Дворец Мари имел каналы подпольного отопления (квадратные в разрезе) из квадратных керамических плит. Они, как и в храме Иштар, сверху плотно закрыты аналогичными плитами, а из помещения в помещение пропущены под дверными проемами⁵⁷. В Дура-Европос известны связанные по своему происхождению с ранневосточными парфянские бани, в римское время перестроенные с подведением водопровода. Римское подпольное отопление (гипокауст), известное с I в. до н.э., распространилось в государствах Средиземноморья и сохранилось в Византии. В Афганистане известны *табахана* — здания с подпольным отоплением. Бани с подпольным обогревом (по-арабски *хаммам*) широко распространились в средние века на Востоке и в некоторых районах Европы. Они обнаружены в Средней Азии, в Азербайджане, Армении, Грузии, в Крыму, Молдавии, Нижнем Поволжье, в домонгольских городах Волжской Болгарии и даже в древнем Киеве⁵⁸. В Самарканде еще недавно в жилищах употреблялись «сандали с жаровыми каналами, обогревающими часть пола под сидящими у сандали людьми... Жаровые каналы сверху перекрывались положенными плашмя кирпичами, которыми был выстлан пол; эти кирпичи согревались горячим воздухом, проникающим в жаровые каналы из алоухана через каналы-проходы»⁵⁹.

В Сибири, после Ташебинского дворца начала I в. до н.э., жилища с подогревом пола известны в VI–IX вв. в таежной рёлкинской культуре, распространенной на средней Оби⁶⁰. Но самые древние жилища с подпольным отоплением и каналами, перекрытыми каменными плитками, в Северной Евразии обнаружены в Центральном Казахстане. Они относятся еще к бронзовому веку (алакульская культура, XV–XIV вв. до н.э.): в поселениях Мыржик и Атасу I (в верховьях

⁵⁶ *Евтюхова Л.А., Левашева В.П.* Раскопки. С. 74–76; *Евтюхова Л.А.* Древнекитайское здание. С. 108, 109; *она же.* Развалины дворца. С. 81.

⁵⁷ *Heinrich E.* Die Tempel und Heiligtümer im alten Mesopotamien. В., 1982. Abb. 201, 208; *Parrot A.* Mission archéologique de Mari. Vol. 2. Le Palais. Architecture. P., 1958. Fig. 44, 45, 47, 54, 55, 314.

⁵⁸ *Воронина В.Л.* Об узбекских банях // СЭ. 1951, № 1; *она же.* Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежной Европы // Архитектурное наследие. М., 1983, вып. 31; *Бурякова Э.Ю.* Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // ИМКУ. 1986, вып. 20; *Маньковская Л.Ю.* Архитектурные памятники Кашкадарьи. Таш., 1979. С. 45; *Хаттахчян О.Х.* Средневековые бани Армении // СА. 1960, № 1; *Мухелишвили Л.* Раскопки в Дманиси // СА. Т. VI. М.–Л., 1940; *Якобсон А.Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму // СА. Т. VIII. М.–Л., 1946; *Хованская О.С.* Бани города Болгара // МИА. 1954, № 42; *Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф.* Муромский городок. Самара, 1998; *Зилинская Э.Д.* Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // СА. 1989, № 4; *Георгиев П.П.* К вопросу о древнерусских банях // СА. 1981, № 1.

⁵⁹ *Писарчик А.К.* Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 98.

⁶⁰ *Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в V в. до н.э. — IX в. н.э. Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1985. С. 24 (жилища типа IА).

р. Атасу) в крупных прямоугольных жилищах зафиксирована сложная система из огневой камеры с длинными дымоходами, идущими по периметру стен в виде канавок с каменно-глиняным покрытием⁶¹.

Эти примеры показывают, что подпольное отопление Ташебинского дворца, как и раннесредневековых таежных жилищ и указанных бань, связано с собственным развитием западной по происхождению отопительной системы особого рода, издревле применяемой в двух сферах зодчества — в жилой архитектуре северной полосы Евразии и в строительстве общественных бань на юге. Центрами практически одновременного зарождения подпольного отопления являются в северных широтах Центральный Казахстан, а в южных — Двуречье. Отопительные каналы появились в эпоху бронзового века и были подсказаны практикой и опытом металлургов, соорудивших ямные рудоплавильные печи с каналами для поддувания воздуха и выпуска газов, а также строивших другие теплопроводные устройства.

На Дальнем Востоке (в Приамурье и Приморье, в северной полосе Китая и в Корее) несколько позже, в раннем железном веке, возникло иное отопительное устройство жилищ — *каны*: возвышающиеся над полом и идущие вдоль стен лежанки с отопительными каналами внутри. *Каны*, идущие по одной или, чаще, по двум стенам рядовых жилищ, сооружались и гуннами в Забайкалье и Монголии, что известно по исследованию Иволгинского городища в бассейне р. Селенги и поселения Дурёны на р. Чикой⁶². Эта система позже распространилась по Северному Китаю, а в XIII в. была перенесена монголами в Среднюю Азию и Восточную Европу⁶³. Система *канов* никак не похожа на обогревательное подпольное устройство Ташебинского дворца, что, несмотря на ее априорное отнесение к китайской архитектуре, все же не только осознавалось, но и высказывалось исследователями этого памятника⁶⁴. В средневековье только у корейцев взамен пристенных *канов* возникает подпольное отопление (*ондоль*), что, скорее всего, произошло в результате вторжения племен с запада⁶⁵.

Как видим, анализ системы отопления Ташебинского дворца, вслед за другими его архитектурными и строительными решениями, показывает, что здание было сооружено не китайскими и не гуннскими строителями. Речь должна идти о пришлых зодчих и мастерах, принесших в Южную Сибирь древнюю западноазиатскую систему обогрева зданий. Прослеженные перестройки и следы ремонта жаровых каналов позволяют сделать и другой существенный вывод — эти специалисты были привлечены не для выполнения разовых работ, но, завершив строительство, продолжали жить на Ташебе, поддерживая эксплуатацию дворцовой отопительной сети.

⁶¹ Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 137; Курманкулов Ж.К. Работы Центрально-Казахстанской экспедиции // АО-84. М., 1986.

⁶² Давыдова А.В. Иволгинский комплекс — памятник хунну.

⁶³ Кызласов Л.Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975; Бродянский Д.Л., Окладников А.П. Кроуновская культура // Археология Юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984.

⁶⁴ Еятухова Л.А., Ленашева В.П. Ответ А.Н. Бернштаму. С. 573 («подпольное отопление, являющееся более архаичным, чем позднейшая система канов-лежанок»).

⁶⁵ Джарылгасинова Р.Ш. Жилище корейцев // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979. С. 220, 221.

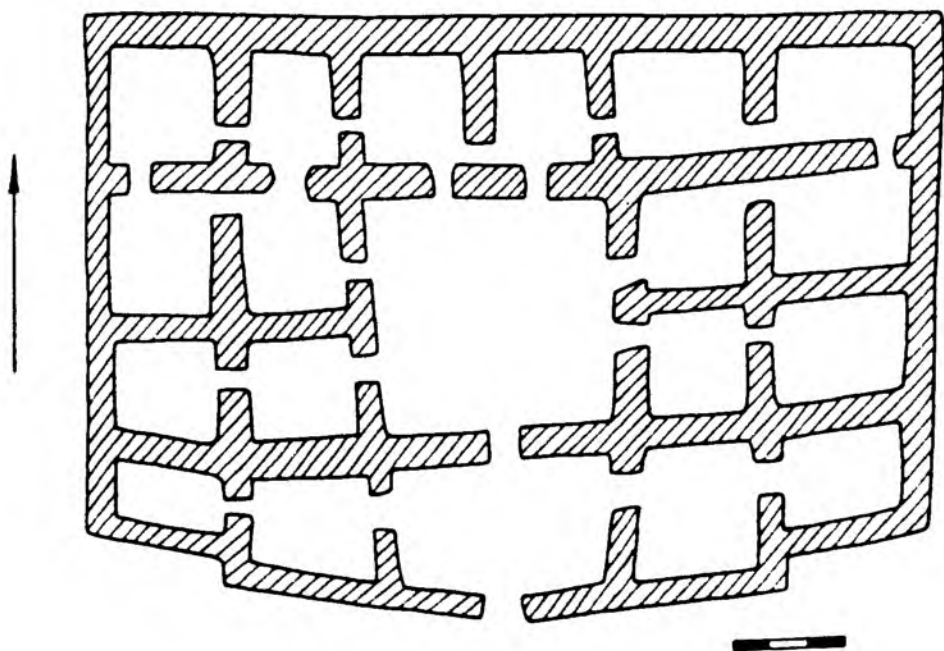

Рис. 34

План гуннского дворца на р. Ташеба. Реконструкция автора

План здания выявился в результате многолетних полевых исследований⁶⁶. Стены его ориентированы строго по странам света. С севера на юг длина здания 35 м, а с запада на восток — 45 м, т.е. его общая прямоугольная площадь составляла 1575 кв. м. Несмотря на разрушение юго-восточного угла, общий план Ташебинского дворца графически полностью восстанавливается благодаря правильной системе расположения помещений (рис. 34). Рассмотрение результатов такой реконструкции представляет большой интерес⁶⁷.

Во дворце было 20 помещений, соединенных проходами: центральный зал, окруженный анфиладами из 18 комнат, и вестибюль с единственным входом в здание с южной стороны. Вдоль северной стены к залу примыкали шесть комнат, вдоль южной стороны — четыре комнаты и вестибюль, с восточной и западной размещалось по четыре комнаты. Площадь комнат составляла примерно по 28–32 кв. м. Проемы комнатных дверей равнялись 1–1,25 м, но отмечены проходы шириною в 75 см (из комнаты Г в комнату И) и 2,1 м (меж комнат И и Д). В стенах некоторых помещений сохранились выемки для деревянных дверных накладок. Некоторые двери при последующих ремонтах были заложены. Если в вестибюль, считая проход в основной зал и реконструируемые помещения, вели четыре двери — по одной в каждой стене, то центральный квадратный зал здания имел по две двери в противоположной входу северной, в западной и восточной

⁶⁶ Евтюхова Л.А. Развалины дворца. С. 79. Рис. 25; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Табл. XLV, 7 (1951. Табл. XLV, 7).

⁶⁷ Кыласов Л.Р. Гуннский дворец. С. 87–94. Рис. 47.

стенах. Эти проходы соединяли зал с окружающими анфиладами комнат. Судя по форме проемов, все они имели дверные полотнища со стороны зала. Исключение составляла одна из северных дверей, ведущая в помещение В, у которой косяк располагался со стороны комнаты. Часть входов центрального зала имела в плане не прямую, а трапециевидную форму, расширяясь от 1 до 1,5 м. Такие проходы вели в помещения Е, Л, М и, возможно, в вестибюль (рис. 34).

В южном углу раскопа 1940 г. (квадрат 11) были выявлены остатки деревянного столба (диаметром около 30 см), стоявшего, как и вертикальные опоры внутри комнат, на каменной базе в виде песчаниковой плиты. Судя по расчетам, эта опорная стойка оказывается снаружи здания, к югу от западной притолоки входа и примерно в 7 м от него. Быть может, ко входу тянулся открытый навес. Здесь же, видимо, стояли и коновязи, поскольку в нижних отложениях культурного слоя, не задетого строительством шоссе, «попадались остатки бревен — и вертикально врытых, и лежащих в горизонтальном или наклонном положении»⁶⁸.

План Ташебинского здания, насколько известно, не имеет прямых аналогий не только в синхронной, но и в древней архитектуре Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Основы его западные. Через страны Средней Азии, Афганистана и Ирана они восходят к архитектуре древней Месопотамии и Переднего Востока в целом. Пространственное решение южносибирского дома сопоставимо, например, с планами личных покоев дворца и жилищ знати вокруг храмов богинь Иштар и Нини-заза в шумерском городе-государстве Мари, уже упоминавшемся в связи с системой подпольного отопления и двухъярусностью кровли Ташебинского здания. Шумерами сооружались жилые комплексы, распланированные анфиладами из одного-двух рядов помещений, окружавших квадратный зал, имеющий по семь-восемь входных дверей — по две в каждой из четырех стен (рис. 35, 1).

В Мари найден керамический архитектурный макет дома двухъярусной постройки с возвышенной центральной частью. Круглое здание воспроизведено без крыши. В нем — центральный квадратный зал и восемь окружающих его помещений. Последние расположением дверей хитроумно разделены на три, как мы бы теперь сказали, изолированные двухкомнатные квартиры. При вестибюле, слева от входа, расположена отдельная комната. В зале дверные проемы прорезаны в каждой из четырех стен⁶⁹.

Мавзолеи шумерских царей III династии Ура, пристраивавшиеся друг к другу, также имели квадратные залы, соединенные семью-восемью проходами с анфиладами комнат (рис. 35, 2). Особенно много построек такой планировки среди дворцов и частных домов в усадьбах и городских кварталах Ура⁷⁰ (рис. 35, 3). По заключению Л. Вулли: «Ур был типичным городом Среднего Востока... Нас поразила странная особенность домов периодов Исина и Ларсы: они все построены

⁶⁸ Архив ИА РАН, ф. 12, д. 16, л. 206.

⁶⁹ Parrot A. Mission archéologique de Mari. Vol. 1: Le Temple d'Ishtar. P., 1956. Fig. VIII; ibid. Vol. 2: Le Palais. Architecture. P., 1958. Fig. 44, 45, 47, 54, 55, 314, вклейка; ibid. Vol. 3: Les Temples d'Ishtar et de Ninni-zaza. P., 1967. Fig. 14, 310, 312, 313; Heinrich E. Die Tempel und Heiligtümer. Abb. 201, 208; Кызласов Л. Р. Гуниский дворец. М., 2001. Рис. 36. Архитектурные макеты домов из дерева и керамики также были широко распространены с древности в Китае и в других странах Евразии.

⁷⁰ Woolley L. Excavations at Ur. N. Y., 1965. Fig. 10, 12, 13, 21, 22.

Рис. 35

Планы построек Древнего Востока:

- 1 — личные покои угловой части царского дворца в городе Мари (II тыс. до н.э.),
 2 — мавзолей III династии Ура, 3 — частный двухэтажный дом в городе Уре (начало II тыс.
 до н.э.), 4 — особняк в городе Аргиштихинили (Урарту, VIII—VII вв. до н.э.)

по одному образцу, хотя не было и двух совершенно одинаковых. Строителям приходилось считаться с размерами, но все они стремились по возможности точнее скопировать некое идеальное жилище, испытанное временем и оправдавшее себя в местных условиях. Такой типичный дом представляет собой замкнутое здание вокруг центрального двора, на который выходят все двери»⁷¹.

Такой же план, как дворец на р. Ташебе, имели здания древневосточного государства Урарту (VIII–VI вв. до н.э.). Например, в Аргиштихинили «особняки состояли из большого числа помещений (до 20) общей площадью до 700 кв. м. Ядром дома служил большой квадратный зал. В центре его располагался очаг, имелось специальное место для религиозных церемоний... Вокруг зала располагались жилые помещения, кухни, склады и др.». Площадь зала 77 кв. м. Примечательно, что в домах урартской знати центральный зал также имел шесть входов, соединяющих его с комнатами, расположенными со всех четырех сторон»⁷² (рис. 35, 4). На Ближнем Востоке на рубеже нашей эры усадьба обычно состояла из квадратного двора и жилых помещений, расположенных с четырех его сторон. Иногда вход во двор вел через вестибюль. Именно в таких типичных домах в Месопотамии во II–III вв., в г. Дура-Европос оказались размещенными не только христианская церковь, но и синагога⁷³.

Традиция сооружения аналогичных по плану жилищ жила долго и еще в древности распространилась на северо-восток, может быть с помощью архитектурных макетов. Например, в раннеахеменидское время в Бактрии стали известны «зимние дворцы» квадратного плана с комнатами, отделенными обводным коридором от квадратного центрального помещения. В I–II вв., в великокушанский период, в Северной Бактрии богатые горожане строили сходные жилые дома с портиками, которые вели к центральным залам; вокруг залов располагались многочисленные помещения и коридоры⁷⁴. В Хорезме, в то же и более позднее время, жилые башни богатой знати (стоявшие внутри крепостных стен) также имели центрический план, при котором вокруг квадратного зала располагались анфилады комнат⁷⁵.

Позже в Средней Азии подобным образом планировались здания общественного назначения: медресе, караван-сарай, гостиницы, даже мавзолеи⁷⁶. Попадая в Среднюю Азию, специалисты по архитектуре Месопотамии поражались сходству строительных конструкций и воздействию древних традиций, доживших до современности⁷⁷. В Хорезме сложился уникальный тип крытого двора, в арабских странах (Сирия, Египет) посредине зданий сооружались купольные или

⁷¹ Вуллс Л. Ур халдеев. М., 1961. С. 184–186 и план Ура на с. 173.

⁷² Вигасин А. А. Государства Закавказья второй половины I тысячелетия до н.э. // Источниковедение истории Древнего Востока. М., 1984. С. 192; Мартиросян А. А. Аргиштихинили // Археологические памятники Армении. Т. 8: Урартские памятники. Вып. 1. Ер., 1974. С. 107–109. Рис. 41, 57.

⁷³ Шишова И. А. Религиозные культы в Месопотамии (По материалам Дура-Европос) // Древний мир. Академику В. В. Струве. Сборник статей. М., 1962. С. 361, 363; Массон В. М. Древние культуры Месопотамии // Археология зарубежной Азии. М., 1986. С. 48–50. Рис. 9.

⁷⁴ Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 11. Рис. 7; Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Таш., 1978. Рис. 15, 25, 26.

⁷⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. Рис. 70, 81, 82, 98, 103. Табл. 40.

⁷⁶ Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Таш., 1976. С. 70, 92; Маньковская А., Булатова В. Памятники зодчества Хорезма. Таш., 1978. Рис. 58, 59; Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М., 1988. Рис. 31, 53, 88, 153, 155.

⁷⁷ Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 133.

плоскокровельные парадные залы с комнатами со всех четырех сторон⁷⁸. Нередко в подобных залах помещались домашние храмы или молельни. Так было и у согдийцев Средней Азии. Например, дворец с собственным храмом-залом был открыт в Пенджикенте⁷⁹. Близкие, но более сложные планы бывают в Средней Азии и у поздних монастырей (типа Хишт-тепе)⁸⁰.

Нельзя не сказать, что аналогичная планировка зданий в древности из того же Древнего Востока была передана и распространена не только на восток, но и на запад, через Средиземное море. В микенское время в Элладe (на о. Пилос) пришельцы из Малой Азии построили дворец (разрушенный около 1200 г. до н.э.), где главным помещением был зал 13×11 м, окруженный жилыми комнатами, кладовыми и коридорами. Вход в зал вел через портик и вестибюль с юго-восточной стороны. По Геродоту, этруски переселились из Лидии в VIII в. до н.э. в Италию. Многие годы в местечке Марцаботто, южнее Болоньи, раскапывается город этрусков, основанный в VI в. до н.э. Его «каменные дома имели главный зал с очагом (атриум), вокруг которого были расположены другие комнаты»⁸¹. Римляне, в свою очередь, заимствовали этот план зданий у этрусков.

Как видим, в архитектурно-планировочном построении Ташебинской многокомнатной усадьбы преобладают особенности зодчества, издревле присущие домостроительству западного круга не только азиатских, но и европейских культур. Следовательно, архитектором этого дворца не мог стать ни китаец, ни гунн, ни тагарский динлин, ни, пожалуй, переселенец-гяньгунь. Скорее всего, им должен был быть среднеазиатский строитель, из числа пригнанных гуннами из Средней Азии пленных юэчжийцев. Именем «юэчжи» китайцы называли массагетов-кушан и их огромное государство. Гуннские походы начались в 211 г. до н.э., когда шаньюем был Тоумань. Они были продолжены в 206 г. до н.э. при создателе мощного гуннского царства Маодуне, в юности побывавшем заложником в землях юэчжи⁸². Гуннские нападения на кушан продолжались до 168 г. до н.э.

Назначение здания раскрывают особенности его жизни. Дворец на Ташебе существовал довольно долго. Раскопками прослежены не только перестройка и ремонт отопительных систем, но и следы подновления внутренних стен (в комнатах Б, Г, Ж и З) и внешней поверхности северного фасада (рис. 24). Неоднократно подмазывались различные участки пола. Показательно, что в обмазке его в комнате М (уч. 11–О) встречены отдельные обломки черепицы⁸³. В ряде помещений в углах и по периметру на некоем этапе жизни здания появились опорные столбы (на каменных базах и без них). Нужда подпереть кровлю возникла не везде, а прежде всего вдоль внутренних сторон всей северной и середины южной анфилады и в северо-западном углу центрального зала. Ремонтное назначение таких столбов явно проступает при их появлении в дверных проходах комнат (А–Б и М–зал), где этого не предусматривали общие принципы архитектурного проек-

⁷⁸ Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилища народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 59, 60. Рис. 3.

⁷⁹ Маршак Б.И. Боги, демоны и герои пенджикентской живописи // Итоги археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. Л., 1989.

⁸⁰ Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998. С. 92. Рис. 68.

⁸¹ Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Ч. 2. М., 1974. С. 45 и 165.

⁸² Таский В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М., 1968. С. 38, 39. См. также: Зеймать Е.В. Кушанская хронология. М., 1968.

⁸³ Архив ИА РАН, ф.12, д. 16, л. 64.

та (мысль об этом возникла и у авторов раскопок⁸⁴). Однажды новый столб, водруженный на утопленную в пол плиту, нарушил прежний отопительный канал центрального зала. В той же яме оказались обломки черепицы, включая части диска с надписью, — остатки строительных работ⁸⁵. О разновременности опорных столбов внутри здания, вероятно, свидетельствуют большие расхождения в глубине размещения их оснований. Вряд ли это допустимо при проведении подчиненных единому плану строительных работ. Обращает на себя внимание и разная форма дверных проемов центрального зала, о чем говорилось выше. Неясно, изначально ли было задумано такое расхождение. О длительности существования дворца свидетельствует и уже описанное переустройство отопительных каналов, а также значительное количество кухонных отбросов в виде костей съеденных животных, обнаруженных за стенами здания.

Малое количество керамики, встреченное при раскопках, заметно отличает объект от обычных жилых построек. Это обстоятельство породило мысль о принадлежности здания лицу с высоким общественным положением. Дворцовые помещения содержались в строгой чистоте. По мнению Л.А. Евтюховой, крупные каменные плиты, обнаруженные в центре смежных северных комнат Б и В, служили основаниями очагов для приготовления пищи. Однако, согласно отчету 1945 г., в центре комнаты Б встречена не плита, а квадратная, правильно ориентированная яма (120×120 см или 100×110), глубиной около 50 (или 40) см, которая вполне могла быть местом установки жаровни на треножнике или своеобразным хранилищем. Плита же в комнате В была опущена в округлую яму (диаметром около 1 м), глубиной 20 см⁸⁶. Бытовое назначение комнат северной анфилады подтверждается большим количеством расколотых костей животных — явных объедков, встреченных на улице за северной стеной⁸⁷. Там же находились и помойные ямы. Многочисленные остатки пиршеств лучше всего свидетельствуют об общественной направленности жизни и о длительном обитании людей в этом необычном, но жилом доме. Ниже слоя черепицы, пластами сползшей с разрушающейся кровли и наклонно залегавшей вдоль стен снаружи, лежал культурный слой. В нем встречались гвозди, скобы и другие железные предметы. Изредка попадавшиеся на различных участках мелкие обломки костей животных были единичны и принадлежали овце, корове, но чаще лошади.

Об обитаемости здания свидетельствует и система его отопления. Наиболее теплыми были три помещения: южный вестибюль, одна из прилежавших к нему комнат (сначала К, затем С) и центральный дворцовый зал. В первом случае усиление обогрева можно объяснить стремлением отсечь холодный воздух, проникавший в дом зимой при открывании уличной двери, во втором — большим размером самого зала. Вместе с тем квадрат стороной в 6 м, образованный жаровыми каналами в центральной части зала, указывает на его середину как на наиболее значимое место помещения. Следовательно, именно здесь обычно и подолгу находились люди. О том же свидетельствует и участок прокаленного пола, занимающий северную сторону ограниченного обогревательными каналами пространства — как раз там, где недоставало четвертой стороны несшего тепло

⁸⁴ Там же, д. 19, л. 101.

⁸⁵ Там же, д. 16, л. 87 и 87об.

⁸⁶ Евтюхова Л.А. Развалины дворца. С. 81; архив ИА РАН, ф. 12, д. 16, л. 148, 151об.

⁸⁷ Евтюхова Л.А. Развалины дворца. С. 81.

Рис. 36

Бронзовые маскароны, бывшие ручками дверей зала дворца:
 1, 3 — восточная дверь в комнату М (1941 г., Красноярский музей),
 2 — южная дверь в вестибюль (1941 г., Минусинский музей)

Рис. 37
Бронзовый маскарон северной двери из зала в комнату Г
(Хакасский краеведческий музей)

квадрата. Эти следы жаровни или курильницы со священным огнем, может быть, указывают на малую подвижность людей в зале. Наиболее вероятно, что в центре его располагался во время каких-то процедур хозяин Ташебинского дворца. Принадлежность здания некому высокому должностному лицу следует и из содержания оттиснутых на торцевых черепичных дисках благопожеланий высшему правителю и правительнице гуннского государства. Такие официальные надписи могло позволить себе лишь сановное должностное лицо.

Исходя из многих приведенных аналогий плану здания, допустимо предположить, что главный зал сибирского дворца также использовали в качестве домашней молельни, и алтарь-жертвенник мог возжигаться в его центре⁸⁸ (рис. 32). Культовое назначение зала, вполне вероятно, подтверждается обнаружением в нем предметов особой символической формы. У северной, восточной и южной дверей, ведущих в помещения Г, М и вестибюль, были найдены крупные бронзовые ручки-маскароны (рис. 36). Меж комнатами Д и И была в 1946 г. найдена четвертая такая же ручка (рис. 37) — очевидно, она оказалась случайно перемещенной в поздний период запустения здания. Маскароны прибывались к дверям железными гвоздями, для чего в их краях имелись специальные отверстия (рис. 37). У одного экземпляра сохранились остатки таких гвоздей. Каждая из бронзовых ручек (имевших размеры 25×20 см), изданных в рисунках и фотографиях⁸⁹, была отлита в своей форме и скульптурно изображала личину рогатого гения-хранителя: с глубоко запавшими глазами, оскаленными зубами верхней челюсти, закрученными длинными усами и завитыми баками по бокам. Ниже бычьих рогов располагались остроугольные уши, над лбом вздымались три языка «пламени». В огромном горбатом носу было вставлено подвижное кольцо, выявляющее не только культовое, но и утилитарное использование маскарона в качестве дверной ручки (рис. 36, 37). Ныне личины из Ташебинского дворца хранятся по одной в краеведческих музеях Красноярска, Минусинска, Абакана и в ГИМ в Москве.

Бронзовые маскоиды — редкостная для Сибири находка. Но есть все основания вслед за В.П. Левашевой, Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым расценивать их как местные изделия. Речь идет о физическом типе, послужившем натурой для образа. Если освободить личины от рогов, ушей и языков «пламени», то мы увидим вполне реалистичное морщинистое лицо великовозрастного европеоида с крупным горбатым носом (эта особенность настолько значительна, что специально иллюстрировалась исследователями). При учете антропологических данных той эпохи едва ли может возникнуть сомнение, что мифологизированный образ отвечает бытовавшему на Среднем Енисее физическому типу населения — местный скульптор, из числа тех, кто согласно распространенному здесь обычаю изготавливал за-

⁸⁸ Для Дальнего Востока такое назначение центрального зала отмечается очень рано. В поздне-жоуском источнике «Люйши чуньцю» (III в. до н.э.) о предшествующих эпохах сказано: «Древние ваны определяли центр Поднебесной, всего, что под Небом, и воздвигали дворец, определяли центр дворца и воздвигали храм» (*Васильев К.В.* Истоки китайской цивилизации. М., 1998. С. 88).

⁸⁹ *Евтюхова Л.А., Левашева В.П.* Раскопки. Рис. 33; *Евтюхова Л.А.* Древнекитайское здание. Рис. 1, 2; *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949. Табл. XLVI, 1, 2 (1951: табл. XLVI, 1, 2); *Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* «Дворец Ли Лина» или конец одной легенды. Рис. 5; *Кызласов Л.Р.* О городе гуннского наместника на р. Ташебе // *Кызласов Л.Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. Рис. 19; *он же.* Гуннский дворец. Рис. 50–52.

упокойные погребальные маски сородичей-динлинов⁹⁰, вылепил для металлурга лик едва ли не лично знакомого ему человека⁹¹.

Хотя идея придать дверным ручкам вид гениев-хранителей, может быть, и отражает воздействие ханьского обычая⁹², в облике ташебинских находок нет ничего специфически китайского. Ханьцы в таких случаях воспроизводили не лицо человека, а личину духа в виде фантастического, устрашающего животного, которого так и называли *е шоу*, что означает буквально «дикий зверь». При чем ни один китаец не может сказать, какой конкретный зверь изображен в этом случае. Китайских *е шоу*, например, воспроизвел как параллель М.В. Крюков, не заметивший, однако, что сопоставление морд «диких зверей» с человеческими ликами Ташебинского дворца выявляет корневое различие их прообразов⁹³. Тем более что *е шоу* никогда не изображались с бычьими рогами.

Нельзя не отметить безрогую глиняную личину-налеп, поднятую с поверхности на одном из гуннских городищ Монголии. Эта личина демона-хранителя дома изображает схематизированное европеоидное лицо с круглыми глазами и крупным носом. Она также имеет усы, оскаленные зубы и наклепное глиняное кольцо, имитирующее ручку двери. Над мощными бровями на лбу изображена выпуклая «тиара» из трех расходящихся валиков⁹⁴. Если прототипами горбоносых европеоидов из Ташебинского дворца вполне могли служить местные потомки тагарцев (ср. погребальные маски⁹⁵), то для находки из Монголии прообразом был абстрактно представляемый человек европеоидной расы (рис. 15). Как ни малочисленны приведенные материалы, но они позволяют полагать, что монголоидные гунны представляли себе «дьяволов» европеоидами, с которыми они воочию сталкивались не только в Южной Сибири, но и в Семиречье, и в Средней Азии. Подобное неприязненное отношение к людям иного вида можно встретить в источниках той эпохи. Так, сообщается о намеренном уничтожении «варваров»-европеоидов в 349 г. в китайском государстве Позднее Чжао⁹⁶.

Еще одно существенное расхождение наших находок с их ханьскими аналогами касается использования ручек-личин. В Китае такие охранительные ручки крепились снаружи на дверях зданий или на усадебных воротах, воспроизводились на входах в гробницы-склепы⁹⁷. В Ташебинском дворце они были размещены внутри здания, в интерьере его центрального квадратного зала — по одному лику на каждой из четырех стен. Характерно, что, согласно общей ориентировке здания, стены зала символизировали четыре стороны света. Взгляды божественных хранителей были обращены не на внешний угрожающий мир, а со всех стен вперялись в одну точку в северной половине центральной части помещения. На

⁹⁰ Мартынов А.И. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника // СА. 1974, № 4. С. 231–244; Пшеницына М.Н. Глиняная «голова» — предшественник таштыкской гипсовой маски // КСИА. 1975, вып. 142. С. 44–49.

⁹¹ Кызласов Л.П. Таштыкская эпоха. Рис. 56, 2.

⁹² Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 80–82; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 270, 272 (1951: с. 482, 484).

⁹³ Крюков М.В. Что такое счастье? // СЭ. 1980, № 2.

⁹⁴ Gabori M. Comte rendu d'un voyage d'étude en Mongolie en 1958 // Archaeologiai Értesítő. Vol. 87, 1 szam. Budapest, 1960. P. 84. Fot. 1.

⁹⁵ Кызласов Л.П. Таштыкская эпоха. Рис. 56, 2.

⁹⁶ Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос. С. 255–256.

⁹⁷ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 270, 272 (1951: с. 284, 286).

плане зала именно это место выделяется прокаленным участком пола. Там, почти в центре зала, как было сказано выше, на плите некогда стоял и деревянный опорный столб (рис. 32). Вероятно, эти изображения духов предназначались для магической охраны пространства центрального зала от нечисти, т.е. делали его сакрально чистым, пригодным для моления и прямого общения с божеством. Подобные столбы в жилищах и храмах традиционных обществ обычно ассоциируются с *Axis mundi*, с Космической опорой, с Древом Мироздания. У подножия столба совершаются жертвоприношения высшему небесному Существо. Прокал пола близ столба в зале Ташебинского дворца оставлен, очевидно, жертвенником (жаровней), в огне которого воскурялись сжигаемые здесь приношения. Не исключено, что верхний ярус крыши, выступающий над центральным залом, символизировал Небесный купол, пол — Землю, а стены — четыре направления космического пространства. Конструкция зала, таким образом, возможно, отражает космогонические представления того времени⁹⁸.

Итак, если центральный зал Ташебинского дворца использовался в качестве домового храма, то, судя по сохранившимся особенностям его интерьера, основным ритуалом здесь могло быть возжигание благовонных воскурений на переносном алтаре и почитание священного огня.

Общеизвестно, что огонь был божественным и священным для большинства народов Евразии в скифо-сакское и гунно-сарматское время. Огнепоклонниками были и зороастрийцы Ирана и Средней Азии. В эпоху Ташебинского дворца огню как посланнику солнца на земле поклонялись, несомненно, и гунны⁹⁹. Переселившиеся с юга в Хакаско-Минусинскую котловину тюркоязычные гянгунь (кыргызы), как археологически известно, во II I вв. до н.э. сжигали своих мертвых, т.е. также были почитателями огня¹⁰⁰. Обитатели Хакасии почитали пламя и позднее. Персидское сочинение X в. «Худуд ал-'алам» прямо сообщает: «Они поклоняются огню и сжигают мертвых»¹⁰¹. Последний обряд вершился хакасами до XIX в.¹⁰². Вероятно, изображения Быкочеловека на культовых ташебинских маскаронах следует соотносить с мифическим прародителем гянгуней, сыном бога и коровы¹⁰¹, даже если основным хозяином дворца был ханец, в Китае нет аналогии подобным залам. Напомним, что и Минотавр греческих мифов был быкочеловеком по имени Астерий («звездный») — внуком бога солнца Гелиоса.

Судьба здания не ясна. Очевидно лишь, что оно было оставлено, но не разрушено. Даже деревянные части интерьера сохранились на месте до момента разрушения стен. В опустевшие комнаты, видимо, забредали случайные люди. Остатками их трапез, вероятно, являются встреченные кое-где на полу разрозненные кости животных. О естественном разрушении здания свидетельствует и характер залегания в раскопах кровельной черепицы: как с наружной, так и с внутренней стороны внешних стен (рис. 27). Следов разграбления здания не наблюдалось. Двери зала, судя по расположению упавших с них бронзовых ручек, истле-

⁹⁸ Энцикл. М. Священное и мирское. М., 1994. С. 29-31, 37, 40-45.

⁹⁹ Таккин В. С. Материалы по истории скинну. Вып. 2. С. 40.

¹⁰⁰ Кызыкжол Л. Р. Таштыкская эпоха. С. 162.

¹⁰¹ МИКК. 1973, вып. 1. С. 41.

¹⁰² Кызыкжол Л. Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 205-207.

¹⁰³ Легенда записана от гянгуней китайскими хроникерами (Шеффер Э. Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981. С. 107).

ли на месте (первая ручка была найдена на обломке доски, вероятно, частично уцелевшей створке двери)¹⁰⁴. Сами эти массивные изделия, отлитые из дорогого металла, не были похищены. Эти факты особенно показательны, если учесть, что вокруг бывшего дворцового комплекса долгие годы в начале I в. до н.э. — I в. н.э. продолжало существовать поселение. Совершенно очевидно, что даже заброшенное дворцовое здание до самого момента его обвалования пользовалось у местных жителей уважением. Эти обстоятельства укрепляют нас в предположении о двойном назначении Ташебинского дворца, бывшего не только жильем, но и храмом. Разрушение постройки происходило только по естественным причинам, среди которых, по наблюдениям раскопщиков, были и разливы рек Ташебы и Абакана¹⁰⁵. Лишь после того, как здание превратилось в поросший травой бургор, уже в таштыкское время, он был использован под захоронения. Вероятно, это произошло в условиях сырой приречной равнины, лишенной других возвышенностей.

3. Датировка дворца и его владелец

Культурный слой дворца, исследованный при раскопках, целиком относится к тагарско-таштыкскому переходному этапу (II — середина I в. до н.э.). Стратиграфически ситуация вполне определенная, поскольку значительные участки отложений оказались перекрыты многочисленными обломками черепицы от обвалившейся кровли здания, местами составлявшей сплошной пласт мощностью до 25 см (рис. 27). Нижнюю же границу составил глинобитный пол здания. Вещей найдено немного, но они очень показательны и типичны как для своего времени, так и для разноэтничных групп обитателей здания.

На глинобитном полу при раскопках попадались кое-какие обломки посуды, потерянные и затоптанные в пол предметы, полуизношенные орудия, обломки костей животных. Следует учитывать, что опустевшие комнаты «обследовались» кем-то и вещи часто оказывались переброшенными по полу куда попало. Хронологического значения это обстоятельство не имеет, поскольку такие посещения происходили вскоре после запустения здания. В сезоны 1941 и 1945 гг. особенно много железных предметов встречено в двух дворцовых помещениях: в вестибюле и центральном зале. Ко времени раскопок Ташебинского дворца археологами еще не были выделены древности гуннского периода в истории Хакасии, иначе говоря, тагарско-таштыкского (или, как его называют, тесинского¹⁰⁶) переходного

¹⁰⁴ Еятухова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 74.

¹⁰⁵ Там же. С. 72, 73.

¹⁰⁶ Употребление этого термина для характеристики эпохи в целом по сути ошибочно: М.П. Грязнов и вслед за ним М.Н. Пшеницына понимали под *тесинским этапом* лишь позднюю фазу *тагарской культуры* и, соответственно, рассматривали только пережиточные тагарские явления и содержащие их памятники. Никаких обоснований выделения этапа и его датировки М.П. Грязнов никогда не делал. Вне рамок тесинского этапа оставались и остаются обширные инोकультурные материалы, столь характерные и значимые для воссоздания полнокровной культурной картины долины Среднего Енисея во II—I вв. до н.э. и целиком включаемые в понятие *тагарско-таштыкского переходного этапа* с момента его выделения в 1953 г. Указанное положение наглядно демонстрирует, например, игнорирование ленинградскими авторами Ташебинского дворца, жертвенных кладов и подобных им памятников, соединяющих многие разнокультурные традиции эпохи. В настоящее время понятие «тесинский этап тагарской культуры» утратило научное значение.

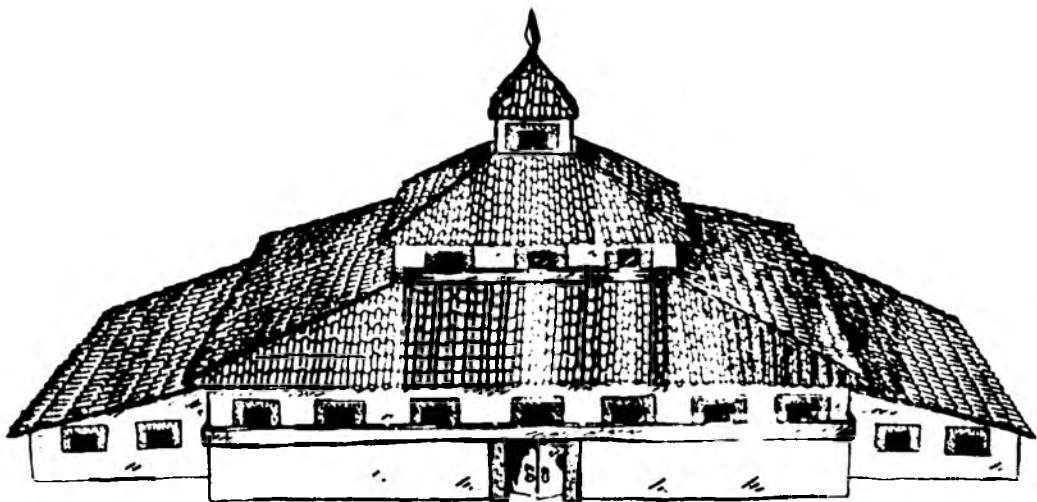

Рис. 38

Опыт реконструкции дворца на Ташебе. По экспозиции Минусинского музея.
Автор Н.В. Леонтьев (с поправкой Л.Р. Кызласова)

этапа (II — середина I в. до н.э.), когда формировалась новая таштыкская культура и ее население. Это было сделано нами в 1953 г., а издано в 1960 г.¹⁰⁷. В 1940–1946 гг. культура этого периода и особенности ее материалов оказались новостью для исследователей редчайшего здания, что вызывало не всегда точное определение археологических данных. Находки, сделанные в Ташебинском здании, были распределены нами по трем группам: а) местные предметы и орудия; б) гуннские предметы и сосуды; в) предметы дальневосточного происхождения¹⁰⁸. Деление оправдало себя и сохранено при настоящем описании и анализе.

Некоторые находки были указаны только в дневниках и рукописных отчетах. Нельзя получить никакого представления о железном черешковом наконечнике стрелы, найденном в 1940 г. в юго-восточном конце раскопа I (уч. 49), т.е., вероятно, в пределах здания; о фрагментах керамики из помойной ямы, обнаруженной при исследовании полотна шоссе, а также обломке глиняной ручки сосуда, поднятого в 1941 г. на полу здания в дверном проходе; черепке, вынутом из тела пахсовой стены (уч. 18-X); куске «толстой листовой бронзы (от котла?)», встреченном тогда же на глубине 64 см от поверхности на участке 20-X и известном только по профильному изображению карандашом; маленькой полушарной медной бляшке, лежавшей близ уровня пола в помещении вестибюля (уч. 19-У).

Местные предметы и орудия тагарско-таштыкского этапа до сих пор представляют большую редкость в связи с неисследованностью поселений этого переходного периода. Однако при раскопках дворца найдены довольно многочис-

¹⁰⁷ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха (I в. до н.э. — V в. н.э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины. Автореф. канд. дис. М., 1953. С. 3, 4, 11; он же. Таштыкская эпоха. С. 83–86, 110, 115, 147, 148, 162–164. Рис. 29.

¹⁰⁸ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха. С. 163, 164.

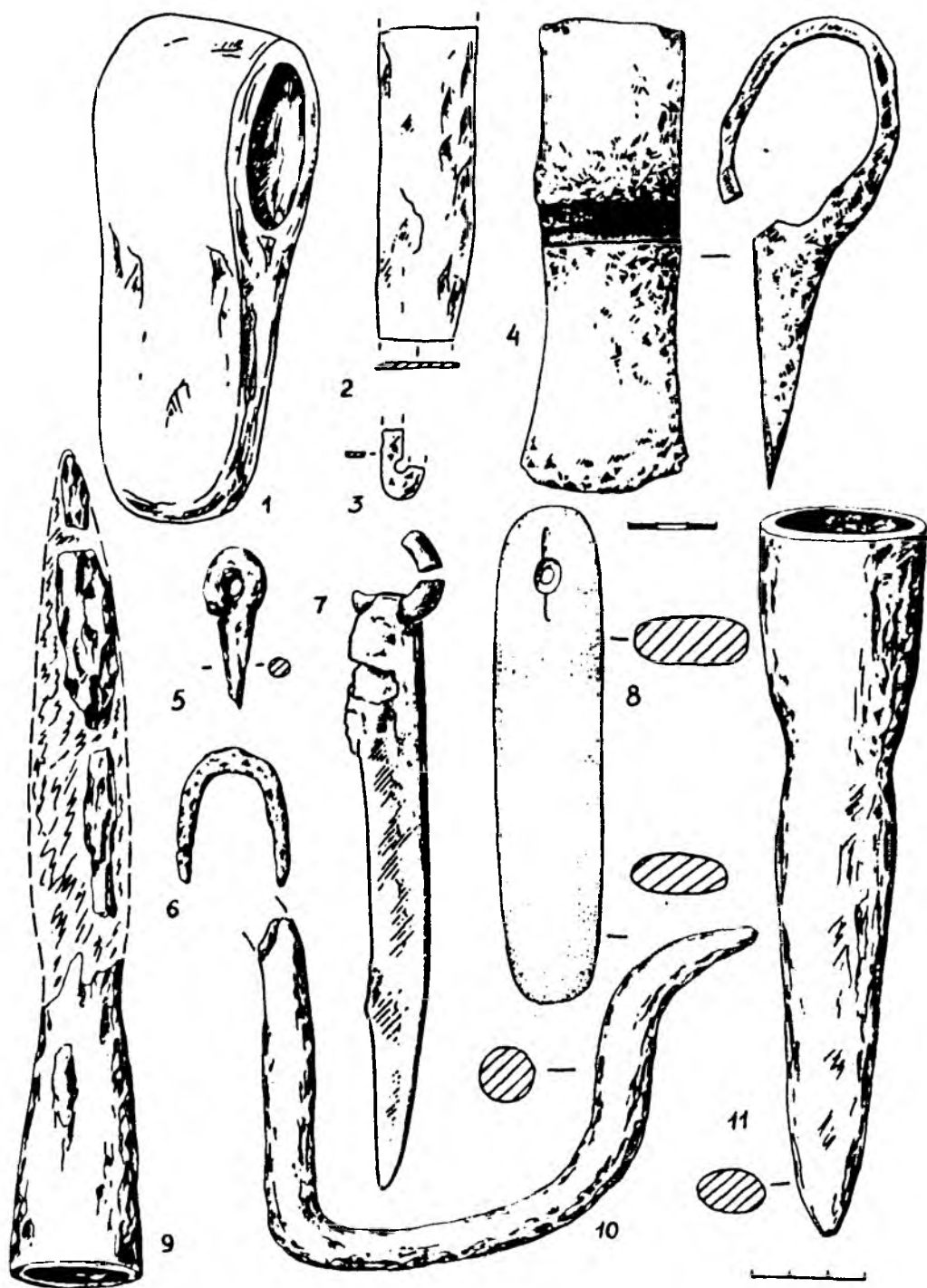

Рис. 39

Местные предметы из дворца. II — первая половина I в. до н.э.:

- 1 — молот, 2 — обломок лезвия меча, 3 — обломок застежки, 4 — проушной топор из комнаты Б,
 5 — пробой с кольцом, 6 — скоба, 7 — кольчатый нож, 8 — мусат для правки лезвий,
 9 — наконечник копья, 10 — крюк для подвешивания туш на зиму, 11 — пешня
 (8 — камень, остальное — железо)

ленные местные изделия: 11 железных и один каменный предмет, а также небольшое количество обломков керамических сосудов¹⁰⁹.

Топоровидный проушной дробильно-колющий *железный молот* (длиною 17 см) с массивным оттянутым назад обухом (шириной 5 см) и округло обитым рабочим концом не имеет бородки (рис. 39, 1). Он найден в центральном зале на участке 17. Лишен бородки и *железный проушной топор* типа колуна, с расширенным приваренным лезвием, найденный на дне ямы в центре комнаты Б (рис. 39, 4). Проух топора, выкованный из отдельной пластины, был приварен к первоначально откованному неширокому рубящему клину. Предмет был подвергнут сравнительному типологическому анализу¹¹⁰. Другой «проушной узколезвийный топор с отроостком в верхней части обуха» был обнаружен в северо-восточной части раскопа I в нижней части культурного слоя. Небольшие проушные парадные топоры без бородок, изготовленные из бронзы и железа, употреблялись в тагарской культуре с VI в. до н.э.¹¹¹. В ММ хранятся такие топоры без бородок: железный из с. Лугавского (инв. № 6825; длина 7 см) и цельнолитой из красной бронзы (№ 456). Однако все три топоровидных орудия из Ташебинского дворца типичны именно для II начала I в. до н.э. Аналогичные железные топоры входят в состав Аскыровского (11 экз.) и Потрошиловского (3 экз.) кладов, датируемых этим временем¹¹². Серию аналогичных орудий увеличивают топоры в собрании ММ (№ 7906) и ККМ (№ 131/44, с. Кривинское; № 738, Хакасия).

Железный нож с кольцом-навершием (рис. 39, 7) постоянно привлекался для решения вопроса о датировке памятника¹¹³. Это орудие, найденное на полу у южной стены центрального зала близ двери, ведущей в вестибюль (уч. 18-О), характерно не только для большинства памятников Южной Сибири II-I вв. до н.э., но и для Западного Казахстана. На Оби и Среднем Енисее эта форма безусловно местная, воспроизводящая в железе типично тагарские бронзовые ножи с кольцами¹¹⁴. Затем, в эпоху Хань, кольчатые ножи широко распространились по Забайкалью и далее на восток, вплоть до Порт-Артура и Центрального Китая¹¹⁵.

¹⁰⁹ Кыласов Л.Р. Гуннский дворец. С. 37-45.

¹¹⁰ Кыласов Л.Р. Таштыкская эпоха. С. 163.

¹¹¹ Кыласов Л.Р. Железный топорик из Синяино // КСНММК. 1948, вып. 20; он же. О городе. Рис. 9.

¹¹² Кыласов Л.Р. Таштыкская эпоха. С. 163, примеч. 12; он же. О городе. С. 53. Рис. 21; он же. Гуннский дворец. Рис. 15-22.

¹¹³ Евтюхова Л.А. Древнекитайское здание на Енисее // ВДИ. 1946, № 1. С. 111; она же. Развалины дворца. С. 83, 84; Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 82. Рис. 41, а; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1949. С. 270. Табл. XLV, 10 (2-е изд.: 1951. С. 480. Табл. XLV, 10); Кыласов Л.Р. Таштыкская эпоха. С. 163; он же. О городе. С. 51. Рис. 20, 1.

¹¹⁴ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. Табл. XXIII, 12, 25; Писеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. Рис. 3; Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби // МИА, № 48. М.-Л., 1956. С. 96-97. Табл. XXIV, 5, 6; XXVI, 12, 13; Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае. СПб., 1997. Рис. 6, 2; Гладылин А.В. Металлические орудия железного века средней Ангары // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 210-214; Кушаев Г.А. Новые памятники железного века Западного Казахстана // КСИА. 1978, вып. 154. Рис. 3, 14.

¹¹⁵ Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 82; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1949. С. 270. Табл. XLV, 11 (1951: с. 480. Табл. XLV, 11); Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб., 1996. Табл. 50. Рис. 80. Табл. 70. Рис. 20, 21; Коновалов П.Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989. С. 15; Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы. С. 237, 238. Рис. 55.

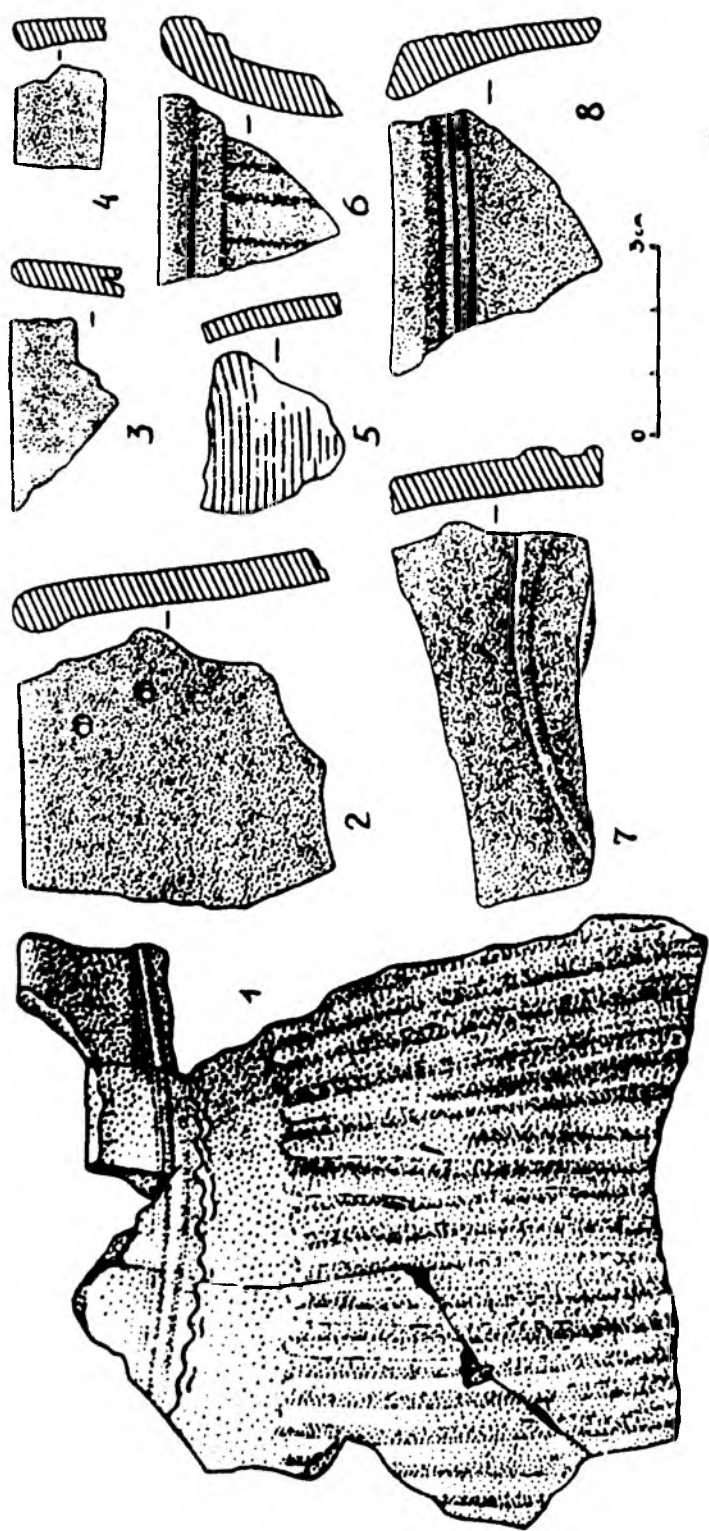

Рис. 40

Части глиняной посуды из двора: 1, 5 — гуннской, 2, 4, 7, 8 — местной лепной тагарско-таштыкского переходного этапа; 3 — дальневосточной; 6 — кусок горла центральноазиатской вазы

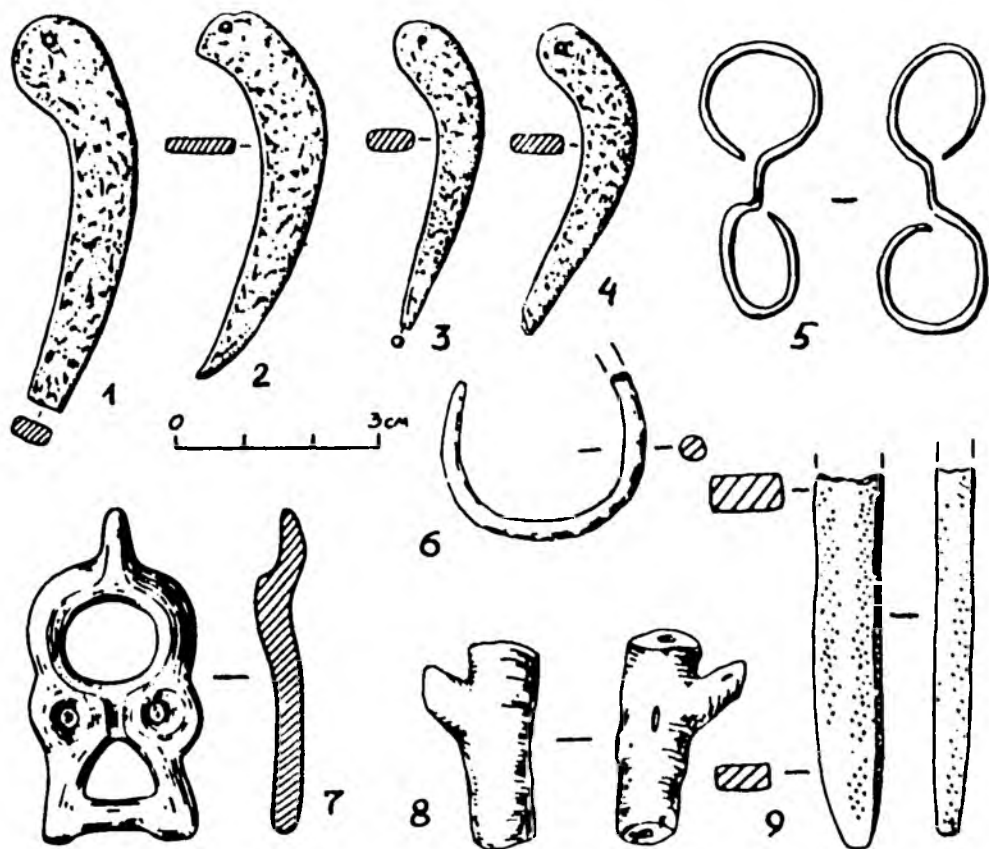

Рис. 41

Гунгунские украшения из дворца: когтевидная привеска (4), золотая серьга (5), проволочное височное кольцо из бронзы (6), бронзовая пряжка (7), коралловая бусина (8), подвеска из зеленого нефрита (9). Случайно найденные у дер. Ключи (долина Среднего Енисея) гунгунские когтевидные подвески (1-3). Белый нефрит.

Минусинский музей, № 45, 49, 50.

Две аналогичные подвески из Знаменского клада хранятся в Эрмитаже

Другие железные орудия, встреченные при раскопках дворца, известны только по рисункам Л.А. Евтюховой. Таковы железная втульчатая *пешня* (рис. 39, 11), найденная на полу в проходе из центрального зала в комнату М (до того тагарские пешни были бронзовыми¹¹⁶); *наконечник втульчатого копья* с плоским колющим пером (рис. 39, 9), обнаруженный в северо-западном углу центрального зала (уч. 17-Д; три аналогичных копья и граненая пика обнаружены теперь в Потрошиловском кладе¹¹⁷); *пробой-кольцо* (рис. 39, 5), найденный в центральном зале и кованый *крюк* для подвешивания туш скота (рис. 39, 10) (комната В). Кусок плоского лезвия *клинки* (рис. 39, 2) хранится в ГИМ (вероятно, он найден в северо-восточном углу зала). Местонахождение обломка, происходящего, можно

¹¹⁶ Левашева В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939. Табл. VII, 6.

¹¹⁷ Кыласов Л.Р. Гунгунский дворец. Рис. 20.

думать, от *железной пряжки* (рис. 39, 3), ныне не известно. Железная скоба (рис. 39, 6), найденная в комнате Ж, а также *мусат* из гальки (рис. 39, 8) находятся в ГИМ. Последнее изделие найдено вне здания у его северной стены на глубине 80 см (уч. 8-Е). Такие оселки обнаружены в карасукских, тагарских и таштыкских могилах¹¹⁸, существовали они и в тагарско-таштыкское время. В комнате В найдена половина бронзового проволочного *височного кольца* (рис. 41, 6). Особую категорию местных изделий составляют бронзовые дверные ручки-маскоиды, рассмотренные нами при решении вопроса о назначении здания.

Для определения даты и культурной принадлежности памятника наиболее показательна *местная керамика*, обнаруженная в обломках, прежде всего в юго-западном углу на полу комнаты 3, а также, что важно, в строительном мусоре снаружи у юго-западного угла дома под обломками рухнувшей с крыши черепицы¹¹⁹. Сложившееся в 40-х годах ошибочное представление о таштыкской принадлежности найденных черепков¹²⁰ объясняется тем, что представление о посуде тагарско-таштыкского переходного этапа появилось в науке позже. Новый анализ всей совокупности известных материалов показал, что таштыкской глиняной посуды в культурном слое дворца вообще не обнаружено¹²¹. Черепки узкогорлой центральноазиатской (но не гуннской!) *вазы* из серой аморфной глины (рис. 40, 6) и позднетагарского *баночного сосуда* со скошенным наружу верхним краем, встреченные на полу здания, оказались тагарско-таштыкскими (рис. 40, 8). Так же по форме и технике изготовления определяются обломки серых баночных сосудов, с округленными, слабо скошенными венчиками и накладными валиками (рис. 40, 2, 3, 4, 7). Аналогичные сосуды и вазы найдены в могилах переходного этапа (II-I вв. до н.э.)¹²².

Гуннские предметы и обломки типично гуннских *сосудов* также были собраны в здании: горшкообразный обломок с волнистым по шейке и характерным вертикальным каннелюрованным узором по тулову, идущим сверху вниз (рис. 40, 1; 26 обломков в дверном проеме, ведущем из зала в комнату В); бочонковидный с волнистым узором поперек тулова (рис. 42, 3) и третий — сплошь заштрихованный по туловищу (рис. 40, 5)¹²³. Сосуд с волнистым орнаментом найден на участке, поврежденном строительством шоссе, выше уровня прорезавшей материк могилы № 1, т.е., очевидно, происходил из вестибюля здания¹²⁴. Эти находки упоминались при обосновании датировки и характера дворцового здания как в полевых отчетах, так и в публикациях исследовательниц¹²⁵. Однако лишь остатки

¹¹⁸ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха. С. 164.

¹¹⁹ Еятухова Л.А. Развалины дворца. С. 84.

¹²⁰ Еятухова Л.А., Левашева В.П. Ответ А.Н. Бернштаму. С. 574; Еятухова Л.А. Развалины дворца. С. 84.

¹²¹ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха. С. 164; он же. О городе. С. 53, 54.

¹²² Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха. С. 164, примеч. 2 и рис. 15, 1, 2; Пиеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа. Рис. 4, 10, 13; она же. Тесинский этап // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Рис. 47, 1.

¹²³ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха. С. 164.

¹²⁴ Ср.: Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 79, 13 и 112, 22.

¹²⁵ Архив ИА РАН, ф. 12, д. 16, л. 154; Еятухова Л.А., Левашева В.П. Ответ А.Н. Бернштаму. С. 574; Еятухова Л.А. Развалины дворца. С. 84.

первого сосуда были изданы в виде рисунка¹²⁶. Ныне названные находки встречаются точные аналогии среди древнейших гуннских сосудов из погребений Забайкалья и Монголии¹²⁷.

Типично гуннским предметом, обнаруженным на горизонте за северной стеной Ташебинского дворца (уч. 7-Г), является белонефритовая *когтевидная привеска* (рис. 41, 4). Аналогии этим изделиям ныне добыты раскопками в Забайкалье¹²⁸. Они известны также среди курганных¹²⁹ и случайных находок в Хакаско-Минусинской котловине (ММ: две — из дер. Ключи, одна, халцедоновая, — из Бей: рис. 41, 1, 2, 3) и в Туве¹³⁰. Две происходят из Знаменского клада (ГЭ).

Гуннской по месту изготовления является *бронзовая пряжка* с выступающим неподвижным шпеньком и двумя круглыми впадинами по бокам (рис. 41, 7), ошибочно оцененная авторами раскопок как местное приенисейское изделие¹³¹. Пряжка найдена в северо-западной части углового помещения А среди обломков черепицы, близ уровня пола здания. Этот тип пряжек, завершивший развитие древних форм, изображавших две головки горных козлов, сливающихся рогами, особенно характерен для ранних гуннов II — начала I в. до н.э.¹³². Гуннскими, вероятно, являются также обломанный железный *наконечник стрелы*, медная *бусинка*, золотая *серьга* в виде восьмерки (рис. 41, 5), некогда втоптанная в глинобитный пол в центре комнаты Д близ северного простенка зала. Аналогичные серьги встречены в гуннском Дэрестуе¹³³. К гуннской группе отнесем и некоторые *обломки изделий* из бронзовой проволоки и железа. Такова «половина бронзового проволочного височного кольца», найденная в комнате В (рис. 41, 6).

Дальневосточные вещи были собраны во дворце: *бусина-привеска* из ветки розового коралла, *бусина* из просверленного куска такого же коралла¹³⁴ (рис. 41, 8) (последняя обнаружена в 1941 г. на участке 14-Х или 14-О, близ юго-восточного угла центрального зала); обломки морских *перламутровых раковин* (находка у южных дверей зала); обломки *сосудов* великолепного обжига, сделанных на гончарном круге из тонко отмученной глины¹³⁵ (рис. 42, 2); аналогичные по техноло-

¹²⁶ *Евтюхова Л.А.* Развалины дворца. Рис. 27; *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1949. С. 270. Табл. XLV, 6 (1951. С. 482. Табл. XLV, 6). См. также: *Кызыласов Л.Р.* Таштыкская эпоха. С. 164; *он же.* О городе. С. 54. Рис. 22, 1.

¹²⁷ *Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Табл. 5, 23, 47, 16; *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.-Л., 1962. Рис. 31, е; *Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. Табл. XXV, 1 б.

¹²⁸ *Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Табл. 1, 18; 29, 16, 31; 73, 1, 3; *Davydova A.V.* The Ivolga gorodishche // Acta Archaeologica ASI. T. 20. Budapest, 1968. Fig. 18, 38–43.

¹²⁹ *Кызыласов Л.Р.* Таштыкская эпоха. С. 164, примеч. 13.

¹³⁰ *Кызыласов Л.Р.* О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 118. Рис. 1.

¹³¹ *Евтюхова Л.А., Левашева В.П.* Раскопки. С. 82. Рис. 39; *Евтюхова Л.А.* Древнекитайское здание. С. 111; *Евтюхова Л.А.* Развалины дворца. С. 84; *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1949. Табл. XLV, 8 (1951. Табл. XLV, 8); см. также: *Кызыласов Л.Р.* Таштыкская эпоха. С. 164; *он же.* О городе. С. 54. Рис. 20, 3.

¹³² *Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Табл. 1, 8, 47, 10, 72, 29.

¹³³ *Талько-Гриницкий Ю.* Материалы к палеонтологии Забайкалья // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Т. 3, вып. 2–3. Иркутск, 1902. Табл. III, 1.

¹³⁴ *Евтюхова Л.А., Левашева В.П.* Раскопки. С. 82; *Кызыласов Л.Р.* Таштыкская эпоха. С. 164; *он же.* О городе. С. 54.

¹³⁵ *Кызыласов Л.Р.* Таштыкская эпоха. С. 164; *он же.* О городе. С. 54, 55.

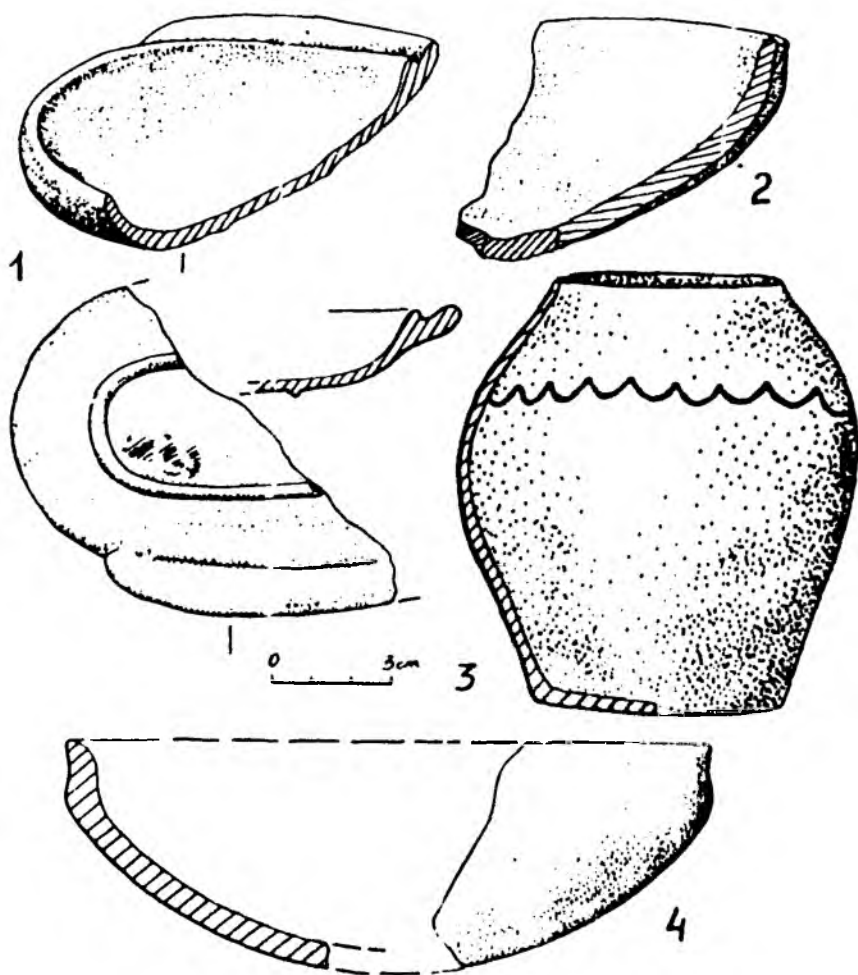

Рис. 42

Ташебинский дворец. Импорт с Дальнего Востока:
1 — обломок овальной вазочки из светло-зеленого нефрита,
2, 4 — части чаш. Гуннский глиняный сосуд (3). Без масштаба

гии обломки изящных *округлодонных чаш* (рис. 42, 4), один из которых найден внутри отопительной печи, устроенной в комнате 3¹³⁶, а другой, вероятно, у южной стены центрального зала. Особо выдающимся украшением стола была *овальная вазочка* с ручкой-выступом по одной из длинных сторон (рис. 42, 1). Она вырезана из светло-зеленого нефрита по форме лаковых чашечек для вина эпохи Хань¹³⁷. Это изделие было обнаружено у северной стены вестибюля к западу

¹³⁶ Евтюхова Л.А. Развалины дворца. С. 84.

¹³⁷ Евтюхова Л.А. Древнекитайское здание. С. 111; Евтюхова Л.А. Развалины дворца. С. 84; Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 81. Рис. 41 б; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1949. С. 270. Табл. XLVI, 7 (1951: с. 480. Табл. XLVI, 7); Кыласов Л.Р. Таштыкская эпоха. С. 164; он же. О городе. С. 55. Рис. 20, 2; ср.: Trever C. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932. Pl. 29, 30; Давыдова А.В. Иволгинское городище // СА. 1956, т. XXV. Рис. 24 (камень).

от прохода в главный зал. За северной стеной дома найден нижний конец *привески* из зеленого нефрита (рис. 41, 9). Исследователи сравнивали ее с коттевидными подвесками гуннов¹³⁸. В центральном зале дворца еще найдены вкрапленные в пол кусочки голубого и красного лака.

Дальневосточные предметы, вероятно, являются остатками обычных для гуннской знати импортных китайских изделий, получаемых с помощью торговли или в виде подарков послам и гуннским шаньюям, наезжавшим в Китай, а иногда получаемых и в результате брачных связей с Домом китайских императоров. Археологам известны многочисленные ткани, разнообразные предметы роскоши (лаковые чашечки и зонты), являющиеся импортом из Китая. Они обнаружены при раскопках курганов гуннской знати в монгольских горах Ноин-Ула¹³⁹.

Датировка дворца — проблема, требующая подробного разбора. «Но есть в истории Хягяс одна деталь, которая заставляет с особым интересом относиться к развалинам здания близ колхоза „Сила“» — писали о нем проводившие раскопки археологи¹⁴⁰. Эта историческая деталь, весьма и весьма значимая для понимания особенностей средневекового развития Южной Сибири, которой и посвящена вся вторая половина нашей книги 2001 г.¹⁴¹, породила повышенное внимание к сугубо археологической проблеме датировки Ташебинского дворца. Оно вызвало активное обсуждение сразу же после первой публикации об этом неординарном памятнике¹⁴². Прозвучавшая тогда критика заключений, сделанных раскопщиками дворца, оказалась невалифицированной. Эта особенность, к сожалению, и по сей день отличает попытки изменить археологические оценки ташебинских материалов, о чем придется говорить на этих страницах.

Время строительства и использования дворцового здания на р. Ташебе надежно устанавливается по целому комплексу данных, принадлежащих к разным сферам археологической науки и в силу этого независимых друг от друга, взаимно проверяющих получаемые результаты. Здесь, как мы видели в соответствующих разделах, и стратиграфические наблюдения (вторичное использование обваловавшихся руин в раннеташтыкское время, а также последовательность слоев окружающего поселения), и результат сравнительно-типологического анализа сделанных в здании находок (местных тагарско-таштыкского переходного этапа, гуннских и китайских ханьских), и особенности строительных материалов (прежде всего формы черепицы), и эпиграфические заключения (палеографического и лингвистического свойства). Совокупно дата здания совпадает с эпохой гуннского владычества на Саяно-Алтае и со временем пребывания на Енисее гуннского наместника Ли Лина, поскольку надежно определяется началом и первой четвертью I в. до н.э. (но не позже середины I в. до н.э., когда закончилась власть гуннов и началась новая, таштыкская эпоха). Особенно показательно наличие во дворце обломков собственно гуннской посуды, никогда не встречающейся в местных памятниках и повсюду в Южной Сибири связанной с пребыванием самих

¹³⁸ Архив ИА РАН, ф. 12, д. 16, л. 142об., 152об.

¹³⁹ Trever C. Excavations in Northern Mongolia.

¹⁴⁰ Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 83.

¹⁴¹ Кыласов Л.Р. Гуннский дворец. С. 126–145.

¹⁴² Бернштам А.Н. [Рец. на:] Евтюхова Л., Левашева В. Раскопки китайского дома близ Абакана // Известия АН СССР. Серия истории и филологии. Т. III, № 5. 1946; он же. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 71–74; Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Ответ А.Н. Бернштаму; Евтюхова Л.А. Развалины дворца. С. 83, 84.

гуннов. Поэтому археологи Л.А. Евтюхова, В.П. Левашева и С.В. Киселев, а затем и автор этих строк имели основания предположить, что здание было специально построено для Ли Лина¹⁴³. С таким предположением согласились и специалисты-синологи, внимательно изучавшие ханскую эпоху (В.М. Алексеев и Л.З. Эйдлин)¹⁴⁴, хотя прямых письменных свидетельств о точном месте проживания Ли Лина в Южной Сибири нет. Однако для этого времени нет свидетельств и о каких-либо других высокопоставленных гуннских наместниках, обитавших в бассейне Енисея.

Здесь мы вынуждены сделать отступление. Дело в том, что, как уже приходилось писать¹⁴⁵, никак нельзя согласиться с оценкой дворца, появившейся в печати¹⁴⁶. Статья С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова написана резко, необщительна и, главное, — не исторично. Памятник рассматривается в полном отрыве от местной культуры. Анализ архитектуры и важнейших находок (керамики и предметов) отсутствует, стратиграфия не рассмотрена и не учтена. Следовательно, археологическая дата застройки дворца осталась не опровергнутой авторами. При разборе письменных знаков ташебинских черепичных дисков ссылка на указ императора Ван Мана об изменении начертания одного из иероглифов в названии китайской столицы того времени — «города Чанъань, а также в названиях некоторых чиновничьих должностей» была бы уместной, если бы речь шла о территории Китая. Но дворец на р. Абакан находился «за 10 тысяч ли» от Чанъани, на северо-западной окраине государства гуннов, на земли которого юрисдикция Ван Мана никогда не распространялась. К тому же гуннский шаньюй Учжулю, как известно, не признал узурпатора Ван Мана и начал большую войну с Китаем¹⁴⁷. Исследователи, пересматривающие палеографическую датировку южносибирских дворцовых надписей, кроме того, не учли всей полноты данных, предоставляемых для эпохи известными эпиграфическими памятниками. Следует напомнить, что и в Китае задолго до Ван Мана, еще во время правления У-ди (140–87 гг. до н.э., т.е. в период существования Ташебинского дворца), известен случай употребления того же написания иероглифа *чан* в надписи, высеченной князем Лю Анем в память своего отца Лю Чана. На это указывал еще С.В. Киселев¹⁴⁸. Следовательно, эпиграфический довод, на котором основываются авторы, нужно отвергнуть.

Поражает заявление С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова о том, что «тысячу лет спустя авторы китайской династийной истории Таншу вспомнили о Ли Лине в разделе, посвященном племени хягас». Вспомнить через тысячу лет нельзя, но можно иметь древние письменные документы об этом событии. Нет никаких оснований заявлять, что таковых, ныне утраченных документов не было у авторов «Таншу» и других сочинений. Не случайно память о Ли Лине хранили не только

¹⁴³ Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки. С. 83–84; Евтюхова Л.А. Древнекитайское здание. С. 111, примеч. 2; Евтюхова Л.А. Развалины дворца. С. 84, 85; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.–Л., 1949. С. 268 (1951. С. 479); Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха. С. 164.

¹⁴⁴ Алексеев В.М. Китайская классическая проза. С. 22.

¹⁴⁵ Кызласов Л.Р. О городе. С. 45–64.

¹⁴⁶ Вайнштейн С.И., Крюков М.В. «Дворец Ли Лина» или конец одной легенды.

¹⁴⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950. С. 106–112.

¹⁴⁸ Киселев С.В. О древней черепице в музеях Китайской Народной Республики // СА. 1960, № 3. С. 312, примеч. 9.

китайские историки, но и еще в IX в. правящая династия Древнехакасского государства. Некорректно даже намеком упрекать в легкомыслии, как это сделано авторами статьи, такого серьезного ученого, как Н.Я. Бичурин, который доверился сообщению «Таншу» и перевел его на русский язык.

Необоснованно полагать, что на черепицах крыши дворца оттиснуты иероглифические «благопожелания китайскому императору». Там, по чтению М.В. Крюкова, написано: «Сыну Неба тысячу осеней и десять тысяч лет вечной радости без горя». Прежде всего, приведенный перевод на русский язык неверен. Ни по-русски, ни по-китайски нельзя в одной и той же фразе желать одному и тому же лицу одновременно то *одну тысячу* осеней, то уже *десять тысяч лет* «вечной радости без горя». В.М. Алексеев, точно поняв смысл надписи, восстанавливал в ней пропущенное обозначение второго лица. Ни при чем здесь и император Китая. Иероглифическая письменность в то время являлась единой международной письменностью не только для Дальнего Востока, но и в стране гуннов. Многие гунны пользовались ею, а некоторые (подобно Вэй Люю) получили ханьское образование. Археологам хорошо известно, что начертанные надписи или оттиски штампов с отдельными иероглифами нередко встречаются на собственно гуннских глиняных сосудах, изготовленных гуннами в их древней традиции, и на разных сделанных гуннами же бытовых предметах, найденных при раскопках гуннских городищ и погребений¹⁴⁹. Следовательно, гунны применяли иероглифику для внутренних нужд собственного общества. Судя по многочисленным находкам, ханьские монеты с иероглифическими надписями были в обращении в стране гуннов. Той же письменностью пользовались шаньюи при дипломатической переписке с ханьским двором¹⁵⁰. Подобные ситуации нередки в истории культуры. Известно, например, что монголы и кипчаки Золотой Орды в архитектурных украшениях применяли только персидскую письменность, а таджики и узбеки — арабскую. В Европе международным языком для архитектуры служила и служит латынь. О жуаньжуанях (IV–V вв.) источник сообщает, что они «постепенно познакомились с письменностью (иероглифической. — Л.К.), и к настоящему времени среди них много ученых»¹⁵¹. Вот и гунны в архитектурном декоре применили международную для всей Юго-Восточной Азии иероглифическую письменность, получившую официальное применение и в самой гуннской державе. Гунны унесли с собой эту письменность далеко на Запад¹⁵².

Следует исходить также из того, что «Сыном Неба» называли своего императора не только ханьцы, что общеизвестно, но и гунны своего владыку «Великого

¹⁴⁹ Давыдова А. В. Иволгинское городище. Рис. 13 и 25, 1.

¹⁵⁰ На основании находок иероглифов на бытовых предметах в литературе поначалу прозвучало заключение о сооружении гуннских поселений китайцами. Эту ошибку сразу выявил С.В. Киселев (Древние города Монголии // СА. 1957, № 2. С. 92), что признала затем и А.В. Давыдова.

¹⁵¹ Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. С. 289, 404.

¹⁵² По изданному рисунку найденной в Крыму погребальной сарматской стелы II–III вв. с изображением двух всадников (Чореф М.Я., Шульц П.Н. Новый рельеф сарматского круга // СА. 1972, № 1. С. 137. Рис. 3 и 5) британский лингвист Дж. Клосон определил начертанную ниже рельефа вертикальную строку как иероглифическую надпись и прочел ее: «Двое верхом». Тогда же, сообщив мне об этом в личном письме, исследователь отметил, что китайские иероглифы выполнены почерком *да чжуань* и относятся к ханьскому времени. Привлеченные мною к обсуждению вопроса синологи С.Е. Яхонтов, К.В. Васильев и Л.Н. Меньшиков подтвердили мнение Дж. Клосона. Ныне я считал, что эта надпись была начертана не китайцем, а гунном — в это время в Крыму только гунны знали ханьское письмо.

шаньюя», что известно гораздо меньше. Однако, если даже официальный историограф Сыма Цянь писал, что гунны при Маодуне «образовали государство, равное по силе Срединному государству», если император Сяо-вэнь (в 162 г. до н.э.) в письме гуннскому шаньюю подчеркивал: «Хань и сюнну — равные по силе соседние государства», то что же об этом думали сами гунны? Письма шаньюев ханьским императорам начинались словами: «Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный, Великий шаньюю сюнну...». В 89 г. до н.э. в письме шаньюя Хулагу императору У-ди было сказано: «На юге есть великое государство Хань, а на севере могущественные хусцы (гунны. — Л.К.); хусцы — это любимые Сыны Неба, поэтому не обременяю себя мелкими правилами приличия». По данным ханьского историка Бань Гу, «шаньюю — означает „обширный“ и показывает, что носитель этого титула „обширен подобно небу“» (в переводе Н.Я. Бичурина: «Шаньюю значит: величайший, т.е. в великости подобный Небу»). Подразумевается, что под властью шаньюя, словно под небом, находится вся земля. Пораженный тем, что гунны называют шаньюя «Сыном Неба», китайский автор «Ханьшу» записал соответствующие слова языка гуннов: «Шаньюю происходит из фамилии Люаньди. В их государстве его именуют „Чэнли гуду шаньюю“. Сюнну называют небо — чэнли, а сына называют — гуду»¹⁵³. Употребление этого титула — не единственный случай в истории степных народов. Гаогюйского владетеля конца V в., как только он объявил себя независимым государем, с гораздо меньшим основанием, чем гуннского шаньюя, вельможи называли «Великий сын Неба».

Следовательно, надписи, оттиснутые штампами в 98 г. до н.э. на кровельных черепицах дворца на Ташебе, где никак не мог не только появиться император Поднебесной, но куда в те времена не ожидался ни приезд ханьских послов, ни вообще каких-либо китайцев, надеявшихся затем вернуться на родину, являлись благопожеланиями государю гуннов — «Сыну Неба». Они были облечены в традиционную форму благопожеланий императорам. Этим подчеркивалось равенство шаньюя и ханьского императора. Надписи, как и Ташебинский дворец в целом, могли быть созданы знавшими китайскую письменность гуннами (или по их распоряжению людьми, находившимися в их государстве) и для гуннов.

В ханьском Китае, как мы видели, подобным образом здания не строили и, что, быть может, особенно важно в данном случае, именно так на черепицах не писали. С.В. Киселев, специально изучавший древнюю черепицу во многих музеях Китая, уточняя основанные на литературных данных выводы исследователей дворца, специально отметил, что «иероглифы, размещенные вокруг центральной выпуклины, как это имеет место на дисках из дома, раскопанного близ Абакана, не встретились мне ни разу»¹⁵⁴. Ташебинские надписи были рассчитаны на прочтение их приезжающими гуннскими вельможами или, вполне возможно, самим шаньюем. Они, следовательно, носили остросоциальный, престижный характер внутри гуннского государства. Давая приведенный выше перевод, В.М. Алексеев тонко почувствовал, что в этом благопожелательном тексте име-

¹⁵³ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 32, 45, 48, 128, 133; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах. Т. 1. С. 58, 113, 217. Ср. поздние записи из тюрко-монгольской мифологии: Потанин Г.Н. Ерке. Культ Сына Неба в Северной Азии. Материалы тюрко-монгольской мифологии. Томск, 1916.

¹⁵⁴ Киселев С.В. О древней черепице. С. 312.

ются в виду два лица, мужчина и женщина, царственная пара, хотя титул царицы по какой-то причине в надписи назван не был. По точному филологическому наитию широко образованный востоковед В.М. Алексеев справедливо дополняет переведенный древний текст в скобках: «(А той, которой мы желаем) 1000 осеней радости без горя».

По нашему мнению, в отштампованной формуле, размноженной более чем в 400 экземплярах дисков по крыше дворца, возведенного в городе правительственного наместника (рис. 38), речь идет о гуннском шаньюе и его супруге — старшей яньчжи. Автор текста не мог не упомянуть державную жену, но сделал это настолько политично, что даже без названия титула она отчетливо подразумевается. Очевидно, что сила воздействия печатного слова высоко оценивалась в гуннском государстве. Прямое смысловое значение текста для гуннов и всего податного населения Южной Сибири, очевидно, было следующим: «Великому шаньюю 10 000 лет мира. А его старшей яньчжи мы желаем 1000 осеней радости без горя».

Произведенная нами критика первоисточников перевела предположение о принадлежности Ташебинского дворца Ли Лину на новую ступень достоверности. Ранее оно основывалось на связи здания с гуннской и китайской культурами и археологической датировке его — и то и другое точно соответствовало главным вехам биографии полководца. Ныне в событиях его центральноазиатской жизни находят объяснение и содержательные особенности иероглифической ташебинской надписи¹⁵⁵. Подтверждают сказанное и все письменные первоисточники последующей эпохи Танской династии.

Обсуждая датировку Ташебинской усадьбы, нам остается сказать немного. Предположение авторов статьи «„Дворец Ли Лиина“ или конец одной легенды», что дворец на Абакане построен якобы для Имо — жены наместника Сюйбу Дана, ни на чем не основано, ибо источники не сообщают о стране, где жила эта супружеская пара. Кроме того, время их жизни (I в. н.э.) не совпадает с археологической датой дворца. Следует ясно осознавать, что именно предположения подобного рода, не подкрепленные ни фактическим материалом, ни должным уровнем критики источников (письменных и археологических), прежде всего и способствуют появлению не связанных с наукой легенд.

Китайский исследователь Чжоу Лян-куань, также не владевший археологическими фактами, ошибочно отнес дворец к I в. н.э. Справедливо считая, что его, судя по архитектуре, строили не китайцы, а «динлинские ремесленники», автор все же предположил, что это жилище Юнь — дочери гуннского шаньюя и китаянки Чжао-цзюнь¹⁵⁶. Однако и эта гипотеза не выдерживает проверки. Красавица Чжао-цзюнь была наложницей императора Юань-ди, который подарил ее шаньюю южных гуннов Хуханье в 33 г. до н.э. Она родила шаньюю двух сыновей. После смерти Хуханье в 31 г. до н.э. Чжао-цзюнь пришлось стать женой нового шаньюя Фучжуля. Последнему она родила двух дочерей, из которых старшей была Юнь. Первоначально шаньюй Учжулю в I-м году до н.э. послал эту Юнь «ко двору прислуживать вдовствующей императрице», т.е. в столицу Китая, где она жила какое-то время. Но в 13 г. н.э. Юнь стала женой гуннского военачальника Сюйбу

¹⁵⁵ Кызласов Л.Р. Гуннский дворец. С. 109–113.

¹⁵⁶ Чжоу Лян-куань. Развалины дворца в китайском стиле, обнаруженного в Южной Сибири // Каогу сюэбао. Пекин. 1956, № 4. С. 55–66 (на кит. яз.).

Дана. Вместе с мужем она участвовала в политических событиях в южных районах гуннских земель, прилегающих к Китаю, и в его столице Чанъани. В 23 г. восставший народ убил императора-узурпатора Ван Мана, и вместе с ним погибли Юнь и ее сын¹⁵⁷. О пребывании Юнь на далеком Енисее или о ее деятельности среди северных гуннов нет никаких данных.

Хозяином Ташебинского дворца был тот человек, о котором говорят не только ханьские или поздние письменные источники, но и со временем и с обстоятельствами жизни которого согласуются весьма точно полученные при раскопках эпиграфические и археологические данные. На основании сведений хроник знаменитый синолог XIX в. Н.Я. Бичурин писал: «Ли Лин остался у хуннов и получил во владение Хягас, где потомки его царствовали почти до времен Чингис-Хана. Шаньюй оказал Ли Лину должное уважение и женил его на своей дочери»¹⁵⁸. Знаменательно, что время пребывания Ли Лина наместником гуннов на Абакане и Енисее точно совпадает с археологически установленной датой обитания построенного по инициативе гуннских властей Ташебинского дворца¹⁵⁹.

* * *

Анализ археологических данных позволил не только определить культурную принадлежность дворца и весьма точно установить время его существования, но и, как следствие этого, вновь вернуться к вопросу о его обитателе. У автора, как и у его предшественников, производивших раскопки памятника, сегодня нет сомнений, что владельцем необыкновенного здания на р. Ташебе был ханьский полководец Ли Лин, ставший после пленения высоким гуннским вельможей — наместником всей Южной Сибири. Сведение воедино китайских летописных данных о Ли Лине, при соотнесении свидетельств ханьских и танских хроник, закономерно ставит новую для сибирской истории проблему — историю возникновения у ранних кыргызов-гяньгуней собственной династийной традиции¹⁶⁰. Возводимая к гуннскому времени и прямо к самому Ли Лину, эта прямая генеалогия последующих правителей Хакаско-Минусинской котловины в течение почти 20 веков служила господствующему клану — кыргызам — оправданием претензий на обладание всем Саяно-Алтайским нагорьем и извечно признавалась разноязыким местным населением — вплоть до XVIII в.

¹⁵⁷ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 39, 43, 44, 52, 60–63, 69, 70.

¹⁵⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах. Т. I. С. 73.

¹⁵⁹ При анализе части каменной скульптуры — головы коня, происходящей из этих мест и хранящейся в ММ (№ 18), нами высказано осторожное предположение о возможном расположении в этих местах и могилы Ли Лина (Кыласов Л.Р. Гуннский дворец. С. 123–125). Н.В. Леонтьев ошибся, когда без должного стилистического и сравнительно-типологического анализа отнес эту скульптуру к кругу ранних изваяний «окуневской культуры» (Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F. *Steinstelen der Okunev-Kultur*. Mainz, 2002. S. 97. Taf. 120, 300; Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006. С. 103, 227, № 300).

¹⁶⁰ Кыласов Л.Р. Гуннский дворец. С. 126–145.

ТЮРКО-СОГДИЙСКИЙ ГОРОД СУЯБ — СТОЛИЦА ЗАПАДНОТЮРКСКОГО КАГАНАТА

На территории Северной Киргизии, в долине р. Чу, в 8 км к юго-западу от г. Токмак расположено большое городище Ак-Бешим¹. Остатки этого некогда крупного города с планировкой, обычной для среднеазиатских городов раннего средневековья, были выбраны для широких исследований возглавлявшимся автором Чуйским отрядом Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедицией АН СССР в 1953–1954 гг. Отряд был в основном сформирован из сотрудников и студентов Московского университета, а его начальником был 29-летний старший преподаватель кафедры археологии².

1. Археологические основания отождествления Ак-Бешима с Суябом

Городище Ак-Бешим давно было известно востоковедам и археологам Средней Азии. В.В. Бартольд, побывав на нем в 1894 г., высказал предположение об отождествлении этого городища со средневековым городом Баласагуном — столицей караханидского государства XI–XII вв., известным по письменным источникам. Однако вместе с этим В.В. Бартольд отметил, что «для окончательного решения вопроса о Баласагуне мы не имеем достаточно данных; мы хотели только показать, что, судя по имеющимся теперь сведениям, Баласагун скорее мог находиться в Чуйской долине, чем в Восточном Туркестане. *Разумеется, вполне возможно, что открытие новых, более точных известий о Баласагуне приведет нас*

¹ Название дано мною по современному киргизскому произношению и официальным источникам периода работ. Прежние исследователи писали «Ак-Пишин».

² Главные результаты работ были опубликованы и служат основой настоящего раздела, см.: Кызласов Л.Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953–1954 гг. // КСИЭ. 1957, XXVI. С. 88–96; он же. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим // СА. 1958, № 3. С. 152–161; он же. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭ. 1959, т. II. С. 155–241 (о составе отряда см. с. 157, примеч. 6).

Предварительные сообщения публиковались уже о раскопках сезона 1953 г.: Кызласов Л.Р. Раскопки древнего Баласагуна // ВМУ. 1953, № 11. С. 159–160 (заметка); СЭ. 1954, № 3. С. 90 (хроника о докладе Л.Р. Кызласова); Окладников А.П. Археологические исследования в Киргизии // Вестник АН СССР. 1954, № 9. С. 50–55; он же. Работы Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953 г. // СЭ. 1954, № 2. С. 153–155.

**СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН
ГОРОДИЩА АК-БЕШИМ**

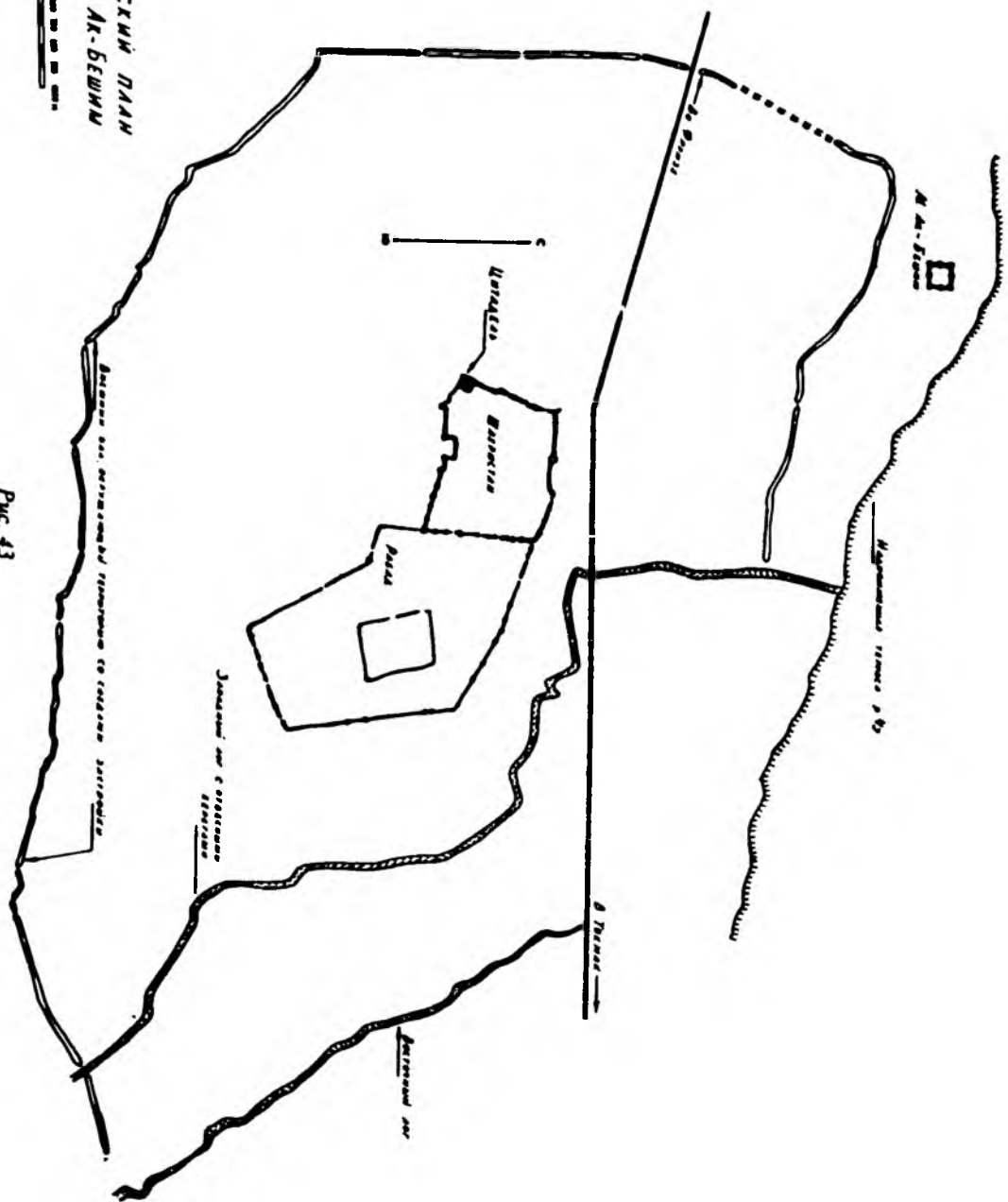

Рис. 43

Схематический план городища Ак-Бешим.
Г. Изомерная съёмка П. Н. Кожмеева

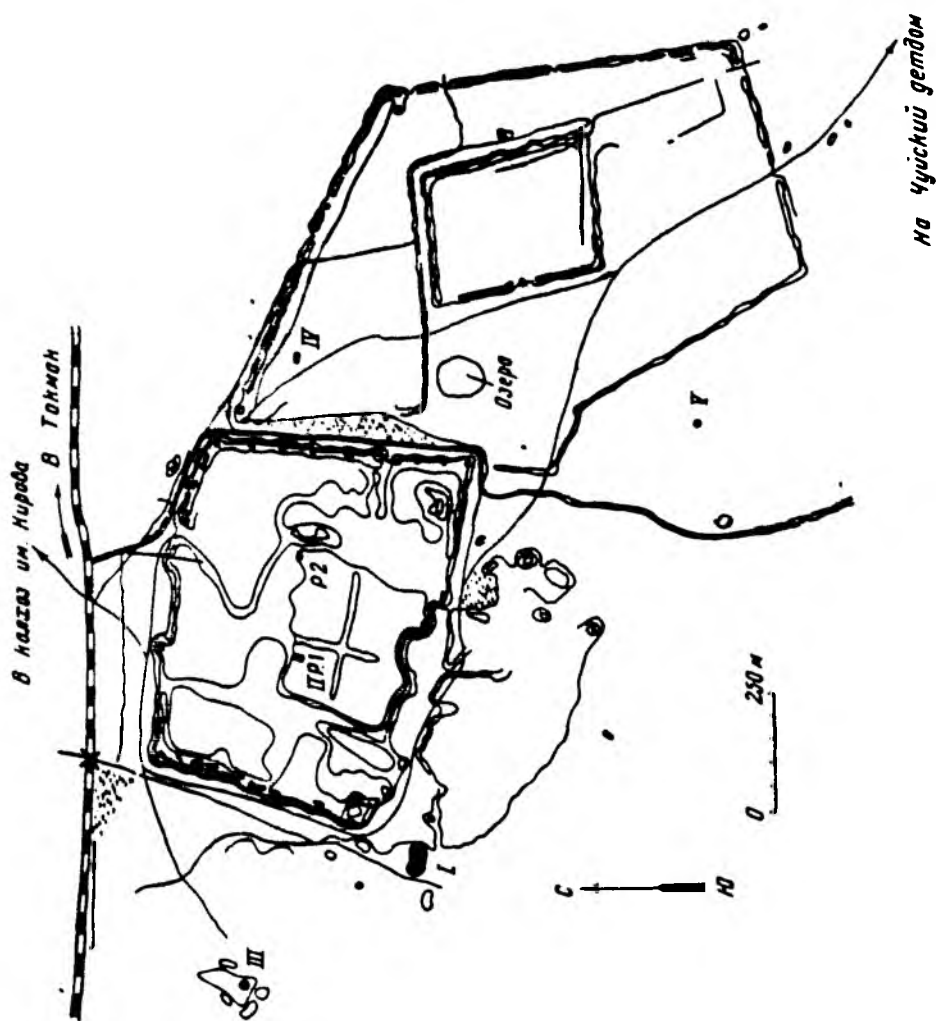

Рис. 44

Схема городища Ак-Бешим и расположение объектов I-V, раскопанных в 1953-1954 гг.

к совсем другому решению вопроса»³ (выделено нами). В 1927 г. городище было осмотрено М.Е. Массоном, который составил его общий схематический план⁴. В 1929 г. на нем побывал производивший разведочные работы в Чуйской долине археолог А.И. Тереножкин. Он описал ак-бешимский турткуль и опубликовал его план⁵. В 1938–1939 гг. разведочную шурфовку городища, а также небольшие раскопки за стенами шахристана произвела Семиреченская экспедиция ИИМК под руководством А.Н. Бернштама. Опираясь на немногочисленные археологические материалы, добытые при этих работах, он более категорично, чем В.В. Бартольд, но столь же ошибочно высказался за отождествление городища Ак-Бешим с древним Баласагуном⁶.

Впервые отправляясь на обследование Чуйской долины в 1953 г., мы располагали лишь данными специальной литературы и, избирая для решения поставленных задач самое крупное городище Ак-Бешим, вслед за своими учеными предшественниками допускали, что оно могло скрывать руины Баласагуна⁷. Однако материалы наших собственных раскопок показали иное (рис. 44). Основные выводы, сделанные нами в то время, могут быть сведены к следующему.

Все исследованные объекты располагались в основных частях городища Ак-Бешим (рис. 44), но нигде не было обнаружено ни жилых сооружений, которые относились бы ко времени позже X в., ни слоев, связанных с ними, ни жилых построек, сооруженных из обожженных кирпичей. В особенности показательны в этом отношении результаты исследования стратиграфического раскопа в центре шахристана.

Все это приводит нас к выводу, что город существовал между V и X вв., после чего по ряду причин жизнь в городских стенах и за его пределами замерла. В XI–XII вв., в караханидский период, город уже лежал в развалинах, но не представлял собой совсем пустынной местности. Весьма вероятно, что на территории городской округи кое-где проживало сельское население и городские развалины посещались. С этим надо связывать найденные в верхних слоях (далеко не всех объектов) отдельные караханидские монеты и, что характерно, клад из 76 монет (лежавших в кожаном кошельке в специально выкопанной ямке на холме объекта I), а также редкие обломки поливных чаш караханидского времени. В основных же слоях городища найдено 177 монет и их обломков. Среди них большое количество докараханидских тюркешских монет и монет других типов, но того же тюркешского круга с легендой, написанной на согдийском языке, и еще несколько китайских монет династии Тан⁸. Эти монеты подтверждают датировку объектов городища, которую дают нам археологические материалы.

³ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Записки АН. Серия VIII, т. I, № 4. СПб., 1897. С. 39–40; ср.: он же. К вопросу об языках согдийском и тохарском // Иран. Т. I. 1926. С. 36.

⁴ Известия Среднеазиатского музея. Таш., 1928, вып. III. С. 271.

⁵ Тереножкин А.И. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. // ПИДГО. 1935, № 5–6. С. 148, 149. Рис. 20.

⁶ Результаты работ экспедиции см.: ТСАЭ «Чуйская долина» // МИА. № 14. М.–Л., 1950; предварительная публикация: Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

⁷ Кыласов Л.Р. Раскопки древнего Баласагуна.

⁸ Перечень монет и основные сведения о них приведены ниже, в Приложении. Эти находки сдааны на хранение в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа. Определение монет произведено О.И. Смирновой, Б.И. Панкратовым и Е.А. Давидович. Новые нумизматические материалы с городища см.: Камышев А.М. Подъемный нумизматический материал с Ак-Бешимского городища //

Заметим, кстати, что как тюркешские монеты, так и монеты иных типов круга тюркешских имеют легенды, написанные не на тюркском, как полагал А.Н. Бернштам⁹, а на согдийском языке. Они были исследованы и прочитаны О.И. Смирновой, впервые установившей этот чрезвычайно важный факт¹⁰.

Все изложенное выше приводит нас к выводу, что отождествление городища Ак-Бешим с историческим Баласагуном, предположительно сделанное В.В. Бартольдом и поддержанное А.Н. Бернштамом (который при этом ссылаясь на мнимые каракидандьские памятники, якобы найденные им при раскопках 1940 г. в рабаде¹¹), не может быть ныне принято. Исторический Баласагун — блестящую столицу Караханидов XI–XII вв., город, просуществовавший, согласно письменным источникам, вплоть до XIV в., — надо искать в другом месте. Арабские авторы ас-Самани (XII в.), ал-Асир (XII–XIII вв.), Абу-л-Фида (XIII–XIV вв.) помещали Баласагун «поблизости от Кашгара за рекой Сейхуном»¹². В 50 км на юго-восток от г. Кашгара помещает Баласагун Ю. Мухлисов, специально рассматривавший связанные с этим источники¹³.

Здесь необходимо упомянуть и о расположенном в 5 км к юго-востоку от Ак-Бешима Бураинском городище, которое получило свое название по сохранившемуся на нем до сих пор караханидскому минарету XI в. («башня Бурана»), искусно сложенному из квадратных обожженных кирпичей. Этот обследованный нами в 1953–1954 гг. небольшой городок караханидского времени с развалинами мечети и небольшим количеством других зданий был сооружен караханидскими тюрками неподалеку от развалин большого города Суяба, в разрушении которого они, видимо, приняли непосредственное участие¹⁴. Но строительство этого ново-

Суяб. Ак-Бешим. СПб., 2002. С. 157–166 (автор беспричинно не учитывает возможность позднего хождения монет ранних выпусков); *Лившиц В.А.* Надписи на монетах с городища Ак-Бешим // Там же. С. 167–169.

⁹ *Бернштам А.Н.* Тюркешские монеты / ТОВЭ. Т. II. 1940; он же. Новый тип тюркешских монет // Тюркологический сборник. Вып. I. М.–Л., 1951.

¹⁰ *Кытасов Л.Р., Смирнова О.И., Шербаков А.М.* Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953–54 гг. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М.–Л., 1958. Т. XVI. С. 514–561; *Смирнова О.И.* К вопросу о языке легенд на тюркешских монетах // Тюркологические исследования. М.–Л., 1963; она же. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981. С. 398–405. Подробное исследование см.: *Кытасов Л.Р.* Культурные взаимосвязи тюрков и иранцев в VI–XIII вв. (язык, письменность, религия) // Ю. 2004. № 6.

¹¹ Пересмотр материалов из раскопанных А.Н. Бернштамом буддийской часовни и «монастыря», которые он датировал XII в., показал, что это памятники не моложе X в., как и остальные объекты Ак-Бешима. Находки караханидских монет и керамики свидетельствуют лишь о более позднем использовании стен развалин, а основные материалы датируются найденными там же тюркешскими монетами. Что касается черепицы китайского типа, то она относится к танскому времени и обломки ее обнаружены нами в объектах I, II, IV в слоях VIII, VIII–IX и X вв. См. аналогичную черепицу VIII в. с поминальных «храмов» тюркских каганов и вельмож в Монголии (Северная Монголия. Вып. 2. Л., 1927. С. 39–41, 78. Рис. 10). В одной из последних статей А.Н. Бернштам и сам отнес буддийскую часовню к IX–X вв. (см.: По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 295).

¹² *Валин С.* Сведения арабских источников IX–XVI вв. // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. А.–А., 1960.

¹³ *Мухлисов Ю.* Некоторые данные к биографии Юсуна Хас Хаджила Баласагуни // Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук. Вып. 3. А.–А., 1971. С. 72.

¹⁴ Ср. мнение А.Ю. Якубовского о Караханидах: «...их завоевание было первое время на грани XI–XII вв. для ряда городов, особенно небольших, полной катастрофой. По-видимому, большое потрясение пережили Самарканд и Бухара» (*Якубовский А.Ю.* Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их

го города не могло быть «перенесением» старого на иное место, что случалось с другими городами (например, с Афрасиабом—Самаркандом и т.д.). Это не может быть возрожденный на новом месте Баласагун, так как, во-первых, Буранинское городище не имеет слоев XIII—XIV вв., во-вторых, оно очень мало для того, чтобы быть Баласагуном XI—XIV вв. — тем огромным городом, каким он описан письменными источниками. В подтверждение приведем один только факт. В 1210 г. Баласагун, укрепленный мощными стенами, 16 дней осаждало большое войско кара-китаев (киданей), которые затем, ворвавшись в город, подвергли его трехдневному грабежу, причем погибло до 47 тыс. жителей-мусульман¹⁵. Такого рода событие невозможно связывать с городищем Бурана, его слабыми укреплениями и малой площадью при отсутствии жилых зданий, в которых должно было проживать гораздо больше 47 тыс. человек¹⁶.

Таким образом, ни городище Ак-Бешим, ни городище Бурана не могут связываться с историческим Баласагуном.

Многочисленные весьма ценные археологические материалы, полученные в результате раскопок 1953 г., при первой же их обработке позволили заключить, что раннефеодальный город, развалины которого известны ныне под киргизским названием Ак-Бешим, был крупным торговым, ремесленным, земледельческим и культурным центром Чуйской долины того времени (рис. 43). Основанный в V в., видимо, согдийцами-колонистами (судя по надписям на монетах, печатях, типам керамики и другим археологическим материалам), он имел разнотемное население. Здесь жили не только согдийцы, но и тюрки, а временами сирийцы и иногда даже китайцы. Этот город во все времена своего существования являлся важным пунктом Великого Шелкового пути и сохранял тесные торговые и культурные связи, как с центральными районами Средней Азии, так и с Восточным Туркестаном. В нем уживались общины, имевшие разную религиозную принадлежность: буддисты и христиане, среднеазиатские зороастрийцы и тюркские манихеи. Китайские источники утверждают, что в Суябе родился знаменитый поэт средневековья Ли Бо (701–762).

значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в. // ТОВЭ. Т. II. С. 17) (курсив мой. — Л.К.).

¹⁵ *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. 2-е изд. Фрунзе, 1943. С. 38.

¹⁶ Этот вывод поныне оспаривается археологами и историками Кыргызстана, которые, однако, не предоставили за прошедшие 50 лет никаких серьезных аргументов. Категоричные утверждения эпиграфиста В.Н. Настича, послужившие, наряду с нумизматическими материалами Б.Д. Кочнева, основанием для принятия С.Г. Агаджановым оспариваемого мною отождествления (см. его «Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв.» М., 1991. С. 243, примеч. 80), опираются не на указания местонахождения искомого города на серии кайраков из Бураны, а единственно на воспроизведенной в письменном источнике XVI в. надгробной надписи шейха Мухаммада Факиха, умершего в 1311–12 г. Между тем его нисба (Баласакуни) свидетельствует только о его происхождении, а отнюдь не о месте его упокоения. Не могут достоверно увязываться с Бураной и те «крыши высоких зданий: минаретов, дворцов, арок медресе», которые торчали «из-под песка» в «какой-то местности» в XVII в. (и которую, по Ибн Вали, жители связывали с бывшим Баласагуном). Караханидские монеты, изученные Б.Д. Кочневым, чеканились в XI в. в Баласагуне (или Куз Орду, как он еще именовался), но их обнаружение на городищах Ак-Бешим и Бурана не обязательно связывать с существованием там производившего их монетного двора (см.: *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна // Красная Речка и Бурана. Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе, 1989. С. 159, 167, 168, 175, 176; *Кочнев Б.Д.* Монетный чекан Куз Орду — Баласагуна (XI в.) // Там же. С. 144–158).

Правитель города от лица тюркских каганов выпускал собственную монету (со своим именем и тамгой)¹⁷. Сегодня нет причин полагать, как это было сделано в годы раскопок, что владетель города был согдийцем, поскольку выпускаемые им монеты имели легенды, написанные на согдийском языке. Ныне надежно установлено, что официальной письменностью и государственным письменным языком Первого Тюркского каганата (552–603) и сменивших его Западнотюркского (603–630) и Тюркешского каганатов (699–766) были согдийское письмо и согдийский язык¹⁸. Установлению этого важного историко-культурного факта, указывающего на преемственность и взаимодействие политических систем Средней Азии в раннем средневековье, наука в немалой степени обязана результатам наших раскопок на городище Ак-Бешим, в первую очередь серии полученных там тюркешских монет и монет других типов, но того же тюркешского круга, и их анализу.

Детальное изучение полученных при археологических раскопках разнообразных ценных материалов вскоре вполне оправдало выраженную в первых публикациях автора надежду на раскрытие новых страниц истории этого города. Уже в 1960 г. британский востоковед Дж. Клосон определил его имя и выступил со специальным докладом на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве. Исследователь опирался на предположение Э. Шаванна, высказанное в 1900 г. после анализа письменных источников о тюрках, которые помещал столицу Западнотюркского каганата VII–VIII вв. на месте современного Токмака. Этот древний город в китайских сочинениях именовался Су-е или Суй-е, а в арабских — Суяб (Суйаб). Раскопки Чуйского отряда доказали, как утверждал Дж. Клосон, что именно большое городище Ак-Бешим единственное отвечает не только временным рамкам жизни Суяба, но и его основным градообразующим компонентам (существование буддийского монастыря, соотносимого с монастырем Даюнь), указанным письменными источниками. «История Ак-Бешима, восстановленная археологами, в точности та, что засвидетельствована историками для знаменитого города Суяба, и мое предложение довольно просто: Ак-Бешим и есть Суяб», — заключил Дж. Клосон¹⁹. Ныне это определение общепризнано.

Так, благодаря стратегии археологических работ Чуйского отряда, избравшего для характеристики культуры раннего средневековья изучение одного из наиболее крупных городищ Чуйской долины, были обнаружены до того неведомые руины столицы Западнотюркского каганата. Город Суяб перестал быть только именем, упомянутым в древних письменных источниках, — основные черты его длительной экономической и культурной жизни, социального и этнического развития, как и сам богатый архитектурный его облик, стали отныне объектом, вполне доступным для предметного археологического анализа.

¹⁷ Сюань-цзян (китайский путешественник, посетивший Тянь-Шань в VII в.) сообщает, что в Чуйской долине «было несколько десятков городов, из которых каждый имел отдельного правителя, независимого от других, но все правители подчинились тюркам» (*Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья*. С. 17).

¹⁸ *Кыласов Л. Р.* Культурные взаимосвязи тюрков и иранцев.

¹⁹ *Clauson G.* Ak Beshim — Suyab // *JRAS*. 1961, April. P. 4.

2. Город и его раскопки

Перед началом раскопок на городище Ак-Бешим нами были пройдены разведочные маршруты вдоль Чуйской долины и по северному склону Киргизского хребта, которые в 1953–1954 гг. охватили и северный берег оз. Иссык-Куль²⁰. Прежде всего изучались устья и ущелья горных потоков, впадающих слева в р. Чу: Кызыл-Су, Шамси, Кегеты, Иссыкката. При активном содействии совхозных управлений учета и контроля районного города Токмака были установлены сезонные колебания дебета водных масс, подпитывавших левобережные земли ближайшего участка Чуйской долины. Это позволило представить себе общую вполне реальную картину средневекового землепользования обширного региона вокруг городищ Ак-Бешим и Бурана.

При проведении этих работ нами в 1,5–2 км к запад-северо-западу от руин Ак-Бешима было обращено внимание на чистейшую подземную речку, берущую свое начало еще в ущелье Шамси и бурно вырывающуюся в озерко на левом берегу р. Чу. Этот водоем отфильтрованной минеральной воды и служил основой водоснабжения жителей средневекового Суяба. Очевидно, что современный подземный поток есть лишь конечный результат бывшей средневековой искусственно созданной системы туннелей-водотоков (кяризов), сооруженной земледельцами Чуйской долины. Очевидно, произошло это еще в V в., в эпоху, предшествовавшую созданию Суяба, поскольку описанная ситуация позволяет этимологизировать название самого города. Весьма вероятно, что эта подземная кяризная речка и носила тюрко-согдийское имя Суяб, поскольку *су* по-тюркски «вода», а *яб* по-иранско-согдийски «канал». Вслед за нею то же название получил и возникший город, снабжавшийся ее водою. В этом отношении особенно важна составленная недавно и переведенная на русский язык Ю.А. Зуевым новая подборка данных китайских известий о Суябе. Синолог-тюрколог использует «несколько дорожников к Суябу, которые позволяют утверждать, что он находился в бассейне реки Чу, известной китайским и арабским авторам также под наименованием „Суяб“»²¹.

Подобные двусложные названия, порожденные тюрко-согдийской средой, обычны. Укажу на географически далекий пример — Кемиджет «Енисейский город», отмеченный в сочинении «Худуд ал-алам» (X в.) в верховьях Енисея. В его наименовании тюркское *Кем* «Енисей» соединилось с согдийским *кет* «город»²².

Несомненно, что со временем сменявшие друг друга тюркские властители этих земель верно оценили экономические выгоды месторасположения Суяба, превратив его в столицу Западнотюркского, затем тюркешского, а позднее карлукского государств²³. Власти над этим цветущим на Великом Шелковом пути городом добивались, как известно, и китайские царства VII–X вв.

²⁰ Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. М., 1972. С. 102–107.

²¹ Зуев Ю.А. Ранние тюрки. Очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 262–277.

²² Кызласов Л.Р. Культурные взаимосвязи тюрков и иранцев. С. 6.

²³ Едва ли не первым описавшим ставку западнотюркского кагана был побывавший на месте строившегося тогда Суяба буддийский монах-паломник Сюань-цзян, около 630 г. проехавший по Великому Шелковому пути — от оз. Иссык-Куль вдоль по Чуйской долине (Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзяна. М., 1991. С. 3–7).

Центром города являлся сплошь застроенный шахристан, общей площадью около 35 га, окруженный по четырехугольнику мощной стеной с выносными оборонительными башнями (рис. 44). В юго-западном углу шахристана возвышается цитадель с сохранившимися остатками четырех крупных башен по углам.

С восточной стороны к шахристану примыкает окруженная стенами территория площадью свыше 60 га — остатки рабада (рис. 43, 44), в котором находились, впрочем, лишь разбросанные кое-где отдельные здания и не имелось ни сплошных кварталов, обычных в феодальных рабадах, ни единого культурного слоя. Очевидно, что рабад, имевший внутри себя небольшое озеро, пригодное для водопоя, вскоре стал одной из станций на маршруте Великого Шелкового пути и использовался для отдыха караванов.

Вокруг описанного выше укрепленного стенами городского центра располагалась городская округа, границей которой с востока и юго-востока служил древний глубокий и довольно широкий овраг, почти всегда наполненный то весенней талой водой, то сбросами остаточных вод из оросительных каналов. Этот овраг, протяженностью около 3 км, начинается возле небольшого современного поселка, Чуйского детского дома (1953–1960) и выходит, прорезав старую высокую террасу, в пойму р. Чу (рис. 43). Древняя надпойменная терраса левого берега Чу, от которой русло реки давно отступило на север, служила надежным естественным рубежом, предохранявшим городской оазис с севера. Недаром в 1,5 км от оврага, на обрыве террасы возвышается мощный турткуль (127×125 м) — остатки древней сторожевой крепости, со стен и башен которой Чуйская долина хорошо видна далеко вокруг (рис. 43). Западную и южную границы городской округа образует линия мощных стен, сложенных из пахсы и сырцового кирпича. Стены широкой дугой (радиусом свыше 1,5 км) отхватывают большое пространство вокруг шахристана, начиная от сторожевой крепости вплоть до современного Чуйского детдома, где они упираются в отмеченный выше овраг. Все окруженное стеной пространство городской округа заполнено разбросанными на неравном расстоянии друг от друга, ныне полуразрушенными холмами — возможно, остатками нескольких древних земледельческих усадеб и, в меньшем числе, остатками сырцовых погребальных сооружений старого города (рис. 44).

Академические задачи, поставленные перед Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедицией АН СССР и ее археологическими подразделениями, потребовали не только выбора в долине р. Чу крупного и значимого городского памятника, но и ответственного отбора для проведения раскопок среди многочисленных оплывших бугров городища именно тех объектов, которые в наибольшей мере могли охарактеризовать культурные особенности этого средневекового города. При этом, планируя исследования, полагаться приходилось лишь на протяженность двух полевых сезонов, отведенных для работ отряда. Названные причины, наравне с необходимостью организации учебной практики студентов — археологов и архитекторов, составлявших корпус начальников раскопок и лаборантов, потребовали разработки новой методики раскопок, направленной на наилучшее понимание архитектурных особенностей всех раскапываемых разнородных памятников (в итоге предоставивших данные для их последующей реконструкции) и превращения их в полноценный археологический источник.

Следует отметить, что раскопки городищ большой площади, примененные нашим отрядом при изучении указанных выше объектов, до тех пор на памятни-

ках Киргизии не проводились, за исключением раскопок сотрудника нашего же отряда П.Н. Кожемяко у с. Сретенки в мае того же, 1953 г.²⁴

Применявшаяся до наших работ археологами в Средней Азии и Восточном Туркестане методика покомнатной расчистки жилых и культовых помещений, восходящая к XIX в., главным образом преследовала цели отыскания монументальных остатков интерьера да сохранившихся в сухом климате древних письменных документов. Нами решено было ввести в практику изучения зданий систему экранов — сочетание продольных и поперечных разрезов каждого исследуемого сырцово-глинобитного памятника. Тем самым были созданы условия для детального изучения стратиграфии повременных наслоений. В результате были точно прослежены этапы возникновения, существования, перестроек, особенностей последующего использования и разрушения каждого объекта. Фиксация отраженных в вертикальных экранах различных состояний, исторически присущих раскапываемым памятникам, сочеталась с инструментальной съемкой чередующихся планов всех периодов их функционирования. Детальное соотнесение с ними сделанных при раскопках находок позволило надежно и точно датировать каждый из последовательных этапов искусственного или естественного видоизменения архитектурных объектов.

Продуманная методика и организация полевых работ позволила в сжатые сроки осмыслить их результаты и уже в 1959 г. издать полный отчет исследований Чуйского отряда²⁵. После этой публикации наша методика раскопок сырцово-глинобитных средневековых зданий приобрела эталонный характер и была введена в исследовательскую практику других археологических экспедиций, изучающих развалины городов Азии.

Работы Чуйского отряда привели к открытию многочисленных данных, весьма важных для истории культуры востока Средней Азии, и сразу же получили широкую известность. Уже в 1956 г., когда мир отмечал 2500-летие со дня рождения Гаутамы Будды, моя статья об исследовании первого в советской Средней Азии буддийского храма была передана Джавахарлалу Неру и издана на английском и 12 языках народов Индии в Дели. Уже в 1960–1961 гг. высокая оценка и подробное изложение исследований Ак-Бешима были даны в британском и французском востоковедении. С годами к ним присоединилась германская и итальянская наука. По сей день результаты наших работ обсуждаются наукой Китая и Японии²⁶. Более всего внимание привлекают материалы буддийского храма. Что же касается России, то оценки пришлось ждать долго²⁷.

²⁴ Окладников А.П. Археологические исследования. С. 50–52.

²⁵ Кызласов Л.Р. Археологические исследования. С. 155–241.

²⁶ См. доклад Дж. Клосона на XXV Международном конгрессе востоковедов (Проблемы востоковедения. 1960, № 5. С. 212); *Clauson G.* Ak Beshim — Suyab; *Hambis L.* Ak-Besim et ses sanctuaires // *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres.* P., 1962; *Gahain A. von.* Das Leben im uigurische Königreich von Qocho (850–1250). Wiesbaden, 1973. S. 241, 242; *id.* Einführung in die Zentralasienkunde. Darmstadt, 1979. S. 48, 84, 149; *Forté A.* An Ancient Chinese Monastery Excavated in Kirgiziya // *Central Asiatic Journal.* 1994, № 38, fasc. 1; Akebieximu Chengzhi (City at Ak-Beshim) // *Чжунго дабайкэ шюаньшу. Каогусюэ* (Энциклопедия Китая. Археология). Пекин Шанхай, 1984. С. 3, 4.

²⁷ Новаторское значение раскопок на Ак-Бешиме замалчивается поныне. См., например: *Байтик-ова К.М., Горячева В.Д.* Семиречье // *Археология СССР. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье.* М., 1999. Мне особенно дорого недавнее признание Б.А. Литвинского (Бактрийские шкатулки // *Древности Востока.* М., 2004. С. 23) о восприятии доклада автора в 1954 г.: «Я помню, как прозвучал доклад молодого тогда Кызласова о его раскопках на Ак-Бешиме. Была открыта новая глава среднеазиатской археологии — изучение буддийских древностей и буддийского искусства. Я был ошеломлен». Эта оценка не связана с юбилей-

В 1953–1954 гг. Чуйским археологическим отрядом были произведены работы на пяти объектах, находившихся в разных местах городища (рис. 44).

В 1953 г. были выбраны два основных объекта исследования (рис. 44): большой длинный холм, расположенный к юго-западу от городской цитадели, за пределами стен центральной части города (объект I) и центральная часть городища — шахристан (объект II). Раскопки этих объектов продолжались в 1954 г. Кроме того, во исполнение плана дальнейших работ во второй год работ были произведены раскопки еще в трех местах: объекта III и объекта V к юго-востоку от стен шахристана, а также объекта IV внутри рабада (рис. 44).

В результате в течение двух полевых сезонов по единой методике на городище Ак-Бешим были исследованы: первый в Средней Азии буддийский храм и монастырь (объект I) и древнейшая христианская церковь (объект IV), два первых известных науке манихейских погребальных комплекса, имевшие вид науса (объект III), и башня, подобная замку (объект V).

Ввиду насущной необходимости определения имени древнего города, времени существования, религии населения, а также его этнической принадлежности для начала решено было пройти насквозь всю толщу отложившихся со временем в шахристане строительных слоев. На высоком плато в центре шахристана (объект II) в 1953–1954 гг. изучался стратиграфический раскоп № 1 (14×6 м) (рис. 44). Раскоп установил мощность культурного слоя центра городища, которая достигала 7,5 м, и был прекращен на глубине 8,5 м в не потревоженном материковом слое. При этом оказалось, что шахристан состоял из больших кварталов — массивов с многочисленными жилыми помещениями, как это имело место и в других раннесредневековых городах Средней Азии. В раскопе обнаружено четыре строительных яруса, причем массивные сырцовые стены каждого нового яруса люди старались сооружать на старых, используемых в качестве фундаментов (рис. 45, 46). Только стены 1-го яруса были целиком глинобитные, а не сырцовые.

Судя по материалам, прежде всего по керамике (рис. 47–50), первые сооружения на шахристане (1-й ярус) относятся к V–VI вв. Конечная дата определяется лучше, так как на полу самого верхнего здания обнаружена китайская монета династии Тан, выпущенная в 769 г. (Да-ли юань-бао). Это обстоятельство, а главное, полное тождество керамических находок верхнего яруса шахристана (раскопы № 1 и 2) с керамикой жилых помещений 2-го «карлукского» яруса Первого буддийского храма (объект I)²⁸ определяют конечную дату существования последних строений города IX–X вв. н.э. (рис. 50). Жизнь на шахристане и на объекте I прекратилась в одно и то же время, что, очевидно, надо связывать с вторжением в Чуйскую долину «диких» тюрок из племени ягма в середине X в. и с теми бесконечными феодальными распрями, которые велись в это время на территории Чуйской долины²⁹.

ным этикетом — ср.: «Л.Р. Кызласов раскопал первый буддийский монастырь в Ак-Бешиме в 1953–1954 гг. Осуществив археологическое вскрытие на самом высоком уровне, Л.Р. Кызласов со свойственной ему глубиной анализа исследовал все материалы и пришел к заключению, что храм относится к самому концу VII — VIII в.» (*Литвинский Б.А.* Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия) // ВДИ. 1996, № 2. С. 192).

²⁸ Кызласов Л.Р. Археологические исследования. С. 213–227.

²⁹ Беленицкий А.М., Бентович Н.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 12, 120, 123, 209.

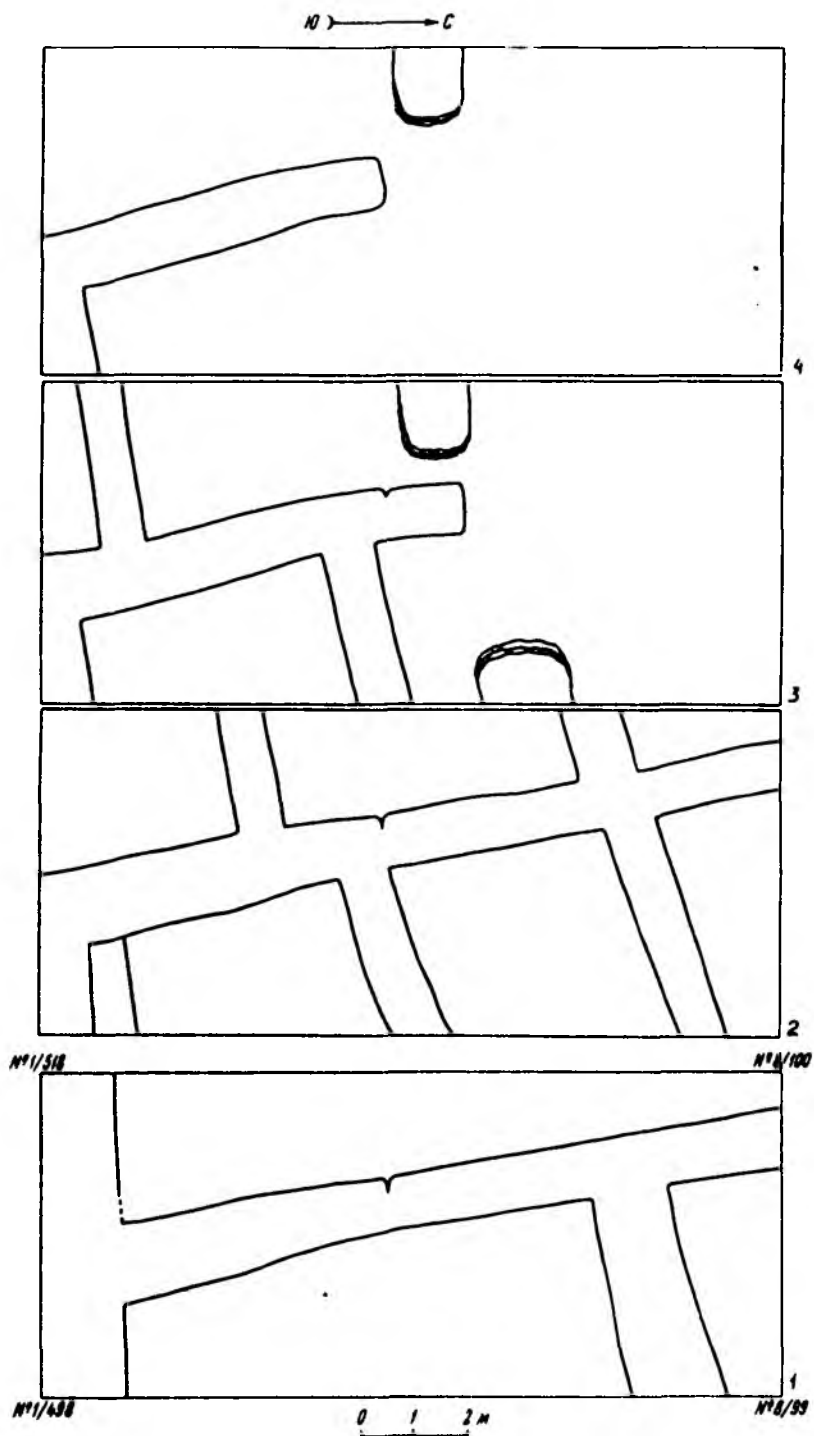

Рис. 45

Объект II. Стратиграфический раскоп на шахристане.

Планы жилых зданий четырех строительных ярусов.

Номера на рисунке соответствуют строительным ярусам (от нижнего до верхнего)

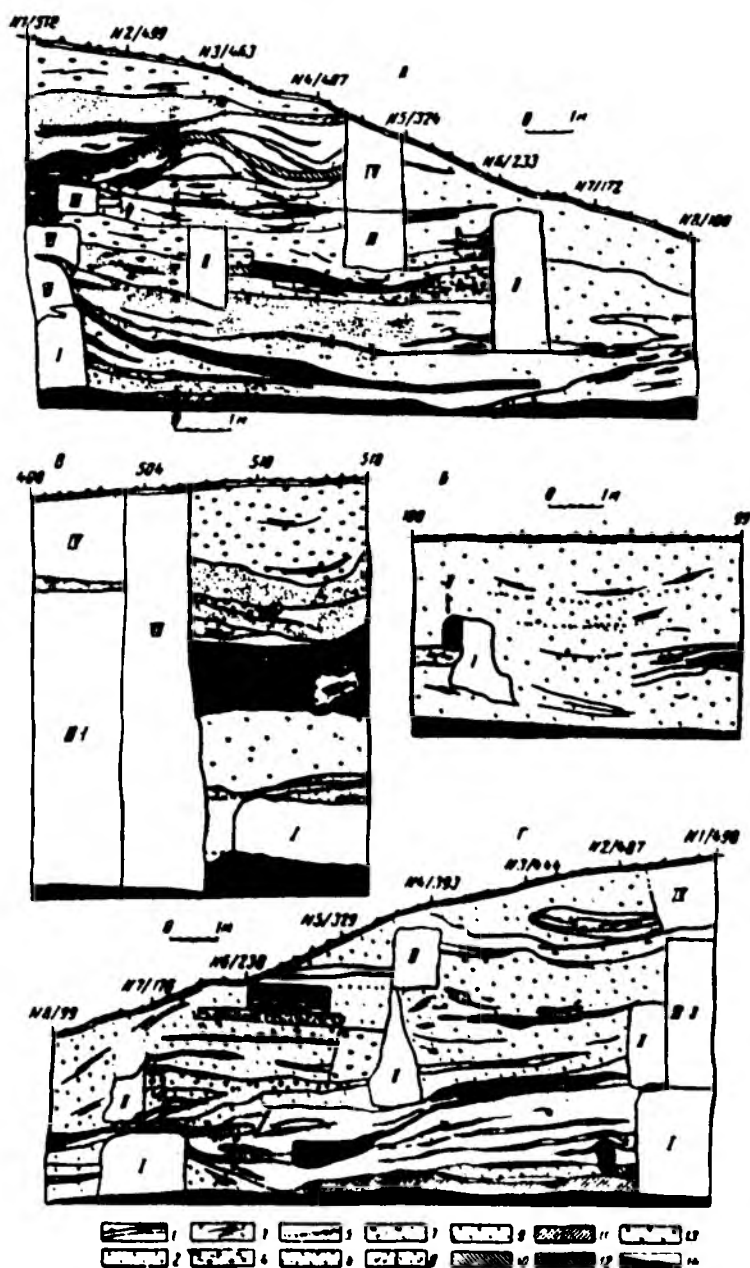

Рис. 46

Объект II. Стратиграфический раскоп на шахристане. Четыре профиля-экрана — стены раскопа. А — западный, Б — северный, В — южный, Г — восточный;

1 — дерновый слой, 2 — плотная глина, 3 — заплывы глины, 4 — рыхлая глина, 5 — угольно-зольные слои, 6 — слоистая глина, 7 — обломки сырцовых кирпичей, 8 — галечник, 9 — зеленая глина, 10 — красная глина, 11 — желтая глина, 12 — коричневая глина, 13 — песок, 14 — материк; I — стена 1-го яруса, II — стена 2-го яруса, III — стена 3-го яруса, IV — стена 4-го яруса, V — кирпич, VI — глинистые налеты, VII — обрез продольной стены, надстраивавшейся в 1-м и 4-м ярусах

I СТРОИТЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

II СТРОИТЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

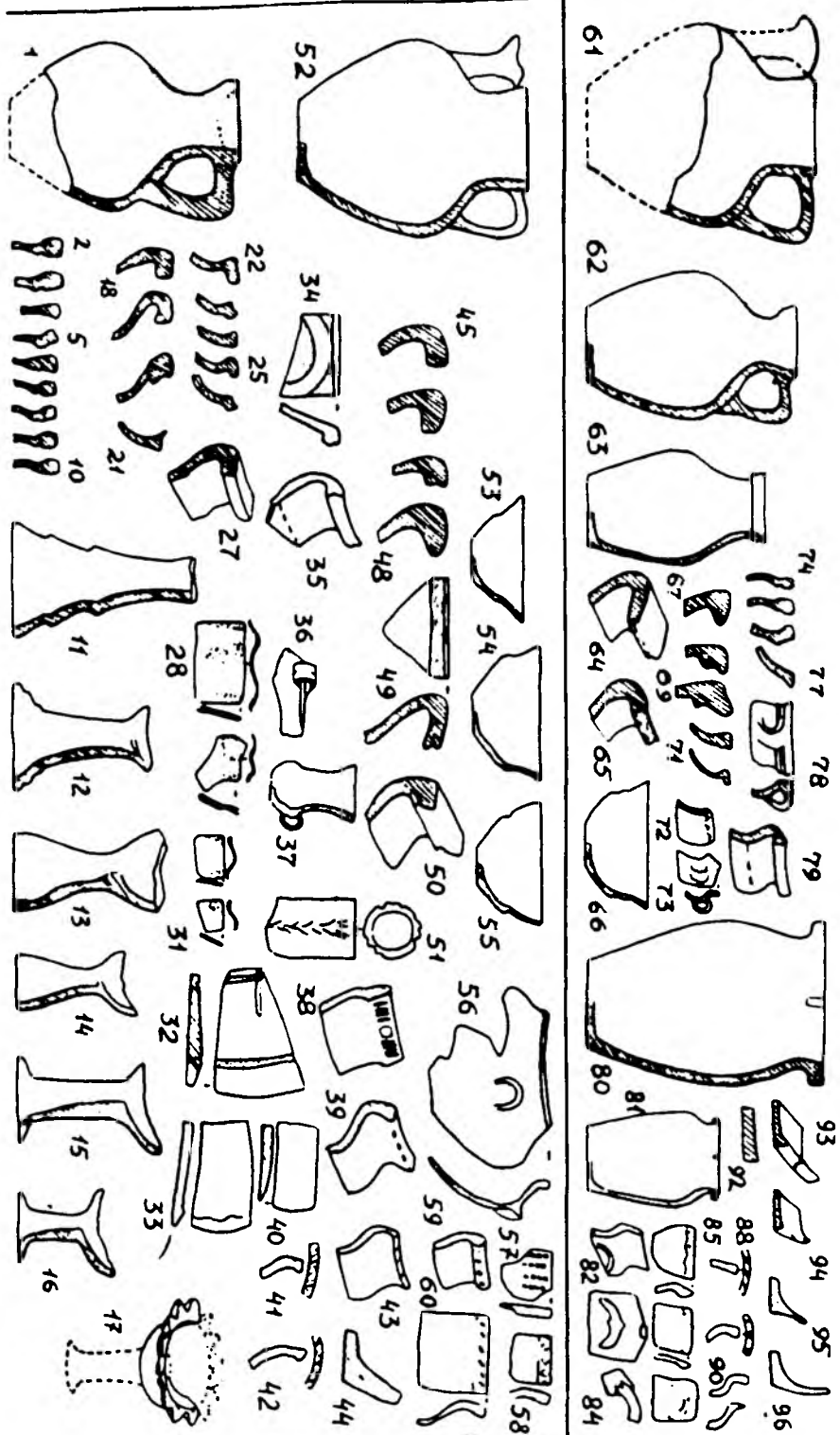

Рис. 47

Объект II. Стратиграфический раскоп на шахристане.
 Формы керамических сосудов I-го и II-го строительных горизонтов

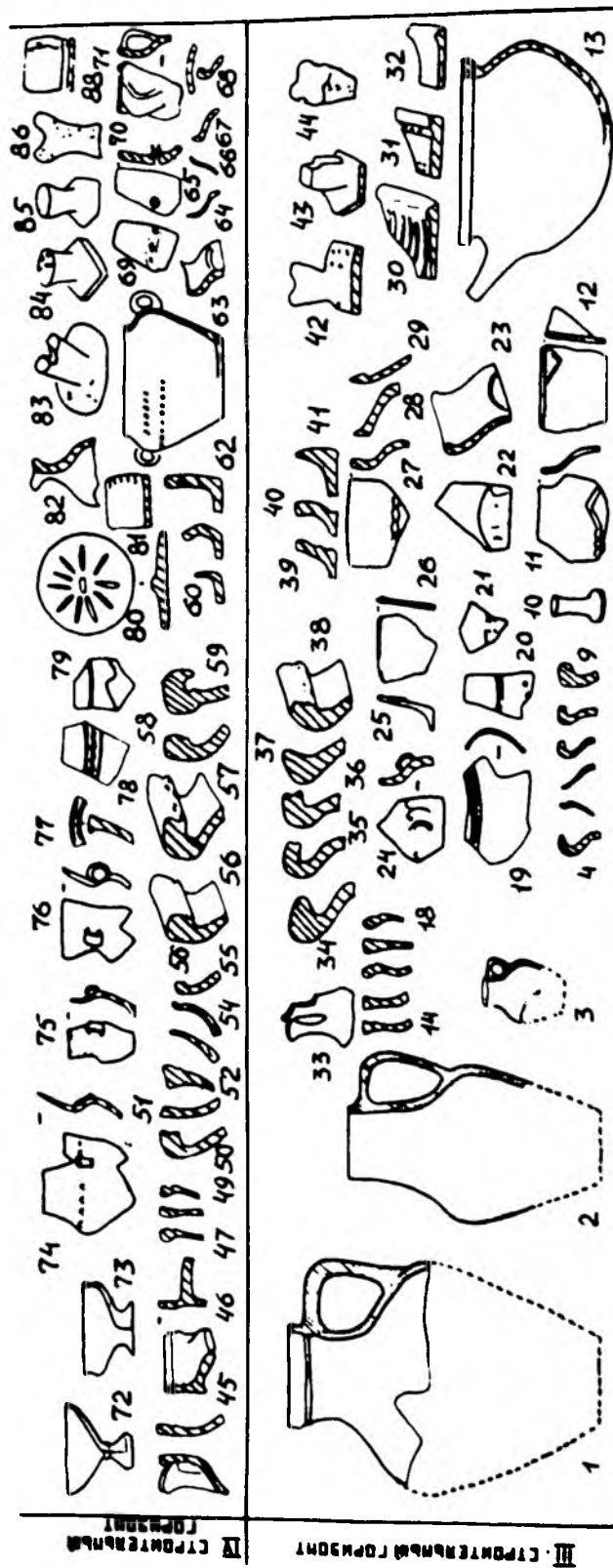

Рис. 48

Объект II. Стратиграфический раскоп на шахристане.

Формы керамических сосудов 3-го и 4-го строительных горизонтов

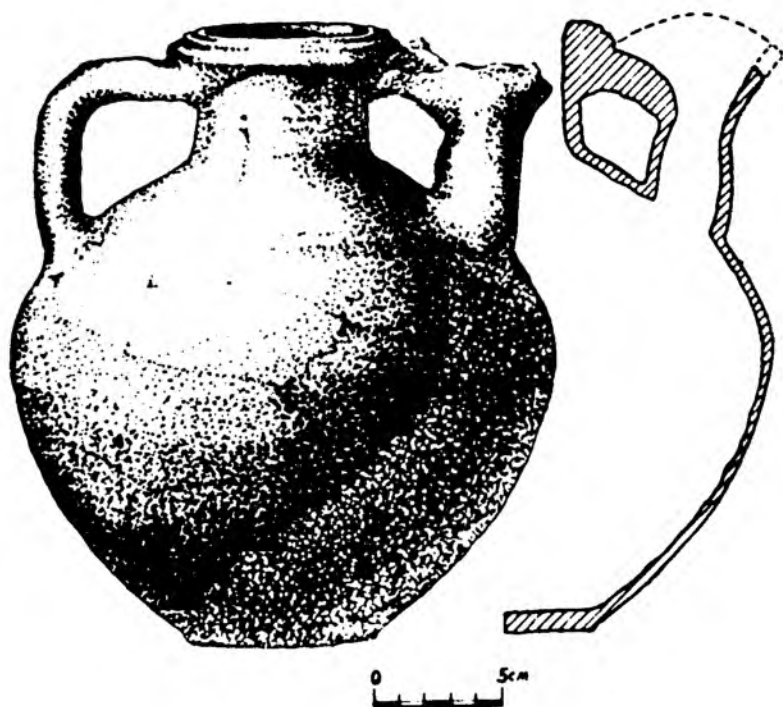

Рис. 49

Сосуд из раскопок на шахристане. 2-й горизонт

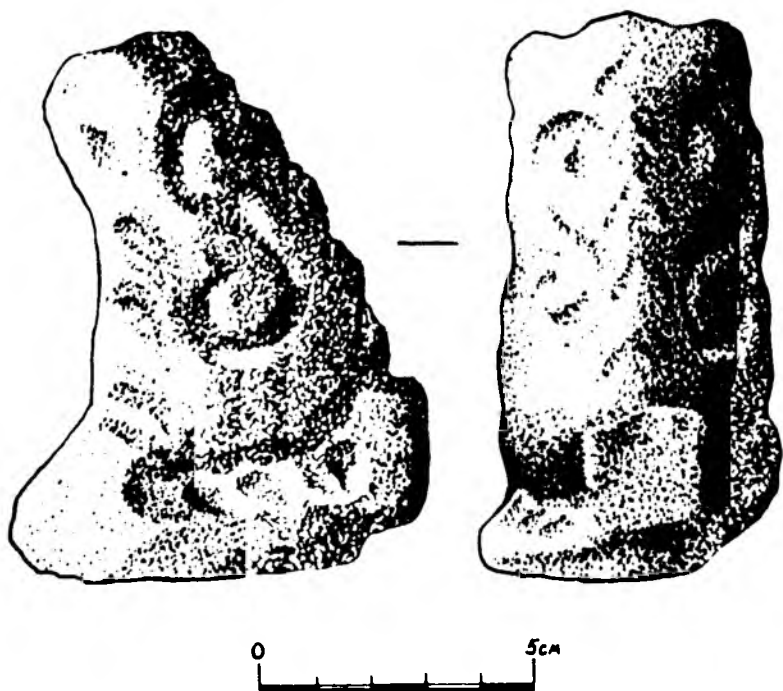

Рис. 50

Шахристан, верхний ярус. Керамическая подставка под котел на огне

Ради проверки верхней даты памятника у угла плато шахристана, к востоку от стратиграфического раскопа № 1, был заложен неглубокий разведочный раскоп № 2 (3×3 м) для изучения верхних слоев (рис. 44). В нем также оказались остатки сырцовых сооружений, керамика IX–X вв. и китайская монета эпохи Тан. Что касается находок в раскопе № 1, то они представлены большим количеством керамики, тюркешскими монетами, монетами тюркешского круга и одиночными предметами, подтверждающими датировку культурного слоя V–X вв.

3. Раскопки буддийского храма (объект I)

Объектом I являлся ныне целиком раскопанный холм, расположенный за пределами шахристана в 100 м к юго-западу от цитадели (рис. 44, 51). Этот холм был крайним в целой группе холмов «поселения» за городской стеной, бугры которого тянутся на юго-восток вдоль южной стены шахристана вплоть до рабада.

Холм привлек наше внимание благодаря четким особенностям своего рельефа. Он представлял в основном прямоугольник с мягкими обвалованными очертаниями, вытянутый строго с запада на восток (примерно на 85 м при средней ширине в 35 м). Вершина холма находится в западном его конце, где высота его составляла 4,2 м от уровня современной почвы, а если считать от уровня почвы восточной оконечности, то высота этого бугра достигала 8 м. На восток от вершины, за крутым скатом имелась вытянутая в поперечном направлении неширокая площадка с углублением посередине, как бы зал, а за нею, в восточной части холма, скат переходил в более ровную площадку средней высотой всего лишь около 3 м, считая от уровня современной почвы у восточной оконечности холма (рис. 51). Последняя площадка тянулась до восточного края холма и имела посередине глубокое продольное углубление размером 35×16 м. Это напоминало большой огороженный стенами двор.

Такой рельеф, планировка и ориентировка холма показали нам чем-то близкими к согдийским храмам Пенджикента, раскопанным в предшествующие годы Таджикской археологической экспедицией ИИМК³⁰. Все это привело автора к предположению, что холм представляет собой развалины храма, построенного с соблюдением согдийских архитектурных канонов. Закономерность такого предположения определялась также общеизвестным фактом согдийской колонизации Чуйской долины в VI–VIII вв. н.э. Раскопки, полностью вскрывшие здание, подтвердили, с некоторыми коррективами, правильность нашего предположения.

Для лучшего изучения стратиграфии столь большого сооружения раскопки его производились следующим образом. Первоначально холм был разделен центральной продольной осью, проведенной с запада на восток, на две половины. Каждая из половин была поделена на 13 смежных раскопов по 6 м шириной по продольной оси. Длина раскопов определялась полами холма, шириной каждой из его половин. Раскопы были отделены друг от друга поперечными осями, где колья нивелировочных отметок были проставлены через 2 м, так же как и на продольной оси. Отсчет раскопов велся с запада на восток. Раскопы северной половины холма имели номера от 1 до 13, раскопы южной половины соответственно от 1а

³⁰ См.: Труды Таджикской экспедиции, т. I. 1950 (МИА, № 15); т. II. 1953 (МИА, № 37); см. также: Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.

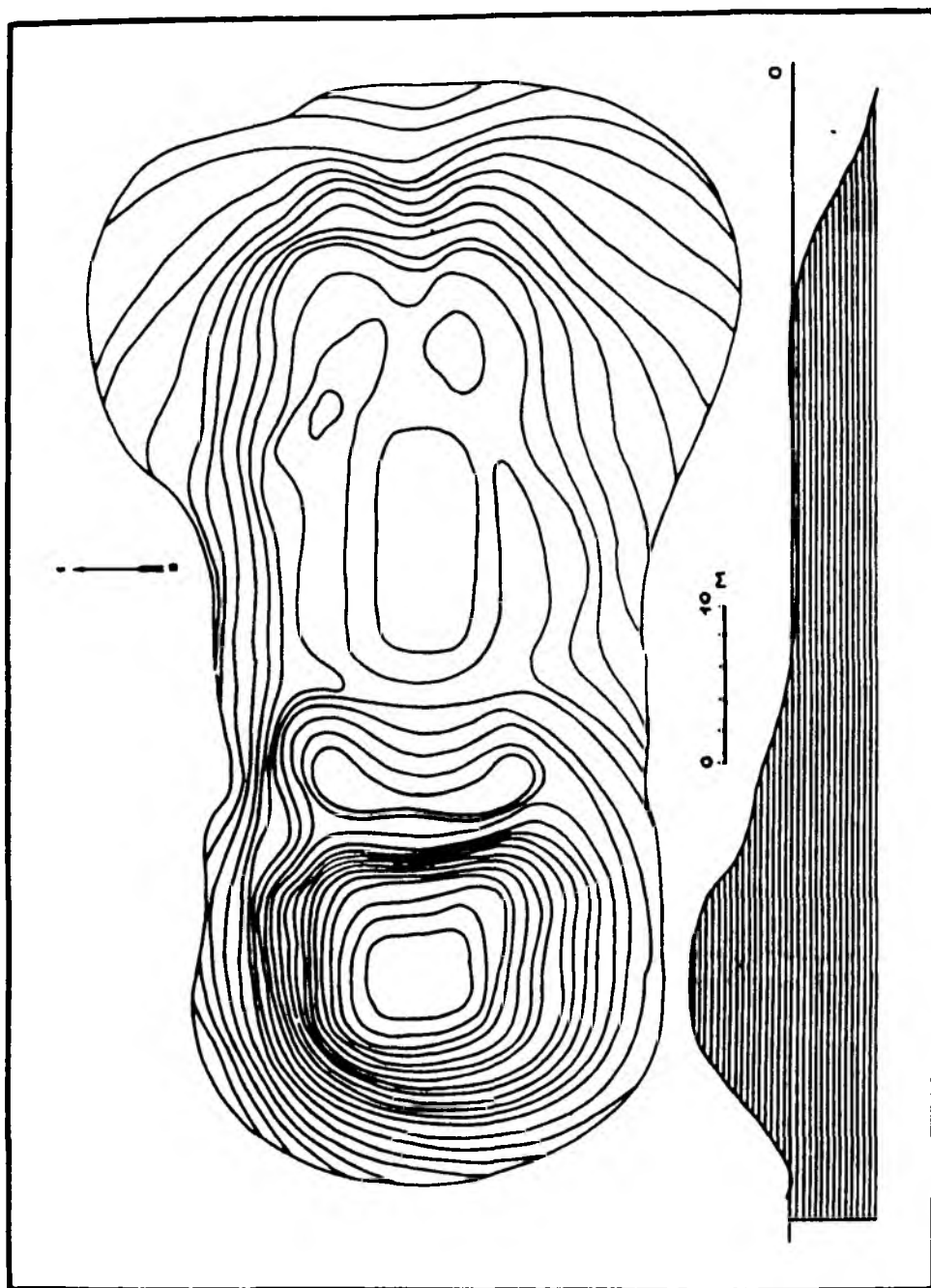

Рис. 51
План холма буддийского храма (объект I)

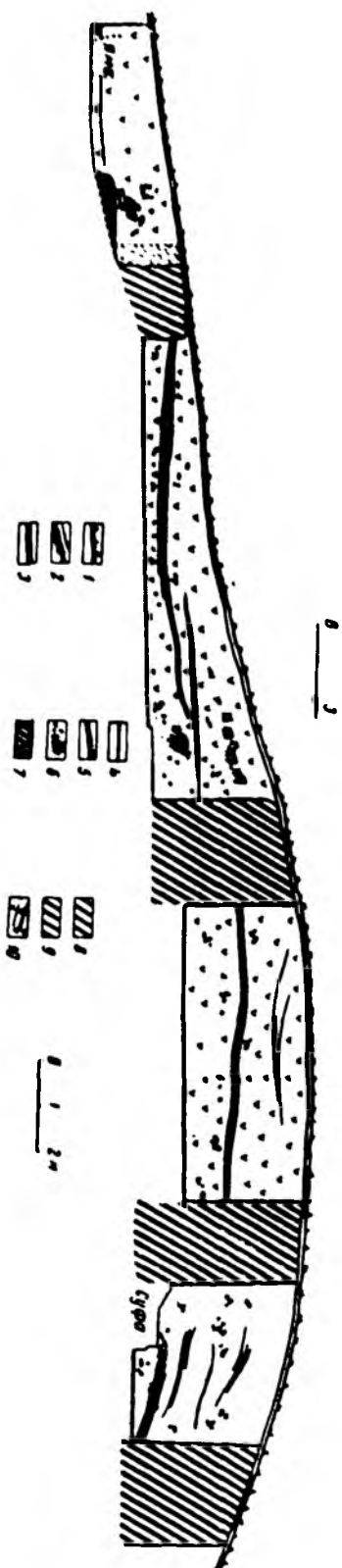

Рис. 52

Объект 1. Западная часть продольного профиля холма по центральной оси.

1 — дерновый слой, 2 — угольно-золистый слой, 3 — слой желтой глины,

4 — поверхность пола, 5 — песок, 6 — задел сырцовых кирпичей,

7 — плотная темная глина, 8 — внешняя стена храма, 9 — внутренняя стена храма,

10 — заплылы глины

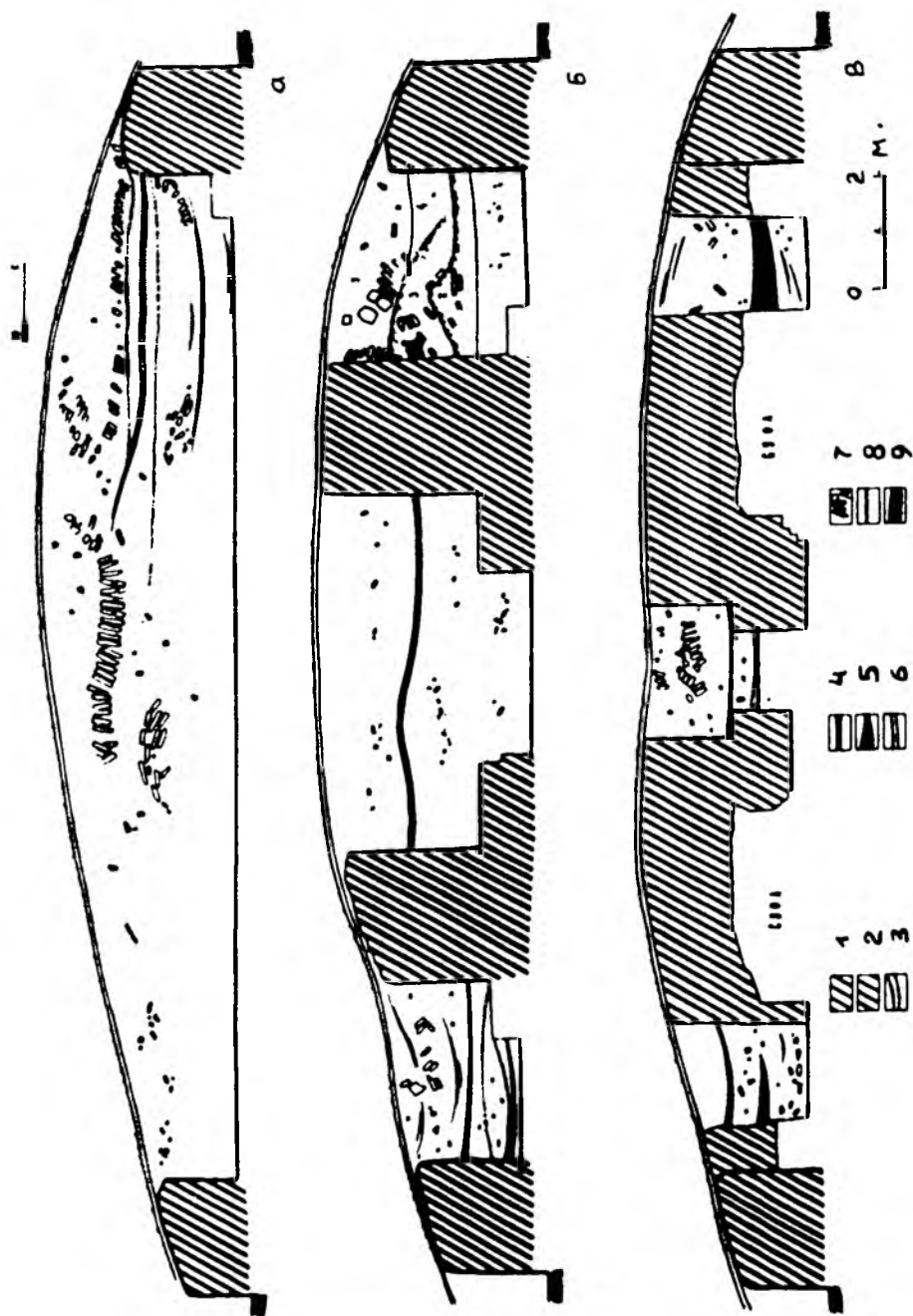

Рис. 53

Объект 1. Поперечные профили холма: раскоп 2 (а), раскоп 3 (б) и раскоп 4 (в).
 1 — внешняя стена храма, 2 — внутренняя стена храма, 3 — угольно-золистый слой,
 4 — слой желтой глины, 5 — плотная темная глина, 6 — песок,
 7 — завал сырцовых кирпичей, 8 — поверхность пола, 9 — материк

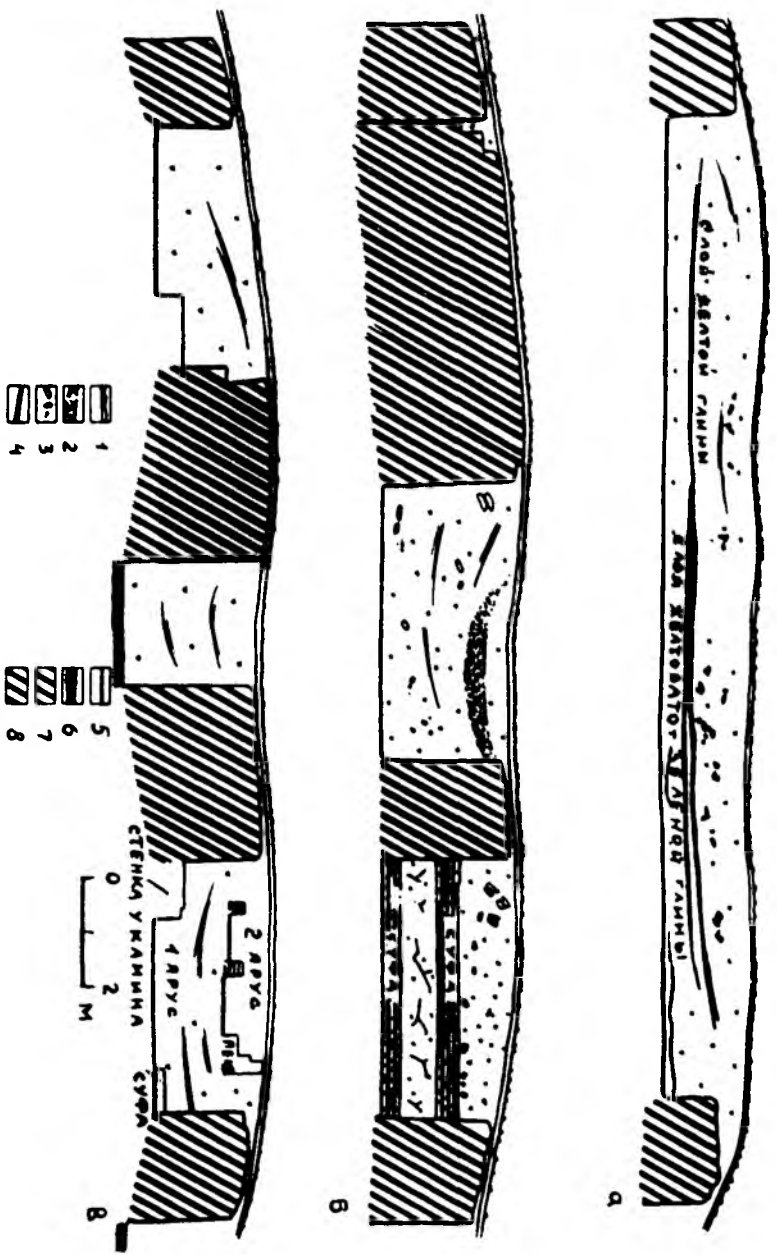
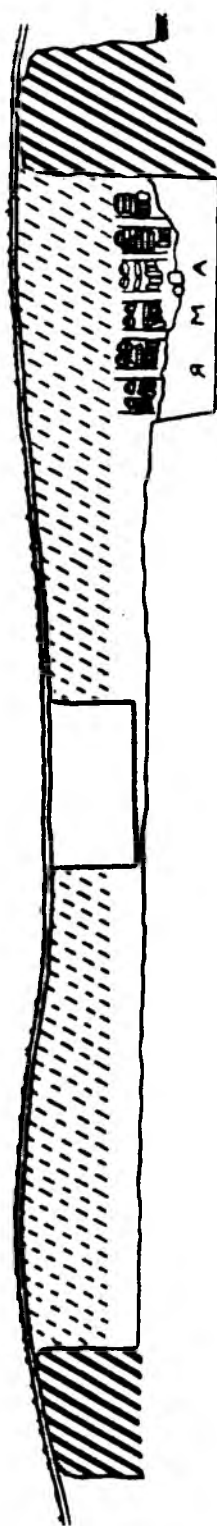

Рис. 54

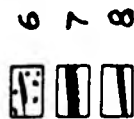
Объект 1. Поперечные профили холма: раскоп 52 (а), раскоп 12 (б) и раскоп 13 (в).
 1 — слой дерева, 2 — угольно-золистый слой, 3 — завал сырцовых кирпичей, 4 — песок,
 5 — поверхность пола, 6 — матрик, 7 — внешняя стена храма,
 8 — внутренняя стена храма

0 2 М

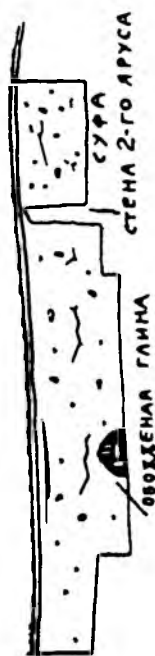

а

0 2 М

б

в

Рис. 55

Объект 1. Поперечные профили холма: раскоп 6 (а), раскоп 10 (б) и раскоп 11 (в).

1 — дерновый слой, 2 — внешняя стена храма, 3 — внутренняя стена храма.

4 — полуразрушенная пахсовая стена, 5 — угольно-золистый слой,

6 — глинистые заплывы с завалом сырьевых кирпичей, 7 — материк,

8 — глина с органическими остатками

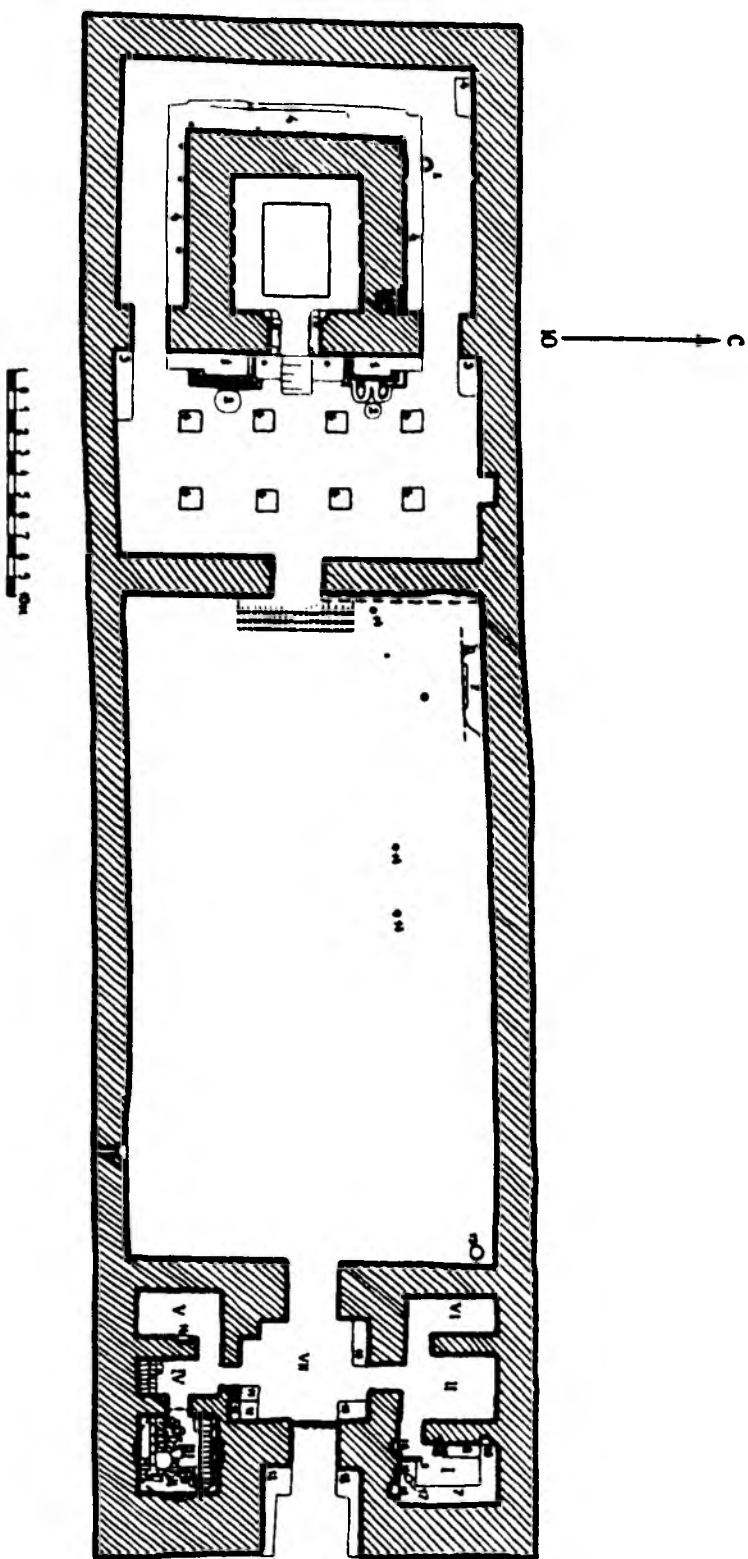

Рис. 56

План буддийского храма (объект 1), соответствующий первому периоду существования:

- 1 — пьедесталы для гигантских статуй Будды; 2 — алесбастровые круги перед статуями;
- 3 — суфы для статуй в зале; 4 — суфы обходной галереи; 5 — приступки входа в святилище с дверными подплатниками; 6 — следы баз колонн в зале; 7 — суфы жилых помещений;
- 8 — лестанка с изголовьем; 9 — стенка, прикрывающая очаг; 10 — суфы «вестибюля»;
- 11 — лестница; 12 — суфы при входе; 13 — баграт; 14 — ямки от колонн двана;
- 15 — ниша вверху стены; 1-11 — помещения при входе

до 13а. После нивелировки всех осей и составления плана холма (рис. 51) по осям оставались экраны-бровки для прослеживания стратиграфических слоев, перекрывающих здание (рис. 52–55). В 1953 г. работы производились на раскопах № 1–5 и 1а–5а, охватывавших вершину холма и предполагаемый зал (рис. 51), а также на самой восточной окраине холма, где углублением был отмечен вход в храм (раскопы № 12–13 и 12а–13а). Во дворе в 1953 г. были заложены лишь раскопы № 6, 6а, 8, 10 и 11. Раскопы № 1–6 и 1а–6а уже в 1953 г. были доведены до конца, а все остальные, в том числе и вновь заложенные (№ 7, 9 и 7а–11а), были закончены в 1954 г. (рис. 56).

Во время раскопок объекта I за два сезона было извлечено свыше 5 тыс. кубометров земли. Для отвоза отвалов и подрезки пол холма за пределами наружных стен здания применялись бульдозер и скрепер. Предварительно полы холма были вручную прорезаны в ряде мест продольными траншеями, которые выявили поверхности наружных стен и установили, что полы холма представляли собой лишь оплывы верхних частей стен и не содержали культурных наслоений. Все работы по внутренней расчистке заваленных помещений произведены лопатами и в большой степени ножами и кистями, так как постоянно приходилось тщательно разбираться в структуре сырцовых завалов и разыскивать не только сырцовые стены, но и обломки глиняных статуй, фрагменты фресок, детали архитектурного и художественного оформления стен и, что было особенно важно, обломков потолков помещений храма³¹.

Архитектура храма

*План здания и строительные материалы*³². Раскопками установлено, что под холмом скрывались хорошо сохранившиеся остатки буддийского храма самого конца VII и начала VIII в., общей длиной 76 и шириной 22 м. Храм имел прямоугольную форму и был вытянут строго по оси запад–восток. Сооружалось здание на вытянутом по той же оси естественном возвышении («гриве»), западная часть которого была более возвышена, чем восточная. Эта особенность естественного пьедестала была использована для ступенчатого построения всего сооружения: передняя часть храма и двор его лежали ниже, чем пол центрального зала, а выше зала размещалась поверхность пола святилища (рис. 57).

³¹ В настоящем издании не воспроизводятся многочисленные фотоснимки, дополнявшие в опубликованном отчете описания и чертежи архитектурных объектов, их деталей и рисунки сделанных находок. См.: *Кыласов Л. Р.* Археологические исследования.

³² Текст содержит основные данные авторской историко-культурной характеристики установленного планировочно-функционального и архитектурно-строительного облика раскопанного храма, позволившие определить принадлежность его к раннесредневековой буддийской архитектуре и место храма в ее истории. Техническое описание материалов и строительных особенностей культового комплекса, приведшее к реконструкции облика храма, выполнено под нашим руководством студентами-архитекторами экспедиции (С. Г. Хмельницким и Н. П. Красновым). Ценные консультации были получены от специально приехавшей на Ак-Бешим кандидата архитектуры Вероники Леонидовны Ворониной. Ею же выполнено рецензирование и правка результатов этого исследования, представленных нами к изданию одновременно с археологическим отчетом (см.: *Хмельницкий С. Г.* Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим // ТКАЭ. Т. II. 1959. С. 243–265).

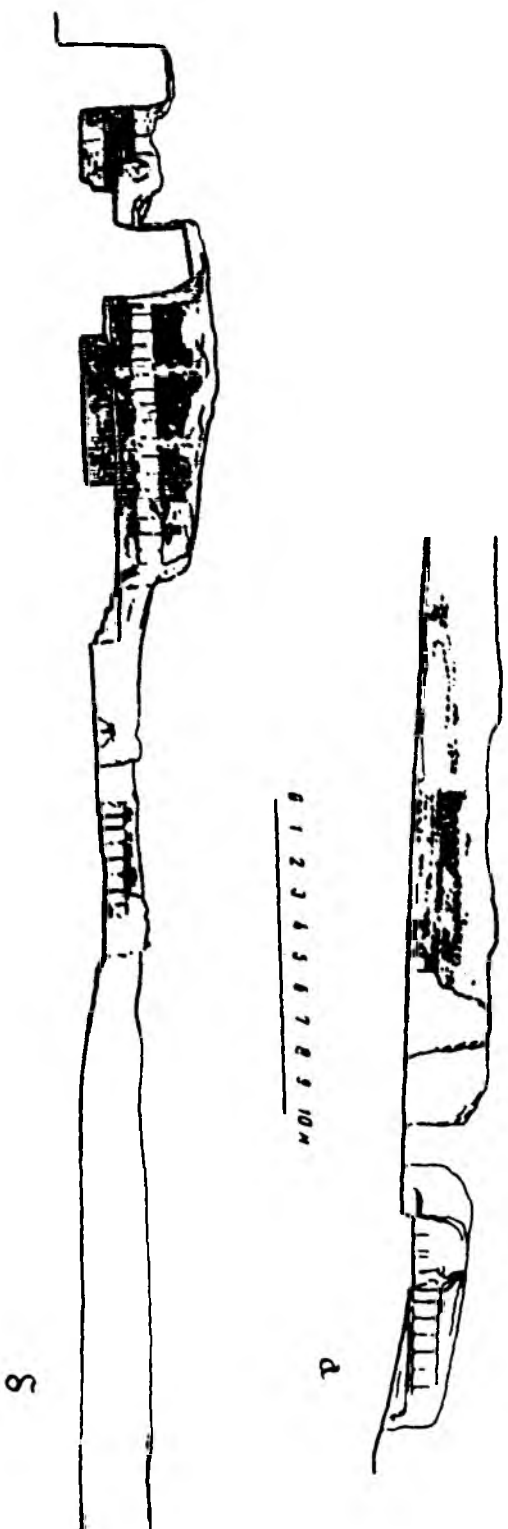

Рис. 57

Продольный разрез буддийского храма: восточная (а) и западная (б) части

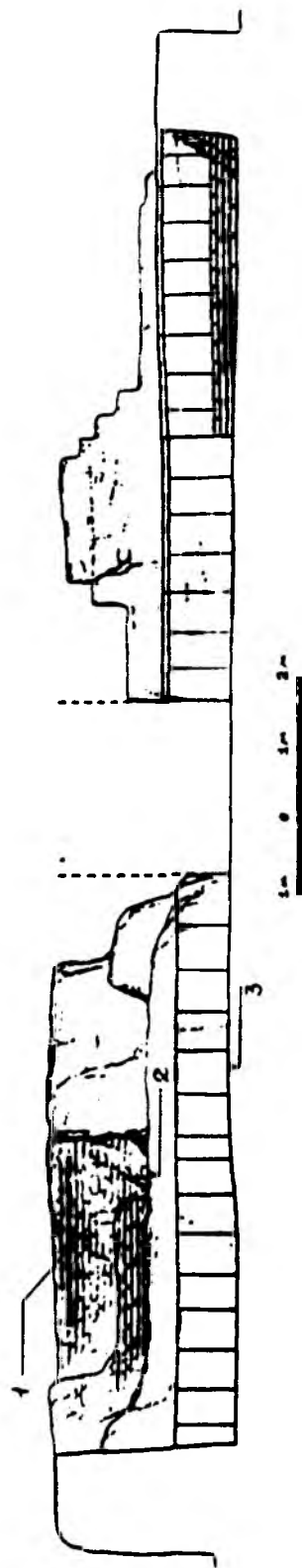

Рис. 58

Восточная стена храма (вид с запада): 1 — стена 2-го яруса;
2 — уровень пола 2-го яруса; 3 — уровень пола 1-го яруса

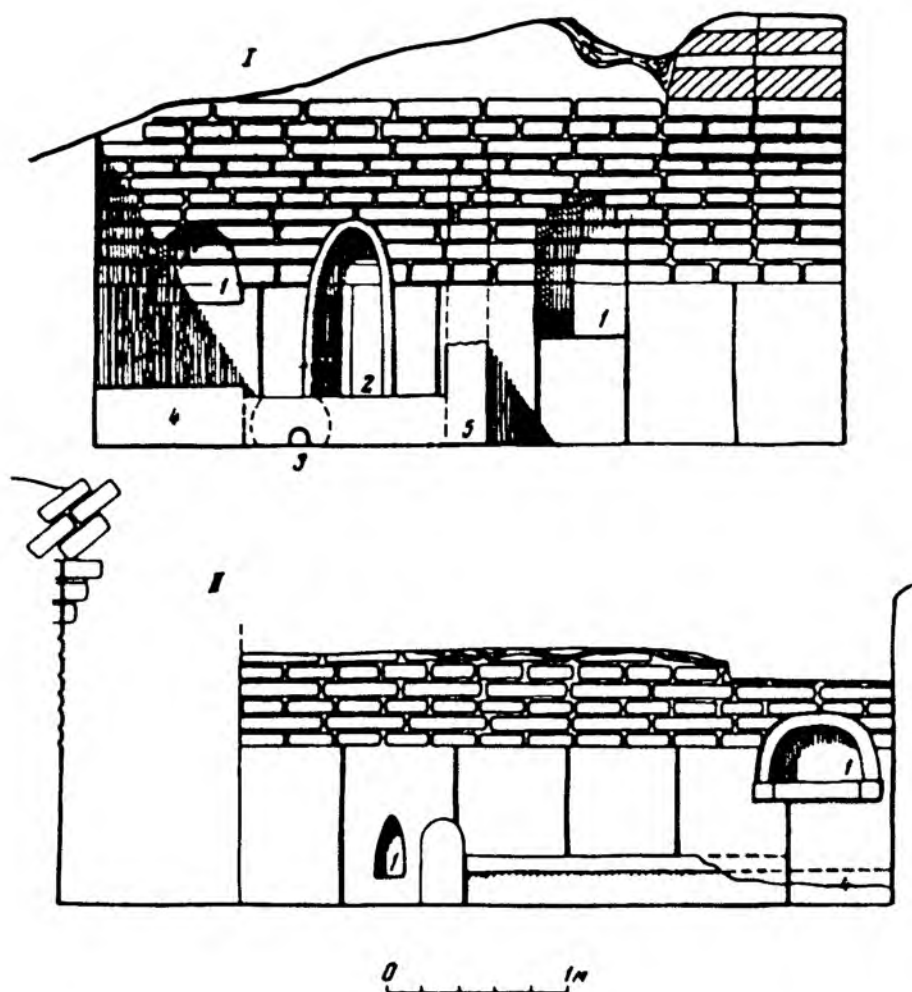

Рис. 59.

Комната I: I — южная стена; II — западная стена; 1 — ниши; 2 — камин;
3 — тандыр; 4 — суфы; 5 — стенка, прикрывающая очаг со стороны входа

Здание имело мощные стены толщиной 2 м, а стены святилища, несшие тяжелый купол и своды галерей, имели толщину 2,5 м. Особо мощной была восточная стена, в которой расположен вход. Толщина ее 3 м.

Стены всех частей здания без исключения сложены из сырцовых длинномерных кирпичей «согдийского» размера $44 \times 22 \times 8$, $45 \times 23 \times 9$ и (чаще всего) $48 \times 24 \times 9$ см. Кирпичи на нижней стороне имеют четыре-пять продольных желобков, нанесенных пальцами руки по сырой глине для лучшей посадки на раствор. Дважды встречены на них отпечатки лап собаки. В изломе кирпичей видны отпечатки примешанной к глине соломы и зерен культурных злаков (ячменя?).

Основание стен (цоколь) почти всюду состояло из глинобитных (пахсовых) нарезанных блоков размерами $90-80 \times 60-50$ см, толщина которых соответствовала толщине стены в данном месте (рис. 58). Поверхность этих блоков была иде-

ально гладкой, разрезы нанесены очень острым металлическим инструментом и довольно глубоки. Размеры блоков всюду одинаковы (рис. 59), за исключением наружных цокольных блоков зала, которые доходили до 97×77 см, ввиду того что в боковых стенах стилобат опускался несколько ниже нивелированного древнего уровня площадки пола зала.

Вход и привратные помещения. Вход в храм, расположенный с восточной стороны, представлял собой поднимающийся пандус с узкими суфами по бокам. Стены портала входа были некогда сплошь богато украшены лепными глиняными барельефами с изображением растений, нередко связанных подобно снопам в пучки. Все они были покрыты синей краской. За пандусом находился дверной проем (шириной 2,15 м) с сырцовым порогом во всю ширину толщи стен проема. С восточной стороны проема некогда находилась массивная деревянная дверь, от которой сохранились деревянный порог на булыжной вымостке и небольшие каменные подпятники из булыжников, носящие следы сработанности (рис. 56).

Вход вел в небольшой вестибюль (помещение VII), справа и слева от которого были расположены соединенные арочными проходами шесть привратных помещений (рис. 56, I–VI). Точнее, шесть помещений были сооружены первоначально, но за время существования здания количество и планировка их несколько менялись.

Итак, первоначально на север от вестибюля вел арочный проход в *помещение II*, являвшееся проходным, так как к востоку и западу от него находились помещения I и VI, соединенные с помещением II арочными проходами (рис. 56). Все три помещения были небольшими прямоугольными комнатками жилого характера, только рано заложенная комната VI, узкая и маленькая, может быть, служила кладовой. В комнате II имелась суфа и нишка в стене. Стены комнаты были оштукатурены и побелены алебастром.

Но особенный интерес для характеристики жилища того времени представляет *комната I*, названная нами условно «комнатой привратника» (рис. 56; 59; 60, 1). Стены ее тщательно покрыты обмазкой и побелены алебастром. Вдоль восточной и северной стен идет низкая суфа. В южной стене имеются две ниши хозяйственного назначения и высокий камин без дымохода (рис. 59, 1). Судя по закопченности стены над камином, дым выходил в отверстие, сделанное в потолке над ним, возможно последнее имело сверху трубу. Перед камином находилась сырцовая площадка, в которую врублен маленький тандыр (диаметром 33 см) для выпечки лепешек, видимо на одного человека. Тандыр имел топку сбоку и оказался заполненным мягкой золой, вероятно оставшейся от растительного топлива (рис. 59, 1, 3; 60, 2). Так как очаг располагался возле двери, то, чтобы предохранить огонь от сильных воздушных потоков, возникавших при открывании и закрывании двери, очаг со стороны входа был отгорожен узкой высокой стенкой (толщиной в один кирпич), которая создала у входа небольшой тамбур (рис. 60, 1).

В западной стене комнаты располагалась дверь с арочным перекрытием проема, от которого сохранилась пята ползучей, по-видимому, арки (рис. 59, 1; 60, 1), две небольшие ниши и пристроенная к стене узкая (2,15×0,65 м) односпальная лежанка с круглым валиком-головкой, сделанная из сырцовых кирпичей и глины (рис. 60, 1, 2).

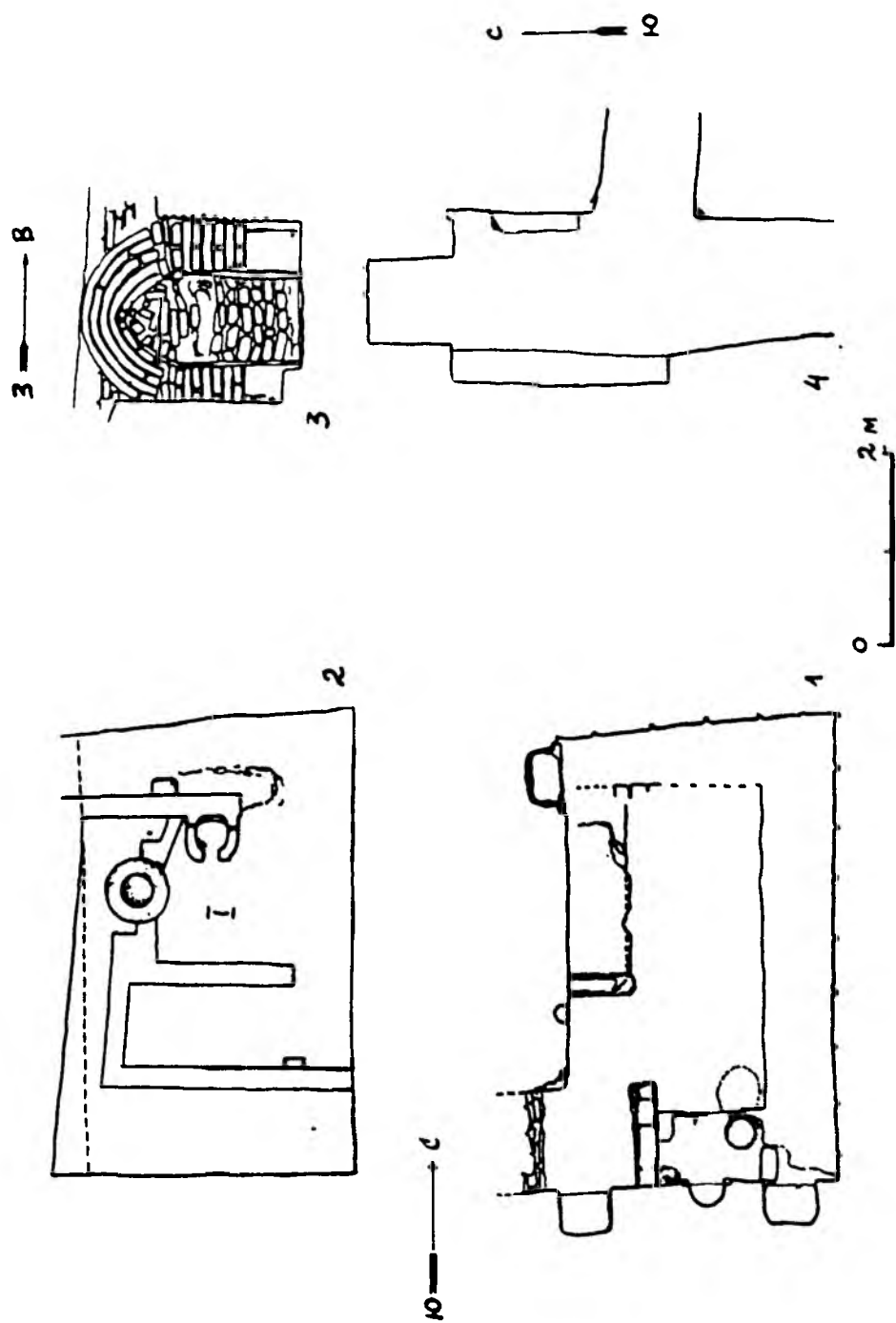

Рис. 60
 Помещения I и IV: 1 — план комнаты I по нижнему ярусу; 2 — план помещения I 2-го строительного яруса (над комнатой I); 3 — фасад северной стены помещения IV (после закладки арки); 4 — план помещения IV в период обитания кочевников

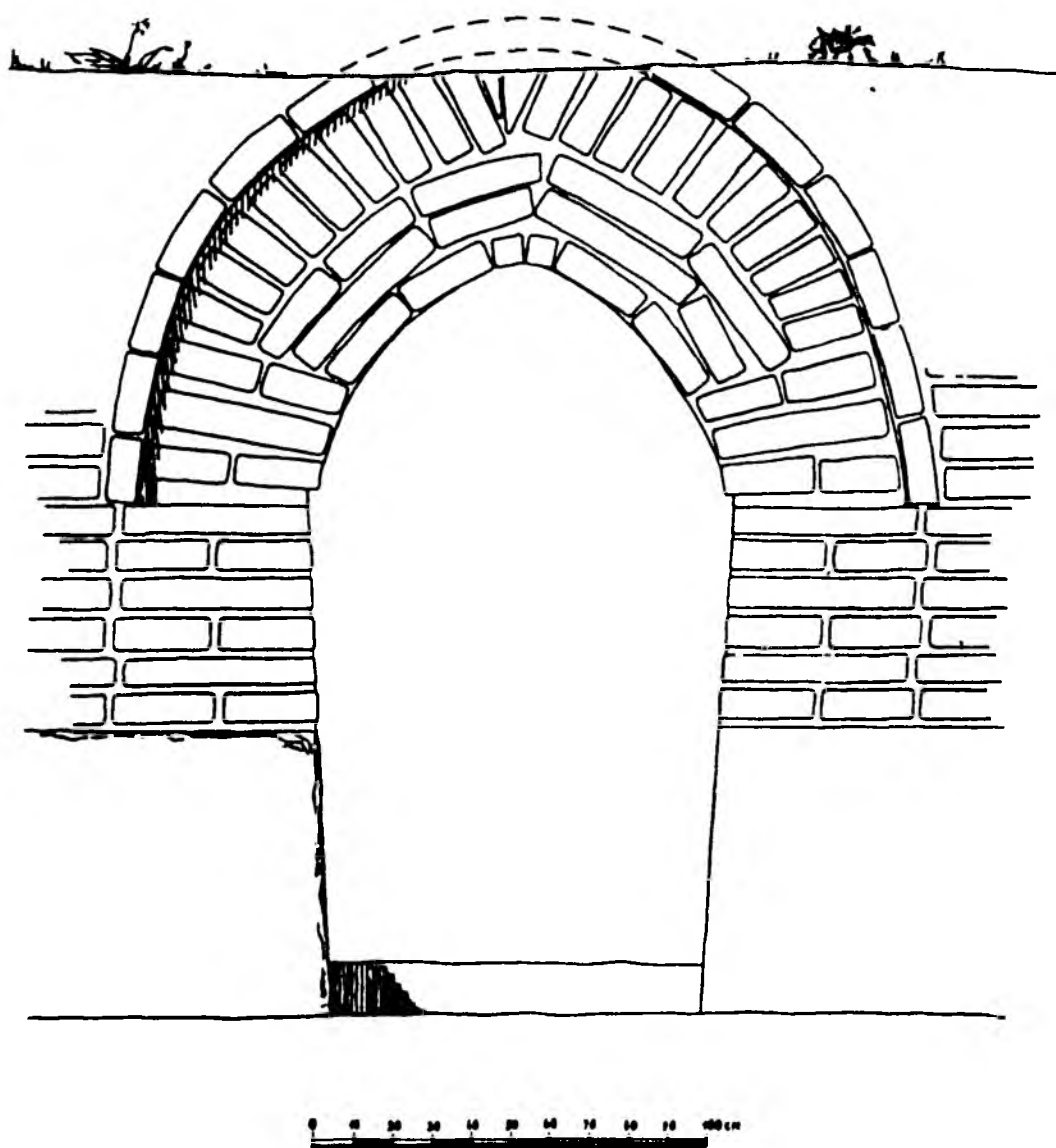

Рис. 61

Арка, сохранившаяся в восточной части храма. Первоначальный вид с севера

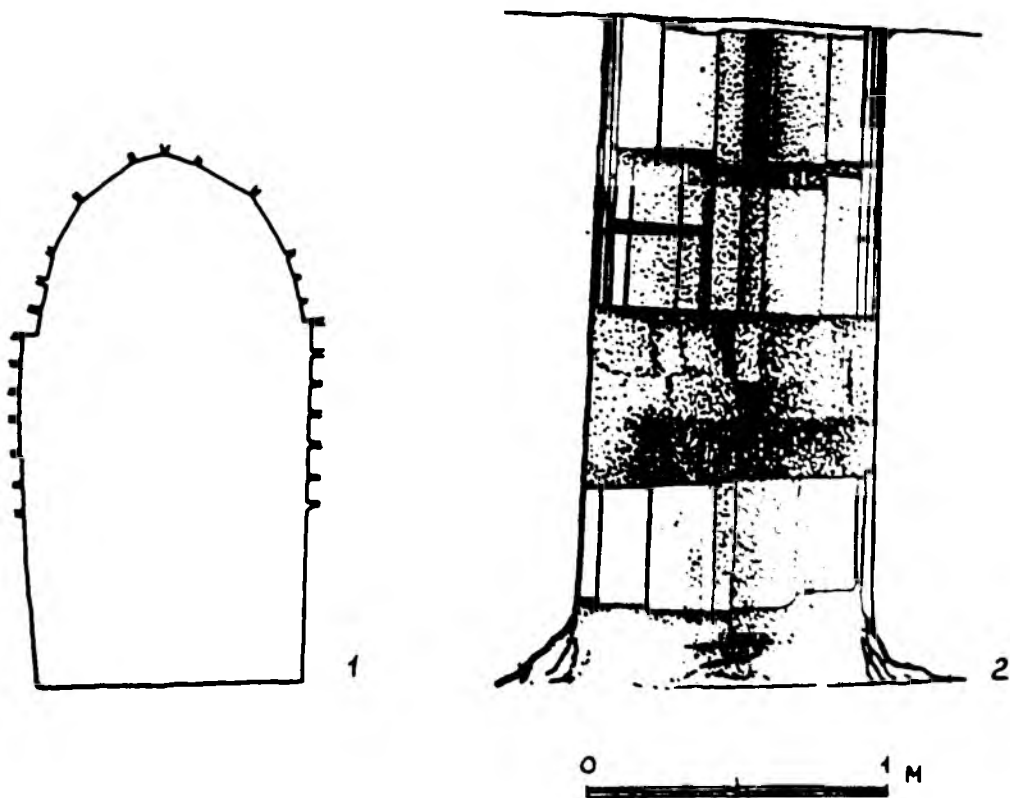

Рис. 62
Разрез (1) и план по своду (2) арки восточной части храма

Эта небольшая (площадью около 13 кв. м) комнатка, которая, за исключением суф и лежанки, никакой мебели, видимо, не имела, благодаря гладкому хорошо обмазанному и плотно утрамбованному глиняному полу и побеленным алебастром стенам (и, вероятно, потолку?) была чистой и уютной.

К югу от вестибюля, за проходом с хорошо сохранившейся аркой, располагались еще три комнаты (III–V), также соединенные между собой арочными проходами (рис. 60, 3; 61–64)³³.

Комната III первоначально была квадратной, имела купольное перекрытие, круглый барабан которого опирался на четыре тромпа (из них сохранились лишь два) (рис. 56; 64, 2, 3). Изучение этого помещения и обнаруженные на нижнем полу (первоначально пол был выложен сырцовыми кирпичами 48×24×8 см и покрыт обмазкой)³⁴ находки (например, монашеские четки из глины — рис. 89, 5, 6, и бронзовая бляха с изображением Будды — рис. 86, 2) позволяют считать, что оно первоначально было буддийской часовней, что хорошо увязывается и с самим архитектурным обликом этой купольной комнаты.

³³ Кыласов Л.Р. Археологические исследования. Рис. 16.

³⁴ Впоследствии (о чем ниже) это помещение в течение длительного времени использовали под жилье, благодаря чему полы покрывались слоем обмазки несколько раз. На рис. 64, 3 дан уровень самого верхнего пола.

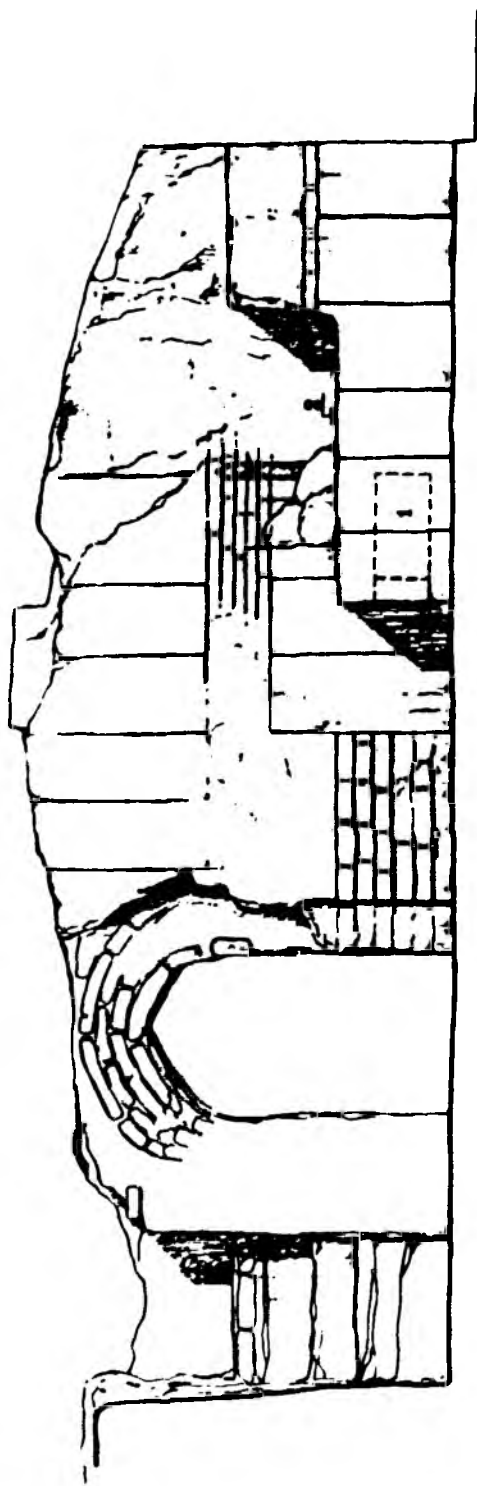

Рис. 63

Южная стена «вестибюля» (помещение VII) с арочным проходом.

Справа — лежанка (кан), вырубленная кочевниками в пилоне входа во двор;

1 — подлежаночный очаг с дымоходом, 2 — уровень лежанки

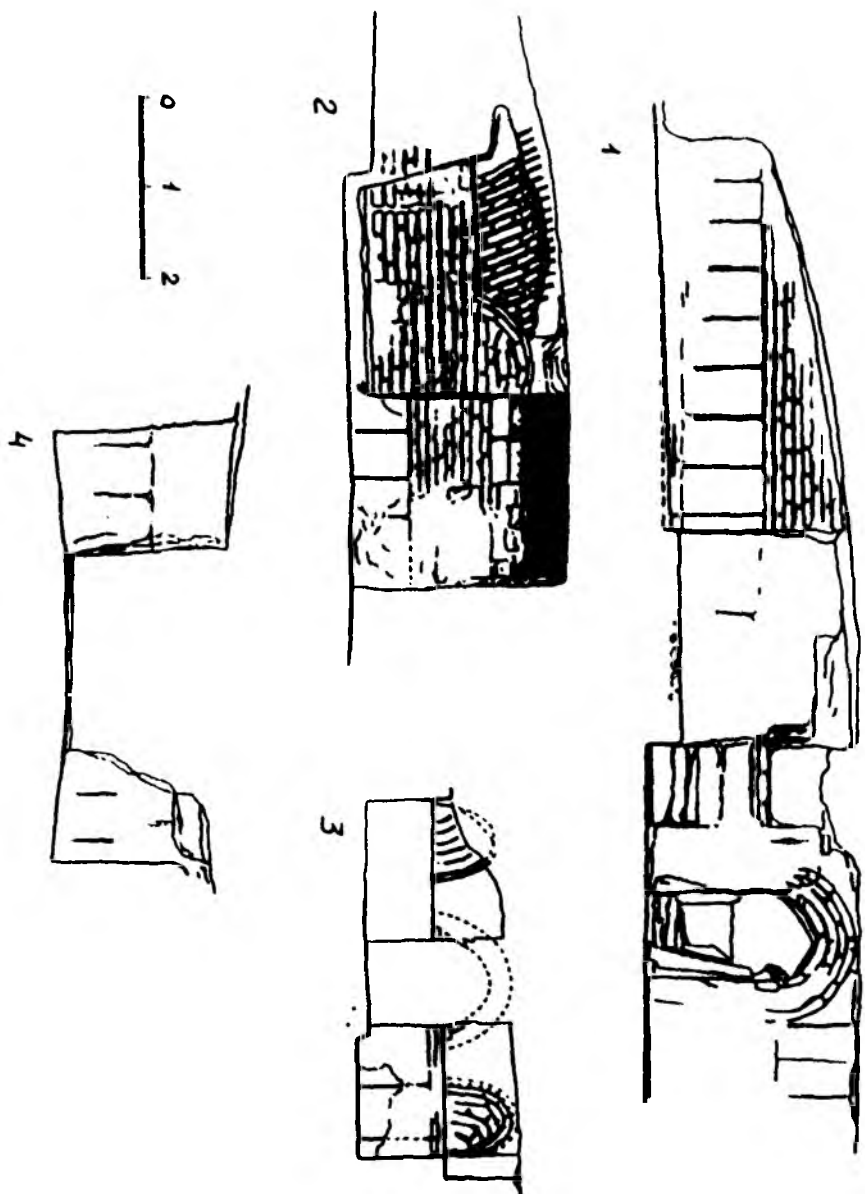

Рис. 64

- Проходы храма: 1 — южная стена главного входа в храм;
 2 — коридор со сводом IV, разрез по арочному проходу;
 3 — западная стена помещения III (на уровне пола 2-го яруса);
 4 — вход в храм (вид с востока)

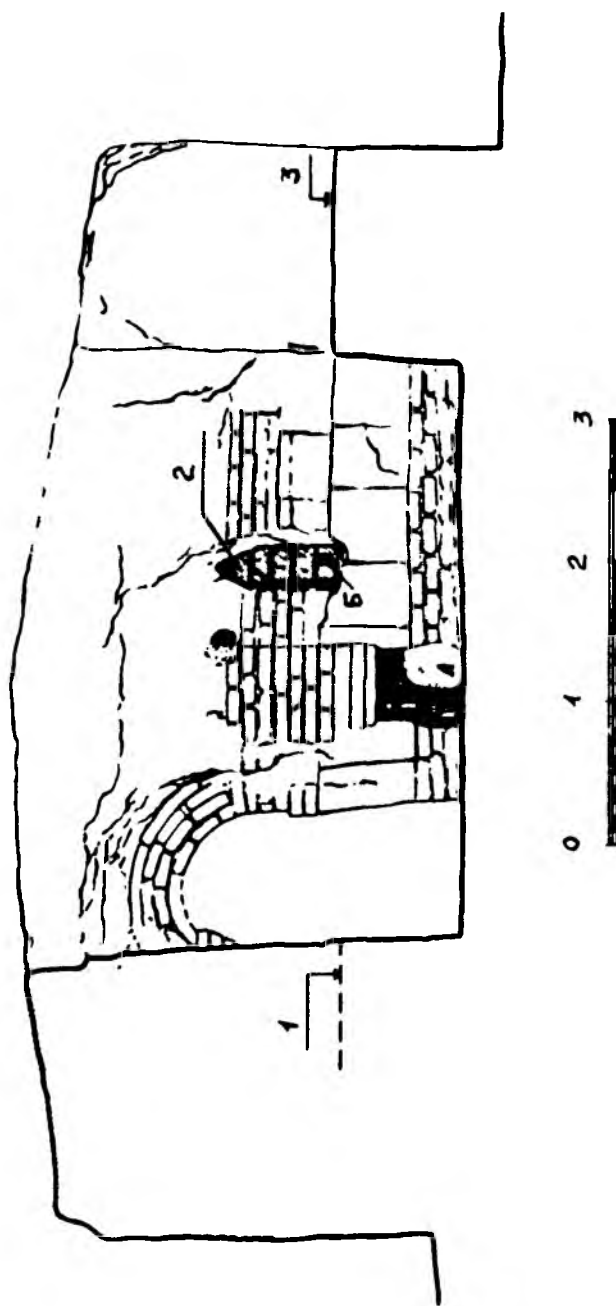

Рис. 65

Восточная стена помещения V. А — камин 1-го яруса;
 Б — камин 2-го яруса (выложен жженым кирпичом); 1 — уровень пола 2-го яруса;
 2 — жженый кирпич; 3 — пол входа 2-го яруса

Узкое прямоугольное *помещение IV* (рис. 60, 3, 4; 64, 2) было вначале проходным коридором (рис. 56). Из него вели арочные проемы в описанную выше часовню (помещение III) и комнату V. Коридор этот интересен тем, что он имел сводчатое перекрытие, сохранившееся в некоторой своей части (рис. 64, 2). Свод выложен поперечными отрезками. Первоначальный пол помещения IV был вымощен сырцовым кирпичом тех же размеров, что и в помещении III (рис. 56). На нем обнаружена вторая бронзовая бляха с изображением Будды (рис. 86, 3), видимо, выброшенная из помещения III.

Комната V, небольшая и прямоугольная в плане, не сохранила следов перекрытия, потолок ее, возможно, был плоским. В нее из коридора IV вел дверной проем с сохранившейся ползучей аркой (рис. 56; 64, 2; 65). В восточной стене комнаты V имелся камин, верх которого был позднее заложен кирпичом (рис. 65, А). Несмотря на камин, комната не производит впечатления жилого помещения, так как суф в ней нет. Судя по находкам (обломок алебастровой формы для оттискивания терракотовых статуэток Будды (рис. 90, 1), глиняной льячки и т.д.), в этой комнате находилась мастерская для изготовления разнообразных ритуальных предметов, главным образом буддийских образков.

Но вернемся к *вестибюлю*. Он почти квадратный — примерно 5×5 м, и имеет четыре прохода, каждый из которых располагается в центре соответствующей стены. Два из них, как указано выше, ведут в привратные помещения, расположенные по сторонам вестибюля. В северо-восточном углу вестибюля выявлена небольшая суфа или же пьедестал, верх которого плохо сохранился. Подобная же суфа находилась и в северо-западном углу вестибюля, а в юго-восточном — лестница из трех ступеней, по которой можно было подняться вверх к куполу помещения III, вероятно для того, чтобы получить возможность видеть посетителя, стучавшего в двери храма (рис. 56, 11; 63).

Двор. Проход из вестибюля на запад вел в большой внутренний открытый сверху четырехугольный двор длиной 32 и шириной 18 м, т.е. площадью 576 кв. м (рис. 56). Двор этот, стены которого сохранились в высоту до 3 м от самого раннего уровня его пола, имел, очевидно, по бокам айваны-навесы на деревянных колоннах, от которых кое-где остались круглые ямки³⁵ (рис. 56, 14). Под навесами, видимо, находились суфы вдоль стен. Часть такой скамьи (из сырцовых кирпичей с забутовкой глиной внутри) сохранилась в северо-западном углу двора. В северо-восточном углу двора обнаружена глубокая грушевидная яма — древний батрап (рис. 66, 1)³⁶, а в южной стене двора, ближе к входу в него, был расчищен сток для нечистот в виде сужающегося сквозного отверстия, которое заканчивалось керамической трубой, выходящей за стену храма.

Во дворе отдыхали богомольцы, и здесь же, вероятно, происходили торговоростовщические операции и судебные акты той общины буддистов, которой принадлежал храм. Об этом свидетельствуют найденные на древнем полу двора четыре глиняные вислые печати для документов³⁷ с оттиском слона (т.е. воплощения Будды) и согдийской надписью³⁸, бронзовая чашечка от весов (рис. 81, 2),

³⁵ Кыласов Л.Р. Археологические исследования. Рис. 20, 6.

³⁶ Глубина 2,33 м, диаметр горловины 55 см.

³⁷ Кыласов Л.Р. Археологические исследования. Рис. 22.

³⁸ О возможном ее прочтении как «господин» см. ниже в разделе «Находки».

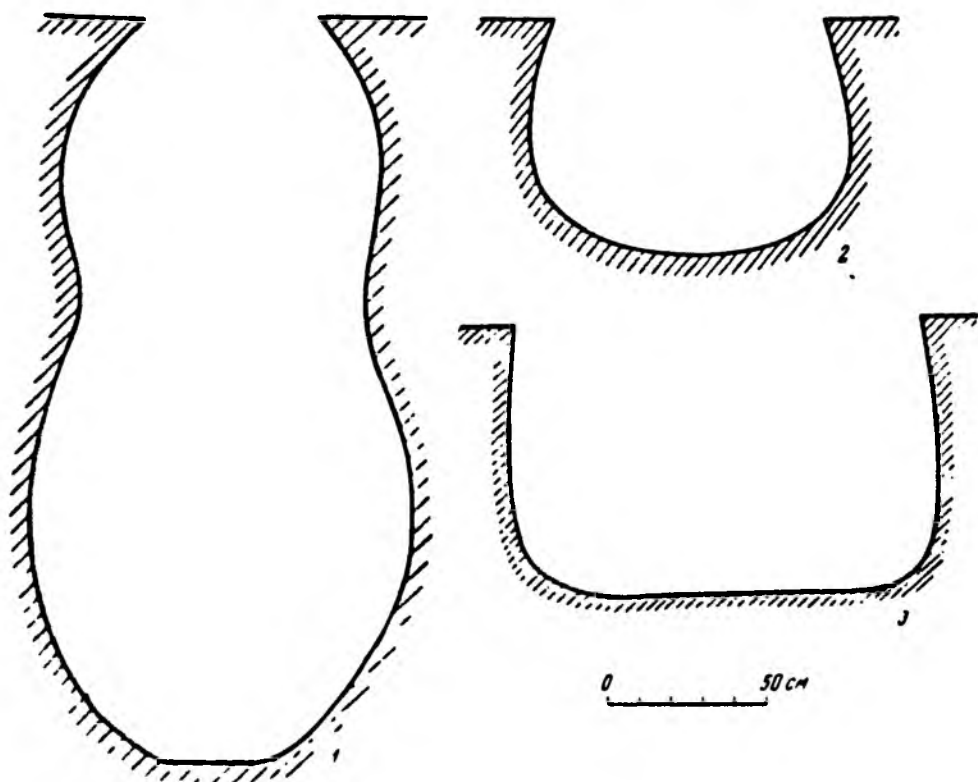

Рис. 66

Разрезы ям, вырытых кочевниками в полу северного крыла галереи (2 и 3):
1 — выгребная яма (батрап), 2-3 — хозяйственные ямы

железные кубические гири, монеты тюркешского круга с легендами, написанными на согдийском языке, и т.п.

В западной части двора пол возвышался небольшим пандусом, который подводил к сложенной из сырцовых кирпичей лестнице, ведущей ко входу в помещения, непосредственно предназначенные для богослужений. Лестница эта сохранилась плохо, однако удалось выяснить, что она некогда имела марш в три ступени, каждая из которых состояла из двух рядов кирпичей, положенных друг на друга (рис. 56; 67).

Зал. Поперечная стена, замыкающая двор с запада, имела посредине дверной проем в 2,4 м шириной, через который входили некогда в огромный зал храма (рис. 67). В этом зале и происходили основные церемонии богослужения. Зал размером 18×10 м вытянут по длинной оси с юга на север поперек храма. Стены его толщиной в 2 м сохранились в высоту примерно на 1 м³⁹. Некогда зал имел плоское камышовое перекрытие, лежавшее на деревянных балках, которые, в свою очередь, опирались на колонны.

Об этом свидетельствуют прослеженный по всему полу слой обугленного при пожаре камыша и остатки балок. При зачистке плотного глинобитного пола обнару-

³⁹ Кызласов Л.Р. Археологические исследования. Рис. 23, 2.

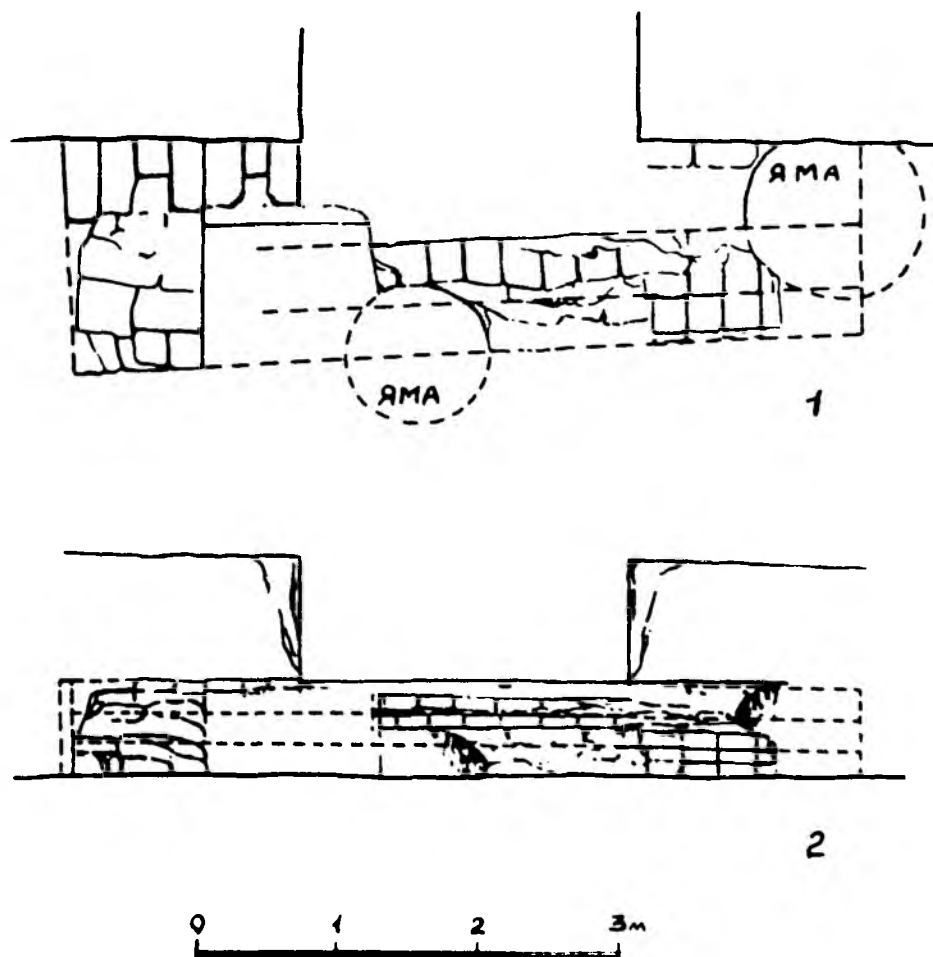

Рис. 67
Остатки сырцової лестницы, ведущей из двора в зал храма:
1 — план, 2 — вид спереди

жены также основания восьми колонн, стоявших в два ряда через симметричные промежутки по строгому плану (рис. 56, б). От колонн сохранились квадраты 1×1 м, углубленные в пол на 10 см⁴⁰. В этих квадратных углублениях крепились деревянные базы, от которых в двух квадратах сохранились полусгнившие брусья толщиной 10 см⁴¹. Благодаря оставшимся пустотам в завале удалось установить, что основания колонн имели усеченно-пирамидальную форму высотой до 40 см. Внутри этих деревянных пирамид были вертикально вставлены круглые бревна, составлявшие тела колонн. Деревянные колонны, по-видимому, первоначально были одеты в глиняный «панцирь», покрытый лепными украшениями, окрашенными в синюю краску и кое-где по этой краске позолоченными. Такие куски лепнины,

⁴⁰ Там же. Рис. 24, 3, 8.

⁴¹ Там же. Рис. 24, 8.

Рис. 68

Обломки скульптур из ниши зала: 1 — морда дракона (анфас),
 2 — дракон, 3 — наклепная розетка, 4 — обработанный для скульптуры кирпич
 с остатками лепных украшений, 5-6 — розетки, 7, 11 — уши статуи,
 8 — нога небольшой статуи, 9, 10 — плакетки

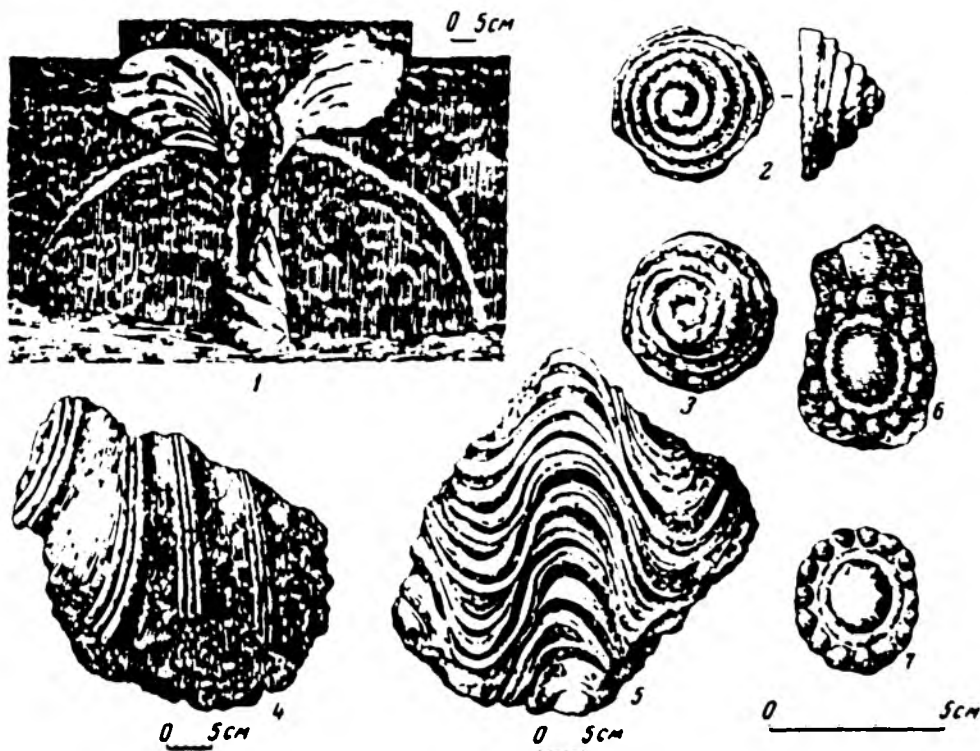

Рис. 69

Скульптурные фрагменты: 1 — «пальма» с витым стволом на северной стене зала; 2-3 — глиняные спирали от волос Будды; 4-5 — остатки платья и волос Майтреи; 6-7 — медальонообразные глиняные бляшки с ног Майтреи

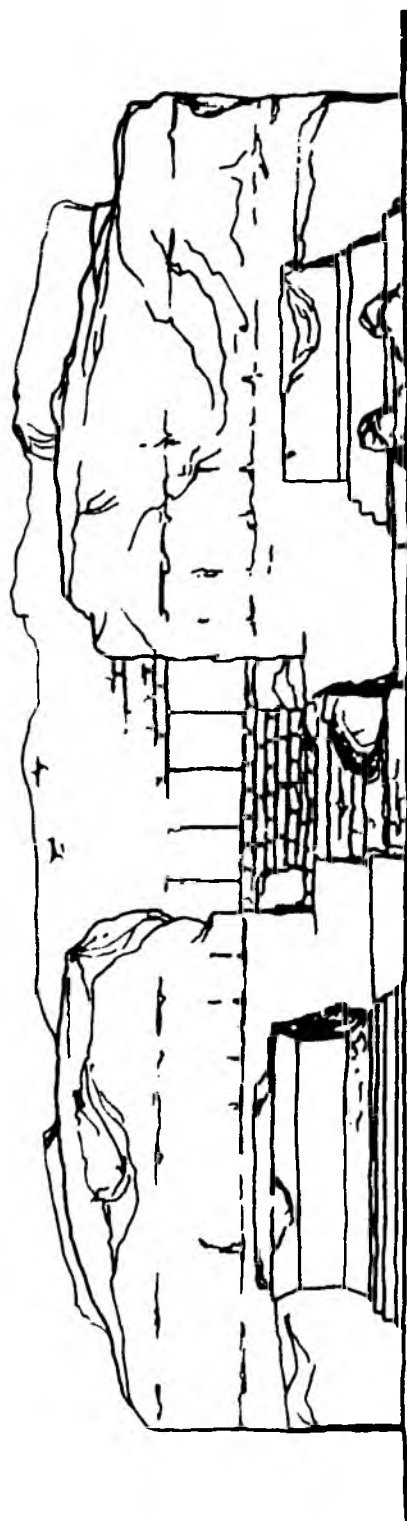
найденные как раз возле оснований всех колонн, в других местах не обнаружены (рис. 80, 1, 3).

Северная стена зала имела небольшую нишу шириной 1,20 м и глубиной 80 см. В этой нише обнаружено большое количество лепных украшений и обломков статуй (розетки, плакетки, спирали, уши и пр., рис. 68), сырцовый кирпич округлоконечных, явно для скульптуры подработанных, очертаний (рис. 68, 4), глиняные трубочки с травой внутри. Самой же главной находкой, сделанной здесь, был разбитый глиняный дракон, исполненный очень искусно (рис. 68, 1, 2). Хотя все эти фрагменты были как бы свалены в нише в беспорядке, не исключена возможность, что они представляют собой остатки некогда разрушенной здесь скульптурной композиции.

Первоначально центральный зал имел торжественное и парадное убранство. Стены его были всюду покрыты поверх обмазки тонкой алебастровой подгрунтовкой, на которую наносилась роспись. Реже роспись нанесена на хорошо заглаженную поверхность глиняной штукатурки, участки которой, очевидно, находились главным образом на потолке между колонн⁴² и вокруг расположенного между центральными четырьмя колоннами светового люка⁴³.

⁴² Там же. Рис. 36.

⁴³ О наличии такого люка можно заключить, во-первых, по полному отсутствию окон и, во-вторых, по размыву пола от дождей в центре зала.

0 3 6 м

Рис. 70

Западная стена зала храма. Южный и северный pedestals статуй.
Близ последнего — остатки ног изображения Майтреи

Но кроме росписей стены имели также глиняные лепные барельефные украшения, примером чего может служить сохранившаяся нижняя часть декоративной «пальмы», видимо священного буддийского дерева Бодхи, которое, по представлениям буддистов, последним исчезает при кончине мира и первым появляется при его создании⁴⁴. Это — витая глиняная прилепная колонка с двумя широкими расходящимися в разные стороны листьями. Верх колонки, к сожалению, не сохранился, так как здесь стена была сильно разрушена (рис. 69, 1).

Кроме того, зал был украшен четырьмя глиняными статуями Будды, сидящими на высоких пьедесталах. От них сохранились лишь обломки. Размещались они по западной стене, противоположной входу в зал (рис. 70). Эта стена имела три двери. Центральная дверь со ступенчатым входом вела в святилище, а две крайние — в обходную галерею, проходившую вокруг святилища. В двух промежутках между этими дверями западной стены обнаружены хорошо сохранившиеся высокие (1,44 и 1,12 м), оформленные ступеньками пьедесталы⁴⁵ (рис. 56, 1; 70).

На северном пьедестале некогда была сидящая, с фронтально опущенными ногами, огромная глиняная статуя будды Майтреи⁴⁶, имевшая высоту около 4 м. От нее сохранились куски торса, волосы и ноги ниже колен, которые стояли на двух низких лотосовидных возвышениях (рис. 70)⁴⁷. Ступни имели 80 см в длину и 40 см в ширину⁴⁸. Ноги были покрыты сверху тонким слоем алебаstra и расписаны (так же и вся статуя), а кругом низа ступни и вокруг шиколоток шли глиняные наlepные рельефные ленты, на которых укреплены вплотную друг к другу овальные бляшки, окаймленные «жемчужником» (рис. 69, 7, 8; 70). Перед ступнями статуи оказался чуть возвышающийся над уровнем пола глинобитный круг для жертвоприношений, покрытый сверху алебастром⁴⁹. Диаметр его 0,85 м (рис. 56, 2). В центре круга обнаружено небольшое углубление, наполненное угольками, — остатки жертвенника. Очевидно, именно Будде Майтрее и был первоначально посвящен открытый нами храм Суяба.

Южный пьедестал архитектурно оформлен иначе, чем северный. Прямо посредине перед ним на полу также имелся круг для жертвоприношений диаметром 1,16 м, на 2–3 см возвышающийся над уровнем пола. Судя по тому что он размещен вплотную к пьедесталу, на последнем первоначально находилась статуя сидящего Будды, поджавшего ноги⁵⁰ (рис. 70). От нее сохранились сброшенные на пол куски торса, части головы, покрытые наlepными глиняными спиралями, окрашенными синей краской, которые изображали волосы Будды (рис. 69, 2, 3). Вероятнее всего, на этом пьедестале находилась статуя того Будды, который изображен на литой из бронзы позолоченной бляхе с бирюзовыми вставками,

⁴⁴ Минаев И. П. Материалы и заметки по буддизму // ЗВОРАО. 1896, т. IX. С. 215.

⁴⁵ Кыласов Л. Р. Археологические исследования. Рис. 24, 3, 6.

⁴⁶ Ср.: Wegner M. Ikonographie des chinesischen Maitreya // *Ostasiatische Zeitschrift*. B.-Lpz., 1929, Heft 6. S. 252 и сл.

⁴⁷ Только Майтрея изображался начиная с VI в. сидящим со спущенными вниз ногами (см., например: Stein A. *Serindia*. Vol. II. Oxf., 1921. Pl. 208). Близок к нашей статуе каменный Майтрея из Хотана, спущенные ноги которого также стоят на двух лотосовидных подставках (Ольденбург С. Ф. Два хотанских изображения Майтреи // ЗВОРАО. 1900, т. XII. С. 0106–0107).

⁴⁸ Кыласов Л. Р. Археологические исследования. Рис. 24, 1, 2, 7.

⁴⁹ Там же. Рис. 24, 2, 5, 7.

⁵⁰ Там же. Рис. 24, 6.

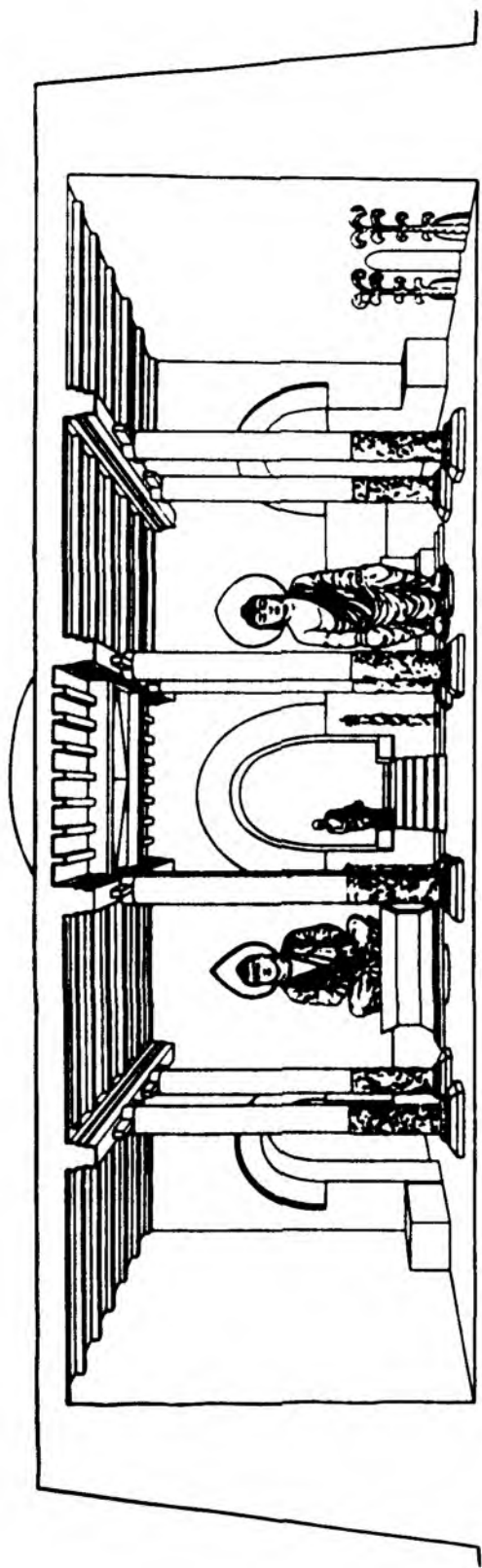
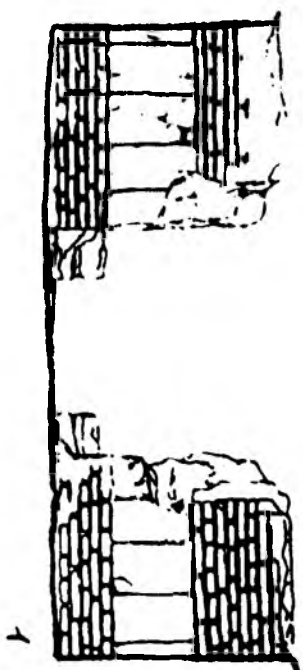

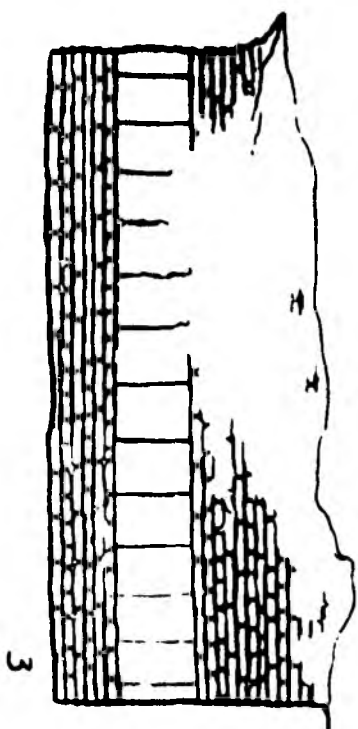
Рис. 71
Реконструкция общего вида зала буддийского храма.
Рисунок С.Г. Хмельницкого

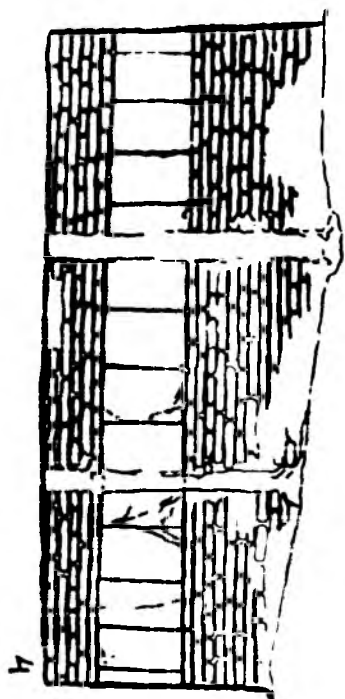
1

2

3

4

Рис. 72

Внутренние стены святилища храма:

1 — восточная, 2 — южная, 3 — западная, 4 — северная

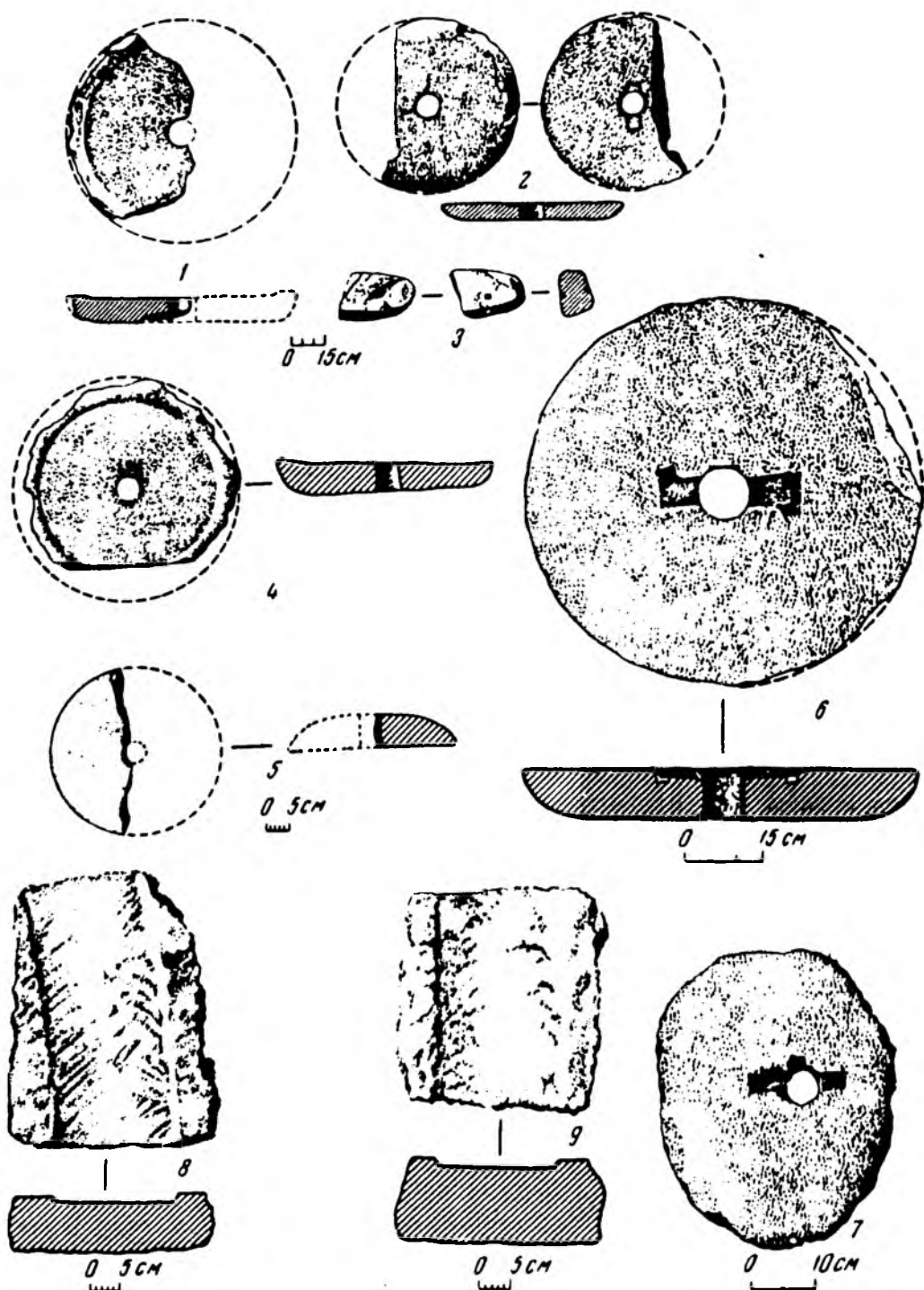

Рис. 73

Изделия из камня, найденные во дворе храма:
 1, 2, 4-7 — обломки верхних и нижних жерновов, 3 — заготовка каменной трамбовки,
 8, 9 — гранитные желоба. 1-3, 6-9 — из 1-го яруса (VIII в.),
 4, 5 — из 2-го яруса (IX-X вв.)

найденной на полу у южной стены зала (рис. 87, 2), или же на других многочисленных бляхах, обнаруженных в других частях храма (рис. 82; 84; 85).

Приводим опыт неполной, к сожалению, реконструкции общего вида зала храма в Суябе (рис. 71).

Два других пьедестала-скамьи размещены в юго-западном и северо-западном углах зала, возле обоих входов в обходную галерею⁵¹ (рис. 56, 3). На них ничего не найдено, но, несомненно, и здесь в свое время стояли глиняные статуи. Размеры юго-западного пьедестала — 3,46×0,87×0,55 м, северо-западного — 1,84×1,1×0,87 м.

Из других элементов декора следует отметить деревянные колонки, стоящие вдоль западной стены, с обеих сторон лестницы, ведущей в святилище. От них остались ямки, сохранившие остатки дерева (рис. 56). Пара таких же деревянных колонн стояла вверх по бокам дверного проема, ведущего в святилище.

Святилище. Лестница, ведущая в святилище, была сложена из длинномерных кирпичей обычных для храма размеров, имела марш в пять ступеней и площадку вверх. Длина всего сооружения — 1,85 м, ширина — 1,5 м. Ширина дверного проема святилища — 2,4 м (рис. 72, 1). По бокам его имелись небольшие и невысокие «скамейки»⁵², на восточном конце которых стояли упомянутые выше колонны, а на западном некогда размещались двери, от которых сохранились подпятники из серого гранита, сделанные из одного разбитого старого жернова⁵³ (рис. 73, 1, 2). В стенах сохранились также выемки для подвешивания дверей.

Само святилище было квадратным (6,33×6,38 м) и имело площадь около 40 кв. м (рис. 56). Посреди пола этого помещения оказалось прямоугольное углубление (4,58×3,43×1 м), вытянутое с востока на запад, стенки которого выложены сырцовыми кирпичами. Вероятно, у задней, восточной стенки этого углубления некогда стояла основная статуя Будды (подобно статуям в святилищах некоторых храмов Восточного Туркестана), но не глиняная, а из бронзы. От нее осталось лишь несколько кусочков бронзы, сорванных в момент извлечения статуи из храма грабителями (рис. 88). Среди этих кусочков особенно интересна бляшка, изображающая завиток бороды или усов⁵⁴, совершенно аналогичная по форме таким же завиткам бороды глиняных статуй из храмов Восточного Туркестана⁵⁵.

В святилище обнаружено 12 лежащих вместе ажурных бронзовых буддийских блях (рис. 82–83)⁵⁶. Назначение прямоугольного углубления в полу пока неясно. Может быть, здесь мы имеем дело с атавизмом зороастрийских культовых деталей (вспомним «дом огня» Джанбас-калы⁵⁷ и углубление в сасанидском храме, раскопанном в Шапуре⁵⁸), а может быть, так передан священный пруд, в котором

⁵¹ Там же. Рис. 27, 5, 6.

⁵² Там же. Рис. 28, 2, 3.

⁵³ Там же. Рис. 28, 6, 8, 9.

⁵⁴ Там же. Рис. 29, 1.

⁵⁵ *Ольденбург С. Ф.* Русская туркестанская экспедиция 1909–1910 года. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914. С. 19. Рис. 8–9. Впрочем, аналогичными завитками передавались и волосы. См., например, индуистские статуи из Бенгалии IX–XII вв. (*Bakhty E.* Indian Stone Sculpture in the Budapest Museum of Eastern Asiatic Arts // *Acta Orientalia*. Budapest, 1953, t. III, pt. 1–2. P. 158. Pl. IX), а также терракоты из Хотана в Гос. Эрмитаже (Отдел Востока, ГА-683).

⁵⁶ См.: *Кызылоса Л. Р.* Археологические исследования. Рис. 29, 5; 38, 6.

⁵⁷ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 97. Рис. 33.

⁵⁸ *Chirshman R.* Les fouilles de Chapour (Iran) // *Revue des arts asiatiques*. P., 1938, t. XII, № 1.

на лотосе стоял Будда, подобно фресковому изображению пруда с рыбами на полу в святилище храма № 1 в Сентим-агызе⁵⁹.

Что касается вопроса о перекрытии святилища, то, исходя из ряда причин (квадратность плана, более чем двухметровая толщина стен, заполненность помещения сплошным завалом упавших сверху кирпичей, прослеженные в разрезе веерообразно упавшие кирпичи и пр.), можно предполагать, что первоначально это было купольное перекрытие. Подобные купола, перекрывающие обширные помещения, известны в казахских поздних гумбезах XVIII–XIX вв., в которых купол, выложенный из сырцовых кирпичей, превратился в монолит.

Из других конструктивных деталей этого помещения отметим вставленные в двух стенах деревянные стойки, опирающиеся на подложенные под них толстые гранитные базы, также являющиеся обломками старых жерновов⁶⁰ (рис. 72, 2, 4; 73, 4, 5). Эти длинные бревенчатые стойки, закрепленные в специальных выемах, были скрыты обмазкой, покрывавшей всю поверхность стены. Такие, по видимому опорные, стойки, несущие определенную нагрузку, имелись лишь в двух противоположных стенах святилища, но количество их было неравным. В южной стене их оказалось четыре, а в северной только две (рис. 72, 2, 4). Вероятнее всего, эти опорные стойки несли на себе балки перекрытия потолка, остатки которых были нами обнаружены. Наличие потолков под купольными перекрытиями засвидетельствовано в синхронных храмах Синьцзяна, а сам принцип установления деревянных стоек в сырцовых или глинобитных стенах характерен для архитектуры древних китайских буддийских храмов⁶¹.

Галерея. С трех сторон квадратного святилища проходила обходная галерея, стены которой сохранились на 3,5 м над уровнем пола (рис. 74–76). Двумя проходами она выходила в центральный зал. Входы в галерею (шириной 1,7 и 1,75 м) и в святилище были перекрыты некогда арками, от которых сохранились нижние части⁶², а сама галерея была перекрыта сводами, непосредственно продолжающимися за арочными перекрытиями входов в нее. Галерея имела ширину около 3,3 м и общую длину 41,37 м (северный отрезок — 11,9 м, западный — 17,35 м, южный — 12,12 м). Вдоль всей галереи по стене святилища шла длинная суфа, сложенная из сырцовых кирпичей⁶³ (рис. 56, 4). Ширина ее в южных и северных отрезках галереи достигает 82 см. Здесь она сравнительно низка и верх ее очень плохо сохранился. Лишь в западном проходе галереи суфа эта достигает 1,18 м в высоту, причем здесь она иначе архитектурно оформлена — в виде огромного пьедестала (рис. 75, 1). По всей галерее на суфах некогда были размещены статуи и даже целые скульптурные группы. Обломки их в большом количестве обнаружены в завале над полом галереи, а в юго-восточном углу северного крыла галереи сохранилось основание какой-то скульптуры⁶⁴ (рис. 74, 1). Стены и потолки были покрыты росписью⁶⁵.

⁵⁹ Ольденбург С. Ф. Русская туркестанская экспедиция. С. 37–38.

⁶⁰ Кызласов Л. Р. Археологические исследования. Рис. 28, 1, 4, 5.

⁶¹ Вэнь'у цанькао цыляо. Пекин, 1954, № 11 (51). С. 55. Рис. 14 (на кит. языке); ср. дом Ли Лина (I в. до н.э.) в Хакасии: Евтюхова Л. А. Древнекитайское здание на Среднем Енисее // ВДИ. 1946, № 1. С. 107; Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее. М., 2001. Рис. 1, 31, 2, 33, 1.

⁶² Кызласов Л. Р. Археологические исследования. Рис. 27, 1, 3, 9.

⁶³ Там же. Рис. 27, 1–3.

⁶⁴ Там же. Рис. 27, 7.

⁶⁵ Там же. Рис. 35, 36.

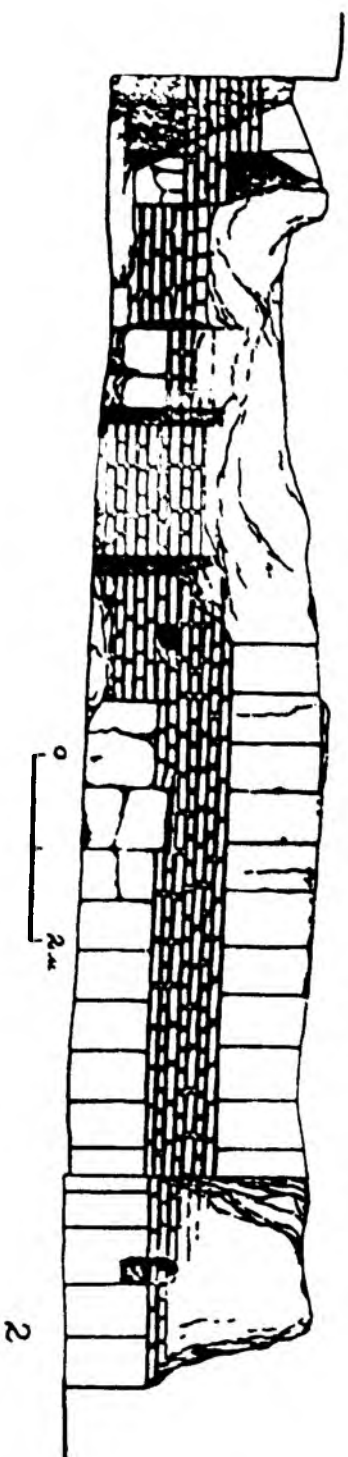
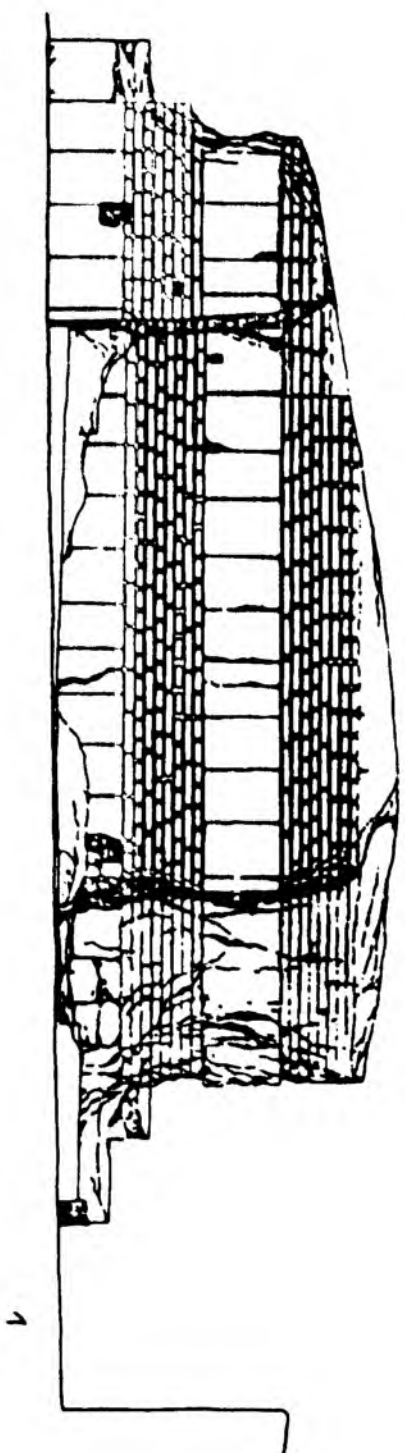

Рис. 74
Фасады южной (1) и северной (2) стен северного крыла галилеи храма

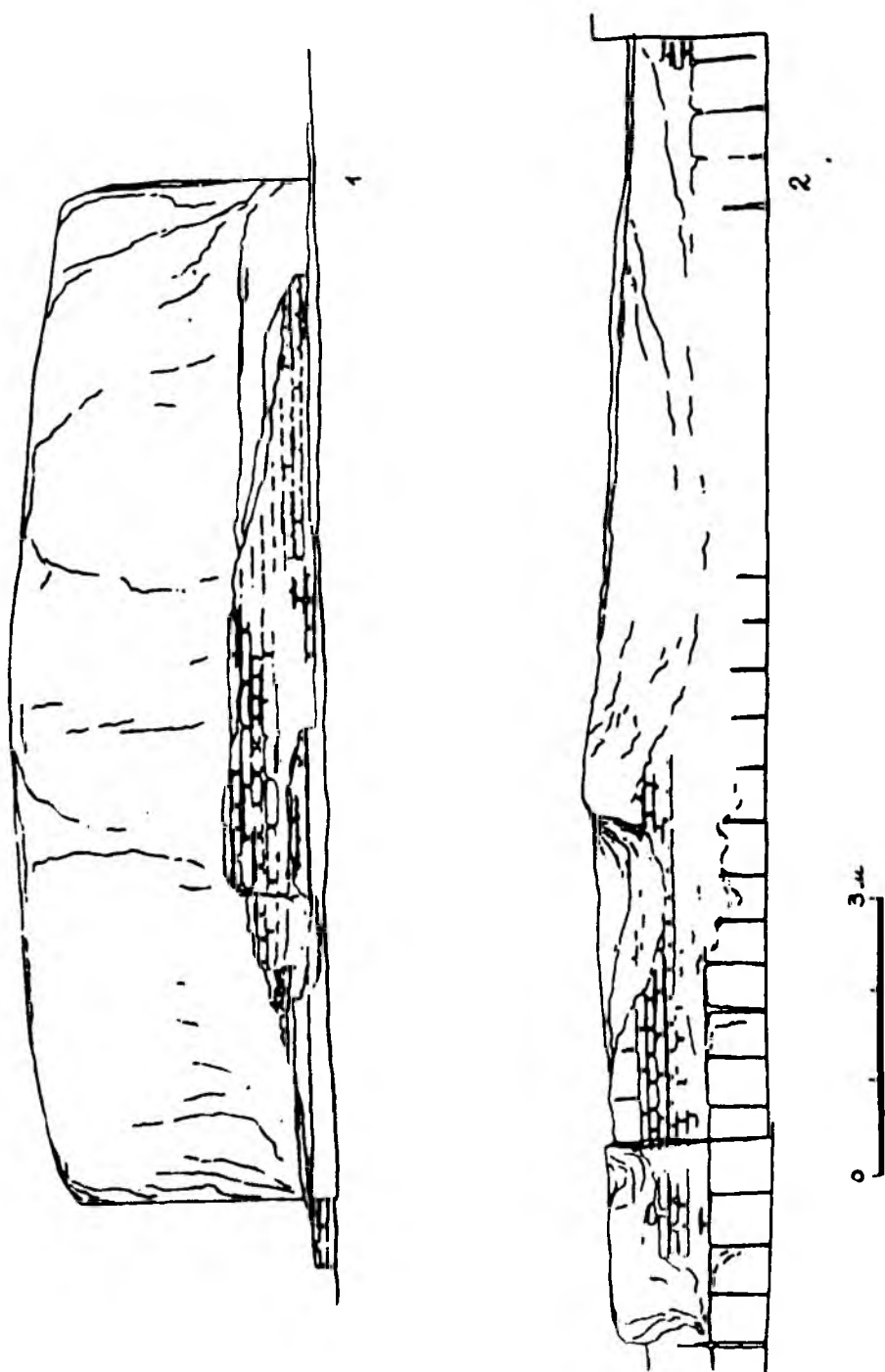
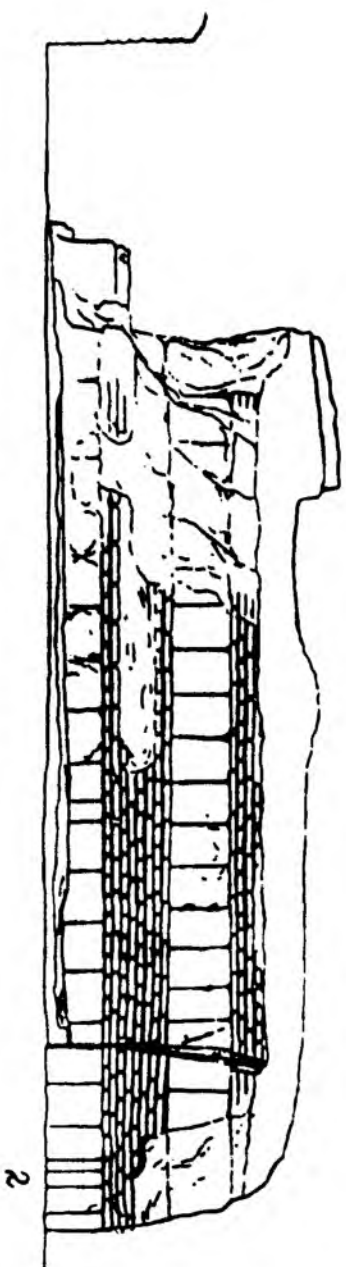
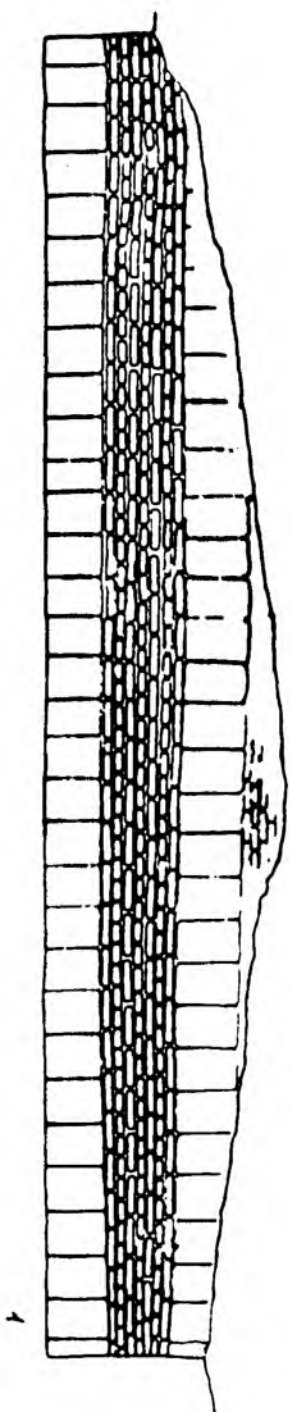

Рис. 75
 Фасады восточной стены западного крыла (1)
 и южной стены южного крыла (2) галерей храма

0 3 м

Рис. 76
Фасады западной стены западного крыла (1)
и северной стены южного крыла (2) галереи храма

В суфах вдоль стен галереи тоже имелись опорные стойки и деревянные колонки (рис. 56). У внутренней стороны наружных стен галереи стояли лишь две опорные стойки в северном проходе, совершенно так же укрепленные в стене, как стойки в стенах святилища (рис. 74, 2).

В северо-западном углу галереи оказался небольшой пьедестал, на котором также размещались статуи. В северном крыле галереи на полу перед суфой расчищен чуть возвышавшийся над полом алебастровый круг для жертвоприношений, аналогичный кругам, обнаруженным в зале перед статуями Будды.

Дополнительные замечания об архитектуре. В качестве храма здание существовало приблизительно 50–60 лет. Естественно, что за этот срок кое-что в нем должно было измениться по сравнению с первоначальным его планом, описанным выше. Перемены эти незначительны, но в связи с историей здания их необходимо отметить. В первую очередь укажем, что помещения, непосредственно предназначенные для богослужений (зал, святилище и галерея), не претерпели почти никаких существенных изменений, если не считать того, что глинобитные полы по мере изнашивания кое-где подмазывались и пр. В них благодаря хорошему присмотру и необитаемости не отлагалось никаких наслоений.

Иначе обстоит дело с двором и привратными помещениями. Во дворе, не имевшем крыши и часто посещаемом большой массой людей, проводивших там довольно много времени, ввиду того, что здесь, вероятно, находился некий деловой центр общины, со временем отложился небольшой слой в 15–20 см. Кроме того, тогда же общинникам и монахам понадобилось, чтобы во дворе всегда имела свежая проточная вода, и для этого поперек него был проведен арык шириной около 90 см и глубиной 20–30 см, борта которого находились на уровне поверхности указанного выше слоя (рис. 77, 15). Произведенная нами нивелировка ложа арыка показала, что начиная от южной стены двора на каждый метр ложе его понижалось на 1 см, т.е. вода по нему текла с юга на север и довольно медленно.

Арык, подходя с полей, расположенных к югу от храма, проходил под южной стеной двора в специально пробитый проход⁶⁶, пересекал двор и уходил в другой проход, расположенный под северной стеной двора (рис. 77, 15), опускаясь затем по идущему мимо цитадели на север естественному понижению. При раскопках выяснилось, что стенки входа арыка в южной стене двора для предохранения от размывания были основательно укреплены (с обеих сторон) наложенными в два ряда друг на друга семью половинками таких же огромных жерновов (рис. 73, б, 7), о которых шла речь выше, а также крупным булыжником. На жерновах, подпирая основную сырцовую массу стены, лежали деревянные брусья, уложенные поперек арыка. Руслó арыка хорошо прослеживалось благодаря тому, что его заполнял нанесенный водой мелкий, тонко отмученный песок, легко выявлявшийся при снятии верхних лёссовых намывов и наслоений. Проход в северной стене оказался заваленным из-за сильного оседания кладки стены над ним. Вообще близ северной стены арык, видимо, нередко размывал свои борта и разливался вдоль стены к востоку, разрушая постепенно и саму стену двора.

Здесь имеются следы довольно глубокого размыва поверхности двора, углубление которого оказалось засыпанным речной галькой, специально привезенной

⁶⁶ Там же. Рис. 20, 2.

издалека (километра за три-четыре), так как в непосредственном окружении города ее нет.

Из-за размывания нижней части стены боковая кладка частично осыпалась, ввиду чего стена в северо-восточном углу двора ремонтировалась: обвал был заполнен новой сырцовою кладкой из кирпича обычных размеров (48×24×9 см), которая, как панцирем, закрыла оставшуюся основную толщу стены⁶⁷. К этому же периоду относятся и вымостки из обломков жерновов и крупного булыжника, обнаруженные во дворе к востоку от русла арыка, а также небольшие выстилки из сырцового кирпича в северо-восточном углу двора.

Отметим, что среди камней, которыми были заложены выбоины поверхности двора, обнаружены два искусно сделанных гранитных желоба непонятного назначения (рис. 73, 8, 9) и заготовка каменной трамбовки для набивки глины при изготовлении пахсовых стен (рис. 73, 3). Ее бросили потому, что отверстие для ручки, которое начали пробивать с двух сторон, без точного расчета не могло бы получиться.

Необходимо заметить, что вообще стены двора хранят довольно многочисленные следы исправлений и подмазок, хотя основная толща их всегда оставалась ненарушенной. Это и неудивительно, если учесть, что стены двора, в отличие от стен всех других помещений, не несли на себе прочных перекрытий.

В этот же период времени из шести помещений, расположенных по обе стороны вестибюля, осталось только четыре (I–IV). Помещение V и ведущий в него из коридора IV арочный проход были заложены, так как восточная стена его, видимо, сложенная недостаточно правильно, стала заваливаться (рис. 77; 64, 2; 65). Раскопки показали, что ее пытались укрепить панцирной кладкой в один кирпич, но это не помогло, и тогда эту узкую комнату решили заложить совсем. То же произошло и с кладовой VI, которую заложили, а верх ее восточной стенки разобрали, превратив ее в суфу помещения II, что несколько его расширило. В то же время была дополнена и арка прохода южной стены вестибюля⁶⁸, ведущего в помещение IV, из-за чего были достроены две ступени лестницы, ведущей на крышу.

Никаких других перестроек в период существования этого здания как храма более не производилось (рис. 77).

Архитектурные аналогии и выводы. Не имея возможности анализировать здесь архитектурные особенности здания с развернутой аргументацией, изложим кратко те выводы, которые удалось сформулировать в настоящее время (рис. 56; 77; 78). Прежде всего необходимо указать на бросающийся в глаза синкретизм, наглядно проявляющийся в архитектурных формах. В самой планировке здания четко проявились два начала.

Первое из них (основная часть храма: зал, святилище и обходная галерея) имеет прямые аналогии в планах древних наземных храмов Восточного Туркестана, и прежде всего храмов Шикшина близ Карашара (развалины буддийского монастыря Мин-уй)⁶⁹, некоторых храмов Дандан-уилига в Хотанском оазисе⁷⁰ и

⁶⁷ Там же. Рис. 20, 4.

⁶⁸ Там же. Рис. 16, 3.

⁶⁹ *Ольденбург С. Ф.* Русская туркестанская экспедиция (план Мин-уй между с. 4 и 5); ср.: *Дудин С. М.* Архитектурные памятники Китайского Туркестана. Пг., 1916. С. 7, 11; *Stein A.* Serindia. Vol. III. Oxf., 1921. Pl. 52, 53.

⁷⁰ *Stein A.* Ancient Khotan. Vol. II. Oxf., 1907. Pl. XXV–XXVI.

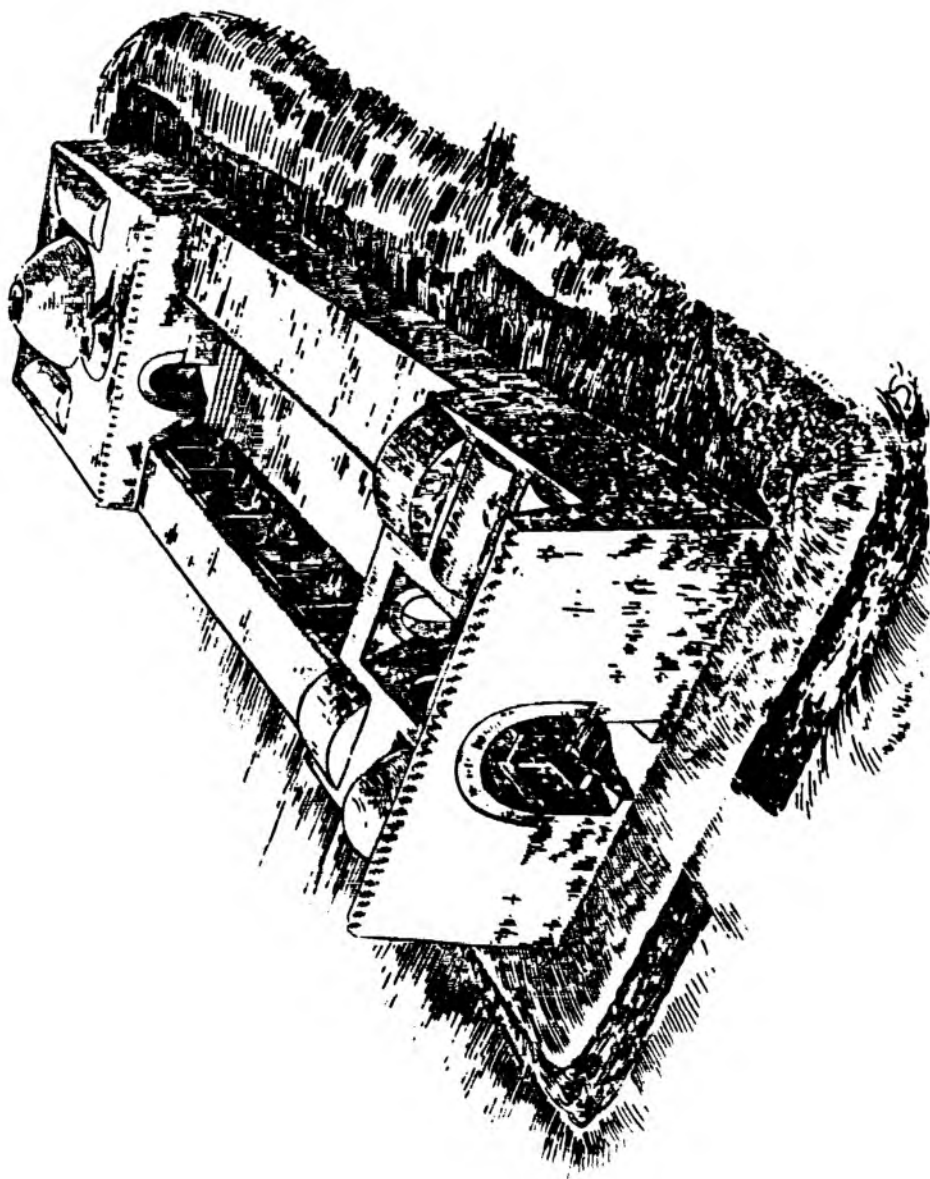

Рис. 78

Внешний вид буддийского храма

Реконструкция Л. Р. Кызласова при участии С. Г. Хмельницкого
и консультантах В. Л. Ворониной. Рисунок С. Г. Хмельницкого

Безеклига в Турфанской котловине⁷¹. Судя по плану, опубликованному С.Ф. Ольденбургом, среди развалин Мин-уя в Шикшине было 11 храмовых сооружений, имеющих обходные галереи вокруг квадратного святилища совершенно такие же, как у ак-бешимского храма⁷². Однако при сопоставлении плана нашего храма с планами древних храмов Восточного Туркестана видно, что последние отличаются отсутствием двора и привратных помещений, ориентировкой продольной оси и входа (преимущественно идущего с северо-востока и севера), размерами сырцовых кирпичей⁷³, а также рядом несовпадающих деталей.

Второе начало в планировке нашего буддийского храма имеет среднеазиатское происхождение. Речь идет о восточной части здания, представляющей собой открытый двор с айванами. И здесь нельзя не сказать о значительных чертах сходства с планом храма I, открытого в Пенджикенте (Согд)⁷⁴, который также первоначально имел, впоследствии перестроенную, обходную галерею вокруг зала и святилища и, кроме того, открытый сверху, замкнутый стенами двор со входом с востока. С согдийскими храмами Пенджикента наш храм сближает не только планировка, но и ориентировка по странам света — направление его продольной оси с востока на запад, со входом, обращенным на восток. Общими являются также и некоторые черты строительной техники: устройство цоколя стены из разрезанных пахсовых блоков, размеры сырцового кирпича (48×24×9, 44×22×8 см) и система его перевязки совершенно аналогичной цепной кладкой⁷⁵, применение алебастровой подгрунтовки под росписи⁷⁶, усеченно-пирамидальная форма деревянных баз некоторых колонн⁷⁷ и пр.

Единственно, чему не удалось пока найти аналогий, — это самому построению стен буддийского храма. Дело в том, что, как правило, стены сооружались следующим образом. На блоки пахсового стилобата по всей его ширине цепной кладкой на глиняном растворе наращивался сырцовый кирпич в семь или восемь рядов, а сверху вновь накладывался слой пахсы в виде блоков тех же размеров, поверх которого опять настилался кирпич (рис. 58; 64; 74–76).

Любопытно, что и другие архитектурные формы и детали нашего храма совпадают с аналогичными формами памятников среднеазиатской архитектуры VII–VIII вв., судя по обобщающей работе В.Л. Ворониной⁷⁸. В связи с этим могут быть отмечены правильная цепная кладка, характерная для согдийских памятников этого времени (Пенджикент, замок на горе Муг, городище Хисорак), размеры кирпича (Тали-Барзу, Пенджикент и Ак-тепе близ Ташкента), конструкция сво-

⁷¹ Ольденбург С.Ф. Русская туркестанская экспедиция. С. 45; ср.: *Le Coq A. Chotscho*. В., 1913. S. 14, 15.

⁷² Ольденбург С.Ф. Русская туркестанская экспедиция. Вклейка между с. 4 и 5.

⁷³ С.М. Дудин (Архитектурные памятники. С. 8) указывает, что чаще всего в Шикшине встречались здания с размером сырцового кирпича 35×18×7,5 см.

⁷⁴ Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II // МИА. 1953, № 37. Табл. 1.

⁷⁵ Цепная кладка применялась и в Шикшине (Дудин С.М. Архитектурные памятники. С. 9).

⁷⁶ То же и в Шикшине (Дудин С.М. Архитектурные памятники. С. 13 и 26).

⁷⁷ Беленицкий А.М. Раскопки согдийских храмов в 1948–1950 гг. // МИА. 1953, № 37. С. 28; Воронина В.Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента // Там же. С. 125.

⁷⁸ Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. Вып. 3. М., 1953. С. 3–35. Автор сохраняет благодарную память о консультациях прекрасного историка архитектуры В.Л. Ворониной, даваемых как на городище Ак-Бешим, так и по завершении полевой работы (о В.Л. Ворониной см.: Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. Кн. I. М., 1995. С. 254).

дов и квадратное помещение с куполом, опирающимся на тропы, при диаметре купола, превышающем поперечник квадратного основания⁷⁹ (Ак-тепе близ Ташкента и Афрасиаб), построение арок кладкой плашмя, когда кирпич облегает кривую арки не ребром, а постелью (рис. 62) (Ак-тепе).

Упомянем здесь же, что хотя ступенчатые пьедесталы статуй, совершенно аналогичные нашим (рис. 70; 71), известны и в Восточном Туркестане, в особенности в буддийских пещерных храмах Чен-фо-дун в Дунхуане⁸⁰, однако, судя по аналогичному пьедесталу, открытому в Хорезме (Калалы-гыр № 1), в Средней Азии они были известны в гораздо более раннее время.

Таким образом, все рассмотренные выше архитектурные особенности ак-бешимского храма, их четко выраженный синкретизм не позволяют считать, что его соорудили выходцы из Восточного Туркестана. Скорее можно заключить, что его одаренные строители были хорошо знакомы со строительной техникой как центральных районов Средней Азии (Согд и Чач), так и Восточного Туркестана.

Таковыми людьми в VII–VIII вв. (т.е. в тот период времени, к которому следует уже даже на основании приведенных выше архитектурных аналогий отнести буддийский храм Ак-Бешима) были согдийцы, проникшие, как известно, в Семиречье и в Восточный Туркестан и расселившиеся там в это время⁸¹. Согдийцы, жившие в Восточном Туркестане и самом Согде, так же как и расположенные между ними колонисты Чуйской долины, постоянно поддерживали между собою связь благодаря оживленной торговой деятельности, которую они вели. Среди согдийцев всех этих территорий были распространены различные религиозные верования: манихейство, христианство, а также буддизм⁸². Поэтому нет ничего удивительного в том, что буддийский храм Ак-Бешима построили согдийские архитекторы, видимо побывавшие в Восточном Туркестане.

Следует, однако, здесь же оговориться, что в буддийскую общину данного храма входили, очевидно, не только согдийцы (последнее подтверждается анализом разнообразных найденных в первом слое храма археологических материалов: керамики, глиняных подвесных печатей с согдийскими надписями, бытовыми предметами и т.д.), но и люди из местного населения, в том числе, вероятно, представители тюркоязычных племен, которые, как известно, господствовали в VII–VIII вв. в Семиречье⁸³.

О последнем, быть может, косвенно, говорит находка в храме литых по китайскому образцу медных монет (с квадратным отверстием) двух типов так называемого «тюркешского круга», относимых к VII–VIII вв., надписи на которых сделаны на согдийском, а не на тюркском языке⁸⁴. Чтение А.Н. Бернштамом

⁷⁹ Реконструкция раскопанного нами буддийского храма Ак-Бешима, предложенная С.Я. Перегудовой (*Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996, № 2. Рис. 2, а), не отвечает архитектурным особенностям объекта — см. хотя бы ошибочное размещение восточного купола над центральным, а не над угловым помещением III (рис. 56, 78).

⁸⁰ Stein A. *Serindia*. Vol. II. Pl. 201, 207, 208.

⁸¹ Бартольд В.В. К вопросу о языках согдийском и тохарском // Иран. Т. 1. 1926; он же. Отчет о командировке в Туркестан // Изв. РАИМК. Т. II. Пг., 1922; Дьяконов М.М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.

⁸² Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Таш., 1928. С. 9; Кыласов Л.Р. Культурные взаимосвязи тюрков и иранцев. С. 3–13.

⁸³ Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья.

⁸⁴ Кыласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.М. Монеты из городища Ак-Бешим.

легенд на этих монетах (а также на собственно тюркешских монетах с тамгой в виде лука) как написанных на тюркском языке⁸⁵ является ошибочным и тюркологами (А.М. Щербак) не подтверждается, так как все монеты, выходявшие от имени тюркешского кагана, имеют надписи на согдийском языке и чтение их легенд не составило особых трудностей для О.И. Смирновой.

Исследователи Пенджикента (А.Ю. Якубовский и А.М. Беленицкий) в своих давно вышедших работах подчеркивали отсутствие архитектурных аналогий раскрытым ими на этом городище храмам⁸⁶. Сейчас положение изменилось. Полагая, что при всем своеобразии храма I в Пенджикенте ему ныне имеется аналогия в виде исследованного нами храма буддистов в Ак-Бешиме. Думаю, что А.М. Беленицкий ошибся, считая, что первоначальный план храма I Пенджикента с обходной галереей был таким же, как и храма II, где галерея заменена айванами⁸⁷. Имеющиеся в настоящее время данные позволяют установить, что более древние храмы соседних стран, в первую очередь Передней Азии, Ирана и Афганистана, имеют как раз план с обходной галереей вокруг святилища.

Следует проанализировать вкратце генезис архитектурного построения как зороастрийских храмов, начиная с самых ранних, так и буддийских для того, чтобы выявить истоки планировки указанных выше храмовых зданий Согда, Киргизии и Восточного Туркестана. Древнейшим храмом, где вокруг прямоугольного святилища идет обходная галерея, является ахеменидский храм огня в Сузах (IV в. до н.э.)⁸⁸, позднее обходные коридоры вокруг квадратного святилища сооружались у сасанидских зороастрийских храмов огня в Хатре⁸⁹ и в Шапуре (III в. н.э.)⁹⁰. К ним примыкает набатейский храм из Ба'ал Шамина, план которого, с квадратным святилищем (внутри — четыре колонны) и с закрытой обходной галереей вокруг него⁹¹, является уже прямой аналогией западной части храма из Ак-Бешима и планам буддийских храмов Восточного Туркестана (Шикшин и др.)⁹².

На основании изложенных выше сопоставлений Monneret de Villard пришел к справедливому заключению, что храмы Восточного Туркестана (в частности, Турфана), являющиеся гораздо более поздними, отражают в своей планировке «влияние иранской культуры на буддийскую»⁹³. К этому заключению можно присоединиться при оговорке, что «иранскую культуру» следует понимать в широком смысле, включая сюда и культуру ираноязычных народов Средней Азии, древние храмы которых пока еще обнаружены далеко не все.

Подтверждение мысли о западном влиянии на архитектуру Восточного Туркестана VI-X вв. мы находим во вновь открытом в 1952 г. (французской археологической экспедицией под руководством Д. Шлюмберже) небольшом храме близ

⁸⁵ Бернштам А. Н. Тюркешские монеты; *он же*. Новый тип тюркешских монет.

⁸⁶ Якубовский А. Ю. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948-1950 гг. // МИА. 1953, № 37. С. 12; Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов. С. 58.

⁸⁷ Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов. С. 57-58.

⁸⁸ Monneret de Villard Ugo. The fire temples // Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology. Vol. IV. 1936, № 4. P. 179. Fig. 4.

⁸⁹ Ibid. P. 178. Fig. 2.

⁹⁰ Ghirshman R. Les fouilles de Chapour (Iran). Tab. X. P. 13.

⁹¹ Monneret de Villard Ugo. The fire temples. P. 178. Fig. 3.

⁹² Дьяконова Н. В. Шикшин. М., 1995. Табл. 6, А 2; 22, С 4; 23, С 5 а; 30; 33, а; 43, К 10, К 13.

⁹³ Monneret de Villard Ugo. The fire temples. P. 179; *ср.*: Erdmann K. Das iranische Feuerheiligtum. Lpz., 1941.

Сурх Котала в Афганистане⁹⁴. По данным автора раскопок, это позднеэллинистический небольшой храм огня кушанского времени II–III вв. н.э. Дата установлена на основании находок кушанских монет, кушанской керамики и греческих надписей. Автор усматривает прямые иранские традиции в архитектуре этого храма, считая аналогией и прототипом его упомянутый выше ахеменидский храм в Сузах. Однако прямой аналогией ему будет не храм в Сузах, а храм Ба'ал Шамина, почти синхронный храму из Сурх Котала.

Вот к этому-то типу двух последних храмов первых веков нашей эры и восходит непосредственно планировка храмов VII–VIII вв. из Пенджикента, Ак-Бешима и Восточного Туркестана, в наиболее чистом виде сохранившаяся в планировке буддийских храмов Восточного Туркестана и в некоторых существующих до сих пор храмах Китая, где древних храмов такого типа нет⁹⁵. В последнем случае мы имеем в виду ныне существующий храм в г. Пиньяо в провинции Шаньси, который сооружен на квадратной платформе, имеет вход с восточной стороны, открытую площадку перед ним, глинобитные стены обходной галереи квадратного святилища с утопленными в них деревянными стойками, а также четыре колонны в святилище⁹⁶.

Храм этот древний, но точная дата его сооружения неясна. Известно лишь по надписи на балке потолка, что он «восстановлен в 3-й год правления Да-дин», т.е. в 1163 г. Всеми перечисленными выше своими особенностями он аналогичен храму из Сурх Котала. Последний также стоит на сырцовой платформе, имеет квадратную форму и квадратное святилище с четырьмя колоннами внутри и вход с востока⁹⁷. Любопытно, что внутри сырцовых стен его святилища находились деревянные стойки с подведенными под них каменными базами⁹⁸, т.е. точно так же, как и в святилище храма в Ак-Бешиме.

Наконец, следует отметить, что и в Средней Азии, даже в мусульманское время, сохранились культовые здания с аналогичной планировкой. Таковым является здание № 1, обнаруженное в 1927 г. в Термезе В.Л. Вяткиным и Б.Н. Засыпкиным, которые произвели пробные его раскопки⁹⁹. Стены здания сырцовые, но облицованы внутри и снаружи обожженным кирпичом, «центральная часть ограничивается правильным квадратом, со всех четырех сторон которого находится коридор», на стенах имелись религиозные надписи почерком насх, датируется памятник временем не древнее XI–XII вв.¹⁰⁰.

Б.Н. Засыпкин прав, очевидно, когда предполагает здесь случай приспособления старого буддийского здания под мусульманское, тем более что следы буддизма в виде обломков каменных статуй Будды и обнаруженной сырцовой ступы были открыты в Термезе в том же году¹⁰¹.

⁹⁴ Schlumberger D. Le Temple de Surkh Kotal en Bactriane // JA. 1952, T. CCXL, № 4. P. 433–453; *idem*. A late Hellenistic Temple in Bactria // Archaeology. N. Y., 1953, vol. 6, № 4.

⁹⁵ Возможно, однако, что ранние храмы этого же типа будут со временем открыты и на территории Средней Азии.

⁹⁶ Вэнь'у цанькао цыляо. С. 54–55 и план 14.

⁹⁷ Schlumberger D. Le Temple de Surkh Kotal.

⁹⁸ Schlumberger D. A late Hellenistic Temple in Bactria. Fig. 7, 8.

⁹⁹ Засыпкин Б.Н. Архитектурные памятники Средней Азии // Вопросы реставрации. М., 1928, вып. 2. С. 277–278. План, к сожалению, не опубликован.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 282.

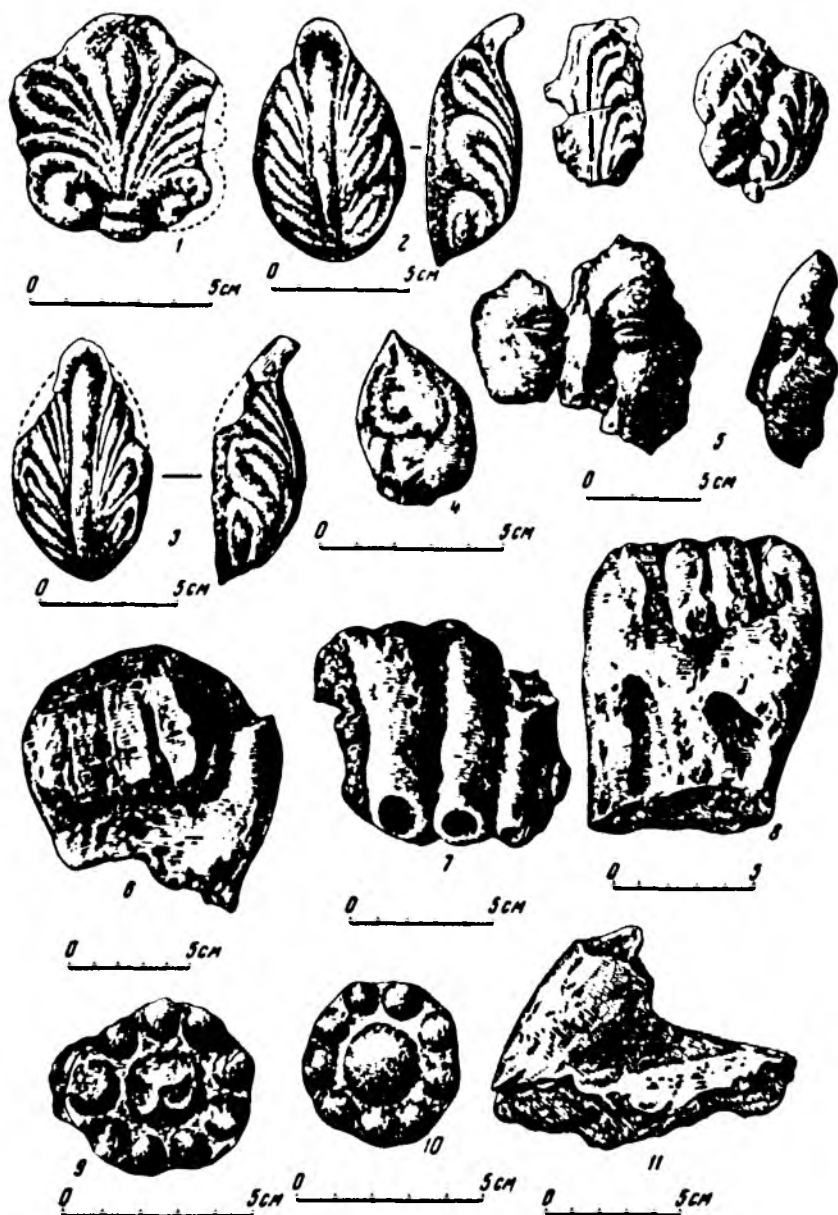

Рис. 79

Остатки скульптур и лепного декора из культовых помещений храма:
 5 — лицо Будды и обломки его обрамления, 11 — обломок большого пальца руки;
 1 — из святилища, 2, 3, 4, 7, 8 — из зала, 5, 6, 9, 10 — из западного крыла обходной галереи,
 11 — из северного крыла галереи. Все глина

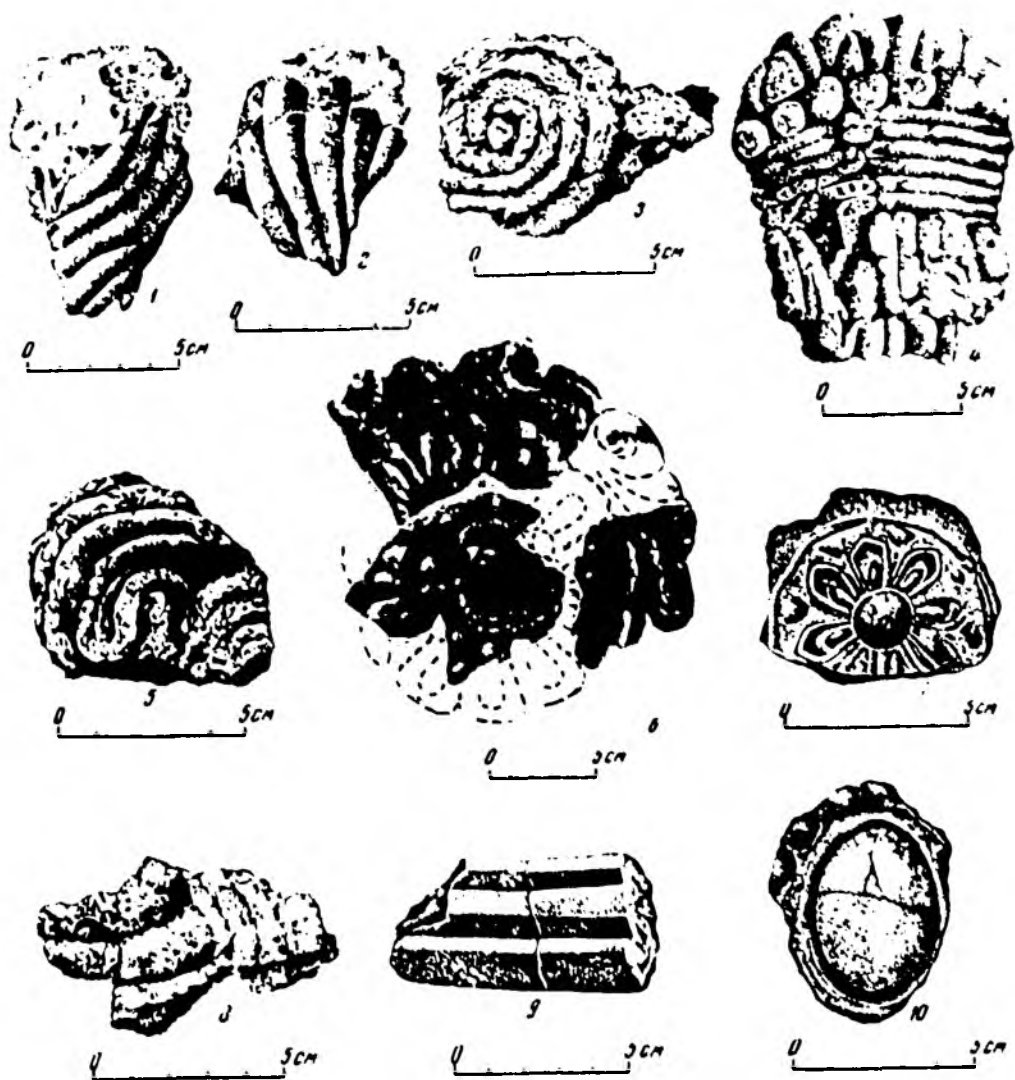

Рис. 80

Остатки лепного декора:

- 1, 2, 3, 5, 8 — обломки витого глиняного панциря деревянных колонн зала (окрашены в синий цвет); 4, 6, 9, 10 — настенные украшения зала; 7 — розетка от скульптуры из западного крыла галереи. Все глина

Наряду с хорошими архитекторами в оформлении храма принимали участие высокоодаренные скульпторы и живописцы.

К сожалению, скульптура и живопись дошли до нас лишь во фрагментах. Произошло это из-за сильных повреждений, нанесенных зданию кочевниками, захватившими, вероятно во второй половине VIII в., весь город. Все многочисленные глиняные скульптуры были разбиты, и их остатки сохранились под первоначальным завалом. При раскопках обнаружены ноги, сжатые в кулаки руки, обломки голов (лица, уши и т.д.), части торсов со следами складок одежд и рельефных лепных украшений статуй (глиняных розеток, спиралей, медальонообразных и многолепестковых бляшек и пр.), куски длинного дракона, витые глиняные украшения деревянных колонн и налесты растительного характера (рис. 68; 69; 79; 80)¹⁰².

Статуи божеств и другие скульптуры изготовлялись из глины с применением камышовых и деревянных каркасов, подобно пенджикентским и восточнотуркестанским скульптурам, а также буддийским скульптурам тепе Маренджап близ Кабула¹⁰³. Все они, как и большие лепные украшения, покрывались сверху тонким слоем алебаstra, по которому расписывались синей, желтой, красной и черной красками чистых тонов. Из переходных цветов встречались оранжевый, красно-коричневый и светло-желтый. Эта же гамма красок зафиксирована и при изучении кусков настенных росписей и росписей потолков.

Художественная трактовка скульптурных образов, стилистическая манера в решении пластического портрета, детали декора скульптурных фигур (складки платья, налестные «ремни», розетки, «медальоны» и пр.) — все это целиком совпадает с канонизированным искусством синхронных храмов Восточного Туркестана¹⁰⁴. Например, совершенно аналогичные розетки на «ремнях» и «медальоны» с перлами (рис. 68, 3, 6, 9; 69, 7, 8; 80, 7, 10) украшают статуи из Шикшин¹⁰⁵, а «медальоны», кроме того, нередко налестались на сосуды из Восточного Туркестана¹⁰⁶, а также вырезались на деревянных поделках¹⁰⁷ и пр. Встречаются и пальметки из глины, подобные нашим (рис. 68, 10; 79, 1)¹⁰⁸.

Что касается глиняных синих спиралек (рис. 69, 2, 3), найденных в зале (у южного пьедестала) как на обломках головы статуи Будды, так и отпавших от нее, то это каноническая передача волос, характерная для ряда буддийских скульптур

¹⁰² Остатки глиняных скульптур найдены только в центральном зале и в обходной галерее. Кроме того, в 1954 г. при расчистке пандуса основного входа в храм были обнаружены обломки глиняных барельефов, украшавших первоначально пилоны входа. Следует подчеркнуть, что это — барельефы, изображающие лишь растения, например, перевязанные жгутами снопы и т.д.

¹⁰³ Hackinet J., Bruhl O. *Demiers Travaux de la Délégation archéologique française en Afganistan* // *Revue des arts asiatiques*. T. VIII, № 2. P., 1934. P. 116–119. Tab. XXXVII.

¹⁰⁴ Аналогии мы находим и в Афганистане, в вышеупомянутом тепе Маренджап (налестные «ремни», розетки и пр.).

¹⁰⁵ Ольденбург С.Ф. *Русская туркестанская экспедиция*. Табл. VII; Stein A. *Serindia*. Vol. IV. Pl. CXXXIX, CXXXIII, CXXXIV; Дьяконова Н.В. Шикшин. Табл. Б, 1, 2, 4, 5, 7; В, 7; XLV, XLVI; Гос. Эрмитаж, Отдел Востока, Ш-478, Ш-297, КУ-263, 264.

¹⁰⁶ Stein A. *Serindia*. Vol. IV. Tabl. IV; Гос. Эрмитаж, Отдел Востока, ГА-51 (3036–28) и др.

¹⁰⁷ Le Coq A. *Chotscho*. Abb. 57.

¹⁰⁸ Гос. Эрмитаж, Отдел Востока, ГА-2104.

Восточного Туркестана¹⁰⁹, где даже найдены формы для оттискивания подобных спиралей¹¹⁰.

Но здесь же следует заметить, что в Шикшине обнаружена фигура Будды с волосами, трактованными точно так же, как складчатые волосы Майтреи из ак-бешимского храма (рис. 69, 5)¹¹¹.

При всем том имеется ряд форм глиняных украшений (например, распускающиеся бутоны — рис. 79, 2, 3, 4 и др.), аналогии которым обнаружить не удалось. Вместе со змеевидным драконом и другими деталями это понуждает предполагать самобытную струю в творчестве местных скульпторов, по-своему воссоздававших необходимый религиозный декор буддийского храма. Упомянутый дракон, найденный в нише зала, имеет гофрированное извивающееся тело и своеобразную голову с хищно оскаленными зубами и «жемчужиной» на лбу (рис. 68, 1, 2). Форма его трактована весьма самобытно.

Однако все отмеченные особенности декора отражают связи не только с Восточным Туркестаном, но и с центральными областями Средней Азии и в первую очередь с Согдом, в синхронных памятниках искусства которого встречаются подобные многолепестковые розетки и «медальоны», окаймленные перлами (рис. 68, 3, 6, 9; 79, 9–10). Типы орнамента, совершенно аналогичные ак-бешимским, известны и на глиняной посуде, например на сосудах, изготовленных руками искусных гончаров, живших в VII–VIII вв. в городе, остатками которого является городище Кафир-кала¹¹², а также в Тали-Барзу¹¹³.

Имеются многочисленные свидетельства того, что все стены центрального зала и галереи, их своды и потолки были покрыты сплошными росписями. Святилище, двор и привратные помещения настенных росписей не имели.

К сожалению, некогда вся живопись была сбита и поэтому по большей части до нас не дошла. Однако среди совершенно разбитых кусков на полу и в завале удалось обнаружить сравнительно небольшие пласты штукатурки, на которых хорошо сохранились фрагменты живописных композиций. Судя по ним, преобладали орнаментальные росписи двух типов: геометрическая и растительная. Но имеются и свидетельства того, что в храме были росписи с изображением сцен из жизни Будды. У западной стены галереи обнаружен фрагмент с миниатюрной, очень тонко и смело изображенной головкой Будды¹¹⁴.

Есть подтверждение того, что росписи однажды обновлялись и переписывались. Тогда на старую роспись накладывался слой алебаstra, и уже по этому свежему грунту наносилась новая роспись. Стилистические особенности, характер изображений и живописная манера находят себе прямые аналогии в живописи пещерных и наземных храмов Восточного Туркестана. В особенности близка по композиции и деталям роспись потолка зала храма в Ак-Бешиме¹¹⁵ росписи плафона храма № 10 Сенгим-агыза¹¹⁶.

¹⁰⁹ Там же, KV-145; ср.: *Stein A. Serindia. Vol. IV. Pl. XLVI.*

¹¹⁰ *Stein A. Serindia. Vol. II. Pl. XVI.*

¹¹¹ *Ольденбург С. Ф. Русская туркестанская экспедиция. Табл. XIV.*

¹¹² Гос. Эрмитаж, Отдел Востока: СА-6681, СА-6651, СА-7526.

¹¹³ Там же, СА-6256.

¹¹⁴ *Кызласов Л. Р. Археологические исследования. Рис. 35, 7.*

¹¹⁵ Там же. Рис. 36.

¹¹⁶ *Ольденбург С. Ф. Русская туркестанская экспедиция. Табл. XXXVIII–XL.*

Среди находок, обнаруженных в раскопанном здании и относящихся к первому периоду его существования, особое значение имеют предметы, свидетельствующие о том, что в Чуйской долине того времени существовало значительно развитое земледелие, основывавшееся на орошении. Так, при изучении стен здания в закладке одного из углов двора обнаружена редкая находка исключительного значения — деревянный плуг VIII в. Это старый использованный плуг, сделанный из арчи (типа киргизского *буурсуна*)¹¹⁷. Его заложили в стену при сооружении здания для лучшего скрепления угла (рис. 81, 1). Плуг некогда имел железный лемех, следы от втулки которого сохранились на его рабочей части. Благодаря изогнутости плуга под прямым углом лемех врезался в почву горизонтально и срезал корни сорняков, разваливая пласты почвы, чего нельзя достичь сохой, которая лишь царапает землю, не поднимая пласта.

Кроме того, для дверных подпятников святилища были использованы два куска одного и того же большого (диаметром до 1,5 м) нижнего жернова¹¹⁸, куски таких же жерновов служили базами для стенных опорных стоек святилища¹¹⁹. Целый верхний жернов диаметром 1,5 м оказался у самого входа в храм (рис. 73, 7). Особенно много (свыше десяти) таких больших старых жерновов, целых и в обломках, было обнаружено во дворе, где их использовали для вымостки выбоин и размывов поверхности двора (рис. 73, 1, 2, 4)¹²⁰. Такие большие жернова, изготовлявшиеся из плит серого гранита, использовались, очевидно, для водяных мельниц, устраивавшихся на крупных арыках и речках. Подобные мельницы появляются как раз в VIII в. и в Согде¹²¹.

Выше говорилось, что в тесте сырцовых кирпичей храма встречены отпечатки соломы и зерен злаков (ячмень?). К этому необходимо добавить, что при расчистке ямы батрапа во дворе обнаружены и зерна пшеницы.

Все эти находки, в особенности доказательства наличия многих крупных водяных мельниц, свидетельствуют о весьма важном факте — о развитом товарном производстве хлеба в Чуйской долине VII–VIII вв., а также о том, что община буддистов этого храма состояла в основном из земледельцев — хлебопексов и содержателей караван-сараяев.

Находки косточек урюка, высохших семян тыквы, дынь и арбузов доказывают, что тогда же существовали сады и бахчи, орошавшиеся разветвленной сетью арыков. О таких арыках мы можем судить даже непосредственно, благодаря арыку, обнаруженному во дворе храма.

Из других находок к периоду функционирования здания как храма относятся в первую очередь предметы буддийского ритуала. Это прежде всего уникальные ажурные бронзовые бляхи, нередко покрытые горячим способом позолотой. Всего их найдено 17 целых и обломки еще одной — 18-й. Из них, как уже говорилось,

¹¹⁷ Аналогичные плуги употреблялись монголами в Северо-Западной Монголии (*Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. СПб., 1881. С. 111) и тувинцами в Туве (точно такой деревянный плуг хранится в Тувинском областном музее в г. Кызыл).

¹¹⁸ *Кыласов Л.Р.* Археологические исследования. Рис. 28, 6.

¹¹⁹ Там же. Рис. 28, 5.

¹²⁰ Аналогичные жернова известны по случайным находкам на Алтае (р. Башкаус) (см.: Древности // Труды Московского археологического общества. М., 1886, т. XI, вып. 2. Табл. V. Рис. 16–17).

¹²¹ *Тереножкин А.И.* Согд и Чач // КСИИМК. 1950, вып. XXXIII. С. 168.

Рис 81

Находки из храма:

1 — плуг, 2 — обломок чашечки весов, 3 — зеркало, 4 — накладка замка сумки
(1 — арча, 2-4 — бронза)

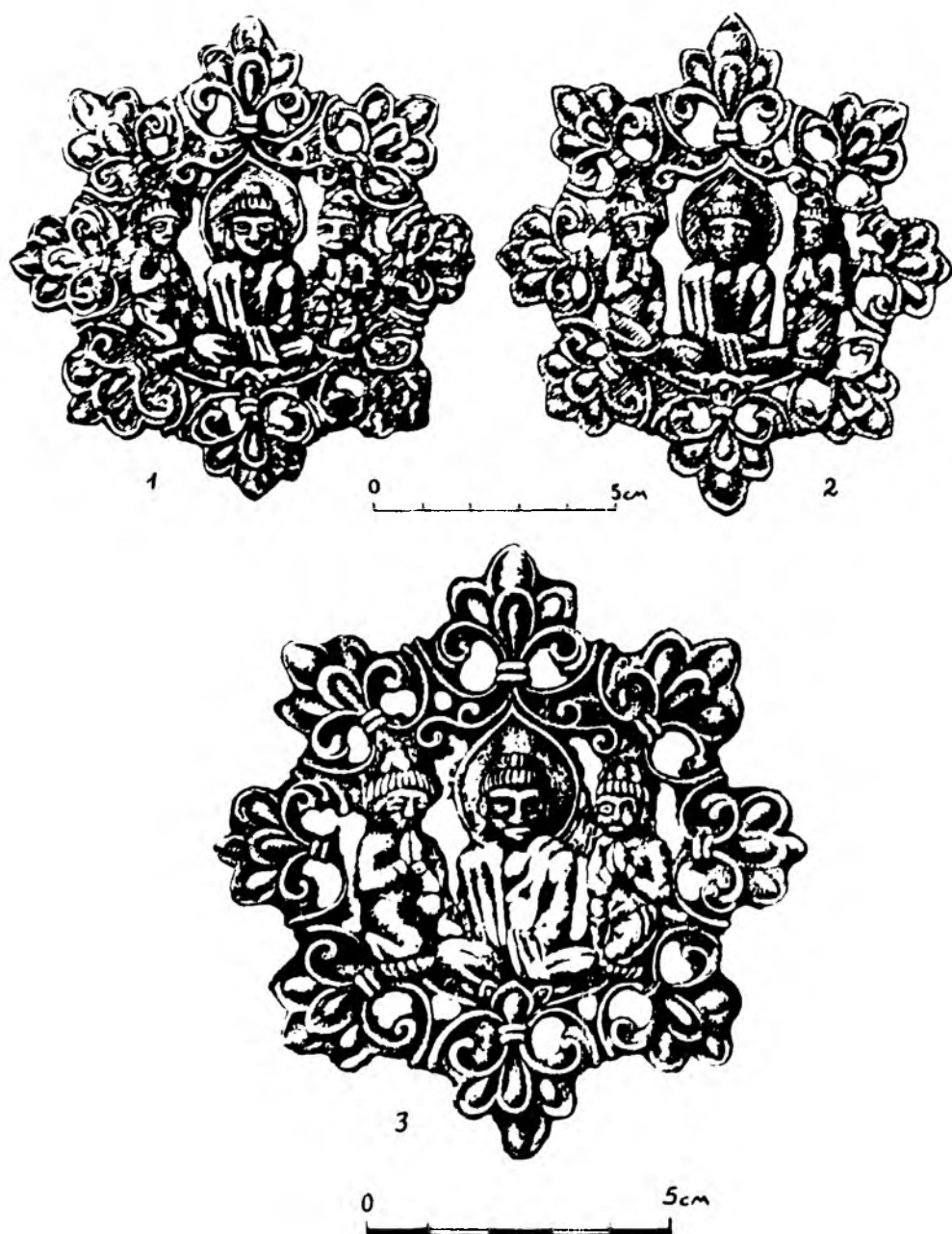

Рис. 82
Ажурные бронзовые бляхи с изображением Будды и учеников.
Найдены в святилище храма

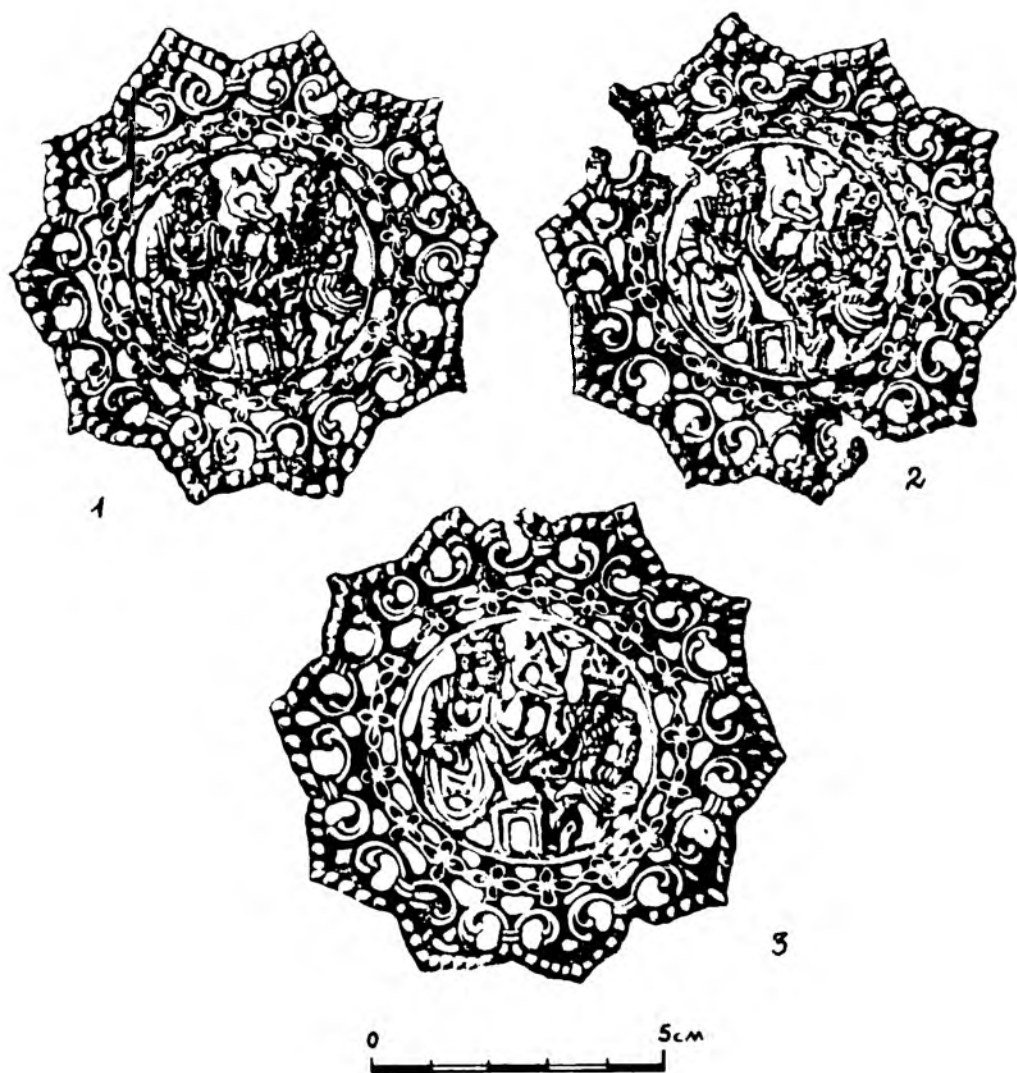

Рис. 83
 Позолоченные ажурные бляхи с изображением двух божеств, держащих верблюда.
 Из святилища храма

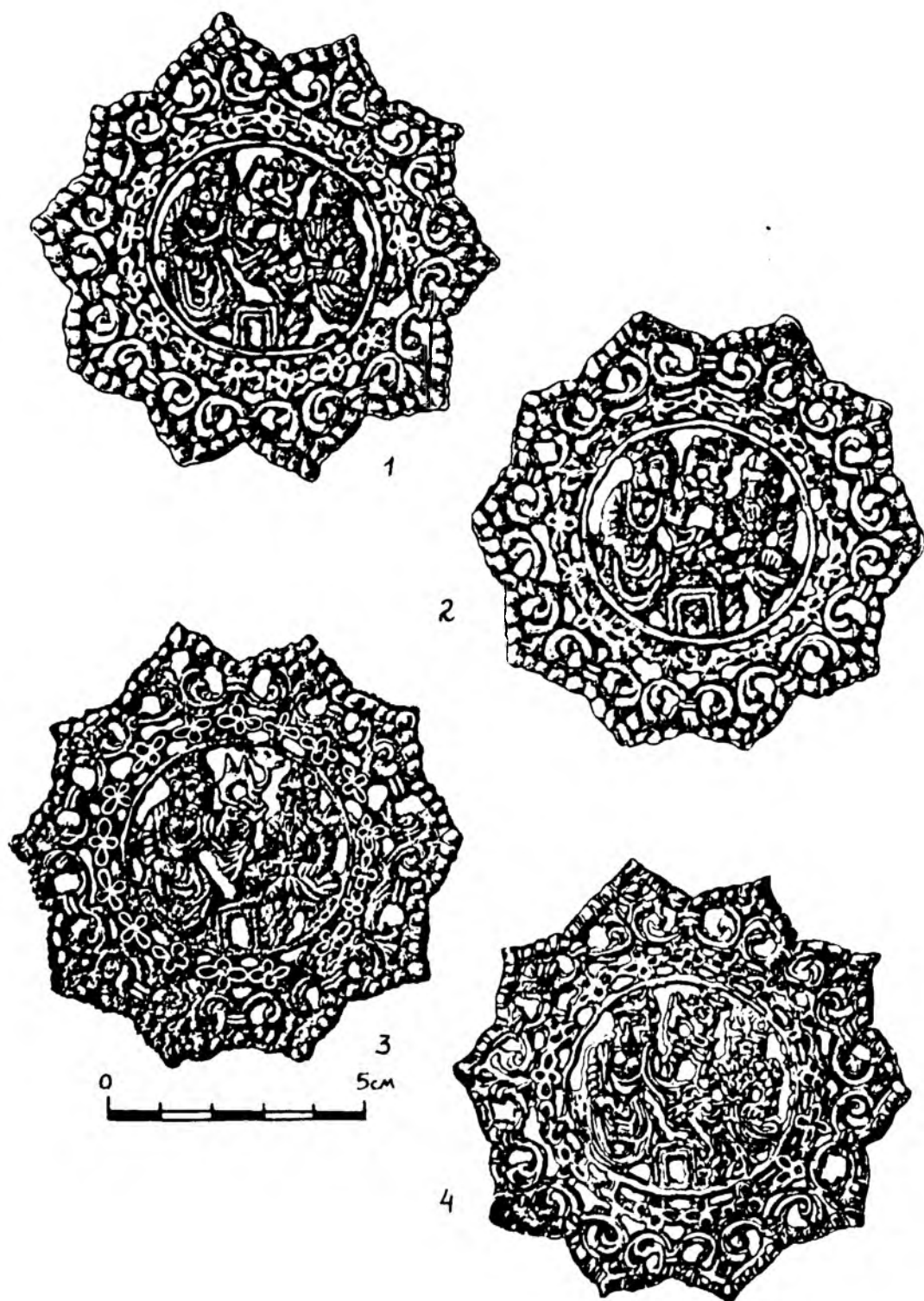

Рис. 84

Позолоченные бронзовые бляхи — части «иконостаса» из святилища храма

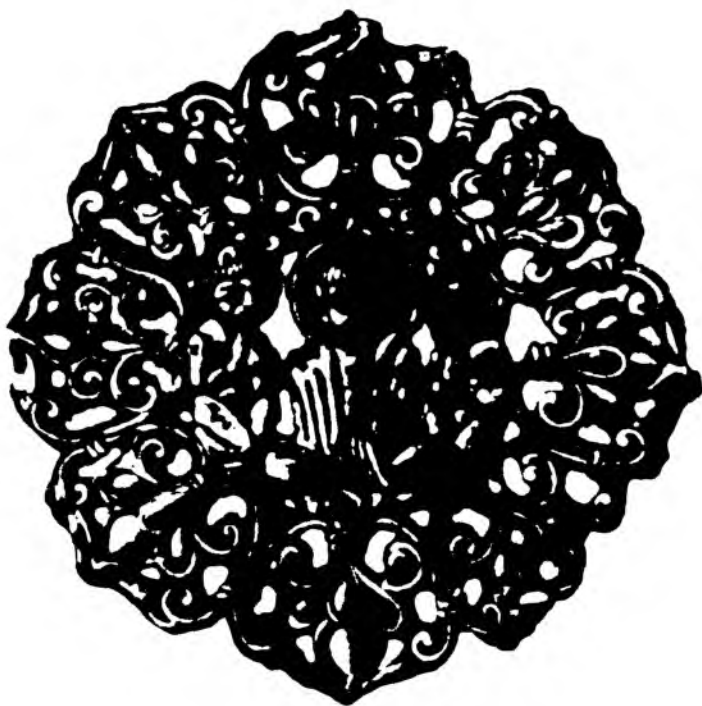

Рис. 85

Позолоченная бронзовая буддийская бляха из западного крыла галереи храма

12 блях найдены вместе в святилище у самой западной стены на несколько более высоком уровне, чем пол (рис. 82–84)¹²². Видимо, они на этой стене первоначально висели, будучи укреплены заклепками на коже или на тонкой доске, обтянутой хлопчатобумажной белой тканью (ткань сохранилась на ряде заклепок блях), образуя своеобразный буддийский «иконостас». Первоначально ажурные прорези этих желтых массивных блях смотрелись белыми из-за цвета ткани, служившей им фоном. После обвала балок потолка из-за пожара «иконостас» оборвался со стены не сразу, когда же он наконец упал, то оказался уже на слое завала, а не на полу.

Зато остальные пять подобных блях найдены на самом полу: две в западном отрезке обходной галереи (рис. 85; 86, 1), одна в зале у южной стены (рис. 87, 2), одна в часовне (помещение III) (рис. 86, 2) и одна в коридоре IV (рис. 86, 3). Обломки последней (18-й) бляхи обнаружены во дворе.

Кроме того, в западном коридоре галереи найдена позолоченная бляха с такими же заклепками, которая, вероятно, служила завершением подобного «иконостаса» (рис. 87, 1). Во дворе был также обнаружен смятый тонкий позолоченный оклад с гнездами для вставки камней, очевидно, украшавший первоначально находившуюся в святилище бронзовую статую Будды и выброшенный оттуда (рис. 88).

Аналогии найденным бляхам нам неизвестны, хотя наличие у буддистов Восточного Туркестана ажурных бронзовых блях (с изображением цветов, а не Будды)

¹²² См. также бляху в кн.: *Кыласов Л.Р.* Археологические исследования. Рис. 38, 6.

Рис. 86

Бронзовые буддийские бляхи: 1 — из западного крыла галереи, позолочена; 2 — из помещения III (часовня); 3 — из помещения IV

Рис. 87

Позолоченные бронзовые буддийские бляхи:

1 — из западного крыла галереи, 2 — из зала, бирюзовые вставки

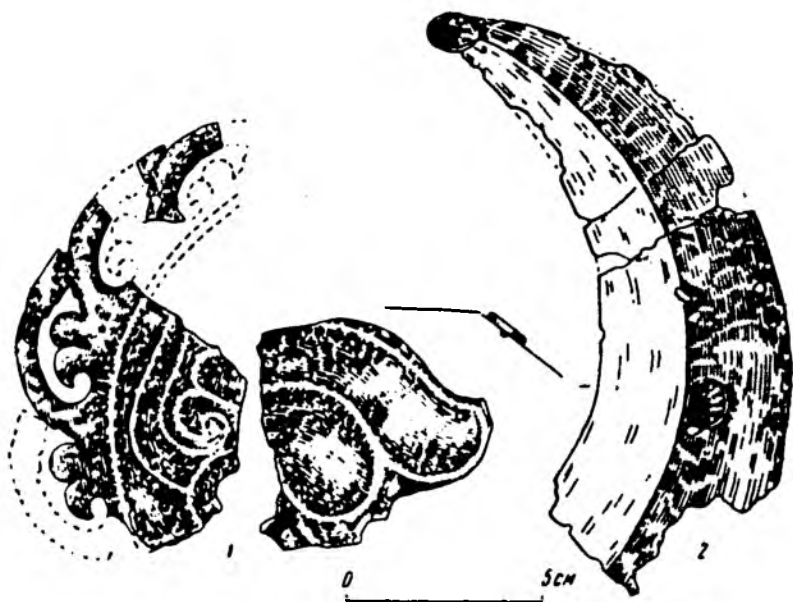

Рис. 88

Бронзовые позолоченные обрамления статуй Будды. Найдены во дворе

установлено Лекоком при раскопках храма № 10 в Сенгиме¹²³. Известны также своеобразные «иконостасы» в росписях Чен-фо-дуна, когда вокруг большого изображения Будды располагаются маленькие Будды¹²⁴. Кроме того, в Хотанском оазисе был найден своеобразный буддийский бронзовый «иконостас» в виде навершия с втулкой, над которой на семи отростках с лотосами сидят Будда и шесть бодхисатв¹²⁵.

Найденные нами ажурные бляхи с изображением буддийских божеств подразделяются на шесть типов.

1. Большая позолоченная бляха с изображением Будды, сидящего на лотосе с поджатыми ногами, с нимбом за головой. По бокам Будды, на лотосах, преклонив одно колено и сложив руки на груди в молитвенной позе, сидят двое бодхисатв (или учеников?). Вся эта сцена окружена богатым пальметообразным орнаментом, стилистически относящимся к VIII в. (рис. 85); один экземпляр.

2. Тот же Будда с бодхисатвами в центре, но окружающий сцену пальметообразный орнамент менее сложен (рис. 82); от одного лишь обломки; пять совершенно одинаковых экземпляров, отлитых в одной форме¹²⁶.

3. Та же центральная сцена, изображающая Будду и бодхисатв, но обрамленная бордюром из четырехлепестковых розеток и окаймленная листьями лотоса; один экземпляр¹²⁷.

¹²³ *Le Coq A. Chotscho. Taf. 58.*

¹²⁴ *Stein A. Serindia. Vol. II. Pl. 209, 211.*

¹²⁵ Кизерицкий Г. Хотанские древности из коллекции Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1886, т. IX. С. 185. Рис. 25.

¹²⁶ Фото см.: Кызласов Л.Р. Археологические исследования. Рис. 29, 5.

¹²⁷ Там же. Рис. 38, 6.

4. Тот же Будда, но один (без нимба и лотоса) сидит между двух листьев (рис. 86); три экземпляра, из которых лишь один позолочен¹²⁸.

5. Своеобразная позолоченная бляха с тем же Буддой, сидящим на лотосе в центре; от нимба отходят растительные завитки. Центральный круг, в котором сидит Будда, и венки украшены шестью гнездами — в двух из них голубые бирюзовые вставки (рис. 87, 2); один экземпляр.

На всех пяти типах этих блях изображен, судя по деталям, один образ Будды. В его изображении несколько необычно то, что обе руки закрыты спадающими с плеч складками одежды, скрывающими даже кисти рук.

Будды, одетые таким образом, хотя и не совпадающие с нашим в остальных деталях, характерны, насколько нам известно, только для средневековых буддийских памятников Восточного Туркестана, где они изображались как в росписях¹²⁹, так и в терракоте¹³⁰. В более раннее время так изображались Будды и бодхисатвы в Гандхаре¹³¹.

6. Позолоченные бляхи с изображением в центральном круге двух божеств — мужского и женского, которые с иконографической точки зрения являются уникальными и не имеют себе аналогий в буддийском пантеоне (рис. 83; 84). Им нет близких аналогий и в изображениях божеств иных культов, характерных для Средней Азии, за исключением божеств раннесредневекового Согда (о чем речь пойдет ниже). Семь одинаковых экземпляров обнаружены в святилище в составе упоминавшегося выше «иконостаса».

Фигуры божеств кажутся совсем не каноничными и благодаря многим бытовым деталям скорее близки реальным изображениям людей. Слева изображена сидящая на подогнутых под себя ногах женщина, одетая в длинное со спадающими складками платье; сзади видна ступня ее ноги, обращенная пяткой вверх. Большой вырез платья обнажает грудь и шею, на которой висит ожерелье из шаровидных бусин; головной убор неразборчив; лицо с большими выпуклыми глазами и прямым носом повернуто в три четверти и вполне европеоидно по облику; в правом ухе — серьга с большой округлой подвеской; с левого плеча спадает шарф (?), конец которого, собравшись в складки, лежит на колене сидящего рядом мужчины. Мужчина в длинной одежде, с узкой талией, перехваченной поясом (вероятно, наборным), имеет европеоидное лицо с большим носом, впалыми глазами и большой бородой. Головной убор его неясен, видимо, на голове человека изображено звериное ухо; с плеч на его грудь свисает ожерелье типа бармы. Он сидит, свесив вниз правую ногу; левая нога поджата перед ним, и на нее он опирается левой рукой. Между богами, впереди, стоит столик на ножках (или алтарь). И мужчина, и женщина объединены тем, что держат (он правой, она левой рукой) небольшого верблюда, который лежит на их ладонях. Круг с этой сценой окаймлен таким же кольцом из четырехлепестковых розеток, как и бордюр на бляхе с Буддой третьего типа, описанного выше;¹³² заключительное же окаймление оригинально.

¹²⁸ Фото см. там же. Рис. 29, 2, 3.

¹²⁹ *Le Crag A. Chotscho. Taf. 59.*

¹³⁰ *Stein A. Serindia. Vol. IV. Pl. CXXXII*; Гос. Эрмитаж, Отдел Востока, Ш-462-465, ГА-654, 666, 667.

¹³¹ *Foucher A. L'art greco-bouddhique du Gandhara. T. I. P., MDCCCV. Fig. 145, 242, 247.*

¹³² *Кыласов Л. П. Археологические исследования. Рис. 38, 6.*

С изображением буддийских божеств бляхи этого типа (имея в виду, конечно, что и эти бляхи, несомненно, буддийские, происходящие из одного «иконостаса» буддийского храма) связывает только положение ног мужского божества (одна спущена вниз, другая подогнута) — каноническая поза (так называемая *лалита-сана*) добрых буддийских божеств, начиная с изображений солнечных божеств Гандхары¹³³ вплоть до самых поздних «бурханов»¹³⁴.

Что это за Великие божества и какова семантика всей сцены с верблюдом — в настоящее время установить, как нам представляется, затруднительно. Однако весь облик божеств, их одяние и детали убора, скорее всего, местные, среднеазиатские, точнее — согдийские.

Что касается мужчины, то бородатые божества со впалыми глазами нам известны по терракотовым фигурам из Чуйской долины, опубликованным А.Н. Бернштамом¹³⁵, а также, например, по росписям, открытым в последнее время Таджикской экспедицией в Пенджикенте. Кроме того, в коллекции Б.Н. Кастальского имеются терракотовые головки людей в головном уборе с аналогичными звериными ушами¹³⁶.

Женское божество, по характерной складчатой одежде с открытой грудью и ожерельем на шее, может сближаться с происходящим из той же коллекции¹³⁷ терракотовым изображением (к сожалению, обломанным) женщины, держащей в руках ягненка. Кроме того, у нее по-ирански (в широком смысле этого слова) трактован спадающий с плеча шарф.

Отмеченные выше детали, а также ежегодно раскрываемое священное значение верблюда для центральных областей Средней Азии позволяют предположить, что на бляхах, найденных в Ак-Бешиме, мы имеем изображения местных тюрко-согдийских божеств, включенных в пантеон буддистов Чуйской долины VIII в.¹³⁸ И в этом нет ничего невероятного, так как, во-первых, среди буддийской общины данного храма было очень много, если не большинство, согдийцев, а во-вторых, общеизвестно, что буддизм очень легко воспринимал и усваивал местные культы¹³⁹. Полагаем, что в первую очередь эта божественная пара представляла собою богов-хранителей жителей города Суяба, т.е. в основном тюрко-согдийцев Семиречья.

Говорить о божественной чете как признаке *тюрко-согдийского*, а не исконно согдийского пантеона позволяет ретроспекция образов. Обе фигуры — как муж-

¹³³ Foucher A. L'art. Fig. 83.

¹³⁴ Материалы по доисторической археологии России // ЗРАО, и. с. Т. VIII, вып. 1-2. С. 167, 168. Рис. 44, 45.

¹³⁵ Бернштам А.Н. Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины // КСИИМК. 1948, вып. XIX. С. 61-65.

¹³⁶ Гос. Эрмитаж, Отдел Востока, СА-105.

¹³⁷ Там же, СА-570.

¹³⁸ Ныне изображения божественной четы, иной раз связанной с фигуркой верблюда, обнаружены в росписях домашних и дворцовых святилищ Пенджикента. При их изучении постоянно привлекаются бляхи ак-бешимского храма, указанные ранние аналогии буддийско-иранской иконографии которых (Кыласов Л.Р. Археологические исследования. С. 208, 209) признаны исследователями — см., например: Belenickij A. Zentralasien (Archaeologia Mundi). München - Genf - Paris, 1968. Abb. 66. S. 140; Шкода В.Г. К вопросу о культовых сценах в согдийской живописи // СГЭ. 1980, XLV. Рис. 1, 1, 4, 5; Маршак Б.Н. Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 182.

¹³⁹ Grünwedel A. Mythologie des Buddhismus in Tibet und in der Mongolei. Lpz., 1900. S. 158, 178.

ская, так и женская — встречаются среди ранних культовых изображений Согда порознь (по мнению Б.И. Маршака, они могут быть сопоставлены с мужским и женским божествами Победы и удачи любого рода — согдийским Вашагном (авестийским Веретрагной) и, менее уверенно, Ваниндой). Одиночное изображение богов изначально для согдийской культовой иконографии. В настенной живописи Афрасиаба и Пенджикента бог и богиня, сидящие на одном троне и объединенные общим атрибутом (фигуркой верблюда)¹⁴⁰, вполне вероятно, появляются уже во времена тюркского владычества и под воздействием тюркской космогонии. Именно для нее с неведомых времен характерна главенствующая над миром божественная супружеская пара — Тенгри и Умай, на земле воспроизводимая правящей четой кагана и катун. Сакральная нераздельность этой четы в исконном мировоззрении тюрков отразилась в официальных памятниках ряда районов Средней Азии, вошедших в сферу влияния еще Первого Тюркского каганата. Наиболее известные среди них — монеты местных чеканов, впервые в истории нумизматического материала несущие на одной стороне парные лицевые изображения верховного властителя и его супруги¹⁴¹. Вполне вероятно также, что иконография согдийских божеств, в свою очередь, оказала воздействие на изображения Тенгри и Умай, появившиеся в тюркоязычном мире¹⁴².

Так или иначе, но в парных образах блях ак-бешимского храма, как и в указанных выше особенностях архитектуры, скульптуры и живописи, проявляется синкретическая сущность культуры городов Чуйской долины VII–X вв.

Из других культовых предметов отметим глиняные четки (рис. 89, 3, 4), найденные в часовне III; алебастровую формочку для оттискивания терракотовых головок Будды (помещение V — рис. 90, 1, 2), железное плоское декоративное копье от буддийской хоругви (рис. 89, 1; южный коридор обходной галереи), бронзовый амулет в виде фигурки скачущего конька с отверстием (рис. 89, 2)¹⁴³, глиняные миниатюрные чашечки и такой же миниатюрный светильник (рис. 89, 5–7).

Другие предметы, относящиеся к периоду существования этого здания как храма, сравнительно немногочисленны. Больше всего найдено железных гвоздей, костылей и скоб, оставшихся после того, как выгорели деревянные конструкции здания¹⁴⁴. Встречались и бронзовые гвозди.

Но самые замечательные находки обнаружены в нижнем слое двора. Это прежде всего найденные в разных местах четыре абсолютно одинаковые глиняные печати от документов (подобные найденным при документах в согдийском замке на горе Муг)¹⁴⁵ с изображением слона и короткой согдийской над-

¹⁴⁰ Маршак Б.И. Согд V–VIII вв. С. 182.

¹⁴¹ Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981. С. 53–56, 359–370, № 1482–1497, Табл. XL, LIV, LV, 1–4, 6, LVI, 1, 2, LXXXI; Зеймаль Е.В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. Табл. 121, 6, 7; 123, 9, 12, 15, 18, 21, 23.

¹⁴² Кыласов Н.Л. Изображения Тенгри и Умай на Сулесской писанице // ЭО. 1998, № 4.

¹⁴³ Аналогичные бронзовые амулеты-привески в виде верблюдов, других зверей и кувшинчиков известны среди находок в Восточном Туркестане (см.: Кизерицкий Г. Хотанские древности. С. 189. Рис. 32–34).

¹⁴⁴ Кыласов Л.Р. Археологические исследования. Рис. 37, 5, 6.

¹⁴⁵ Фрейман А.А. Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг, в Захматбадском районе Таджикской ССР около селения Хайрабад и собранных Таджикистанской базой Академии наук СССР // Согдийский сборник. Л., 1933.

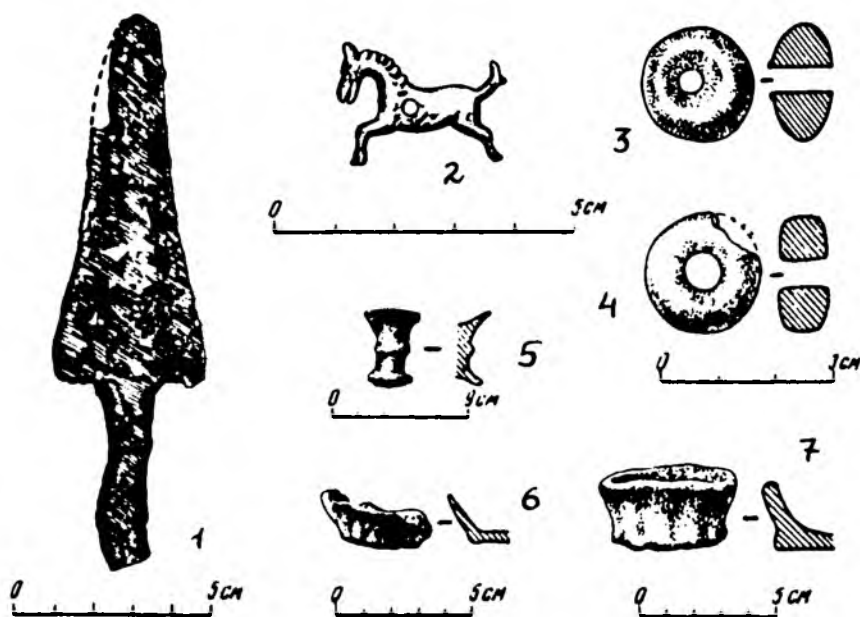

Рис. 89

Предметы буддийского культа:

- 1 — декоративное копье хоругви; 2 — амулет в виде конька;
3, 4 — четки; 5 — миниатюрный светильник; 6, 7 — миниатюрные чашечки
(1 — железо, 2 — бронза, 3-7 — глина)

писью¹⁴⁶. К моменту издания основных материалов раскопок в 1959 г. эта надпись была неразобранной. В дальнейшем О.И. Смирнова прочла ее как «господин», а В.А. Лившиц (много позднее) сказал мне, что там написано «слон»¹⁴⁷.

Здесь же обнаружены бронзовая чашечка от весов со звездчатым орнаментом на дне (рис. 81, 2), две железные кубические гири со сторонами 1,3 и 1,5 см и четыре монеты тюргешского круга с согдийскими легендами. Одна из монет была найдена под арыком при снятии его ложа; там же оказался монетовидный китайский амулет с круглым отверстием посередине.

Следует особо подчеркнуть, что в нижних слоях храма везде найдены лишь маленькие монетки тюргешского круга с тамгами в виде трезубцев и легендами на согдийском языке (выпускаемые местными владыками города), а не собственно тюргешские монеты VIII в., с тамгой в виде лука, которые оказались в выше лежащих слоях (рис. 91). Это обстоятельство позволяет допустить, что монеты тюргешского круга начали выпускаться раньше собственно тюргешских, «очевидно, в конце VII в., когда был сооружен этот храм, продолжавший существовать и в начале VIII в.»¹⁴⁸. Все найденные предметы, а также архитектурные и прочие аналогии не противоречат такой датировке.

¹⁴⁶ Кыласов Л.Р. Археологические исследования. Рис. 22.

¹⁴⁷ В другом случае им, однако, предлагается прочтение ргп «благодать» (Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 80).

¹⁴⁸ Кыласов Л.Р. Археологические исследования. С. 210.

Рис. 90

(Обломок алебастровой формы для оттискивания терракотовых головок Будды (1) и пластилиновый оттиск с той же формы (2))

Существенно, что те же монеты тюргешского круга, кроме двора, были найдены под деревянным брусом основания колонны в зале (1 экз.), на полу зала (2 экз.), на полу святилища (1 экз.), на полу северного коридора галереи (1 экз.) и, самое главное, в расколовшемся пахсовом блоке (1 экз.) стены часовни (помещение III). Последняя находка убеждает в том, что именно эти монеты имели обращение в период сооружения основных стен храма. О том же говорят указанные выше находки монет на ранних поверхностях помещений храма, а также под колонной зала.

Из других бытовых предметов отметим найденное в зале круглое бронзовое зеркало с загнутыми краями и петелькой в центре (рис. 81, 3). Характерно, что это не китайское, а среднеазиатское зеркало, совершенно аналогичное найденному в храме I Пенджикента¹⁴⁹, что опять свидетельствует о тесных связях Суяба с Согдом того времени. Там же найдены осколки стеклянного флакона. Из личных украшений найдены полированная каменная привеска (рис. 92, 2), круглые и плоские синие пастовые пуговицы (рис. 92, 1, 3) и бусы из пасты и стекла: каннелированные с синей поверхностью (рис. 92, 16–19)¹⁵⁰, шаровидные белые (рис. 92, 13–15), глазчатые (рис. 92, 4–9) и цилиндрические пастовые (рис. 92, 10, 12). Восемь из них (рис. 92, 4–10) обнаружены в пахсовом блоке помещения III вместе с отмеченной выше монетой тюргешского круга и бронзовой подвеской в виде половины бубенчика (рис. 92, 11).

Чисто китайских предметов или монет в храме не обнаружено.

Из других находок упомянем обломок ножа и каменное керамическое ложило, найденные в яме батрапа вместе с зернами пшеницы, угольками, семенами тыквы

¹⁴⁹ Беляницкий А. М. Раскопки согдийских храмов.

¹⁵⁰ Подобные бусы найдены в Пенджикенте (Беляницкий А. М. Археологические работы в Пенджикенте // КСИИМК. 1954, вып. 55. С. 39. Рис. 5–11) и на городище Кафир-кала (VII–VIII вв.) (хранятся в Отделе Востока Гос. Эрмитажа, СА-7491).

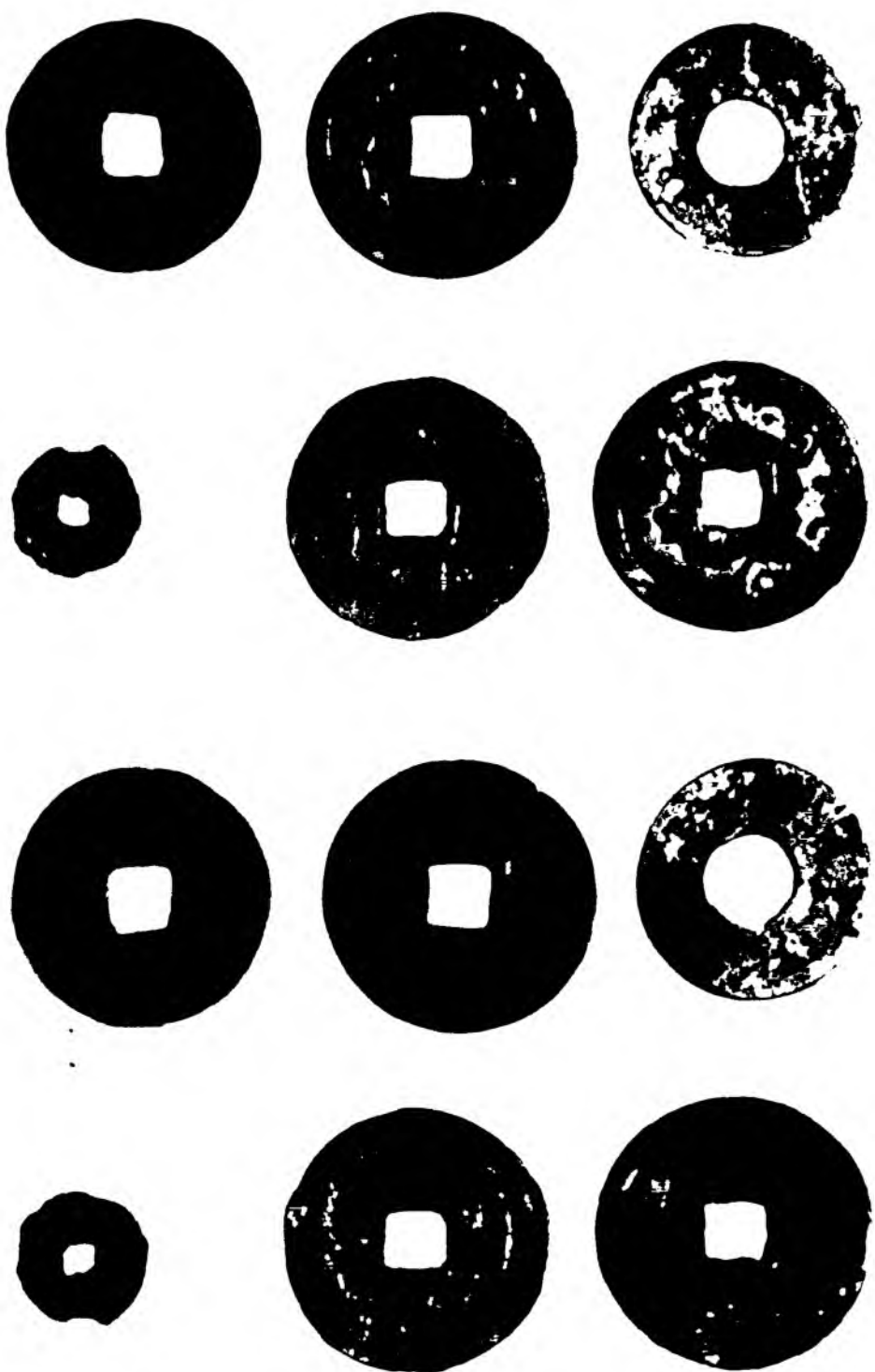

Рис. 91

Образцы бронзовых торгешских монет, найденных в буддийском храме:
лицевые (слева) и оборотные (справа) стороны

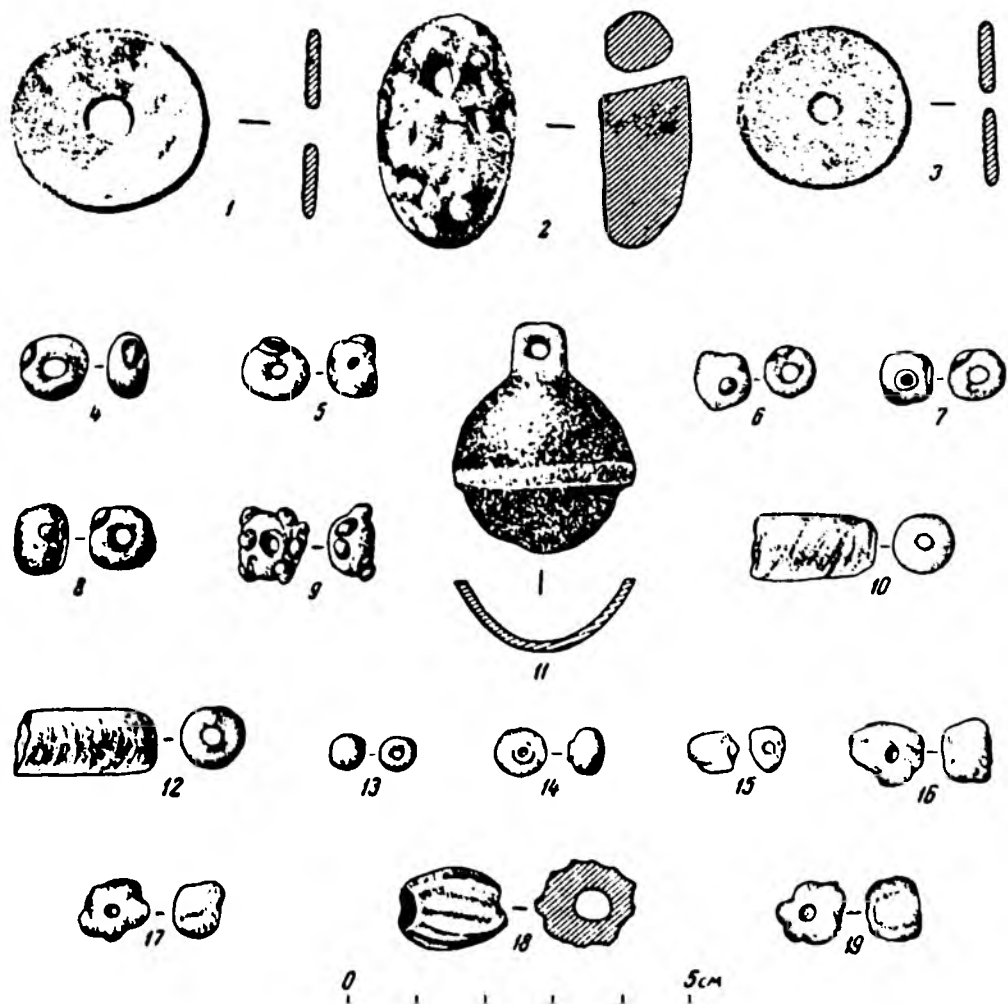

Рис. 92

- Украшения: 1, 3 — стеклянные синие пуговицы (из комнаты I);
 2 — подвеска из пестрого камня (из комнаты I); бусы: 4 — черная с красными глазками,
 5 — белая с красными глазками, 6, 7 — зеленые с красными глазками,
 8 — желтая с красными глазками, 9 — бурая с красными глазками,
 10, 12 — зеленые пастовые, 13-15 — белые, 16-19 — синие каннелированные;
 11 — бронза. 4-11 — из разбитого пахового блока северной стены помещения III,
 12-17 — из помещения III, 18-19 — найдены во дворе

и костями животных, а также бронзовый замок кошелька (помещение V — рис. 81, 4) и скорлупу куриных яиц, найденную в разных местах.

Что касается керамических изделий объекта I, то они должны быть рассмотрены в специальной работе. Этапы жизни и перестроек храма получили отражение в нескольких вполне различных керамических комплексах (рис. 93). Здесь же упомянем лишь несколько образцов из нижнего слоя храма. Это миниатюрные чашечки-светильники (рис. 89, 8, 9; 94, 3, 4), миниатюрный светильник (рис. 89, 7),

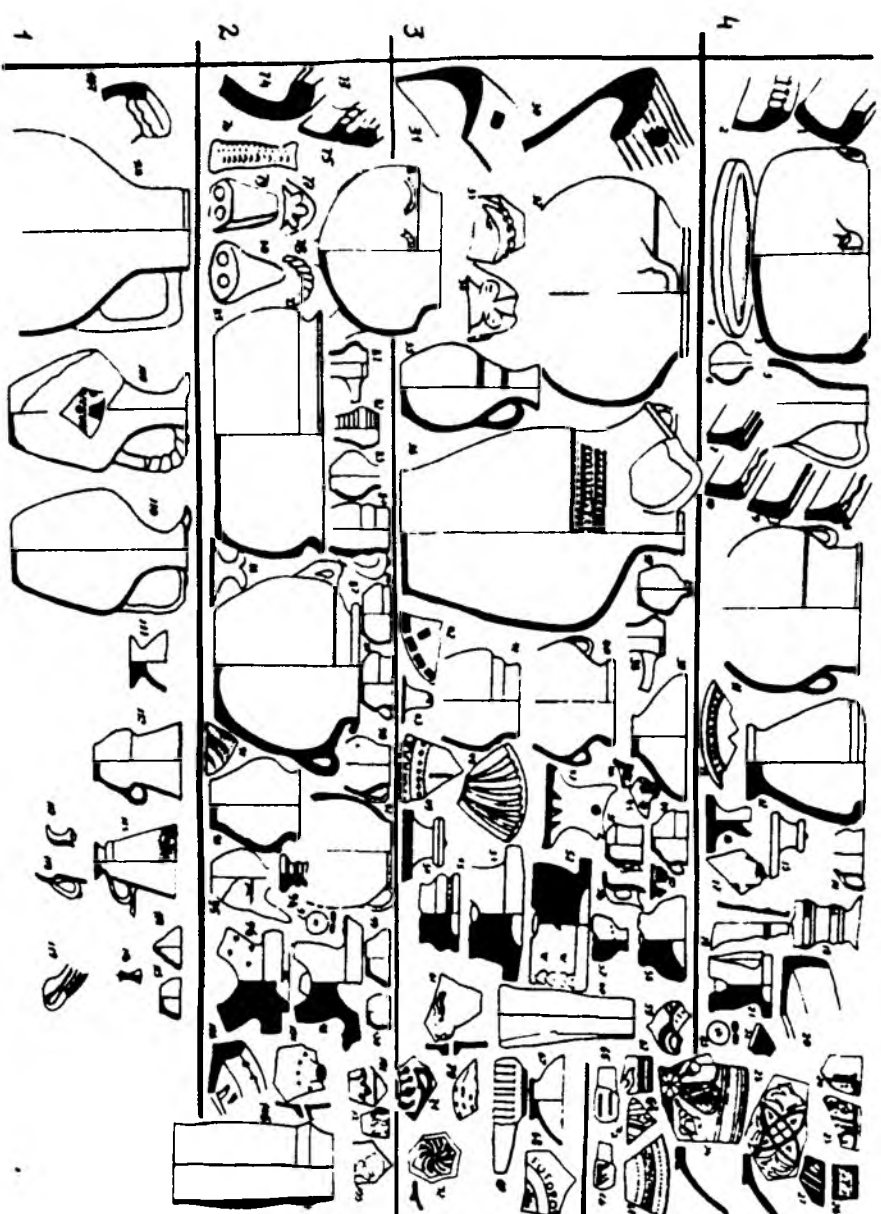

Рис. 93

Объект 1. Основные керамические формы:

1 — период существования храма (1-й ярус), первая половина VIII в.;

2 — период использования руин здания, вторая половина VIII — начало IX в.;

3 — жилища 2-го строительного яруса, середина IX — X в.;

4 — слой без жилых сооружений, X—XI вв.

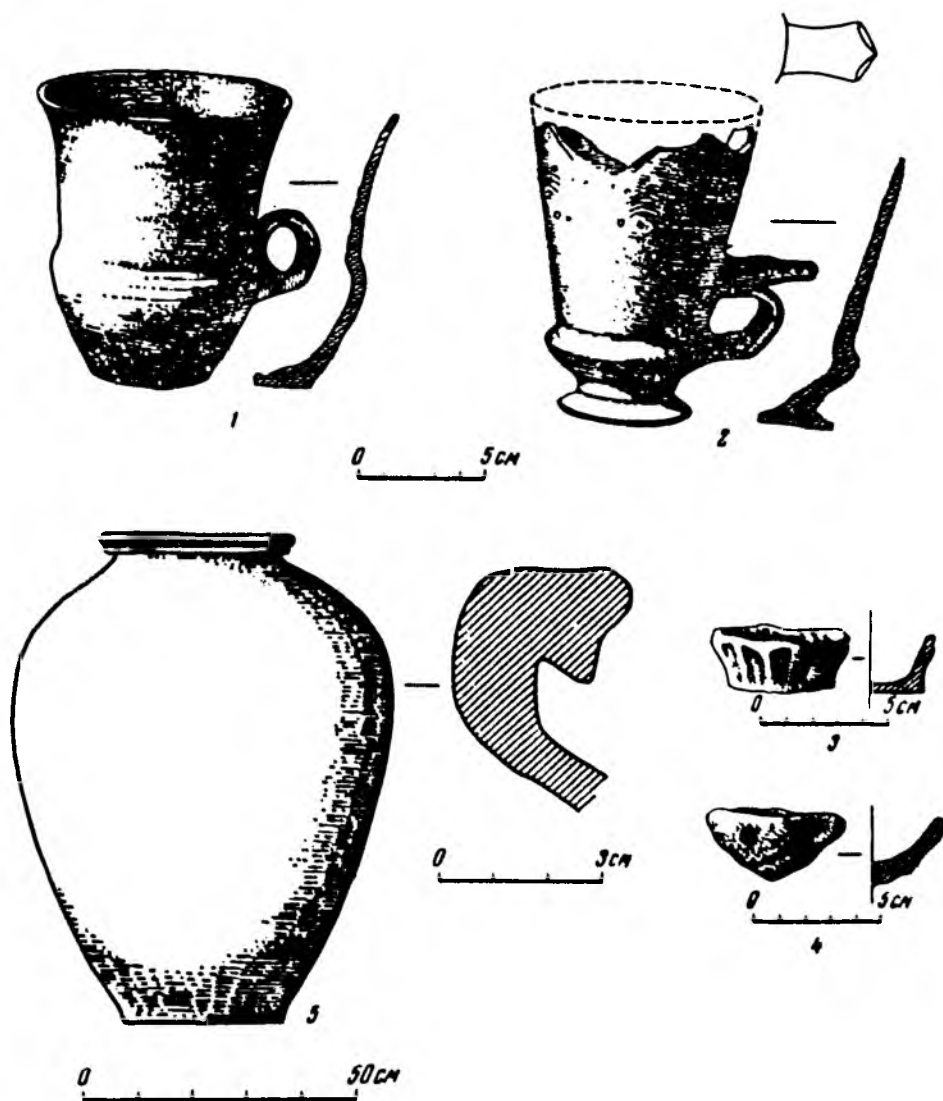

Рис. 94

Керамика из нижних слоев храма:

1, 2 — кружки; 3, 4 — миниатюрные чашечки (1-й ярус);
5 — хум, найденный во дворе (2-й ярус)

кувшины с узкими горлышками со сливом и с витой ручкой, покрытые белым ангобом, а также кружки — подражания тюркским серебряным кружкам, известным по случайным находкам (рис. 94, 1, 2)¹⁵¹. Все это в основном посуда из тонкотмученного теста, сделанная довольно искусно на круге или лепная и имеющая некоторые аналогии в Согде и Шаше, а не в Восточном Туркестане и не в самом Китае, где керамика совершенно иная.

Храм Великого Облака

Отождествив городище Ак-Бешим с развалинами города Суяба, Дж. Клосон учел полученную археологическую дату создания раскопанного монастыря и в 1960 г. первым предположил, что это тот самый буддийский Храм Великого Облака, который был воздвигнут генералом Ван Чжэн-сянем в 748 г. на месте, где жила принцесса Цзяо-хэ¹⁵². Убеденный в точности соответствия, сэр Джерард призвал даже изменить предложенную нами датировку раннего слоя объекта I на VIII в.¹⁵³.

Эта гипотеза, действительно, не в полной мере соотносится с археологической датировкой. Мы видели, что полученные экспедицией материалы позволяют относить возведение храма к более раннему времени, чем середина VIII в., а именно к самому концу VII — началу VIII в.¹⁵⁴. Вопрос разрешается новыми сравнительными исследованиями китайских источников, вызванными нашими раскопками и проделанными к 1979 г. пекинским историком Чжан Гуанда, а позднее дополненными и развитыми А. Форте.

Итальянский исследователь, изучавший государственные монастыри Китая VII и VIII вв., издал результаты своих изысканий в Японии в 1992 г., а в Европе в 1994 г. — специальную статью о монастыре Ак-Бешима. Им приведен китайский текст и английский перевод части отчета Ду Хуаня, автора VIII в., побывавшего в Суябе около 750 г.: «Есть также город Суйе, укрепленный стенами. В 7-м году Тяньбао (748 г.) Ван Чжэнсянь, военный уполномоченный Бейтина (Бешбалыка), напал на него, [поэтому] стены города разрушены и жилища деревень — в руинах. На месте, где в прошлом жила принцесса Чжаохэ, был воздвигнут монастырь Даюнь, который все еще существует»¹⁵⁵. Анализ этого фрагмента, несмотря на его кажущуюся ясность, завершился отказом исследователя от датировки монастырского строительства 748 г.

¹⁵¹ Хранятся в Отделе Востока Гос. Эрмитажа.

¹⁵² *Clauson G. Ak Beshim-Suyab. P. 8.* Таким же образом ныне понимает эту часть текста Ю.А. Зуев.

¹⁵³ *Clauson G. Ak Beshim-Suyab. P. 11.*

¹⁵⁴ *Кыласов Л.Р. Археологические исследования. С. 210.*

¹⁵⁵ *Forde A. An Ancient Chinese Monastery Excavated in Kirgiziya. P. 42 ff.* Русские переводы английской версии (в последнем случае без обозначения смысловых привнесений А. Форте) изданы: *Литвинский Б.А.* Еще о буддийских памятниках Семиречья. С. 190; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Сведения китайских письменных источников о Суябе (городище Ак-Бешим) // Суяб, Ак-Бешим. СПб., 2002. С. 118. Ср. перевод этой части источника Ю.А. Зуевым, независимо выполненный ради создания сводки китайских источников о Суябе: «Еще есть город Суяб. Когда в седьмом году девиза Тяньбао (748 г.) бейтинский управляющий Ван Чжэн-сянь отправился карательным походом [на Западный край], то городские стены были [им (?)] разрушены, а поселения пришли в упадок. В местности, где некогда проживала царица Цзяохэ-кунчуй, он поставил буддийский храм Да-юнь-сы, который существует поныне» (Зуев Ю.А. Ранние тюрки. С. 271, 272).

Было выяснено, что «эдикт, устанавливающий монастыри Даюнь, был выпущен 5 декабря 690 г. и имел силу только в течение династии Чжоу, с 690 по 705 г.». Включение Суяба в число воссозданных после китайских военных побед так называемых Четырех Гарнизонов (Куча, Кашгар, Хотан и Суяб) произошло 8 декабря 692 г. Следовательно, в Суябе монастырь Даюнь (Великого Облака) мог быть основан только между 692 (693) и 705 г. Такой расклад объясняет и речевой оборот «все еще существует», употребленный около 750 г. Ду Хуанем в отношении монастыря, — непонятный в случае его возведения в 748 г.¹⁵⁶ Все монастыри Даюнь — в столицах или префектурах Империи — были построены в конце VII или начале VIII в. Прделанная работа позволила А. Форте уточнить понимание завершающих фраз источника, разделив их так: «Это место, где в прошлом жила принцесса Чжаохэ. Монастырь Даюнь, который был воздвигнут [в Суе китайцами], все еще существует»¹⁵⁷.

Насколько возможно судить по известной нам литературе, буддийский монастырь, раскопанный в Ак-Бешиме, оказался пока едва ли не единственным отысканным и изученным монастырем из той серии храмовых комплексов, которые предписывал создать упоминавшийся эдикт 690 г. Императрица У Чжао, считавшая себя воплощением Майтреи, следуя сутре Великого Облака, посвящала этому бодхисатве грядущего миропорядка все монастыри Даюнь. Находки обломков гигантских скульптур Майтреи и Шакьямуни на объекте I в Ак-Бешиме, как мы видели, также соответствуют его соотнесению с монастырем Великого Облака (рис. 71).

Рассказанная история ученого поиска предельно ясно демонстрирует самостоятельность археологической науки — ставшей к середине XX в. вполне точной дисциплиной. Результаты специального применения археологии способны поколебать впечатления историков, побуждая их пересмотреть положения, полученные даже из столь, казалось бы, ясных письменных сообщений, как отчет Ду Хуаня. Наш случай послужил основанием для методически безупречного заключения Б.А. Литвинского: «Датировать археологические объекты надо прежде всего на основании заключенного в них материала (в первую очередь археологического и нумизматического), разработанной стратиграфии и архитектурных наблюдений и типологии. Привлечение же для датировки конкретного памятника внешних источников, в частности письменных, может производиться лишь после их критического изучения и преимущественно в том случае, если в них содержится бесспорное упоминание о данном сооружении, что бывает крайне редко»¹⁵⁸.

Археология в нашем случае вносит конкретные данные и в тот процесс создания монастыря, который историкам представляется простым китайским строительством. Строительные материалы и приемы, особенности общей планировки и планировки отдельных частей, а также архитектурный облик объекта в целом, как мы видели, не оставляют сомнений в его близости к восточнотуркестанской культовой архитектурно-строительной традиции и, следовательно, прямом уча-

¹⁵⁶ Forte A. An Ancient Chinese Monastery Excavated. P. 42, 43, 50.

¹⁵⁷ Ibid. P. 53.

¹⁵⁸ Литвинский Б.А. Еще о буддийских памятниках. С. 191, 192. Вновь с великим сожалением приходится констатировать упорное замалчивание в русскоязычной научной литературе не только конкретных историко-культурных, но и общих методических археологических открытий, сделанных нами при раскопках Ак-Бешима более 50 лет назад.

сти в его строительстве согдийских мастеров и зодчих¹⁵⁹ (рис. 78). Согдийские особенности буддийского культа отражают и найденные при раскопках монастыря специфические предметы, а бытовые находки подтверждают пребывание в нем согдийцев.

Однако не приходится отрицать и возможное обитание в начальное время в храме Великого Облака нескольких китайских монахов, хотя это обстоятельство не нашло при раскопках самого памятника яркого материального подтверждения. Красноречиво говорят об этом монументальные китайские памятники, найденные в ближайших окрестностях руин монастыря Великого Облака в конце XX в.: часть надгробной плиты с надписью, постамент статуи Будды с посвятителем текстом Ду Хуайбао (создано между 682 и 709 гг.) и стела с изображением Будды, бодхисатв, львов и донаторов¹⁶⁰.

Следы разрушения храма и обитания кочевников

Многочисленные археологические факты свидетельствуют, что во второй половине VIII в. храм был сожжен и наполовину разрушен какими-то нападшими на город тюркскими племенами, по-видимому карлуками, которые в конце VIII — начале IX в. использовали помещения и стены храма под жилье.

В зале и в других помещениях храма имеются явные следы пожара: обрушившиеся на пол камышовые обугленные перекрытия, зола, угли и остатки обугленных балок на полу в обходной галерее и в святилище; выгорели даже опорные стойки стен. Кочевники разбили до основания статуи, почитавшиеся буддистами, посбивали настенные росписи, разграбили храмовую утварь. Какое-то время они пользовались стенами и сохранившимися сводами как укрытием. О том, что они жили в храме, говорит наличие на сравнительно небольшом слое первоначального завала (от намеренного разрушения стен, росписей, статуй, а также от пожара), остатков кострищ (в виде линз угля и золы толщиной до 10 см) в обходной галерее, очага, сложенного из обломков сырцовых кирпичей в святилище, кострищ и очагов на полу зала, а также вырезанные в стенах некогда роскошного центрального зала грубые очаги для котлов (рис. 74). В особенности интересен один очаг диаметром около 75 см для большого круглого казана, вырезанный в северной суфе¹⁶¹ (рис. 67, 1). Ямы, вырытые в завале, разрушили лестницы¹⁶² (рис. 67, 1).

Глинобитные полы галереи и зала оказались изрытыми круглыми бочкообразными ямами, в которых кочевники хранили преимущественно мясо¹⁶³ (рис. 66, 2, 3). В них найдены кости домашних животных и некоторые предметы кочевнического обихода. В семи ямах западного крыла галереи (три из которых были врезаны в прежнюю суфу) оказались лишь кости домашних животных и пуговица, вырезанная из стенки сосуда (рис. 95, 26); в ямах, обнаруженных в зале (одна из

¹⁵⁹ Кроме приведенного выше, см. в связи этим и конкретные наблюдения: *Хмельницкий С.Г.* Опыт реконструкции буддийского храма.

¹⁶⁰ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Сведения китайских письменных источников. С. 119–127. Рис. 1–5.

¹⁶¹ *Кызласов Л.Р.* Археологические исследования. Рис. 27, 6; 43, 1.

¹⁶² Там же. Рис. 24, 1, 3.

¹⁶³ Там же. Рис. 27, 1, 3; 43.

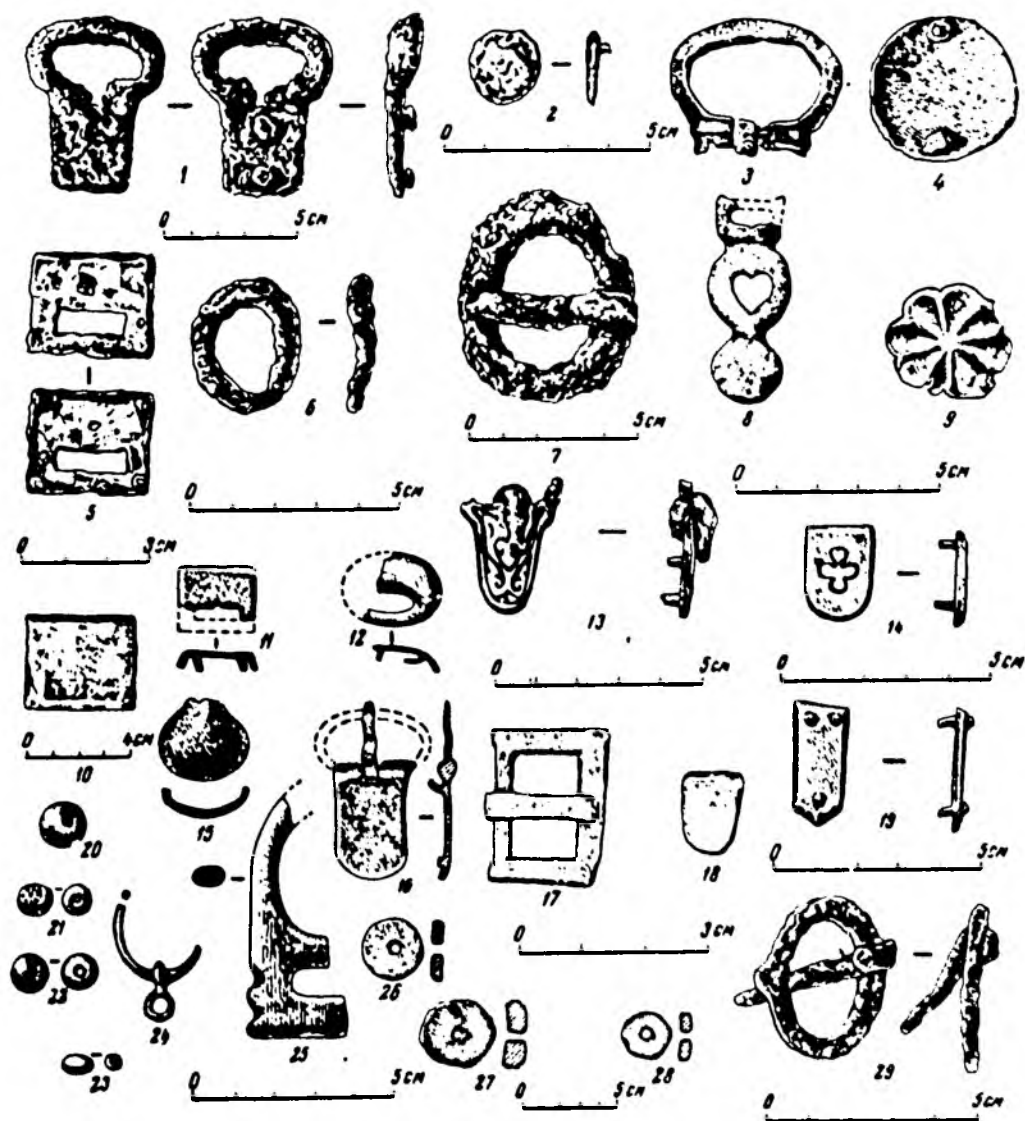

Рис. 95

Объект I. Предметы кочевников (VIII-IX вв.):

- 1, 3, 6, 7, 13, 16, 17, 25, 29 — пряжки; 2, 5, 10-12 — бляшки наборных поясов;
 14, 18, 19 — наременные наконечники; 4, 9 — сбруйные бляшки;
 8, 15 — поясные подвески; 24 — обломок серьги; 26-28 — пуговицы; бусы:
 20 — белая, 21 — зеленая с белыми глазками и черными «ресничками»,
 22 — оранжевая, 23 — синяя (1, 6, 7, 29 — железо; 2-5, 8-12, 14-19, 24 — бронза;
 13 — бронза и железо; 25 — кость; 26-28 — глина; 20-23 — стекло)

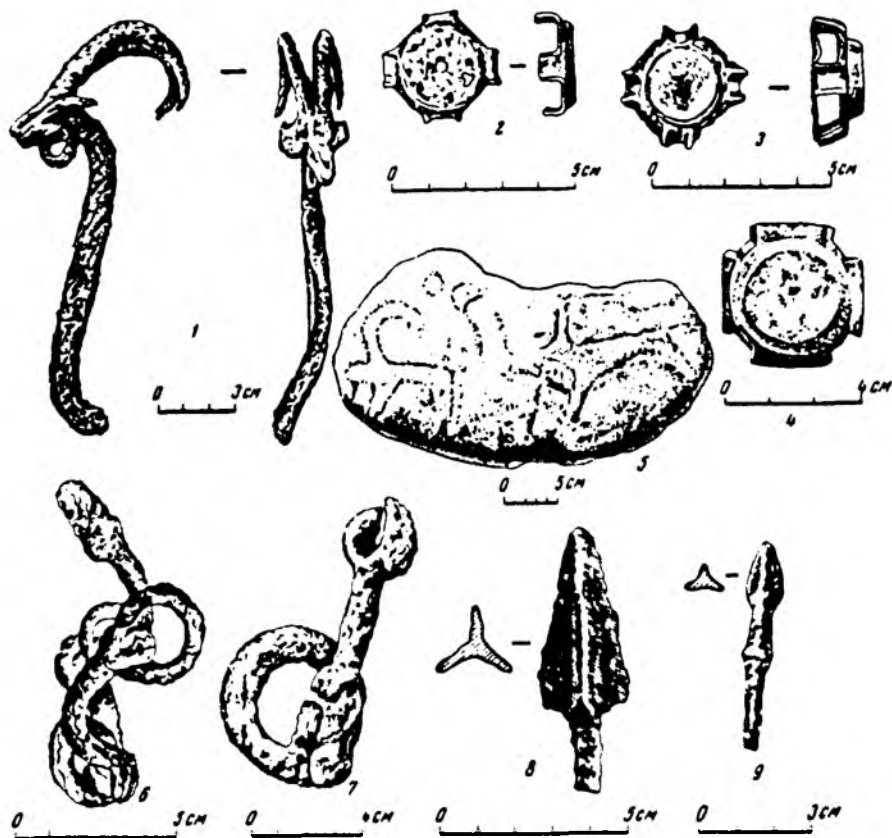

Рис. 96

Предметы кочевников (VIII-IX вв.): 1 — часть навершия факела с головой горного козла;
 2-4 — бляхи для перекрестий уздечных ремней; 5 — галька с писаницей
 (сцена погони собаки за горным козлом); 6 — удила с S-образным псалисом;
 7 — половина удила; 8, 9 — наконечники стрел (1, 6-9 — железо, 2-4 — бронза, 5 — камень)

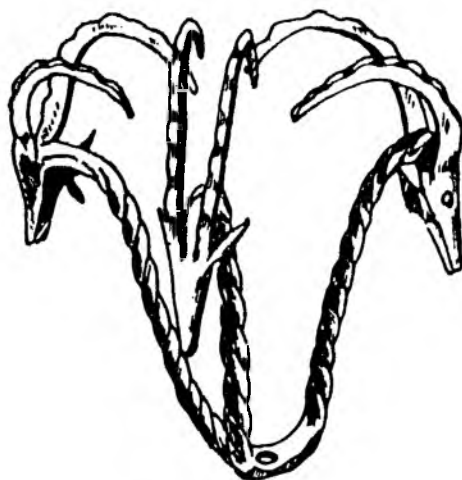

Рис. 97

Железное навершие факела, найденное в пещере из Кухи Сурх.
 Таджикистан

которых, самая поздняя, разрушила лестницу, ведущую в святилище), оказались: в одной — кости коровы, лошади и череп барана, обломки керамики, астрагал барана с двумя просверленными отверстиями, две железные поясные пряжки (рис. 95, 1, 7), квадратная бронзовая бляшка от наборного пояса (рис. 95, 5), железная пластинка и кусок каменного оселка; во второй — немного костей, игровой астрагал барана с одним отполированным боком, обломки керамики и железный гвоздик. Другие ямы или пустые, или с небольшим количеством костей.

Во дворе в разных местах в слое, относящемся к кочевникам, обнаружены очаги, сложенные из камней, обломков старых жерновов и обожженных кирпичей (размерами 29×16×4, 26×15×3, 30×15×4,5 см), и кострища. Возле одного из таких каменных очагов найдена большая плоская галька с выбитой на одной из ее сторон характерной по стилю для тюркских писаниц сценой: погоней собаки за горным козлом¹⁶⁴ (рис. 96, 5).

О том, что храм разрушили нахлынувшие скотоводы-кочевники тюркского происхождения, которые затем стали жить в нем, говорят кроме этой писаницы многочисленные находки (относящиеся к слою пребывания их в этом здании) предметов кочевнического обихода, характерных именно для тюрков. Это разнообразные и многочисленные пряжки (рис. 95, 1, 3, 6, 7, 13, 16, 17, 25, 29), бляшки наборных поясов (квадратные и овальные с отверстиями, а также сердцевидные — рис. 95, 2, 5, 10–12), поясные наременные наконечники (рис. 95, 14, 18, 19) и характерные тюркские поясные подвески с сердцевидной прорезью (рис. 95, 8, 15), уздечные бляшки, крестовидные бляхи от конской сбруи с двумя пересекающимися отверстиями для скрепления ремней на перекрестьях (рис. 95, 4, 9; 96, 2–4), обломок костяной пряжки от подпруги (рис. 95, 25), трехлопастные наконечники стрел (рис. 96, 8, 9), железные пластинки панцирей, игральные астрагалы баранов (с отверстиями и отполированными боками), ножи, оселки, гадательные лопатки баранов с дырочками, типично кочевническая серьга VIII в. (рис. 95, 24), а также пуговицы из стенок сосудов и бусы (рис. 95, 20–23, 26–28).

Всё это предметы VIII–IX вв. В этом же слое найдены монеты тюркского круга и собственно тюркские монеты с тамгой в виде лука, выпускавшиеся, как известно, в VIII в. и имевшие хождение даже в IX в. Важной датирующей находкой является «клад» кочевнических удил. Клад этот оказался в ямке, выдолбленной сверху в уже разрушенной восточной стене храма (стена «комнаты привратника»). В ней обнаружены железная оковка заступа и несколько двусоставных удил с двумя перевитыми неподвижными кольцами и третьим подвижным кольцом, датирующиеся первой половиной IX в. (рис. 96, 6, 7). Эту дату подтверждают и их S-образные псалии, оканчивающиеся «сапожком» и лопаточкой (рис. 95, 6). Такие удила и псалии в Киргизии найдены впервые.

Особенно оригинален S-образный стержень, завершающийся головкой горного козла-теке, также искусно выкованный из железа (рис. 96, 1)¹⁶⁵. Первоначально он был принят мною за обломок псалия¹⁶⁶. Но в 1985 г., после публикации целого предмета с подобными завершениями в виде козлиных голов, случайно найденного в пещере из Кухи Сурх в Таджикистане, стало понятно иное его назначе-

¹⁶⁴ Брыкина Г.А. Кайрак (галька) с тюркской писаницей из Ак-Бешима // КСИИМК. 1959, вып. 76. С. 112–114.

¹⁶⁵ Прямоугольная петля обломана, но следы ее сохранились. Стержень четырехгранный.

¹⁶⁶ Кыласов Л.Р. Археологические исследования. С. 217.

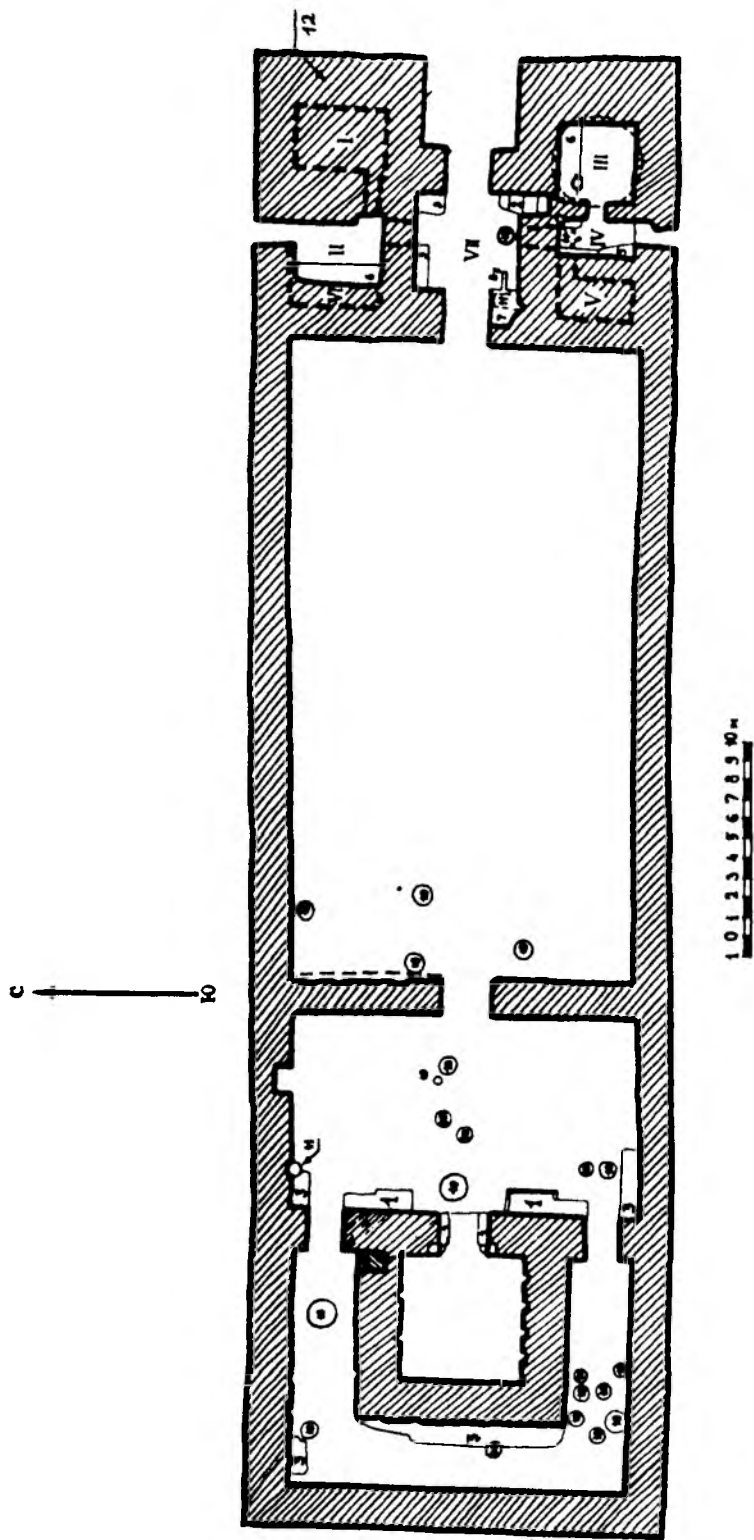

Рис. 98

План буддийского храма (объект I),

соответствующий времени обитания кочевников в его руинах:

- 1 — пьедесталы для статуй Будды; 2 — лестница; 3 — суфы для статуй;
- 4 — приступки входа в святилище; 5 — контрфорс; 6 — суфы жилых помещений;
- 7 — лежанка; 8 — защитная стена очага; 9 — суфы «вестибюля»; стена, прикрывающая очаг;
- 10 — ямы для припасов; 11 — очаги; 12 — клад удили; 1-VII — помещения у входа

ние. «Навершие жезла», как это изделие характеризуется издателями¹⁶⁷, имеет плоское основание — треугольную пластину с отверстием для крепления в середине, — от которого поднимаются три плавно изогнутых стержня. В отличие от ак-бешимского они витые, а головки козлов лишены петли под подбородком, но снабжены рубчатыми рогами (рис. 97). Предложенная исследователями широкая датировка изделия (V–VIII вв.), может быть уточнена по ак-бешимской находке. Впрочем, подобные предметы, вероятно, существовали очень долго. Во всяком случае, понять их назначение позволяет примерная параллель, встречаемая в описании Герата минским посольством 1414–1415 гг.: «Еще [они] берут сало, смешивают [его] с хлопком, делают катышки, помещают [их] в железную корзину, прикрепленную к железной палке, которую на ходу держат в руках, а останавливаясь, втыкают в землю. [Такие факелы] не боятся ни ветра, ни дождя»¹⁶⁸. По моему мнению, такой «железной корзинкой» является изделие из Кухи Сурх, а частью факельного навершия — находка из Ак-Бешима.

К слою, сложившемуся после разрушения храма, относится и найденный в зале «злак кочевников» — просо. В период, когда обваливались потолки и своды в галерее и святилище, разваливалась поверхность стен и образовывались завалы на полу помещений, скрывшие обломки статуй, настенных росписей и кое-какие предметы, произошли большие изменения и в привратных помещениях.

Разрушенной восточной стеной оказалось завалено помещение I. После этого в северной стене помещения II был прорублен новый вход, а проход в вестибюль заложен. Таким образом, было создано совершенно изолированное жилище. Также стали изолированными и помещения III и IV. Был заложен кирпичом, взятым из разваливающихся стен храма, арочный проход, ведущий из вестибюля в помещение IV¹⁶⁹ (рис. 60, 3; 98). Новый вход в помещение IV был прорезан в южной стене храма (рис. 98), а в его северо-восточном углу был вырезан очаг с узким дымоходом (рис. 60, 4), отчего свод этой комнаты оказался сильно закопченным. Часовня (помещение III), где купол еще сохранился, была превращена в жилище; вдоль северной стены его была устроена суфа, появились каминны и вертикальный тандыр — печь для выпечки лепешек. Эта комната по-прежнему сообщалась с помещением IV, которое было проходным (рис. 98). Наконец, в вестибюле была срезана часть южного пилона входа во двор и на нем была вырезана четырехугольная лежанка-кан, открытая на восточную сторону, с которой под лежанкой была врублена топка с дымоходом в стене (рис. 63, 3; 98). Перед заложеной аркой была вырыта бочкообразная яма-хранилище.

Следы последних оседлых обитателей

К IX–X вв. относится второй строительный ярус — жилые помещения, сооруженные на восточной оконечности храма, над разровненными привратными помещениями первого яруса и частично в полузасыпанном дворе (рис. 53; 54).

¹⁶⁷ Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душ., 1989. С. 248, 249 (№ 587). См. также: Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душ., 1987.

¹⁶⁸ Описание иностранных государств на Западе. Герат. Пер. с кит. Б.И. Панкратова // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. М., 1989. С. 111.

¹⁶⁹ Кызласов Л.Р. Археологические исследования. Рис. 16, 2, 4.

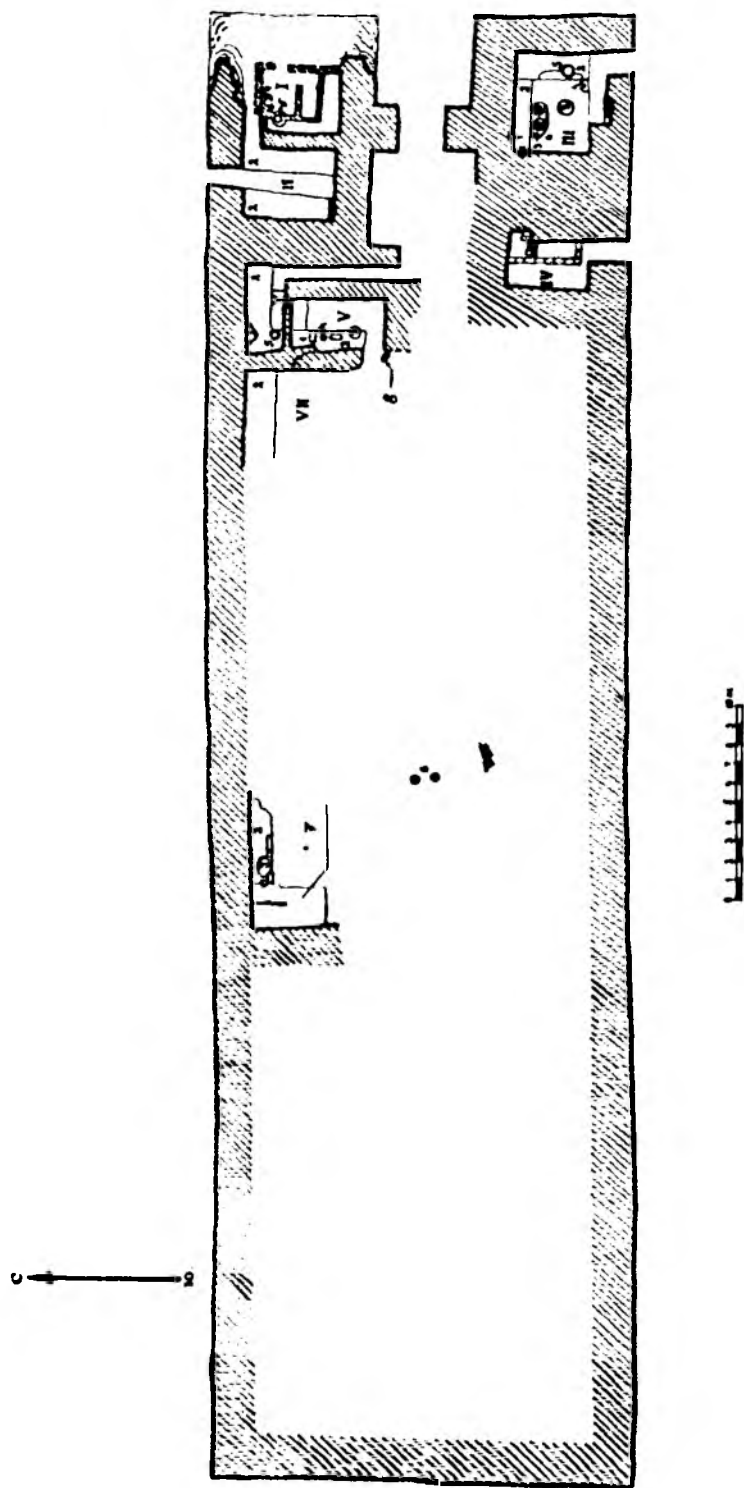

Рис. 99

План буддийского храма (объект 1), соответствующий времени 2-го яруса жилищ над руинами:

1 — очаги; 2 — суфы; 3 — ямы; 4 — печи; 5 — тандыры; 6 — хумы;
7 — яма с сырной облицовкой; 8 — обломок жернова; I-VII — помещения при входе

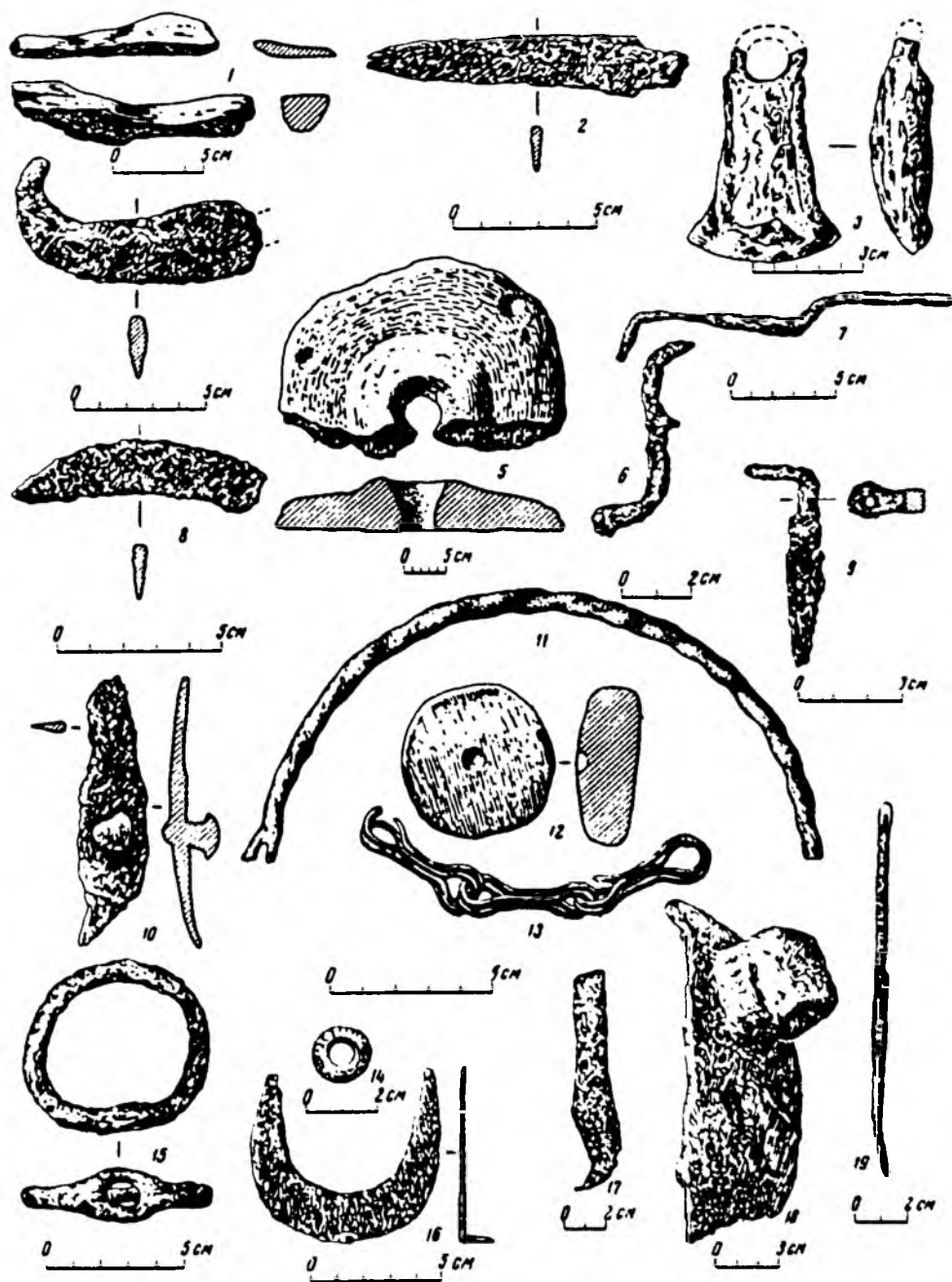

Рис. 100

Находки из жилищ 2-го яруса (IX-X вв.):

- 1 — точильные бруски, 2 — нож, 3 — мотыжка, 4 — нож кожевника, 5 — верхний жернов ручной мельницы, 6 — миниатюрный псалий (?), 7 — ключ, 8, 10 — обломки серпов, 9 — замок, 11 — дужка ведра, 12 — заготовка пряслица, 13 — цепь, 14 — пуговица, 15 — вертлюг, 16 — подкова, 17 — резец, 18 — обломок котла, 19 — игла шорника.
(1, 5, 12 — камень, 2-4, 6-11, 13, 15-19 — железо, 14 — кость)

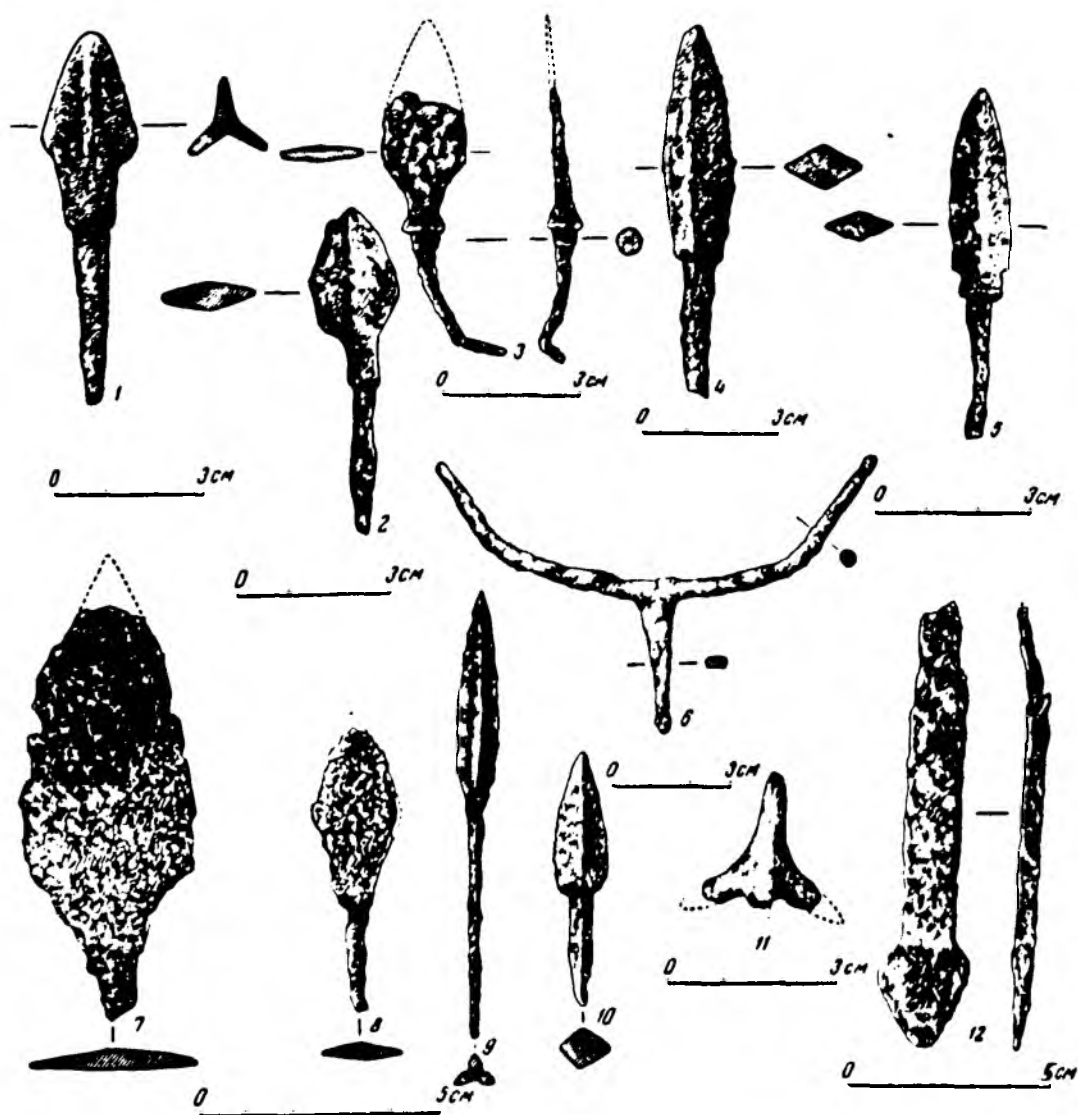

Рис. 101

Вещи караханидских тюрок, относящиеся ко времени разрушения жилищ 2-го яруса (X-XI вв.):
 1-5, 7-10 — наконечники стрел; 6 — шпора; 11 — «чеснок»; 12 — наносник шлема
 (11 — бронза, остальное — железо)

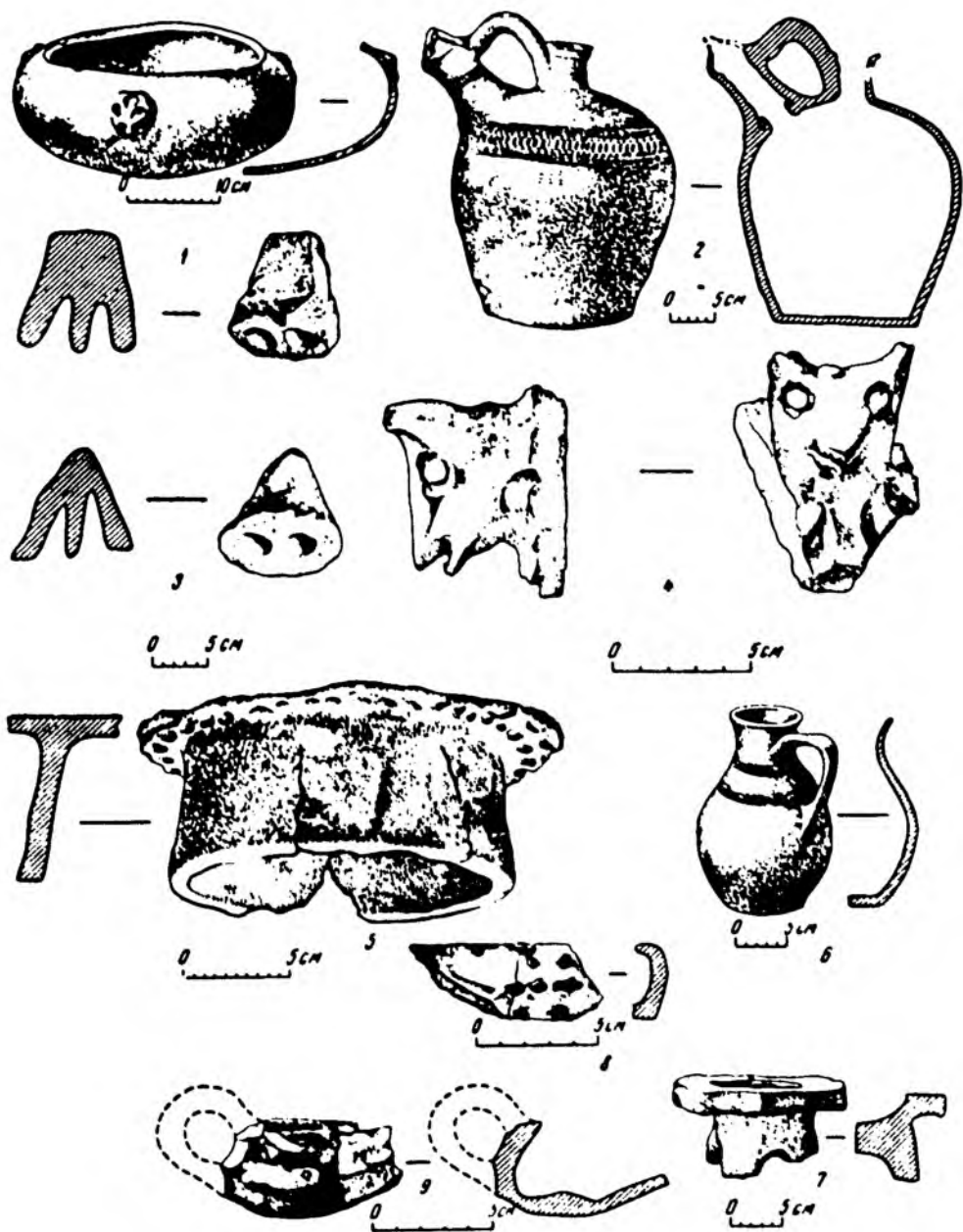

Рис. 102

Керамика из жилищ 2-го яруса (IX-X вв.):

- 1 — котел, 2 — краснолощенный сосуд для вина, 3 — подставки под котлы,
 4 — ручка крышки в виде головки мифического животного с тремя глазами,
 5 — ножка достархана, 6 — кувшин, 7 — трехногий светильник, 8, 9 — поливные чираги

Стены их, в отличие от первого яруса, сложены очень небрежно, грубо, из длинномерных кирпичей, взятых из разрушающихся стен храма. При этом нередко использовались и отдельные высоко сохранившиеся части стен храма, а иногда некоторые стенки и проходы помещений второго яруса образованы просто вырубкой в завале. Поэтому часть таких помещений во дворе не могли быть уловлены при раскопках, так как их стенки давно оплыли (рис. 99).

В верхних слоях галереи, соответствующих второму ярусу, обнаружены прослойки утопанной глины с кострищами, керамикой и костями животных. Такой же «пол» с угольками на нем и зольными пятнами обнаружен в святилище. В зале, по-видимому, первоначально еще ютились люди, свидетельством чему являются кострища, керамика и кости животных, но вскоре здесь, вероятно, была устроена конюшня или загон для скота, так как почти по всему залу обнаружен толстый желтый слой органических остатков, очевидно, от навоза. На этом слое сохранились следы соломы и кости животных (копыто коня, зубы коровы, челюсть барана и др.). Из вещей здесь найдена небольшая железная подкова (рис. 100, 16)¹⁷⁰, наконечник стрелы (рис. 101, 4), гвоздь и бусы.

На поверхности второго яруса во дворе (раскопы 7а, 8а) были обнаружены два врытых в землю больших хума (рис. 94, 5; 99, 6) и возле них целый скелет осла (рис. 99). К этому же времени относится найденная в северо-западном углу двора прямоугольная яма (2,3×3,8 м) неясного назначения, вырубленная в завале (рис. 55, а; 99, 3). Стенки ее имели обмазку, которая была обожжена. На дне ямы находился золистый слой с угольными пятнами, а в заполнении — полуобожженный и обожженный кирпич размером 29×14×4,5 см и гончарный шлак. После снятия обмазки было установлено, что западная и восточная стенки ямы имели вырубленные в завале гнезда, в которых размещалась своеобразная кладка из сырцовых кирпичей¹⁷¹ (рис. 55, а). Так как эти гнезда располагались друг против друга, то возможно, что поперек ямы были переброшены арки из сырцовых кирпичей. Скорее всего, это была печь для обжига кирпичей.

Вдоль северной стены двора в раскопах 7 и 8 были, очевидно, какие-то верхние помещения, стены которых оплыли. Там обнаружены ямы, наполненные углем, — остатки очагов, обломок каменного жернова ручной мельницы (рис. 55, б), кости животных, обломки сосудов и ножка от глиняного дастархана (рис. 102, 5).

Лучше всего сохранились семь помещений второго яруса на восточной оконечности бывшего храма: пять (I, II, V, VI, VII) вдоль северной стены — над старыми комнатами первого яруса (I, II, VI) и над северо-восточным углом двора (рис. 99) и два (III–IV) — с южной стороны. Из последних одно, со входом с юга, оказалось над старым помещением V, причем северная, восточная и южная стены их остались прежними (рис. 99), а западная стена, хотя и была построена над прежней стеной, но сдвинута сильно к западу, что значительно расширило помещение.

Наконец, в комнате III в это время купол уже обвалился, но в ней продолжали жить и, вероятно, устроили плоское перекрытие. Так как старое помещение IV, где обвалился свод, было уже погребено, то вход в помещение III прорезали в южной стене, и в ней также устроили две ниши, низ которых был выложен жже-

¹⁷⁰ Совершенно аналогичная подкова (от саюга?) найдена в Мунчак-тепе (слой IX–XI вв.) и хранится в Гос. Эрмитаже.

¹⁷¹ Кызласов Л.Р. Археологические исследования. Рис. 55, 1, 2.

ным кирпичом размером 30×26×4, 29×15×4, 26×14×3,5 см¹⁷² (рис. 55, в; 99). В полу была вырыта яма, сохранившая следы от стоявших в ней двух хумов (рис. 99). Отметим кстати, что четырехугольный жженный кирпич (32×10×4, 20×13×4–6 см) встречен и в других помещениях второго яруса. Им, например, выкладывались каминь (рис. 54, в). Помещение I над бывшей «комнатой привратника» делилось на кухню с печкой (диаметром 33, высотой 31 и толщиной стенок 13 см) для котла и с тандыром (диаметром 84, высотой 73 и толщиной стенок 14 см)¹⁷³ (рис. 99, 4, 5) и кладовую. Эти помещения сообщались особым проходом с жилым помещением II, имевшим две суфы, разделенные узким проходом (шириной 1,1 м) (рис. 54, б; 99).

В описываемых помещениях имелись суфы, большие вертикальные тандыры (в комнате IV тандыр был сделан из хума с отбитым дном)¹⁷⁴ (рис. 99), каминь и многочисленные каминьобразные очаги для котелков¹⁷⁵ (рис. 63). Этнографический характер жилищ несомненен: это зимники оседающего на землю тюркского рядового населения.

Земледельческий характер занятий обитателей этих жилищ проступает в находках каменных ручных мельниц из парных жерновов (рис. 73, 4, 5; 100, 5), обломков железных серпов (рис. 100, 8, 10)¹⁷⁶ (помещение III), железной мотыжки типа *чота* (рис. 100, 3), косточек абрикосов, семечек дынь и, наконец, зерен пшеницы в позднейшей грубой обматке стен комнаты III (второй ярус). О наличии домашнего скота у обитателей поздних жилищ на месте храма свидетельствуют не только многочисленные кости домашних животных (по определению В.И. Цалкина, обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов, лошадей, ослов и собак), но и загон для скота (рис. 99), устроенный в зале (верхний слой). Кроме того, здесь же обнаружены кости кулана, сайги, оленя, лисицы, а также птиц и рыб¹⁷⁷, которые позволяют говорить об известном значении охоты и рыболовства как подсобных промыслов. Из орудий труда кроме указанных выше найдены: специальные изогнутые железные ножи для разрезания кожи (рис. 100, 4), железная игла шорника (рис. 100, 19), костяные проколки из грифельных косточек животных, а также обломки железных колунообразных топоров, железный резец для вырезки деревянных изделий (видимо, посуды) (рис. 100, 17), простые железные черешковые ножи (рис. 100, 2) и сланцевые оселки (рис. 100, 1).

Из других бытовых предметов отметим редкую находку вкладыша замка обычного средневекового типа (рис. 100, 9), железного ключа (рис. 100, 7), части цепи из больших железных звеньев (рис. 100, 13), каменной заготовки под пряслице (рис. 100, 12), многочисленных железных гвоздей, скобок и костылей. Встречены также обломки стеклянного зеркала с серебряной амальгамой и осколки стеклянных сосудов. Много найдено и керамических изделий: конусовидные под-

¹⁷² Там же. Рис. 50, 3.

¹⁷³ Там же. Рис. 43, 4, 5. Тандыр был слеплен из глины с мелкой галькой и имел частые насечки на внутренней обматке, сделанные для лучшего прилипания сырых лепешек. Топка его (диаметром 16 см) находилась внизу с восточной стороны.

¹⁷⁴ Кыласов Л.Р. Археологические исследования. Рис. 50, 5.

¹⁷⁵ Там же. Рис. 43, 4, 5; 50, 4.

¹⁷⁶ Ср. серпы IX–X вв. на Енисее (Евтюхова Л.А. Археологические памятники кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. С. 83. Рис. 167.

¹⁷⁷ Определение В.И. Цалкина, о котором мы сохраняем благодарную память.

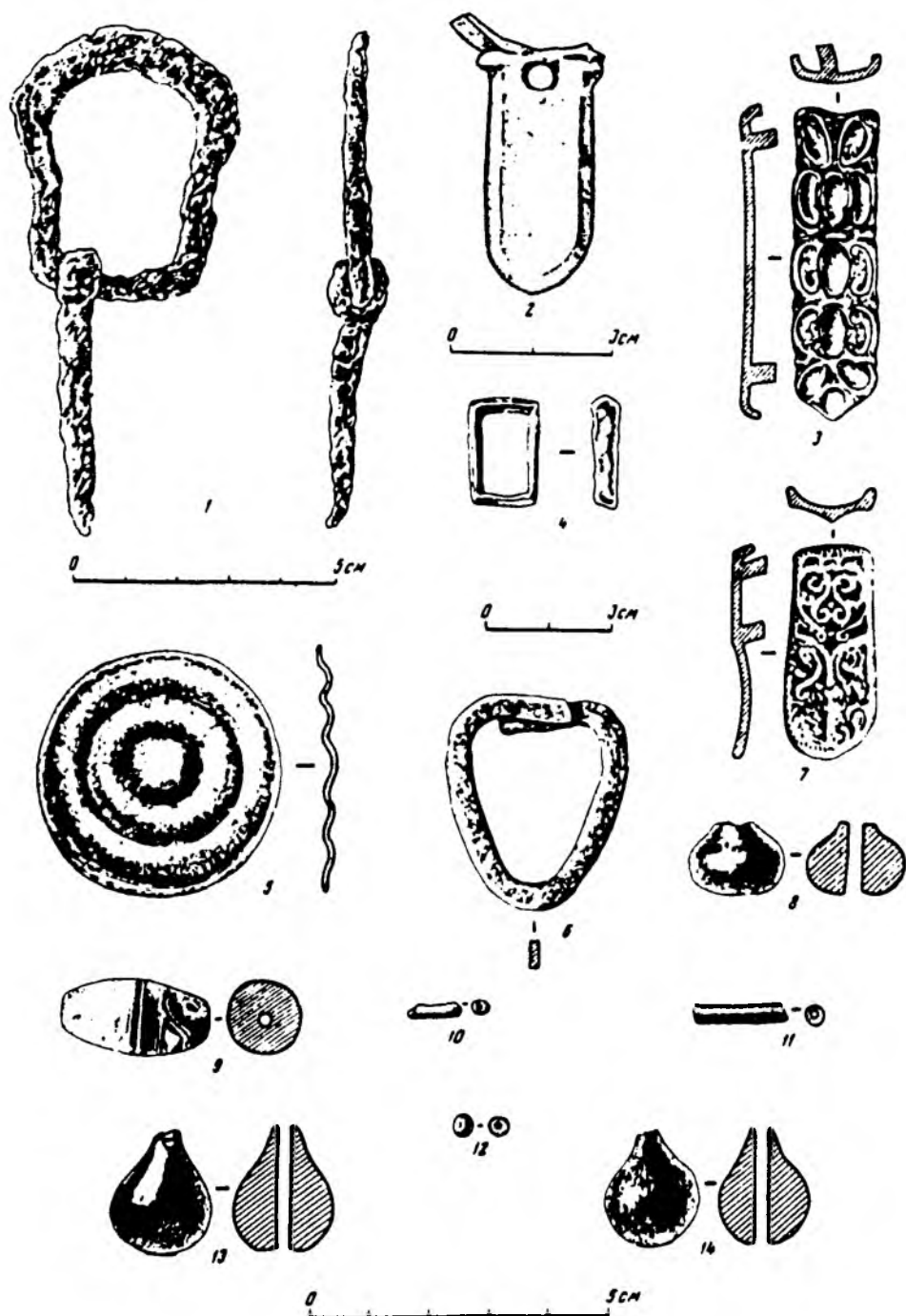

Рис. 103

Предметы из жилищ 2-го яруса (IX-X вв.):

- 1, 2, 6 — пряжки, 3, 7 — поясные наконечники, 4 — поясная обоймица,
5 — точеная бляха, 8-14 — бусы и бисер (1-6 — железо, 2-4, 7 — бронза,
5 — рог, 8, 13, 14 — черная паста, 9 — агат, 10-12 — синее стекло)

ставки под глиняные котлы (рис. 102, 1, 3), светильники (рис. 102, 8, 9), разнообразные сосуды, лепные и сделанные на гончарном круге (особенно много круглодонных котлов), крышки и поливные изделия (*чараги*) IX–X вв. (рис. 102, 1, 9). Обнаружены, кроме того, куски железных котлов, один из которых имел массивные крючки для подвешивания над очагом (рис. 100, 18), и крученые железные дужки, вероятно от котелков или ведер (рис. 100, 11).

Из предметов личного обихода найдены характерные для IX–X вв. железные и бронзовые поясные пряжки (рис. 103, 1, 2, 6), железные и бронзовые поясные наконечники (последние богато украшены растительным орнаментом — рис. 103, 3, 7), бронзовые обоймицы (рис. 103, 4), костяные точеные и глиняные пуговицы (рис. 100, 14), а также разнообразные стеклянные, пастовые и агатовые бусы и бисер (рис. 103, 11, 11, 12), среди которых выделяются черные грушевидные бусы-подвески из пасты (рис. 103, 8, 9, 13–14). Интересна находка тонкой выточенной роговой бляхи (рис. 103, 5).

Из предметов конского снаряжения обнаружены лишь миниатюрный S-образный псалий, кольцо-вертлюг и железные колечки (рис. 100, 6, 15).

Кроме датирующих фактов, полученных на основании анализа форм указанных выше предметов, а также стратиграфических данных (сооружения жилищ на датированных слоях VIII и VIII–IX вв.) можно указать, что в слое второго яруса были обнаружены тюркешские монеты, которые, как уже говорилось, имели хождение и в IX в.

К X в. (в слоях, уже связанных по преимуществу с началом разрушения жилищ второго яруса) относятся многочисленные находки железных наконечников стрел (рис. 101, 1–5, 7–10), пластин железных панцирей, наносника шлема (рис. 101, 12), железной шпоры (рис. 101, 6)¹⁷⁸, узкого втульчатого наконечника копья и предмета, предназначенного для борьбы с кавалерией, — бронзового «чеснока» с четырьмя остриями (рис. 101, 11). Что касается железных наконечников стрел, то все они представляют собой типы, характерные для IX–XI вв. Это черешковые наконечники с упором (уступом, отделяющим головку от черешка), узкие и длинные четырехгранные (с ромбическим сечением), трехгранные (треугольные в сечении), упрощенные листовидные и почти ромбические, а также один трехлопастный, с лопастями вверх головки (рис. 101, 1–5, 7–10).

В XI в. после гибели в результате военного нападения построек второго яруса, о чем свидетельствуют упомянутые находки предметов вооружения, никаких жилых и прочих помещений на холме не было. Лишь в одно место корытообразного углубления оплывшего двора был сброшен мусор: зола и обломки поливной керамики караханидского времени, да кто-то спрятал в ямку кожаный кошелек с 76 медными илেকскими монетами второй четверти и середины XI в.¹⁷⁹. Клад этот был обнаружен при раскопках сразу же под тонким дерновым слоем холма в раскопе № 10 (близ северной стены бывшего двора). К этому времени холм уже приобрел в основном те очертания, которые нам пришлось видеть до его раско-

¹⁷⁸ Ср. шпору из комплекса X в. (Гуревич Ф. Д. Древние поселения Калининградской области // КСИИМК. 1951, вып. XXXVIII. Рис. 42).

¹⁷⁹ Дата клада определена нумизматом Е. А. Давидович (в то время жившей в Сталинабаде). Несколько караханидских монет найдено и в других местах холма (см.: Кыласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим. Приложение I; Давидович Е. А. Ак-бешимский клад караханидских монет XI в. // Там же. С. 242).

пок (рис. 51). Конечно, и позже на него попадали периодически керамика и отдельные случайные предметы, вплоть до обломка лемеха современного плуга, обнаруженного нами также под дерновым слоем.

4. Манихейский погребальный комплекс (объект III)

Он представляет собой обособленную группу холмов, расположенную в 400 м к западу от стен шахристана и на таком же расстоянии к северо-западу от буддийского храма (рис. 44). Здесь в 1954 г. был раскопан небольшой (диаметром около 20 м) невысокий холмик, находившийся в центре указанной группы холмов (рис. 104).

Холмик оказался погребальным комплексом VII–VIII вв. При раскопках обнаружена плоская и невысокая площадка из сырцовых кирпичей (размером 48–44–42×24×8 см) с ямой посередине (рис. 104, I), на которую, вероятно на деревянный настил, возлагались трупы для отделения мяса от костей скелета. По краям площадки, вокруг ямы как центра, находилось 10 погребений костей в хулах, накрытых крышками или плоскими гальками (рис. 105, I; 106). Одно из этих погребений (детское) было совершено в круглодонном глиняном котле с украшением в виде двух ложных ручек из налепных рассеченных валиков. Два погребения костей (№ 3 и 12), очищенных от мягких покровов, были совершены в естественных ямках без всяких урн (рис. 105, I). При одном из них (№ 3), находившемся в узком коридоре неясного назначения (рис. 105, I), обнаружен кувшин с процарапанным после обжига, возможно даже прямо при погребении, равносторонним крестом с расширяющимися «лопастями» (рис. 105, II).

С юго-восточной стороны площадки обнаружена четырехугольная погребальная камера, сложенная на уровне поверхности земли из пахсовых блоков и имевшая, по-видимому, первоначально свод и вход с восточной стороны (где сохранилась низкая стенка), в которой оказалось восемь погребений очищенных человеческих костей (рис. 104, I, II; 105, I, II).

В северо-восточной стенке этой, очевидно, более поздней камеры был выявлен вход в овальный склеп с семью погребениями (рис. 104, I, II; 105, I), вход и свод склепа были выложены сырцовым кирпичом, а сам он оказался ниже поверхности земли. С юго-западной стороны площадки располагались погребения, произведенные по обряду трупоположения (при эпидемии?). Скелеты без вещей лежали на спине, в вытянутом положении, четверо головой на восток и два — на запад (рис. 105, I). Изучение сохранившихся черепов показало, что погребенные в этом холме, очевидно манихеи, относились к европеоидному антропологическому типу. Монетных находок на объекте III не обнаружено.

Манихейская принадлежность объекта, установленная сразу же после проведения работ, прежде всего основывалась на форме креста, нанесенного на погребальном сосуде (рис. 105, II). Такая форма креста несвойственна для несторианского христианства, широко распространившегося среди населения Семиречья уже с рубежа V и VI вв. Различия очевидны, поскольку наши раскопки выявили единовременные символы, бытовавшие в одном городе. Достаточно сравнить указанный крест-граффити с бронзовым нательным крестом VIII в., обнаруженным

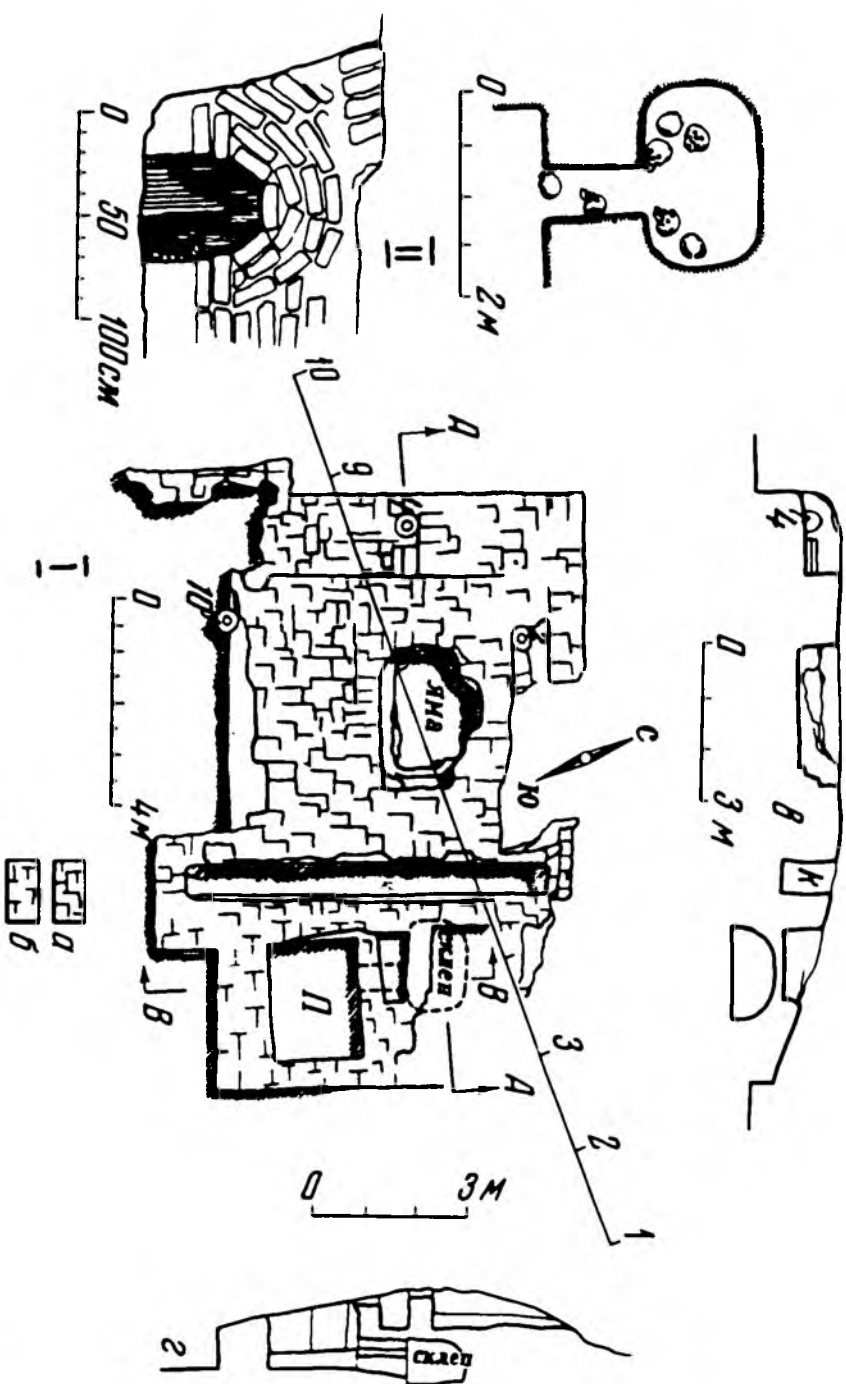

Рис. 104

Объект III. План и разрез потребления комплекса (I), вход в склеп и план склепа (II):

а — сшивающаяся сырцовая кладка, б — пахса, в — разрез по А-А, г — разрез по В-В.

2, 4, 10 — сосуды с костями, к — «коридор», П — погребальная камера

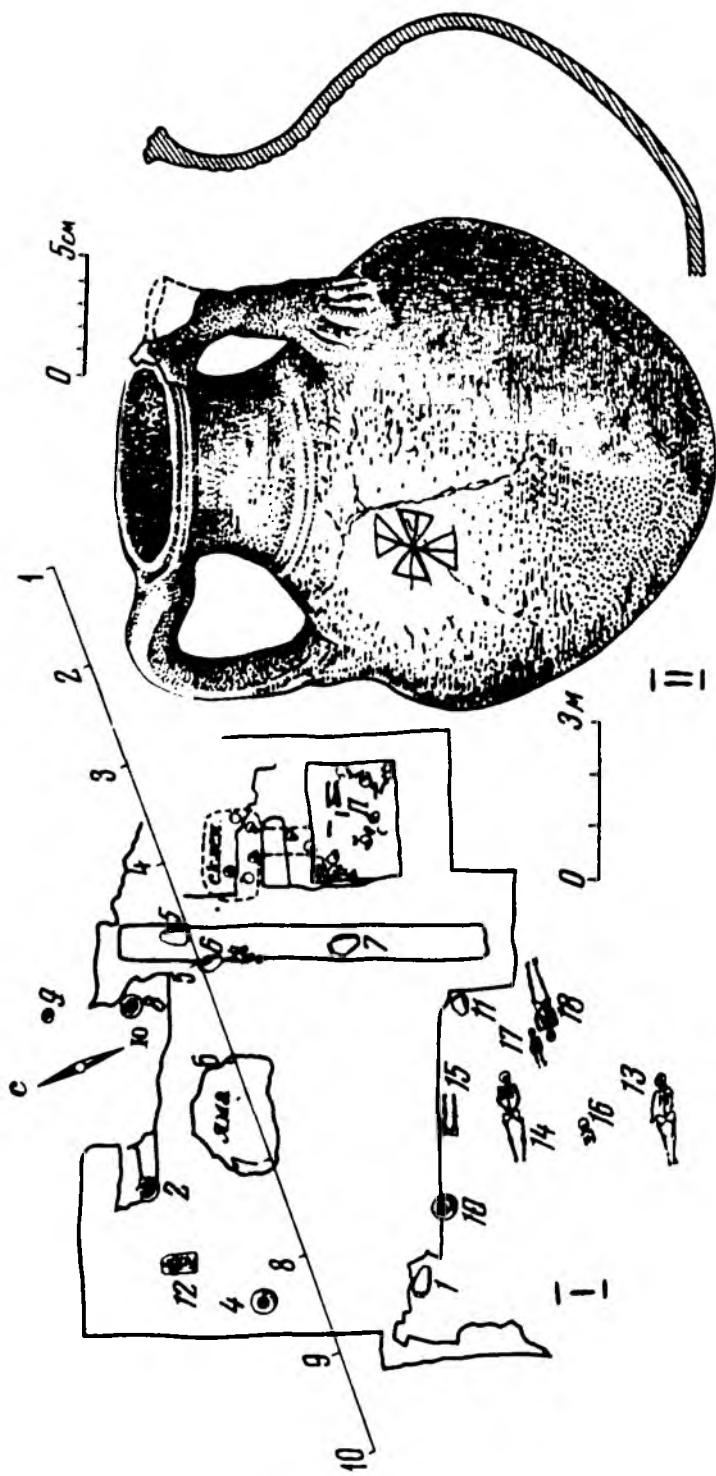

Рис. 105

Объект III. План сооружения с погребениями (I):

1, 2, 4-8, 10, 11 — погребения в хумах, 9 — погребение ребенка в круглодонном котле, 3, 12 — захоронение костей без урн, 13-18 — труположения, II — кувшин из погребения 3.

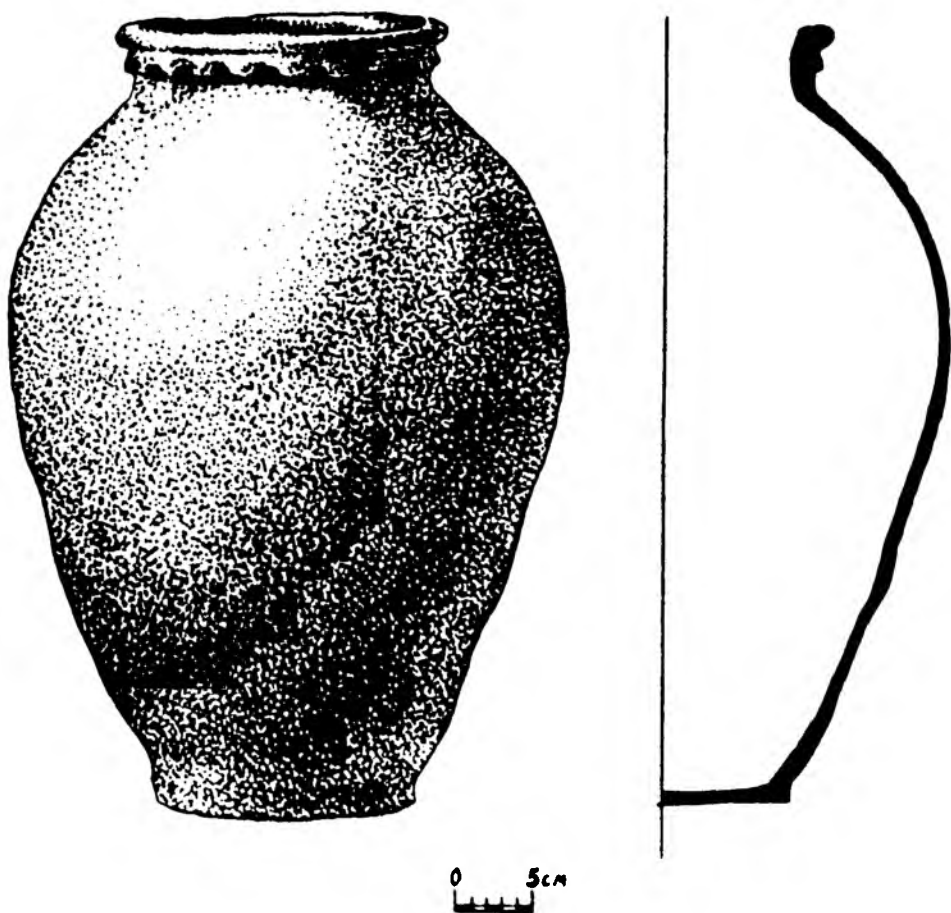

Рис. 106

Объект III. Образец хума, служившего погребальной урной

на груди одного из погребенных у христианской церкви Ак-Бешима (объект IV), чтобы понять, что кресты манихеев и христиан совершенно несхожи — несторианский крест имеет удлиненную ножку. Значимость подмеченного проступает при обращении к иным несторианским крестам VIII (стела из Сианьфу) и IX–X вв.¹⁸⁰, а затем к высеченным на кайраках уже XIII–XIV вв.¹⁸¹ — для них всех присуще удлиненное вертикальное основание. Следовательно, четырехконечный крест с расширяющимися или скругленными концами и длинным низом служит отличием несторианского христианства на всем протяжении его существования. Манихейский же крест равноконечный, расширяющийся на все стороны.

¹⁸⁰ Даркевич В. П., Маршак Б. Н. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // СА. 1974, № 2. С. 215, 221. Рис. 1 (слева).

¹⁸¹ См., например: Коковцов П. К. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья // Известия Имп. АН. Сер. VI. Т. VIII. СПб., 1909; Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе, 1987. С. 38–58. Табл. 1–14; Кольченко В. А. Периодизация распространения христианства в Средней Азии по данным археологии // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003.

Наш вывод о существовании у манихеев креста своеобразной формы со временем получил подтверждение. Так, подобный же произрастающий из цветка лотоса равноконечный крест воспроизведен на каменном манихейском надгробии из местечка Цюаньчжоу провинции Фуцзянь (Китай). Как образец манихейского креста он опубликован Ю.А. Зуевым¹⁸². К сожалению, только ошибочное восприятие равноконечных манихейских крестов (с характерными четырьмя расширениями) как несторианских не позволило исследователям правильно понять выбитые рядом с ними наскальные согдийские надписи, обнаруженные в верховьях Инда. Совсем не случайно здесь на каменных плоскостях «не было найдено ни одного христианского имени», зато оказалось высечено имя, которое можно «интерпретировать как манихейское (𐭥𐭮𐭥𐭥𐭥𐭥, означающее предположительно „слуга Книги“)). Закономерно и то, что другая «надпись № 4, состоящая только из одного слова, содержит несомненное манихейское имя — sr'wšrty'n — „милость (божества) Срошарта“. Срошарт — согдийское имя для „Столпа Славы“». Надпись № 2 оказалась датированной по принятой манихеями эре Йездигерда. Эта дата относится к IX в.¹⁸³

К тому же или близкому последующему времени относится манихейский крест из Киргизии, высеченный до текста на одном из валунов с эпитафией, выполненной таласским руническим письмом, — на так называемом десятом памятнике (Т 10)¹⁸⁴. Нельзя не сказать здесь, что этот памятник свидетельствует о несомненной связи таласского рунического письма с манихейской религией тюркоязычных народов раннего средневековья, как это установлено для других азиатских рунических писем — для орхонских рукописей Восточного Туркестана¹⁸⁵ и памятников енисейского письма Южной Сибири¹⁸⁶. Движение манихейства с Саяно-Алтая обратно на породивший его среднеазиатский запад, происходившее уже в тюркской «рунической» форме, отмечается не позднее IX–X вв.¹⁸⁷

Для нашего повествования важны и свидетельства письменных источников, каковым является «История» Феофилакта Симокатты, написанная в период между 628 и 638 гг., т.е. еще в доарабский период в истории Средней Азии¹⁸⁸. В ней, описывая военную поддержку, оказанную христианами-византийцами персидскому царю Хосрову во время нападения на Вавилонию «скифов» и парфян, автор сообщает: Хосров, «узнав, что некоторые из взятых в плен принадлежат к племени тюрков, он, прославляя мощь ромеев, отправил их к императору Маври-

¹⁸² Зуев Ю.А. Ранние тюрки. Рис. 2. С. 192.

¹⁸³ Симс-Вильямс Н. Путешественники в Тибет: согдийские надписи Лалака // ВДИ. 1995, № 1. С. 61–66. Фото на с. 62. Ср.: Klimkeit H.-J. Das Kreuzessymbol in der Zentralasiatischen Religionsbegegnung // Zeitschrift für Religion- und Geistesgeschichte. Т. 31. В., 1979. S. 99–115. Taf. 10.

¹⁸⁴ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. Фрунзе, 1963. С. 28–29. Рис. 13, 14; он же. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе, 1982. С. 15, 16. Табл. III. Рис. 1, 3; Батманов И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971. С. 22. Рис. 16, 17. Показательно, что наша оценка креста на памятнике Т 10 полностью совпадает с независимо сложившимся мнением Ю.А. Зуева (Ранние тюрки. С. 201).

¹⁸⁵ Габен А. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. М., 1986. С. 170, 171.

¹⁸⁶ Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии: История и культура. М., 2001.

¹⁸⁷ Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье) // КСИА. 2004, вып. 216; Кызласов И.Л. Таласские наскальные надписи // РА. 2005, № 2.

¹⁸⁸ Феофилакт Симокатта. История. Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957. С. 13, 20.

кию в качестве первых победных даров. 14. На лбу у этих пленников был вырезан знак страданий господних. У исповедующих христианскую религию он называется крестом. Император стал спрашивать у варваров, что означает этот знак. 15. Они ответили, что получили его от матерей: когда у живших на востоке разразилась сильная моровая язва, то по настойчивому совету некоторых из христиан они острием накололи на лбу мальчиков этот знак. Так как варвары не отвергли этого предложения, то те получили спасение от этого совета»¹⁸⁹. Едва ли, однако, тюрки, которые в VI–VII вв. были властителями всего правобережья Амударьи, а также земель целого Семиречья, тюрки, которые, как мы теперь знаем и по материалам из Ак-Бешима, по преимуществу являлись манихеями по вероисповеданию — эти тюрки могли наносить на лбы малолетних детей своих татуировку не в виде самых скромных, характерных для манихеев равноконечных крестиков.

Как известно, манихейская религия нередко почиталась «мировой ересью», а «христиане называли ее христианской ересью»¹⁹⁰. Синкретизм манихейства, действительно, заключался в том, что сам Мани воссоздавал изначальную истинную веру, возведенную божеством первому из людей, и все известные религии, по его мнению, содержали зерно истинной церкви. Очевидно, поэтому манихейство заявляет: «Глава церкви и ее небесный прообраз — Иисус-Сияние», а символом устанавливает равноконечный крест¹⁹¹.

О том, что манихей воспроизводили очертания равноконечного креста прямо на своем теле, известно и из других разновременных источников. Например, Гильом де Рубрук, совершивший путешествие из Палестины до столицы монголов в середине XIII в., города Каракорума на р. Орхоне, на своем пути неоднократно встречался с манихеями и посещал их кумирни¹⁹². Так, прибыв в Восточный Туркестан, в землю уйгуров-манихеев («югуров»), он в городе Кайлыке обнаружил три «кумирни»-храма, посвященных разным религиям. Как сообщает Рубрук, «в первой я нашел человека, имевшего у себя на руке крестик из чернил (очевидная татуировка. — Л.К.)... Поэтому я спросил у него: „Почему же вы не имеете здесь (в кумирне. — Л.К.) креста и изображения Иисуса Христа?“ Он ответил: „У нас это не в обычае“»¹⁹³. Значит, этот разговор произошел в манихейской, а не в христианской церкви.

Наше заключение о манихейской принадлежности объектов Ак-Бешима подтверждено ныне и данными письменных источников о существовании школы («сотни») молодых манихейских послушников непосредственно в городе Суябе, о чем упомянуто Ю.А. Зуевым¹⁹⁴.

Теперь, когда за пределами первоначального манихейства удастся выделить форму манихейского креста, быть может, пришло время обратиться и к былым сасанидским пределам и истокам этой религии. Некогда сотрудник Эрмитажа А.Я. Борисов определил как «сасанидско-христианскую» небольшую серию иранских резных

¹⁸⁹ Там же. С. 130, 131. См. также: Кызыласов Л. Р. Культурные взаимосвязи тюрков и иранцев.

¹⁹⁰ Ксфалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер., исслед., коммент., глоссарий и указ. Е. Б. Смагиной. М., 1998. С. 43–44.

¹⁹¹ Там же. С. 469, 471; см.: «Крест» — С. 485 (указатель).

¹⁹² Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 157, 171, 239, 260.

¹⁹³ Там же. С. 127.

¹⁹⁴ Зуев Ю. А. Ранние тюрки. С. 204, 206, 208, 209.

Рис. 107

Сасанидские резные камни (увеличены) с изображением несторианского креста (1)
и манихейских крестов (2, 3, 5, 7).

Последние сопровождают вполне зороастрийские сюжеты (4, 6).

По А.Я. Борисову

камней. В отличие от печати с несторианским крестом и пехлевийскими надписями¹⁹⁵ прочие камни несут несомненные зороастрийские культовые сюжеты: сцены заклания козла и поклонения огню, а также фигуру крылатого духа Сроша (Сероша). И при этом на всех них вырезаны маленькие равносторонние крестики (рис. 107, 2, 3, 5, 7). Именно они были восприняты исследователем как христианские показатели, как результат нейтрализации и переработки прежних ритуальных изображений в новом духе. Вместе с тем сюжет «перерабатывается столь поверхностно, что его зороастрийское происхождение продолжает оставаться вполне ясным» (рис. 107, 4, 6). На этом основании исследователем сделан вывод, что памятники «находятся в тесной связи с глиптикой зороастрийской и в основном являются изделием „зороастрийских мастеров“»¹⁹⁶. Ныне все эти наблюдения очень существенны для нас. В заключение статьи исследователь пишет: «Лишь глиптика „сасанидско-манихейская“, существование которой необходимо допустить а priori, остается до настоящего времени, насколько мне известно, совершенно неуловимой. Приходится предположить, что, так как манихей, теснимые зороастрийским духовенством, очень рано выселились из собственно иранских областей к восточным границам сасанидского государства и даже за его пределы, их глиптика входит в массу „восточноиранских“ камней, еще недостаточно изученных и обычно лишенных легенд».

Ныне мы вправе думать, что А.Я. Борисов как раз и оказался тем знатоком, который впервые выделил памятники не только сасанидско-христианской (отмеченной несторианским длинноконечным крестом — рис. 107, 1), но и — лишь предчувствуя открытие — сасанидско-манихейской глиптики (несущей равносторонний манихейский крест). Не предлагая точной датировки упомянутых резных камней, можно заметить, что они демонстрируют нам весьма раннее появление манихейской формы креста — еще в бытность манихеев в пределах Сасанидской державы до VI в. Именно манихейству, а не христианству всегда было свойственно рядиться в одеяния иных религий, что происходило уже изначально, в отмеченных А.Я. Борисовым условиях противоборства с государственным зороастризмом Сасанидов. Не может быть сомнений и в том, что форма манихейского креста возникла в результате раннего контакта манихейской церкви с восточным христианством (ср. манихейский крест с так называемым греческим крестом христианства).

Манихейское определение кладбища Ак-Бешима, раскопанного как объект III, укрепившееся со временем, позволяет и решительнее высказаться о сути тех погребальных обрядов, которые оказались с ним связаны. Уложенные в погребальные сосуды (хумы) или в оссуарии очищенные кости умерших оставались в глинобитных или сырцово-кирпичных склепах, сооруженных на поверхности земли. Так решается давняя загадка о среднеазиатских погребениях костей человека в хумах¹⁹⁷ — все они, несомненно, принадлежат манихеям, воспринявшим, подобно культовым сюжетам зороастрийской глиптики, предшествующие обрядовые установки древних иранцев. Манихейские усыпальницы, как их зороастрийские предшественницы, имели сырцовые *супурганы* и «башни молчания» для

¹⁹⁵ Борисов А.Я. Эпиграфические заметки // ТОВЭ. Т. I. Л., 1939. С. 235–240. Табл. VI, 1.

¹⁹⁶ Там же. С. 240–242. Табл. VI, 2, 3, 5, 7.

¹⁹⁷ Козенкова В.И. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии // СА. 1961, № 3. С. 251–260.

освобождения костей скелетов от греховной человеческой плоти, которая, вероятно, по требованиям манихейского канона не должна была осквернять собою священную сферу.

Все изложенное выше позволяет нам ныне иначе расценить и объект V, раскопанный на Ак-Бешиме, поскольку на его художественных круглых кирпичач оттиснут равносторонний манихейский крест, а погребения содержат очищенные кости расчлененных тел (рис. 114).

5. Христианская церковь и кладбище (объект IV)

Это холм, расположенный в северо-западной части рабада в 165 м к востоку от стен шахристана (рис. 44). Раскопан он был в 1954 г. и оказался христианской церковью VIII в.¹⁹⁸ с христианским кладбищем (рис. 108–110). Общая длина здания, вытянутого с запада на восток, 36 м, ширина до 15 м. С западной стороны находился большой открытый прямоугольный двор размером 27×12 м, со стенами из пахсовых блоков. Очевидно, первоначально вдоль стен двора имелись навесы, создававшие тень. С восточной стороны к двору примыкало центральное помещение церкви, в которую с запада, со двора, вел единственный вход (рис. 108; 110). Центральное помещение имело пахсовые стены и, по-видимому, было перекрыто ложным сводом из перемежающихся слоев пахсы и сырцового кирпича (рис. 109; 110). Осыпавшиеся мелкие куски алебастровой штукатурки хранили следы ярких красок от фресок, некогда украшавших стены. Центральное помещение церкви (его размер 5,3×4,8 м) имело крестовый план (так называемый вариант «с обнаженным крестом» — рис. 108; 110), находящий себе аналогии в планах крестовокупольных церквей VII–VIII вв. Малой Азии и Армении, восходящих к планам сирийских церквей еще IV–VI вв.¹⁹⁹

С южной стороны центрального помещения церкви находилось второе, обособленное прямоугольное помещение (4,5×2,25 м), быть может баптистерий, с особым входом с юга (рис. 108; 109, 1). В обоих помещениях церкви обнаружены разнообразные находки, в том числе тюркешские монеты и некоторое количество керамики.

Вокруг церкви, преимущественно под стенами, а также внутри двора обнаружены многочисленные христианские погребения, относящиеся к тому же времени (рис. 110). По устройству они разделяются на три типа: 1) яма, стенки

¹⁹⁸ За прошедшие годы мне известна только одна попытка иначе датировать эту церковь, предпринятая без всяких серьезных доводов (см.: *Высоцкий А. М.* Христианский памятник на городище Ак-Бешим: интерпретация, датировка, реконструкция // *Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов.* М., 1983. С. 25, 26). Специалистами, изучающими раннее средневековье Средней Азии, предложенная нами дата церкви принята (см., например: *Даркевич В. П., Маршак Б. И.* О так называемом сирийском блюде из Пермской области // *СА.* 1974, № 2. С. 219; *Семенов Г. Л.* Раскопки 1996–1998 гг. // *Суяб, Ак-Бешим.* СПб., 2002. С. 107).

¹⁹⁹ *Sirzygowski I.* Kleinasien. Ein Neuland der Kunstgeschichte. Lpz., 1903. S. 132 n.; *idem.* Die Entstehung der Kreuzkuppelkirche // *Zeitschrift für Geschichte der Architektur.* Heidelberg, 1919, VII. S. 51–77; ср.: *Брунн Н.* Очерки по истории архитектуры. Т. II. М. Л., 1935. С. 484–487; *Ярлос Ю. С.* Два памятника армянской архитектуры // *СИИТА.* 1947, вып. 8. С. 14. Рис. 11.

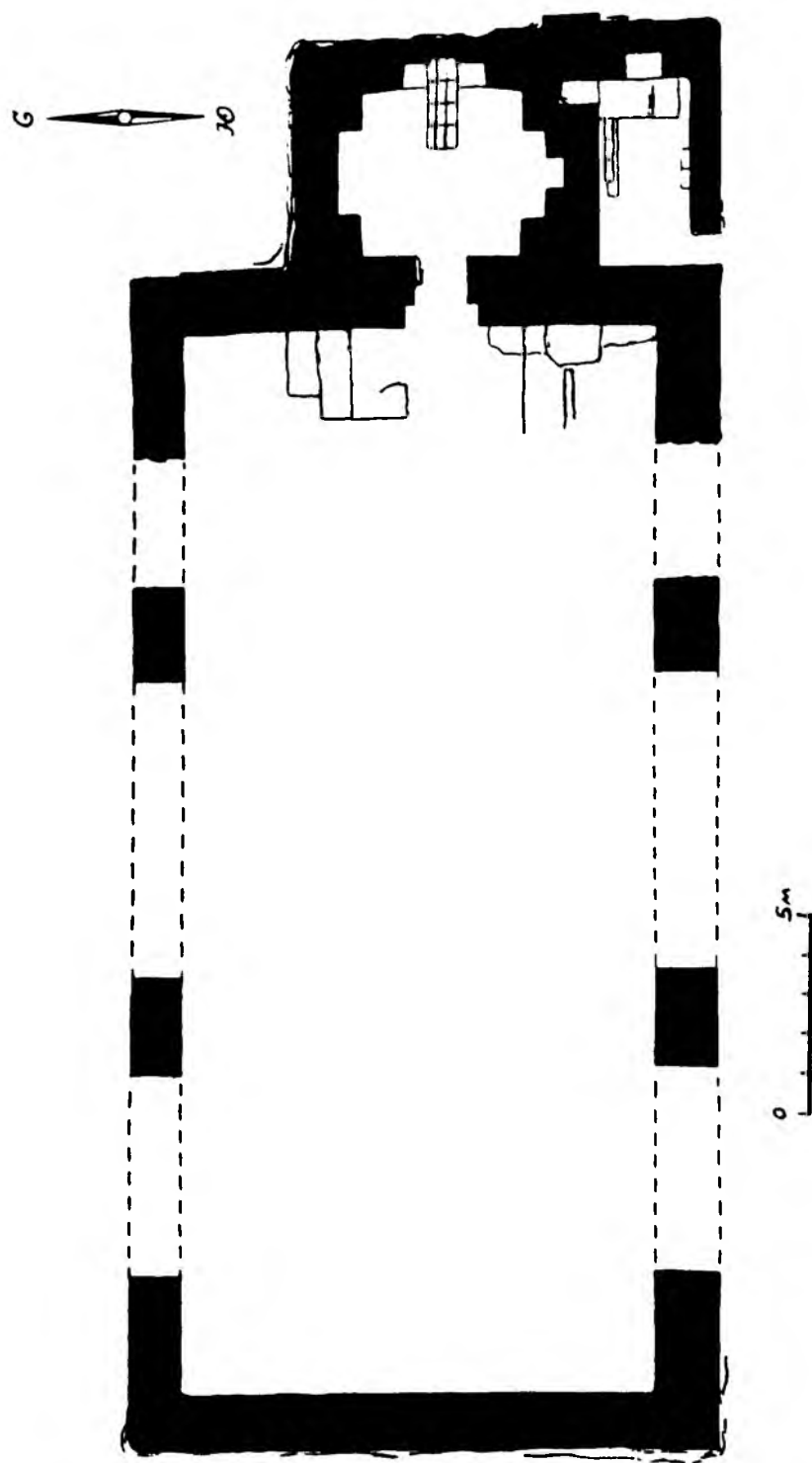

Рис. 108
 План христианской церкви (объект IV). VIII в.
 Пунктиром обозначены нераскопанные участки стен двора

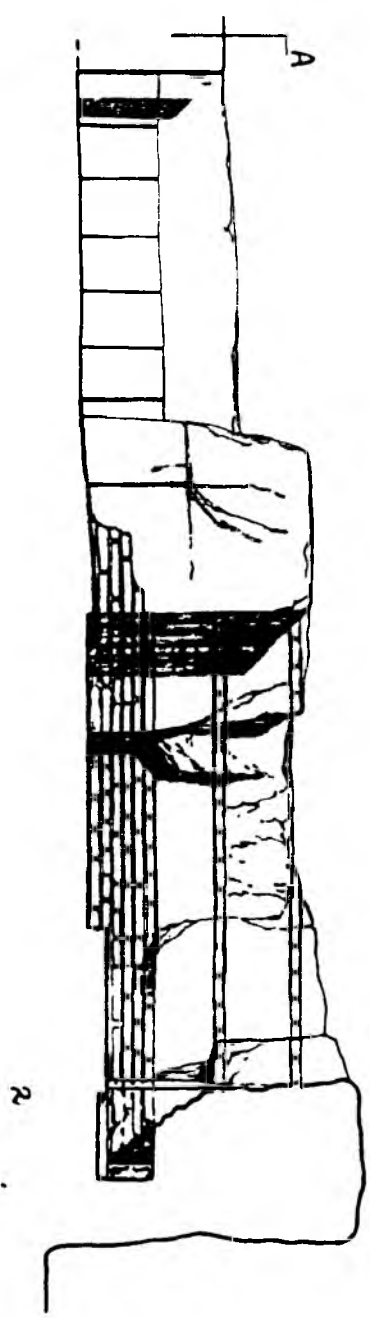
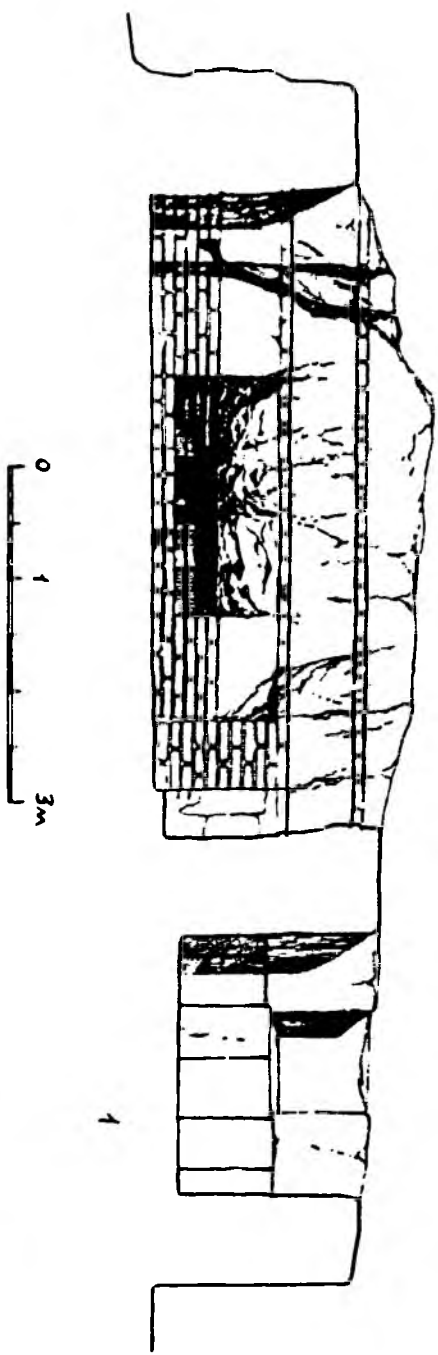

Рис. 109
Разрезы объекта IV:

- 1 — церкви и баптистерия с севера на юг;
- 2 — церкви и прилегающей ограды двора с запада на восток

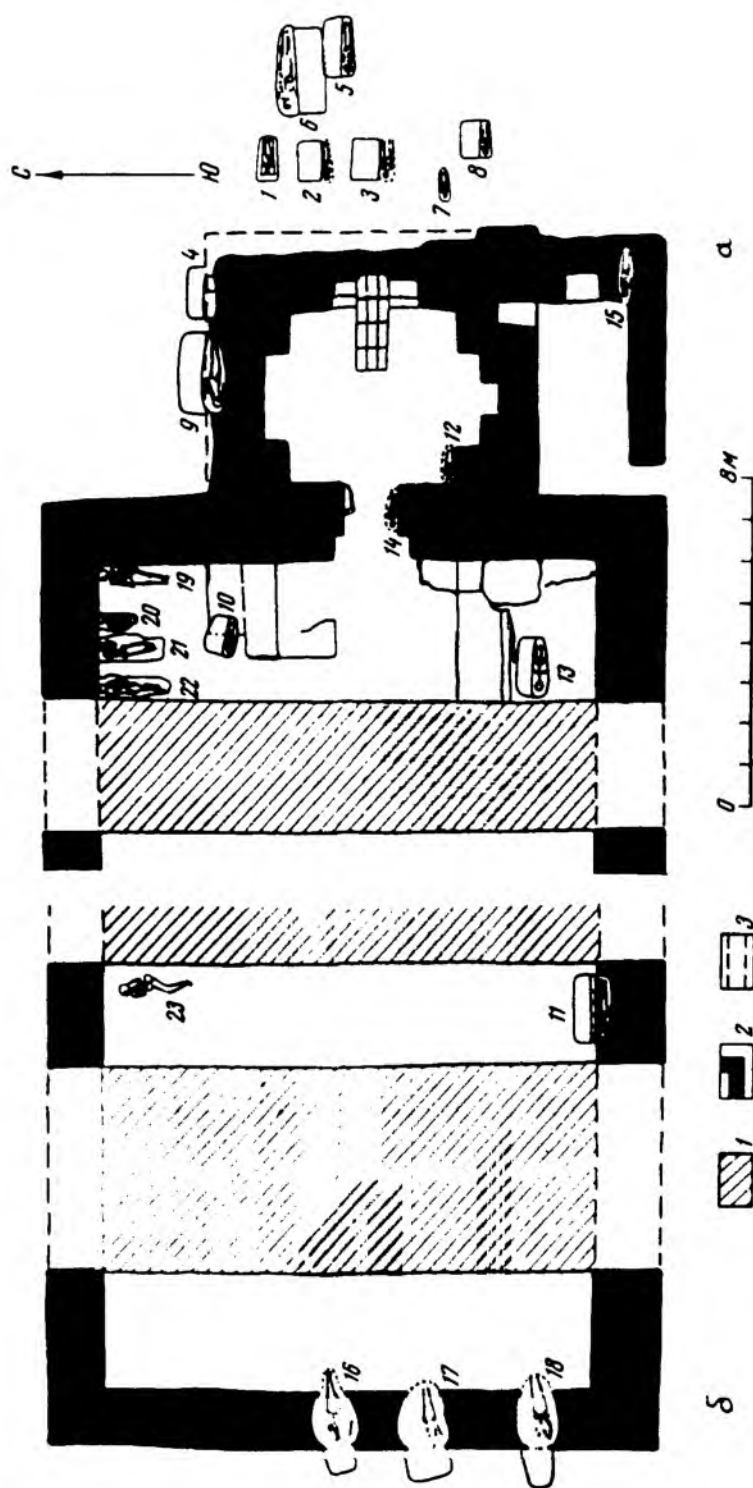

Рис. 110

Расположение погребений: а — восточная часть церкви, б — западная часть церкви.
 1 — нераскопанные участки двора, 2 — стены, 3 — нераскопанные части стен;
 1-18 — христианские могилы, 19-23 — поздние мусульманские впускные захоронения

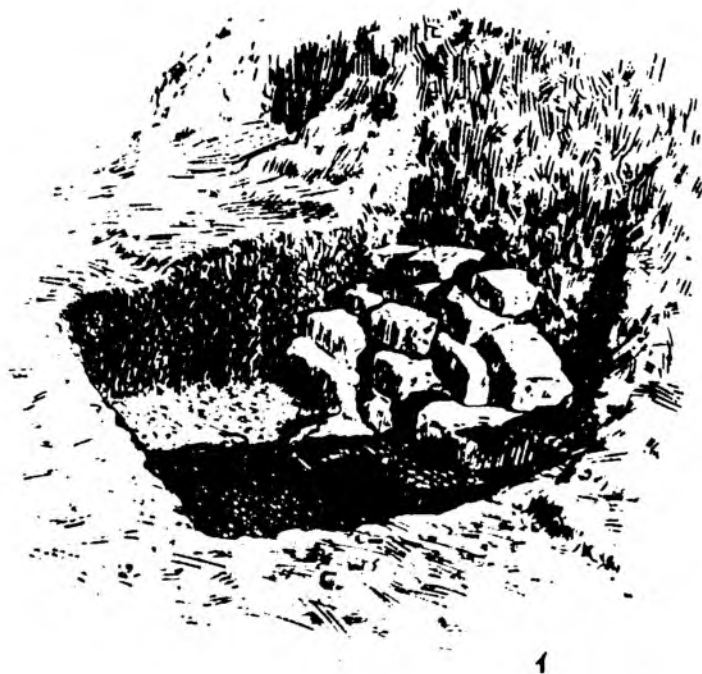

Рис. 111

Кирпичные заклады христианских могил, вырубленных в западной стене церкви.

1 — могила 17, 2 — могила 18

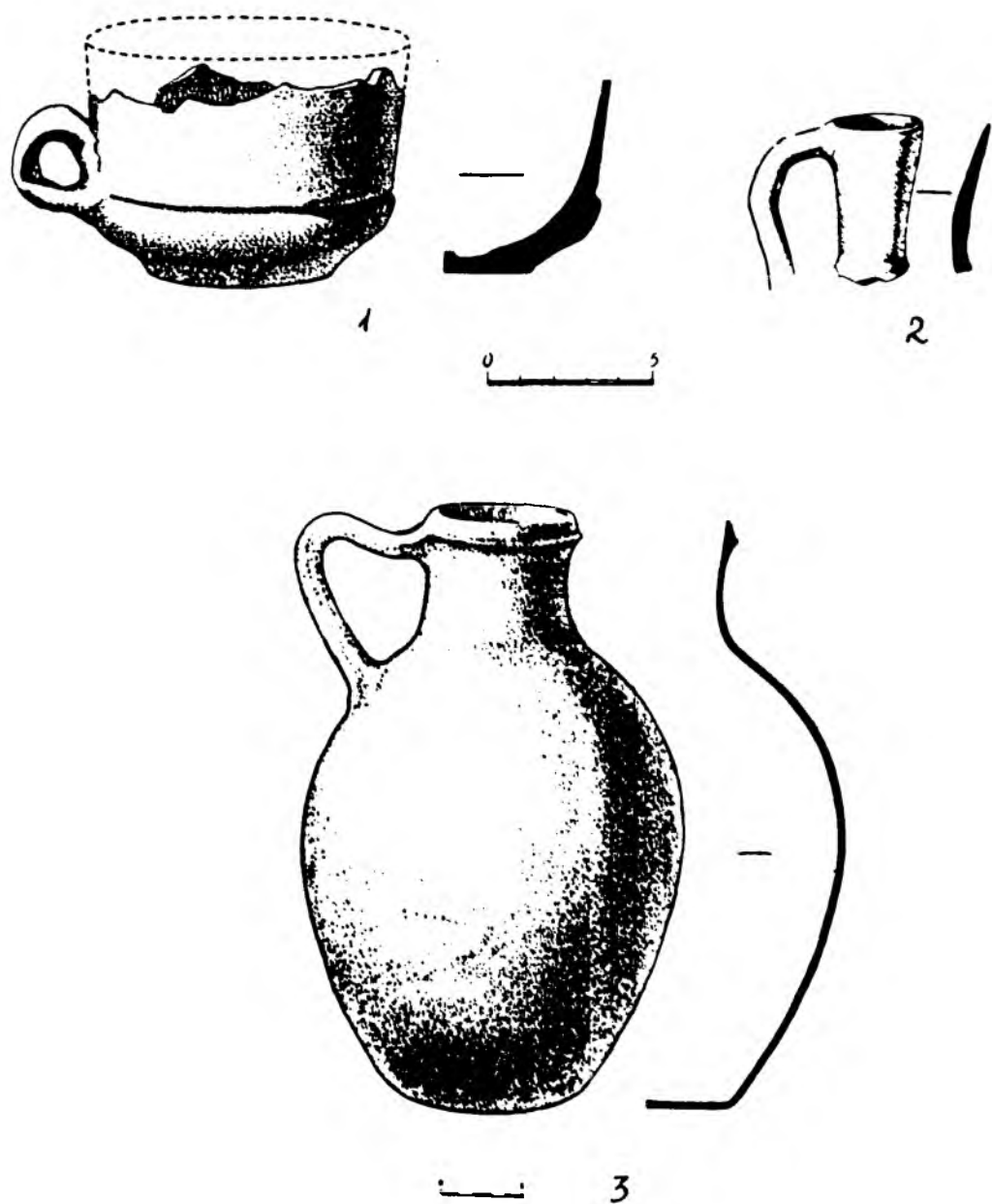

Рис. 112
Объект IV. Круговая посуда, использованная на поминках

Рис. 113

Объект IV. Керамическая кружка и скульптурное украшение ее ручки

которой обложены сырцовым кирпичом, а покрытие состоит из того же кирпича, составленного в виде двускатной крыши; 2) яма с подбоем с южной стороны; 3) небольшая яма с подбоем под стену церкви, расположенным к востоку от входной ямы так, что покойного в этот склеп приходилось вдвигать ногами вперед. Затем вход в подбой закладывался сырцовыми кирпичами (рис. 111). Во всех этих случаях скелеты лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад, преимущественно без вещей. В нескольких случаях при погребенных обнаружены: бронзовый нательный крест, нефритовые серьги в виде плоских колец, подвешенных к бронзовым проволочным колечкам, глазчатые стеклянные бусы, характерные для VII–VIII вв. Монет в погребениях не оказалось. Погребенные относятся к европеоидному антропологическому типу²⁰⁰.

При кладбище оказались остатки поминок: носик от узкогорлого кувшинчика с ручкой (рис. 112, 2), целый кувшин (рис. 112, 3) и два сосуда для питья с побитыми горлышками (рис. 112, 1; 113). Все сосуды сделаны на круге. На ручке одной кружки с фигурным поддоном был сделан налеп: лицо бородатого и усатого мужчины в мягкой шапочке с ушами (рис. 113). Очертание лица с раскосыми большими глазами и выразительные скулы изобличают ослабленную монголоидность — перед нами очевидная тюркская внешность.

Вдоль северной стены церковного двора в верхнем слое нами открыто еще пять впускных поздних мусульманских погребений. Все скелеты здесь лежат головой на север (рис. 110).

Описанные христианские памятники объекта IV, открытые Чуйским отрядом в 1954 г., до сих пор являются, насколько нам известно, древнейшими христианскими погребениями из числа известных на территории Средней Азии. Во всяком случае, в Чуйской долине до наших работ в науке были известны лишь два кладбища христиан-несториан XIII–XIV вв. с надгробными эпитафиями на сирийском, тюркском и армянском языках. Они открыты в 1885 г., одно — у современного г. Бишкек и второе — в 5 км на юго-восток от городища Ак-Бешим, близ Бурачинского городища.

Наше открытие хорошо подтверждает данные древних письменных источников о раннем проникновении христиан-сирийцев на территорию Средней Азии. В архитектуре церкви из Ак-Бешима наглядно отражен культурный синкретизм, выразившийся в сочетании сирийской крестово-купольной церкви со среднеазиатским открытым двором, имеющим айваны вдоль стен. Весьма вероятно, что истоки планировки позднейших мусульманских мечетей и мавзолеев, очень часто имевших в основе плана именно «обнаженный крест», точно такой же, как и описанной церкви VIII в., надо искать в христианской церковной архитектуре, занесенной сирийцами в Среднюю Азию задолго до появления на этой территории арабов, начиная уже с IV–V вв. Ведь общеизвестно, что арабы, вторгшись в Среднюю Азию, нередко превращали христианские церкви в мечети²⁰¹, не перестраивая их, и, следовательно, христианские архитектурные формы становились вполне привычными для мусульман, которые стали заимствовать их для своих культовых сооружений.

²⁰⁰ Изучение всех палеоантропологических материалов из раскопок 1953–1954 гг. производилось антропологом Н.Н. Миклашевской.

²⁰¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. СПб., 1900. С. 109; он же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 70.

6. Руины «башни молчания» VI–VII вв. (объект V)

«Башня молчания», предназначенная для освобождения трупов от плоти и освобождения костей для захоронений, была расположена к юго-востоку от стен шахристана, на территории городской округи, неподалеку от юго-западной длинной стены рабада²⁰² (рис. 44). Остатки башни до раскопок представляли собой округлый (диаметром 25–26 м) холм с пологими склонами и вспаханной поверхностью. Так как вся местность имеет общее понижение с юга на север, то высота холма над окружающей почвой неравномерна: с юга — 1,58 м, с севера — 2,2 м. Западная пола холма была срезана плугом в виде уступа на глубину 0,8 м (рис. 114).

Несмотря на плохую сохранность памятника, все же были предприняты его раскопки. Они были вызваны обнаруженными на этом холме тремя редкими по форме кирпичами-налепами из обожженной глины в виде кругов или низких цилиндров с глубоко оттиснутыми крестообразными углублениями, напоминающими очертания манихейского креста (рис. 115, 1)²⁰³.

От башни сохранилось очень немного. Раскопки вскрыли остатки некогда прямоугольного достаточно мощного пахсового стилобата размером около 15×10 м и до 2,5 м высотой (рис. 114). Первоначально стилобат имел большую площадь. Несмотря на тщательную расчистку его, нигде, к сожалению, не удалось обнаружить ненарушенных частей внешней поверхности стилобата, и поэтому мы ничего не можем сказать о том, как были оформлены наружные фасадные плоскости его стен. Верхняя, относительно гладкая и ровная поверхность стилобата после расчистки оказалась покрытой сложной сетью трещин, образовавшихся при высыхании толщи отдельных слоев пахсы.

Изучение стилобата показало, что он сооружен на материковом слое из мелкого галечника путем наращивания по всей поверхности нескольких слоев битой глины по вертикали. Разрез толщи стилобата выявил, что слои пахсы имели толщину 0,4 м (только один слой — 0,52 м); таких слоев было, очевидно, шесть. При этом не все слои имели четкие границы, обособляющие их друг от друга, так как плотная набивка глины приводила к их спайванию. Таким образом, была получена монолитная, чрезвычайно крепкая пахсовая площадка, на которой некогда была воздвигнута башня, вероятно имевшая вид замка, сложенного в основном из сырцовых кирпичей.

Мелкие обломки сырцовых кирпичей покрывали стилобат сверху и образовали мощные завалы по его сторонам, в результате чего памятник, как указывалось, имел до раскопок вид округлого холма. Многочисленность остатков сырцовых кирпичей²⁰⁴, количество которых, надо полагать, первоначально было значительно большим (необходимо принять в расчет уничтожение и растаскивание кирпичей

²⁰² В ранних публикациях объект воспринимался мною как остатки жилого замка (*Кызласов Л. Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953–1954 гг. // КСИЭ. 1957, XXVI; он же. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим; он же. Археологические исследования. Ныне проработка манихейских материалов выявила погребальное назначение этой башни.*

²⁰³ Ср.: *Тереножкин А. И.* Согд и Чач. С. 166. Рис. 72, 2.

²⁰⁴ К сожалению, из-за сильной раздробленности обнаруженных обломков сырцовых кирпичей установить их первоначальные размеры оказалось невозможным.

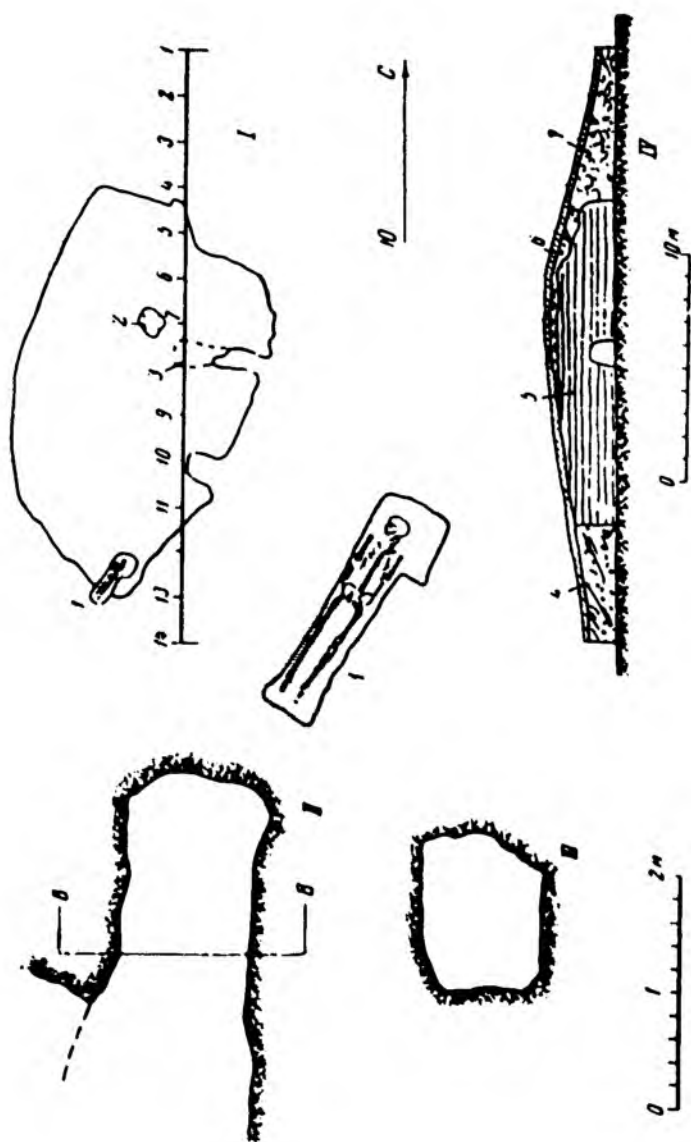

Рис. 114

Объект V. Остатки «башни молчания» VI-VII вв.:

I, IV — план и разрез, II, III — разрез склепа, I — погребение 1, 2 — яма с оссуарием,
3 — склеп, 4 — заплыв с сырцовой крошкой, 5 — пахса, 6 — пахотный слой,
7 — завал сырца с заплывом

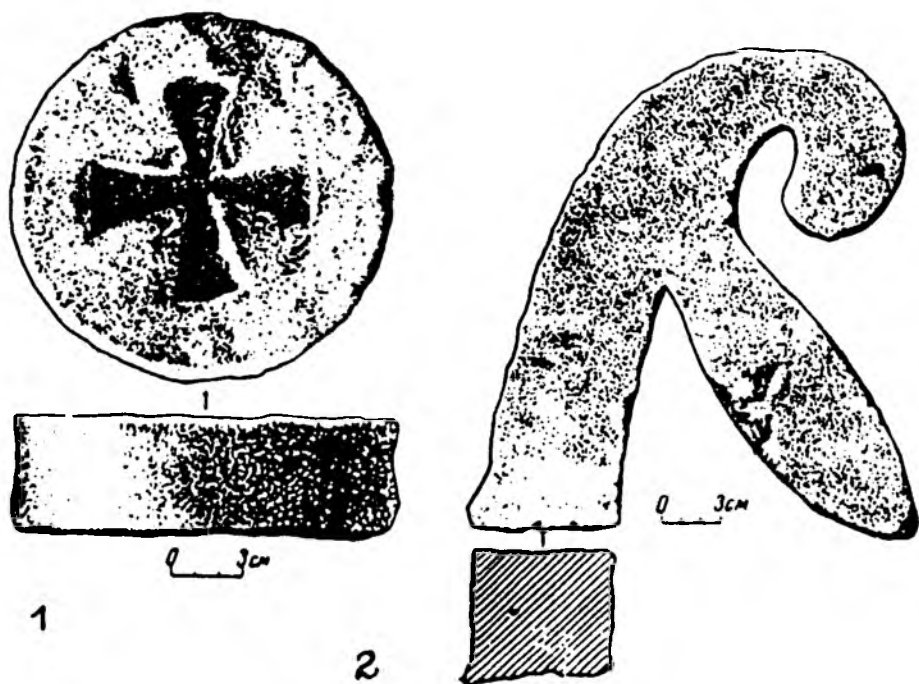

Рис. 115

Объект V. Круглый обожженный кирпич с крестовидным вдавлением (1)
и фигурный обожженный кирпич (2)

как в древности после разрушения замка, так и в позднее время, когда эта площадь стала объектом многолетней распашки), позволяет заключить, что воздвигнутая некогда на описанном стилобате башня была достаточно высокой и, по-видимому, внешне представляла собой двухэтажный замок, подобный изображенному на известном серебряном Аниковском блюде²⁰⁵, и по декорировке была близка замку Ак-Тепе близ Ташкента²⁰⁶.

О сходстве с указанными замками свидетельствуют и найденные на разных уровнях в сырцовом завале многочисленные обломки и целые экземпляры фигурных обожженных кирпичей. Фигурные кирпичи — трех многократно повторяющихся типов. Это, прежде всего, уже упомянутые круглые кирпичи-налепы с крестовидными углублениями в центре²⁰⁷. Диаметр их 15–16 см (чаще 16 см), толщина 5–7,5 см (чаще 6 см). Крестовидные вдавления заходят в толщу кирпича глубоко, но на разные уровни (от 2 до 4,5 см), и только в нескольких случаях в центре вмятин обнаружены круглые отверстия (диаметр — 8 мм), очевидно, предназначавшиеся для насаживания на деревянные штыри, втыкавшиеся в сырцовые стены. Второй тип — кирпичи в виде перевернутой

²⁰⁵ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935. Табл. 20; Воронина В. Л. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии // Новые исследования по истории архитектуры народов СССР // СИИТА. 1947, вып. 8. С. 42. Рис. 6.

²⁰⁶ Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.) // Тр. Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР. Материалы по археологии Узбекистана. Т. I. Таш., 1948.

²⁰⁷ Обнаружено свыше 27 экземпляров — целыми и в обломках.

Рис. 116

Объект V. Ступенчатый обожженный кирпич

буквы У (рис. 115, 2)²⁰⁸. Третий тип — зубчатые кирпичи (рис. 116)²⁰⁹, высота их 25 см, ширина внизу 22 см, обмер ножек снизу — 6,5×6,5 см; такие же размеры имеет в сечении и самый верхний зубец. Четвертым типом найденных здесь обожженных кирпичей являются простые прямоугольные кирпичи размером 34×17,5×4,5 (5) см или 34×16×3,5 см²¹⁰.

Все эти четыре типа обожженных кирпичей не являлись конструктивными строительными деталями, каковыми была пахса и сырец, а представляли лишь элементы внешнего декора фасада замка, располагаясь на вертикальных плоско-

²⁰⁸ Найдено (вместе с обломками) 13 экземпляров. Высота этой фигуры (при установке обеими ножками на плоскость) — 25–26 см, ширина основания — 23 см; размеры ножек в поперечном сечении: 7×6,4, 7×7, 6,5×6,5 см; толщина верхнего завитка 6 см.

²⁰⁹ Найдено (вместе с обломками) семь экземпляров.

²¹⁰ Обнаружено два целых кирпича и обломки от нескольких других экземпляров размером (без длины) 16×4,5, 15,5×3,5, 16×4 см. Среди них оказался обломок кирпича серого цвета с двумя оттисками прямоугольного сетчатого штампа на одной поверхности (длина оттиска — 16 см, наибольшая ширина — 4,5 см, но край по ширине оббит). Комплект из четырех типов декоративных кирпичей с объекта V передан автором на хранение в Отдел Востока Гос. Эрмитажа. Он выставлялся и в экспозиции этого музея.

стях сырцовых стен и фризах двух его этажей, очевидно, совершенно так же, как это изображено на известном рельефе Аниковского блюда.

Наши фигурные кирпичи всегда с одной стороны имели следы сырцовой массы, в которую они некогда были вмазаны, причем на боковых поверхностях их сохранился тонкий серый слой засохшего раствора. У трех типов фигурных кирпичей задние плоскости, предназначавшиеся для скрепления со стенами, даже не заглажены, а у круглых налепов сзади имеются крестовидные, ромбические или неправильные треугольные вмятины, способствовавшие их скреплению с сырцом.

Детальное описание согдийского замка VI–VII вв. на Аниковском блюде неоднократно публиковалось в исторической литературе. Отметим лишь то, что до наших раскопок не было замечено другими авторами: в набор его декоративных деталей из обожженной глины входили не только все три типа фигурных кирпичей, описанных выше, но и прямоугольные обожженные кирпичи, также найденные нами в развалинах ак-бешимской башни. Из них и состояли, очевидно, фризы первого и второго этажей замка — в виде поясов из наклонно установленных кирпичей под венчающими стены зубчатыми кирпичами.

Прямоугольные обожженные кирпичи тех же самых размеров, т.е. совершенно аналогичные обнаруженным среди остатков башни в Ак-Бешиме, оказались и в замке Ак-Тепе близ Ташкента (VI–VII вв.)²¹¹, где вместе с ними найдены три остальных типа фигурных кирпичей (зубчатые, круглые с крестовидным отверстием и У-образные)²¹². Те же три типа фигурных кирпичей были открыты еще в 1927 г. М.Е. Массоном при раскопках здания VI–VII вв. на шахристане древнего Тараза (г. Джамбул) в Южном Казахстане²¹³.

Все указанные архитектурные аналогии уже позволяют заключить, что раскопанный нами в Ак-Бешиме замок-башня был сооружен и действовал в V–VII вв. Однако имеются и другие факты для подкрепления и уточнения такой датировки. Это прежде всего стратиграфические данные. На самом холме были вскрыты впускные погребения, захоронение которых совершено уже после того, как замок был разрушен и превратился в холм.

Погребение № 1 — вытянутое труположение на спине, головой на северо-восток, без вещей. Яма располагалась в южной поле холма (рис. 114), причем она немного врезалась в пахсовый стилобат²¹⁴.

Если погребение № 1 (по поводу датировки которого можно сказать лишь, что оно относится ко времени после VIII в.) не способствует установлению времени разрушения замка, то большое значение для выяснения этого вопроса имеет впускное оссуарное погребение № 2, обнаруженное в северной половине холма. Здесь при расчистке пахотного слоя обнаружена подквадратная яма 0,95×0,9 м, впущенная в пахсовый стилобат так, что дно ее выявлено на глубине 0,9 м от верхней близлежащей точки холма (отметка 7). В яме оказались обломки оссуариев прямоугольной и овальной формы и человеческие кости плохой сохранности.

²¹¹ Тереножкин А.И. Холм Ак-тепе. С. 119.

²¹² Там же. Рис. 20, 22, 23; Тереножкин А.И. Согд и Чач. Рис. 69. Табл. XXI, 18, 19, 20 и рис. 71, 9; ср.: Воронина В.Л. К вопросу. Рис. 7 (размеры их близки нашим).

²¹³ Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Гумбаз Манаса. М., 1950; Сенингжа Т.Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VII–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. А.-А., 1968.

²¹⁴ По определению Н.Н. Миклашевской, это погребение старика 60–70 лет, сочетающего монголоидные и европеоидные черты, причем первые преобладают.

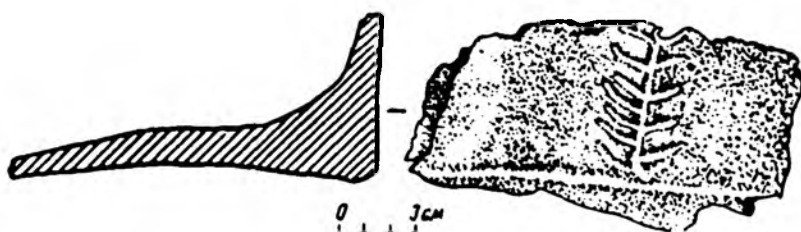

Рис. 117

Впускное погребение № 2. Обломок дна оссуария. Глина

Верхние части оссуария были извлечены тракторным плугом при пахоте, а нижние перемешаны. На одной из боковых стенок прямоугольного оссуария сохранилось изображение «деревца», прочерченное палочкой по сырой еще глине (рис. 117).

Аналогичные овальные оссуарии, также происходящие из впускных погребений, были обнаружены на городище еще при строительстве железной дороги Фрунзе–Рыбачье, которая прошла вдоль северной стены шахристана городища Ак-Бешим²¹⁵. Найдены они и в других пунктах Чуйской долины, в частности аналогичные оссуарии с древовидным орнаментом открыты Семиреченской экспедицией при раскопках кладбища во дворе усадьбы V–VII вв. на соседнем Краснореченском городище²¹⁶. А.Н. Бернштам относил и прямоугольные, и овальные оссуарии, найденные в Чуйской долине, к V–VII вв.²¹⁷, имея в виду, однако, что прямоугольные оссуарии должны предшествовать овальным²¹⁸. Он указывал при этом, что в так называемый карлукский период (VIII–X вв.) оссуариев уже нет, им на смену пришли погребения костей в хумах²¹⁹.

По мнению Б.Я. Ставиского, изучавшего оссуарный обряд погребений Средней Азии в связи с материалами из некрополя древнего Пенджикента, прямоугольные оссуарии Согда, Чача и Семиречья относятся к V–VI вв., а овальные — к VII — первой половине VIII в., но не позже²²⁰.

Учитывая обе изложенные выше точки зрения и тот очевидный факт, что господство карлуков в Северной Киргизии началось в 766 г., мы, очевидно, должны считать, что впускное оссуарное захоронение, обнаруженное нами, может датироваться не позднее первой половины VIII в., а разрушение башни-замка, видимо, относится к концу VII в., так как нужен был значительный срок, для того чтобы она превратилась в заброшенный холм, в котором позже стали совершать захоронения.

²¹⁵ Бернштам А.Н. Опыт классификации археологических находок // ТСАЭ. «Чуйская долина». М., 1950. (МИА, № 14). С. 110.

²¹⁶ Там же. С. 15, 28, 30–32, 73, 81 и табл. XIV, 1, 3, 4; ср. табл. 62, 1, 4, 5.

²¹⁷ Там же. С. 29, 36. Ср., однако, дату VI–VIII вв. в подписи к табл. 62 на с. 156. Первую находку прямоугольного оссуария в Чуйской долине см.: Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан. Табл. III.

²¹⁸ ТСАЭ. С. 31.

²¹⁹ Там же. С. 129, ср. с. 32, 33.

²²⁰ Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пенджикентский некрополь. М.–Л., 1953 (МИА, № 37). С. 95; Ставиский Б.Я. Пенджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII–VIII вв. Автореф. канд. дис. Л., 1954. С. 13.

Рис. 118

Объект V. Предметы, найденные при раскопках холма
(1, 2 — бронза, 3, 5 — железо, 4 — стекло)

Таким образом, и стратиграфические данные подтверждают дату существования башни (V–VII вв.), установленную первоначально с помощью архитектурных аналогий. Эта датировка подкрепляется и теми немногочисленными предметами, которые нами обнаружены при раскопках этого памятника.

В разных местах холма, в завалах, между обломками сырцовых кирпичей, найдено несколько предметов. Среди них — четыре железных: два обломка изогнутых пластин и два четырехгранных острия неясного назначения (рис. 118, 3, 5). Кроме того, обнаружены бочонковидная бусина из белой стекловидной пасты с зелеными разводами (рис. 118, 4), небольшой наременный наконечник из бронзы с двумя заклепками и обломанной задней пластинкой (рис. 118, 2) и бронзовая серьга с острым боковым выступом и колечком для привешивания подвески (рис. 118, 1). Последние две находки хорошо подтверждают установленную выше дату, так как они являются характерными предметами инвентаря тюркских могил VI — начала VII в. на Алтае²²¹.

Остается еще рассмотреть находки, обнаруженные нами в открытом здесь же своеобразном склепе. При расчистке пахсового стилобата с восточной стороны на уровне материкового галечника выявлен засыпанный ход, ведущий под толщу стилобата. После разборки завала оказалось, что это длинный минообразный прямой подбой, вытянутый с востока на запад (длина — около 4 м, ширина 0,7–1,2 м, высота до 1,2 м). Он был пробит в глинобитной массе стилобата, т.е. сооружен позднее окончания строительства самой башни (рис. 114, I–IV). Стены подбоя неровные, так как глинобитная масса выкалывалась целыми «блоками». Последнее свидетельствует, во-первых, о том, что стилобат к тому времени уже полностью высох, и, во-вторых, о том, что проходка подбоя осуществлялась не рубящим, а откалывающим орудием типа кайлы. Потолок подбоя значительно более ровный, чем его стены. Последнее обстоятельство объясняется тем, что

²²¹ Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // ТГИМ. 1941, вып. XVI. Рис. 17. Табл. III Б, подвески у пояса; ср.: Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-гас у села Копёны // ТГИМ. 1940, вып. XI. С. 33. Рис. 11.

Рис. 119

Обломки оссуариев из склепа:

1 — верхней части, 2 — стенки, 3 — угловой стенки. Глина

граница потолка в данном случае совпала с разграничением двух горизонтальных слоев пахсы стилобата, о которых говорилось выше.

Находки позволяют заключить, что подбой являлся своеобразным семейным склепом. В его засыпке на разных уровнях и в разных местах найдены разбросанные фрагменты трех овальных оссуариев и их крышек (рис. 119), мелкие части человеческих костей, два почти целых черепа²²² и части третьего, небольшой кувшинчик, черепки еще от трех сосудов, кусок крышки сосуда (рис. 120), два обломка железных изогнутых пластин и часть бронзового плоского кружка с отверстием в центре.

Склеп был разграблен и частично поврежден (обрушена часть потолка над входом), очевидно, сразу же после разрушения башни, так как в подбое, частью даже в западном его конце, найдены заброшенные туда фигурные декоративные кирпичи и их обломки: два целых круглых кирпича с крестами, два обломка кирпичей того же типа, целый зубчатый кирпич (рис. 116) и кусок ножки от другого зубчатого кирпича.

В то же время следует иметь в виду, что вход в склеп был возможен лишь до того, как здание превратилось в холм, ибо разрушение стен башни привело к нарастанию мощного завала сырцовых кирпичей над входом. Таким образом, оссуарные захоронения в склепе совершенно определенно относятся ко времени гораздо более раннему, чем верхнее, впускное в холм, погребение в оссуарии, т.е.

²²² Один из черепов определен Н.Н. Миклашевской как мужской, в возрасте 35–45 лет, смешанного типа.

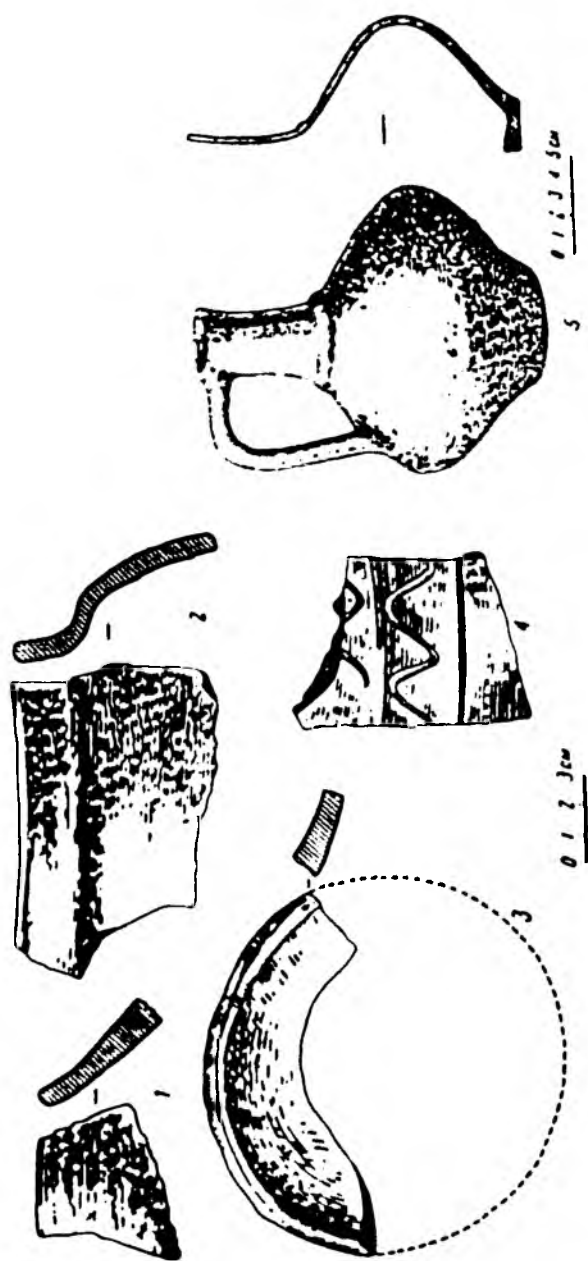

Рис. 120
Керамика из склепа

склеп, очевидно, был сооружен еще до разрушения здания, когда, видимо, по какой-то причине возникла необходимость в этой «домашней семейной усыпальнице»²²³.

Если считать, что разрушение башни относится ко второй половине или к концу VII в., когда был разграблен уже и склеп, то сооружение последнего можно отнести не к VI в., а к первой половине VII в. Такое определение времени сооружения склепа подтверждают и сделанные в нем находки, в первую очередь овальные оссуарии, относящиеся, судя по всем указанным выше обстоятельствам и стратиграфическим условиям, к первой половине VII в., что находится в соответствии и с общепринятой их датировкой. Оссуарии были овальными в плане с выпуклыми боками и со скошенными вовнутрь верхними краями, на которые опирались выпуклые крышки, прикрывавшие эти костехранилища²²⁴.

Высота боковых стенок 23–24 и 30 см. Один оссуарий украшен только наlepным валиком, надрезанным ножом на рельефные, прилегающие друг к другу пирамидки (рис. 119, 1), другой — имеет наlep из выступающих зубцов, под которым расположены резные треугольники, заключенные в пояски из параллельных линий и образующие, видимо, П-образную фигуру (рис. 119, 2). Наконец, у третьего оссуария от горизонтального ряда выступающих зубцов (с вырезанными треугольничками внутри них) отходит вниз наlepной валик с вмятинами на поверхности, а по обе стороны этого вертикального валика сохранились фрагменты двух звезд с вырезными лучами (рис. 119, 3), которых было, по-видимому, восемь.

Оссуарии с такими украшениями на территории Семиречья нам неизвестны. Наиболее близки нашим оссуариям некоторые костехранилища VII–VIII вв. из кладбища Пенджикента (Согд), среди которых имеются украшенные горизонтальными выступающими наleпами, разрезанными на зубцы²²⁵, а также нарезными восьмилучевыми звездами²²⁶. Обрамление стенок оссуариев выступающими зубчатыми лентами, очевидно, является признаком довольно ранней даты, ибо в Семиречье подобный орнамент встречен лишь на прямоугольном оссуарии V–VI вв., случайно найденном на р. Аламедина у г. Бишкек²²⁷, а в Согде они имеются на таких же по форме оссуариях из Биянаймана²²⁸. Таким образом, описанные оссуарии из Ак-Бешима являются наиболее ранними из овальных, т.е. относятся, вероятно, к первой половине VII в.²²⁹.

²²³ Аналогичное семейное кладбище во дворе замка V–VII вв. было обнаружено А.Н. Бернштамом на Краснореченском городище. См.: ТСАЭ. С. 15, 16, 30–32, 35, 36 и 73.

²²⁴ Сохранились лишь разрозненные обломки крышек (6) и боковинок (8) от трех оссуариев. Все оссуарии сделаны от руки, причем дно формовалось на подсыпке из песка, а стенки из широких лент (шириной до 4 см), наращиваемых по спирали друг на друга до шести раз. Обжиг хороший; глина в изломе красная с примесью мелкой гальки и песка. Поверхность покрыта белым или желтоватым ангобом. Крышки, судя по фрагментам, имели форму удлиненного овала, концы которого срезаны прямо (перпендикулярно продольной оси овала), причем у одного обломка заметен след прилива к ручке, хотя сами ручки не обнаружены.

²²⁵ Статский Б.Я., Бальшиков О.Г., Мончадская Е.А. Пенджикентский некрополь. С. 82. Рис. 15.

²²⁶ Там же. С. 75. Рис. 10.

²²⁷ Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан. Табл. III.

²²⁸ Борисов А.Я. Изображения на биянайманских оссуариях // ТОВЭ. Т. II. Л., 1940. С. 40. Табл. I и III.

²²⁹ Более поздними (вторая половина VII — начало VIII в.) являются оссуарии с древовидными изображениями, найденные на Краснореченском городище (см.: ТСАЭ. Табл. XIV, LXII) и в верхнем впускном погребении, описанном выше.

В раскопанном нами склепе при погребении, очевидно, были установлены сосуды с пищей и напитками. От них сохранились лишь отдельные разрозненные обломки и один целый, изготовленный на круге небольшой кувшинчик (рис. 120, 5). Примечательно, что сам подбор сосудов аналогичен составу сосудов, обнаруженных в наусах древнего Пенджикента²³⁰. Нами найдены сделанные на круге обломок венчика чаши (рис. 120, 1) и боковинка кувшинообразного сосуда с линейно-волнистым прочерченным орнаментом на поверхности (рис. 120, 4), фрагмент лепного котла с крутым плечиком (рис. 120, 2) и кусок выпукло-вогнутой крышки сосуда, сделанной на песчаной подсыпке (рис. 120, 3). Всё эти фрагменты находят себе прямые аналогии в согдийской керамике VI–VII вв. из Пенджикента и замка Ак-Тепе близ Ташкента²³¹. Исключением является узкогорлый кувшинчик, которому не удалось найти аналогий (рис. 120, 5)²³². Датируется он по всему комплексу VI–VII вв.

Исследованная нами башня сооружена в конце V — начале VI в. и относится к числу ранних архитектурных сооружений Чуйской долины, связанных с возникновением первых городов в этой части Семиречья. Строительная техника, декоративные кирпичи и наличие семейного склепа с погребениями в овальных оссуариях, характер керамики — все это позволяет заключить, что здание сооружено согдийцами, проникшими сюда из центральных областей Средней Азии в результате первой волны согдийской колонизации в Семиречье в V–VI вв.

Чрезвычайно важно при этом подчеркнуть, что переселение согдийцев происходило, очевидно, не столько с территории самого Согда (что, впрочем, полностью, отрицать нельзя), сколько из Чача (область современного Ташкента), культура которого в VI–VIII вв., как это доказано А.И. Тереножкиным, «развивается под прямым воздействием Согда и приобретает облик согдийской культуры»²³³. К этому выводу нас приводит факт отсутствия как в Согде, так и в остальных районах Средней Азии, а также в сопредельных с ней областях замков подобного типа с тем же *полным набором* фигурных кирпичей, которые обнаружены до сих пор только в Чаче (замок Ак-Тепе) и в Семиречье (Тараз, Суяб/Ак-Бешим). Наши новые материалы, таким образом, хорошо подтверждают справедливое заключение А.И. Тереножкина, указывавшего, что в этот период «мощная согдийская колонизационная струя *через Чач и Тараз* (курсив мой. — Л.К.)... глубоко проникает в Центральную Азию»²³⁴.

Этот вывод, как мы видим, безусловно верен для Чуйской долины и, во всяком случае, абсолютно точен для города Суяба, называемого ныне городищем Ак-Бешим, ибо кроме результатов исследования описанного выше замка это подтверждает и исследование нижнего строительного яруса шахристана этого городища, залегающего на глубине 7,5 м, где встречена керамика, во всем аналогич-

²³⁰ Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пенджикентский некрополь. С. 84

²³¹ Там же. С. 71. Рис. 5. Табл. IX, 4; Тереножкин А.И. Холм Ак-тепе. С. 116. Рис. 18 и 19, б. Все найденные нами обломки сосудов имеют желто-красный цвет глины в изломе (с примесью дресвы) и покрыты желтым ангобом.

²³² Поверхность его покрыта белым ангобом, горло хорошо заложено сверху вниз, цвет глины в изломе желто-красный, в глине имеется примесь серой дресвы, стенки его у дна подрезаны ножом.

²³³ Тереножкин А.И. Согд и Чач. С. 162. В Чаче в этот период чеканятся уже местные монеты с надписями на согдийском языке.

²³⁴ Там же. С. 161.

ная керамике Чача V–VI вв. Этим материалам мы намеревались посвятить особую статью²³⁵.

Наконец, в связи с нашими материалами следует остановиться еще на одном частном вопросе, а именно на вопросе о происхождении знаменитого Аниковского блюда, который по-разному решался разными исследователями. Теперь уже доказано, что этот замечательный памятник происходит не из сасанидского Ирана, как это считалось еще недавно²³⁶, а является среднеазиатским изделием²³⁷.

Вместе с тем оставалось неясным, в какой области Средней Азии работал тот безымянный торевт, который сделал Аниковское блюдо. А.И. Тереножкин и С.П. Толстов считали, что этот памятник создан в Хорезме²³⁸; другие исследователи, как, например, В.Л. Воронина, в связи с находками фигурных кирпичей в Ак-Тепе близ Ташкента, ставили под сомнение такое решение вопроса²³⁹, и, наконец, третья группа авторов (прежде всего М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова)²⁴⁰ считают блюдо произведением согдийской торевтики. Полное согласие исследователей относилось лишь к датировке этого памятника VI–VII вв., однако в дальнейшем это мнение было отвергнуто. В.П. Даркевич и Б.И. Маршак считают блюдо поздней отливкой, изготовленной в IX–X вв. по образцу VIII в.²⁴¹

Пятьдесят лет назад вопрос о месте изготовления блюда решался нами в первую очередь с помощью анализа архитектурных особенностей замка, изображенного на Аниковском блюде²⁴². Мнение автора с тех пор не изменилось, поскольку учитывались не отдельные элементы, а вся совокупность этих особенностей. Здесь недостаточно сослаться лишь на стилобат из пахсы и сооруженные на нем гофрированные стены, которые, как выясняется, присущи не только архитектуре раннесредневековых памятников Хорезма, но и Средней Азии в целом²⁴³. Нет оснований также приводить как довод венчающие стены замка зубчатые кирпичи, так как и они были широко распространены в VI–VII вв. не только во всей Средней Азии²⁴⁴, но и в архитектурных памятниках сопредельных стран, от саса-

²³⁵ Последующие исследования иной направленности не позволили, однако, завершить намеченное. Выделение функциональных категорий глиняной посуды выполнено в опубликованной дипломной работе активной и талантливой участницы нашей экспедиции — см.: *Распопова В.И.* Гончарные изделия Чуйской долины // ТККАЭ. Т. IV. 1960. С. 138–163. Созданная по материалам стратиграфического раскопа хронологическая керамическая шкала Ак-Бешима публикуется в виде таблиц выше, при описании объектов I и II (рис. 47, 48, 93).

²³⁶ *Орбели Н.А., Тревер К.В.* Сасанидский металл.

²³⁷ *Тревер К.В.* К вопросу о так называемых сасанидских памятниках // СА. XVI, 1952. С. 283. Новая точка зрения связывает изготовление блюда с христианизированными карлуками: *Даркевич В.П., Маршак Б.И.* О так называемом сирийском блюде.

²³⁸ *Тереножкин А.И.* К истории искусства Хорезма // Искусство. 1939, № 2. С. 121–126; *Толстов С.П.* Древний Хорезм. С. 198, 205.

²³⁹ *Воронина В.Л.* К вопросу. С. 42, 43.

²⁴⁰ *Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.* Гумбиз Манаса. С. 99. См. также: *Дьяконов М.М.* Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. С. 139.

²⁴¹ *Даркевич В.П., Маршак Б.И.* О так называемом сирийском блюде. С. 216–220; *Marschak B.I.* Silberschätze des Orients. Metallkunst des 13. Jah. und ihre Kontinuität. Lpz., 1986. S. 322; *Маршак Б.И.* Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. СПб., 1996. С. 10.

²⁴² *Кыласов Л.Р.* Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим. С. 160, 161.

²⁴³ *Воронина В.Л.* К вопросу. С. 43 и сл.

²⁴⁴ Для Согда это известно нам по изображениям стен с зубцами на росписях в Пенджикенте (Живопись Пянджикента. Табл. XIX–XX, XXIV) и по находке фигурного зубчатого кирпича в Самарканде. См.: *Тереножкин А.И.* Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда // ВДИ. 1947, № 4. С. 131.

нидских крепостных сооружений на западе²⁴⁵ до храмовых комплексов Восточного Туркестана на востоке²⁴⁶.

Как только мы зададим вопрос о том, где распространен тот комплекс архитектурных особенностей, который присущ изображенному на Аниковском блюде замку, так сразу же обнаружим четко ограниченную Чачско-Семиреченскую область (Ташкент, Джамбул, Токмак), имевшую тесные географические и исторические связи и входившую, кроме всего прочего, в VI–VII вв. в одно политическое объединение — в Западнотюркский каганат. Только в этой области уже в трех пунктах обнаружены остатки замков, давшие полный набор тех четырех типов обожженных декоративных кирпичей, которые так эффектно украшают фасад двухэтажной башни Аниковского блюда. Чачско-Семиреченская область, по-видимому, и является тем районом, где искусный местный согдийский²⁴⁷ тореут создал этот замечательный памятник²⁴⁸, позволивший нам спустя тринадцать столетий представить себе, какой была первоначально та башня, развалины которой нам довелось исследовать на одном из древних городищ Чуйской долины.

Разработки манихейской тематики, произведенные в последнее время в связи с осмыслением особенностей объекта III Ак-Бешима, приносят новое восприятие ряда характерных деталей объекта V. Оттиски манихейских по форме крестов на круглых кирпичах и использование стилобата для вторичных оссуарных захоронений позволяют ныне думать, что нами были изучены остатки не жилого замка, а специальной погребальной «башни молчания» V–VI вв., построенной согдийцами первой волны на берегу р. Чу еще до основания ими же города Суяба при их колонизации Семиречья через Чач и Тараз. Опорой предположению служит обоснованное в нашей литературе мнение о существовании в Средней Азии в древности особых погребальных башен²⁴⁹. Вероятно, их облик был близок к замковым строениям. Никто не может отрицать, что на обоих блюдах аниковского типа из Сибири изображены и явные трупы людей (лежащий у входа, а также повешенный через парапет вниз головой с безвольно опущенными руками).

Ныне, когда становится ясным, что Аниковское блюдо оказалось образцом довольно распространенного на востоке Средней Азии изделия (ср. изготовление его по оттиску оригинала и обнаружение в Приобье второго подобного экземпляра²⁵⁰), вполне очевидно, что изображенный на нем сюжет был широко востре-

²⁴⁵ Пахомов Е. А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье // Памятники истории материальной культуры. Л., 1933, № 9–10. Рис. на с. 45. В Иране зубчатые фигурные кирпичи известны уже в ахеменидский период, в Афганистане они встречены в храме II III вв. См.: Schlumberger D. Le temple de Surkh Kotal en Bactriane // JA. 1952, t. CCXI, № 4. P. 448.

²⁴⁶ Ср. изображения стен на росписях: Ольденбург С. Ф. Русская туркестанская экспедиция 1909–1910 г.

²⁴⁷ «Согдийский» потому, что, как уже говорилось выше, сооружались замки этого типа в Чачско-Семиреченской области VI–VII вв. местным, согдийским по языку, населением.

²⁴⁸ Б. И. Маршак, добавляя к сказанному детальный анализ технологии изготовления и декорировки Аниковского блюда, в указанных работах принимает наше определение и считает Семиречье местом его изготовления.

²⁴⁹ Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Башнеобразные хорезмийские оссуарии (К вопросу о домусульманских мавзолеях в Средней Азии) // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 147–156.

²⁵⁰ Маршак Б. И. Сокровища Приобья. С. 10; Гемуев И. Н. Еще одно серебряное блюдо из северного Приобья // ИСОАН. 1988, № 3, вып. 1. Автор настоящей книги дерзает предположить, что тюркязычные манихейцы Западной Сибири даже в XVI в. сооружали на своих кладбищах деревянные

бованным и манихейскими Сибири. О том же, пожалуй, может свидетельствовать и отмеченное специалистами соединение в нем стилистики самых разных культурных и идеологических центров: буддийских, христианских и, добавим, манихейских. Подобную историко-культурную широту могли иметь и возводимые в религиозно смешанном обществе Семиречья культовые башенные постройки, аналогичные той, остатки которой раскопаны нами на Ак-Бешиме.

7. Сакральное пространство города Суяба

Ни у меня самого в годы раскопок, ни у кого-либо из специалистов, за прошедшие полвека обращавшихся к исследованию городища Ак-Бешим и его разнообразных материалов, насколько я знаю, не возникло довольного ясного ныне — а в сущности, понятного еще по изданному общему плану 1953–1954 гг. (рис. 44) — обобщающего заключения о существовании в раннесредневековом Суябе четко выстроенного сакрального пространства, окружавшего густонаселенный шахристан. Именно это и побуждает меня теперь вновь обратиться к данным, полученным при работе в Киргизии.

Только наши археологические раскопки отчетливо выявили, что жители Суяба, одновременно обитавшие в тесных кварталах укрепленного стенами прямоугольного шахристана, подразделялись на общины сторонников трех мировых религий: буддизма, христианства и манихейства. Этот вывод был подкреплён последующими работами Л.П. Зяблина, в 1955–1958 гг. раскопавшего второй буддийский храм, и Г.Л. Семенова и киргизских коллег, в 1996–1998 гг. открывших еще один христианский церковный комплекс.

Эти известные ныне религиозные памятники отличались друг от друга не только характерными архитектурно-планировочными сакрализованными особенностями, но, как и связанные с ними кладбища, оказались очень четко разделены на местности. Выясняется, что каждой вере соответствовало свое обособленное пространство, занимавшее за пределами городского шахристана земли, расположенные по разным сторонам света.

Сакральное пространство буддистов Суяба простиралось снаружи вдоль южной крепостной стены шахристана. Именно там и были исследованы оба буддийских храма (I и II). Первый — наибольший храм-монастырь, находился близ юго-западного угла шахристана, второй располагался в 250 м к востоку от первого и в 100 м к югу от стены шахристана²⁵¹. Вдоль южной же стены шахристана в последующие годы были случайно найдены местными жителями упоминавшиеся обломки каменных стел с обрывками иероглифических поминальных и посвятительских текстов²⁵². Несомненно, на восток от храмов, к югу от шахристана, было потревожено средневековое буддийское кладбище.

двухэтажные «башни молчания». Именно они, очевидно, воспроизведены на рисунке С.У. Ремезова, изобразившего Бегишевское кладбище, на котором погребли прах Ермака (*Кызласов Л.Р.* Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи // ВМУ. Серия 8. История. 2005, № 2. С. 60. Рис. 2; см. так же: *он же*. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // ВМУ. Серия 8. История. 2006. № 2. С. 138–150).

²⁵¹ Зяблин Л.П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.

²⁵² Лубо-Лесниченко Е.И. Сведения китайских письменных источников о Суябе. С. 119–127.

Манихейское кладбище, исследованное нами в 1954 г. и содержавшее площадку-*супурган* и наземные склепы, а также захоронения костей в хумах и котлах, оказалось расположенным к *западу* от городских стен (объект III, рис. 44).

Христианская же церковь и ее кладбище, изучавшиеся в 1954 г., находились с противоположной стороны городских укреплений — в 165 м на *восток* от стены шахристана (рис. 44). Именно в восточной части центра Ак-Бешима неслучайно оказался и интереснейший второй церковный несторианский комплекс (объект VIII), к сожалению оставшийся недоисследованным за прошедшие годы и в результате утраченный для науки. Судя по публикации раскопанной части, это было редчайшее здание несторианского собора или даже монастыря, состоявшего, как минимум, из трех церквей²⁵³. Подобного памятника еще не было зарегистрировано и описано в истории религиозной архитектуры Востока.

К сожалению, остался неизученным участок земли, располагающийся к северу от шахристана Ак-Бешима, поскольку там давно проходит уничтожившее древности полотно железной дороги (рис. 44). Однако А.Н. Бернштам, побывавший в 1939–1940 гг. в Чуйской долине с разведкой, отметил, что «непосредственно у северной стены» Ак-Бешима при строительстве этой железной дороги было прорезано кладбище из плоских бугров, не имевших кладки. «На уровне дневной поверхности стояли оссуарии, иногда хумы с костями, т.е. костехранилища, связанные с зороастрийским культом»²⁵⁴. Полагаясь на данные археолога-предшественника, мы имеем основания заключить, что с *северной* стороны шахристана Суяба хоронили умерших представители зороастрийской религии, которая, как известно, являлась в те времена государственной идеологией сасанидского Ирана. Очевидно, в г. Суяб в ту пору проживали и купцы иранцы, берегающие свою веру.

Таким образом, городище Ак-Бешим в целом являет собою разительный пример откровенного «котланивания» мировых религий друг от друга, обнаруживая особые сакральные пространства каждой из конфессий, окружавшие крепостные стены жилого шахристана. Достаточно взглянуть на общий план расположения кладбищ и храмов (рис. 44), чтобы осознать, насколько ценным в те времена считалось обрядовое уединение членов любой из религиозных общин, проживавших в одном и том же городе.

Различия представлений адептов разных религий о потустороннем мире и о способах переселения в него душ умерших собратьев по вере, несомненно, являлись чрезвычайно своеобразными. Исключалась даже возможность увидеть с участка одной религии освященную землю другой конфессии. Особенно значимо, что такое планиграфическое разделение сохранялось вплоть до начала полного запустения городских кварталов к рубежу X–XI вв.

Впервые выявленное нами сакральное пространство Суяба и закономерности его членения отмечают не одну лишь культовую отчужденность мировых религий и их отчетливую привязанность к определенным сторонам света. Не менее показательно и явное размещение буддийских, манихейских, христианских и зороастрийских святилищ — четырех вероучений, пришедших на р. Чу, — за внешними пределами городского шахристана. Последнее обстоятельство, вероят-

²⁵³ Семенов Г.Л. Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб, Ак-Бешим. СПб., 2002. С. 44–114. Рис. 1–72.

²⁵⁴ Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА, № 14. М.–Л., 1950. С. 110.

но, указывает на то, что средневековая веротерпимость к разнородному населению города не распространялась на небесное покровительство обнесенного стеною самого городского центра — он оставался под покровительством иных, изначальных для него местных божеств. Учитывая намеченную выше историю возникновения Суяба, правомерно заключить, что до сих пор не подвергнутые археологическому исследованию напластования шахристана городища Ак-Бешим скрывают согдийские храмы V–VI и, вероятно, последующих веков. Материалы раскопок 1953–1954 гг., пожалуй, позволяют предугадать, каким божествам были посвящены эти внутригородские храмы. Согласно находкам своеобразных культовых блях (рис. 83; 84), можно ожидать, что святыми покровителями Суяба была божественная семейная пара, символом которой являлся двугорбый верблюд.

Еще 50 лет тому назад экспедицией МГУ было установлено, что на Ак-Бешиме «последние сооружения шахристана относятся к IX–X вв. и жизнь на шахристане, как и на объекте I, прекратилась в одно и то же время». Основной вывод был опубликован в заключении: «...город существовал между V и X вв., после чего, по ряду причин, жизнь в городских стенах и за его пределами замерла. В XI–XII вв., в караханидский период, город уже лежал в развалинах»²⁵⁵. Разумеется, последующие поколения людей периодически посещали оплывшие древние руины: в поверхностных слоях, как мы видели, встречаются караханидские монеты, обнаружен даже клад — кожаный мешочек с 76 монетами, выпущенными в середине и шестом десятилетии XI в. (см. Приложение)²⁵⁶.

Раскопки 1996–1998 гг. показали, что сакральное пространство Суяба в IX–X вв. с восточной, христианской стороны предприняло, если так можно сказать, активное наступление на собственно городские кварталы — новые христианские церкви были сооружены прямо на восточном краю городской застройки, поверх зданий предшествующего строительного горизонта. Это смещение сакрального пространства на город знаменовало начало его гибели. Буддистов и манихеев среди жителей, по-видимому, к тому времени уже не оставалось. В конце X в. и христиане-несториане покинули Суяб. Жизнь некогда цветущего города закончилась.

Таков пока единственный пример археологического изучения свободного пригородного пространства, когда отчетливо выявился его сугубо сакральный характер, присущий населению городов Средней Азии. Историк-археолог впервые получил возможность наглядно познать идеологическое противопоставление мировых религий при сосуществовании их в эпоху раннего тюрко-согдийского взаимодействия в VI–X вв.

* * *

В заключение отметим особое отношение местного киргизского населения левобережья р. Чу к возвышающемуся над долиной подчетыреугольному останцу древнего городища.

Издrevле киргизы называют его Ак-Бешим. Энциклопедический по своему охвату словарь профессора К.К. Юдахина позволяет, пожалуй, понять особый смысл этого имени. Согласно ему, *ак* имеет значение «истина, истинный» (даже

²⁵⁵ Кыласов Л.Р. Археологические исследования. С. 227, 235.

²⁵⁶ Давидович Е.А. Ак-Бешимский клад караханидских монет XI в. // ТККАЭ. Т. II. 1959. С. 242.

«бог»), а *бешим* — «полуденная молитва»²⁵⁷. То есть по-русски название руин будет означать «Истинная полуденная молитва», иными словами — «Полуденная молитва Истинному Богу». Из этого следует полагать, что киргизы считали городище священным местом — то ли в память о былых здешних храмах, то ли сами верша на руинах полуденные молитвы. Нам следует обратить внимание, что тот же словарь для слова «Бог» приводит киргизское «Кудай» и объясняет его как заимствование из иранского языка²⁵⁸. Термин этот домусульманский, манихейский. Он рано проник ко многим тюркоязычным народам и связан с распространением среди них еще в раннем средневековье манихейства²⁵⁹. Веру эту несли на восток и север проповедники — иранцы и согдийцы. Одним из религиозных центров, участвовавших в этом процессе, оказался, как мы теперь знаем, и согдийско-тюркский город Суяб.

²⁵⁷ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 37, 133.

²⁵⁸ Там же. С. 436, 437.

²⁵⁹ Кызласов Л. Р. Культурные взаимосвязи тюрков и иранцев в VI–XIII вв. (язык, письменность, религия) // ЭО. 2004, № 6. С. 3–13.

Приложение

Список монет по объектам Ак-Бешима*

№ п/п	№ по полевой описи	Дата по археологическим данным	Тип монеты	Примечание
<i>Объект I. Буддийский храм, 1953 г.</i>				
1	4	VII–VIII вв.	Круга тюргешских	В галерее на полу
2	5	VII–VIII вв.	Круга тюргешских	Там же (в трех фрагментах)
3	12	XI в.	Караханидская	Верхний слой
4	72	VII–VIII вв.	Круга тюргешских	В святилище у пола
5	87	VII–VIII вв.	Круга тюргешских (?)	Там же (во фрагментах)
6	103	XI в.	Караханидская	Верхний слой
7	117	VIII в.	Неопределенная	Во фрагментах, с квадратным отверстием
8	172	Не датируется	Неопределенная	Верхний слой
9	173	Не датируется	Караханидская	В трех фрагментах, в зале
10	176	VII–VIII вв.	Круга тюргешских	На полу в зале
11	257	VIII–IX вв.	Тюргешская	Фрагмент
12	258	VIII в.	Круга тюргешских	На полу в зале
13	276	Не датируется	Караханидская	Верхний слой
14	277	Не датируется	Круга тюргешских	Случайная находка
15	316	XI в.	Караханидская	Верхний слой
16–91	317–392	Вторая четверть и середина XI в.	Караханидские	Клад (76 экз.) из верхнего слоя
92	393	Не датируется	Круга тюргешских	Клад (76 экз.) из верхнего слоя
93	394	XI в.	Караханидская	Клад (76 экз.) из верхнего слоя
94	395	Не датируется	Караханидская	Клад (76 экз.) из верхнего слоя
95	418	VIII–IX вв. (?)	Неопределенная	Плохая сохранность, с квадратным отверстием
96	419	Не датируется	Круга тюргешских	В завале
97	420	Не датируется	Круга тюргешских	— " —
98	421	Не датируется	Круга тюргешских	— " —
99	422	VIII–IX вв.	Круга тюргешских	— " —
100	423	Не датируется	Неопределенная	Китайского образца
101	424	VIII–IX вв. (?)	Круга тюргешских	Два фрагмента

* Определение монетного материала дается по состоянию на 1958 г. Все монеты хранятся в Отделе нумизматики Гос. Эрмитажа. Определение монет произведено О.И. Смирновой, Б.И. Панкратовым и Е.А. Давидович.

№ п/п	№ по полевой описи	Дата по археологическим данным	Тип монеты	Примечание
102	425	VIII–IX вв. (?)	Круга тюрешских	
103	426	VIII–IX вв.	Неопределенная	Во фрагментах, китайского образца
104	427	VIII в.	Круга тюрешских	2/3 кружка монеты, в закладке арюи помещения IV
105	479	Не датируется	Круга тюрешских	В завале
106	503	VII–VIII вв.	Круга тюрешских	— " —
107	504	Не датируется	Караханидская	Верхний слой
108	534	Конец VII — начало VIII в.	Круга тюрешских	Под колонной в зале
109	538	Не датируется	Караханидская	Верхний слой
<i>Объект I. Буддийский храм, 1954 г.</i>				
110	1	VIII в.	Тюрешская	В завале
111	2	Не датируется	Неопределенная	— " —
112	3	VIII в.	Круга тюрешских	— " —
113	4	XI в.	Караханидская	Верхний слой
114	5	VIII–IX вв.	Круга тюрешских	— " —
115	6	VII–VIII вв.	Китайская монета (?)	Плохая сохранность
116	7	VII–VIII вв.	Круга тюрешских	В завале
117	8	VIII в.	Круга тюрешских	Фрагменты двух монет
118	9	VIII в.	Тюрешская	В завале
119	10	IX–X вв.	Тюрешская	— " —
120	11	VII–VIII вв.	Неопределенная	Китайского образца, без легенд, нижний слой двора
121	12	VIII–IX вв.	Тюрешская	В завале
122	13	VIII в.	Круга тюрешских	— " —
123	14	Не датируется	Караханидская	Верхний слой
124	15	VIII–IX вв.	Круга тюрешских	В завале
125	16	XI в.	Тюрешская	— " —
126	17	VIII–IX вв.	Неопределенная	Китайского образца
127	18	VIII в.	Круга тюрешских	В завале
128	19	VIII–IX вв.	Круга тюрешских	— " —
129	20	VIII–IX вв.	Круга тюрешских	— " —
130	21	XI в. (?)	Неопределенная	— " —
131	22	IX в.	Круга тюрешских	— " —
132	23	IX в.	Круга тюрешских	— " —
133	24	VII–VIII вв.	Круга тюрешских	— " —
134	25	VII–VIII вв.	Круга тюрешских	Из блока помещения III
135	26	Не датируется	Круга тюрешских	Сломана
136	27	IX в.	Круга тюрешских	В мелких обломках
137	28	VIII–IX вв.	Круга тюрешских	В завале
138	29	IX в.	Тюрешская	Фрагмент
139	83	VII–VIII вв.	Круга тюрешских	В мелких обломках
140	117	Не датируется	Неопределенная	Китайского образца
141	130	VII–VIII вв.	Круга тюрешских	Половина монеты из нижнего слоя двора

№ п/п	№ по полевой описи	Дата по археологическим данным	Тип монеты	Примечание
<i>Объект II. Стратиграфический раскоп 1 на шахристане, 1953 г.</i>				
142	1	IX–X вв.	Китайская монета династии Тан выпуска 769 г.	Да-ли юань-бао
143	2	Не датируется	Тюркешская	В завале
144	3	Не датируется	Тюркешская (?)	Во фрагментах
145	4	Не датируется	Неопределенная	Фрагмент
146	5	Не датируется	Неопределенная	В завале
147	6	Не датируется	Тюркешская	Во фрагментах
148	7	Не датируется	Караханидская	Верхний слой
149	8	Не датируется	Тюркешская	В завале
150	9	Не датируется	Неопределенная	Китайского образца
151	10	Не датируется	Неопределенная	Фрагмент
152	12	Не датируется	Неопределенная	Во фрагментах, китайского образца
153	13	Не датируется	Неопределенная	В завале
<i>Объект II. Раскоп 2 на шахристане, 1953 г.</i>				
154	11	IX–X вв.	Китайская монета династии Тан	Кай-юань тун-бао
<i>Объект II. Плато шахристана. Поднято на поверхности, 1953 г.</i>				
155	55	Не датируется	Тюркешская	В завале
156	56	Не датируется	Тюркешская (?)	Новый тип с четырьмя китайскими иероглифами на одной стороне и тюркешской легендой на обороте
<i>Объект II. Стратиграфический раскоп 1 на шахристане, 1954 г.</i>				
157	57	Не датируется	Тюркешская	В завале
158	58	Не датируется	Китайская монета династии Тан	Кай-юань тун-бао (618–626)
159	59	Не датируется	Тюркешская	В завале
160	60	Не датируется	Неопределенная	Китайского образца
161	61	Не датируется	Неопределенная	Китайского образца
162	62	Не датируется	Неопределенная	Китайского образца
163	63	Не датируется	Круга тюркешских	В завале
164	64	Не датируется	Неопределенная	Во фрагментах, китайского образца
165	65	Не датируется	Круга тюркешских	Во фрагментах, китайского образца

№ п/п	№ по полевой описи	Дата по археологическим данным	Тип монеты	Примечание
166	66	Не датируется	Неопределенная	Во фрагментах, китайского образца
167	67	Не датируется	Тюргешская	Во фрагментах, китайского образца
168	68	Не датируется	Круга тюргешских	Во фрагментах, китайского образца
169	69	Не датируется	Тюргешская	Во фрагментах, китайского образца
<i>Объект IV. Церковь. 1954 г.</i>				
170	1	VIII в.	Неопределенная	Китайского образца, без легенд
171	2	VIII в.	Тюргешская	В завале
172	3	VIII в.	Круга тюргешских	— " —
173	4	VIII в.	Тюргешская	— " —
174	5	VIII в.	Тюргешская	— " —
175	6	Не датируется	Китайская монета династии Тан	Верхний слой, цянь-юань чжун-бао (758–760)
176	7	VIII в.	Тюргешская	В завале
177	8	Не датируется	Неопределенная	Китайского образца

Эта книга озаглавлена правильно — тему давно следовало отчетливо обозначить в нашей науке. И исторической, и археологической. Но и раскрыть в полной мере столь значимую проблему истории в одном томе невозможно. В общие корочки не вошли даже города всех средневековых стран и народов, отысканные и изученные одним-единственным археологом. Нет здесь, например, результатов моих раскопок и осмысления городов Уйгурского каганата VIII–IX вв., Древнехакасского государства VIII–XII вв. и Монгольской империи XIII–XIV вв.

Однако построение книги и отбор материала для нее произведен осознанно. Намерения два.

В свое время, довольно давно, автор этих строк встретил в письменных источниках разных периодов постоянные упоминания городов, некогда существовавших в Сибири. И ясно понял, что мы знаем о них несравненно меньше путешественников и ученых далекого прошлого. Самолюбие природного сибиряка потребовало исправить несправедливое положение. Более прочих помочь этому могла археологическая наука. Следовало освоить ее поисковые методы, овладеть приемами раскопок, т.е. постигнуть закономерности превращения людских творений в косные объекты природы, усвоить механику отыскания места твоих объектов в культурном развитии человечества. И там, где недостает чего-либо из перечисленного, — создать новые, устремленные к цели способы исследования.

Построение этой книги воспроизводит порядок зарождения и формирования во мне профессионального сознания. Я очень надеюсь, что найдется читатель, который, воодушевившись фактами первой части этого издания, не только последовательно воспримет последующие его археологические главы, но и увидит в их развитии собственное предназначение. Пример же создания совершенно новой для тех лет раскопчной методики на буграх Ак-Бешима — одного из самых ранних моих городских объектов — зародит понимание главного в полевой работе: необходимости думать не только над результатами раскопок, но, прежде всего, на самом экспедиционном объекте.

Данные письменных источников о древних городах Сибири и основные итоги их рассмотрения начинают книгу и по иной причине. Накопление знаний о гигантском крае медленно происходило от начала европейской цивилизации. Его ход отражают особенности отечественной историографии. И не только ранней, но и нынешней. Грустно, но необходимо ясно осознать: ведь в наши дни все еще требуется проведение и издание специальных исследований, только закладывающих основы научного поиска, порождающих его первичные посылы и способных сотворить начальное — убедить современных исследователей в давнем существовании городов Северной Азии. Убедить в необходимости включения древностей этих земель не в перечень экзотических заповедников дикости, а в осознание общечеловеческих цивилизационных процессов. Вопреки многим новейшим изданиям история городской жизни Северной Азии начинается не с острогов XVII в. Письменные, археологические, языковые известия о ранних горо-

дах Западной и Восточной Сибири, Северного Казахстана и сопредельных стран следует искать и накапливать, ибо такая категория издавна существовала в культуре аборигенного населения.

Необходимо воспринять и другой, быть может, также огорчительный вывод начальной части книги. Европейская историческая и географическая наука — не первое, а наиболее позднее проявление исследовательской мысли, направленной на постижение цивилизации Северной Азии. В основах своего восприятия она в поднятой нами тематике пока отстаёт от иных центров знания, даже довольно давних. Скажем, от той же ранней арабо-иранской географической литературы, в отношении Северной Азии поныне предоставляющей нам не только конкретные свидетельства былого, но и пример более продуктивного отношения к постижению реалий до того неведомых пространств ойкумены.

Я отношу этот вывод к области нашего неискаженного самопознания. Воспринимаю его как новый и непреложный стимул для дальнейшего углубленного развития европейской мысли, окрепшей в ходе многовековой и напряженной умственной работы. Далеко уйдя вперед в средствах познания, европейская гуманитарная наука должна уйти и от изжитых подходов к области исследований. По вполне понятным причинам наибольшие надежды возлагаю в этом на отечественную науку.

Археология показала, что в культуре человечества мысленный образец закономерно предшествовал всякому сотворенному руками предмету — уже на стадии кремневого рубила. Проектная, изначально заданная, не повторяющая особенности естественного окружения протогородская форма поселений была свойственна Северной Азии уже в неолитическую эпоху. К конечной поре каменного века восходит здесь и археологически засвидетельствованная эволюция укрепленных поселений. Непрерывность их развития документирована строгой наукой о древностях для каждого последующего этапа местной истории, вплоть до появления русских упоминаний и описаний аборигенных сибирских городов и городков.

Известные укрепленные поселения оказались удивительно многообразными. Таежные, лесостепные и степные культуры Северной и Срединной Азии создали жилые крепости разных видов для крупных и мелких общин, замки богатых семейств и обособленные донжоны воинственных предводителей. Усложнение общественной жизни привело к формированию застенных городов — полнокровных административных, религиозных и производственных центров. Они резко ускорили ход общественного прогресса.

В глубокой древности повсюду, а в тайге долгие прочим, вплоть до прихода русских, жители протогородов были моноэтничны, а размещение укрепленных поселений конкретных видов отражало не только расселение, но и внутреннюю административную систему каждого народа.

В степной зоне к рубежу нашей эры, в гуннскую эпоху, мы встречаем уже явно другую картину. Здесь появляются города-крепости, создаваемые как средство хозяйственного освоения захваченных территорий. Тем самым города выступают строевым элементом стратегически осознанной государственной политики. Об этом говорят такие специализированные поселения колонистов, как Иволгинское городище и Дурёны. Были ли они моноэтничны? Ответ на этот вопрос принесут дальнейшие археологические работы. Ныне же они демонстрируют не только самобытность, но и единство гуннского градо- и домостроительства: выдержан-

ную ориентацию и планировку крепостей, нормированность их застройки, стандартизованность конструкции и интерьера жилищ. Все это должно занять свое место во всемирной истории монументальной архитектуры и градостроительства.

Крупные административные центры, вновь создаваемые в пределах растущей гуннской державы, были уже полиэтничны. Никаких сомнений в этом не оставляет науке исследование Ташебинского города. Пестрый состав его жителей включал даже подвластное новым правителям местное население. О том говорят изученные раскопками остатки не только характерного наземного домостроительства, но и бытовой и производственной утвари. Сам же Ташебинский дворец, возведенный в начале I в. до н.э., предстал перед нами удивительным по цельности соединением нескольких строительных и архитектурных традиций сразу: западно-, восточно- и центральноазиатских. Указать другой подобный пример творческого слияния столь разных по происхождению культурных достижений, к тому же произведенного их непосредственными носителями, весьма сложно. И в пределах, и за рамками той эпохи и столь обширной географической области, как Северная и Срединная Азия.

Полагаю, что читатель найдет аналогии в знакомом ему раннем культурном развитии Запада: городской жизни периода эллинизма и Римской империи. В обоих названных случаях причина интересующего нас творческого синкретизма считается вполне очевидной. Ее объясняют экономической и политической мощью, приведшей к сложению мировых, многонациональных империй. Я не нахожу причин отказывать в таком же объяснении и показанному в этой книге феномену городской жизни гуннского государства.

Более того, следует, пожалуй, сказать, что появление построек типа Ташебинского дворца вызвано только произошедшей сменой древних идеологических форм новыми. Сложением самой идеологии мировых держав, разрушающей племенные и национальные рамки. Этот новый для древней истории особый род государственных представлений при возникновении каждой империи уравнивал лишь ее новых разноязыких подданных, но следом приходила космополитичность власти и синкретизм официальной культуры. В рамках нашей темы показателем таких исторических перемен становятся многоплеменные города.

Дальнейший этап на пути закономерной интернационализации городской культуры выявили археологические раскопки Суяба (городища Ак-Бешим) — одного из крупных центров Великого Шелкового пути, соединявшего Азию с Европой. Столица Западнотюркского каганата объединила в городских пределах не только разноэтничное население, но и основные мировые религии эпохи. Она даже ввела их в свою по-особому выстроенную городскую структуру. Вокруг густонаселенного центра здесь сложилось особое сакральное пространство — единое для города в целом, но обособленное для каждой религии. Эта новая в градостроительной культуре черта выразилась в концентрации храмов и кладбищ каждой религии в определенной части Суяба, твердо увязанной с пространственной ориентацией. Зороастризм занял северную, буддизм — южную, христианство — восточную, а манихейство — западную окраину столицы каганата.

Такова историческая схема развития усложняющейся со временем городской культуры Северной и Срединной Азии, полученная средствами археологии в сочетании с письменными сведениями. От локальных общинных центров города здесь прошли большой путь до средоточия вселенской культуры.

Эта впервые созданная в нашей книге генерализованная линия единого процесса урбанизации охватывает огромную часть Евразийского континента. Она должна быть конкретизирована для отдельных эпох, земель и стран; должна быть детально сопоставлена с особенностями развития других частей цивилизованного мира. Так начатое трудное дело перерастет в коллективную работу.

Мои учителя были исследователями, а не последователями. И прежде всего поэтому много нового в науке после них было сделано нами самими. Теперь, уже на глазах, положение стало меняться. Остается надеяться, что оно изменится вновь. Придут новые кадры.

Ради того и написана эта книга — не итог, а устремленность многолетних исследований в будущее.

Список сокращений

АО	—	Археологические открытия. М.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВАУ	—	Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ВИ	—	Вопросы истории. М.
ВМУ	—	Вестник Московского университета
ГИМ	—	Государственный Исторический музей. М.
ГПИ	—	Государственный педагогический институт
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж. СПб.
ЗВОРАО	—	Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗОРСАРАО	—	Записки отделений Русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО	—	Записки Русского археологического общества. СПб.
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук. М.
ИАК	—	Известия археологической комиссии. СПб.
ИМКУ	—	История материальной культуры Узбекистана. Таш.
ИРГО	—	Императорское Русское географическое общество. СПб.
ИСОАН	—	Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск
ИЭ	—	Институт этнографии АН СССР. М.
ККМ	—	Красноярский краевой музей
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. М., Л.
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., М.–Л.
КСИНА	—	Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
ЛЮИИ	—	Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МАИКЦА	—	Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. М.
МАР	—	Материалы по археологии России. СПб.
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии ИЭ АН СССР. СПб.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИКК	—	Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.
ММ	—	Минусинский музей
ПИДО	—	Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей. М., Л.
РА	—	Российская археология. М.
РГО	—	Русское географическое общество. СПб., Л.
СА	—	Советская археология. М.
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
СИИТА	—	Сообщения Института истории и теории архитектуры. М.
СО АН СССР	—	Сибирское отделение Академии наук СССР. Новосибирск
СТ	—	Советская тюркология. М.
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТГИМ	—	Труды Государственного Исторического музея. М.

ТТУ	—	Томский государственный университет
ТККАЭ	—	Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР. М.
ТОВЭ	—	Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Л.
ТСАЭ	—	Труды Семиреченской археологической экспедиции. Л.
ТППИ	—	Труды Томского государственного педагогического института
ХКМ	—	Хакасский краеведческий музей. Абакан
ХНИИЯЛИ	—	Хакасский научно-исследовательский институт. Абакан
ЦГАДА	—	Центральный государственный архив древних актов. М.
ЭО	—	Этнографическое обозрение. М.
ASH	—	Akademiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
JA	—	Journal Asiatique. P.
JRAS	—	Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
JSFO	—	Journal de la Société Finno-ougrienne. Helsinki

L.R. Kyzlasov

The Urban Civilization of Innermost and North Asia: Historical and Archaeological Research

This book is a jubilee volume compiled, after the 80th anniversary of the author, from his works—both old, that were specially edited for it, and newly written ones. It fills a major gap in Oriental studies by clearly delineating the subject upon which the author has been working (practically single-handed) for years: the issue of the emergence and early stages of the urban civilization of the pre-Russian Siberia and adjacent areas of Innermost Asia. The work studies historical and archaeological evidence of that process.

In his time, the writer of these lines came across frequent references in written records of various periods to cities that once existed in Siberia. It struck him quite definitely that our knowledge of them is immeasurably scantier than that possessed by travelers and scholars of the distant past. This unfortunate situation could be improved primarily by the science of archaeology. Thereby the composition of the two parts comprising the book (historical and archaeological) is arranged according to the chronological order in which the author had been familiarizing himself with the subject.

There is also another reason for opening the book with a discussion of written sources on the ancient Siberian cities and with a presentation of the main conclusions drawn from them. The slow accumulation of information on the vast area in question started from the beginnings of the European civilization (Part 1, Chapters 2–4). The specifics of Russian historiography reflect its course. This applies to early and contemporary historiography alike, because even now special studies merely begin to lay down a basis for real research: we still have to convince modern researchers that the ancient cities of North Asia actually existed, and that the antiquity of that area ought to be incorporated into our understanding of universal civilizational processes, not into some list of exotic savagery preserves. Contrary to many recent publications, the history of urban life in Northern Asia does not begin with the Russian *ostrogs* (forts) of the 17th century. Written records, archaeological and linguistic evidence bearing on early cities of West and East Siberia, of North Kazakhstan and adjacent areas (Part 1, Chapter 4) are to be sought out and accumulated, since sources of this kind have long existed in the culture of aboriginal population.

Another conclusion of the book's opening part is that Western historical and geographical science is not the first, but simply the latest manifestation of research thought directed at comprehending the civilization of North Asia. European perception of the book's subject still falls behind other centers of knowledge, including some quite old ones. For instance, Western tradition is inferior in this respect to early Arabo-Iranian geographical literature (Part 1, Chapter 2), which to this day presents most valid concrete evidence of the past of North Asia; moreover, it furnishes an example of a more

productive attitude to the study of phenomena of previously unknown reaches of the inhabited world.

As demonstrated by archeology, the mental "blueprint" of an artifact necessarily tended to precede its actual physical emergence in human culture. The originally preset proto-urban form of settlements—which was defined by a well-established project rather than by the peculiarities of local terrain—was typical of North Asia as early as in neolithic times (Part 2, Chapter 1). The archaeologically attested evolution of fortified settlements goes back to the final stages of the stone age here. The uninterrupted nature of their development is documented by the strict "science of antiquities" for each subsequent phase of local history, up to the point when Russian references to and descriptions of aboriginal Siberian cities and towns started to appear.

The known fortified settlements proved strikingly diverse. Cultures of the taiga (subarctic evergreen forests), partially wooded steppe and steppe zones of North and Innermost Asia produced various types of forts and fortified settlements that housed large and small communities, castles of rich clans, self-contained keeps of warlords. Evolution of social life has led to the emergence of walled cities—full-fledged administrative, religious and production centers. They, in turn, rapidly accelerated the rate of social progress.

In distant past, the populations of proto-cities were monoethnic everywhere—a state that was especially long-lasting in the taiga, where it was attested by Russian newcomers. The placement of fortified settlements used to reflect not only the distribution of population but also the inner administrative system of each ethnic group.

By the beginning of the Christian era, the steppe zone of the Hun epoch obviously shows a different picture (Part 2, Chapter 2). Urban strongholds emerge here as a means of economic development of newly conquered lands. Thereby these fortified cities perform the function of a key element in conscious strategic policy of the state. This is attested by such specialized settlements of ancient colonizers as the Ivolga and Durenly sites. Were they monoethnic? The answer to this question might be furnished by further archaeological research. As of now, archaeology demonstrates both originality and uniformity of the Hun building practices as regards cities and individual edifices: the strictly observed orientation and planning of citadels, the established order of erecting buildings within them, the standardization of construction and interior of domiciles. All this must occupy a fitting place in the universal history of monumental and urban architecture.

As for large administrative centers that were built from scratch as outposts of the expanding Hun empire, they were multiethnic. Research of the Tasheba site leaves no room for doubt in that regard (Part 2, Chapter 3). The motley composition of its denizens included even natives subjugated by the new rulers. This finds proof not only in the remains of specifically local domiciles but also in the utensils of daily life and tools of production excavated there. The Tasheba palace itself, which was erected in the early 1st century B.C., appeared before us as an amazingly congruous amalgam of several architectural traditions of West, East and Innermost Asia. Pointing out another similar example of a creative blend of so widely different cultural achievements of various origin (the blend that, moreover, was produced by the actual originators of all those traditions) is not an easy task. This task would remain difficult both within the epoch and the vast region in question (North and Innermost Asia) and beyond their limits.

I suppose that the reader might find analogies in the more familiar cultural development of the early West: the urban life of the Hellenistic Age and the Roman Empire. In both above cases, the reason of the creative syncretism, which interests us here, is thought to be quite obvious. It is attributed to the economic and political power that lead to the shaping of multiethnic world empires. The author sees no reason to refrain from the same explanation with regard to the phenomenon of urban life in the Hun empire demonstrated in the present book.

Furthermore, it would be appropriate to add that the emergence of such edifices as the Tasheba palace was brought about by new ideological forms supplanting the old ones. I mean the formation of ideological systems proper to world empires that transcend and destroy tribal and ethnic limits. At the emergence of each regional power, this kind of imperial notions that was new to the ancient history equalized at first only the new multilingual subjects; the cosmopolitanism of the government and the syncretism of the official culture came later. Multiethnic cities serve as indicators of such historical changes within the framework of our subject.

A further stage in the inevitable internationalization of urban culture was revealed by the archaeological excavations of Suyab (the site of Aq-Beshim in Kyrgyzstan)—one of the major centers along the Great Silk Road that linked Asia to Europe (Part 2, Chapter 3). The capital of the West Turkic Khanate embraced within the confines of the city not only population groups speaking several languages but also the main world religions of the time. A specific sacred space formed around the densely populated center—a space that was common as regards the city and divided as regards each of its religions. This new feature of urban architectural design found its expression in the concentration of temples and graveyards of each religion within a certain part of Suyab that was firmly associated with spatial orientation. Thus Zoroastrianism occupied the Northern part of the khanate's capital, Buddhism held its Southern portion, Christianity and Manichaeism settled, respectively, in its Eastern and Western outskirts.

Such was the general picture of historical development of the increasingly complex urban culture of North and Innermost Asia, which was obtained via archaeological research in combination with the study of relevant historical records. The cities of this region underwent a long evolution from local tribal centers to hubs of universal culture.

This book, for the first time, creates a generalized line of the common urbanization process that embraced a huge part of the Eurasian continent. This outline has to be fleshed out for individual epochs, lands and countries. A detailed comparison with the peculiarities of development of other parts of the civilized world must be our further objective.

Содержание

Предисловие.....	3
Часть I	
Письменные известия о древних городах Сибири	
Введение	9
Глава 1. О понятии «город» в древности и средневековье.....	16
Глава 2. Античные и средневековые восточные источники	23
1. Роль античной традиции в формировании представлений о благословенном городе в центре Азии	23
2. Города Северной Азии в средневековой традиции восточных географов	29
Глава 3. Средневековые европейские известия.....	39
1. Самобытные города и крепости Сибири в свете русских источников XII–XVII вв.	39
2. Сведения западноевропейских путешественников XII–XVII вв. о Сибири и ее древних городах	72
Глава 4. Память сибирских аборигенов и данные науки XVIII–XIX вв.	80
1. Древние города по данным этнографии, языка и фольклора коренных народов Сибири	80
2. Историческая наука XVIII–XIX вв. о древнесибирских городах	85
Заключение.....	102
Часть II	
Археологические исследования	
Глава 1. Первогорода древней Сибири. Бронзовый и ранний железный века.....	111
1. Эпоха неолита	112
2. «Жилые стены» эпохи бронзы	114
3. Глинобитные протогорода	117
4. Первогорода Северного и Центрального Казахстана	132
5. Ранний железный век	134
6. «Страна городов» и письменные источники	140
Глава 2. Города гуннов.....	142
1. Города центральноазиатских гуннов	142
2. Гуннские города и поселения в Западном Забайкалье	149
3. О хронологии гуннских памятников	157
Глава 3. Город и дворец гуннского наместника Саяно-Алтайского нагорья.....	160
1. Ташебинский городок	162
2. Дворцовое здание	174
3. Датировка дворца и его владелец	204
Глава 4. Тюрко-согдийский город Суяб — столица Западнотюркского каганата	219
1. Археологические основания отождествления Ак-Бешима с Суябом	219
2. Город и его раскопки	226
3. Раскопки буддийского храма (объект I).....	235
4. Манихейский погребальный комплекс (объект III)	314
5. Христианская церковь и кладбище (объект IV)	322
6. Руины «башни молчания» VI–VII вв. (объект V).....	330
7. Сакральное пространство города Суяба	343
Приложение. Список монет по объектам Ак-Бешима	347
Заключение	351
Список сокращений	355
Summary.....	357

